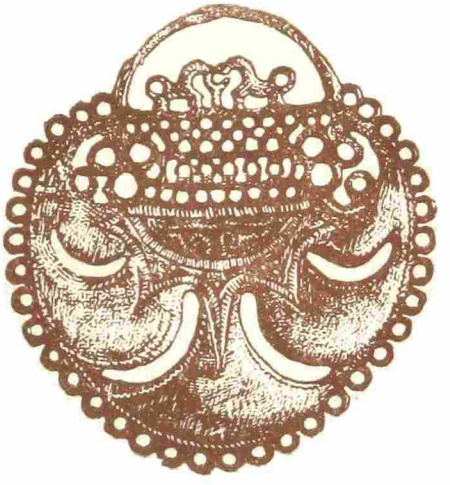
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1986

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р. М. (Москва). Некоторые итоги и перспективы развития советской археологической науки в свете решений XXVII съезда КПСС 5
Шелов Д. Б. (Москва). К методике полевых археологических исследований (новая инструкция к Открытым листам) 10
Шумкин В. Я. (Ленинград). Мезолит Кольского полуострова 15
Сарианиди В. И. (Москва). Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э. . . . 34
Черняков И. Т., Ванчугов В. П., Кушнир В. Г. (Киев, Одесса). Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья 47
Матвеев А. В. (Тюмень). Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры 56
Мозолевский Б. Н. (Киев). К вопросу о скифском Герросе 70
Савостина Е. А. (Москва). Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора 84
Вайткунскене Л. (Вильнюс). К изучению культа коня в Литве V–VI вв. . . 100
Моргунов Ю. Ю. (Москва). Круглые городища Левобережья Днепра 110
Вагнер Г. К. (Москва). О восстановлении В. Д. Ермолиным Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1471 г. 122

Публикации

Гершкович Я. П. (Киев). Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики 132
Моруженко А. А., Усачук А. Н. (Донецк, Ворошиловград). Погребения эпохи поздней бронзы в бассейне Ворсклы 146
Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. (Харьков). К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии 156

© Издательство «Наука»
«Советская археология», 1986 г.

Мирошина Т. В. (Москва). Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией 170
Васюткин С. М. (Элиста). Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии 180
Дзаттиаты Р. Г. (Цхинвали). Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) 198
Овсянников О. В., Рябинин Е. А. (Ленинград). Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в бассейне озера Лача 210
Буров В. А. (Москва). Заметки о новгородских берестяных грамотах XIV–XV вв. (по материалам Неревского раскопа) 217

Заметки

Дремов И. И., Кузнецова Л. В. (Саратов, Ленинград). Соленый овраг – первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье 224
Ильюков Л. С. (Ростов-на-Дону). Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья 226
Андреева М. В. (Москва). Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья 231
Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. (Симферополь). Курган скифского времени в Северном Крыму 235
Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В. (Киев). Ларец из кургана Огуз 241
Булыгина Т. Н. (Москва). Новые находки египетских изделий в Фергане . . 247
Полубояринова М. Д. (Москва). Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара 254

Критика и библиография

Петрухин В. Я. (Москва). Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte des Ostseevölker. Berlin, 1982 261
Кулаков В. И., Пронин Г. Н. (Москва). Археологическое исследование Новгородской земли. Межвузовский сборник. Л., 1984 268

Хроника

Архипов Н. Д. (Якутск). Археологические исследования Б. Э. Петри в Прибайкалье 273
Васильков Я. В., Кирчо Л. Б. (Ленинград). Второй советско-индийский симпозиум по археологии Средней Азии и Индии (Ашхабад, 1984) 278
Зализняк Л. Л., Шульженко М. А. (Киев). Археологическая конференция, посвященная 50-летию образования Института археологии Академии наук УССР (Киев, 1984) 280
Даркевич В. П., Плетнева С. А. (Москва). Памяти Анатолия Константиновича Амброза 284

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1986

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Munchaev R. M. (Moscow). Some Results and Perspectives of Soviet Archaeological Studies in Connection with the 27th Congress of the CPSU 5
Shelov D. B. (Moscow). On the Methodology of Field Archaeological Investigations (New Instructions of *Otkryty list*) 10
Shumkin V. Ya. (Leningrad). The Mesolithic of the Kola Peninsula 15
Sarianidi V. I. (Moscow). Mesopotamia and Bactria in the 2nd Millennium B. C. 34
Chernyakov I. T., Vanchugov V. P., Kushnir V. G. (Kiev, Odessa). The Earliest Bronze Arrowheads in the Northern Pontic Area 47
Matveyev A. V. (Tyumen). Some Results and Problems of the Study of the Irmen Culture 56
Mozolevsky B. N. (Kiev). On the Scythian Gerrhus 70
Savostina E. A. (Moscow). Typology and Periodisation of Ledged Burial Chambers 84
Vaitkunskene L. (Vilnius). Horse Cult in Lithuania in the 5th-6th Centuries . . 100
Morgunov Yu. Yu. (Moscow). Circular Fortified Settlements on the Left Bank of the Dnieper 110
Vagner G. K. (Moscow). Concerning Vasily Ermolin's Reconstruction of St. Georges' Cathedral in Yuriev-Polsky in 1471 122

Publications

Gershkovich Ya. P. (Kiev). Irregularly Shaped Belt-Buckles of the Multiroller Ceramics Culture 132
Moruzhenko A. A., Usachuk A. N. (Donetsk, Voroshilovgrad). Late Bronze Burials in the Vorskla Basin 146
Shramko B. A., Solntsev L. A., Fomin L. D. (Kharkov). On Ironworking in Scythian Steppes 156
Miroshina T. V. (Moscow). Sarmatian Burials Studied by the Stavropol Expedition 170
Vasyutkin S. M. (Elista). The Salikhovo Burial Mound of the Late 4th-5th Centuries in Bashkiria 180
Dzattiaty R. G. (Tskhinvali). An Early Mediaeval Burial Ground at the Edys Village 198
Ovsyannikov O. V., Ryabinin E. A. (Leningrad). New Data on the Culture of the Mediaeval «Chud» Population at Lake Lacha 210
Burov V. A. (Moscow). On 14th-15th-Century Novgorodian Birch-Bark Scrolls 217

Notes

Dremov I. I., Kuznetsova L. V. (Saratov, Leningrad). Soleny Ovrag — the First Palaeolithic Site in the Volga Area near Saratov 224
Ilyukov L. S. (Rostov-on-Don). Burials of Smelters in the North-East of the Azov Region 226
Andreyeva M. B. (Moscow). On a Zoomorphic Figurine 231
Vdovichenko I. I., Koltukhov S. G. (Simferopol). A Scythian Burial Mound in the Northern Crimea 235
Fialko E. E., Boltrik Yu. V. (Kiev). A Casket from the Oguz Barrow 241
Bulygina T. N. (Moscow). New Finds of Egyptian Artifacts in Ferghana 247
Poluboyarinova M. D. (Moscow). Bone Parts on Medieval Armaments of the Horseman and Archer from the Bolgar 254

Book Reviews

Petrukhin V. Ya. (Moscow). Wikinger und Slaven. Zur Frühgeschichte des Ostseevölker. Berlin, 1982 261
Kulakov V. I., Pronin G. N. (Moscow). Archaeological Studies of Novgorodian Lands. Leningrad, 1984 268

Chronicle

Arkhipov N. D. (Yakutsk). B. E. Petri's Archaeological Studies in the Trans-Baikal Area 273
Vasilkov Ya. V., Kircho L. B. (Leningrad). The Second Soviet-Indian Symposium on the Archaeology of Central Asia and India (Ashkhabad, 1984) 278
Zaliznyak L. L., Shulzhenko M. A. (Kiev). An Archaeological Conference Marking the 50th Anniversary of the Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Sciences (Kiev, 1984) 280
Darkevich V. P., Pletneva S. A. (Moscow). In Memory of Anatoly Ambroz . . 284

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.01.86 Подписано к печати 14.03.86 Т-05856 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 95,3 Уч. изд. л. 29,1 Бум. л. 9,0
Тираж 3757 экз. Зак. 2188

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

XXVII КПСС
СЪЕЗД

Р. М. МУНЧАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС

XXVII съезд КПСС, состоявшийся в феврале — марте 1986 г., займет особое место в истории нашей партии и Советского государства. С Политическим докладом Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С.

Съезд одобрил политический курс и практическую деятельность ЦК КПСС, положения, выводы и задачи, содержащиеся в Политическом докладе, и утвердил единогласно новую редакцию Программы КПСС и текст Устава партии с внесенными в него изменениями. Съезд также одобрил Отчет Центральной ревизионной комиссии КПСС, утвердил «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» и избрал центральные органы партии.

Выступая на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев справедливо отмечал, что «предстоящий XXVII съезд КПСС, безусловно станет этапной вехой в развитии страны. Его значение определяется первостепенной важностью выносимых на обсуждение вопросов, характером переживаемого периода, новизной и масштабностью встающих перед обществом задач» [1]. Бесспорно, XXVII съезд КПСС — это огромное событие в жизни нашей страны. Велико и международное значение съезда. Его решения вызвали глубокое удовлетворение советского народа и всего прогрессивного человечества. Перспективы, намеченные партией, знаменуют новый важный рубеж в развитии СССР. Они вдохновляют коммунистов, весь советский народ на новые трудовые свершения, на успешное выполнение и перевыполнение производственных заданий и всех принятых планов.

В Политическом докладе ЦК КПСС и утвержденных съездом «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» глубоко и всесторонне проанализированы итоги развития нашего социалистического государства в XI пятилетке и определены перспективы развития СССР во всех сферах общественной жизни на XII пятилетку и до конца нынешнего столетия.

Принятая съездом Программа партии в новой редакции определяет пути дальнейшего совершенствования социализма и планомерного продвижения нашего общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны. «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года», в которых раскрыта экономическая стратегия партии, являются отражением программных требований КПСС об ускорении экономического роста страны. Главной целью экономической стратегии партии всегда был и остается неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня советского народа, укрепление экономического потенциала и оборонной мощи нашей многонациональной Родины. Осуществление этой высокой цели требует, как подчеркнуто в решениях

[1] Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 25 апреля 1985 года «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением».— Коммунист, 7, 1985, с. 5.

XXVII съезда партии и предшествовавших ему апрельского и октябрьского 1985 года Пленумов ЦК КПСС, ускорения социально-экономического развития страны, всемерной интенсификации и повышения эффективности производства на базе научно-технического прогресса.

В решении поставленных партией задач важнейшая роль отводится XII пятилетке, которая должна стать поворотной на всех направлениях экономического и социального развития страны. Уже с первого года новой пятилетки предстоит значительно усилить темпы научно-технического прогресса, добиться заметной экономии ресурсов и повышения качества продукции, перестройки системы планирования и управления, всего хозяйственного механизма.

Перевод экономики на интенсивный путь развития предполагает осуществление серьезных мероприятий по ее реконструкции и техническому обновлению на основе новейших достижений науки и техники, созданию и внедрению новых технологий. При этом важное значение придается эффективному использованию ресурсов, их рациональной экономии всюду и во всем. Ключевая роль в ускорении научно-технического прогресса в народном хозяйстве отводится развитию машиностроения, его кардинальной перестройке. В переходе экономики к новому качеству развития исключительно большую роль должна сыграть наука, поскольку начатая партией борьба за ускорение научно-технического прогресса может быть обеспечена только успешными научными исследованиями. Чтобы сделать экономику более восприимчивой к научно-техническому прогрессу, необходимо серьезное улучшение управления, хозяйственного механизма в целом. Съезд определил весь комплекс задач на ближайшее пятилетие и на последующее десятилетие, направленных на то, чтобы вывести народное хозяйство нашей страны на передовые рубежи науки, техники и технологии, поднять качество продукции и услуг до уровня лучших отечественных и мировых достижений, обеспечить динамичное и пропорциональное развитие единого народнохозяйственного комплекса страны.

Большие и ответственные задачи поставил XXVII съезд КПСС. В общенародную борьбу за их претворение в жизнь активно включились и коллективы научных учреждений страны, все советские ученые. Они глубоко и всесторонне рассмотрели итоги своей работы в XI пятилетке и, критически проанализировав их в свете современных задач, вытекающих из решений КПСС и Советского правительства, наметили широкие программы исследований во всех областях науки и техники на 1986—1990 годы и до начала будущего века. Советские археологи, как и все ученые нашей страны, активно включились в борьбу за претворение в жизнь намеченных нашей партией планов, за выполнение исторических решений XXVII съезда КПСС. В XI пятилетке большой отряд ученых-археологов, представляющих научные учреждения, высшие учебные заведения и многочисленные музеи страны, осуществил значительный объем полевых и исследовательских работ и тем самым внес немалый вклад в изучение древней и средневековой истории и культуры народов СССР, в разработку ряда фундаментальных проблем исторической науки. Предметом их исследования были такие большие и комплексные проблемы, как происхождение человека и человеческого общества, развитие производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства, переход к классовому обществу и сложение древнейших цивилизаций, закономерности исторического развития, изучение истории и культуры ранее бесписьменных народов и другие. Труды советских археологов получили заслуженное признание. Почти в каждом году минувшей пятилетки (1982, 1983, 1984 и 1985 гг.) Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР они удостаивались высоких Государственных премий. А в 1984 г. за цикл исследований по археологии и истории Новгорода член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин (Московский государственный университет) и доктор исторических наук Б. А. Колчин (Институт археологии АН СССР) получили Ленинскую премию. Кроме того, в 1985 г. группе ученых-археологов присуждена Государственная премия Узбек-

ской ССР имени А. Беруни в области науки и техники, а ряд сотрудников Института археологии АН СССР удостоены золотой, серебряных и бронзовой медалей ВДНХ СССР.

Большой объем научно-исследовательских работ в области археологии выполнили в 1981—1985 гг. соответствующие институты Академий наук союзных республик, Сибирского отделения АН СССР и Институт археологии АН СССР, являющийся головным археологическим учреждением страны. Основной задачей коллектива Института археологии АН СССР, включая его Ленинградское отделение, в XI пятилетке являлась подготовка впервые осуществляемого в науке фундаментального труда — двадцатитомной «Археологии СССР». Работа по его написанию ведется институтом с привлечением ученых из академий наук союзных республик, ряда вузов и музеев страны. В 1981—1985 гг. издательством «Наука» опубликованы уже семь томов этого капитального издания, рассчитанного на специалистов и широкий круг научной общественности: «Палеолит СССР», «Энеолит СССР», «Античные государства Северного Причерноморья», «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии», «Степи Евразии в эпоху средневековья», «Восточные славяне в VI—XIII вв.» и «Древняя Русь. Город. Замок. Село». В первом году XII пятилетки выйдут из печати еще два тома «Археологии СССР». В этих трудах на уровне достижений современной науки обобщены обширные по количеству и разнообразию археологические материалы. Изданные тома «Археологии СССР» привлекли к себе широкое внимание научной общественности и получили признание как в нашей стране, так и за рубежом. В этой связи нельзя не подчеркнуть, что в 1984 г. заведующему сектором Института археологии АН СССР В. В. Седову была присуждена Государственная премия СССР за его труд «Восточные славяне в VI—XIII вв.», изданный как отдельный том «Археологии СССР».

В XI пятилетке только Институт археологии АН СССР опубликовал более 2000 печатных листов научных трудов (монографии, сборники и статьи). Кроме отмеченных томов «Археологии СССР», изданы крупные исследования, в том числе монографии: «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.», «Земля вятичей», «Русское зодчество X—XIII вв.», «Кочевники средневековья (поиски исторических закономерностей)», «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии», «Технология древнейших производств», «Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы», «Западая Сибирь в древности», «Бронзовый век лесостепного Притоболья» и другие.

Институт археологии АН СССР и ряд других научных центров продолжали важную работу по составлению «Свода памятников истории и культуры» отдельных республик, краев и областей Советского Союза. Подготовленные, в частности, коллективом Института археологии АН СССР «Своды» по ряду областей РСФСР будут опубликованы в XII пятилетке.

Огромен объем полевых археологических исследований, выполненных советскими учеными в 1981—1985 гг. Ежегодно на необъятных просторах нашей страны работало более 600 археологических экспедиций и отрядов. При этом преимущественное внимание было уделено охранным раскопкам, т. е. исследованию археологических памятников в зонах народнохозяйственного строительства. Только Институт археологии АН СССР организовывал ежегодно более 100 экспедиций и отрядов, выполнив за пятилетку хоздоговорных работ более чем на 3 млн. руб. Экспедиции института успешно работали и за рубежом — в Болгарии, Венгрии, Монголии, Ираке, Колумбии, Норвегии (Шпицберген) и Народной Демократической Республике Йемен. Выдающееся значение имеют результаты работ в Южном Йемене, где впервые открыты и исследованы памятники нижнего палеолита и среди них относящиеся к олдувайскому времени, т. е. наиболее раннему периоду человеческой культуры. Эти работы будут продолжаться и, несомненно, приведут к новым открытиям, которые лягут в основу большого монографического труда «Каменный век Аравии», подготавливаемого в Институте археологии АН СССР.

Координации работ советских археологов бесспорно способствовали проведенные в XI пятилетке всесоюзные и региональные конференции. Так, в различных городах страны успешно прошли в 1981, 1983 и 1985 гг. традиционные всесоюзные совещания археологов. Последнее из них, состоявшееся весной 1985 г. в г. Баку, было посвящено достижениям советской археологии в XI пятилетке. Институт археологии АН СССР и Институт археологии АН УССР являлись организаторами Пятого Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985 г.). Советские археологи приняли также активное участие в I Международном конгрессе по болгаристике (София, 1981), в IX Международном съезде славистов (Киев, 1983 г.), Международном конгрессе финноугроведов (Сыктывкар, 1985 г.), советско-финляндских семинарах (Ленинград — 1981 г.; Хельсинки — 1983 г.), советско-американских симпозиумах по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии (Кембридж — 1981 г.; Самарканд — 1983 г.), советско-индийских симпозиумах по археологии Индостана и Средней Азии (Аллахабад — 1982 г.; Ашхабад — 1984 г.) и советско-французских симпозиумах по археологии Центральной Азии (Душанбе — 1983 г.; Париж — 1985 г.).

Углублению теоретических разработок в археологии способствовали активно и систематически функционировавшие в Институте археологии АН СССР и других научных и учебных центрах страны методологические семинары. Важным событием явилось создание в 1985 г. в головном археологическом учреждении — ИА АН СССР специального подразделения — сектора теории и методики археологии, призванного расширять и координировать исследования в области теории и методики советской археологической науки.

Обширны и разнообразны планы советских археологов на XII пятилетку и на более длительный период. Они проникнуты идеями решений XXVII съезда КПСС. Так, утвержденный комплексный план научно-технического и социального развития Института археологии АН СССР на 1986—1990 годы включает выполнение значительной программы научных исследований с учетом современных требований партии и правительства. При этом особое внимание уделено вопросам повышения научного уровня и эффективности полевых и исследовательских работ. Интенсификации деятельности будут способствовать четкое планирование всех работ по каждому году XII пятилетки и на перспективу до 2000 года, развертывание работы по созданию научно обоснованного машинного банка данных по археологии и использованию компьютерной техники в исследованиях вообще, совершенствование структуры научных подразделений института, претворение в жизнь Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 мая 1985 г. «О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности», всестороннее использование внутренних резервов для выполнения планов, усиление координационной деятельности, строгий контроль за выполнением поставленных задач, укрепление в коллективе порядка, трудовой и производственной дисциплины.

Основным направлением научной деятельности Института археологии АН СССР остается изучение археологии, истории и культуры докапиталистических обществ. В XII пятилетке, в частности, предполагается завершить подготовку и издание почти всех томов «Археологии СССР». В XII пятилетке и в дальнейшем главные усилия коллектива Института археологии АН СССР будут сосредоточены на решении важнейших проблем, обозначенных в комплексных программах Отделения истории АН СССР. Среди них: древнейшая и древняя история всех народов СССР; история первобытного искусства; эволюция первобытных верований и их место в системе мировых религий; этногенез народов СССР; переход от присваивающего к производящему хозяйству; формы перехода к классовому обществу и критика буржуазных теорий плюрализма. Намечается разработка таких сквозных тем, как история земледелия, история торговли, история поселений, история транспорта и т. п.

Изучение многих из этих проблем и тем будет вестись в сотрудничестве с историками, этнографами и представителями других смежных дисциплин. Мы продолжим подготовку и издание «Сводов памятников истории и культуры» и «Свода археологических источников» СССР. В XII пятилетке Институт археологии АН СССР предполагает приступить к созданию археологической энциклопедии.

Советские археологи планируют выполнить в 1986—1990 гг. и в последующие годы большой объем полевых археологических работ на территории СССР, а также за рубежами нашей страны. На нас возложена ответственная и вместе с тем почетная задача по спасению памятников истории и культуры. В связи с постоянно возрастающим объемом народнохозяйственного строительства с каждым годом резко увеличиваются и масштабы охранных работ на археологических объектах. Состоявшийся в октябре 1984 г. Пленум ЦК КПСС принял, как известно, обширную программу развертывания в стране мелиоративных работ, рассчитанную до 2000 года. Выполнение этой программы и тех задач в ее развитие, который поставил XXVII съезд КПСС, позволит обеспечить высокоразвитое и устойчивое сельскохозяйственное производство в стране. Известно, что в зонах сооружения магистральных каналов и многочисленных оросительных систем, на огромных площадях мелиорируемых земель расположено значительное количество археологических памятников. И наши задачи в связи с этим сводятся к тому, чтобы в соответствии с Законом СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» произвести с необходимой полнотой их фиксацию и исследование, причем сделать это следует в установленные сроки и тем самым внести свой вклад в осуществление намеченной партией широкомасштабной и долговременной программы мелиорации земель в нашей стране. Институтом археологии АН СССР составлены планы экспедиционных работ в зонах мелиоративного строительства на XII пятилетку и на период до 2000 года.

Запланированные широкие научные и полевые исследования могут быть успешно выполнены, если будут скоординированы усилия всех коллективов советских археологов. Поэтому вопросам координации археологических исследований следует уделить самое серьезное внимание, прежде всего Институту археологии АН СССР как головному археологическому учреждению страны.

Коллектив советских археологов, как и все советские ученые, горячо поддерживает решения XXVII съезда КПСС и полон решимости выполнить ответственные задачи, поставленные Коммунистической партией перед советской наукой.

Д. Б. ШЕЛОВ

К МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(новая инструкция к Открытым листам)

В конце 1984 г. Институт археологии АН СССР разработал и опубликовал новую инструкцию к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок[1]. Эта инструкция, являющаяся обязательным нормативным документом, тогда же была разослана всем археологам, получающим Открытые листы в Институте археологии, а также во все археологические центры союзных республик. С 1985 г. Отдел полевых исследований ИА АН СССР требует от всех археологов проведения полевых работ и представления отчетов в строгом соответствии с правилами новой инструкции.

На первый взгляд новая инструкция мало отличается от ранее действовавшей, так как в ней сохраняются все основные положения и требования старой инструкции. Но в нее внесены и некоторые новые пункты, изменения или уточнения, имеющие иногда немалое значение. В большинстве случаев они связаны с заботой об охране археологических памятников в процессе археологических исследований, введение их в качестве обязательных требований вызвано тревожным состоянием этой стороны деятельности многих археологических экспедиций. Мы хотели бы прокомментировать здесь эти новые положения инструкции к Открытым листам.

Нам уже приходилось писать о том небывалом размахе, который приобрела полевая археологическая деятельность в нашей стране за последние годы. Этот размах вызван, с одной стороны, все растущими потребностями срочного исследования памятников, попадающих в зоны народнохозяйственного строительства и подлежащих уничтожению в ходе этого строительства, а с другой — развитием самой археологической науки, быстрым ростом кадров археологов-полевиков, созданием во многих городах собственных археологических центров и школ, ведущих в больших масштабах разведочные и раскопочные работы.

Каждый полевой сезон в стране археологические разведки и раскопки проводят многие сотни экспедиций и отрядов, в сферу деятельности которых попадают даже не тысячи, а десятки тысяч разнообразных археологических памятников. Большая часть их в процессе этих работ подвергается шурфовке, разведочным или стационарным раскопкам и тем самым частично или полностью уничтожается. Таким образом, полевая деятельность археологов, направленная на изучение и спасение памятников, сама таит в себе угрозу уничтожения или порчи многих археологических объектов и требует разумной регулировки в интересах их охраны. Именно этими интересами и продиктовано большинство поправок и дополнений, введенных в новую инструкцию к Открытым листам.

Забота о сохранении памятников археологии должна проявляться уже на стадии планирования полевых работ. Раскопкам должны подвергаться лишь те объекты, изучение которых совершенно необходимо для решения значительных научно-исследовательских задач, или те, существованию или целостности которых возникают реальные угрозы и которые должны

[1] Инструкция к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР. М.: Наука, 1984.

быть раскопаны в охранных целях. Никакие другие причины, в том числе и стремление пополнить новыми находками коллекции музеев или желание провести на этих раскопках производственную практику студентов, сами по себе не могут служить достаточной причиной для разрушения археологических памятников раскопками. Отдел полевых исследований считает нецелесообразными раскопки курганов, намечаемые некоторыми музеями только с целью пополнения экспозиции новыми экспонатами (заявки на 1985 г. Подольского, Тихвинского и других музеев). Столь же необоснованно желание Загорского музея-заповедника провести раскопки валов древнего Радонежа для создания экспозиционного макета этого поселения. Во всех таких случаях Открытые листы не выдаются.

Отдел полевых исследований настойчиво требует от учреждений, планирующих археологические разведки и раскопки, представления развернутых заявок с обоснованием необходимости проведения предполагаемых работ. Это требование отражено и в инструкции (§ 10), но, к сожалению, еще не все учреждения его выполняют, чем весьма затрудняют работу по выдаче Открытых листов. Иногда характер проводимых работ не соответствует задачам, выдвинутым перед экспедицией. Так, в 1984 г. археолог Тюменского университета Н. П. Матвеева вела исследование ряда памятников с целью подготовки археологической карты Тюменской обл. Но совершенно непонятно, зачем при этом понадобилось производить раскопки на нескольких городищах, культурно-хронологическая принадлежность которых была уже ранее установлена либо самой Н. П. Матвеевой, либо другими исследователями. Очень важно заранее четко определить задачи предполагаемых полевых исследований и вести работы строго в соответствии с этими задачами.

Необходимо резко повысить ответственность научных учреждений как за планирование, так и за качество полевых работ и за своевременное представление отчетов об этих работах. С этой целью предпринимаются разные меры. Согласно новой инструкции, Открытые листы выдаются только по обоснованным заявкам специализированных научных или реставрационных учреждений, музеев и организаций, связанных с охраной памятников (§ 1). Выдача Открытых листов по заявкам других учреждений, в том числе школ, туристских станций и т. п., теперь не производится. Несколько усложнен допуск к археологическим исследованиям памятников истории, архитектуры, градостроительства, монументального искусства: для таких исследований необходим не только Открытый лист, выдаваемый Институтом археологии, но и специальная виза государственного органа охраны памятников (§ 3). В заявке обязательно должно быть указано, с какой целью и в каких объемах предполагается вести разведки и особенно раскопки археологических памятников.

В инструкцию введен специальный пункт об ответственности учреждений, запрашивающих Открытый лист, за качество выполнения указанных в листе работ, за своевременность представления, полноту и качество научной отчетности о работах (§ 8). Ранее Отдел полевых исследований имел дело преимущественно с конкретными исполнителями — держателями Открытого листа. Теперь Отдел обязательно сообщает руководству института, университета, музея и т. п. обо всех случаях неудовлетворительного ведения работ или подачи некачественного отчета о работах сотрудником учреждения. Эта практика требует дополнительных усилий от Отдела полевых исследований (ОПИ), но она должна благотворно отразиться на повышении ответственности за качество полевых работ и конкретных исполнителей и учреждений в целом.

Работники некоторых университетов и научных учреждений (например, удмуртские и сыктывкарские археологи) присылают полевые отчеты не только за своей подписью, но и с визой заведующего сектором или кафедрой, проректора и т. д. Такая практика имеет глубокий смысл, если, конечно, она не заключается в простой формальности подписывания отчета старшим начальником и если отсылке отчета в ОПИ предшествуют его рецензирование и обсуждение на кафедре или в сек-

торе. Отдел полевых исследований не требует обязательного проведения подобной процедуры, но она весьма желательна, особенно в коллективах, где имеется значительное число самостоятельно работающих археологов и где такое обсуждение, несомненно, будет способствовать повышению общего уровня полевых работ, повышению профессиональной квалификации археологов и возрастанию чувства ответственности у каждого работника и у коллектива в целом.

При выборе для раскопок конкретных объектов или участков необходимо учитывать интересы сохранения исследуемых памятников. Иногда исследователь, приступая к раскопкам, например, какой-нибудь курганной группы, раскапывает прежде всего не те курганы, которые распахиваются или иным образом разрушаются и которым грозит скорое уничтожение, а те, которым ничто не угрожает, но которые сохранили насыпь в нетронутом виде и представляют поэтому более благодатный объект для изучения. Именно так поступил, например, в 1984 г. Е. В. Бодунов, раскопав с разведывательными целями лучше всего сохранившийся курган в центре курганной группы Васильки I в Калининской обл. И при раскопке поселений некоторые археологи выбирают для исследования не наиболее угрожаемые, а наиболее сохранившиеся участки, не задумываясь над дальнейшей судьбой разрушающегося памятника. Примером могут служить хотя бы раскопки томской экспедиции Л. М. Плетневой на городище Иванушкина гора, которыми были охвачены хорошо сохранившиеся северные участки памятника, тогда как южная часть городища, размываемая водохранилищем, была оставлена без внимания. Между тем совершенно ясно, что на городище, культурный слой которого подмывается и обрушивается в море или озеро, следует прежде всего вести раскопки в полосе, прилегающей к обрыву, которая в скором времени будет уничтожена прибойной абразией. И наоборот, нежелательна закладка раскопов на неповрежденных крутых склонах памятника, так как она неизбежно будет способствовать размыванию склонов и образованию оврагов. Вообще, при планировании работ на памятнике следует постоянно думать о том, чтобы нанести ему минимальный вред и в наибольшей степени способствовать его дальнейшей сохранности. Инструкция обязывает исследователей учитывать интересы сохранности памятника и «отдавать предпочтение раскопкам тех участков, которым в наибольшей степени угрожает повреждение или уничтожение в результате природных процессов или хозяйственной деятельности людей» (§ 33).

Методические приемы полевой разведочной и раскопочной работы, выработанные советской археологической наукой и применяемые во всех экспедициях, остаются неизменными, и в новой инструкции сохранены почти все прежние требования и рекомендации, внесены лишь некоторые уточнения и дополнения, направленные главным образом опять-таки на обеспечение лучшей сохранности памятников.

Широко распространившаяся практика раскопок курганных насыпей при помощи скреперов и других землеройных механизмов заставила внести в инструкцию особый параграф, регулирующий применение этой техники при раскопках курганных и грунтовых могильников (§ 39). Естественно, что при раскопках поселений или других памятников, имеющих культурный слой, землеройные машины могут применяться только для ведения балластных работ.

Наиболее значительные ограничения, вводимые новой инструкцией, касаются разведочных шурфовочных работ. Не секрет, что многие археологи, попав на новый для них памятник, стремятся обследовать его путем закладки большой серии шурфов или разведочных траншей. Этот метод кажется довольно рациональным, поскольку он позволяет без значительной затраты сил, времени и средств все же получить какое-то представление о памятнике. Однако он имеет и другую, резко отрицательную сторону. Даже большое число шурфов не может дать сколько-нибудь полного представления о характере памятника, о его планировке, сооружениях, составе находок и т. д. В то же время шурфы нарушают целостность культурного слоя и сооружений, чрезвычайно

затрудняют дальнейшее стационарное исследование памятника, в огромной степени способствуют быстрому его разрушению. Поэтому ОПИ ведет решительную борьбу с любителями обильной и бездумной шурфовки. К сожалению, некоторые археологи не понимают, какой вред они наносят памятникам, закладывая на поселениях большие серии шурфов. Так, Н. К. Стефанова из Уральского университета заложила в 1984 г. девять шурфов на одном поселении Саргатка I в Западной Сибири, злоупотреблял шурфовкой при разведках в Кировской области Л. Д. Макаров и т. д. К шурфовке следует прибегать лишь в тех случаях, когда это представляется совершенно необходимым для получения самой первичной информации о датировке памятника, о мощности культурного слоя и т. п. Да и во всех этих случаях лучше не шурфовать объект, а ограничиться зачистками имеющихся обнажений: обрывов, стенок котлованов и ям и т. п. Недопустима закладка большого числа шурфов на одном памятнике. Инструкция предусматривает разбивку не более трех шурфов, общая площадь которых не должна превышать 20 м² (§ 24). Но это максимум, а на практике надо стремиться к еще большему ограничению шурфовки или, еще лучше, к полному ее исключению. С другой стороны, если уж шурфы применяются, они должны иметь размеры, достаточные для ясного прочтения культурного слоя. Запрещена закладка так называемых «закопушек» и шурфов площадью менее 1 м² (§ 25).

Тем же целям охраны памятников от действий не слишком умелых археологов отвечают и некоторые другие перечисленные в инструкции запреты. Воспрещается вскрытие почвы в разведывательных целях на памятниках, ранее уже подвергавшихся раскопкам и достаточно известных (§ 21), закладка шурфов на жилищных впадинах, древних погребениях и других объектах, визуально прослеживающихся на поверхности (§ 26).

Не меньший вред, чем бездумная шурфовка, наносят памятникам беспорядочные исследования при помощи многих отдельных небольших раскопов, разбросанных по территории памятника, иногда близко расположенных, но не примыкающих друг к другу, что неизбежно ведет к разрушению и утрате оставшихся между ними неисследованных участков. Можно назвать сотни городищ и селищ, изрытых и безнадежно испорченных такими точечными раскопами. Приведем в качестве примеров известное Камаевское городище (Старая Казань) в Татарской АССР или 2-е Чашкинское селище в Пермской обл., на котором всего за два полевых сезона археологами Ю. А. Поляковым и А. М. Белавиным были заложены восемь отдельных раскопов и траншей и довольно большая серия шурфов. Интересы сохранения памятников требуют, чтобы число раскопов на них было минимальным и чтобы расширение раскапываемой площади в процессе многолетних стационарных исследований велось преимущественно путем прирезок к уже существующим раскопам. Запрещается оставлять между раскопами незначительные участки или полосы невскрытого культурного слоя (§ 35). При необходимости закладки нескольких раскопов в разных местах памятника рекомендуется разбивать их по единой координатной сетке и стремиться к последующему слиянию их в один раскоп (§ 35).

Решительно запрещается закладка небольших раскопов над отдельными объектами, видимыми на поверхности: жилищными западинами, погребениями, жилыми площадками и т. п. Все такие объекты должны входить в границы общего раскопа, охватывающего и пространство между ними (§ 34). Соблазн более легких раскопок толкает некоторых археологов к нарушению этого правила и к разбивке раскопов над отдельными жилищами. В 1984 г. так пытались копать В. А. Семенов в Коми АССР, В. В. Никитин в Марийской АССР, В. А. Лопатин в Пензенской обл., В. В. Стоколос в Архангельской, Н. П. Матвеева в Тюменской обл. Полевая деятельность Н. П. Матвеевой, не только закладывавшей раскопы и шурфы на жилищных западинах, но и проложившей на двух городищах длинные и узкие траншеи, отличалась такой безжалостностью и агрессивностью по отношению к памятникам, что

Отдел полевых исследований счел нужным резко ограничить ее полевые работы.

Следует обратить внимание еще на одну сторону полевой деятельности археологов, тоже тесно связанную с вопросами охраны памятников. Речь идет об обязанности исследователя после окончания раскопок засыпать вскрытые участки с целью предупреждения быстрого разрушения окружающего культурного слоя. Это требование содержалось и в прежней инструкции, но оно далеко не всегда выполнялось производителями работ. Новая инструкция более жестко подчеркивает обязательность засыпки всех раскопов и шурфов, если только на них не производятся охранно-консервационные мероприятия (§ 29, 55). Засыпка раскопов, удаление отвалов грунта, восстановление почвенного слоя имеют целью не только предотвращение разрушения памятника, но и восстановление экологической ситуации, естественного ландшафта.

Остальные вновь включенные в инструкцию пункты призваны подчеркнуть необходимость и обязательность некоторых действий археологов по всесторонней фиксации вскрываемых раскопками объектов, особенно тех действий, о которых исследователи нередко забывают, обедняя тем самым свои полевые отчеты и допуская утрату значительной части ценной научной информации. Таковы, например, обязательная нивелировка как поверхности раскопов или курганов, так и всех встречаемых при раскопках объектов — сооружений, погребений, скоплений керамики или орудий, уровней полов, ям, очагов и пр., а также всех важнейших находок (§ 47). Таковы и планиграфическая фиксация находок в шурфах и раскопах, и составление стратиграфических профилей всех раскопов, шурфов, зачисток (§ 28, 40), и фотографирование всех открытых памятников, вскрытых раскопками объектов, и самого процесса раскопок (§ 19, 50).

Таким образом, те новые положения и требования, о которых говорят иногда, имея в виду новую инструкцию по полевой археологии, не являются по существу новыми. Они лишь более полно, более точно и более жестко формулируют те нормативы, которые разработаны на основе коллективного опыта всех советских археологов и применяются практически всеми советскими исследователями. Можно надеяться, что эта более строгая формулировка правил полевой археологии в соединении с разумной требовательностью и постоянным контролем со стороны соответствующих учреждений будет способствовать дальнейшему совершенствованию всей раскопочной деятельности советских археологов, повышению методического уровня, эффективности, информативности полевых работ и одновременно усилению заботы о сохранении бесценных археологических сокровищ нашей Родины.

D. B. Shelov

ON THE METHODOLOGY OF FIELD ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

New Instructions to *Otkryty list*

Summary

A wide scale of archaeological research in this country has brought to existence new instructions to *otkryty list* (permission to conduct archaeological diggings). The article provides commentary to new additions and changes and points that the new instructions set higher standards for diggings and prospecting and are aimed at raising the level of research work thus protecting archaeological sites.

В. Я. ШУМКИН

МЕЗОЛИТ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1925 г. по инициативе А. Брогера хранителем Национального музея в Осло А. Нуммедалем было начато детальное исследование каменного века на севере Скандинавии (Финмаркен). Эти работы оказались успешными. Основные их результаты, опубликованные в отдельной монографии [1], вызвали большой интерес среди археологов и геологов, так как предложенные автором выводы во многом меняли сложившиеся представления о позднем заселении человеком крайнего севера Европы. Кульминационным моментом многочисленных обсуждений и споров явились отнесение А. Нуммедалем некоторых стоянок на основании их высотного расположения на древних морских террасах и грубости форм материала к «арктическому палеолиту» и датировка их концом плейстоцена.

Работы, начатые А. Нуммедалем, были вскоре продолжены на соседних территориях Я. Бёэ [2], Г. Гьессингом [3], Е. Фрейндтом [4], В. Лухо [5, 6], К. Однером [7, 8], П. Симонсеном [9] и др. В настоящее время эту тематику плодотворно развивают современные норвежские, шведские и финские исследователи, как археологи, так и геологи: А. Хаген [10], Ф. Гаустад [11], А. Сиириайнен [12—15], К. Хелског [16], С. Индрелид [17, 18], И. Броадбент [19] и др.

В 1935 г. по поручению Советской секции INQUA и ГАИМК и по просьбе норвежских и финских исследователей проводилось археологическое обследование п-ова Рыбачий экспедицией под руководством видного геолога Б. Ф. Землякова (в состав экспедиции входили П. Н. Третьяков, Н. Н. Краснов и Е. В. Яковлев) с целью поисков здесь памятников «арктического палеолита», уже известных на территории Северной Норвегии. Работы были продолжены в 1937 г. Результатом их явилось открытие 12 стоянок «арктического палеолита» (впоследствии отнесенных к мезолитической культуре Комса). Материалы изысканий были обобщены в нескольких статьях [20; 21; 22, с. 107—143], в которых на основании изучения высотных отметок была дана относительная хронология памятников п-ова Рыбачий, не утратившая своего значения до настоящего времени.

Исследование мезолитических памятников после длительного перерыва было продолжено экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной в 1965 и в 1969—1982 гг. [23, 24]. В 1969—1975 гг. изучение некоторых стоянок мезолитического времени в южном и центральном районах Кольского полуострова проведено сотрудниками Карельского филиала ИЯЛИ [25; 26, с. 94—160].

В настоящее время известно 72 археологических памятника, относящихся к мезолитическому времени. Они обнаружены на пограничных с Норвегией участках, на п-ове Рыбачий, вдоль северного и северо-восточного берегов Баренцева моря, на терском и кандалакшском берегах Белого моря и во внутренних районах Кольского полуострова (рис. 1). Стоянки расположены, как правило, на высоких морских и речных террасах и занимают сравнительно небольшую площадь. Вследствие суровых климатических условий и слабого процесса почвообразования находки залегают прямо на поверхности и лишь иногда прикрыты тонким слоем (10—12 см) почвы. Изредка удается проследить концентрацию археологического материала в виде округлых пятен диаметром около 3—5 м, что дает возможность предположить наличие у древних обитателей стоянок

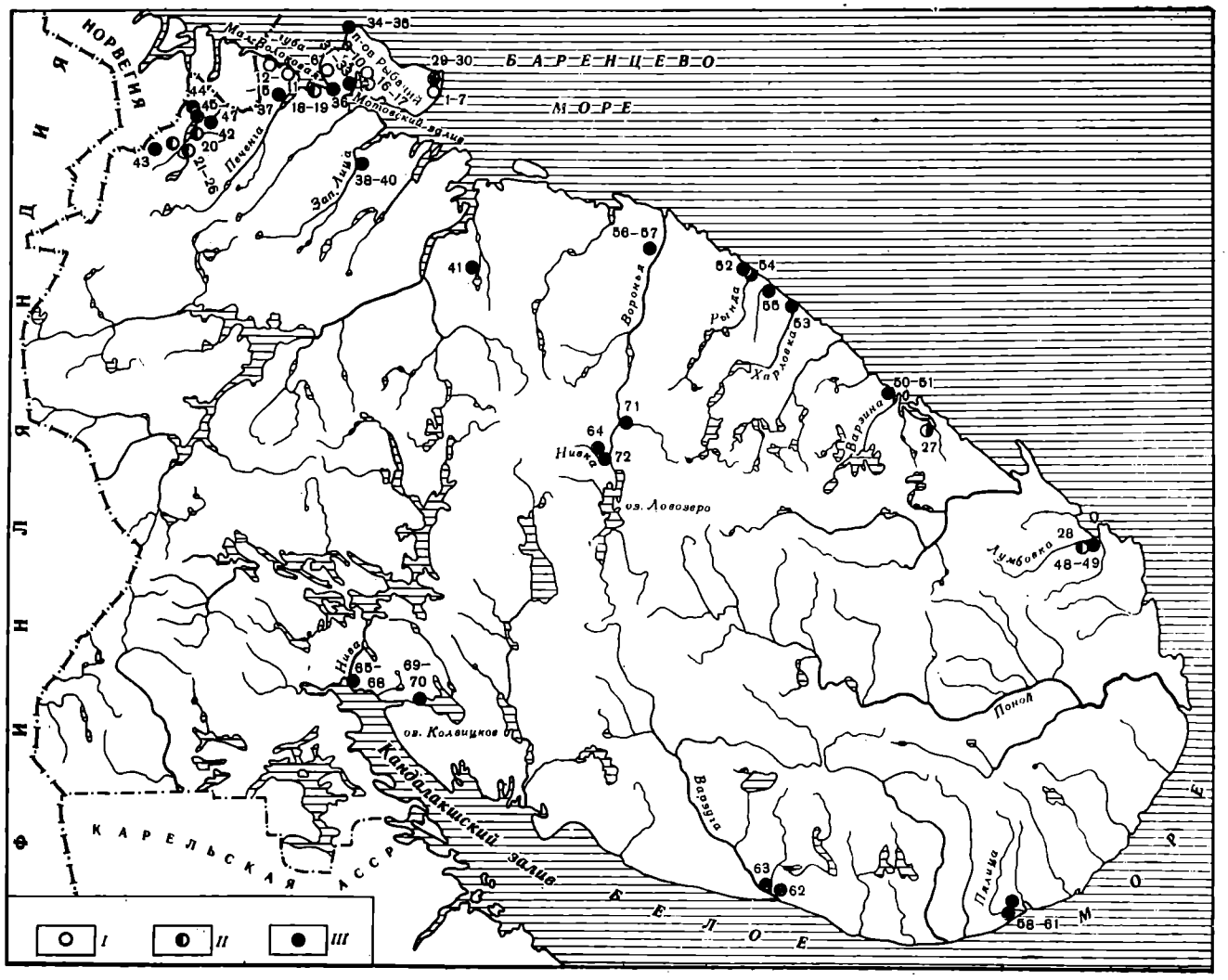


Рис. 1. Карта распространения мезолитических памятников Кольского полуострова. I – ранний этап мезолита (*1–7* – Цип Наволок IV, VI, X[а], XII–XV; *8–10* – Большая Мотка II, VII, XXII[а]; *11* – Растипиеми; *12–15* – Долгая Щель I, I[а], II, II[а]); II – средний этап мезолита (*16*, *17* – Большая Мотка XIX, XXII; *18*, *19* – Амбарная I, II; *20* — Колайоки III; *21—26* — Шуонийоки I—VI; *27* — Черная I; *28* – Лумбовка III); III – поздний этап мезолита (*29*, *30* – Цип Наволок VII, X; *31–33* – Большая Мотка I, VI, XVII; *34*, *35* – Вайда I, II; *36* – Малая Волоковая; *37* – Печенга II; 38–40 – Западная Лица II, III, V; *41* – Каменное озеро II; *42* – Колайоки I; *43* – Патсойоки; *44* – Нялявр; *45–47* – Куэтсявр I–III; *48*, *49* – Лумбовка I, II; *50*, *51* – Морская I, II; *52* – Красная I; *53* – Харловка IX; *54* – Рында XII; *55* – Золотая VI; *56*, *57* – Серебрянская I, III; *58–61* – Пялица I, VIII, XIII, XIV; *62* – Кузомень XXII; *63* – Голые Горы III; *64* – Нивка; *65–68* – Нива XIII, XIV, XVIII, XIX; *69*, *70* – Колвица I, II; *71* – Уйма; *72* – Нивка – могильник)

каркасных жилищ типа чумов. Находки представлены исключительно каменными орудиями и отходами их производства. На 20 стоянках были проведены небольшие раскопочные работы. Общая вскрытая площадь составляет 1482 м². Материалы, полученные путем раскопок, как количественно так и качественно не отличаются в основном от подъемного, так как культурный слой почти всех мезолитических памятников, на которых производились стационарные работы, был неоднократно перевеян еще в древности. Результатом раскопок является обычно получение нескольких сотен или десятков каменных предметов и очень редко остатков очагов. Никаких других свидетельств жилищных или хозяйственных комплексов, за исключением уже отмеченной концентрации материала, проследить не удается [26, с. 94—160]. Сказанное ни в коей мере не предполагает отказа от раскопок мезолитических памятников данной территории, а лишь подчеркивает тот факт, что при создавшихся условиях и результаты сборов, и материалы раскопок могут считаться равноценными археологическими источниками. Следует отметить, что абсолютное большинство (91%) мезолитических памятников дали чистые комплексы этой эпохи, стоянки же со смешанными материалами имеют незначительное количество орудий периода раннего металла. Последние могут быть легко отчленены от основного комплекса.

По сложившейся доброй традиции, идущей со времени пионеров изучения каменного века Кольского полуострова Б. Ф. Землякова и Г. И. Горецкого [22, 27], современные исследования археологических памятников ведутся в тесном контакте с геологами и геоморфологами (в основном сотрудниками Кольского филиала АН СССР). Совместные работы обогащают новыми данными обе науки и способствуют конкретизации этих данных. Так, изучение древних морских террас и определение их возраста помогают разработке археологической хронологии. Без сомнения, использование данных геоморфологии является очень ценным «инструментом», особенно в зонах, где хорошо выражены следы различных регрессий и трансгрессий. Следует только избегать абсолютизации этих данных, доведения их до абсурда, от чего предостерегал еще Б. Ф. Земляков [22, с. 107, 127—130]. Нельзя отождествлять время образования террасы с возрастом расположенных на ней археологических остатков, так как последние могут располагаться не строго на одном уровне, а в пределах какого-то интервала, причем более «строгим» будет здесь нижний высотный предел, тогда как верхний может значительно отклоняться. Если, например, памятники эпохи мезолита располагаются на отметках с разницей, допустим, в несколько метров, то это совершенно не доказывает, что более «низкий» из них является более «молодым». Такой вариант не исключен, но он будет верным только в том случае, если это подтверждается всесторонним и тщательным анализом всех имеющихся данных, и в первую очередь археологического материала. Кроме того, использование высотных данных должно применяться конкретно для каждого узколокального района, и чем он будет уже территориально, тем точнее будут данные [28; 29, с. 132—137].

Кольский полуостров беден окремненными породами, поэтому древнему человеку приходилось изготовлять свои орудия почти исключительно из кварца, который встречается здесь в коренном залегании в виде обломочного материала и гальки повсеместно и в большом количестве. Кость и дерево, которые, без сомнения, широко использовались, дошли до нас в очень редких, исключительных случаях.

Кварц и его разновидности заметно уступают кремню и даже окремненному сланцу по своим качествам. Правда, кварц дает острые сколы и твердый режущий край, но является очень хрупким, сложным в обработке, и из него редко удается получить крупные орудия со значительными по размеру рабочими лезвиями. При выделке орудий всегда образуется большое количество отходов в виде средних и мелких кварцевых отщепов, значительно превышающее количество отходов при обработке кремневых орудий. Форма некоторых орудий, особенно на самых ранних памятниках, не всегда выражена. Обычно использовался подхо-

дящий случайный отщеп. В отличие от кремневых орудий здесь зачастую нельзя определить форму заготовки (отщеп или пластина) и направление ее оси. Поэтому при классификации кварцевого материала приходится отказаться от традиционного для кремневых изделий деления орудий по типу заготовки и соотношению рабочего края и оси заготовки.

В последние годы в специальной шведской и финской литературе стали высказываться мнения о неправомерности сопоставления типов кварцевых и кремневых орудий, поскольку технические свойства этих пород резко различаются [19, с. 48, 49; 30; 31, с. 10—32]. Эти соображения приводились наравне с некоторыми другими при критике типологических разработок и сопоставлений археологического материала ранних памятников Финляндии и позднего палеолита Центральной Европы, проведенных финским археологом В. Лухо [5, 6]. Возражения можно признать вполне справедливыми и обоснованными и полностью присоединиться к мнению о неоправданности подобных сопоставлений. Вместе с тем К. Мейнандером в развитие этой идеи высказывается мнение о невозможности вообще классифицировать кварцевый материал, поскольку в нем очень мало типологизирующих признаков и он по-прежнему остается всего лишь массой «choper and scraper» [31, с. 10—15]. Эти выводы не только далеки от истины, но и вредны в своей основе, поскольку лишают археологию такого мощного собственного метода, как типологический анализ. Вместе с тем изучение кварцевого материала представляет, несомненно, определенные трудности и может успешно проводиться лишь после длительного знакомства с этим сырьем и выявления характерных особенностей раскалывания и способов обработки, которые становятся понятны только на основании работы со значительными по объему коллекциями, содержащими как орудия, так и отходы производства.

В данной работе использовались как традиционные археологические приемы, так и методы статистики и данные четвертичной геологии. При исследовании археологического материала основным методом являлся типологический анализ. Под типологией понимается выделение совокупности типов и вариантов каменных (в данном случае) предметов, учитывающее их сходство и различие, а также связи во времени и пространстве. Тип признается как статистически определяемое устойчивое сочетание признаков, характеризующих основные особенности изучаемого материала [32, с. 12]. Из числа этих особенностей на основании аналитического рассмотрения всех данных и наблюдений было отобрано 10, по нашему мнению, основных типообразующих признаков, охватывающих все разнообразие имеющегося материала: I — форма орудия в целом, II — форма рабочего края, III — расположение рабочего края относительно оси орудия. IV — прием обработки (сколы, ретушь), V — степень обработки периметра орудия, VI — обработка орудия с одной или двух плоскостей, VII — обработка острия или основания, VIII — количество рабочих лезвий, IX — количество площадок, X — размер.

Любой из выделенных типов характеризуется сочетанием минимум двух и максимум шести признаков. При классификации материала были учтены типологические разработки, уже применявшиеся рядом авторов для соседних территорий [8; 19; 33]. Наша классификация, построенная на указанных принципах, позволила выделить следующие категории и типы каменных предметов мезолитических памятников Кольского полуострова.

Нуклеусы (рис. 2, *17—21*) представлены следующими типами: I — призматические (рис. 2, *18*, *19*), обычно некрупных размеров с прямой ударной площадкой, скалывание круговое; по количеству ударных площадок нуклеусы этого типа можно разделить на две разновидности: а) одноплощадочные; б) двухплощадочные (ударные площадки параллельные, скалывание встречное); II — конусовидные (рис. 2, *17*, *20*), характерна одна, обычно прямая ударная площадка, противоположный конец заужен, скалывание круговое; III — аморфные (рис. 2, *21*) нуклеусы имеют бессистемное скалывание, форму самую разнообразную,

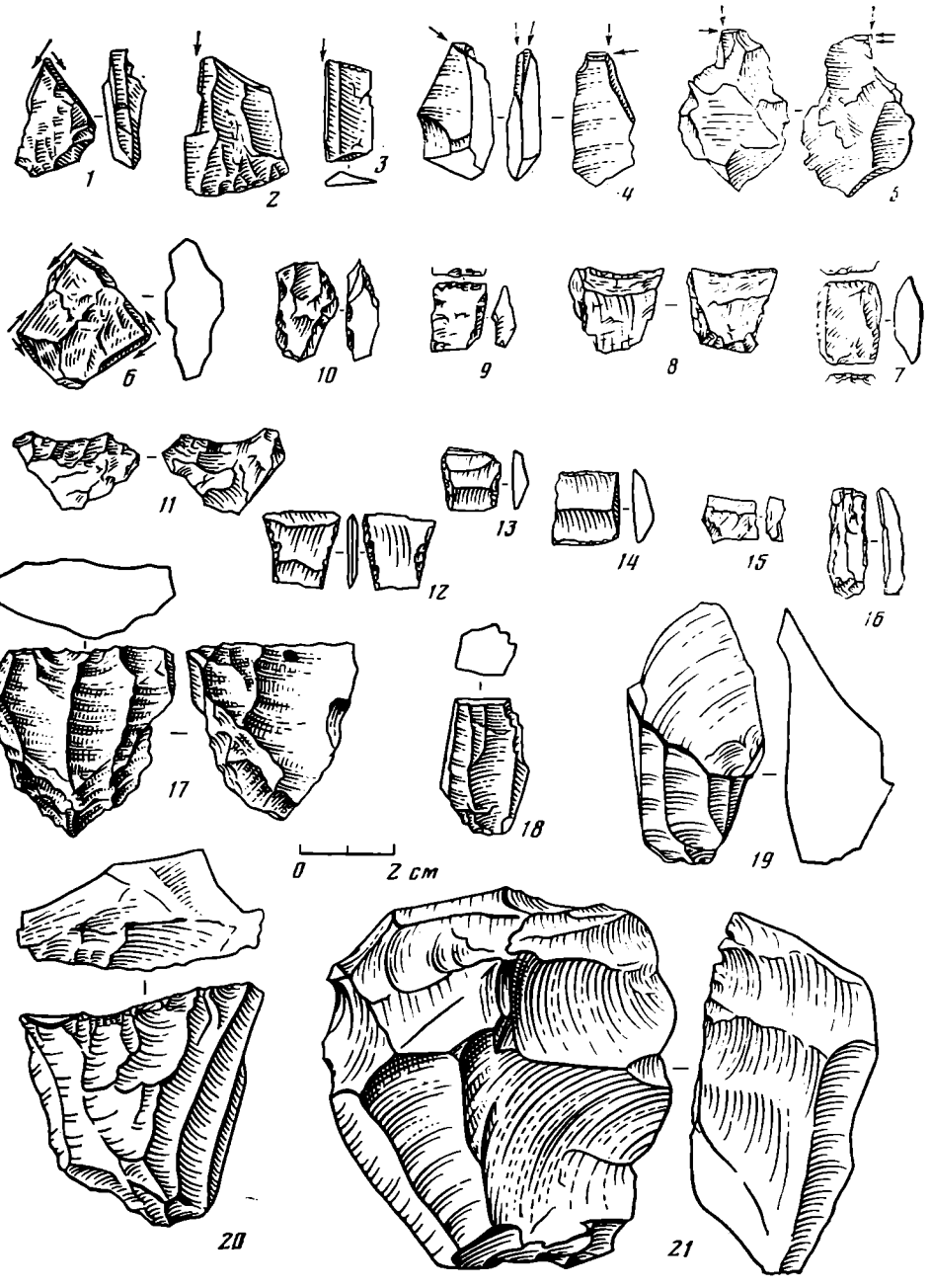


Рис. 2. Основные типы каменных орудий мезолитических памятников. *1–6* – резцы; *7–10* – долотовидные скобели; *11* – скобель; *12–16* – трапеции, сечения и пластинки; *17–21* – нуклеусы (*1–11*, *14–18*, *21* – кварц; *12*, *13* – кремень; *19*, *20* – окремненный сланец). *1*, *10* – Золотая VI; *2*, *3* – Западная Лица V; *8*, *9*, *11* – Пялица VIII; *12* – Пялица I; *15*, *16* – Голые Горы III (поздний этап мезолита); *4* – Шуонийоки I; *5* – Шуонийоки V; *6* – Амбарная I; *13*, *14* – Черная I; *7* – Пялица XIV (средний этап мезолита)

нередко округлую, встречаются довольно крупные экземпляры (до 10—15 см).

Куски. Предметы в большом количестве представлены на памятниках Кольского полуострова. Чаще всего имеют неправильную форму, изредка — один-два скола. Их невозможно с уверенностью отнести к категории нуклеусов, вполне вероятно, они являлись сырьем для них. Во всяком случае эти куски дают определенную информацию об использовании различного сырья на разных памятниках.

Отщепы — самая массовая категория каменных предметов. Характерной ее особенностью является уплощенность формы многих экземпляров, что исходило из вполне объяснимого стремления древних мастеров

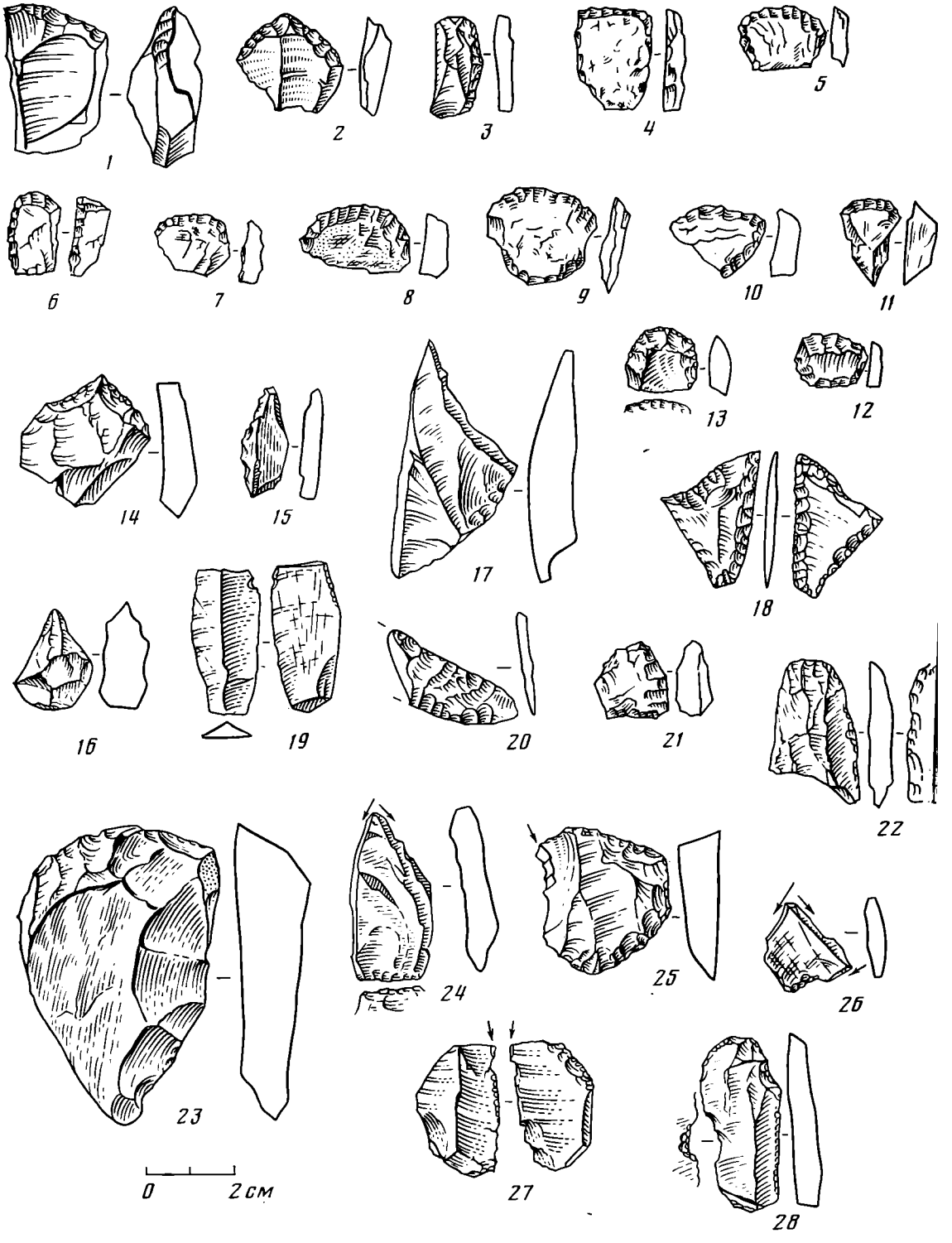


Рис. 3. Основные типы каменных орудий мезолитических памятников. *1–13* – скребки; *14–17* – проколки и сверла; *18–20*, *22* – ножи; *21*, *24–28* – комбинированные орудия; *23* – скребло (*1*, *2*, *14*, *17*, *20*, *25* – окремненный сланец; *3*, *6*, *18* – кремень; *19* – кварцит; *4*, *5*, *7–13*, *15*, *16*, *21–24*, *26–28* – кварц). *16* – Цип Наволок VI; *28* – Цип Наволок XIV (ранний этап мезолита); *1* – Шуонийоки I; *2* – Шуонийоки VI; *3*, *17*, *26* – Черная I; *27* – Шуонийоки V (средний этап мезолита); *4*, *5*, *10*, *21* – Пялица XIV; *6* – Пялица VIII; *7–9*, *11*, *12* – Голые Горы III; *13*, *15*, *24*, *25* – Золотая VI; *14* – Цип Наволок X; *18*, *20* – Харловка IX; *19* – Вайда I; *23* – Красная I (поздний этап мезолита)

получить заготовку с острым режущим краем. По размерам среди них можно выделить следующие разновидности: а) мелкие (до 20 мм); б) средние (25—50 мм); в) крупные (более 50 мм).

Пластины, пластинки и сечения пластин (рис. 2, *14—16*) — преимущественно трехгранные в поперечном сечении. Большинство экземпляров можно отнести к неправильным пластинам. Размеры их незначительные (длина — 20—40, ширина чаще всего 10—15 мм). Под сечениями понимаются обломки средних частей пластин, у которых длина превышает ширину не более чем в 2 раза. Вторичной обработки сечения, за исключением единичных случаев, не имеют.

Трапеции (рис. 2, *12, 13*) единичны на памятниках Кольского полуострова. Все они могут быть отнесены к равнобедренным.

Скребки (рис. 3, *1—13*) можно разделить на следующие типы: I — со скошенным лезвием (рис. 3, *1*); рабочий край прямой или слабовыпуклый, обработан ретушью преднамеренно со скосом в одну сторону относительно оси орудия; II — с выступом (рис. 3, *2*); лезвие округлое, имеет выступ, обычно в средней части, преднамеренно выделенный мелкой ретушью; III — широколезвийные (рис. 3, *3*), имеют широкий прямой, реже слабовыпуклый рабочий край; при наличии видимого ударного бугорка у скребков данного типа лезвие всегда параллельно оси заготовки, в противном случае под широколезвийными понимаются скребки, длина рабочего края которых более чем в 2 раза превышает длину другой, смежной стороны (обломки лезвий скребков в этот тип, естественно, не включаются); IV — подпрямоугольные (рис. 3, *4—6*), для них характерна подпрямоугольная форма заготовки, лезвие прямое, реже слегка выпуклое, форма орудия определяется обычно специальным отщепом, но иногда она достигается путем обработки ретушью (не скребковой) одной или двух смежных с лезвием сторон; V — полукруглые (рис. 3, *7—8*), лезвие выпуклое округлое, форма заготовки — полукруглый отщеп, ретушью обработана вся дуга орудия, основание прямое, неретушированное; VI — подокруглые (рис. 3, *9, 12*), форма орудия близка к кругу или овалу, подработаны ретушью по всей длине окружности или не менее 3/4 ее; VII — подтреугольные (рис. 3, *10, 11*), выполнены на заготовках подтреугольной формы, лезвие обычно сильновыпуклое; VIII — двойные (рис. 3, *13*), имеют, как правило, выпуклые лезвия, расположенные на противоположных плоскостях заготовки; IX — аморфные (случайной формы), выполнены на отщепах случайной формы, лезвия имеют незначительную длину, произвольную форму и обработаны небрежной мелкой ретушью.

Скребла (рис. 3, *23*) в отличие от скребков имеют более крупные размеры, менее тщательно оформленное лезвие. Ретушь часто нерегулярная, иногда нанесена частично и с другой плоскости. Лезвие обычно прямое широкое или слабовыпуклое.

Скобели (рис. 2, *11*) выполнены на отщепах случайной формы. Лезвие вогнутое, обычна выемка небольшого размера. Рабочее лезвие редко оформлялось ретушью, чаще использовался отщеп, имеющий тонкий, острый край без предварительной подработки, а выемка образовывалась в результате сработанности.

Долотовидные скобели (рис. 2, *7—10*) — категория орудий, особенно характерная для территорий, входящих в зону кварцевых индустрий. Большинство орудий выполнено на сильно сработанных призматических нуклеусах или удлиненных подпрямоугольных отщепах. Лезвие оформлено на одном или двух противоположных узких концах заготовки путем нанесения выемчатых сколов от края к центру. Лезвие прямое или вогнутое. Внешне напоминают по форме и обработке орудия типа pieces ecailles.

Эти орудия были впервые выделены еще в начале нашего века [34] и с тех пор отмечены практически во всех частях света. Очень широк также и их хронологический диапазон: от палеолита (Олдувей) до середины нашего века у некоторых наиболее отсталых в своем развитии народов, в частности Новой Гвинеи [35]. Перечисление всех работ, в ко-

торых говорится об использовании этих орудий, заняло бы очень много места. Поэтому ограничимся лишь ссылкой на две из них [19, с. 108—118; 30, с. 15—29], где приведены значительные исторические экскурсы по данной проблематике, тем более что их авторы в основном имели дело с кварцевыми индустриями и рассматривали использование и технику обработки применительно к этому материалу. Коротко суммируя все имеющиеся взгляды по данному вопросу, которые варьируют от признания их орудиями (теслами, долотами, ретушерами и т. д.), особыми нуклеусами и даже просто кусками, отметим, что, видимо, в каждом отдельном случае (учитывая территориальную и хронологическую ситуации) назначение их было различным. Поэтому данные вопросы должны решаться строго на определенном материале, учитывая особенности памятников. Для районов северной окраины Европы эти орудия изготовлялись в основном на использованных нуклеусах и отщепах и выполняли, видимо, функцию скобелей с узким лезвием по сравнительно мягкому материалу с небольшим поперечным сечением (вероятно, кость и дерево). Если в ранних памятниках лезвие всегда образовано одним или несколькими выемчатыми сколами и лишь слегка затем подработано ретушью (возможно, это чаще всего ретушь утилизации), то в более поздних памятниках (особенно в раннем неолите) подобный рабочий край обрабатывался уже полностью ретушью и даже заметен переход от этих орудий к тесловидным. Последнее заключение сделано на основе изучения материалов неолитических памятников Кольского полуострова. Название этой категории (долотовидные скобели), предложенное нами [36], исходит из того, что эти орудия всегда имеют узкий приостренный рабочий край, чаще вогнутый, реже прямой. Размер их небольшой — 15—30 мм, что предполагает, вероятно, применение рукоятки или оправки. Можно выделить три типа этих орудий: I — обработанные подтеской на одном узком конце с одной плоскости (рис. 2, *10*); II — обработанные подтеской на одном узком конце с двух плоскостей (рис. 2, *8*, *9*); III — обработанные подтеской с двух концов (рис. 2, *7*).

Резцы (рис. 2, *1—6*) представлены следующими типами: I — срединные (рис. 2, *1*) — двугранные на отщепах, лезвие сформировано двумя сколами, образующими угол менее 90°; II — угловые (рис. 2, *2*) с резцовым сколом на углу отщепа или сломанной пластины; III — боковые (рис. 2, *3*), лезвие образовано резцовым сколом, смежный край обработан ретушью; IV — поперечные (рис. 2, *4*, *5*), лезвие выделено поперечным сколом или двумя сколами под углом 90°; V — многолезвийные (рис. 2, *6*). Имеют более одного лезвия. Обычно они или срединного типа, или сочетают срединный тип и угловой.

Сверла и проколки (рис. 3, *14—17*). Объединение этих орудий в одну категорию предпринято вследствие схожести приемов их обработки и использования, а также ввиду того, что многие образцы благодаря особой кристаллической структуре, свойственной кварцу, имеют сильную сработанность (выкрошенность). Учитывая все перечисленное, можно ясно себе представить, что разделение этих орудий далеко не всегда удается четко провести. Среди сверл и проколок было выделено два типа: I — обработанные ретушью (рис. 3, *14*, *15*); II — обработанные сколами (рис. 3, *16*, *17*).

Ножи (рис. 3, *18—20*, *22*) довольно немногочисленны в мезолитических памятниках Кольского полуострова. По-видимому, чаще всего использовались просто случайные отщепы кварца с острыми режущими краями без всякой подработки ретушью. Поскольку такие орудия не имеют видимых следов использования и их невозможно выделить среди отщепов (без трасологического анализа, который, насколько нам известно, в нашей стране еще не применялся к кварцевым комплексам), то типологическому анализу подвергались лишь орудия с обработкой или имеющие ретушь утилизации. Все имеющиеся ножи делятся на три типа: I — на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 3, *19*, *22*); обычно орудия этого типа имеют один режущий край, подработанный тонкой ретушью (не всегда по всей длине орудия) чаще всего с одной плоскости

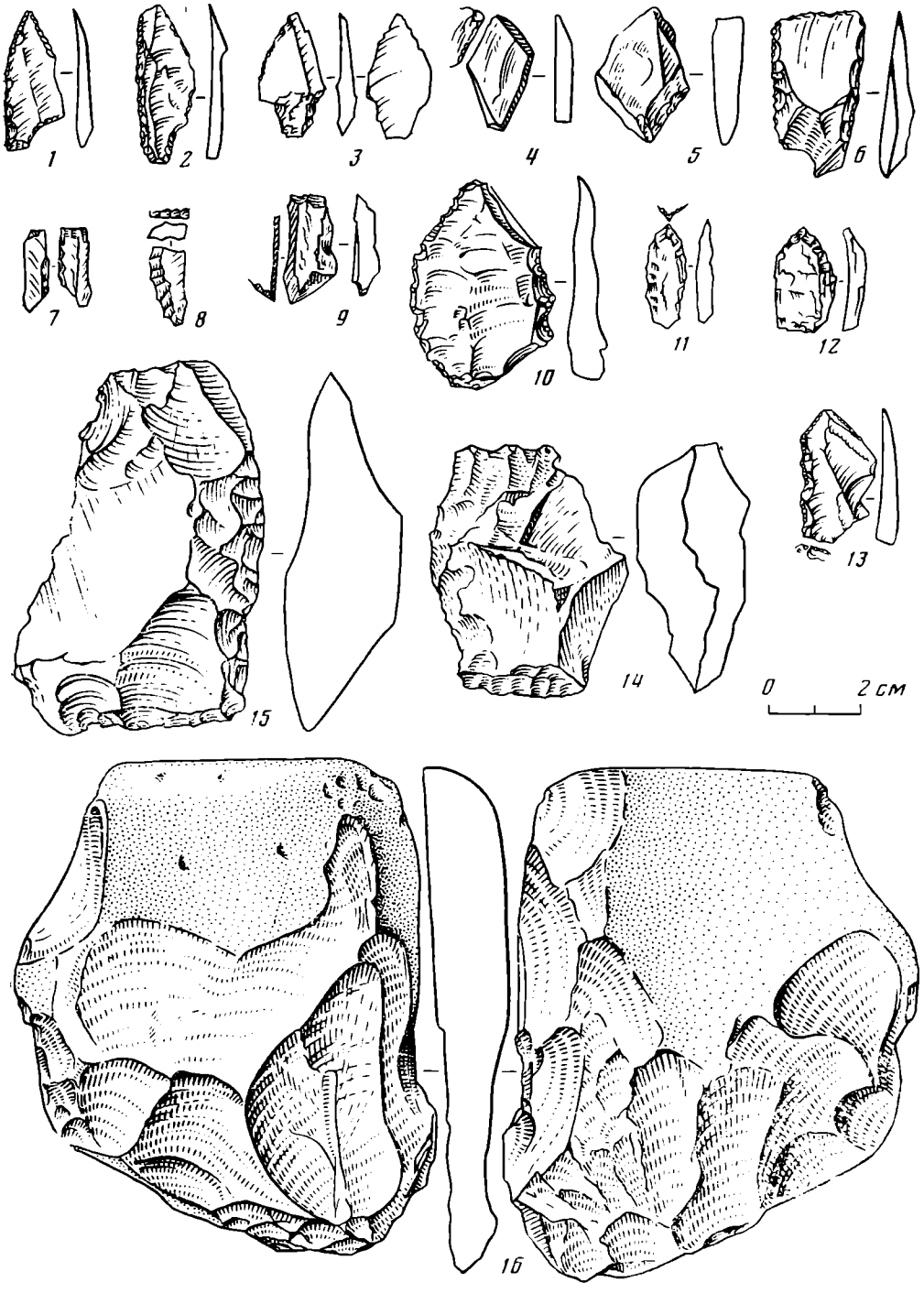


Рис. 4. Основные типы каменных орудий мезолитических памятников. *1–13* – наконечники стрел; *14–16* – рубящие орудия (*1*, *4*, *5*, *7–9*, *11*, *12*, *15* – кварц; *2*, *3*, *6*, *10*, *13* – кремень; *14*, *16* – окремненный сланец). *16* – Цип Наволок XIV (ранний этап мезолита); *1–6*, *10*, *13* – Черная I; *14* – Шуонийоки III (средний этап мезолита); *7—9*, *11*, *12* — Голые Горы III; *15* — Большая Мотка I (поздний этап мезолита)

(более плоской), реже приострение достигалось обработкой с обеих плоскостей (рис. 3, *22*); II — серповидные (рис. 3, *18*, *20*); ножи этого типа имеют слегка изогнутое лезвие, обработанное по краю с двух плоскостей ретушью, формирующей очертания орудия; III — на случайных отщепах. Форма орудия нестабильна и зависит от формы отщепа. Лезвие обычно образовано приостряющей ретушью, нанесенной с одной плоскости на небольшом участке.

Наконечники (рис. 4, *1–13*) довольно разнообразны. Отличительной особенностью данной категории орудий мезолитических памятни-

ков Кольского полуострова являются использование заготовок (отщепов и пластин), имеющих удобную форму, более тщательная обработка насада и менее тщательная — острия. Нами были выделены следующие типы: I — асимметрично-черешковые (рис. 4, *1*, *2*), имеют обработку черешка (асимметричного или, иначе, с выемкой с одной стороны) и пера мелкой ретушью, обычно с одной плоскости; симметрично-черешковые (рис. 4, *3*), обработаны по черешку и перу (реже по острию) мелкой ретушью, чаще всего с одной плоскости; III—ромбовидные (рис. 4, *4, 5*), наконечники этого типа выполнены на заготовках ромбовидной формы, обработка орудия ретушью, как правило, минимальная — или на насаде, или на острие; IV — подтрапециевидные поперечно-лезвийные (рис. 4, *6*), выполнены на отщепах подтрапециевидной или подпрямоугольной формы или на обломках пластин, обработка притупливающей (формирующей) ретушью длинных сторон и изредка рабочего лезвия, имеющего прямой край; V — поперечно-лезвийные на удлиненных отщепах (рис. 4, *7—9*), имеют удлиненные пропорции, обработка ретушью проводилась по одной длинной стороне и поперечному лезвию, которому такая форма придана преднамеренно; VI — подлистовидные (рис. 4, *10*), выполнены на плоских широких отщепах, обработанных ретушью почти по всей окружности (периметру) с одной плоскости; VII — треугольноострийные с прямым основанием (рис. 4, *11*, *12*) на отщепах удлиненной формы, ретушью обычно обработаны острие и насад; VIII — случайной формы (рис. 4, *13*). Наконечники, для изготовления которых использовались любые отщепы, ретушью оформлялось только острие. Возможно, среди этого типа орудий присутствуют и незаконченные экземпляры.

Рубящие орудия (рис. 4, *14—16*) — очень немногочисленная категория, представленная в основном тесловидными формами. Заготовками служили куски кварца и плоские гальки. Обработке сколами подвергались обычно только рабочие лезвия.

Комбинированные орудия (рис. 3, *24—28*). Довольно широко представлены сочетания, в которых одна из функций орудия принадлежит резцу или скребку. Совмещение других категорий орудий значительно реже.

Указанным списком практически ограничивается весь набор категорий и типов каменных предметов, представленных на мезолитических памятниках Кольского полуострова.

Как уже отмечалось, в настоящее время на Кольском полуострове известно 72 мезолитических памятника. Все эти объекты были разбиты нами по территориальному признаку на четыре группы. Выделены следующие районы: 1) северный (28 памятников) — п-ов Рыбачий и прилегающее к нему северное побережье Баренцева моря; 2) западный (17 памятников) — речной и озерный бассейны вдоль границы с Норвегией; 3) восточный (12 памятников) — северо-восточное побережье Баренцева моря; 4) южный (15 памятников) — терский берег Белого моря и верховья р. Воронья. Выделение указанных районов было сделано на основании изучения работ по геологии, орографии и почвоведению данной территории [37, с. I—VI; 38, 39].

В северном районе открыто и исследовано 28 мезолитических памятников. Все они расположены вдоль морского побережья в древних заливах и бухтах Баренцева моря. Четкая «морская» приуроченность памятников подтверждается и отсутствием выраженной связи между местами обитания и устьями рек: стоянки в период своего функционирования располагались на древних морских террасах. Источниками пресной воды служили небольшие озера и ручьи. Стоянки очень бедны материалом: обычно сотня каменных предметов, из которых большую часть составляют кварцевые отщепы. Площадь распространения находок также незначительна (40—100 м²), что свидетельствует о кратковременности обитания и малочисленности коллективов.

Для самых ранних памятников (рис. 1, *1—15*) характерна приуроченность к морским террасам высотой от 38 до 91 м, образовавшимся, по данным геологов, не позднее пребореального времени [40, с. 55—60;

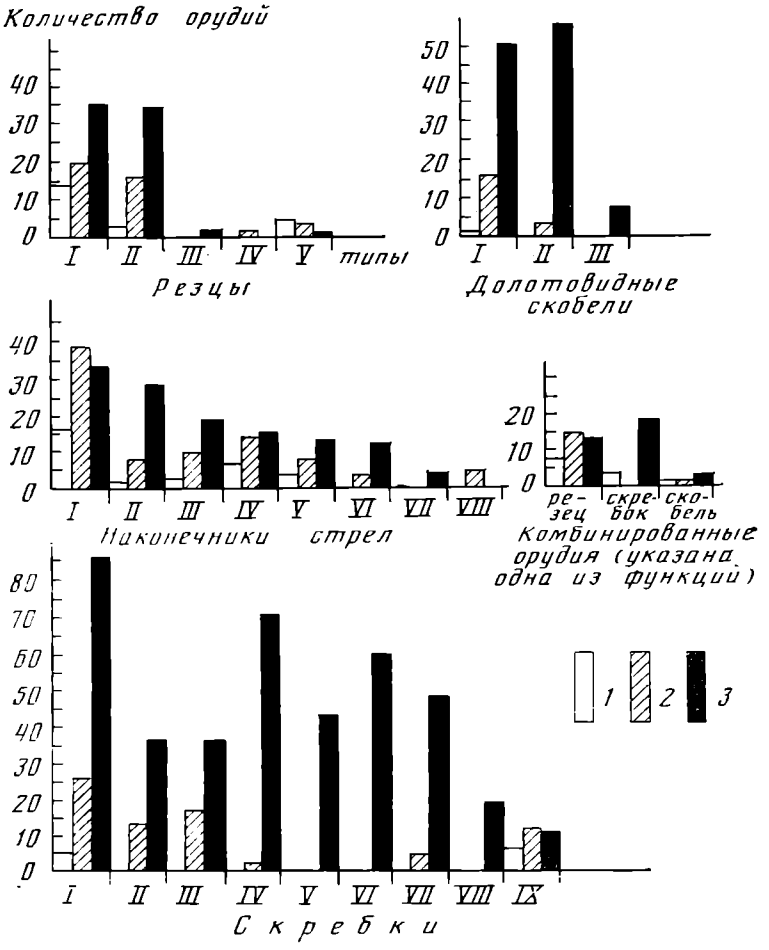


Рис. 5. Количественное соотношение типов орудий (в пределах категории) в разные периоды мезолита. *1* – ранний этап; *2* – средний этап; *3* – поздний этап

41, с. 92–105; 42, с. 255–267; 43, с. 100, 101]. Основным материалом является кварц хорошего качества, часто молочный и прозрачный; реже использовались окремненный сланец и кварцит, совсем редко — кремень среднего качества. Из немногочисленных орудий этих стоянок представлены скребки со скошенным лезвием (I тип) и случайной формы (IX тип), обработанные лишь на незначительном участке по самому краю мелкой ретушью; резцы срединные (I тип), угловые (II тип) и многолезвийные (V тип) на отщепах (рис. 5). Встречаются единичные проколки, сверла (II тип), ножи (I и III типы), скобели, грубые рубящие орудия на кусках кварца. Обращает на себя внимание относительно большое количество комбинированных орудий, чаще всего представляющих собой сочетание резца и скребка. Несмотря на бедность инвентаря, количество резцов на этих памятниках всегда или больше, или равно количеству скребков. Встречено также небольшое количество долотовидных орудий, причем исключительно обработанных с одного конца и с одной плоскости (I тип). Значительно разнообразнее представлены наконечники стрел. Это в первую очередь наиболее многочисленные асимметрично-черешковые (I тип), подтрапециевидные поперечно-лезвийные (IV тип), поперечно-лезвийные на удлиненных отщепах (V тип), ромбовидные (III тип) и симметрично-черешковые (II тип). Следует отметить для всех этих типов наконечников более тщательную обработку черешка и менее тщательную — пера и острия. Чаще они обработаны мелкой крутой ретушью, но встречается прием обработки резцовыми сколами, особенно кварцевых наконечников. Обработка резцовыми сколами характерна для всего комплекса орудий данных стоянок. Обнаружено несколько нуклеусов аморфного облика (III тип), есть призматические (I тип). От-

мечается тенденция к более тщательной обработке орудий из кремнистых и кварцитовых пород и менее тщательной — из кварца. Такова основная краткая характеристика самых древних комплексов каменных орудий, относимых нами к начальной стадии мезолита Кольского полуострова.

Памятники среднего этапа мезолита располагаются или на тех же высотных отметках или на несколько более низких (33—45 м) морских террасах. Для четырех стоянок северного района (рис. 1, *16—19*) характерны та же самая морская приуроченность и незначительная площадь. Эти памятники близки предыдущим по типам орудий, использованному материалу и способам его обработки. Наряду с этим можно отметить большую тщательность в обработке орудий (в частности, скребков и скобелей), более широкое распространение долотовидных орудий, заметно увеличившееся стремление при расщеплении получить более правильную заготовку — пластину или пластинчатый отщеп. Однако главным для этого этапа мезолита является расширение территории распространения археологических памятников. Они появляются и в других районах — западном (7 стоянок) и восточном (2 стоянки) — и приурочены уже не только к морскому (рис. 1, *16—19*, *27*, *28*), но и к речным бассейнам (рис. 1, *20—26*), что, возможно, свидетельствует о частичной смене и расширении хозяйственной деятельности обитателей стоянок. Для некоторых памятников характерно увеличение площади заселения (до 300—500 м^2) и соответственно количества находок. Попадая в новые природные условия, древний человек находил источники нового сырья иногда в коренных залеганиях (в частности, окремненного сланца в районе г. Никеля; Шуонийокско-Колосйокская группа стоянок западного района), что способствовало выработке новых способов расщепления и обработки, а также появлению новых типов орудий. Так, появляются новые типы скребков (уже шесть типов против двух на раннем этапе): широколезвийные (III тип), с выступом (II тип), подпрямоугольные (IV тип), подтреугольные (VII тип). Увеличивается также их доля в общем количестве орудий, они уже преобладают над резцами, которые в свою очередь становятся разнообразнее (I, II, IV, V типы). Срединные резцы (I тип) уже не так явно превалируют, возрастает процент угловых на отщепах, пластинах и пластинчатых отщепах (II тип). Наряду со старыми типами наконечников стрел появляются подлистовидные (VI тип) и случайной формы (VIII тип), больше становится ромбовидных (III тип), подтрапециевидных поперечно-лезвийных (IV тип) и поперечно-лезвийных на удлиненных отщепах (V тип), хотя асимметрично-черешковые (I тип) сохраняют свое лидирующее положение. Становится больше рубящих орудий, ножей (I, III типы), сверл и проколок (I, II типы), долотовидных скобелей (I, II типы). На некоторых памятниках появляются отдельные трапеции[1] и сечения пластин, больше становится неправильных пластин, призматических нуклеусов, но ведущее положение по-прежнему сохраняет техника отщепа.

Для этого времени известны уже специализированные мастерские по первичному расщеплению окремненного сланца (Шуонийоки VI) на месте выходов этого ценного сырья. Вместе с тем заметно сохранение некоторых традиций в обработке каменных орудий: применение техники резцового скола, частичное «скупое» ретуширование, использование главным образом кварца хорошего качества и ведущая роль этого вида сырья на большинстве памятников.

Таким образом, средний этап мезолита Кольского полуострова характеризуется, с одной стороны, сохранением в значительной мере черт, типичных для более ранних памятников, а с другой — выработкой новых

---

[1] Геометрические орудия нетипичны для мезолита Кольского полуострова и являются единичными находками. Вместе с тем присутствие этих форм даже в столь незначительном количестве (3 экз., все равнобедренные, на сечениях пластин) на памятниках среднего (Черная I) и позднего (Пялица I, Нивка) этапов мезолита является очень интересным фактом, который свидетельствует, вероятно, о направлении культурных связей и заслуживает самого пристального внимания.

приемов обработки и типов орудий, которые получают свое дальнейшее развитие в последующее время.

Памятники позднего этапа мезолита (рис. 1, *29—72*) отмечены во всех выделенных районах (северный — 9 стоянок, восточный — 10, западный — 10, южный — 14 стоянок) и занимают уже берега как морских, так и речных и озерных бассейнов (соответственно 16, 21 и 7 стоянок). Наряду с небольшими кратковременными стоянками, особенно характерными для района п-ова Рыбачий (высота 20—40 м над ур. м), встречаются и довольно крупные (до 800—1000 м^2), видимо, более постоянные поселения. Материал, собранный на них, исчисляется уже не сотнями предметов, а тысячами, среди которых количество орудий иногда превышает 300—400 экз. К этому времени обитатели Кольского полуострова уже прочно и в совершенстве освоили технику обработки кварцевых орудий, приблизив ее, исходя из возможностей данного сырья, к обработке кремня и окремненного сланца.

Среди орудий позднего этапа мезолита лидирующее положение как по количеству, так и по разнообразию прочно занимают скребки (I—IX типы). Среди них превалируют в процентном соотношении скребки со скошенным лезвием (I тип), но вместе с тем заметно увеличивается роль подпрямоугольных скребков (IV тип), широколезвийных (III тип), подтреугольных (VII тип) и скребков с выступом (II тип). Появляются и в довольно большом количестве новые типы скребков: полукруглые (V тип), подокруглые (VI тип), двойные скребки (VIII тип), тогда как аморфные скребки (IX тип) встречаются значительно реже. Наконечники стрел по типовому разнообразию изменяются в меньшей степени. Возникает новый тип — треугольноострийные с прямым основанием. Отличительной чертой наконечников стрел позднего этапа мезолита является большая степень ретуширования орудия в целом, и в особенности насада и острия. Если раньше было стремление использовать подходящую заготовку, то на данном этапе появляется тенденция изменить форму заготовки с помощью ретуши, причем это характерно не только для наконечников стрел, а практически для всех категорий орудий. Интересным фактом является также уменьшение доли резцов в общей массе орудий этого периода. Полностью исчезают поперечные резцы (IV тип), значительно меньше становится многолезвийных (V тип), появляются в незначительном количестве боковые резцы (III тип), что также хорошо согласуется с общим ходом развития каменной индустрии (рис. 5). Долотовидные скобели, напротив, начинают играть более значительную роль в орудийных комплексах, причем ведущим становится тип с подтеской на одном конце с двух плоскостей (II тип); появляется и новый тип этих орудий — с подтеской с двух концов (III тип). Вообще долотовидные скобели на позднем этапе мезолита занимают количественно одно из ведущих мест, уступая лишь скребкам и наконечникам стрел. Можно допустить, что уменьшение роли резцов и увеличение роли долотовидных скобелей взаимосвязаны, так как, вполне вероятно, последними стали выполняться многие операции по изготовлению (костяных?) орудий, которые раньше «ложились» на резцы. Заметно уменьшается роль и комбинированных орудий, зато увеличивается количество сверел-проколок, обработанных ретушью (I тип), ножей (I—III типы), среди которых появляется новый тип — серповидные (II тип), и скобелей. Рубящие орудия так же, как и на предыдущих стадиях, не играют значительной роли (всего 7 экз.). В целом же наблюдается явный прогресс в приемах расщепления сырья (о чем свидетельствует увеличение доли призматических и конусовидных нуклеусов), технике изготовления орудий и их типологическом разнообразии. Заметна также значительная преемственность во многих типах орудий, позволяющая говорить о сравнительно «плавном» внутреннем развитии каменной индустрии без особого «вмешательства» извне. Наряду с памятниками, расположенными на берегах рек и озер, продолжают бытовать стоянки, приуроченные к морскому побережью, обитатели которых вели, по-видимому, тот же образ жизни, что и предшествующее население.

Основываясь на результатах археологического изучения каменной индустрии мезолитических памятников Кольского полуострова, топографии стоянок и привлекая данные смежных дисциплин, можно попытаться воссоздать исторические судьбы древнего населения данной эпохи.

В конце пребореала — начале бореала (рубеж VIII—VII тыс. до н. э.) на север Кольского полуострова, в район п-ова Рыбачий, проникают незначительные группы древнего населения, которые основывают свои поселения на высоких морских террасах ранней позднеледниковой трансгрессии [43, с. 100, 101]. Четкая приуроченность стоянок к морским террасам в заливах и бухтах Баренцева моря, их незначительные размеры свидетельствуют о том, что они были оставлены очень небольшими подвижными коллективами (вряд ли более 10—15 человек) охотников и собирателей «даров моря». Видимо, основным способом добычи средств существования у них был сбор морской фауны, погибавшей во время штормов и заносимой в бухты, а также сбор моллюсков в литоральной зоне. В дополнение к этому обитатели стоянок скорее всего занимались также собирательством на суше и охотой на дикого северного оленя. Поскольку стоянки не являлись сезонными (летними или весенними), то добыча северного оленя, который перекочевывал на побережье во время миграций только летом, не была для людей основным источником существования. Отсутствие наиболее ранних памятников в других районах Кольского полуострова, видимо, говорит в пользу довольно хорошей приспособленности древнего населения к выбранному способу существования и длительности обитания на данной территории. Археологический материал, расположение стоянок на высотных отметках (от 38 до 91 м), а также наличие сходных датированных памятников на соседней территории Северной Норвегии [4, с. 1—68; 7; 10; 43, с. 100, 101; 17, с. 1—12; 18, с. 7—16] позволяют датировать древнейшие мезолитические поселения концом VIII—VII тыс. до н. э. и относить к бореальному времени.

Позднее, в VII—VI тыс. до н. э., происходит расселение людей на юго-запад и юго-восток. Часть коллективов продолжает заниматься в основном морским собирательством и выбирает вследствие этого местом своего обитания опять морское побережье (стоянки Черная I, Лумбовка III, Амбарная I, II и др.; высотные отметки 22—45 м), а часть начинает осваивать речные долины внутренних районов и переходит, видимо, к охоте и рыболовству (Колосйоки III, Шуонийоки I—VI). Вместе с тем у данных групп наблюдается наличие сходных типов орудий и способов их изготовления. Вероятно, население этого периода численно не увеличилось, а расселение на более обширную территорию в какой-то мере объясняет уменьшение количества археологических памятников на самом п-ове Рыбачий (рис. 1).

Памятники позднего мезолита распространяются значительно шире. Они имеются уже во всех районах Кольского полуострова и приурочены как к морскому побережью (высотные отметки 20—40 м), так и к берегам рек и озер. Значительно увеличивается площадь стоянок, что свидетельствует о более стабильных поселениях, больше становится инвентаря и типов орудий. Таким образом, к концу мезолита (V тыс. до н. э.) прочно осваиваются различные районы Кольского полуострова и увеличивается количество стоянок, что может говорить о возрастании численности населения.

Необычность расположения наиболее ранних памятников на самом севере Кольского полуострова и отсутствие их в более южных районах, а также направление распространения археологических объектов с севера на юг хорошо согласуются с современными данными геологии и геоморфологии по истории последнего оледенения, позднеледникового и последникового времени этой территории и сопредельных районов [28; 40—42; 44—52]. Мощность ледника последнего оледенения (особенно II стадии), определенная по отложениям в горных районах [40, с. 55—60], не превышала 400—500 м, причем она заметно уменьшалась с запада на восток (до 200 м в Ловозерских тундрах). Выяснено, что Скандинавский

ледник не проникал в восточную часть полуострова, а некоторые территории (Мурманское побережье, п-ов Рыбачий, Средний и Святой Нос), вероятно, вообще не были покрыты ледником, так же как и узкое побережье Западной и Северной Норвегии. В центральной части Кольского полуострова Скандинавский ледник «столкнулся» с не менее мощным Понойским ледником, который, как полагают некоторые ученые, не был самостоятельным, а являлся западной частью огромного Баренцевоморского ледникового щита, двигавшегося со стороны Новой Земли [46; 49, с. 34—40]. После столкновения Скандинавский ледник разделился на две ветви: северо-восточную (более слабую) и юго-восточную (более мощную). Понойский же сохранил свою самостоятельность и даже слабую активность, хотя почти и не сформировал основной, типичной морены вследствие раннего «омертвения», что объясняется особенностями рельефа данной части Кольского полуострова [42, с. 255—267]. Раннее «омертвение» Понойского ледника привело к тому, что 9—9,5 тыс. лет назад он имел размеры, еще близкие к максимальным, и отступал крайне медленно [49, с. 34—40]. Присутствие этого ледника вызвало усиление засушливости климата и антициклоны, что в свою очередь способствовало более интенсивному отступлению Скандинавского ледникового щита, который около 9 тыс. лет назад почти полностью исчез. Интенсивному отступлению Скандинавского ледника также способствовало воздействие теплого течения Гольфстрим, а на юге усиленное таяние ускоряла трансгрессия моря — подмыв края ледника и проникновение вглубь по депрессиям, что разделяло монолитный щит ледника на отдельные блоки [42, с. 255—267]. Таким образом, период освобождения Кольского полуострова от ледников был сильно растянут во времени. По палинологическим данным [42], раньше всего перигляциальные условия установились в бассейне р. Тулома — не позднее аллереда (имеются в виду территории, которые были покрыты ледником). Внутренние части Кольского полуострова освободились значительно позднее (здесь был распространен Понойский ледник), что подтверждается отсутствием голоценовых отложений старше конца бореала — начала атлантикума. Таким образом, таяние Понойского ледникового щита продолжалось в течение 4—5 тыс. лет (до 5500—5000 гг. до н. э.) и закончилось к концу раннего голоцена, причем самые последние реликтовые формы сохранялись в районе Ловозера и Понойской депрессии [42, с. 267; 48, с. 68—73]. Однако и позже не вся территория была доступна для существования животных и человека, так как еще в атлантическое время здесь проходила основная «артерия» стока талых вод Верхнепонойского бассейна. Неблагоприятные условия сложились и на южном побережье Кольского полуострова. Эта территория сравнительно рано освободилась от ледника, но присутствие рядом Понойского ледника и сохранение ледниковой обстановки в Белом море способствовали существованию здесь холодного климата и крайне бедной растительности приледниковой зоны [42, с. 265—267].

Этот краткий геолого-геоморфологический очерк способствует пониманию путей распространения древнего человека, передвигавшегося вслед за отступающим ледником вдоль побережья Кольского полуострова. В особой природной обстановке позднего бореала и раннего атлантического периода заключается причина отсутствия памятников раннего и среднего этапов мезолита (до конца VI — начала V тыс. до н. э.) в южной и центральной частях Кольского полуострова (рис. 1).

Вопрос о путях заселения и времени появления самого древнего населения на Кольском полуострове теснейшим образом связан с проблемой происхождения культуры Комса и определением путей проникновения человека на север Фенноскандии. С самого момента открытия памятников культуры Комса выдвигались различные теории, стремящиеся прояснить этот вопрос [1; 3—5; 7; 8; 10; 11; 16; 17; 22; 24; 26; 31; 53—57 и др.]. Некоторые из них сейчас представляют лишь историографический интерес, в частности гипотеза о доледниковом возрасте культуры и движении племен из глубин Азии [1]. В настоящее время по данной проблеме существуют два основных мнения. Прежде всего это гипотеза

Б. Ф. Землякова, развитая В. Лухо и Г. А. Панкрушевым и поддерживаемая в последнее время К. Мейнандером, о проникновении мезолитических племен через Карелию и Финляндию. Но если Б. Ф. Земляков высказал свое предположение в крайне осторожной форме, не исключая другого пути заселения, то его последователи (особенно Г. А. Панкрушев) более категоричны и ведут путь проникновения людей в Карелию, Финляндию и на Кольский полуостров с востока, из района северных отрогов Уральских гор, считая население всех этих территорий родственным [55, с. 91; 56, с. 148, 149]. В этой гипотезе много уязвимых мест: отсутствие на востоке от Карелии памятников не только более ранних, но даже одновозрастных; отсутствие промежуточных ранних памятников между территориями Карелии и Финляндии, с одной стороны, и Кольским полуостровом — с другой; различия в типах и категориях каменной индустрии, не говоря уже о том, что проникновение древнего населения с юга затрудняла своеобразная природная обстановка.

Более обоснованным является предположение, выдвинутое еще Е. Фрейндтом [4], который связывал путь проникновения носителей культуры Комса с западным побережьем Норвегии. Эту теорию сейчас разделяют многие западноевропейские ученые. В нашей стране близких представлений придерживаются Н. Н. Гурина [23, 24, 53], Л. П. Хлобыстин [57], хотя они считают, что проникновение шло с двух территорий — северо-запада и юга. Сходное мнение было высказано и А. Хагеном [10]. Взяв за основу ядро гипотезы Е. Фрейндта, можно попытаться восстановить картину развития некоторых позднепалеолитических и раннемезолитических культур Северной Европы. В этом плане сейчас ведутся исследования в разных археологических центрах Норвегии, Финляндии и Швеции. Постепенно проясняются некоторые моменты, ранее противоречившие данной теории. Так, основным аргументом противников было утверждение о более позднем возрасте культуры Фосна — южного соседа культуры Комса. Сейчас получены данные [58] о возникновении культуры Фосна не позднее начала VIII тыс. до н. э. (по ^{14}C, 7800 лет до н. э.), о приуроченности большинства поселений к морскому побережью, сходстве многих типов каменных орудий этих двух культур. Вместе с тем существует и ряд трудностей, связанных главным образом с тем, что многие памятники являются стоянками неоднократного заселения; имеются сложности при выделении разновременных комплексов в культуре Фосна, не выделены достаточно четко хронологические этапы в культуре Комса на северном побережье Норвегии [7]. Трудности возникают и при типологическом сравнении двух культур, поскольку в Фосне присутствует большое количество кремневых орудий, что связано с близостью ее к южным кремненосным районам Скандинавии. Но несмотря на это, можно предполагать, что культуры Комса и Фосна являются родственными и представляют два этапа («волны») заселения из одного района, которым, по всей видимости, является круг памятников Аренсбургской традиции (Пинберг — Лингбю). Это мнение хорошо подтверждается наличием во всех памятниках черешковых и поперечно-лезвийных наконечников и скребков со скошенными лезвиями. Вероятно, в пребореале — раннем бореале началось движение племен этого круга на север и восток, связанное скорее всего с изменением природных условий и кризисом хозяйства охотников на северного оленя [59]. Создалась ситуация, близкая к возникшей в среде носителей свидерской культуры. Возможно, следы передвижений и фиксируют образовавшиеся на севере культуры Комса — Фосна и Суомусярви. Но, если носители первой проникли сюда по поднявшемуся в результате изостатических явлений дну пролива, ранее соединяющего Иольдивое море с океаном, а в начале бореала — Скандинавию с южнобалтийским берегом, то носители второй — по южному берегу Балтики. Судя по имеющимся данным, древние обитатели культур Фосна и Комса в новых условиях основательно сменили свою хозяйственную деятельность, превратившись из специализированных охотников на северного оленя в морских собирателей, а возможно, и в морских зверобоев. Не исключено, что этот новый способ жизнеобес-

печения возник под влиянием древнего населения Дании и островов Северного моря, занимавшегося морским собирательством, и получил свое дальнейшее развитие во время движения к северу. Во всяком случае населению, постепенно продвинувшемуся вдоль побережья сперва Норвегии, а затем Кольского полуострова, уже было хорошо знакомо развитое морское собирательство. Некоторое сходство в каменных индустриях культур Комса и Суомусярви, видимо, объясняется тем, что носители той и другой попали в условия сходной сырьевой базы и прошли стадию адаптации. Но очень скоро появились значительные различия в технике обработки и использования новых материалов. Так, население Карелии и Финляндии очень рано (не позднее VII тыс. до н. э.) начало использовать сланец как поделочный материал и в связи с этим применять технику шлифования орудий и изготовлять топоры и тесла. Изучение мезолитических и неолитических памятников Кольского полуострова свидетельствует о том, что индустрия мезолита была в основном кварцевой, а использование сланца, производство из него орудий и применение соответствующей техники — нововведение неолитического времени. Различия можно объяснить относительной изоляцией населения Кольского полуострова, особой хозяйственной ориентацией и своеобразием природного окружения.

Мезолитические памятники Кольского полуострова, таким образом, представляют собой единое целое и входят составной частью в культуру Комса. Те изменения, которые наблюдаются в процессе перехода от более ранних этапов к более поздним, являются результатом внутреннего развития культуры, распространения ее в пространстве и переходом к новым способам добычи средств существования. В целом же следует отметить плавное развитие индустрии, без явных следов влияния более южных и юго-восточных племенных группировок. Так, каменная индустрия целиком базируется на кварцевом сырье. Реже использовались кварцитопесчаники, окремненный сланец и кремень. Если в отношении первых двух пород камня существует единое мнение об их местном происхождении, то в отношении кремня обычно высказывается предположение о доставке его с других территорий, в частности с архангельского берега Белого моря [23; 24; 53]. Между тем анализ материала показал: мезолитическое население использовало в основном галечный кварц очень хорошего качества (он в изобилии встречается в береговых валах террас), окремненный сланец в гальках и из коренных месторождений. Для тех археологических комплексов, в которых встречается довольно большое количество кремневых отщепов и орудий, был проведен анализ, показавший, что от 35 до 70% всего кремневого инвентаря имеет галечную корку и очень незначительные размеры. Это свидетельствует в пользу его местного происхождения. О вероятности местного происхождения кремня на стоянках Кольского полуострова упоминал еще Б. Ф. Земляков [22, с. 126, 127], писавший о встречаемости моренного кремня в районе бухты Зарубиха (северное побережье).

Заметно стремление по мере развития культуры улучшить приемы раскалывания, получить более правильную заготовку для орудий. Но поскольку кварц как поделочный материал не способствует получению пластин, мезолитическое население продолжало применять технику отщепа, хотя последние и становятся более удлиненными. В отношении обработки самих орудий можно заключить, что довольно рано возникшая техника резцового скола постепенно уступает обработке ретушью (особенно на позднемезолитических памятниках), хотя до конца так и не исчезает.

На Кольском полуострове наблюдается плавный переход от мезолита к раннему неолиту, который датируется по ^{14}C не позднее начала IV тыс. до н. э. Переход этот осуществлялся также в основном без особых проникновений новых коллективов. Многое, заложенное в индустрии мезолитической эпохи, получает в неолите свое дальнейшее развитие, хотя отчетливо прослеживаются и новые черты, связанные с использованием других пород сырья, в частности сланца, который полностью отсут-

ствует на памятниках мезолита. Появляются новые приемы обработки камня (пиление, шлифование, пикетаж), совершенствуются способы получения средств существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nummedal A.* Stone age Finds in Finmark. Oslo, 1929.
2. *Bøe L., Nummedal A.* Le Finmarken. Oslo, 1945.
4. *Freundt E. A.* Komsa – Fosna – Sandarna.– Acta Archaeol., 1948, v. XIX.
5. *Luho V.* Die Askola-Kultur.– SMYA, 1956, № 57.
6. *Luho V.* Die Suomujarvi-Kultur.— SMYA, 1967. № 66.
7. *Odner K.* Komsakulturen i Nesseby og Sor-Varanger.– Tromso museum, 1966, XII.
8. *Odner K.* The Relations Betwen the Komsa-Culture and the More Eastern and Western Stone Age Cultures.– VII МКАЭН. М., 1970.
9. *Simonsen P.* Varangerfunnene II.– Tromso museum, 1961, t. VII, r. II.
10. *Hagen A.* Norway. N. Y., Wash. 1967.
11. *Gaustad F.* Stone age investigation in north Norway.– NAR, 1969, № 2.
12. *Siiriainen A.* Shoreline dating of the Saraisniemi.– 1 Ceramics in Finland.– SM, 1971, v. 78.
13. *Siiriainen A.* A gradient time curve for dating stone age shorelines in Finland.– SM, 1972, v. 79.
14. *Siiriainen A.* Studies Relating to Shore Displacement and Stone Age Chronology in Finland.– SM, 1974, v. 80.
15. *Siiriainen A.* Archaeological Shore Displacement Chronology in Northern Ostrobotnia. Finland.– Iskos, 1978, № 2.
16. *Helskog K.* The Test of the Prehistoric Cultural Chronology of Varanger, N. Norway.– NAR, 1974, t. 7, № 2.
17. *Indrelid S.* Problems Dating to the Early Mesolithic Settlement of Southern Norway.– NAR, 1975. t. 8, № 1.
18. *Indrelid S.* The Site Hein 33. Tipological and chronological problems of the new stone age of Southern Norway.– NAR, 1976, t. 9, № 1.
19. *Broadbent N.* Coastal Resources and Settlement Stability.– Archaeol. stud. Uppsala Univ. Inst. north Europ. Archaeol., 1979, № 3.
20. *Земляков Б. Ф.* Археологические исследования на побережье Арктического океана.– Тр. Сов. секции Междунар. ассоц. по изучению четвертичного периода, 1937, вып. III.
21. *Земляков Б. Ф.* Арктический палеолит на севере СССР.– Тр. КИЧП, 1937, т. V, вып. 1.
22. *Земляков Б. Ф.* Арктический палеолит на севере СССР.– СА, 1940, № V.
23. *Гурина Н. Н.* Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова.– КСИА, 1971, № 126.
24. *Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова.– МИА, 1973, № 172.
25. *Аннилогов А. В.* Отчет о полевой работе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3905.
26. *Песонен П. Э.* Мезолитические памятники Кандалакшского берега.– В кн.: Новые памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1978.
27. *Горецкий Г. И.* Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка.– Тр. Сов. секции INQUA, 1937, вып. III.
28. *Кошечкин Б. И., Кудлаева Л. Я.* Береговые образования поздне и послеледниковых морских бассейнов на юге Кольского полуострова.– В кн.: Палеогеография и морфоструктуры Кольского полуострова. Л., 1973.
29. *Арсланов Х. А., Кошечкин Б. И., Чернов Б. С.* Абсолютная хронология осадков поздне и послеледниковых бассейнов на Кольском полуострове.– Вестн. ЛГУ. Сер. геолого-географическая, 1974, вып. 2.
30. *Siiriainen A.* Quartz, Chert and Obsidian.– Finskt museum, 1974, å 81.
31. *Мейнандер К.* Финны – часть населения северо-востока Европы.– В кн.: Финно-угорский сборник. М., 1982.
32. *Назаренко В. А.* Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1982.
33. *Филатова В. Ф.* Опыт периодизации неолитических памятников Карелии (по данным типологии каменного инвентаря): Автореф. канд. дис. М.: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971.
34. *Bardon L., Bouyssonie A.* Decouverte d'un squelette humain mousterien a'la Bouffia de la Chapelle aux Saints. P., 1909.
35. *White I. P.* Fabricators, Outils ecallies or scalar cores? – Mankind, 1968, 6, № 12.
36. *Шумкин В. Я.* Археологические памятники р. Териберки (Кольский полуостров).– В кн.: Изыскания по мезолиту и неолиту. Л., 1983.
37. Атлас Мурманской области. М., 1971.
38. *Рихтер Г. Д.* Орографические районы Кольского полуострова.– Тр. Ин-та физ. географии АН СССР, 1936, вып. 19.
39. *Басов Н. П., Барановская А. В.* Почвы Мурманской области. Л., 1969.
40. *Арманд А. Д., Никонов А. А.* Особенности истории последнего оледенения на северо-востоке Фенноскандинавии.– Изв. АН СССР, 1963, № 2.
41. *Никонов А. А.* Стратиграфия и палеогеография антропогена Кольского полуострова.– В кн.: Верхний плейстоцен. М., 1966.

42. *Арманд А. Д., Арманд Н. Н.* Мурманская область.— В кн.: Последний ледниковый покров. М., 1965.
43. *Долуханов П. М.* Геологический возраст стоянок на Рыбачьем полуострове.— КСИА, 1971, № 126.
44. *Хольтедаль У.* Геология Норвегии. М., 1957, т. 2.
45. *Стрелков С. А.* Перемещение береговой линии моря в западной части Советской Арктики за последние 12 000 лет.— В кн.: Вопросы формирования рельефа и рыхлого покрова Кольского полуострова. Л., 1971.
46. *Лавров А. С.* Кольско-Мезенский ледниковый поток.— В кн.: Структура и динамика ледникового покрова Европы. М., 1977.
47. *Лавров А. С.* Баренцевоморско-Печерский ледниковый поток.— В кн.: Структура и динамика ледникового покрова Европы. М., 1977.
48. *Вакорин В. Л., Купцова А. И.* Позднеледниковый бассейн в Верхнепонойской низменности.— В кн.: История озер в голоцене. Л., 1975.
49. *Блатчишин А. И., Квасов Д. Д.* Палеомагнитные датировки Баренцева ледникового щита и их значение для теории оледенения.— В кн.: Геохронология четвертичного периода. М., 1980.
50. *Елина Г. А.* Принципы и методы реконструкции и картографирования растительности голоцена. Л., 1981.
51. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (атлас-монография). М., 1982.
52. *Арманд А. Д.* Новые данные о последнем оледенении на Кольском полуострове.— Изв. АН СССР, 1961, т. 138.
53. *Гурина Н. Н.* Древнейшая история северо-запада европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
54. *Clark G.* The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.
55. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. I. Л., 1978.
56. *Панкрушев Г. А.* Происхождение карел (по археологическим данным).— В кн.: Новые памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
57. *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья: Автореф. докт. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1982.
58. *Mikkelsen E.* Mesolithic in South-eastern Norway.— NAR, 1975, t. 8, N 1.
59. *Долуханов П. М.* Природная среда и хозяйственная деятельность в позднем плейстоцене и голоцене.: Автореф. докт. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1982.

V. Ya. Shumkin

THE MESOLITHIC OF THE KOLA PENINSULA

Summary

The regular archaeological investigations in the Kola Peninsula brought to light 72 Mesolithic sites (Fig. 1). The author offers a development scheme of the earliest sites (the 8th-5th millennia B. C.) based on the study of labour implements (Figs. 2—5), geological data and geographical distribution of the sites. He identifies three development stages of the Mesolithic: the earliest, the middle and the late. A comparison between the stone industry from the Mesolithic camps of the Kola Peninsula and the adjacent regions permits one to associate their origins with the Komsa culture and to postulate that the earliest man came to this territory along the western Norwegian coast not later than the late 8th millenium B. C. The progress of the stone industry in the region proceeded through the culture's inner advance free from any considerable influences from the south and south-east. The article also points to some changes in the procurment of the means of subsistence throughout the Mesolithic and the tenacity of some traditional forms of marine food gathering. The switch to the Neolithic occurred not later than the 4th millennium B. C.

В. И. САРИАНИДИ

МЕСОПОТАМИЯ И БАКТРИЯ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.

Интенсивные исследования последних лет советских археологов в Северном Афганистане и южных областях Средней Азии с документальной точностью установили, что Бактрия, располагавшаяся по обе стороны Амударьи, уже во II тыс. до н. э. представляла собой высокоразвитую страну древневосточного типа. Более того, широкомасштабные раскопки в Юго-Восточных Каракумах, в древней Маргиане позволили выдвинуть тезис о близком культурно-историческом родстве Бактрии и Маргианы и о существовании особого бактрийско-маргианского центра в системе всего древневосточного мира [1].

В литературе уже были отмечены впечатляющие параллели этому конкретному археологическому комплексу в материалах Горганской долины (Северо-Восточный Иран), Керманского оазиса (Восточный Иран) и особенно в Эламе (Юго-Западный Иран), а в опосредствованной форме в Месопотамии [2]. Совокупность всех известных данных позволила сформулировать предположение о сложении бактрийско-маргианского археологического комплекса в связи с приходом сюда населения с территории соседнего Ирана, а новые материалы представляют дополнительные данные в пользу такого допущения. Вместе с тем в настоящее время появляются факты, свидетельствующие о более отдаленном месопотамском влиянии (особенно Нижней Месопотамии, которая издревле обнаруживала общее культурное сходство с соседним Эламом). Иначе говоря, имеются соответствия бактрийско-маргианскому комплексу одновременно в Эламе и Южном Двуречье, что заставляет предположить месопотамский компонент в сложении культуры Бактрии и Маргианы. Для удобства изложения здесь и далее под термином Бактрия мы будем подразумевать и Маргиану, материальная культура которых в это время была практически идентичной. Осталось отметить, что большинство рассматриваемых изделий происходит из разграбленных могил Южной Бактрии, принадлежность которых эпохе бронзы может считаться доказанной.

После этих предварительных замечаний перейдем к фактическим данным, причем в качестве сопоставимых примеров будут использованы такие специфические предметы, которые бы сводили до минимума элемент случайного совпадения.

Из разграбленных могил Южной Бактрии происходят бронзовые изделия, отдаленно напоминающие саблю, но с плоским, специально затупленным лезвием и сквозной дырочкой на конце [3, рис. 7]. Показательно, что известны они в системе всего древневосточного мира еще только в Сузиане, а более художественно исполненные происходят из одной могилы в Телло [4, с. 129], не оставляя сомнения, что именно месопотамоэламские оригиналы являются прототипами для бактрийских, представляющих собой их упрощенные копии. Тот факт, что бактрийские экземпляры изготовлены из мышьяковистой бронзы [3, с. 155], может указывать на их местное бактрийское изготовление, а не на импорт с запада. Назначение их остается не совсем ясным. Отметим лишь сходные предметы в руках божеств, героев и государей Ассирии; возможно, они имели престижное значение [5, рис. 104 и др.].

Из разграбленных могил Бактрии происходит также явно церемониальный топор [2, табл. V, *2*], точная копия которого обнаружена при раскопках культового здания Тоголок 21 в Маргиане (рис. 1). Если бы

Рис. 1. Маргиана. Бронзовый церемониальный топор из культового здания Тоголок 21

не огромное расстояние, разделяющее Бактрию и Маргиану, можно было бы допустить, что оба предмета вышли из рук одного мастера. Уже было отмечено, что бактрийский экземпляр находит наиболее показательные параллели с топорами-алебардами эпохи Агада в Месопотамии [2, с. 112], что с полным основанием приложимо и к вновь обнаруженному маргианскому образцу.

В могилах Бактрии были найдены полые слабоизогнутые, слегка уплощенные металлические изделия с тупым лезвием, нередко сохранившие внутри остатки дерева. П. Амье находит возможным сравнивать их с месопотамскими топорами [2], но и в таком случае в Бактрии они имели скорее всего престижное, а не бытовое назначение.

Среди бактрийских булавок со скульптурными навершиями исключительного внимания заслуживает одна с прямым стержнем, но не с заостренным, а напротив, с утолщением на одном конце и с навершием в виде бородатой головы быка-андрокефала на другом. Для сравнения достаточно вспомнить бородатую головку быка арфы из царского некрополя в Уре. Она теперь дополняется аналогичной булавкой из Телло, хранящейся в Луврском музее, с навершием в виде бородатого быка и, что показательно, не с острым, а с утолщенным, как у бактрийского образца концом [6, рис. 11], указывая на их близкое функциональное назначение в качестве косметических палочек для раскрашивания тела. Довольно

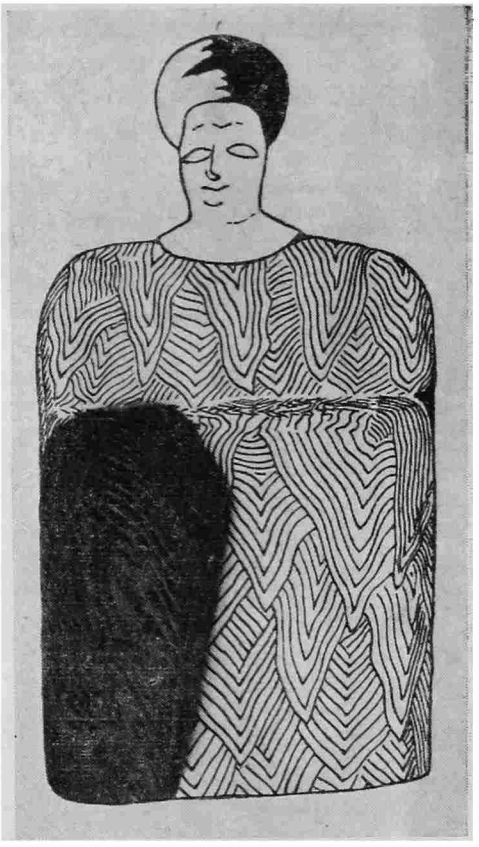


Рис. 2. Каменные «составные» стеатитовые статуэтки. *1* — из могил Бактрии; *2* — из Маргианы, с поверхности Гонур 1

широко распространены среди бактрийских булавок экземпляры, у которых навершия выполнены в виде сжатого кулака [7, рис. 2, *11, 12*]; они находят соответствия в булавках Месопотамии, и в том числе в царских могилах Ура, Ашшура и Киша. Особенно показательны бактрийские булавки с навершиями в виде руки, сжимающей в кулаке животное, находящее достаточно близкие соответствия в художественной бронзе Элама [8, рис. 47]. Выделяется булавка со сложнокомпозиционным навершием, одна из фигур которой изображает стоящего на задних ногах и обернувшегося назад быка — иконографическая поза, широко распространенная в глиптике Месопотамии.

Из могильников Бактрии, а теперь предположительно и Маргианы (рис. 2, *1*) происходят каменные так называемые составные статуэтки, изображающие сидящих женщин, тела которых выточены из стеатита, а приставные головы — из белого известняка. Как правило, они изображены в сидячем положении, с характерной трактовкой платьев в виде волнистых линий или «язычков», прямо напоминающих конакоэ — древнешумерские одеяния Месопотамии [9]. Близкие по типу наборные статуэтки известны еще в Фарсе, так что было высказано вполне вероятное мнение о распространении их от Месопотамии через Иран вплоть до Бактрии [2, с. 105], а теперь, можно предположить, и до Маргианы (рис. 2, *2*).

Наиболее ярко и выразительно месопотамское влияние прослеживается, бесспорно, в бактрийской глиптике и сфрагистике. В настоящее время отсюда происходит весьма показательная коллекция медно-бронзовых печатей и каменных амулетов с гравированными изображениями, находящими свои наиболее показательные соответствия в глиптике Сузианы и Месопотамии. Так, среди бактрийских медно-бронзовых перегородчатых печатей выделяется группа, которая сохранила изображения, объединенные темой «хозяин» или «хозяйка» животного мира. Как правило, в центре таких ажурных печатей помещена стройная, вероятнее всего женская фигура, фронтально, в спокойной статичной позе, с головой, повернутой в профиль, с разведенными в стороны локтями и ладонями, сложенными

Рис. 3. Бактрия. Оттиски с цилиндрических печатей (*1–5*); бронзовые печати (*7, 8, 12*) и оттиски (*6, 9–11*)

на талии (рис. 3, *6*). Судя по одной печати, которая с оборотной стороны сохранила добавочную проработку чеканкой, на женщинах были одеты длинные, до пят, одеяния типа месопотамских «конакоэ». Как правило, по бокам от этих фигур помещены изображения птиц, вероятнее всего орлов, в геральдической позе и хищных кошачьих животных типа пантер, а также львов. Мотив «хозяина» или «хозяйки» животного мира был широко распространен в переднеазиатской глиптике, причем предполагают его скорее всего эламское происхождение, откуда этот мотив затем мог попасть в Месопотамию. В доказательство, помимо прочего, приводятся известные из Сузианы скульптурные изображения богини, поддерживающей руками свой бюст. Не оспаривая этого мнения, отметим, что бактрийские персонажи на перегородчатых печатях ближе соответствуют месопотамским (1800—1600 гг. до н. э.) как они изображе-

ны на печатях древневавилонского периода [10, табл. LV, LVII, LX и др.]. Правда, в месопотамской глиптике это, как правило, фронтально стоящие обнаженные женские фигуры; в отдельных случаях имеются изображения с повернутыми в сторону головами [10, с. 56]. В этом плане исключительный интерес представляет одна фигурная бактрийская печать (рис. 3, *7, 8*), отлитая в виде быка, стоящего в ладье, в свою очередь изображенной в виде двуглавого змея с перекрученным телом [1, рис. 47, *3*]. И хотя образ быка издревле был популярен в переднеазиатском искусстве, думается, что семантически наиболее близкие соответствия дает все та же месопотамская глиптика. Именно здесь известны уже с урукского времени цилиндры с изображениями ладьи, корма и нос которой оформлены в виде змеиных голов, не оставляя сомнений в их реальном взаимном соответствии. Более того, на тех же цилиндрах нередко в такой ладье находятся люди, божества и животные, причем для нас особенно показателен рисунок быка, на спине которого помещен алтарь. Считается, что главные персонажи в таких композициях изображают бога солнца, а в целом они связаны с земледельческой тематикой [11, с. 88, табл. III, XIX]. Не исключено, что бактрийская печать с изображением быка в ладье продолжает месопотамскую тему, отличаясь определенным упрощением былых многоплановых композиций, что неудивительно, если учесть территориальную отдаленность, а главное — хронологические различия между ними.

Для нашей темы особенно важна одна серебряная бактрийская печать с изображением полуобнаженной женщины в длинной юбке типа «конакоэ», сидящей верхом на львоподобном животном, украшенном рогом и бородкой. Уже сам сюжет — женщина сидящая на льве — воскрешает в памяти изображения эламских и месопотамских богинь рубежа III—II тыс. до н. э. На бактрийской печати женщина показана в сопровождении двух козлоногих животных, прямо соответствуя близким изображениям на месопотамских печатях. Для нашей темы особый интерес представляют такие детали, как рог и бородка у львоподобного чудища, находящие прямые соответствия все в той же месопотамской глиптике [12, с. 170]. Правда, там они украшают голову змееподобного дракона, и не львоподобного чудища. Но среди бактрийских стеатитовых изделий имеется одна коробочка (рис. 4) и сосудик (рис. 5) с гравированными рисунками змееподобных драконов, головы которых украшены рогами и бородкой, что не оставляет сомнений во взаимной близости двух предметов. Осталось добавить, что Сузиана и Керманский оазис в Иране дают сходные изображения, видимо, фиксируя промежуточный путь распространения хотя и разных изображений, но со сходными (рог и бородка) стилистическими деталями. Наконец, среди тех же, перегородчатых ажурных печатей имеется одна (рис. 3, *12*), в центре которой изображена крылатая антропоморфная фигура, сидящая на корточках с рогами на голове [13, рис. 1, *3*]. Женское крылатое божество с рогами на голове чаще всего ассоциируется в месопотамской глиптике с богиней Иштарь, но там она никогда не изображалась сидящей на корточках, в чем, возможно, проявилась чисто бактрийская переработка привнесенного мотива.

Столь же показательны бактрийские печати с изображением в центре сидящей антропоморфной фигуры с птичьим лицом и поднятыми вверх руками, причем на одной такой печати изображена коленопреклоненная человеческая фигура с орлиной головой и крыльями вместо рук [3, рис. 36]. Думается, что наиболее показательные аналогии представляет глиптика Сирии (1800—1200 гг. до н. э.), где имеются оба типа бактрийских антропоморфных персонажей [10, табл. LXXXVII; табл. CXLI, № 933]. Близко к ним примыкает металлический прямоугольной формы амулет с двусторонним изображением. На одной стороне сохранился типично бактрийский рисунок крылатого животного в окружении змей, а на другой — антропоморфная фигура с птичьим лицом и крыльями; обе руки подняты перед грудью вверх, от талии расширяясь вниз ниспадает длинная юбка. В общей форме это изображение ближе всего на-

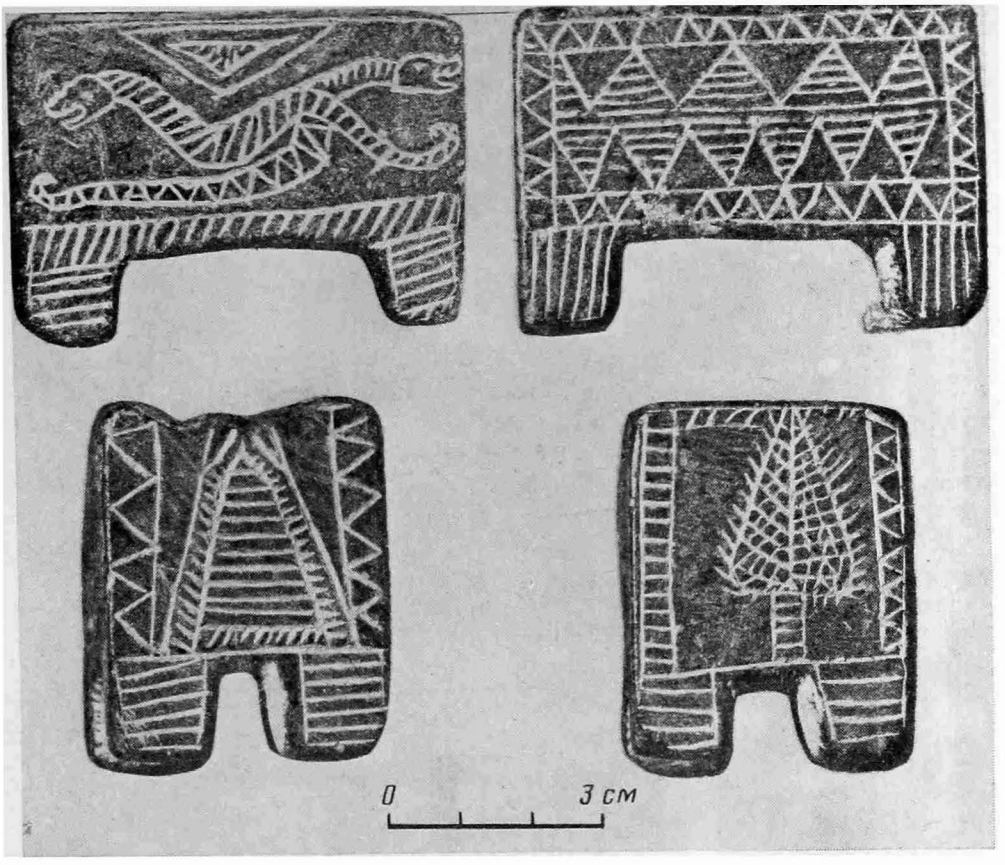


Рис. 4. Бактрия. Стеатитовая коробочка с изображением змей

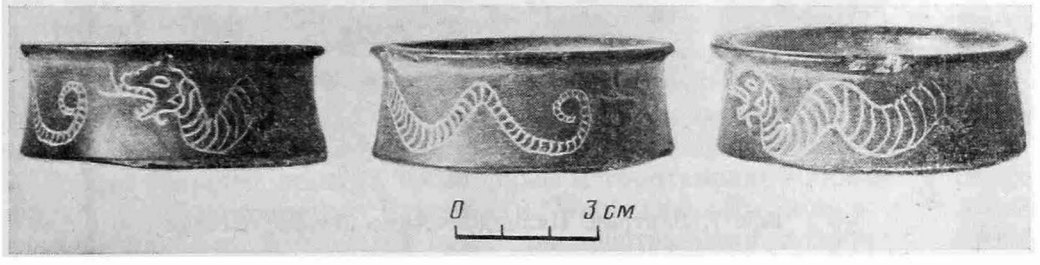


Рис. 5. Бактрия. Стеатитовый сосудик с изображением дракона

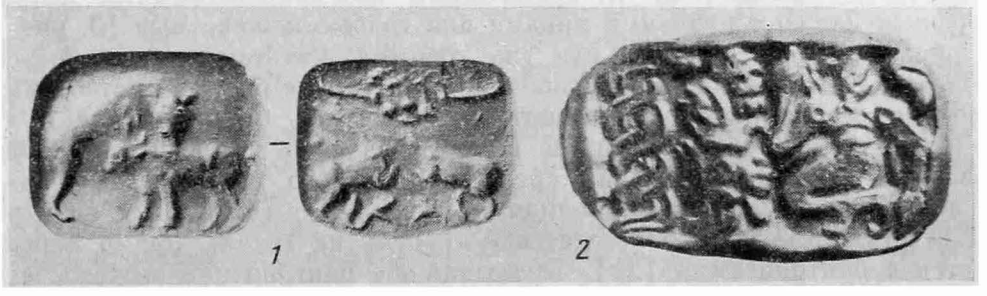


Рис. 6. Бактрия. Каменные амулеты

поминает демонов-грифонов ассирийского искусства [7, табл. LXXXVII].

В глиптике Бактрии и Маргианы имеются гравированные рисунки крылатых львов, грифонов, героя, борющегося с животными, и других изображений, находящих преимущественно аналогии на печатях-цилиндрах Сузианы и Месопотамии [14]. В этом плане особый интерес представляют маргианские амулеты с изображениями пожирающих друг

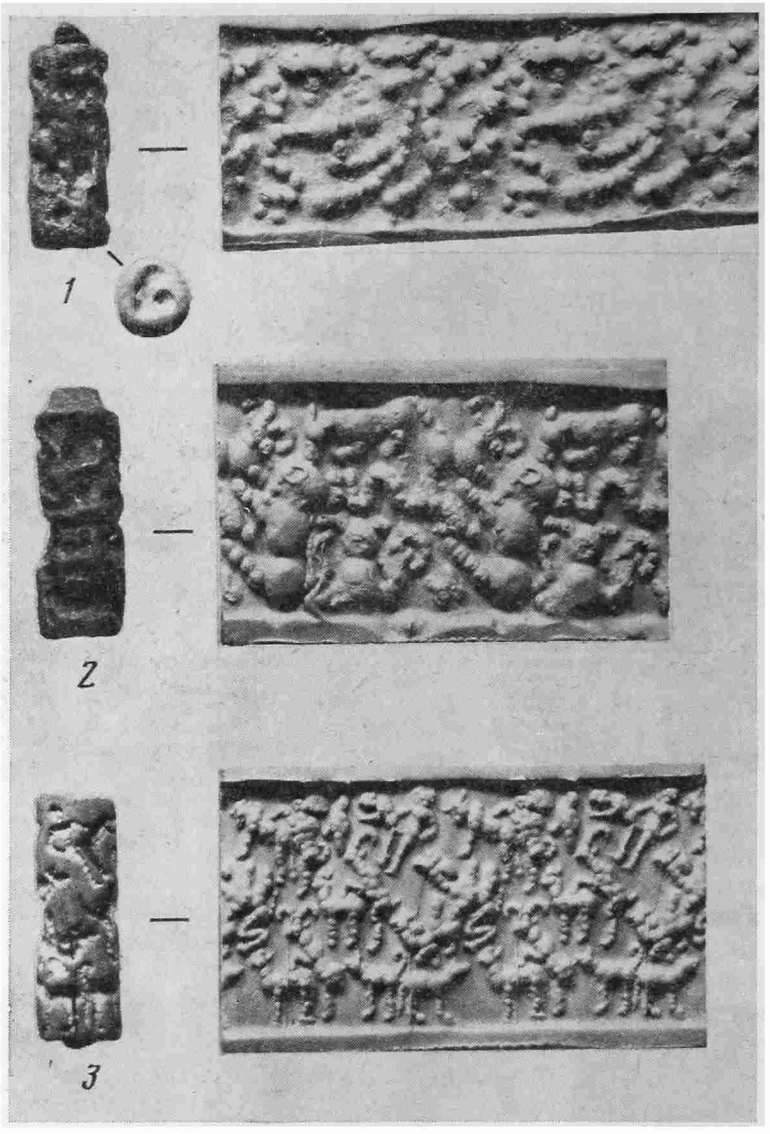


Рис. 7. Бактрия. Цилиндрические печати, оттиски

друга змей (или драконов), прямые аналогии чему имеются в Эламе [8, рис. 124]. В этой связи заслуживают внимания три каменных амулета с однотипными изображениями коленопреклоненных антропоморфных фигур с птичьими лицами или головами животных [3, рис. 29; 9, рис. 1, *1*, рис. 2]. П. Амье уже отметил, что такие стилистические детали, как пламя над левым плечом, не могли не быть заимствованы из мифологических сюжетов Месопотамии, а точнее, Сирии начала II тыс. до н. э. [3, с. 161]. Добавим иконографически чрезвычайно близкое изображение грифона-демона среднеассирийского времени (XIV в. до н. э.), общая коленопреклоненная поза которого (рис. 6, *2*) вплоть до такой стилистической близости, как гребень на голове, прямо перекликается с бактрийскими [15]. Точно так же бактрийские амулеты с рисунками льва, терзающего быка, и особенно двух хищников с одной общей головой (рис. 6, *1*) прямо перекликаются с близкими, если не аналогичными, сюжетами все той же месопотамской глиптики [3, с. 161]. Укажем лишь, что змеи под животами этих хищников опять-таки являются чисто бактрийской переработкой привнесенных мотивов.

Здесь же отметим, что в глиптике Бактрии и Маргианы рептилии, и особенно змеи, а также фантастические существа типа драконов занимали едва ли не первое место. Причем среди известных изображений особый интерес для нас представляют рисунки «плетенок» или «гадючье-

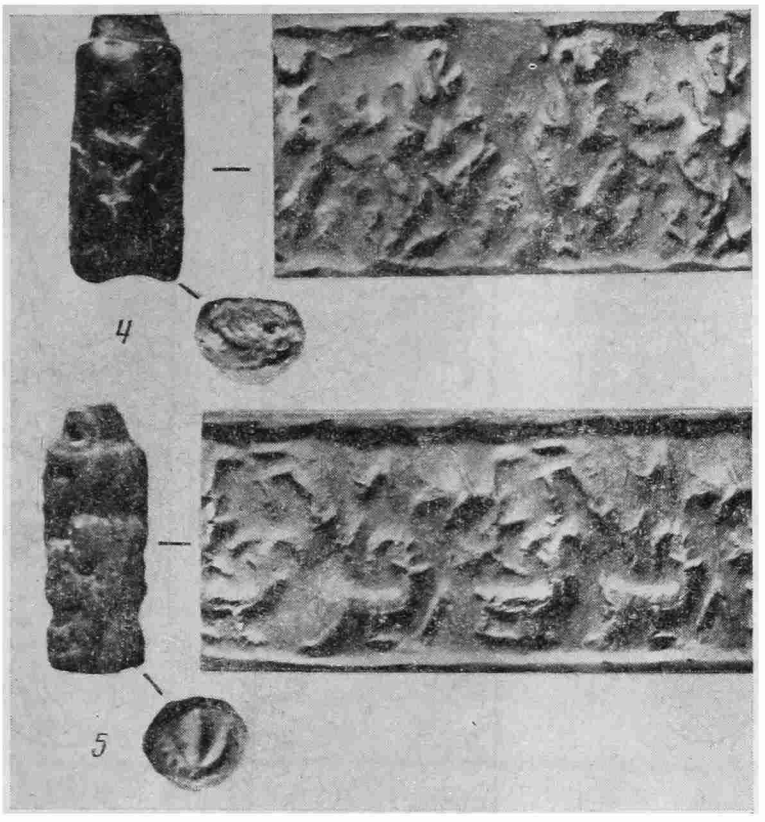


Рис. 7 (окончание)

го узла», составленные из переплетенных змеиных тел, находящие прямые аналогии в глиптике Месопотамии [11, табл. XXXIX; 14 табл. 24, № 244], как это справедливо допускается для Шахри Сохте в Сестане [16, рис. 9]. Наиболее популярная, если не сказать генеральная, тема бактрийско-маргианской глиптики — это композиции, на которых рептилии (преимущественно змеи) тянутся к задним ногам животных. В системе Передней Азии точно такие, но более ранние композиции известны пока еще только в Сузах, возможно, намечая центр происхождения семантически одинаковых сюжетов [17, рис. 44].

В еще большей степени бесспорные месопотамские влияния демонстрируют печати-цилиндры Бактрии и Маргианы. До самого последнего времени наиболее восточный пункт распространения подобных цилиндров-печатей располагался в Северо-Восточном Иране, на поселении Тепе Гиссар, где было обнаружено три таких экземпляра, однако теперь ареал их распространения резко расширился, включив в эту зону Маргиану и Бактрию. В настоящее время опубликовано шесть цилиндров-печатей из Бактрии [3, с. 158—160], одна из которых определяется как импортная из Элама [2, рис. 22], что, однако, потребует дополнительных доказательств.

П. Амье, отметив их связь с эламской и в опосредствованной форме с месопотамской глиптикой периода Джемдет Наср, тем не менее указал на возможно более позднюю дату бактрийских цилиндров (рис. 7). В Маргиане обнаружено четыре цилиндра и два отпечатка, сделанных методом прокатки на керамике [18] и один обломок [14, рис. 20, *20а*]. Специальное исследование маргианских цилиндров позволило вполне убедительно показать сильное месопотамское влияние, проявившееся в ряде случаев в одинаковых композициях [18, с. 148, 149].

Наконец, мы имеем в своем распоряжении фотографии и прориси еще пяти ранее не публиковавшихся цилиндрических печатей, происходящих из могил Южной Бактрии (рис. 8, *8, 10, 15, 17*). Наиболее сохранившаяся из них (рис. 3, *1*) имеет тонкогравированное изображение дерева в виде трех тонких вертикально стоящих стволов, центральный из которых сверху заканчивается петлевидными закруглениями, рядом с которыми изображены птички, как бы сидящие на ветвях. По обе сторо-

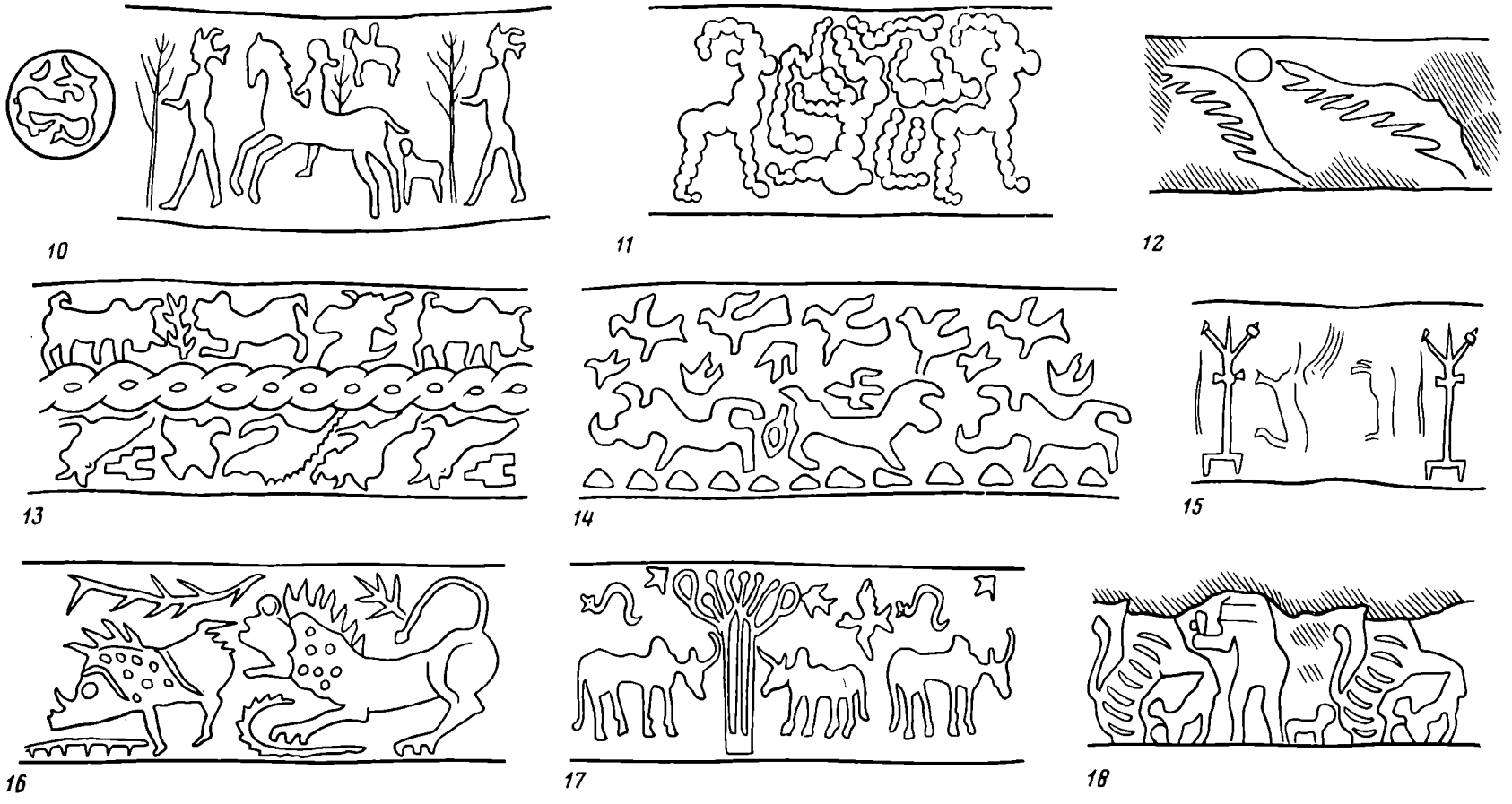


Рис. 8. Оттиски цилиндрических печатей Бактрии (*1–5*, *8*, *10*, *11*, *15–17*) и Маргианы (*6*, *7*, *9*, *12*, *13*, *14*, *18*)

ны от центрального дерева напротив друг друга стоят два горбатых быка, над ними птица и извивающаяся змея с раскрытой пастью, предположительно преследующая летящую птицу. Мотив дерева и стоящие по обе стороны от него птицы или животные был широко распространен в глиптике Месопотамии, особенно в аккадский период [19, табл. XXIII, № 262], причем в ряде случаев известны изображения с птицами на деревьях [11, табл. XXIV] или под ними [10, табл. LXXXI]. Вместе с тем нам неизвестно точно такое же изображение, как на рассматриваемом цилиндре, что, видимо, указывает на местную, бактрийскую переработку привнесенного с запада мотива. Осталось добавить, что ветви, заканчивающиеся шишечками, более характерны для изображений сирохеттской глиптики и именно в среднеассирийский период наиболее распространяются композиции, построенные на симметрии противостоящих фигур.

Следующий оттиск с цилиндрической печати сохранил изображение предположительно всадника верхом на породистой лошади (рис. 3, *2*). Плавно изогнутая шея заканчивается небольшой головой, передние ноги выброшены вперед в «быстром галопе». За лощадью сзади видна шагающая фигура человека (возможно, в шлеме), между ним и лощадью проступают ноги еще одного персонажа. На торцовой части цилиндра сохранилась гравировка рисунка сидящего животного, видимо антилопы. Здесь же отметим, что изображение какого-либо персонажа на торцовых частях цилиндров является отличительной чертой бактрийской глиптики. Основные персонажи на торцовых частях — растения, змеи, козлы или бараны.

В плане поисков истоков бактрийской глиптики исключительный интерес представляет обломанная половинка цилиндрической печати, изготовленная из камня красного цвета (рис. 3, *4*). Печать сохранила рисунок дерева (возможно, пальмы), полумесяц луны и рядом стоящее на задних ногах и как бы обернувшееся назад рогатое животное с маленькой головкой типа антилопы, если только это не бык-андрокефал. Подобные сюжеты издревле были распространены в месопотамской глиптике [10, табл. IX], дожив вплоть до ахеменидского времени, так что лишь фрагментарность рассматриваемого экземпляра препятствует более точному его определению.

Четвертый цилиндр сохранил сильно стертое изображение (рис. 3, *5*), на котором четко читается лишь предмет в виде прямого вертикального ствола стоящего на специальной подставке: в верхней части ствол заканчивается двумя боковыми косо поставленными линиями с шишечками на концах. Ниже имеется перекрестие, концы которого заканчиваются крестовидными завершениями. По обе стороны от этого, вероятнее всего, ритуального предмета прослеживаются слабые следы двух фигур. Наконец, последняя цилиндрическая печать (рис. 3, *3*) демонстрирует вертикально извивающиеся полосы, возможно передающие образы змей, вставших на свои хвосты, что, однако, требует дальнейшего уточнения.

Уже было высказано предположение, что печати-амулеты так называемого мургабского стиля с сюжетными изображениями скорее всего являются «конспектами» или «цитатами» общепонятных и некогда распространенных в местной среде устных мифологических поэм, наподобие эпоса о Гильгамеше. Более того, есть основания предполагать, что наиболее популярные эпизоды бактрийско-маргианского эпоса многократно тиражировались местными резчиками по камню, что как будто находит подтверждение на имеющемся материале. В самом деле, известная коллекция бактрийско-маргианской глиптики в ряде случаев повторяет одни и те же темы и образы, но, что особенно показательно, это же положение отмечается и для имеющейся весьма ограниченной группы цилиндрических печатей. В этом плане показательна сцена одного маргианского цилиндра с рисунком человека, держащего за повод двугорбое животное, ближе всего напоминающее верблюда [18, рис. 9], находя прямую реплику на металлическом бактрийском амулете с аналогичным изображением [20, рис. 18]. В другом случае показательна уже упоминавшаяся сцена

противостоящих быков по обе стороны от дерева, на ветви которых садятся птицы; дерево с птицами сохранил нам все тот же бактрийский амулет из Дашлинского оазиса [20, рис. 17]. Уже эти, пока еще ограниченные, но именно поэтому в высшей степени выразительные соответствия свидетельствуют об общих религиозно-мифологических представлениях Бактрии и Маргианы, нашедших свое выражение в местной глиптике, изображения на которой, по удачному выражению П. Амье, можно назвать «образной мифологией». В таком случае повторяющийся мотив дерева с птицами ближе всего перекликается с касситскими печатями II тыс. до н. э., точно так же, как погонщик с верблюдом-бактрианом скорее всего имеет местное происхождение, невольно ассоциируясь с именем Заратуштры, которое, как некоторые считают, переводится как «погонщик верблюдов».

Учитывая бедность Месопотамии металлом, трудно судить с уверенностью о характере отдельных изделий. Однако вилообразные орудия, массивные наконечники копий, «половники» царских могил Ура [21, табл. 189, 230, 238], находящие прямые типологические реплики в Эламе [22, рис. 21, 24, 26 и др.], а затем и Бактрии, не могут быть случайными; хронологический приоритет Месопотамии свидетельствует о распространении их с запада на восток.

Приведенные материалы и наблюдения при всей их отрывочности тем не менее указывают на культурно-исторические связи, существовавшие во II тыс. до н. э. между Месопотамией и примыкавшим Эламом, с одной стороны, и с Бактрией и Маргианой — с другой. Вместе с тем нет оснований видеть прямую связь между ними. Наоборот, это были опосредствованные связи, идущие через Иран, где можно предполагать промежуточные центры. Неоднократно отмечаемые соответствия глиптики Бактрии с периодом Джемдет Наср, возможно, намечают тот рубеж, когда древнеземледельческие племена Юго-Западного Ирана отрываются от своей метрополии и устремляются на восток в поисках новой родины. Неизученные обширные районы Восточного Ирана могут таить еще не открытые очаги культур типа Шахдад в Керманском оазисе, где пришлое население могло существовать в течение всего III тыс. до н. э. В таком случае Бактрия может фиксировать вторую волну предполагаемого племенного перемещения, но уже в начале II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
2. *Amiet P.* Bactriane Proto-Historique.— Syria, 1977, v. LIV, № 1—2.
3. *Amiet P.* Antiquites de Bactriane.— La Revue du Louvre et des Musées de France. V. 28. P., 1978.
4. *Cros C.* Nouvelles Fouilles de Tello. P., 1941.
5. *Amiet P.* L'Art Antique du Proche-Orient. P., 1977.
6. *Maxwell-Hyslop K. R.* Western Asiatic Jewellery. L., 1971.
7. *Sarianidi V.* New Finds in Bactria and Indo-Iranian Connections.— South-Asian Archaeology. V. 2. Naples, 1979.
8. *Amiet P.* Elam. P., 1966.
9. *Amiet P.* Antiquites de Serpentine.— Iranica Antiqua, 1980, v. XV.
10. *Porada E.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. Wash., 1948.
11. *Frankfort H.* Cylinder Seals. L., 1934.
12. *Potier M.-H.* Un Cachet en Argent de Bactriane.— Iranica Antiqua, 1980, v. XV.
13. *Сариниди В. И.* Об одной группе древнебактрийской глиптики.— В кн.: Древняя Индия. М.: Наука, 1982.
14. *Сариниди В. И.* Новый центр древневосточного искусства.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М.: Наука, 1982.
15. *Porada E.* Mesopotamian Art in Cylinder Seals. N. Y., 1947.
16. *Piperno M., Salvatori S.* Recent Results and New Perspectives from the Research at the Graveyard of Shahr-i Sokhta, Sistan, Iran.— Annali dell Istituto Universitario Orientale. Roma, 1983, v. 43.
17. *Breton L.* Note Sur la Ceramique Peinte aux Environs de Sude et a Suse.— MMAI, 1947, t. XXX.
18. *Масимов Н. С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба.— СА. 1981, № 2.
19. *Bochmer R. M.* Die Entwieklung der Glyptik Wahrend der Akkad-Zait. B., 1965.
20. *Сариниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.
21. *Woolley.* Ur Excavations II. The Royal Cemetery. N. Y., 1934.
22. *Mecquenem R.* Fouilles de Suse 1929—1933.— MMAI, 1934, t. 25.

V. I. Sarianidi

MESOPOTAMIA AND BACTRIA IN THE 2ND MILLENNIUM B. C.

Summary

The discovery of the Baktrian-Margianian archaeological complex of predominantly Western origin brought about a set of artifacts with Iranian – Mesopotamian prototypes. Thus, similar stone «staffs» were found in Lagash, pins with fist-shaped heads or crowned with heads of androcephalic oxen – in royal burials in Ur. Seals and charms carrying typically Mesopotamian images are especially demonstrative. Themes and images prompted by Mesopotamian glyptics include anthropomorphic deities with wings, including kneeling ones, winged lions, griffins, a lion tearing an ox to pieces, two beasts of prey with one head. Cylinder seals of the Mesopotamian type were also found. It is interesting to note that these images and types are not mere copies but local interpretations of Mesopotamian originals.

И. Т. ЧЕРНЯКОВ, В. П. ВАНЧУГОВ, В. Г. КУШНИР

ДРЕВНЕЙШИЕ БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В истории военного дела у племен степей Евразии лук и стрелы занимают особое место, так как они были основным видом вооружения, обеспечивавшего быстрое и успешное продвижение конных отрядов, победу степного кочевого мира над соседями. В мифах и письменных источниках древних народов Переднего Востока и Средиземноморья образ воина из степей Северного Причерноморья неизменно был связан с конным лучником. И хотя распространение лука и стрел в древнем мире было повсеместным, степи Евразии считаются по праву основной территорией развития и наиболее широкого применения этого вооружения номадов.

Изучение археологических источников по истории лука и стрел в территориальном и культурно-хронологическом отношении ведется совершенно неравномерно. Большинство исследований касается наиболее яркого скифского периода, обильно представленного письменными свидетельствами и археологическими материалами [1—3]. Исследователей занимают вопросы происхождения, классификации, хронологии этого быстро изменяющегося и совершенствующегося вида вооружения; ведутся поиски следов пребывания тех или иных племенных групп по находкам наконечников стрел на других территориях, изучается развитие и взаимное воздействие военного дела разных народов. Более ранние периоды истории этого вида вооружения изучены фрагментарно. Из-за редкости находок остатков деревянных луков либо их изображений основной темой исследований стали наконечники стрел, среди которых особое место занимают металлические стрелы.

За последние годы в советской археологии появились специальные работы И. Н. Медведской [4, 5], Н. А. Аванесовой [6] и работы общего характера [7—10], касающиеся проблемы классификации и хронологии металлических стрел. В них используются в основном находки с территории азиатской части степей, Кавказа и Закавказья. Для Северного Причерноморья наиболее важными являются исследования по этой проблеме В. А. Ильинской [11], А. И. Тереножкина [12], А. М. Лескова [13, 14], Э. С. Шарафутдиновой [15]. Их результатом явилась разработка хронологической классификации бронзовых наконечников стрел предскифского периода вплоть до начала I тыс. до н. э., выделение различных типов костяных наконечников стрел позднебронзового века в Северном Причерноморье, установление генетической связи последних с металлическими стрелами скифской эпохи.

Однако почти полное отсутствие археологических источников до недавнего времени не позволяло исследователям заняться более древними периодами существования металлических стрел в изучаемом регионе, хотя такие находки были известны на соседних территориях. Впервые наиболее ранние металлические стрелы позднебронзового века Северного Причерноморья выделил Е. Н. Черных, который на материалах Лобойковского клада обосновал существование двух типов стрел [16, с. 98].

Ограниченное количество источников по данной проблеме подчеркивает важность внимания к любой новой находке, заставляющей иногда в целом пересматривать ранее известные источники и постановку самого вопроса. Археологические источники по истории развития металлических стрел в отличие от других категорий имеют некоторое своеобразие. По-видимому, из-за малой массы металла они почти не встречаются в

составе многочисленных кладов бронзовых изделий. Вероятность нахождения стрел возможна только в составе больших кладов, типа упоминавшегося Лобойковского или Уиоара де Сус, Шпэльнака II в Румынии, где насчитывается по несколько тысяч предметов общим весом около 1 т [17]. Находки наконечников стрел, например, скифской эпохи связаны в основном с погребениями и, редко, с поселениями. Надеяться на находку металлических наконечников стрел в погребениях эпохи поздней бронзы весьма трудно, так как металлические изделия в них очень редки, несмотря на довольно развитое бронзолитейное производство у племен Северного Причерноморья. Исследование же поселений, представленных здесь в большом количестве, до недавнего времени проводилось в небольшом объеме. Находки литейных форм для производства наконечников стрел являются уникальным случаем даже для памятников скифской эпохи, где сами стрелы известны в огромном количестве [3, с. 94—97].

Большой интерес поэтому представляет находка обломка литейной формы с негативами наконечников стрел на поселении позднесабатиновского типа Суворово VI, расположенном на восточном берегу оз. Катлабух (рис. 1). Фрагмент формы представляет собой треугольный в плане и разрезе кусок талькового сланца темно-зеленоватого цвета, происходящего, вероятно, из Криворожья [18, с. 185—194]. Его размеры: длина 6, ширина 5, толщина 3 см. Это обломок большой литейной формы, использованной и переделанной древними мастерами не менее 4 раз. На трех его плоскостях прослеживаются ровные обожженные поверхности от каких-то прежних плоских негативов, реконструировать которые не представляется никакой возможности. Одна из предпоследних переделок литейной формы связана с остатками негатива, которые по форме и разрезу могут принадлежать ножу (рис. 2, *3, 4, 6, 7*); типы ножей хорошо известны на территории Юго-Восточной и Центральной Европы [17, с. 316, рис. 186, *11*; *18*; 19].

При последней переделке литейной формы она была разделена на части прямой линией при помощи «техники сверления в ряд», от которой остались следы шести отверстий (рис. 2, *1, 4*). Эта техника хорошо известна на многих литейных формах позднебронзового века Северного Причерноморья [20, с. 179—184]. На двух плоскостях оставшегося небольшого куска литейной формы были вырезаны два негатива наконечников стрел (рис. 2, *2, 5*).

Первый негатив вырезан на торцевой стороне обломка литейной формы, где прослеживаются слабые следы от прежнего негатива в виде обработанной, заглаженной и обожженной поверхности с сохранившимся углубленным прямым ровиком глубиной около 1,2 мм (рис. 2, *2*). Вновь вырезанный негатив представляет собой двухлопастный черенковый наконечник стрелы с пером подтреугольной формы, концы которого опущены вниз с небольшим наклоном к средней части (рис. 2, *2*; рис. 3, *1*). Размеры негатива следующие: длина 20 мм, ширина между концами пера 15, длина черенка 13, ширина черенка 3, глубина вырезки негатива 1,2 мм. Вырезка негатива до конца не закончена, поверхность его не обожжена. Может быть, доработка негатива была приостановлена из-за поломки талькового камня.

Второй негатив наконечника стрелы вырезан на самой широкой плоскости литейной формы. Он представляет собой двухлопастный черешковый наконечник стрелы с отогнутыми вниз и в стороны концами пера подтреугольной формы (рис. 2, *5*; рис. 3, *2*). Посередине пера имеется небольшая нервюра, а на конце черенка короткая перпендикулярная перекладина. Негатив хорошо обожжен, литье наконечника осуществлялось через литник, соединенный с его острым концом. По всей вероятности, с этим негативом связано и круглое углубление для штифта на поверхности литейной формы. Размеры негатива: длина 45 мм, ширина пера между раздвинутыми концами 27, длина черенка 20, длина перекладины 9, ширина черенка 2,5 мм. Форма, очевидно, была двухсторонней, и общая толщина наконечника стрелы составляла 3—4 мм.

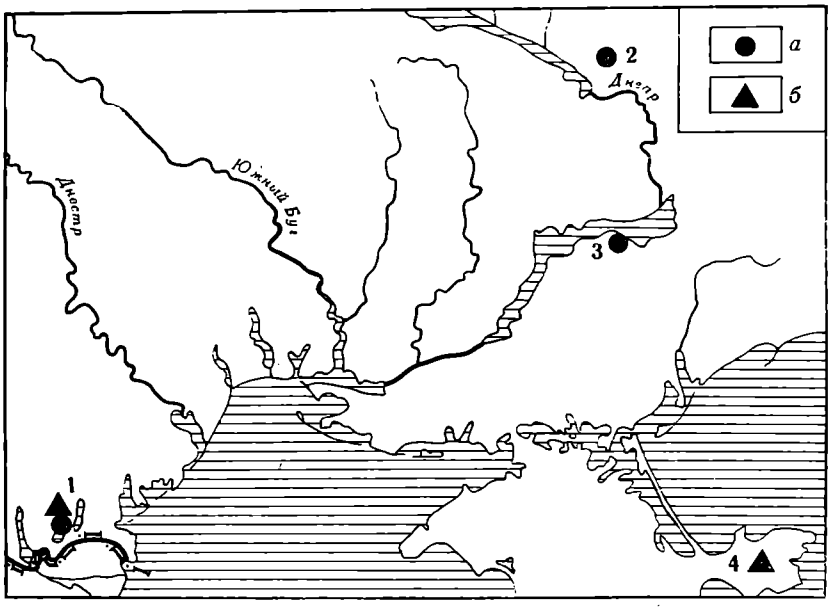


Рис. 1. Карта находок древнейших металлических стрел в Северном Причерноморье. *1* – Суворово; *2* – Лобойково; *3* – Благовещенка; *4* – Кирово (*а* – находки бронзовых стрел; *б* – находки литейных форм с негативами стрел)

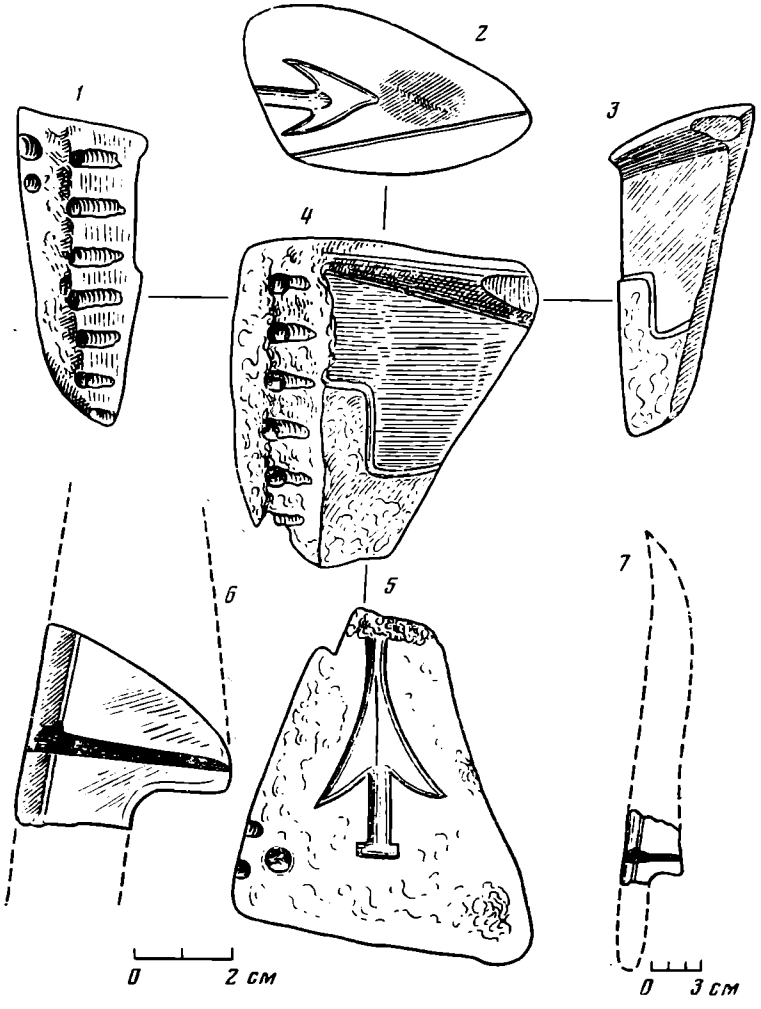


Рис. 2. Литейная форма с негативами наконечников стрел и ножа из поселения Суворово VI. *1–5* – тальк; *6*, *7* – реконструкция ножа по негативу

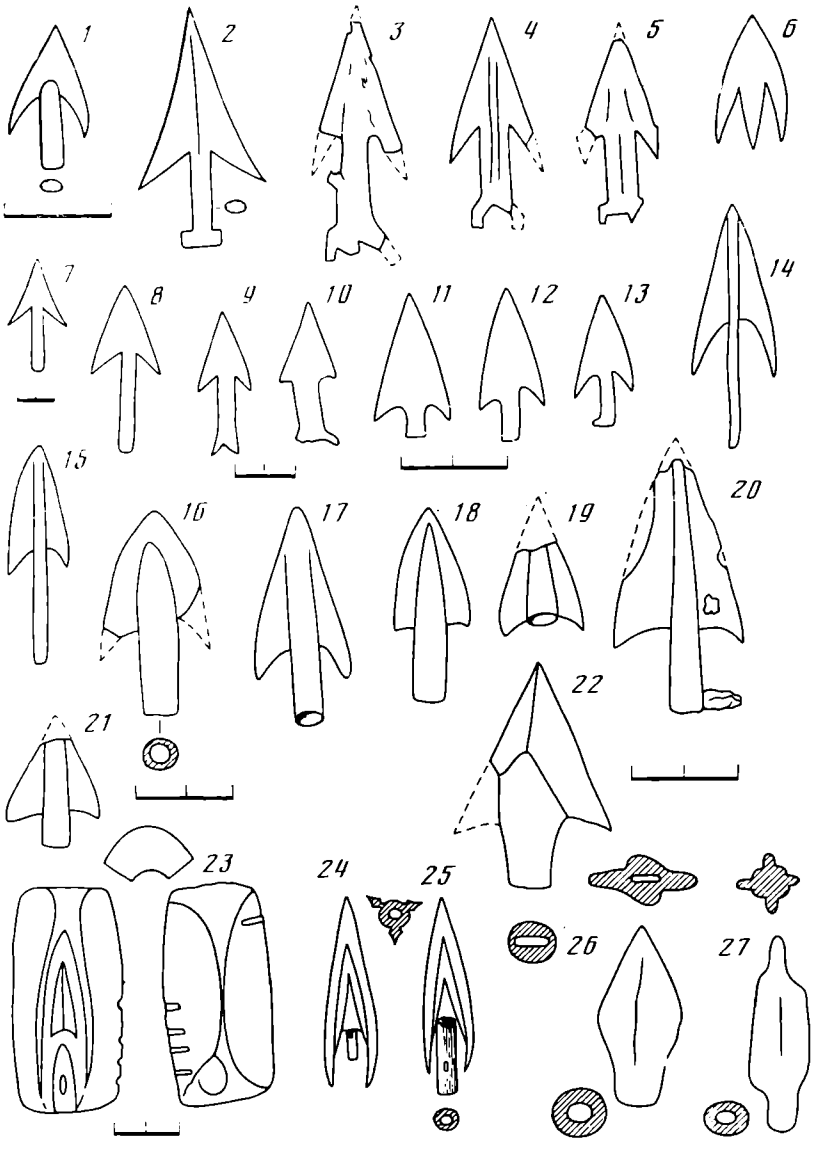


Рис. 3. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья и их аналогии. *1, 2, 16* – Суворово; *3–5, 17* – лужицкая культура; *6* – Иран; *7–10* – кобанская культура; *11, 12* – Троя VI; *13* – Нитрянски Град; *14* – Закавказье; *15* – Талыш; *18* – хутор Верхнеподольный; *19* – Уиоара де Сус; *20–22* – Шпэлнака II; *23–25* – Кирово; *26, 27* – Лобойково (*1, 2, 7, 24, 25* – реконструкция по литейным формам; *3–6, 8–22, 26, 27* – бронза; *23* – тальк)

В общем виде оба негатива на суворовской литейной форме представляют разновидности (или подтипы) одного типа черенковых наконечников стрел с опущенными вниз концами подтреугольного пера. Близкие экземпляры известны в лужицкой культуре (рис. 3, *3–5*), где имеются и сходные типы костяных наконечников стрел [21, с. 88, рис. 60, 61]. Значительная коллекция таких стрел известна в Иране (рис. 3, *6*), кобанской культуре (рис. 3, *7–10*), Закавказье (рис. 3, *14*), Талыше (рис. 3, *15*), Сирии, Анатолии, где они встречаются начиная с 1200 г. до н. э. [5, с. 24–27; 8, с. 72–74]. На Кавказе эти типы стрел относятся к XII–X вв. до н. э. [9, с. 43, рис. 1]. На Сержень-Юртовском и Бамутском поселениях открыты и литейные формы с негативами таких стрел [10, с. 153, рис. 9, 17, 19]. Закавказские, талышские и иранские стрелы имеют более крупные размеры (8–12 см) и удлиненные черенки. Наконечники стрел Западной Грузии и Северного Кавказа отличаются от них отсутствием центрального ребра и несколько другими очертаниями пера. Наличие перекладины на конце черенка суворовской стрелы

не является исключением. Подобные приспособления для лучшего закрепления на древке известны на стрелах лужицкой и кобанской культур.

Если древнейшие металлические черенковые наконечники стрел на Переднем Востоке появились в конце III — начале II тыс. до н. э., то в Евразийских степях — с середины II тыс. до н. э. [5, с. 23—25; 6, рис. 2]. По данным И. Н. Медведской, обработавшей материалы по истории металлических наконечников стрел Переднего Востока, появление черенковых типов с пером подтреугольной формы и опущенными жальцами относится к разному времени: в Палестине — с 1200 г. до н. э., в Анатолии — с 1400 г. до н. э. Датировки разработаны не на типологии стрел, а на независимом материале (украшения, скарабеи и др.). Более ранняя датировка таких типов стрел в западных районах Передней Азии подтверждается находками таких стрел (рис. 3, *11*, *12*) в Трое VI [22, рис. 35], датировка которой приходится, по К. Блегену, на 1800—1300 гг. до н. э. [23, с. 174]. Возможно, отсюда и довольно рано, с середины II тыс. до н. э., металлические наконечники черенковых стрел с подтреугольной формой пера и опущенными жальцами распространились в Центральной Европе (рис. 3, 13). Находки таких металлических стрел имеются в Нитрянском Граде в Чехословакии [24, табл. 122, *25*], археологические материалы которого связываются с мадаровской культурой.

Раннее распространение исследуемых типов наконечников стрел в Европе, наличие на литейной форме остатков негатива ножа среднеевропейского типа свидетельствуют о западных связях мастеров-литейщиков Суворовского поселения, хотя находка литейной формы из талька северопричерноморского происхождения — неоспоримое доказательство местного производства стрел. Полемика исследователей о двух независимых линиях развития металлических наконечников стрел (черенковых — на Переднем Востоке, втульчатых — в Евразийских степях) пока не закончена [5, с. 29]. Заманчиво было бы объяснить в этой связи происхождение черенковых стрел в памятниках сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья связями с Передней Азией и Восточным Средиземноморьем, которые прослеживаются независимо от этого на других археологических источниках (находки керамики сабатиновского типа в слое VII в Трое, в позднемикенских городах Ахейской Греции [25, с. 192]). Однако необходимо учитывать и то, что для таких типов стрел в Северном Причерноморье были и свои собственные прототипы среди черенковых кремневых стрел катакомбной и культуры многоваликовой керамики [26, с. 341]. Напомним также о довольно широком распространении в эпоху средней и поздней бронзы различных типов костяных стрел, большинство которых черешковые. Современная источниковедческая база пока не позволяет решить вопрос, являются ли корни эволюционного ряда металлических стрел местными или заимствованными. На позднесабатиновском поселении Суворово VI, где была найдена литейная форма с негативами наконечников стрел, в 1980 г. при исследовании хозяйственной ямы обнаружен бронзовый длинновтульчатый двухлопастный наконечник стрелы с подтреугольной формы пером и опущенными вниз жальцами (рис. 3, *16*). Кончики пера обломаны в древности. Наиболее близкие ему аналогии находятся в лужицкой культуре (рис. 3, *17*) и датируются в пределах III периода бронзового века 1200—1000 гг. до н. э. [27, с. 149, рис. 32, *12*]. В сводке чешского археолога В. Подборского такие наконечники стрел имеются в находках на территории Центральной Европы [28, с. 41, рис. 6, *9—11*]. Суворовский экземпляр отличается от них более архаичным строением: втулка занимает только часть пера, не доходя до его конца. Размеры бронзового наконечника стрелы следующие: длина 40 мм, наибольшая ширина пера 19, длина втулки 33, диаметр втулки 7 мм. Сходное оформление втулки относительно пера наблюдается на одном из наконечников стрел из клада Шпэлнака II в Румынии (рис. 3, *22*), хотя там же имеются втульчатые стрелы с другим соотношением втулки и пера (рис. 3, *20*, *21*). Аналогичную форму пера имеет наконечник стрелы со скрытой втулкой из клада Уиоара де Сус (рис. 3, *19*). Оба упомянутых клада М. Петреску-

Димбовица относит к $НА_I$, датируемого им XII в. до н. э. [17, с. 108—112, рис. 202, *8—14*, рис. 251, *19*].

В 1967 г., исследуя позднесабатиновское поселение Кирово в Крыму, А. М. Лесков нашел часть литейной формы для отливки крупных трехгранных наконечников стрел, но так как такие типы в памятниках эпохи поздней бронзы ранее не встречались, то он не рискнул ее отнести к исследуемому комплексу [13, с. 31, прим. 20]. Первым обратил внимание на эту находку Е. Н. Черных, сопоставив представленный на литейной форме тип наконечников стрел с втульчатым четырехперым бронзовым наконечником из Лобойковского клада и стрелой из погребения у с. Благовещенка Запорожской обл. [16, с. 98]. Затем В. И. Клочко тщательно изучил ее, реконструировал недостающие части формы из гипса и отлил в ней в качестве эксперимента из сплава Вуда трехгранные наконечники стрел [29, с. 65—69]. Найденная на Кировском поселении матрица представляет собой часть трехсоставной формы (рис. 3, *23*). Она изготовлена, как это отметил В. И. Клочко, из типичных для эпохи бронзы материалов — тальковых сланцев. Дополним, что на ней видны и столь характерные для мастеров этой эпохи следы разделения камня при помощи «техники сверления в ряд», о которой упоминалось выше в связи с исследованием суворовской литейной формы. На наш взгляд, автор указанного исследования кировской литейной формы убедительно доказал отличие изготовляемых в ней стрел от очень похожих скифских, найдя им аналогии среди совершенно аналогичных костяных стрел позднебронзового века [29, с. 67].

Среди развитых типов трехгранных костяных наконечников стрел культуры Ноа и Сабатиновка имеются типы с длинной втулкой и со скрытой [13, с. 35, рис. 29; 30, с. 425, рис. 118, *11*, *14*; 31, с. 162, рис. 13, *2*; 32, с. 14, 15, рис. 7, *11—14*; 33, с. 21, рис. 8, *13—20*; 34, с. 97, рис. 36, *1*]. Накопленный нами опыт в экспериментальном изготовлении копий литейных форм и литья в ней бронзовых изделий [35, с. 26—29] позволяет судить о том, что в кировской литейной форме могли отливать наконечники стрел не только со скрытой втулкой (рис. 3, *24*), как это реконструировал В. И. Клочко, но и с удлиненной открытой втулкой (рис. 3, *25*). Таким образом, в кировской литейной форме отливались трехгранные наконечники стрел либо с длинной втулкой (общая длина стрелы — 6,6 см), либо со скрытой втулкой (общая длина — 6 см).

Уникальная находка части литейной формы для отливки трехгранных наконечников стрел на Кировском поселении и находки аналогичных костяных стрел, распространенных среди памятников культур Ноа и Сабатиновка, скорее всего свидетельствует о севернопричерноморском их происхождении в рамках наиболее известных и высокоразвитых очагов металлообработки [16].

И хотя приведенные аналогии черенковым и втульчатым типам металлических наконечников стрел из Суворово и Кирово позволяют отнести их бытование к XII в. до н. э., уверенно установить хронологию может лишь дата памятников, с которыми они были связаны.

Культурно-хронологическая датировка Кировского поселения, произведенная его исследователем, нуждается в уточнении. По мнению А. М. Лескова, Кировское поселение было заселено дважды — племенами катакомбной, а затем позднесрубной культуры [13, с. 7]. Нас интересует второй период заселения, связанный с эпохой поздней бронзы, который исследователь считает длительным беспрерывным периодом существования поселения от начала сабатиновского этапа (XIII в. до н. э.) до конца бронзового века, включая VIII в. до н. э. [13, с. 47]. Датировка заключительного этапа поселения основана на находке вытянутого погребения и свидетельствует, вопреки мнению А. М. Лескова, скорее о том, что к этому времени поселение было давно заброшено. Весь период существования поселения, охватывающего около пяти столетий, А. М. Лесков разделяет на три этапа: I — сабатиновский, II — переходный от сабатиновского к белозерскому, III — белозерский. К сожалению, о страти-

графическом разделении слоев поселения из публикации судить невозможно: отсутствуют не только чертежи разрезов, но и анализ вертикальной либо горизонтальной стратиграфии, характера культурно-хронологического сочетания хозяйственных комплексов. Подробная классификация и статистический анализ керамического комплекса, проделанные Д. В. Деопиком, не снимают всех недоразумений о единстве или многокомпонентности памятника [36, с. 60]. А. М. Лесков не смог в описании керамики твердо связать отдельные экземпляры с определенным слоем, а лишь выявил в ней сабатиновские, белозерские и смешанные черты, придав им характер соответствующих этапов существования поселения, не подтвержденных стратиграфией. Полутысячелетнее беспрерывное существование поселения не подтверждается ни стратиграфическим разрезом, ни толщиной культурных напластований. Комплекс изделий из кости (в том числе и зубчатые лопатки коня и быка) Кировского поселения всецело связан с памятниками типа Ноа и Сабатиновки. То, что их рискованно связывать с памятниками белозерского типа, отметил еще А. И. Тереножкин, основываясь на присутствии, например, костяных стрел в хорошо датированных слоях культуры Ноа в Магале и отсутствии их в слоях фракийского гальштата этого поселения [12, с. 36].

В настоящее время существует различное понимание исследователями культурно-хронологического содержания памятников сабатиновского и белозерского типов в Северном Причерноморье [13, с. 48; 34, с. 8; 37—39]. При исследовании Болградского поселения также была прослежена смешанность элементов сабатиновских и белозерских памятников в керамическом комплексе [40], которая была отмечена и на других поселениях позднебронзового века Северо-Западного Причерноморья, что позволило выделить памятники позднесабатиновского типа [38, с. 22], к которым по керамическому составу и другим чертам можно отнести Кировское и Суворовское поселения. Изменение памятников сабатиновского типа, появление значительного количества лощеной керамики на поселениях белозерско-тудоровского типа связываются в настоящее время и с изменением культурного окружения в западном ареале, где культура Ноа сменяется памятниками фракийского гальштата [41, с. 38]. Хорошо датированные слои поселения Магала (в том числе и по ^{14}C), исследованного Г. И. Смирновой, устанавливают надежный хронологический репер этих изменений, относящихся к концу XII в. до н. э. [42, с. 68]. Эту дату подтверждают и материалы бронзолитейного производства, которые именно в это время фиксируют его кризисное состояние [43, с. 260; 44].

Таким образом, как внешние аналогии, так и наличие костяных наконечников стрел, сходных с металлическими, датировка позднесабатиновских поселений с находками литейных форм для отливки бронзовых наконечников стрел позволяют в настоящее время отнести появление металлических стрел в Северном Причерноморье к концу XII в. до н. э. Находка некоторых типов из них в более поздних погребениях (рис. 3, *18*) не исключает их более длительного бытования [12, с. 50].

Несмотря на небольшое количество находок (рис. 1) бронзовых наконечников стрел или их негативов (четыре металлических, из них два из Лобойковского клада; три негатива на двух литейных формах), в Северном Причерноморье, поражает многообразие типов металлических стрел (два черенковых, четыре втульчатых). Это может быть связано только с начальным этапом в изготовлении наконечников стрел из металла, когда древние мастера-литейщики пробуют претворить в бронзе достаточно разнообразные типы стрел, которые до этого широко изготовлялись из кремня и кости. Поиски наиболее эффективных типов металлических наконечников стрел завершились, вероятно, только в предскифский и раннескифский периоды, когда входят в употребление большие серии однотипных стрел [12, с. 133—138], среди которых особое место в истории принадлежит трехгранному наконечнику стрелы скифов, прототип которого был найден еще в бронзовом веке мастерами Северного Причерноморья. Выявление более древнего звена металлических стрел на этой

территории заставляет более осторожно относиться к идее заимствования некоторых типов предскифского времени из глубин азиатских степей [45, с. 40—46].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
2. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.– САИ, 1964, вып. Д1-4.
3. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
4. *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Передней Азии и Казахстана.– СА, 1972, № 3.
5. *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II – первой половины I тыс. до н. э.– СА, 1980, № 4.
6. *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.– Тр. САГУ, 1975, вып. 270.
7. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
8. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.
9. *Котович В. Г., Давыдов О. М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе.– СА, 1980, № 4.
10. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.– САИ, 1982, вып. В2-5.
11. *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів.– Археологія, 1973, вип. 12.
12. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
13. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
14. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.– МИА, 1971, № 177.
15. *Шарафутдинова Э. С.* Наконечники стрел из поселений кобяковской культуры эпохи поздней бронзы.– КСИА, 1973, вып. 134.
16. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
17. *Petrescu-Dîmbovita M.* Depozitele de brônzuri din Rômânia. Bucureşty, 1977.
18. *Петрунь В. Ф.* Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья.– В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР.– Киев: Наук. думка, 1967.
19. *Rihowsky J.* Die Messer in Mähren und dem Ostalpengebiet. München, 1972.
20. *Черняков И. Т.* Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы.– В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
21. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977.
22. *Werener M.* Troya. Lpz, 1971.
23. *Blegen C. W.* Troy and the Troyans. L., 1963.
24. *Tocik A.* Nitriansky Hradok-zamecec. Bez Nove Zamky. Bronzezeitliche befestigte Ansiedlung der Madarovce kultur. Nitra, 1978.
25. *Sandars N. K.* The Sea Peoples warriors of the ancient Miditerenean. L., 1976.
26. *Братченко С. Н.* Пам'ятки багатоваликової кераміки.– В кн.: Археологія Української РСР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1971.
27. *Kostrzewski J., Chmielewski W., Jazdzewski K.* Pradieje Polski. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 1965.
28. *Podborsky W.* Mähren in der Spätbronzezeit ind an der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1969.
29. *Клочко В. И.* Об одной из литейных форм Кировского поселения.– В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наук. думка, 1981.
30. *Лесков О. М.* Зрубна культура.— В кн.: Археологія Української РСР. Т. 1. Київ: Наук. думка, 1971.
31. *Florescu A. C.* Contributii la cunoasterea culturii Noua.– AM, 1964, v. II—III.
32. *Смирнова Г. И.* Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина XII в. до н. э.) – МИА, 1969, № 150.
33. *Смирнова Г. И.* Новые исследования поселения Магала.– АСГЭ, 1972, вып. 14.
34. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
35. *Черняков И. Т.* Экспериментальные работы по изготовлению литейных форм и литья бронзовых изделий.– В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы конференции). Ч. III. Киев, 1975.
36. *Деопик Д. В.* Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово.– В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
37. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.– СА, 1968, № 3.
38. *Черняков И. Т.* Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке (вторая половина II тыс. до н. э.). Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1975.

39. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры.– В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, Изд-во ДонГУ, 1979.
40. *Черняков И. Т.* Слой поздней бронзы Болградского поселения.— КСИА, 1966, вып. 106.
41. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
42. *Смирнова Г. И.* Культурно-историческая стратиграфия поселения Магала.– Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
43. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1979.
44. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.– СА, 1978, № 4.
45. *Клочко В. И.* Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н. э.– В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.

I. T. Chernyakov, V. P. Vanchugov, V. G. Kushnir

THE EARLIEST BRONZE ARROWHEADS IN THE NORTHERN PONTIC AREA

Summary

During the recent years Soviet archaeologists identified the earliest metal arrowheads of the Bronze Age in the Eurasian steppes [5, 6]. Suvorovo VI, a late Sabatinovka site, yielded a mould (Figs. 1, 2) with two negatives of tanged arrowheads (Fig. 3, *1*, *2*). Analogies date it to the late 12th century B. C. A bronze socketed arrowhead (Fig. 3, *16*) similar to arrowheads of the Łužica culture (Fig. 3, *17*), from the hoards of the 12th century B. C. of Spalnaca (Fig. 3, *20–22*), and Uioară de Sus (Fig. *3*, *19*) was found on the same settlement. The earliest metal arrowheads of the Northern Pontic area are represented by the socketed artifacts from the Loboikovo hoard (Fig. 3, *26*, *27*). A mould from Kirovo in the Krimea, a Late Sabatinovka settlement, with a negative of a trihedral arrowhead (Fig. 3, *23–25*) identical to bone arrowheads of the Noa and Sabatinovka cultures and an earliest predesessor of Scythian trihedral bronze arrowheads is especially interesting.

А. В. МАТВЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тридцать лет назад Н. Л. Членова предложила отнести тогда еще сравнительно немногочисленные памятники эпохи поздней бронзы, находившиеся на востоке западно-сибирской лесостепи, к особой, отличной от карасукской ирменской культуре [1]. С течением времени большинство специалистов согласились с этим, хотя единства взглядов на проблемы происхождения, хронологии ирменской культуры, а также по ряду других вопросов не было достигнуто. Это заставляет обратиться к данным проблемам вновь, рассмотреть историю их разработки и некоторые новые материалы, полученные в последние годы на ирменских памятниках Приобья.

Историю исследования памятников ирменской культуры можно разделить на три этапа. Первый, дореволюционный, связан с работами В. В. Радлова, А. В. Адрианова, С. К. Кузнецова, Н. С. Гуляева и В. П. Михайлова, которыми в Барабинской лесостепи, Притомье и на Северном Алтае были получены очень немногочисленные ирменские материалы, долгие годы остававшиеся по существу не связанными с определенным этапом древней истории этого региона [2, с. 115; 3, с. 110, 111; 4, с. 6].

Второй этап охватывает период с середины 20-х до середины 50-х годов. Он характеризуется началом целенаправленного изучения памятников бронзового века, масштабы и территориальный диапазон которого непрерывно растут. Эти исследования ведут М. П. Грязнов, К. Э. Гриневич, А. П. Дульзон, С. М. Сергеев, Г. В. Трухин, У. Э. Эрдниев и др. [5—7; 8, с. 144—146; 9—11]. В теоретическом плане это время господства сделанного в 1927 г. С. А. Теплоуховым вывода о принадлежности енисейских и верхнеобских памятников эпохи бронзы к карасукской культуре, которая, по его мнению, возникла около начала I тыс. до н. э. и своим происхождением связана как с предшествующей ей андроновской, так и с культурой, зародившейся в пределах Китая [12, с. 106—108; 13, с. 44, 45]. Позднее к этому выводу присоединились М. П. Грязнов и С. В. Киселев [5, с. 5, 6; 14, с. 62—108]. С. В. Киселев, правда, имея в своем распоряжении уже значительно больший материал, предполагал, что на Алтае, в противоположность Минусинской котловине, в карасукское время продолжало господствовать старое, андроновское население, хотя его культура тоже подверглась сильному воздействию с востока. Карасукские памятники он датировал 1200—700 гг. до н. э. [14, с. 63, 91].

Третий этап, начавшийся в середине 50-х годов, продолжается по настоящее время. Накопленные к его началу материалы привели к выявлению настолько ярко выраженных особенностей памятников бронзового века на Оби и Енисее, что рассматривать их в рамках одной карасукской культуры стало невозможным. Н. Л. Членова, выделяя в 1955 г. ирменскую культуру, отметила, что от карасукской ее отличают генетическая связь с андроновским и лесным компонентами и наличие предскифских черт [1, с. 49]. В ряде более поздних работ она уточнила последний тезис, высказав мнение, что ирменские памятники следует датировать VIII—VII вв. до н. э., тогда как появление карасук-

ских в Минусинской котловине относится еще к концу II тыс. до н. э. [15, с. 145; 16, с. 82]. Некоторое сходство этих культур Н. Л. Членова объясняет влиянием карасукской на ирменскую [1, с. 49; 17, с. 19].

Своеобразие приобских памятников бронзового века подчеркивал в середине 50-х годов и М. П. Грязнов. В это время он счел возможным выделить на территории Сибири и Казахстана несколько районов с отчетливо проявившимся своеобразием культуры карасукского времени. При этом термин «карасукская культура» он считал целесообразным использовать только в отношении одного из указанных районов — Минусинского, а применительно к другим — Томскому, Новосибирскому, Восточно- и Центральноказахстанскому и т. д.— предложил употреблять термины «карасукская эпоха» или «культура карасукского типа» [4, с. 26, 40; 7, с. 36, 37]. Тогда же М. П. Грязнов отмечал, что лесостепные племена Томского, Новосибирского и Верхнеобского районов составляли особую группу карасукских племен. Памятники названных районов, по его мнению, обнаруживали очень большое сходство между собой и заметно отличались от соседних [7, с. 37]. Культура населения карасукской эпохи Верхней Оби и Енисея, как он считал, была генетически связана с андроновской. Особенностью же культуры Верхней Оби, согласно его точке зрения, являлось то, что здесь «общие для степных племен Енисея, Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии формы бронзовых орудий и украшений... не получили распространения и не оказали сколько-нибудь заметного влияния на местные формы орудий и украшений» [4, с. 39]. Верхнеобские и енисейские памятники датировались М. П. Грязновым началом I тыс. до н. э. [7, с. 34].

Полевые исследования третьего этапа отличаются особой широтой и охватывают практически весь ареал ирменской культуры. Появляются в ходе их проведения и новые точки зрения на проблемы происхождения и хронологии культуры. Довольно близкие между собой гипотезы выдвинули М. Ф. Косарев, В. И. Матющенко и В. А. Посредников. По мнению М. Ф. Косарева, высказанному им в одной из своих ранних работ [18], основой для сложения ирменской культуры послужило взаимодействие выделенной им еловской культуры с пришлыми минусинскими племенами карасукцев. При этом дата ирменской культуры была определена IX—VIII вв. до н. э. В. А. Посредников, принимая эту дату, рассматривал генезис ирменской культуры как результат смешения еловского и верхнеобского населения [19, с. 171]. В обобщающем исследовании, посвященном неолиту и бронзовому веку лесного и лесостепного Приобья, В. И. Матющенко выделил единую еловско-ирменскую культуру, существовавшую, согласно его точке зрения, с XII по VIII—VII вв. до н. э. Памятники второго, ирменского ее этапа, несут в себе, по его мнению, черты андроновского и карасукского компонентов [20, с. 158]. В последнее время В. И. Молодиным высказана новая гипотеза происхождения ирменской культуры, основными компонентами сложения которой он считает андроновский и предположительно позднекротовский. По материалам Барабы он датирует ирменские памятники с IX по VIII—VII вв. до н. э. [21, с. 19, 20].

Таким образом, исследование ирменских памятников в разных районах Западной Сибири укрепило тезис о генетическом родстве андроновской и ирменской культур. Расхождения во взглядах специалистов вызывают лишь вопросы о наличии или отсутствии промежуточных этапов между ними и о том, какие компоненты кроме андроновского приняли участие в ее формировании. Как не выдержавшие проверку временем в настоящий момент могут быть сняты гипотезы о лесном и верхнеобском компонентах в ее составе, так как лесную по происхождению керамику с горы Изых под Абаканом нет оснований относить к ирменской культуре, а памятники Верхней Оби — те же ирменские. Подвергнуто справедливой, на наш взгляд, критике выделение В. И. Матющенко еловско-ирменской культуры [22, с. 180; 23, с. 53]. В остальном проблемы происхождения и особенно хронологии ирменских памятников остаются дискуссионными.

Исследования последних лет в лесостепном Приобье и в соседних районах позволяют в общем виде наметить несколько иную схему возникновения и развития ирменской культуры. Она, безусловно, не претендует на окончательность, а может рассматриваться лишь в качестве рабочей гипотезы, построенной на новом материале.

Современная археологическая периодизация лесостепного Приобья к числу доирменских культур относит андроновскую (федоровскую) и еловскую. Появление андроновцев в Приобье рассматривается большинством специалистов как последствие миграции. Есть основания видеть ее исходный пункт в степных и лесостепных районах Урало-Иртышского междуречья, где федоровская культура, по обоснованному мнению Г. Б. Здановича, складывается на базе предшествующей ей алакульской [24, с. 34].

Одна из самых сложных проблем федоровских памятников — установление их хронологии. В. С. Стоколос, М. Ф. Косарев, В. И. Молодин и ряд других исследователей полагают, что эти памятники нельзя датировать временем ранее XIII в. до н. э. [22, с. 131, 132; 25, с. 121, 122; 26, с. 67, 68, 77, 79]. Данная точка зрения не кажется нам убедительной, во-первых, из-за сравнительной немногочисленности веских аргументов в ее пользу, которые представлены пока лишь единичными радиоуглеродными датировками [27, с. 163; 28, с. 42], и, во-вторых, из-за того, что она не согласуется с хронологией андроновских памятников Минусинской котловины. Последние, безусловно, древнее карасукских, существование которых в конце II тыс. до н. э. признается всеми исследователями [16, с. 82; 29, с. 180]. На наш взгляд, ближе всего к истине точка зрения Н. А. Аванесовой и Г. Б. Здановича, датирующих федоровские памятники временем около XIV—XIII вв. до н. э. [24, рис. 2; 30, с. 24].

Послеандроновский период в лесостепном Приобье долгое время был представлен сравнительно немногочисленными находками, позволившими некоторым специалистам включить этот район в ареал памятников еловского типа [20, с. 4, 5; 22, с. 145]. Исследования последних лет В. А. Захом поселения Ордынское 12 на Оби [31, с. 208; 32, с. 242] и раскопки автором жилища 5 на комплексе археологических памятников Красный Яр 1 [33, с. 250] не дают оснований согласиться с этой точкой зрения. От еловских комплексов лесной зоны данная керамика (рис. 1, *2—10*) [1] отличается небольшим удельным весом ямочно-гребенчатых композиций (по шейке и плечикам на Ордынском 12 соответственно 18,6± ±7,9 и 14,2±5,0%) и богатых геометрических узоров, наличием валиков и жемчужин (на том же памятнике по шейке соответственно 3,1±3,5 и 4,1±3,9%). Это говорит об отличии процесса формирования культуры послеандроновского времени в лесном и лесостепном Приобье. В лесной зоне в состав еловской культуры, как это можно считать установленным, вошел значительный ямочно-гребенчатый компонент [22, с. 160]. В лесостепи же в это время, на наш взгляд, продолжалось развитие чисто андроновских орнаментальных традиций. Сходство посуды Ордынского 12 и жилища 5 Красного Яра 1 с андроновской керамикой проявляется в плавной профилировке горшков и наличии сосудов баночной формы, в бытовании одних и тех же в целом орнаментов, среди которых наиболее распространены узоры из наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампов, встречаются геометрические фигуры, и в частности косые треугольники. Сказанное позволяет выделить данные памятники в особую группу и по поселению Ордынское 12 назвать ордынскими. Их безусловно более ранний возраст по сравнению с ирменскими стратиграфически зафиксирован на поселении Красный Яр 1, где жилище 5 оказалось перекрыто зольником, в который сверху был врезан котлован более позднего ирменского жилища 3 [33]. Таким образом, ордынские памятники должны быть на каком-то отрезке времени синхронны еловским. Можно

---

[1] Автор выражает искреннюю благодарность В. А. Заху за разрешение использовать в статье неопубликованные материалы.

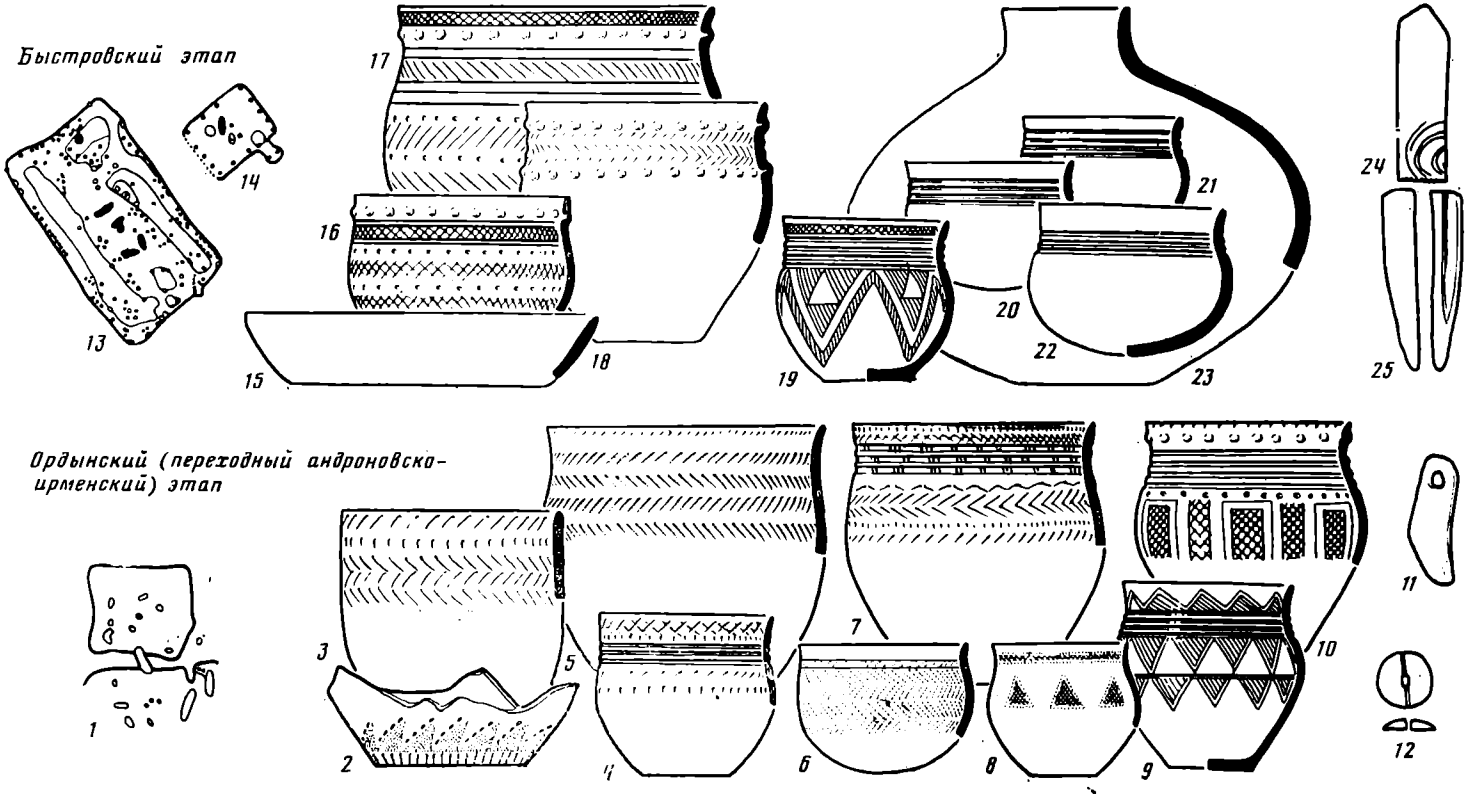
предположить, что период их существования соответствует концу XIII — началу XII в. до н. э., поскольку уже в последней четверти II тыс. до н. э. в Приобье появляются наиболее ранние из ирменских памятников, с которыми они обнаруживают очень тесное сходство. Последнее обстоятельство дает возможность памятники ордынского типа рассматривать в качестве переходных андроновско-ирменских.

Накопление данных по ирменской культуре и исследование в Приобье ряда долговременных поселений, где изучены разновременные жилища и мощные зольники, в течение длительного времени служившие местами свалки мусора и поэтому позволяющие проследить эволюцию материальной культуры обитателей поселков за период их функционирования, дает возможность отказаться от неизбежного ранее статичного ее рассмотрения. Анализ различных категорий вещественного материала, и в первую очередь керамики, позволяет выделить в развитии культуры три последовательных этапа: быстровский, ирменский и позднеирменский.

К настоящему времени быстровская керамика обнаружена более чем на 10 памятниках рассматриваемого района. Большинство из них тяготеет к его южной части. Это поселения Заковряшино, Цыганкова сопка, Казенная заимка в Барнаульском Приобье [2], Быстровка 4 [33—35], Милованово 3 [36], Чингис 1, Петуниха 1 и 2, Сельская и др. на юге Новосибирской обл. Керамика представлена преимущественно горшками, а также банками, кувшинами и мисками (рис. 1, *15—21*). Из плоскостных узоров наиболее характерны сетка и елочка, выполненные нарезкой (на Быстровском поселении по шейке и тулову соответственно 45,6± ±7,3 и 60,4±5,9% сетки и 16,1±5,4 и 22,7±5,1% елочки). Возрастает по сравнению с ордынской керамикой процент ямочных узоров (на том же памятнике 67,3±5,7% по тулову). Из рельефных узоров наиболее распространены жемчужины по краю шейки (95,0±3,2%), желобки, встречаются валики и воротнички. Кухонные горшки плоскодонны, небольшие столовые иногда имеют округлое дно. Последние отличаются и тем, что часто бывают подлощены. Большинство из них лишено плоскостного орнамента и украшено лишь каннелюрами. Инвентарь быстровского этапа пока очень невелик. Жилища представлены большими и малыми каркасно-столбовыми полуземлянками, которые изучены к настоящему времени только на поселении Милованово 3 Е. А. Сидоровым [37]. Первые (рис. 1, *13*) отличаются сравнительно небольшой глубиной, особо крупными размерами (площадь 180—390 м^2), сходством хозяйственно-функциональной планировки, проявляющейся в разделении жилища на центральную жилую и боковые хозяйственные части, последние из которых служили также для зимнего содержания скота. Для сооружений второго типа (рис. 1, *14*) характерна площадь до 40 м^2 и отсутствие деления на жилую и хозяйственную части. Могильники быстровского этапа в Приобье до сих пор не обнаружены. Полуразрушенное погребение с двумя быстровскими сосудами открыто В. Д. Романцовой в 1974 г. на могильнике Бурмистрово [31, с. 207] (рис. 1, *19*, *21*).

Основаниями для отнесения рассмотренных комплексов к ирменской культуре служат следующие факты. Во-первых, ни на одном из памятников керамика рассматриваемого типа не является единственной. Обычно на тех же поселениях присутствуют и типично ирменские материалы. Во-вторых, в формах и орнаментации керамики этого типа прослеживается очень тесная связь с ирменской посудой. Наконец, раскопки крупных и существовавших длительное время поселений Быстровка 4 и Милованово 3, в частности их зольников, показали, что данная керамика изготовлялась и использовалась на этапе возникновения и начального существования этих поселков, тогда как позднее постепенно ее сменила собственно ирменская посуда. На поселении Милованово 3 Е. А. Сидоровым зафиксирован случай, когда жилище 7, относящееся к типу больших каркасно-столбовых полуземлянок и содержавшее чистый комплекс ке-

[2] Благодарим А. Б. Шамшина за возможность ознакомиться с данными материалами.


Быстровский этап
17
14
16
13
15
18
19
20
21
22
23
24
25
Ордынский (переходный андроновско-
ирменский) этап
1
3
2
5
4
7
6
8
9
10
11
12

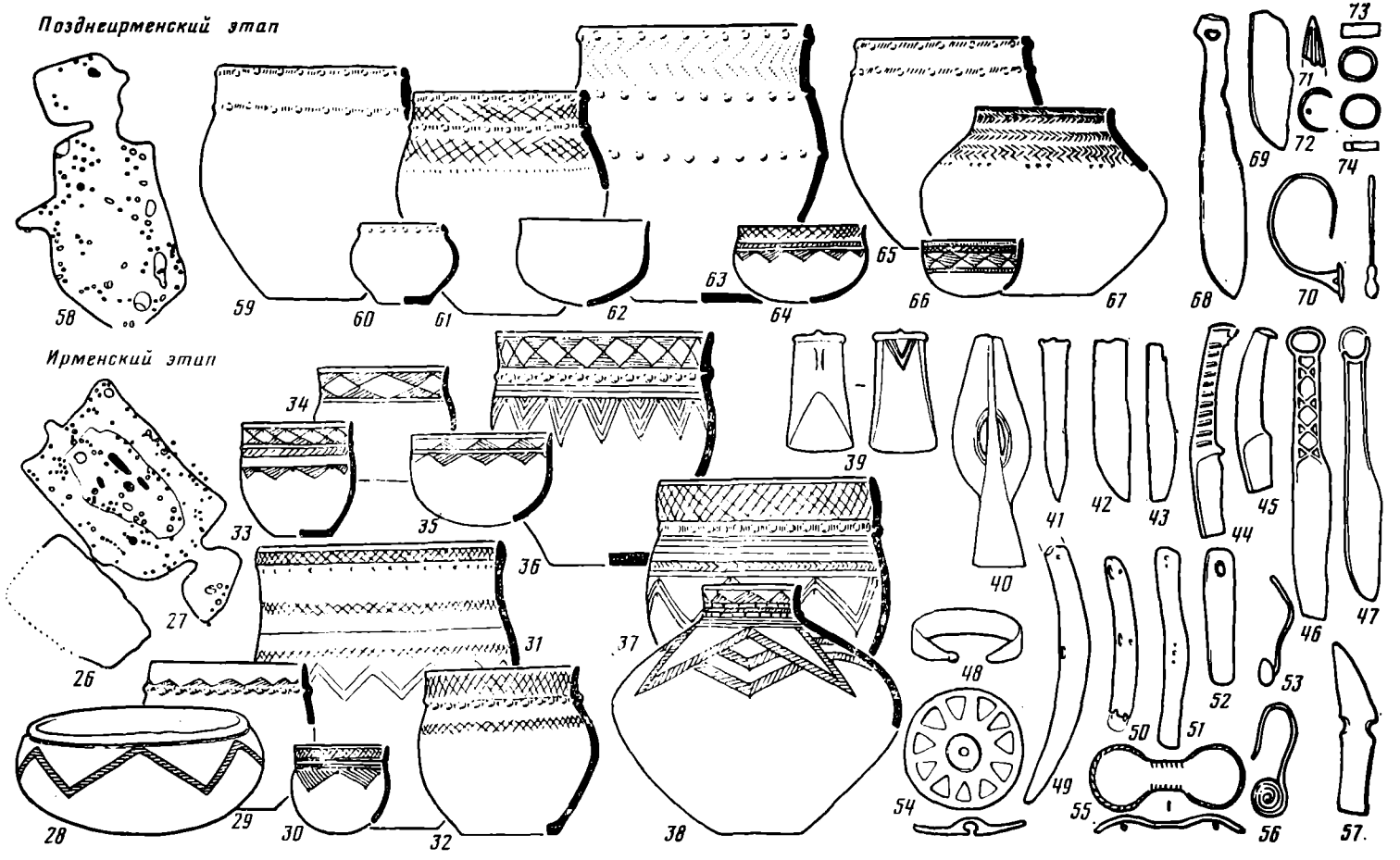


Рис. 1. Периодизация ирменской культуры лесостепного Приобья. *1–6, 11* – Ордынское 12; *8–10, 12, 33, 34, 36, 48, 57* – Красный Яр 1; *13, 14* – Милованово 3 (по Е. А. Сидорову); *15–18, 23–25, 27, 28, 30, 46, 49, 52, 54–56* – Быстровка 4; *19, 21* – Бурмистрово; *20* – Ордынское 1; *21* – Усть-Алеус 7; *26, 29, 31, 32, 35, 38, 41, 42, 50* — Ирмень 1; *37, 53* — Батурино 1; *39, 45* – Усть-Киргизка (по В. И. Матющенко, по Р. А. Ураеву, М. Ф. Косареву); *40* – случайная находка в Новосибирской области; *43* – Кротово 1; *44* – Еловское поселение (по В. И. Матющенко); *47* – Улыбино; *51* – Чингис 1; *58, 59, 61, 63, 65* – Туруновка 4 (по В. И. Молодину и С. В. Колонцову); *60, 62, 63, 68–74* – Ордынское 1, кург. 3; *66* – Мыльниково; *67* – Бобровка. *11, 39–48, 53, 55, 56, 68–74* – бронза; *12, 24, 25, 49–51, 57* – кость и рог; *52* – камень

рамики быстровского типа, оказалось перерезано полуземлянкой 8 срубной конструкции с характерной ирменской посудой [36, с. 12—18].

Сопоставление ордынской и быстровской посуды не обнаруживает их принципиальных отличий, которые можно было бы связывать с внезапной сменой населения. Наличие комплексов керамики быстровского типа только на памятниках южной лесостепи Приобья, где ранее были распространены памятники ордынского типа, и генетическая преемственность этих типов посуды свидетельствуют о том, что именно на этой территории и шел процесс формирования ирменской культуры.

Культурные связи быстровского этапа по керамике и домостроительству прослеживаются с памятниками культур валиковой керамики Алея, Восточного и Северного Казахстана на юго-западе, еловской культуры на севере. Типологическое сходство быстровской и карасукской посуды следует, на наш взгляд, объяснять их общим андроновским субстратом. Кротовский компонент в быстровском керамическом комплексе не прослеживается.

Абсолютная датировка быстровского этапа затрудняется отсутствием в имеющихся материалах датирующих вещей. Однако параллели в керамике и архитектуре с валиковыми комплексами Казахстана, еловскими в лесном Приобье и карасукскими в Минусинской котловине, сложение которых теперь большинством исследователей относится ко времени около последней четверти II тыс. до н. э. [16, с. 82; 20, с. 74; 22, с. 162; 29, с. 180; 38, с. 215; 39, с. 153; 40, с. 95; 41, с. 43, 45], позволяет отнести к этому же времени и формирование ирменской культуры. Поэтому ее быстровский этап ориентировочно можно датировать XII—XI вв. до н. э. Уточнение предложенной даты будет зависеть от обнаружения в дальнейшем в быстровских комплексах датирующих вещей и уточнения хронологии предшествующих им в Приобье памятников эпохи бронзы.

К ирменскому этапу относится большинство поселений и могильников, исследованных в лесостепном Приобье. Керамика представлена преимущественно горшками и кувшинами (рис. 1, *28—38*). Узоры кухонных и столовых горшков сближаются. Орнамент в основном геометрический. В инвентаре можно выделить более 50 категорий изделий различного функционального назначения, изготовленных из бронзы, кости, камня и глины. Жилища представлены большими и малыми каркасно-столбовыми полуземлянками, известными уже на быстровском этапе, и появляющимися только теперь домами срубной конструкции (рис. 1, *26*).

Сходство посуды двух этапов проявляется в преобладании на каждом из них плоскодонной посуды, близости ее основных форм, расположении орнамента преимущественно на шейке и плечиках сосудов, бытовании одних и тех же видов рельефного и плоскостного орнаментов, господстве резной техники. В качестве быстровских «реликтов» продолжают иногда встречаться на ирменской посуде сетчатые и елочные пояса по тулову, каннелюры, постепенно трансформирующиеся в горизонтальные резные линии, обязательные на границе шейки и плечиков у ирменских сосудов. Продолжают изготовляться и чернолощеные сосуды, узор которых бывает инкрустирован белой пастой.

Генетическая преемственность быстровской и ирменской керамики, их некоторое сосуществование во времени, зафиксированное в зольниках, и наличие значительной переходной группы посуды, где быстровские и ирменские черты переплетены очень тесно (рис. 1, *28—32*), позволяют расценивать переход от одного этапа к другому как прямую эволюцию, предполагающую сосуществование на определенных отрезках времени исчезающих, появляющихся и переходных между ними форм.

Культурные связи не изменили своего направления. На данном этапе ирменское население осваивает практически всю территорию приобской лесостепи и частично проникает в южнотаежную зону, где вступает, на наш взгляд, в контакт с поздним еловским населением. По-видимому, этот период нашел отражение в материалах Еловского поселения, исследованного В. И. Матющенко, где еловская и ирменская керамика ни стра-

тиграфически, ни планиграфически не расчленяется [42, с. 221]. С течением времени еловские группы южных районов лесной зоны, скорее всего ассимилируются ирменцами. Вслед за этим их северные связи претерпевают определенные изменения, вызванные начавшейся миграцией на юг таежного населения с крестовой керамикой. В керамическом комплексе городища Батурино 1, поселений Березовый остров 1, Умна 1, Усть-Киргизка появляются фрагменты керамики с крестово-печатной орнаментацией и выгнутой наружу шейкой (рис. 1, 37), а на некоторых молчановских памятниках — ирменские черепки [43, с. 95, 96, рис. 6; 44, с. 42, рис. 3, 4; 45, табл. II, *4*, *7*, табл. III, *1*. Появление в этот период на северных границах лесостепи первых ирменских городищ свидетельствует о том, что данные контакты не всегда носили мирный характер. Юго-западные связи ирменского населения документируются находками типично ирменской керамики на Малокрасноярском поселении в Восточном Казахстане [46, табл. XLI, *5*, *17*, *22*, *23*]. На востоке ирменского ареала на данном этапе памятникам этой культуры синхронны, по-видимому, памятники каменноложского этапа карасукской культуры. Подтверждает это совместное нахождение ирменских и каменноложских сосудов в слое поселения на Тамбарском водохранилище, исследованного в 1983 г. В. В. Бобровым [3], и комплекс Устинкинского могильника в Хакасии, изученного раскопками Д. Г. Савинова [47, с. 70].

Памятники ирменского этапа в Приобье дали ряд датирующихся вещей. Кельт-тесло из Усть-Киргизки (рис. 1, *39*), по данным Б. Г. Тихонова, может быть датирован XI—XIII вв. до н. э. [48, с. 48]. К карасукскому времени Ю. С. Гришин относит втульчатые клиновидные долота [49, с. 23], одно из которых обнаружено М. П. Грязновым на Ирмени 1 (рис. 1, *41*). В конце IX — начале VIII в. до н. э. они бытуют в кобанской культуре [50, с. 8]. Ножи с Еловского поселения (рис. 1, *44*) и с Усть-Киргизки (рис. 1, 45) Н. Л. Членова относит соответственно к IV и III группам карасукских ножей по своей классификации и полагает, что они синхронны в рамках XIII—XI вв. до н. э. [15, с. 141, 142]. По мнению М. П. Грязнова, Б. Н. Пяткина, Г. А. Максименкова, такие ножи характерны для каменноложского этапа [29, с. 182]. Каменноложским временем может быть датирована очковидная бляха из жилища 2 Быстровского поселения (рис. 1, *55*) [51, рис. 1, 5]. Надежные аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы находят и ирменские псалии. Псалии с взаимно перпендикулярными отверстиями, типа найденных на Ирмени 1 (рис. 1, *50*) и Быстровке 4 (рис. 1, *49*), К. Ф. Смирнов считал очень архаичными и датировал концом II тыс. до н. э. [52, с. 67]. Это подтверждается находкой аналогичных быстровскому псалиев в сабатиновском горизонте Ильичевского поселения на Северском Донце [53, с. 170, рис. 4, *2—4*]. На поселении Чингис 1 найден незаконченный псалий усатовского типа (рис. 1, *51*), датирующегося белогрудовским и ранним чернолесским временем, т. е. с XI по IX — начало VIII в. до н. э. [54, с. 86, рис. 40, *5*; 55, с. 116, рис. 4, *1*; 56, рис. 112]. Следует заметить, что бытование указанных типов псалиев на юге Сибири в более позднее время вряд ли допустимо, поскольку с раннескифского времени здесь распространяется узда с металлическими удилами и иными типами псалиев [57]. Нельзя, на наш взгляд, при датировке ирменских памятников опираться на находку стремечковидных удил с У-образными псалиями в кургане, раскопанном в 1931 г. рабочими при прокладке Чуйского тракта в могильнике Суртайка [58, рис. 44, *11*, *12*]. Обстоятельства этой находки неясны, за исключением того, что указанные вещи, а также ирменский сосуд и гвоздевидная серьга найдены «на глубине 1,3 м вместе с двумя скелетами» [58, с. 114]. Скорее всего это два разновременных погребения, тем более что в этом могильнике известны не только ирменские, но и большереченские захоронения [58, с. 114, рис. 44, *9*].

---

[3] Устное сообщение В. В. Боброва.

Особо следует остановиться на датировке ирменских пластинчатых однолезвийных ножей, которые Н. Л. Членова относит к типу «большереченских» и датирует VIII—VI вв. до н. э. [15, с. 142—145]. Наличие подобных изделий в большереченских памятниках не может отрицать возможности их появления в более раннее время. Е. Н. Черных установил бытование аналогичных ножей на юго-западе СССР от сабатиновско-белозерского периода до раннего железного века [59, с. 113, 114]. То же самое, очевидно, следует сказать и о юге Западной Сибири, где они известны и в эпоху поздней бронзы (рис. 1, *11*, *42*, *43*, *46*, *47*), и в генетически с ней связанных памятниках раннего железного века [4, с. 71, 72]. На наш взгляд, в Приобье их можно датировать концом II — началом I тыс. до н. э.

Этим же временем обычно датируют и бронзовые наконечники копий с прорезным пером [20, с. 44; 38, с. 214; 49, с. 19], известные на Еловском поселении [20, приложения, рис. 25, *4*], а также среди случайных находок в Новосибирской обл. (рис. 1, *40*) и на Алтае [20, приложения, рис. 25, *3*, *5*]. Ссылка Н. Л. Членовой на находку якобы аналогичного копья в могиле 126 Старшего Ахмыловского могильника, датированной ею VIII в. до н. э. [15, с. 141], вряд ли может быть признана убедительной. Данное погребение по раннеананьинскому кельту отнесено А. Х. Халиковым к VII в. до н. э. [60, табл. 23, *1д*; 61, с. 187], и обнаруженное в нем копье, как и большинство других ананьинских, по пропорциям, оформлению лопастей и отсутствию выпуклой дуги вокруг прорезей не может быть сопоставлено и тем более синхронизировано с копьями бронзового века [61, с. 185]. Не встречаются в раннем железном веке такие копья и на юго-западе СССР, где, по мнению Е. Н. Черных, в эпоху поздней бронзы было налажено их широкое производство [59, с. 101].

Вряд ли есть основания датировать скифским временем двухлопастные втульчатые наконечники стрел из Еловского поселения [15, с. 140, табл. II, *17*, *18*]. В. И. Матющенко привел им достаточно убедительные аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы [20, с. 45—47]. Черешковый трехлопастной наконечник найден на Еловском поселении, как отмечает В. И. Матющенко [20, с. 47], вне комплекса и поэтому, очевидно, не может быть использован как датирующий предмет.

Таким образом, в инвентаре памятников ирменского этапа на Оби нет предметов скифского времени, а есть только вещи, бытование которых падает на конец II — начало I тыс. до н. э. Этим временем, т. е. приблизительно с конца XI по конец IX в. до н. э. следует, по-видимому, и ограничить его рамки. В последнее время для ирменского этапа получена серия радиоуглеродных датировок с поселений Быстровка 4 и Ясашный луг[4]. Две из них по Быстровскому поселению — 1890±40 и 1870±±60 лет до н. э. и одна по Ясашному лугу — 1570±40 лет до н. э., несомненно, очень сильно удревнены. Пять остальных дат, полученных для Ясашного луга,— 1130±100, 1280±100, 1270±40, 1270±40 и 1230±40 лет до н. э., по-видимому, ближе к истине, хотя они нам представляются несколько заниженными тоже.

Число памятников позднеирменского этапа, выделенного В. И. Молодиным [62], в лесостепном Приобье невелико. Это городище Ивановка 3, поселения Кротово 16 и 17 в Новосибирской обл., поселения Мыльниково и Бобровка на Северном Алтае[5]. Керамика представлена горшками, кувшинами и небольшими мисочками (рис. 1, *59—67*). Орнамент сосредоточен на шейке и плечиках. Для кухонных горшков характерны два ряда жемчужин на шейке. Плоскостные узоры в целом беднее, чем на собственно ирменской посуде, больший удельный вес занимают гребенчатые орнаменты. На всех позднеирменских памятниках данная керамика сопровождается типично ирменской.

---

[4] Датирование произведено в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР.

[5] Благодарим В. Б. Бородаева и А. Б. Шамшина за возможность ознакомиться с алтайскими материалами и использовать их в статье.

Последнее обстоятельство, свидетельствующее наряду с другими признаками об эволюционном перерастании ирменского этапа в позднеирменский, затрудняет выявление позднеирменских могильников. На материалах позднеирменских захоронений могильника Кама 1 в Барабе В. И. Молодиным намечены следующие особенности их погребального обряда: расположение могил под курганами на погребенной почве четкими рядами, положение умерших на правый бок в скорченном положении головой на юго-запад, очень небольшое количество инвентаря и глиняных сосудов в могилах [21, с. 23]. По этим признакам к числу позднеирменских можно отнести в Приобье погребения кургана 3 в могильнике Ордынское 1, исследованные в 1954 г. М. П. Грязновым [20, приложения, рис. 23, *1—4*, *6—19*]. В 11 могилах здесь найдено всего 4 глиняных сосуда (рис. 1, *60*, *62*, *64*). Еще в двух погребениях находились остатки деревянной посуды. Есть основания предполагать, что она ставилась и в другие захоронения, но там не сохранилась, что и определило редкость керамики в могильниках этого времени. Помимо бронзовых пуговиц, колечек, пластинчатых ножей и височной подвески с двумя выпуклинами на щитке (рис. 1, *68—70*, *72—74*), обнаруженных в погребениях, в могиле 8 в теле одного из позвонков умершего оказался обломок бронзового двухлопастного наконечника стрелы (рис. 1, *71*).

По форме и орнаментации позднеирменская керамика Приобья занимает промежуточное положение между собственно ирменской и завьяловской, выделенной Т. Н. Троицкой и относящейся к раннескифскому времени [63]. Наиболее близка, если не сказать тождественна, позднеирменской одна из самых многочисленных в завьяловском керамическом комплексе вторая группа керамики, по классификации Т. Н. Троицкой. Именно в этой посуде, по ее мнению, прослеживается ряд черт, роднящих завьяловскую керамику с ирменской. Некоторые элементы орнамента позднеирменской посуды, в том числе два ряда жемчужин, свидетельствуют о возрождении в ней некоторых быстровских орнаментальных традиций.

Абсолютная датировка позднеирменских памятников тесно связана с решением вопроса о хронологии завьяловской культуры, датированной Т. Н. Троицкой VII—VI вв. до н. э. [63, с. 150; 64], и синхронного ей большереченского этапа большереченской культуры. Нам представляется, что после исследования М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом кургана Аржан в Туве, датированного М. П. Грязновым VIII—VII вв. до н. э. [65, с. 55], их датировка тоже должна быть пересмотрена, на что впервые обратил внимание М. П. Грязнов [57, с. 3, 8, 9]. Среди материалов Аржана много предметов, аналогичных завьяловским и большереченского этапа. Так, в могиле 4 камеры 1 здесь обнаружены бронзовые двухлопастные наконечники стрел с ромбическим пером и шипом, с выступающей втулкой [65, рис. 11, 12], аналогичные стрелам с городищ Завьялово 1 и 5 [63, рис. 4, *м*], а также стрелами могильников большереченского этапа в пунктах БЕ VII [4, табл. XVIII, *4*] и БЕ XIV [4, табл. XXI, *25*]. В конских захоронениях Аржана найдены трехжелобчатые бляшки, напоминающие завьяловские и аналогичные большереченским из поселения в пункте БЕ I [4, табл. XV, *14*, *15*], а также из могильников БЕ VII [4, табл. XIX, *1*, 10] и БЕ XII [4, табл. XXI, *8—11*]. Более ранние даты, чем VII—VI вв. до н. э., для завьяловской культуры и большереченского этапа могут быть получены и при сопоставлении их стрел со стрелами Южной Бактрии [66, с. 41, 42, 44, 45]. С тем, что бронзовые наконечники стрел из Аржана (а вместе с ними, добавим мы, завьяловские и большереченские) старше VII—VI вв. до н. э., согласен А. И. Тереножкин [67, с. 137]. Подтверждает это и находка в могиле 21 большереченского могильника в пункте БЕ XIV обломка костяного псалия, имевшего три отверстия, перпендикулярных плоскости его изгиба, и массивную шляпку [4, табл. XXI, *23*]. Его, по-видимому, можно считать подражанием бронзовым псалиям камышевахского, по терминологии А. И. Тереножкина, типа, относящегося, по его мнению, к черноторовскому этапу, т. е. к 900—750 гг. до н. э. [67, с. 150, 151, 208, рис. 87]. Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что завья-

ловские и большереченские памятники Верхнего Приобья правильнее относить не к VII—VI, а к VIII—VII вв. до н. э., т. е. к самому началу раннескифского времени. Соответствует данному выводу и удревнение Т. Н. Троицкой до VI в. до н. э. отдельных памятников бийского этапа большереченской культуры в лесостепном Приобье [64, с. 18].

Таким образом, для позднеирменского этапа в периодизации археологических памятников данного района остается сравнительно небольшой отрезок времени, соответствующий, по-видимому, первой половине VIII в. до н. э. Не противоречит этой датировке и обломок бронзового наконечника стрелы из кургана 3 Ордынского могильника. Наиболее близок он к наконечникам с хут. Колотаева и из Малой Цимбалки, относящимся, по А. И. Тереножкину, к черногоровской ступени [56, рис. 102, *1*; 67, с. 133, 134, рис. 20, *1*].

Малочисленность позднеирменских памятников в изучаемом районе, необычная на фоне обилия здесь памятников предшествующего этапа, объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. С одной стороны, она, несомненно, является следствием непродолжительности тут данного периода, а с другой — отражает реальное сокращение в этом районе населения на позднеирменском этапе. Этому могла способствовать сложная историческая обстановка, возникшая на его границах. Сосредоточенность позднеирменских памятников исключительно в южной лесостепи может быть расценена как следствие вытеснения ирменского населения из более северных районов Приобья племенами с крестовой керамикой. Напряженность ситуации усиливалась за счет обострения обстановки на юге, где в это время население степей переходит к кочевому скотоводству, в результате чего начинается «цепная реакция» переселений, захватов пастбищ, войн и грабежей. В этих условиях, на наш взгляд, значительная часть позднеирменского населения могла покинуть район Приобья и начать более широкое освоение лесостепных междуречий Западной Сибири, в частности Барабы. Не исключено, что это было связано и с увеличением подвижности ирменского скотоводства на данном этапе.

Наступление железного века и вызванная этим закономерная перестройка материальной культуры, социальных отношений и идеологии лесостепного населения совпали по времени с распадом некогда единой ирменской культуры. «Завьяловский клин» разбил ее на три изолированных друг от друга группы — обь-чулымскую, североалтайскую и барабинскую. Каждая из них теперь начинает развиваться по собственному пути, что приводит к формированию на их основе нескольких культур раннего железного века — лесостепной тагарской [68, с. 72—74] в Обь-Чулымском междуречье, большереченской на Северном Алтае [4, с. 67—69] и саргатской в Барабинской лесостепи и, возможно, в Прииртышье. Проблема ее происхождения до настоящего времени не получила однозначного решения. Однако имеющийся материал позволяет исключить из области ее формирования практически всю территорию лесостепного междуречья Тобола и Иртыша. Здесь в этот период распространяются отличные от саргатских памятники ивановско-баитовского, по терминологии В. А. Могильникова, типа [69, с. 175]. И только памятники Барабинской лесостепи дают переходные позднеирменско-саргатские керамические комплексы [70, с. 78, 79, рис. 7, 8].

Таким образом, приведенные данные позволяют предполагать, что в лесостепном Приобье на протяжении второй половины II и первой трети I тыс. до н. э. шло развитие в целом одной и той же группы населения, основные этапы эволюции которой отражают памятники андроновского, ордынского и ирменского типов. Подтверждают это и данные антропологии, свидетельствующие о разительном сходстве андроновской и ирменской краниологических серий Верхнего Приобья [71, с. 13]. Но если культурное своеобразие первых и последних очевидно и их отнесение к самостоятельным археологическим культурам не вызывает сомнений, то переходный характер ордынских памятников затрудняет пока их культурную интерпретацию. Вместе с тем нельзя исключить того, что на отдельных этапах эпохи поздней бронзы в Приобье могли проникать и вливать-

ся в местную среду отдельные группы населения других районов. Так. вполне вероятно, что на быстровском этапе в состав ирменского населения могли войти группы восточноказахстанского и северного еловского населения, а на ирменском и позднеирменском — позднего еловского и молчановского.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что дискуссионность проблем культурно-исторического развития ирменского населения заставляет подходить к ним с особой осторожностью. В частности, разработанную для лесостепного Приобья периодизацию ирменской культуры распространять сейчас, без должной проверки, на другие ее районы было бы преждевременно. В лучшем случае она может рассматриваться лишь как рабочая схема, требующая своего обоснования для каждого района в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Членова Н. Л.* О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири.— СА, 1955, т. XXIII.
2. *Филимонов Г. Ф.* Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1875.
3. *Дульзон А. П.* Археологические памятники Томской области.— Тр. ТОКМ, 1956, т. V.
4. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
5. *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая.— МИС, 1930, вып. 2.
6. *Грязнов М. П.* Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби.— КСИИМК, 1952, вып. 48.
7. *Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИИМК, 1956, вып. 64.
8. *Гриневич К. Э.* Опыт классификации и датировки басандайской керамики.— В кн.: Басандайка (Тр. Том. ун-та, т. 98). Томск, 1947.
9. *Дульзон А. П.* О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области.— Уч. зап. ТГПИ, 1954, т. XII.
10. *Трухин Г. В.* Археологическая разведка в урочище Шеломок близ с. Коларово Томского района.— Уч. зап. ТГПИ, 1949, т. VII.
11. *Эрдниев У. Э.* Городище Маяк. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1960.
12. *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае.— МЭ, 1927, т. III, вып. 2.
13. *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, 1929, т. IV. вып. 2.
14. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9.
15. *Членова Н. Л.* Датировка ирменской культуры.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970.
16. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972.
17. *Членова Н. Л.* Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII—VII вв. до н. э.).— В кн.: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем». Вып. III. Новосибирск, 1981.
18. *Косарев М. Ф.* О происхождении ирменской культуры.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
19. *Посредников В. А.* Томское Приобье в карасукское время.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969.
20. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4. Еловско-ирменская культура.— ИИС, 1974, вып. 12.
21. *Молодин В. И.* Бараба в древности. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1983.
22. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
23. *Кирюшин Ю. Ф.* О культурах бронзового века в лесостепном Алтае.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем». Вып. III. Новосибирск, 1981.
24. *Зданович Г. Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве.— КСИА, 1984, вып. 177.
25. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
26. *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, Сиб. от-ние, 1977.
27. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
28. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3. Андроновская культура на Верхней Оби.— ИИС, 1973, вып. 11.

29. *Грязнов М. П., Пяткин Б. Н., Максименков Г. А.* Карасукская культура.– В кн.: История Сибири. Т. I. Л.: Наука. Ленингр отд-ние, 1968.
30. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1979.
31. *Зах В. А., Елагин В. С., Романцова В. Д., Сидоров Е. А., Соболев В. И., Троицкая Т. Н.* Работы на берегах Обского моря.– АО–1974. М., 1975.
32. *Зах В. А., Соболев В. И., Троицкая Т. Н.* Работы на берегах Новосибирского водохранилища и р. Ини.– АО–1975. М., 1976.
33. *Матвеев А. В., Клюнкова Т. Н., Колесина Л. Н.* Исследования Красноярского и Искитимского отрядов Новосибирской экспедиции.– АО–1978. М., 1979.
34. *Матвеев А. В., Колесин А. Н., Соболев В. И., Зах В. А.* Работы Новосибирской экспедиции.– АО–1976. М., 1977.
35. *Матвеев А. В.* Исследования Быстровского поселения.– АО–1977. М., 1978.
36. *Сидоров Е. А.* Стратиграфия поселения Милованово 3.– В кн.: Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983.
37. *Матвеев А. В., Сидоров Е. А.* Ирменские поселения Новосибирского Приобья.– В кн.: Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1985.
38. *Кузьмина Е. Е.* Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения Евразийских степей в конце эпохи бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
39. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии.– В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
40. *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии.– В кн.: Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Чел. ун-та, 1983.
41. *Евдокимов В. В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья.– В кн.: Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Чел. ун-та, 1983.
42. *Матющенко В. И.* Исследование Еловского поселения.– АО–1982. М., 1984.
43. *Матвеев А. В.* Городище бронзового века на Уени.– В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1979.
44. *Троицкая Т. Н.* Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье.– В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974.
45. *Ураев Р. А., Косарев М. Ф.* Памятник карасукской эпохи.– Тр. ТОКМ, 1963, т. VI, вып. 2.
46. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.– МИА, 1960, № 88.
47. *Савинов Д. Г., Бобров В. В.* Устинкинский могильник.– В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1983.
48. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.– МИА, 1960, № 90.
49. *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.– САИ, 1976, вып. В3-12.
50. *Коженкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант).– САИ, 1982, вып. В2-5.
51. *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины.– В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.
52. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Урало-Поволжских степей.– СА, 1961, № 1.
53. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.– В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
54. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
55. *Колотухин В. А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму.– СА, 1981, № 1.
56. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977.
57. *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур.– В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1983.
58. *Членова Н. Л.* Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае.– КСИА, 1973, вып. 134.
59. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
60. *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Волжские апаньинцы. М.: Наука, 1982.
61. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М.: Наука, 1977.
62. *Молодин В. И.* Некоторые проблемы переходного от бронзы к железному веку времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе.– В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1979.
63. *Троицкая Т. Н.* О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII–VI вв. до н. э.– В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970.
64. *Троицкая Т. Н.* Лесостепное Приобье в раннем железном веке. Автореф. докт. дис. Новосибирск: ИИФиФ СОАН СССР, 1981.

65. *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980.
66. *Ягодин В. Н.* Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии.– В кн.: Древняя Бактрия. М.: Наука, 1984.
67. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
68. *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979.
69. *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.– В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970.
70. *Молодин В. И., Колонцов С. В.* Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени.– В кн.: Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984.
71. *Дремов В. А.* Антропология Верхнего Приобья эпохи неолита и бронзы. Автореф. канд. дис. М.: ИЭ АН СССР, 1981.

A. V. Matveyev

SOME RESULTS AND PROBLEMS OF THE STUDY OF THE IRMEN CULTURE

Summary

The author summarises previous studies of the origins and chronology of the Irmen culture of the Late Bronze Age in the eastern part of the West Siberian forest-steppe zone and offers his own pattern of its emergence and development in the Ob basin. It appeared in the last quarter of the second millennium B. C. in the southern forest-steppe zone of the Ob basin and was based on the sites of the Ordynskoe type. The latter are dated to, approximately, the turn of the 12th century B. C. and genetically connected with the Andronovo culture (the 14th-13th centuries B. C.). The author indentifies three stages of the Irmen culture: the Bystrovka stage (the 12th-11th centuries B. C.), the Irmen (the 11th-9th centuries B. C.) and the Late Irmen (first half of the 8th century B. C.). He comes to the conclusion that throughout the second half of the second millennium B. C. and the first third of the first millennium B. C. the forest-steppe zone of the Ob basin was the home of practically one and the same population group.

Б. Н. МОЗОЛЕВСКИЙ

К ВОПРОСУ О СКИФСКОМ ГЕРРОСЕ

Нет необходимости заново рассматривать эволюцию взглядов по вопросу о том, что представляла собой Скифия в культурном и этногеографическом плане,— они достаточно хорошо освещены в целом ряде трудов. К настоящему времени в решении этой проблемы выкристаллизовались два основных направления [1, с. 37 сл.; 2, с. 61 сл.; 3, с. 11 сл.].

Согласно одному из них, наиболее полно обоснованному Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой, Скифия в этническом плане была единой и занимала степную полосу Северного Причерноморья, тогда как лесостепь населяли нескифские племена невров, андрофагов, меланхленов, будинов и гелонов, названных Геродотом в качестве ближайших северных соседей скифов. Близкой точки зрения в свое время придерживался также М. И. Артамонов, ныне ее разделяет Б. А. Шрамко. Расхождения между названными авторами касаются главным образом этнического определения лесостепных культур скифского времени и локализации северных соседей скифов. Степной полосой ограничивает распространение ираноязычных скифских племен и Б. А. Рыбаков, хотя в состав скифского четырехугольника им включены и лесостепные районы Украины, населенные земледельцами-сколотами и гелоно-будинами.

Совершенно иная концепция Скифии, в основу которой положены взгляды М. И. Ростовцева и карта Б. Н. Гракова 1947 г., разработана А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской. Их взгляды поддерживал П. Д. Либеров и некоторые другие исследователи. Согласно данной точке зрения, Скифия представляла собой крупное политическое объединение, принадлежавшее разноэтничным племенам единой скифской культуры, господствующее место среди которых занимали ираноязычные скифы. Последние при этом обладали не только степной частью территории Украины, но и всей Левобережной Лесостепью. Правобережная Лесостепь была заселена протославяноязычными скифами-пахарями, входившими в союз скифских племен. Северные соседи Скифии, перечисленные Геродотом, жили уже в зоне лесов.

Таким образом, главное противоречие между сторонниками двух концепций сводится прежде всего к определению северной границы расселения ираноязычных племен и скифского политического объединения в целом.

Возможно, взгляды обеих групп ученых вообще не имели бы точки соприкосновения, если бы не одно общее место, которое равно не могут обойти ни те, ни другие: всякая попытка локализовать геродотовские племена скифского времени и связать их с определенными археологическими культурами неминуемо наталкивается на проблему Герроса — отдаленной северной местности, где, по сообщению Геродота, находились гробницы скифских царей: «Гробницы царей находятся в [области] герров в том месте, до которого Борисфен судоходен» [4, IV, 71].

Опираясь на это сообщение, археологи чаще всего пытались локализовать Геррос на берегах Днепра в районе порогов или даже Каменко-Никопольских отмелей, до которых издавна считался судоходным Славутич [5, с. 16].

Действительно, именно здесь открыты сотни скифских памятников, в том числе грандиозные царские курганы типа Чертомлыка, Александрополя, Солохи и др. Однако, как удалось уточнить еще в начале текущего столетия [6, с. 404 сл.], подавляющее большинство погребальных насы-

пей сооружено в IV — начале III в. до н. э., тогда как памятники геродотовского и догеродотовского времени (VII—V вв. до н. э.) составляли явное меньшинство, к тому же значительное их число было впущено в курганы эпохи бронзы.

Не говоря уже о местности у днепровских порогов, вся украинская степь до недавнего времени была представлена не более чем двумя — четырьмя десятками погребений VII—V вв. до н. э. [7, с. 174 сл.], что позволило в свое время И. В. Яценко сделать вывод о слабой заселенности данной территории, а также экономической и культурной отсталости степных скифов этого периода [8, с. 116].

К настоящему времени количество названных памятников превысило 100 [3, с. 90 сл.; 9, с. 4]. И хотя представление о степной Скифии VII—V вв. до н. э. на основании этого несколько изменилось, все же нельзя не признать, что по количеству памятников, их размерам и богатству она по-прежнему значительно уступает как территории украинской лесостепи и Северного Кавказа периода архаики, так и той же Скифии IV—III вв. до н. э.

Это обстоятельство послужило для некоторых исследователей поводом к поиску раннескифского Герроса за пределами степи. В частности, впервые мысль о возможности локализации Герроса на Посулье с его огромными курганными некрополями была высказана еще в начале текущего столетия Д. Я. Самоквасовым [10, с. 122, 123].

В послевоенные годы много и плодотворно по исследованию скифского периода в Днепровском лесостепном Левобережье работала В. А. Ильинская. Изучение курганов этого времени на Суле позволило ей вернуться к гипотезе, высказанной Д. Я. Самоквасовым, и всесторонне ее развить [7, с. 174 сл.]. За возможность локализации Герроса в лесостепи высказался и А. И. Тереножкин [11, с. 18], сославшись на аргументацию В. А. Ильинской.

Феномен посульских курганов действительно поражает многим — и своей архаичностью, и размерами насыпей, и кажущейся невозможностью согласовать их количество с окружающими памятниками оседлости, и, наконец, очень уж странной на первый взгляд немногочисленностью памятников этого времени в степи, где, казалось бы, им самое место быть. Так не могло ли и в самом деле степное население в силу каких-то обстоятельств устраивать свои могильники на Суле? Попробуем разобраться в этом вопросе и проанализируем привлекаемые В. А. Ильинской аргументы трех видов: логические, географические и археологические.

В качестве сугубо логических доказательств возможности локализации Герроса на Суле В. А. Ильинская высказывает мысль о нахождении его в труднодоступной и укрытой от посторонних глаз местности, ибо курганы в открытой степи нельзя, дескать, не заметить. Действительно, такой намек можно усмотреть в ответе Иданфирса Дарию [4, IV, 127], и здесь трудно что-либо возразить. Пожалуй, чисто логические аргументы являются самыми сильными в системе доказательств В. А. Ильинской. Но, как всякие умозрительные заключения, они страдают тем недостатком, что не опираются на строгие факты,— их так же трудно опровергнуть, как и доказать.

Однако они не так уж и неуязвимы. Прежде всего возникает вопрос: от кого скифам было прятать свои кладбища? Неужели, возвращаясь из переднеазиатских походов, они могли предположить, что через столетие на них пойдет войной Дарий? Какой-либо реальной угрозы им со стороны восточных, южных и западных соседей даже не существовало. Куда более возможной она представлялась с севера, со стороны оттесненных туда скифами племен, и в таком случае устройство некрополей на Суле пришлось бы признать самым неудачным. К тому же выдвижение их в самые глухие, еще почти неизведанные пределы только что покоренной и совсем необжитой страны само по себе кажется слишком уж странным. С другой стороны, ведь не боялись же скифы в IV в. до н. э. хоронить своих отцов в легкодоступной и открытой местности у днепровских порогов, когда им уже со всех сторон угрожали противники, преж-

де всего сарматы, фракийцы, македонцы? Почему же нужно предполагать такую осторожность для победителей Урарту и Мидии — народа, многочисленность и силу которого описывает автор гипотезы о посульском Герросе [7, с. 175—177]? Переходя к географическому обоснованию своей гипотезы, В. А. Ильинская пишет: «Существенно также то, что в соответствии с расположением скифских рек земля Герра должна была находиться где-то в левобережной части Поднепровья. Река Геррос, как известно, описана Геродотом седьмой по счету, в числе рек, протекающих восточнее Борисфена. Рассказывая о течении Борисфена с севера до земли Герра, находящейся на расстоянии 40 дней плаванья, Геродот упоминает пустыню, отделявшую землю андрофагов от Скифии, область скифов-земледельцев[1] протяженностью в 10 дней плаванья, то есть опять-таки местности, описанные к востоку от Днепра» [7, с. 180].

Действительно, согласно некоторым сообщениям Геродота, Герры предпочтительнее искать на левом берегу Днепра. Однако большинство исследователей в настоящее время склонны размещать скифов-георгой на обоих берегах Борисфена [5, с. 17]. Да и сам Геродот в одном из двух упоминаний о них говорит о том же: «...ведь эти скифы обитают по его (Борисфена.— *Б. М.*) *берегам*[2] на расстоянии десяти дней плавания» [4, IV, 53]. Очевидно, в такой же степени это можно отнести и к населению Герр: как мы попробуем доказать ниже, герры у Геродота нигде не отрываются от скифов-георгой. Такому расположению этой области не противоречит и местонахождение реки Герр к востоку от Днепра. Верно, что, по Геродоту, она ответвляется от Борисфена и течет по Левобережью [4, IV, 56]. Но Геродот нигде не говорит о том, что одним только левым берегом Днепра ограничивается и сама местность Герры.

Но если мысль В. А. Ильинской о левобережном местонахождении Герров все же имеет веские аргументы, то этого совсем нельзя сказать относительно приводимых доказательств в пользу удаленного расположения Герр в Посулье. Данное положение автор подтверждает сказанной Геродотом однажды фразой о том, что «местность Герры находилась на расстоянии 40 дней плавания вверх по Днепру». Реплика о 40 днях действительно есть в сочинении Геродота, однако звучит она довольно непонятно: «Протекая с севера, он (Борисфен.— *Б. М.*) известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания» [4, IV, 53].

Из текста ясно, что Геродот не отделяет Герры от земли скифов-георгой, они у него слиты, ибо выше их уже тянется пустыня, и какие народы обитают дальше, никто не знает. Правда, в другом параграфе [4, IV, 18], он говорит, что севернее этой пустыни живут еще андрофаги, но в этом месте Геродот и словом не упоминает о Геррах,— очевидно, и здесь они неотделимы у него от земель скифов-георгой. Последние же, начинаясь за Гилеей, тянулись вдоль Днепра только на 10 [4, IV, 53] или 11 [4, IV, 18] дней плавания. Откуда же взялась фраза о сорокадневном пути до Герр?

Эта цифра настолько неправдоподобна, что мало кто из археологов воспринимал ее всерьез. Так, еще в середине прошлого столетия Ф. К. Брун писал: «Почти все толкователи Геродота... принуждены были допустить, что расстояние между нею (областью Герры.— *Б. М.*) и устьем Борисфена не могло составить 40 дней водяного пути. Поэтому большая часть их, для соглашения показания Геродота с действительностью, сходилась в мнении, что число 40 попало в текст по ошибке вместо 14.

---

[1] Согласно последним работам В. А. Абаева, геродотовские скифы-георгой вовсе не были земледельцами, прямой перевод их имени означает «почитающие скот», т. е. скотоводы [12, с. 74—76; 13, с. 130]. Однако в цитатах мы вынуждены сохранять прежнее толкование этого термина. Представляется, что ошибка в его переводе в значительной степени и определила локализацию В. А. Ильинской скифов-георгой на Суле.

[2] Здесь и далее в цитатах курсив наш.— *Б. М.*

Весьма немногие...думают, что сорока днями плавания Геродот хотел определить не расстояние между устьем Борисфена и Герросом, но часть реки, протекающую до этого места с севера...Притом непонятно, каким образом устье Днепра расстоянием в 40 дней плавания могло быть отделено от земли Геррос, тогда как до земли меланхленов, обитавших к северу от области, можно было дойти от моря пешком в 20 дней» [14, с. XXXIV сл.].

Внимательное знакомство с приведенным выше текстом Геродота убеждает, что установить его прямой смысл в настоящее время вряд ли возможно [4, с. 283]. Остается пользоваться только догадками — или теми, которые приводит Ф. К. Брун, или высказанной еще Хансеном и в наше время поддержанной Б. Н. Граковым о том, что Геродот здесь спутал 40 дней плавания с теми 40 днями, на протяжении которых тело покойника возили по стране для прощания с ним [4, IV, 73]. Во всяком случае, если полной мерой отмерить 40 дней плавания вверх по Днепру, то Герры окажутся не только за пределами Скифии вообще, но и намного севернее всех известных Геродоту народов.

Неудачно обращение В. А. Ильинской к замечанию Геродота о том, что Геррос находился в местности, до которой Борисфен был известен [4, IV, 56]. Заключение исследовательницы [7, с. 179], что Среднее Поднепровье не могло не быть известно грекам, чисто умозрительно и ничего не доказывает. С бóльшим основанием можно согласиться с мнением Б. Н. Гракова, писавшего, что греки не знали даже о существовании днепровских порогов, ибо ни один древний автор ни разу о них не вспоминает, а это отнюдь не такая вещь, о которой можно было бы умолчать [5, с. 16].

Не согласуется с локализацией Герроса в Посулье и абсолютно недвусмысленное сообщение Геродота о том, что в этой местности от Борисфена ответвляется река Герр [4, IV, 56]. В настоящее время относительно идентификации этой реки дебатируются лишь две заслуживающие внимание гипотезы: одни ученые склонны связывать с ней Конку, другие — Молочную [4, с. 291]. Но ведь обе они сначала текут к Днепру, а затем поворачивают вдоль него или от него именно в искомой области ниже днепровских порогов. Таким образом, только здесь и есть все условия для локализации Герроса — все, за исключением, как утверждает В. А. Ильинская, самих памятников. Но так ли это — на этом мы остановимся несколько ниже.

О том, что кладбища скифских царей не могли находиться слишком далеко от их степных кочевий, свидетельствует анализ известия Геродота об обряде похорон царя. Сообщив, что гробницы царей находятся в Геррах, до которых Борисфен еще судоходен, историк пишет: «Здесь каждый раз, когда у них умирает царь, они роют в земле большую четырехугольную яму. Когда же она готова, берут труп, тело натирают воском...» Дальше описывается не существенный для нас в данном случае процесс бальзамирования, после которого покойника увозят «на повозке к другому племени. Те же, когда получают доставленный труп, делают в точности то же, что и царские скифы», т. е. выражают скорбь [4, IV, 71].

Обратите внимание на временной порядок действий: 1) умирает царь; 2) об этом становится известно в Геррах, и там начинают копать могилу; 3) лишь после того, как могила уже готова, приступают к бальзамированию трупа; 4) по окончании бальзамирования покойника везут по стране. Если бы до кладбища действительно было 40 дней плавания, то ни один гонец не успел бы сообщить в Герры о смерти царя и необходимости копать для него могилу. Следовательно, все действия должны были происходить в самих Геррах или в непосредственной близости от них. Примечательно, что один из переводчиков Геродота на русский язык Г. А. Стратовский, счел необходимым дальнейший рассказ историка перевести даже таким образом: «После объезда всех областей они *снова* прибывают в Герры». Не только теперь, а снова, ибо они там уже были в начале действия. А. А. Белецкий, к консультации которого мы обратились, считает такой перевод не только допустимым, но и заслуживающим

внимания. Это еще раз свидетельствует: царская ставка должна была находиться в непосредственной близости от Герроса; поскольку же местопребывание царей у Геродота ограничивается только степью, то здесь должно было находиться и кладбище.

Что же касается возможности использовать реплику Геродота о нахождении Герроса в самых отдаленных пределах страны [4, IV, 71], то судить о том, насколько эти пределы отдалены, можно будет только после того, как выяснится ... местонахождение Герроса. Тем не менее В. А. Ильинская в пылу полемики пытается определить его координаты, исходя из субъективного понимания северной границы Скифии. Однако с точки зрения царских скифов, владения которых доходили на юге до Таврских гор, герры для них действительно обитали в самых отдаленных краях, ибо чтобы попасть к ним, нужно было пройти земли всех известных Геродоту на Левобережье племен: скифов царских, скифов-кочевников и георгой.

Так же трудно, как географические, согласовать с локализацией Герроса на Суле и археологические данные. Если вспомнить основные черты погребального обряда скифских царей, описанные Геродотом [4, IV, 71, 72], то окажется, что из них для посульских курганов характерны весьма немногие: пожалуй, только четырехугольная яма и частные случаи погребения с мужчиной насильственно умерщвленной женщины. Все другое свидетельствует против возможности видеть в посульских некрополях памятники степных кочевников. В. А. Ильинская очень хорошо отразила это во многих местах своей работы, например: «Все типы керамики из погребений Посулья находят себе аналогии среди керамических форм, встречавшихся на местных городищах... Среди остатков напутственного мяса в курганах, наряду с костями лошади и овцы, нередко встречаются кости свиньи. Связь погребенного с конем символизируется положением в могилу большого количества уздечек, но не реальными жертвоприношениями коней. Не удалось отчетливо зафиксировать погребений, сопровождаемых насильственно умерщвленными рабами-слугами» [7, с. 187]. Добавим к этому сказанное абзацем выше: «Существенным является также близость погребального обряда дружинных могильников на Суле и курганов рядового населения в бассейне Северского Донца».

Что же при этом смущает В. А. Ильинскую? Прежде всего тот факт, что погребальных памятников на Суле слишком уж много по сравнению с памятниками оседлости, «а также некоторое несоответствие хронологии курганных погребений и поселений на Суле» [7, с. 186]. Но исследовательница тут же дает совершенно приемлемое объяснение данному явлению, говоря, что в таком случае «некрополи Посулья могут быть осмыслены как особые воинские дружинные кладбища, принадлежавшие крупной группе родственных ираноязычных земледельческо-скотоводческих племен Левобережной Лесостепи» [7, с. 187]. Однако, говорит она дальше, при такой трактовке некрополей Посулья остается непонятным, почему, с одной стороны, время сооружения курганов на Суле ограничивается в основном VI—V вв. до н. э. и не охватывает равным образом IV и III вв. до н. э., к которым относится повсеместный для Левобережья расцвет жизни на городищах, а с другой — что это уменьшение количества погребений IV—III вв. до н. э. на Суле очень уж странным образом совпадает по времени с появлением массового количества скифских курганных захоронений с гробницами в виде катакомб в степной полосе Северного Причерноморья [7, с. 187].

Действительно, кажущееся внезапным грандиозное по своему размаху строительство в IV в. до н. э. курганных некрополей в степях Причерноморья во многом требует объяснения. Скифы в это время заполняют своими курганами с катакомбными гробницами не только всю степь, но и проникают далеко за ее пределы, оставляя свои некрополи даже на широте Киева [15, с. 152 сл.].

И вот тут-то со всей наглядностью между погребальными обычаями степняков и ритуалом посульских могил выявляется разительное отличие, лишающее всякой возможности спутать памятники этих двух типов.

Несомненно, что эти особенности и в том и другом случае складывались исподволь, в разных условиях и на разных территориях, и отражающие их памятники принадлежали разным племенным группировкам. Все это категорически противоречит возможности помещения ранних могильников степных скифов на Суле.

В. А. Ильинская и сама сознает неубедительность своих доказательств, поэтому после всех попыток определить курганы Сулы как памятники степняков она заканчивает свой труд такими словами: «Высказываясь за возможность истолкования посульских курганов в качестве раннескифского Герроса, автор отчетливо представляет себе, что это не более чем гипотеза, одно из возможных, но отнюдь не окончательное решение этого вопроса. Разрешение загадки Герроса требует еще немало трудов и поисков. Большое значение в этом отношении будут иметь дальнейшие раскопки скифских курганов в степной полосе. Они либо приведут к огромному по научному значению открытию здесь степных архаических кладбищ, либо все более и более будут убеждать в отсутствии их в степи, а тем самым подтвердят правильность направления поисков раннескифского Герроса в пределах Среднего Поднепровья. Это тем более важно, поскольку уточнение местоположения Герроса должно иметь решающее значение для понимания территории и северных пределов Скифии» [7, с. 188].

Учитывая данный вывод В. И. Ильинской, можно было бы и не останавливаться так детально на разборе ее гипотезы, если бы она, вернувшись к этому вопросу в своей диссертационной работе, не утверждала уже категорически, что «современное знание скифской степной археологии позволяет уверенно говорить об отсутствии таких некрополей периода архаики в порожистой части Днепра или где-либо в другой части степи», и не делала бы из этого вывод, что в таком случае ранние памятники степных скифов опять-таки должны находиться на Суле [16, с. 53]. Эта же мысль, хотя и в более осторожной форме, но последовательно проводится в подытоживающем труде В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина [3, с. 359].

Нетрудно заметить, что все приводившиеся выше рассуждения В. А. Ильинской стали возможными только вследствие убежденности самой исследовательницы в том, что Скифия VII—V вв. до н. э. была могущественным социально-экономическим и политическим образованием, которому неминуемо должны соответствовать памятники не менее значительные, чем посульские или кубанские. Таким образом, здесь все поставлено с ног на голову: не мощь Скифии определяется исходя из состояния источника, а наоборот, источники приспосабливаются к субъективному пониманию этой мощи. В этом отношении работы И. В. Яценко и М. И. Артамонова, в которых отмечалась относительная слабость скифов в VII—V вв. до н. э., отличались, несмотря на все их недостатки, куда большей последовательностью, ибо авторы исходили прежде всего из конкретных археологических реалий — скифских памятников, известных к их времени на территории, очерченной Геродотом, т. е. в украинской степи.

Не отвергая вероятности нахождения скифского Герроса в Посулье, в последнее время все настоятельнее обсуждается высказывавшееся и раньше мнение о принадлежности ранним скифам также замечательных курганов Северного Кавказа и Прикубанья [3, с. 51 сл.; 9, с. 19; 17, с. 33 сл.]. Ниже мы рассмотрим этот вопрос более детально. Но как бы ни трактовались упомянутые памятники, к тому Герросу, который описывал Геродот, они явно отношения не имеют, хотя бы уже по причине географической удаленности.

Вместе с тем массовые раскопки и разведки скифских древностей, проведенные в последние годы на территории степной Украины, действительно убеждают в том, что ждать каких-либо грандиозных открытий памятников VII—V вв. до н. э. здесь уже не приходится, хотя количество их с каждым годом резко увеличивается [18—21]. Но представляется, что существующих к настоящему времени археологических материалов

вполне достаточно, чтобы отказаться от поисков Герроса где-либо кроме местности ниже днепровских порогов, где его и засвидетельствовал Геродот.

Чтобы еще раз развеять какие-либо сомнения на этот счет, обратимся сначала к не раз выручавшему археологов методу ретроспекции, приняв во внимание, что Геродот говорит не просто о существовании в Геррах скифских кладбищ, а могил именно скифских царей.

В свое время нами была составлена сводка степных курганов скифской знати, в основном насыпей IV в. до н. э.— по высотным группам. Две последние группы памятников, высотой 8—11 и 14—21 м, на основании анализа обряда погребения и погребального инвентаря мы сочли возможным связать с погребениями элиты скифского общества: верховных правителей страны, царей составных частей Скифии и членов царского рода [22, с. 162, 238, табл. 4]. Сюда вошли курганы Александрополь, Огуз, Чертомлык, Солоха, Большая Цимбалка, Козел, Верхний Рогачик, Желтокаменка, Толстая Могила, Краснокутский Лемешев и Гайманова Могила. Не включенным в эту сводку остался курган у г. Николаева, так как высота его была определена со слов местного населения (10 м) и поэтому вызывала сомнения, а ограбление могилы не позволило определить социальный ранг погребенного [23]. Сейчас в нее дополнительно можно включить раскопанный недавно Бердянский курган, высотой 8 м [24], а также еще не раскопанные, но по всем внешним признакам также относящиеся к IV в. до н. э. самые большие из сохранившихся целыми курганы Скифии — Нечаеву (16 м) и Орлову (10 м) Могилы у с. Лукиевка на Никопольщине. Таким образом, в настоящее время с правящей верхушкой скифского общества IV — начала III вв. до н. э. с уверенностью можно идентифицировать 16 курганов.

Картографирование их свидетельствует, что 12 из 16 памятников, т. е. 75%, сосредоточены на узкой территории радиусом не более 45 км с каменко-никопольской переправой в центре, а еще два, Козел и Огуз, непосредственно примыкают к ним с юга (рис. 1). Исключив спорный случай с Николаевским курганом, можно утверждать, что практически все курганы скифской элиты этого времени сосредоточены именно в той местности, где и следовало их ожидать, исходя из сообщения Геродота.

В. А. Ильинская склонна полагать, что в IV в. до н. э. кладбища скифских царей и знати из Посулья перемещаются в степь [7, с. 177]. Но не странным ли в таком случае выглядит совпадение, что некрополь перемещается не куда-нибудь, а именно в ту местность, которую Геродот в V в. до н. э. и определил в качестве Герроса? Не проще ли предположить, что Геррос никуда не перемещался, а просто курганы IV в. до н. э. явились лишь завершающим звеном в истории создания кладбища скифской знати — истории, начавшейся задолго до этого? И еще одно: должно ли нас в случае утвердительного ответа на предыдущий вопрос смущать то обстоятельство, что памятники предшествующей эпохи не могут сравниться с курганами IV в. до н. э. ни по своему количеству, ни по размерам? Если не подходить предвзято, то, безусловно, нет.

К сожалению, ни В. А. Ильинская [7], ни В. Ю. Мурзин [9], специально занимавшиеся в последние годы изучением степных скифских курганов VII—V вв. до н. э., не предприняли попытки социальной их стратификации. Вопрос этот, безусловно, трудный, однако без его решения сегодня уже непонятны многие проблемы скифоведения.

При изучении социальной дифференциации курганов знати IV в. до н. э. мы исходили из степени пышности обряда погребения и полноты категорий погребального инвентаря, в которых находит выражение мера общественных затрат на погребение того или иного лица [22]. В итоге мы пришли к выводу, что в общих чертах эти элементы обрядности в первом приближении отражаются в размерах памятника, наиболее ярким показателем которых выступает его высота. В подготовленной недавно нами работе, выполненной на основании опыта «Толстой Могилы», таким образом удалось учесть 58 курганов IV — начала III в. до н. э. высотой, за редкими исключениями, от 3 до 21 м, которые четко делятся на четы-

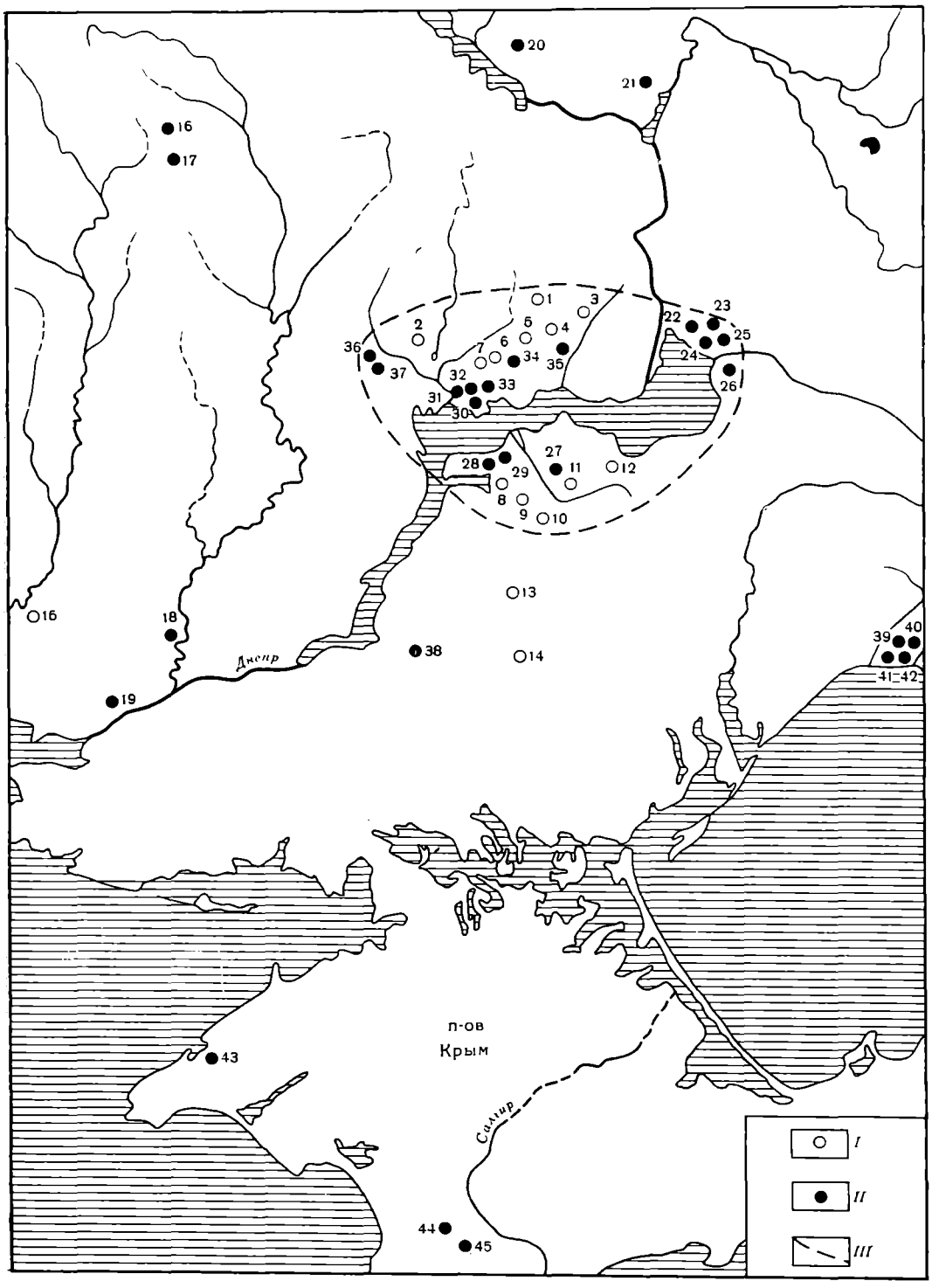


Рис. 1. Схема распространения степных памятников скифской знати (основное ядро). I – курганы высшей знати IV–III вв. до н. э. *1* – Александрополь; *2* – Желтокаменка; *3* – Краснокутский; *4* – Нечаева Могила; *5* – Орлова Могила; *6* – Чертомлык; *7* – Толстая Могила; *8* – Лемешев; *9* – Солоха; *10* – Верхний Рогачик; *11* – Большая Цимбалка; *12* – Гайманова Могила; *13* – Козел; *14* – Огуз; *15* – Николаевский; II – курганы знати VI–V вв. до н. э.; *16* – Мельгуновский; *17* – Медерово; *18* – Нововасильевка 9; *19* – Рожновский; *20* – Александровка 6; *21* – Подгородное 11; *22–26* – Новогригорьевка 1, 2, 3, 4, 5; *27* – Малая Цимбалка; *28* – Большая Знаменка; *29* – Большая Знаменка 13; *30* – Никопольский; *31* – Чабанцова Могила; *32* – I Завадская Могила; *33* – Испанова Могила 4; *34* – Малый Чертомлык; *35* – Острая Томаковская Могила; *36* – Бабы; *37* – Раскопана Могила; *38* – Архангельская Слобода 5; *39* – Владимировка; *40* – Острая Ногайская Могила; *41* – Обиточное 3; *42* – Обиточное 6; *43* – Ак-Мечеть; *44* – Золотой; *45* – Кулаковского; III – условная граница сосредоточения курганов знати вокруг каменко-никопольской переправы (область предполагаемого Герроса)

ре высотные группы, в общих чертах отражающие социальную дифференциацию скифской знати этого периода.

Е. П. Бунятян, идя подобным же путем, но с помощью формализованно-статистического метода, провела исследование социальной стратификации курганов рядового населения степи IV — III вв. до н. э. и в принципе пришла к таким же результатам, сумев выделить и среди рядовых скифов не менее четырех общественных прослоек [25].

Безусловно, этот же метод применим и для изучения скифских памятников VII—V вв. до н. э. Однако он крайне затруднен вследствие разнообразия ритуала погребения, значительной длительности временно́го диапазона, на протяжении которого можно предположить существенное изменение критериев социальной знатности и самого погребального обряда. Но главное — подавляющее число погребений почти полностью разграблено.

В процессе изучения материала мы, в конце концов, пришли к выводу, что, учитывая богатство инвентаря, не будет большой ошибкой отнести к памятникам знати VII—V вв. до н. э. курганы с основными скифскими могилами высотой начиная от 2,13 м и курганы эпохи бронзы с выдающимися впускными погребениями скифов. Последние, как правило, также отличаются довольно значительной высотой (3,2—6,5 м). В их состав, кроме того, мы посчитали возможным включить также некоторые памятники, безусловно, этого же ранга, сведения о высоте которых не сохранились (Мельгуновский, Рожновский, Никопольский) и несколько курганов с основными скифскими погребениями высотой ниже 2,13 м, которые уже вошли в науку на основании значительности погребального инвентаря в качестве памятников знати (Калитва, Новогригорьевка 1, Нововасильевка 9, Испанова Могила 4).

В результате на степной территории между Дунаем и Доном (из региона исключен Керченский полуостров) удалось выделить 32 кургана, хронология и территория распространения которых отражены в табл. 1. Проводить социальную дифференциацию внутри этой группы из-за скудости источника считаем пока преждевременным. При этом мы отчетливо понимаем всю условность составленной нами сводки — возможно, что некоторые памятники вошли в нее случайно, она может быть дополнена некоторыми другими погребениями. И все же думается, что даже в таком виде сводка вполне пригодна для работы.

Изучение степных курганов VII—V вв. до н. э. позволило В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину прийти к выводу, что данные памятники не образуют сколько-нибудь заметных сосредоточений [3, с. 113], хотя В. Ю. Мурзин, пользуясь теми же материалами, отмечает значительную их концентрацию в Нижнем Поднепровье и степном Крыму [9, с. 19]. Однако если нанести на карту выделенные выше погребения знати, то окажется, что ровно половина их, т. е. 16 из 32, сосредоточена все на той же узкой территории вокруг каменко-никопольской переправы, что и курганы высшей скифской знати IV — начала III в. до н. э. Чтобы избежать случайности, проверим этот вывод, выделив из отмеченных погребений только те, которые соответствуют и критериям памятников знати последующего периода, т. е. высотой не менее 3 м и обязательно с основной гробницей, ибо именно последними Геродот характеризует погребения скифских царей. Таких памятников в степях Украины всего 9. Только три из них находятся за пределами выделенного сосредоточения (Медерово, Подгороднее 11 и Острая Ногайская Могила), а 6 остальных (Бабы, Раскопана Могила, I Завадская Могила, Большая Знаменка 13, Большая Знаменка и Новогригорьевка 5) — в нем. Среди последних — оба самых крупных кургана этого периода, высотой 7,1 м (Большая Знаменка и Новогригорьевка 5).

Правда, ближайшее рассмотрение показывает, что подавляющее большинство отмеченных памятников датируется исключительно V в. до н. э. Но Геродот нигде и не говорил, что скифы всегда хоронили своих царей в Геррах. Единственное его прямое свидетельство о царском кладбище в этой местности [4, IV, 71] на этот счет не дает никаких ука-

Таблица 1

Территориально-хронологическая сводка степных памятников скифской знати VII–V вв. до н. э.

Период, вв. до н. э.	Приазовье, левобережное Причерноморье и степной Крым		Местность у каменко-никопольской переправы		Северные пределы степи и территория к западу от бассейна Базавлука	
	курган	высота, м	курган	высота, м	курган	высота, м
Конец VII – рубеж VI–V	Калитва [26]	0,35	Никопольский [32]	?	Александровский 6 * [38]	0,70
	Обиточное 3 * [27]	6,50	Острая Томаковская Могила * [33]	5,70	Мельгуновский [39]	?
	Золотой * [28]	3,20			Рожновский [40]	?
V	Обиточное 6 [27]	2,13	Новогригорьевка 1 [10]	1,45	Подгороднее 11 [41]	3,90
	Острая Ногайская Могила [27]	?	Новогригорьевка 2 [10]	2,13	Медерово [42]	4,00
	Владимировка [27]	5,50	Новогригорьевка 3 [10]	2,13	Нововасильевка 9 [43]	1,50
	Архангельская Слобода 5 [29]	2,50	Новогригорьевка 4 [10]	2,13	Арциз [44]	?
	Ак-Мечеть * [30]	?	Новогригорьевка 5 [10]	7,10		
	Кулаковского * [31]	3,56	Большая Знаменка [10]	7,10		
			Большая Знаменка 13 [34]	4,30		
			Малая Цимбалка * [35]	5,00		
			Испанова Могила 4 [36]	1,20		
			Малый Чертомлык [19]	2,30		
			Чабанцова Могила [36]	2,85		
			I Завадская Могила [36]	4,50		
			Бабы [37]	3,50		
			Раскопана Могила [37]	5,00		

Примечание. Звездочкой обозначены впускные погребения в курганы эпохи бронзы.

заний, поэтому не лучше ли вместо того, чтобы обвинять «отца истории» в недостоверности или противоречивости, предположить, что он в этом пассаже описывает только то, что было в его время. Там же, где он упоминает гробницы предков в ответе Иданфирса Дарию [4, IV, 127], Герры совершенно не фигурируют, наоборот, из него скорее явствует, что во времена скифо-персидской войны отчие могилы действительно находились далеко от тогдашних скифских кочевий. Объединивши же эти два сообщения в одно и сделав слово Геррос синонимом древнескифских кладбищ, исследователи вместе с могилами предков Иданфирса «унесли» из Нижнего Поднепровья и саму местность Герры, вызвав тем самым, вопреки удивительно ясному описанию ее местонахождения, многотомную дискуссию о ее локализации, длящуюся уже два столетия.

Однако «возвращение» этой области, где во времена Геродота скифы хоронили своих вождей, на законное место у днепровских порогов, еще не снимает вопрос о местонахождении архаических скифских могил конца VII — VI в. до н. э.: в Геррах их слишком мало. Где же их искать? Все дело в том, что в таком виде, как они сложились в IV в. до н. э. в Геррах у каменко-днепровской переправы, их никогда не было и не могло быть.

С. А. Плетнева [45] на основании систематизации общих закономерностей развития кочевнических сообществ средневековья пришла к выводу, что все явления их экономической, общественной, этнической и культурной жизни, связываясь в прочные узлы, могут быть представлены тремя социально-экономическими моделями. Зная хотя бы об одном-двух признаках-явлениях того или иного общества и пользуясь этими моделями, можно представить и общую картину жизни этого общества. По мнению исследовательницы, точно таким же закономерностям должны были подчиняться и сообщества скотоводов-кочевников всех эпох, начиная с первых веков их появления в степях и кончая XX в. [45, с. 146]. Изучение под этим углом социально-экономической жизни кочевнических сообществ раннего железного века, в частности скифского и сарматского, убеждает в том, что они не в той или иной мере, а почти буквально, за исключением третьей модели, подчиняются им. Что же касается скифского общества VII — VI вв. до н. э., то оно, безусловно, по всем своим признакам соответствует первой модели, связанной с периодом нашествий и таборного кочевания. Заключая ее характеристику, С. А. Плетнева пишет: «Разноэтническая, разноязыкая, разнокультурная масса племен и орд, объединенная под властью вождей в союзы племен и орд, постоянно двигалась по тысячекилометровым степям во враждебном окружении. У них не было ни постоянных становищ... ни функционировавших родовых кладбищ. Хоронили они чаще всего в курганах предыдущих эпох, рассыпанных по степи (так называемые „впускные погребения"), или просто в специально тщательно скрытых... могилах. Этот обычай скрывать места погребений дольше всего сохранился в среде родовой аристократии, где древние обычаи культивировались и оберегались более тщательно, чем в среде простого народа...

Только в конце первой стадии кочевания кочевники начинают сооружать наземные сооружения над могилами: курганы, оградки и прочее, поскольку с освоением новых земель у них появляется реальная возможность охранять своих умерших родичей.

Итак, единственный вид памятников, доходящих до археологов от периодов таборного кочевания,— разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специалистам в полном виде» [45, с. 18].

Вот почему мы считаем, что совершенно напрасно надеяться найти для скифов этого периода курганы подобные тем, которые мы знаем в скифском Герросе не только для IV, но даже и для V в. до н. э. Их памятники указанного времени представлены именно теми одиночными, в основном впускными в курганы эпохи бронзы погребениями,

которые разбросаны не только по всей южноукраинской степи, но и на многочисленных путях скифских нашествий, прежде всего, вероятно, в Восточном Крыму, на Северном Кавказе и в Закавказье. Но где бы они ни находились, с ними, бесспорно, нельзя связывать грандиозные насыпи высотой свыше 14 м, ибо если предположить, что на Кубани и в Посулье в VI в. до н. э., с одной стороны, и в Днепровском Припорожье в IV в. до н. э.— с другой, последние были оставлены одним и тем же населением, то как объяснить тот странный факт, что в V в. до н. э. подобных насыпей, которые можно было бы связать со скифами, нет ни на одной из указанных территорий, как и вообще где-либо в другом месте к западу от Волги и Каспия? Современное состояние знаний не позволяет сомневаться в этом. А ведь в V в. до н. э., после легендарной победы над Дарием, скифы, безусловно, были не менее могущественны, чем в VI в. до н. э., после сокрушительного поражения в Передней Азии. Следовательно, не было у них и причины на целое столетие прерывать традицию сооружения над могилами своих царей гигантских насыпей. Подчеркиваем, мы говорим здесь о невозможности связывать с кочевыми скифами-иранцами только крупнейшие курганы Прикубанья VI в. до н. э., подобные Ульскому кург. 1 1898 г. (неиранский характер последнего, кстати, хорошо доказан недавно Л. А. Лелековым [46]), что отнюдь не означает принципиальной невозможности существования здесь отдельных скифских погребений.

С конца же VI — начала V в. до н. э., когда восточная граница Скифии стабилизируется по Дону [9, с. 20] и центр ее переносится в Нижнее Поднепровье, в этом центре, в земле подвластных скифам царским племен герров, начинает создаваться и кладбище скифской аристократии, так хорошо описанное Геродотом.

Поступательное социально-экономическое развитие скифского общества от VII до IV до н. э. неминуемо должно предполагать и создание все большего числа все более грандиозных погребальных памятников для увековечения памяти их царей и вождей.

Поэтому есть все основания полагать, что самые крупные курганы Герроса конца VI — V в. до н. э., такие, как Большая Знаменка и Новогригорьевка 5, а возможно, и менее значительные, подобные Острой Томаковской, Раскопанной и I Завадской Могилам, принадлежат не просто представителям верхушки скифского общества, а непосредственно скифским царям — победителям Дария и их ближайшим потомкам.

При этом по-прежнему составляет загадку отсутствие памятников, которые во всех деталях отвечали бы описанию похорон царя у Геродота, хотя отмеченные курганы, безусловно, к данному описанию ближе всего. Возможно, что Геродотом описан какой-то частный случай или, наоборот, обобщенная модель, не имеющая полного реального воплощения. Не исключено также, что некоторые из подобных памятников мы уже пропустили, поскольку и Большая Знаменка, и Новогригорьевка 5 оказались сокрушительно ограбленными, к тому же исследованы только частично. Еще не исчерпаны полностью возможности для подобных открытий в земле герров в будущем [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологія Української РСР. Т. 2. Київ: Наук. думка, 1971.
2. *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982.
3. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
4. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1982.
5. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
6. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
7. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.

8. *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 36.
9. *Мурзин В. Ю.* Степная Скифия VII—V вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1979.
10. *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
11. *Тереножкин А. И.* Скифская культура.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
12. *Абаев В. И.* Геродотовские Skythai geōrgoi.— Вопр. языкознания, 1981, № 2.
13. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии.— Народы Азии и Африки, 1980, № 5.
14. *Брун Ф. К.* Опыт соглашения противуположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях.— Древности Геродотовой Скифии. Вып. II. СПб., 1872.
15. *Ильинская В. А.* Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3.
16. *Ильинская В. А.* Скифский период в Днепровском лесостепном Левобережье. Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
17. *Мурзін В. Ю.* Скіфи на Північному Кавказі (VII—V ст. до н. е.).— Археологія, 1978, № 27.
18. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы V в. до н. э. у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тез. докл. конференции). Ч. II. Киев, 1975.
19. *Мозолевский Б. Н.* Раскопки в курганной группе Чертомлыка.— АО—1979. М., 1980.
20. *Мозолевский Б. Н.* Раскопки курганов скифского времени у г. Орджоникидзе.— АО—1980. М., 1981.
21. *Мозолевский Б. Н., Николова А. В.* Работа Орджоникидзевской экспедиции.— АО—1981.— М., 1983.
22. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
23. *Никитин В., Черненко Е.* Скифский курган в г. Николаеве.— АИУ — 1965—1966. Киев, 1967.
24. *Чередниченко Н. Н. и др.* Раскопки большого скифского кургана в Приазовье.— АО—1978. М., 1979.
25. *Бунятян Е. П.* Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э. (опыт применения формализованно-статистического анализа социальной структуры по данным могильников). Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.
26. *Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве.— СА, 1958, т. II.
27. *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска.— ВДИ, 1956, № 1.
28. ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
29. *Лесков О. М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974.
30. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
31. ОАК за 1895 г. СПБ., 1897.
32. *Манцевич А. П.* Бронзовые пластины из Прикубанья.— В кн.: Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958.
33. Древности Геродотовой Скифии. Т. II. СПб., 1872.
34. *Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской области.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
35. ОАК за 1868 г. СПб., 1870.
36. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
37. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
38. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка.— В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук, думка, 1982.
39. *Придик Е.* Мелыгуновский клад.— МАР, 1911, № 31.
40. ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
41. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
42. *Бокий Н. М.* Скифский курган у с. Медерово.— СА, 1974, № 4.
43. *Шапошникова О. Г.* Отчет Ингульской экспедиции за 1975 г.— Научный архив ИА АН УССР, № 1975/3.
44. *Алексеева И. Л.* Раскопки курганов в междуречье Дуная — Днестра.— АО—1972. М., 1973.
45. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982.
46. *Лелеков Л. А.* Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры.— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1980.

B. N. Mozolevsky

ON THE SCYTHIAN GERRHUS

Summary

Gerrhus was a locality where, according to Herodotus, the Scythians buried their kings. V. A. Ilyinskaya supported D. Ya. Samokvasov who regarded the early Scythian barrows along the Sula River as Gerhus. It should be indicated, however, that mapping of the steppe barrows of the Scythian nobility dated not only to the 4th century B. C. but also to an earlier time has revealed the fact that their greatest number is found on a narrow strip of 90×90 km in the vicinity of the Kamenka-Nikopol river crossing. The bulk of the early Scythian sites in the locality is dated to the 5th century B. C. It leads to a conclusion that, in conformity with Herodotus'evidence, Scythian burials appeared in Gerrhus in the early 5th century B. C. Individual burials, more often secondary burials in Bronze Age barrows, found not only all over the south Ukrainian steppes but also along the routes of Scythian invasions, mainly in the Eastern Crimea, the Northern Caucasus and the Transcaucasus, should be interpreted as burials of the Scythian nobility of the 7th-6th centuries B. C. and those of mediaeval nomads. For the most part they were plundered. Such huge burial mounds as the Ul 1 in the Kuban basin can be hardly ranked among them. Most probable they increased gradually reaching the height of 14 to 21 m only by the 4th century B. C.

Е. А. САВОСТИНА

ТИПОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ УСТУПЧАТЫХ СКЛЕПОВ БОСПОРА

На рубеже V—IV вв. до н. э. в погребальной архитектуре Боспора появляется новая категория сооружений, так называемые камерные гробницы [1, с. 69; 2, с. 233]. Отличительная особенность их заключается в новом для Боспора принципе: под землей специально создается пространство, изолированное в самом простом случае закладной плитой. Еще М. И. Ростовцев обратил внимание на существование определенной общности этих гробниц, независимо от занимаемой ими площади, оформления и, что особенно важно, материала и способа сооружения [3, с. 162 и сл.]. Он же специально указывал на необходимость совместного рассмотрения и сопоставления каменных и земляных склепов («катакомб») именно в силу единого принципа их устройства — камерности [3, с. 163]. Но для того, чтобы приблизиться к возможности постановки такой проблемы, необходимо сначала систематизировать имеющийся материал, представить его в однородной форме, сделать сопоставимым. В данной работе такая задача была поставлена лишь для одного класса камерных погребальных сооружений — уступчатых склепов.

Термин «склеп» в отечественной литературе [4, с. 45] [1] принят для монументальных каменных погребальных сооружений. Нужно признать, что это наименование, достаточно условное, нередко отражается на восприятии такого рода гробниц, поскольку вызывает ассоциации с более поздним значением этого слова как усыпальницы, длительное время служившей местом погребения членов одной семьи или рода. Для раннего же периода существования склепов такое определение не всегда правомерно, поэтому в контексте данной работы термин «склеп» употребляется для обозначения изолированного монументального погребального помещения.

К настоящему времени известно около 70 монументальных каменных склепов Боспора, из них 40 уступчатых. Мы располагаем более-менее полными данными о 31 склепе. Подавляющее большинство памятников было найдено еще в XIX в., во время так называемой «курганной лихорадки» — грандиозных раскопок с целью добычи антикварных вещей и ради сенсаций. Естественно, что это определило и крайне плачевное состояние ведения документации производимых работ. Поэтому большинство имеющихся данных о склепах фрагментарны: как правило, отсутствует полноценное описание конструкций, способов соединения важных конструктивных узлов (например, дромоса и входа в камеру), часто не приводятся даже их размеры. Практически ни об одном склепе нет полных сведений, отсутствуют или чертежи, или описание. Кроме того, большинство склепов ограблено еще в древности, а без инвентаря определить их дату затруднительно.

Чтобы иметь возможность сопоставить различные памятники, необходимо располагать более полноценными сведениями о них, для чего в начале данной работы пришлось по разным источникам — чертежам, схемам, описаниям, отдельным упоминаниям восстановить основные характеристики гробниц, в том числе их размеры [2]. Рассмотрим уступчатые склепы, опираясь на эти данные.

[1] Одно из первых употреблений этого термина. До тех пор применялся термин «гробница».

[2] Описание склепов приведено в приложении, на рисунках даны их схемы, выполненные в одном масштабе. Номера склепов по каталогу и на рисунках соответствуют.

Несмотря на плохое качество материала, именно уступчатые склепы среди прочих боспорских памятников вызвали наибольший интерес исследователей. Помимо М. И. Ростовцева, рассмотревшего их в ходе общего обзора материальной культуры Боспора [3, с. 190 и сл.], специальные работы им посвятили С. А. Кауфман [5], В. Ф. Гайдукевич [6, 7], В. Д. Блаватский [8—10]. Хотя основным в этих исследованиях был вопрос о происхождении на Боспоре уступчатого вида перекрытия, определенное значение они имели и для упорядочения имеющихся сведений об этих памятниках, и для стимулирования поисков новых. Вместе с тем эти работы показали необходимость системного подхода к погребальному памятнику, важность рассмотрения его отдельных частей и их взаимосвязи.

Давно замечено, что все уступчатые склепы перекрыты курганной насыпью. Погребальное сооружение занимает в ней или центральное (Золотой [7, с. 11, 21, рис. 3, 4; 11, с. L и сл., чертеж А*а*], Царский [5, с. 6, рис. 4; 12, с. 27 и сл., § 24, рис. 1; 13, с. 140, рис. 2], Мелек-Чесменский [14, с. 21], Куль-Оба [12, с. 29, § 25, рис. II] и другие курганы), или близкое к центру положение. Как правило, под курганной насыпью располагается один склеп (не считая одновременных или более поздних впускных погребений другой конструкции, да и то в курганах с уступчатыми склепами они редкость), хотя известны случаи, где в одной курганной насыпи помещается до трех склепов, имеющих аналогичные перекрытия (Золотой курган и Большая Близница [15, с. 17 и сл.]).

Исходя из этого, можно говорить, что курганная насыпь являлась обязательным, причем нетехническим условием существования уступчатого склепа и, следовательно, обязательным элементом погребального комплекса. Из этого же выходит, что само погребальное сооружение было тоже лишь элементом этого комплекса.

Устройство курганной насыпи боспорских памятников из-за отсутствия специальных описаний, а также из-за методики ведения раскопок в XIX в., когда копали траншеей и не давали полного профиля кургана, во многом неясно. Известны только две основные разновидности насыпи: каменная (Золотой курган [7, с. 11, рис. 3; 16, с. 15]) и грунтовая (недавние исследования кургана Султан-горы [17, с. XXVII и сл.; 18] показали, что насыпь слоистая, чередуются глина и каменная крошка; ср. [2, с. 229 и сл.]).

Нужно помнить, что тот внешний вид кургана, который мы можем наблюдать в настоящее время, далек от того, каким он был сооружен [2, с. 231; 19, с. 22]. Сохранившаяся высота (наибольшая — около 20 м, Царский курган), может быть, составляет лишь 2/3 первоначальной. Кроме того, курганная насыпь оползла, стала значительно шире в основании. Несмотря на то, что форму насыпи окончательно восстановить невозможно, предполагаются две основные: конусообразная [20] и сферическая [16, с. 15 и сл.].

Само подкурганное сооружение состоит из двух частей: камеры и дромоса. Камера предназначена для помещения в ней умершего, дромос соединяет камеру (и курган) с внешним пространством. Этим можно определить его функцию: он обеспечивает возможность помещения умершего в камеру, находящуюся под курганом.

Дромос, как правило, у́же камеры. Длина его колеблется от 37 м (Царский курган [7, с. 33]) до 2 м (Куль-Оба [17, с. XXVII—XXIX]). Его параметры не зависят от размеров камеры. Дромос имеет разновидности: с перекрытием, т. е. «закрытый» [11, 12], открытый — без перекрытия и вырытый в грунте (не имеющий обкладки) типа колодца.

Камера в большинстве случаев имеет прямоугольную форму: квадрат или прямоугольник. Только один Золотой курган имеет круглую камеру (склеп 1 [11, с. L сл.]). Размеры: длина колеблется от 6,4 (Огуз [20, с. 178, чертеж 1, *8*]) до 2 м, ширина от 6,4 до 1,25 м. Прямоугольник основания всегда вытянут по оси входа. Высота камеры колеблется от 11 до 2,3 м. Длина и ширина соотносятся между собой

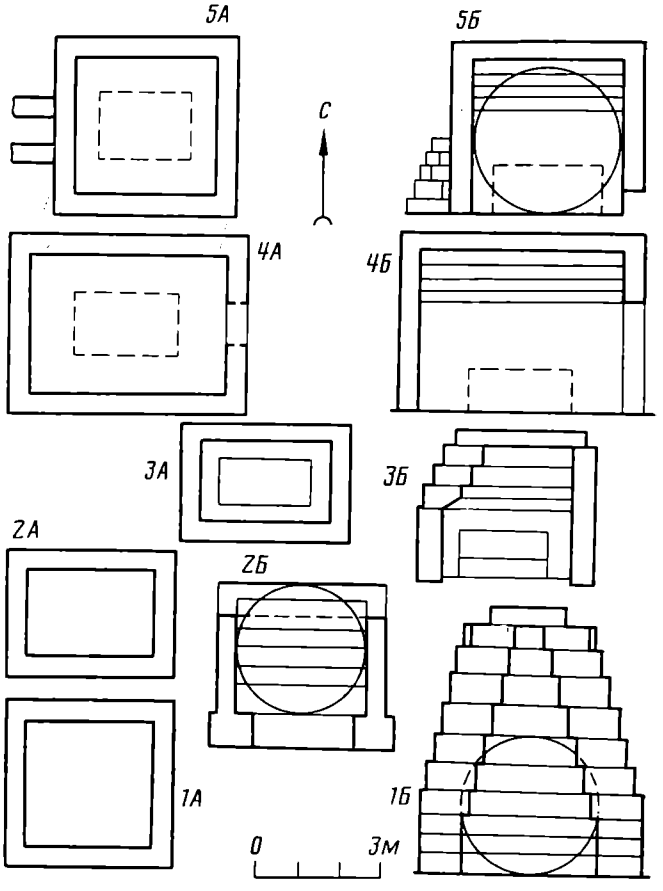


Рис. 1. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 1–5

в прямо пропорциональной зависимости; соотношение этих параметров с высотой неодинаково. Есть группа (основная), в которой чем больше основные параметры камеры, тем больше высота, есть и такие, в которой высота изменяется безразлично к изменению длины и ширины. В этих случаях она держится постоянно около отметки 2,6—3,2 м или резко увеличивается.

Основным характерным признаком уступчатых склепов является перекрытие. В литературе принято его обозначение как «ложного», «египетского» или уступчатого свода. Известны три основных вида такого способа перекрытия: на четыре, три и две стороны [7, с. 46].

Основа конструктивного принципа такого свода заключается в том, что ряды кладки нависают друг над другом, выступая на какую-то часть [13, с. 151]. Один из вариантов — углы уступов срезаны [15, с. 17]. Нависающие ряды кладки могут быть устойчивы до того момента, пока их тяжесть не превышает тяжести камней, непосредственно находящихся над опорной стеной [13, с. 150, рис. 18]. В противном случае при возведении свода применяются подпорки (ср. строительство дромоса Царского кургана [13, с. 152]). Устойчивость восстанавливается лишь при завершении свода, когда «противоположные стенки упрутся друг в друга» [13, с. 150], тогда верх их соединит замковый камень.

Как следует из архитектурных исследований, проведенных Боспорской экспедицией В. Ф. Гайдукевича на базе Царского кургана [13, с. 152], правильно построенный уступчатый свод с небольшим (до 7) количеством рядов, выдерживает «сам себя» без дополнительной разгрузки под силой собственной тяжести составляющих его камней. Это представляется очень важным для объяснения отдельных приемов строительства боспорских склепов, в частности их расположения относительно уровня дневной поверхности кургана. Большинство известных уступчатых скле-

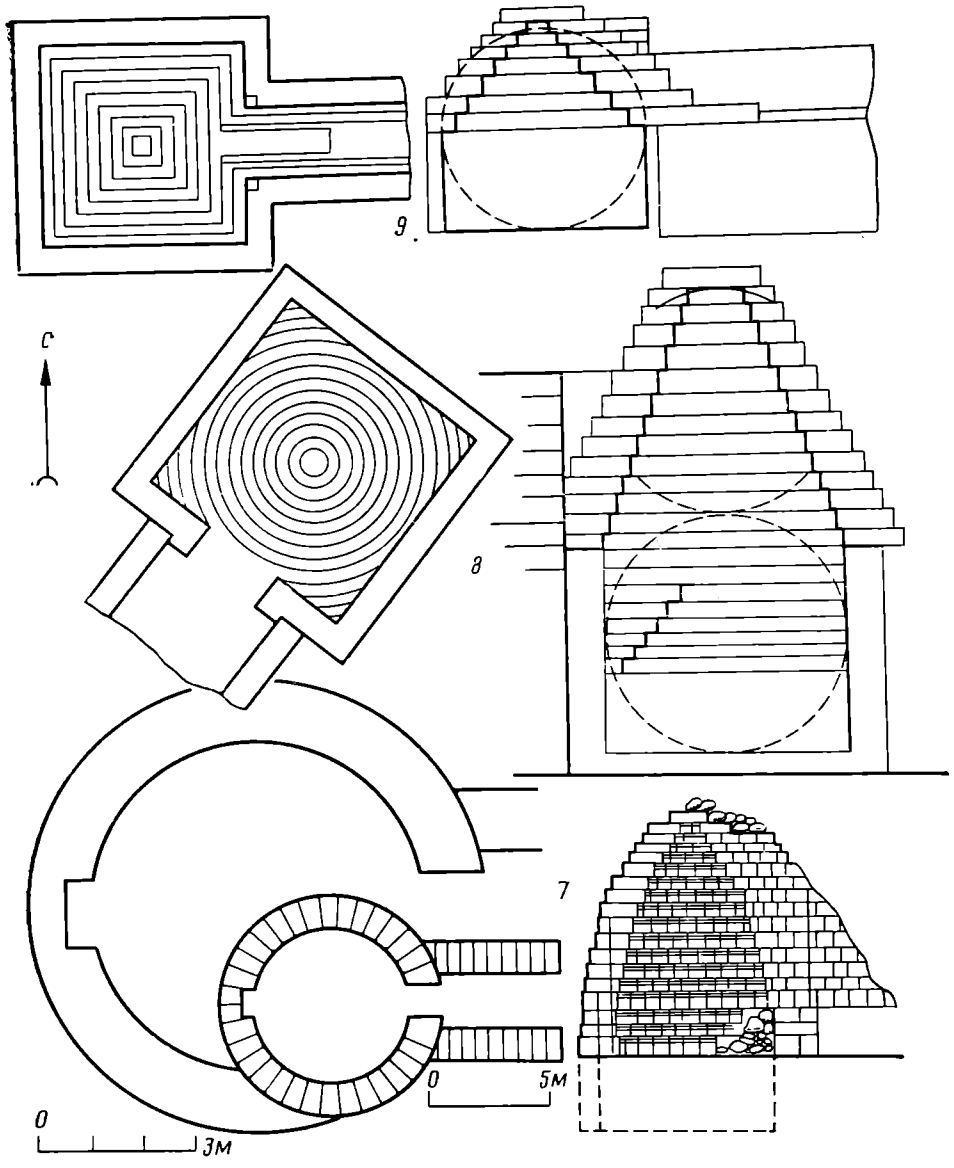


Рис. 2. Планы и разрезы уступчатых склепов 7–9

пов имеют около четырех — шести уступов (рис. 1–8), поэтому, как кажется, они обычно выстроены на материке. Заглублен лишь цоколь, в то время как камеру полуциркульного сооружения принято углублять до пяты свода. Таким образом, можно думать, что эти различия между уступчатыми и полуциркульными склепами лежат в области технического решения их сводов.

Отсюда следует, что замковый камень в уступчатой конструкции не является обязательным, поскольку тектонические характеристики такого свода допускают полное сведение сторон [13, с. 149, рис. 16], в отличие от замкового камня полуциркульного свода, держащего всю конструкцию: в уступчатом своде, начиная с замкового камня, действуют «силы вертикального напора», никогда не переходящие в боковой распор [21, с. 203]. Следовательно, не от технических требований идет и четырехстороннее перекрытие, сводимое к замковому камню,— его как раз по всем нормам проще сделать на две стороны.

Рассмотрим архитектурные детали. Архитектурный объем камеры уступчатых склепов, особенно в конце IV—III в. до н. э., часто включает элементы ордера. Это проявляется в оформлении портала антами (Большая Близница, склеп 2; Мелек-Чесменский курган; Огуз; группа Тарасовских курганов [17, с. 109, табл. XXIX, с. 109, табл. XXXV, *2–5*, с. 110, табл. XXXV, *1*, XXXVI, *1–4*]), украшении архитравной

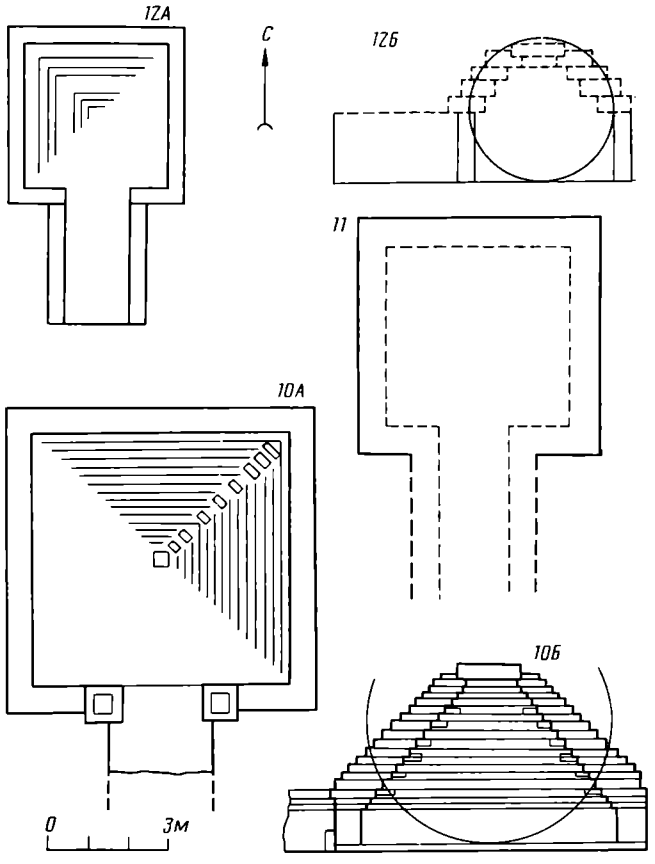


Рис. 3. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 10–12

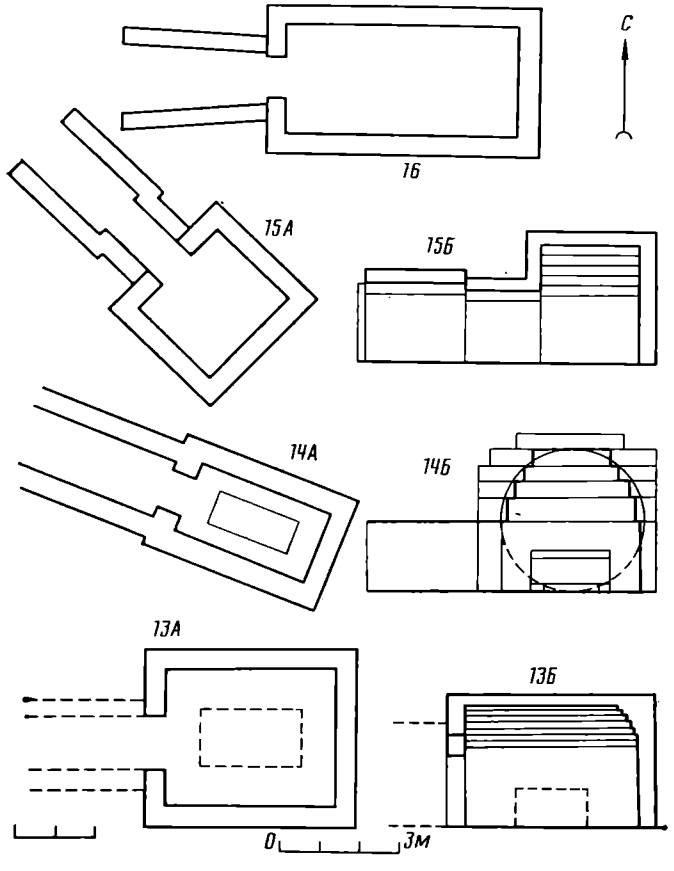


Рис. 4. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 13–16

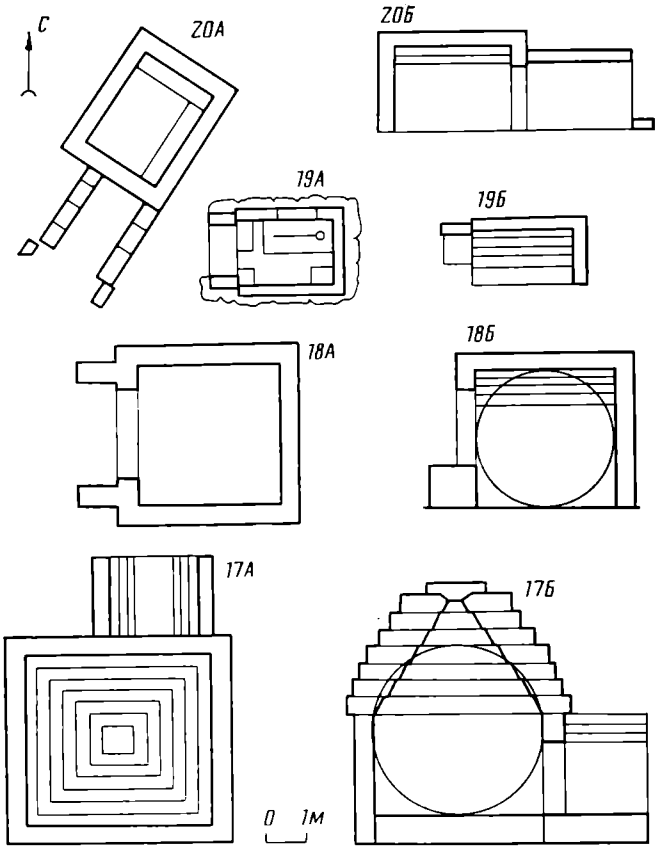


Рис. 5. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 17–20

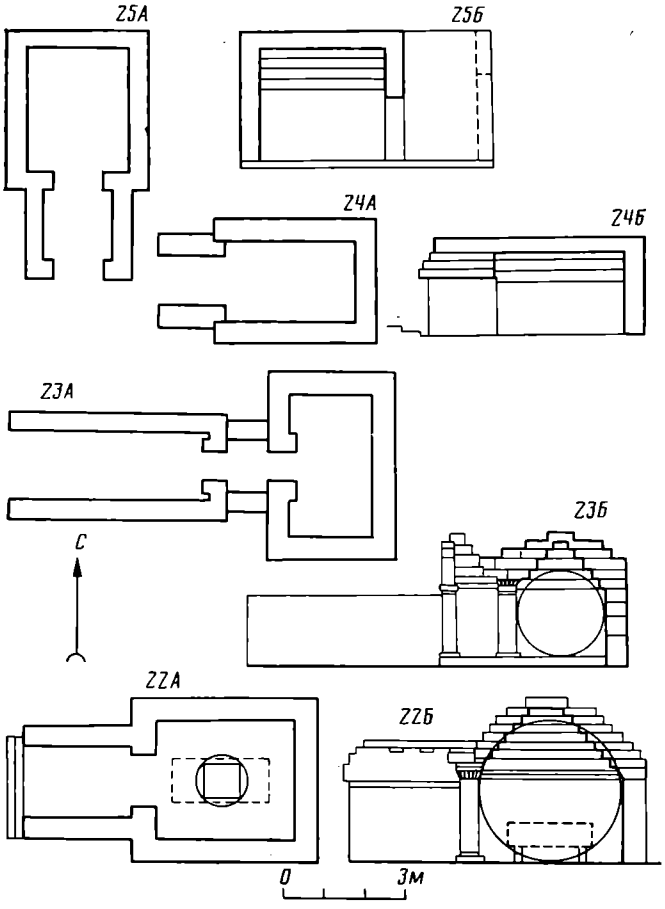


Рис. 6. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 22–25

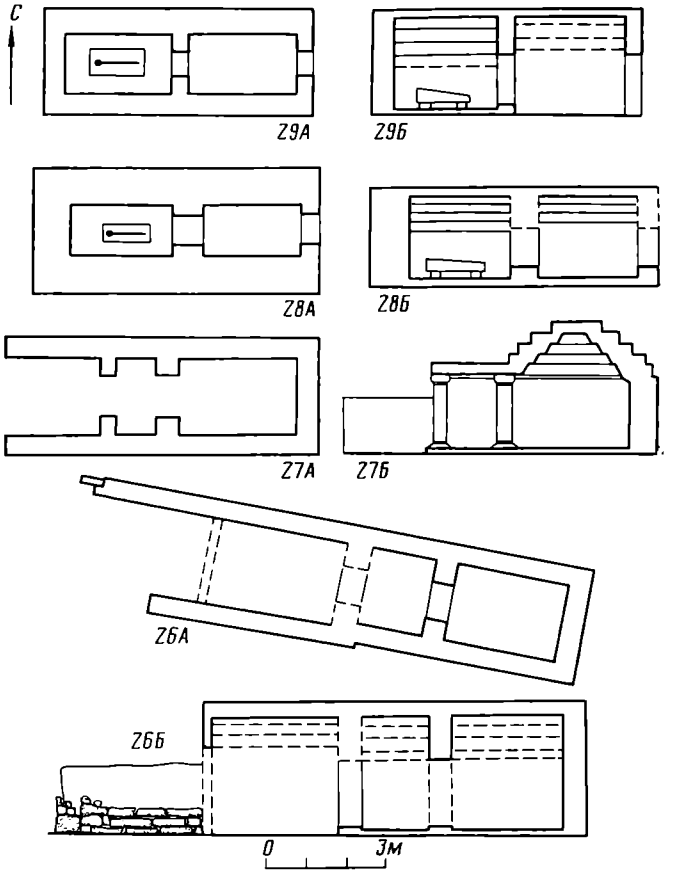


Рис. 7. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 26–29

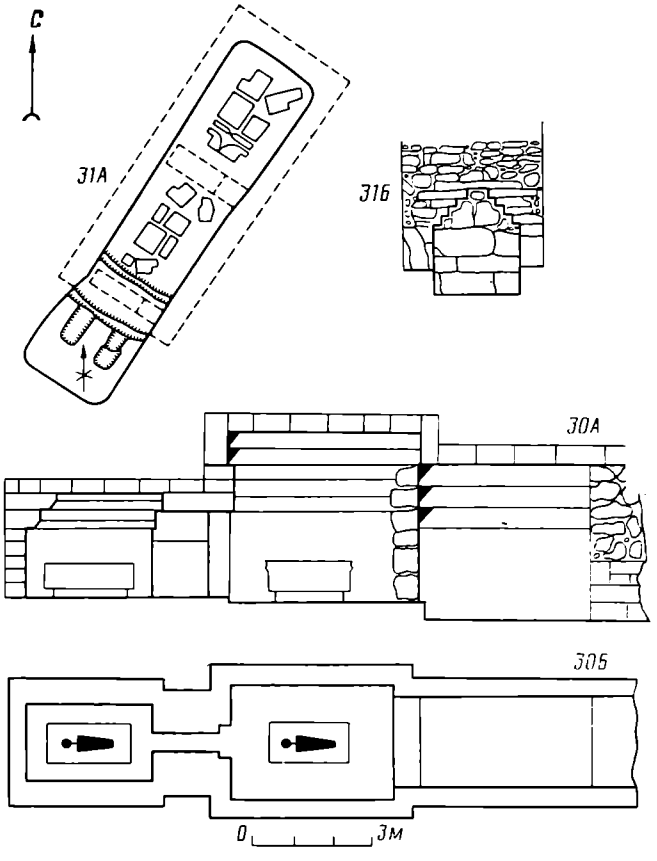


Рис. 8. Планы (*А*) и разрезы (*Б*) уступчатых склепов 30, 31

плиты. В Большой Близнице плита над входом в камеру имеет рельефные украшения в виде точеных «балясин» [15, табл. VI], в склепах 1 и 3 Тарасовских курганов (23 и 27 — по каталогу) — дорическим фронтоном. В последнем фронтон имеет так называемый разгрузочный треугольник — незаполненное кладкой треугольное пространство; на том же фасаде помещен букраний.

В кладке сводов уступчатых склепов известно применение пандативов: Золотой, Царский курган, Огуз.

Как оформлялся вход в дромос — неясно. Вход в преддверие иногда, как и в камеру, был в антах: склепы 2, 3 Тарасовских курганов. Никаких следов дверей в боспорских склепах нет, они все были заложены закладными плитами, иногда к тому же дублированными выстроенными перегородками в дромосах (Царский курган, Большая Близница, Султан-Гора), что полностью изолировало камеру от внешней среды.

При описании склепов мы уже коснулись вопроса пропорций, т. е. определенных соотношений между различными частями [21, с. 293], которые помимо декора придают каждому из склепов его характерную особенность, поскольку, как свидетельствует материал, двух одинаковых склепов нет. Известно, что у греков применялся главным образом модульный способ конструирования [21, с. 301; 22, с. 143, 214, 235]. Он состоит в том, что все размеры целого связываются соотношением с одним размером, взятом в самом здании [23, кн. III, I, 1, 4]. Эту основную единицу называют модулем (εμβάτης), все основные размеры находятся к ней в простом кратном отношении. По Витрувию, в ионийском и дорийском ордерах модуль определялся половиной диаметра колонны, иногда — размером ступни человека (ср. εμβάτης значит «ступня») [23, кн. IV, III, 3, 4].

В данной работе из-за отсутствия квалифицированных архитектурных обмеров сложно выявить все пропорциональные соответствия уступчатых склепов. Однако одна закономерность очевидна: пропорции многих склепов зависят от длины их основания. Она может 1 или 2 раза (Царский курган) укладываться по высоте: склепы 2, 8, 9, 10, 12, 14, 17, 18, 22, 23, 27 по каталогу. В какой-то мере можно считать этот размер модулем для той части уступчатых склепов, которые характеризуются четырехсторонним перекрытием.

В этой же связи коснемся масштаба сооружения [21, с. 301]. Мы видим, что конструкция уступчатых склепов исходит из канона пропорций, не связанных с масштабом. Например, с чисто утилитарной точки зрения некоторые элементы погребального сооружения должны были бы сохранять приблизительно одинаковый размер, независимо от размеров здания. Например, высота дверного проема и высота камеры должна была бы определяться исключительно высотой человеческого роста (в погребальном памятнике она могла бы быть и того меньше). Однако в уступчатой архитектуре такие «утилитарные» размеры редки (склеп 1, Трехбратный курган,— № 19 по каталогу [24], склеп у пос. Аршинцево, № 20 по каталогу [17, с. 220, рис. 2, *3*]).

Как представляется, размеры всех основных элементов склепов подчиняются модульному канону: так, при увеличении длины камеры увеличивается и ее высота, и высота дверного проема (Царский курган), исчезает всякая связь между назначением конструктивных частей склепа и их размерами, не остается ничего, что могло бы служить масштабом сооружения (т. е. какой-то постоянной величины — высоты двери, например, переходящей из склепа в склеп). В этом можно видеть проявление общего принципа греческой архитектуры, сформировавшегося уже к V в. до н. э. С этого времени при оформлении ордеров греки обнаруживают стремление исходить из канона пропорций, не связанных с масштабом: удваивая высоту фасада храма, они удваивают и высоту дверей, и высоту ступеней [21, с. 301; 23, кн. I, 3, IV, VI].

В связи с масштабом отметим еще один факт. Самые большие склепы — самые ранние (до конца IV в. до н. э.), имеют четырехстороннее перекрытие.

Итак, исходя из анализа конструкций уступчатого склепа, можно сказать, что многие важные ее стороны невозможно объяснить с чисто утилитарной точки зрения. Во-первых, это масштаб и размер частей (высота камеры и дверного проема), во-вторых, замковый камень, без которого свод мог бы вполне существовать, в-третьих, поскольку свод держит «сам себя» — курганная насыпь. И наконец, дромос, поскольку он иногда (в пяти случаях, № 1—5 по каталогу) отсутствует.

Описание устройства уступчатых склепов вызвало попытки систематизации и классификации основных признаков конструкции склепов и одновременно поиски закономерностей сочетания этих признаков. Так, уже С. А. Кауфман и В. Ф. Гайдукевич отмечали существование определенных соответствий одних элементов другим, например двустороннего уступчатого свода камеры прямоугольной форме ее основания [5, с. 24]. На примере 18 уступчатых склепов В. Ф. Гайдукевич предпринял первую попытку их классификации [7, с. 46]. Он выделил три типа, в которых определяющим признаком было количество сторон перекрытия: две, три, четыре. Как представляется, дальнейшее исследование должно идти по пути выявления новых закономерностей, положенных в основу архитектурных решений уступчатых склепов.

Заметим, что чаще всего встречаются перекрытия на две или четыре стороны, перекрытие на три стороны известно только в двух случаях (№ 3 и 30 по каталогу). При этом свод на четыре стороны в 5 случаях перекрывает квадратное основание, в 3 — прямоугольное, а свод, имеющий уступы на две стороны, в 12 случаях перекрывает прямоугольное основание, в 3 — квадратное. Таким образом, можно назвать устойчивым такое сочетание признаков, как прямоугольное основание и двустороннее перекрытие; квадратное основание и четырехстороннее перекрытие.

Каждая разновидность склепов — квадратные, прямоугольные, перекрытые разным способом — имеет или дромос, или преддверие. Дромосы и преддверия встречаются с каждым из этих признаков. Только у пяти склепов нет ни дромоса, ни преддверия. Как представляется, можно подразделить уступчатые склепы на типы, в зависимости от того, есть ли у них дромос, преддверие или отсутствует то и другое. Сочетания же в этих основных типах определенных форм планов оснований и перекрытий будут определены как варианты (рис. 9).

Тип I — склепы без дромоса. Представлен шестью памятниками, среди которых лишь одно сочетание плана и перекрытия встречено дважды — прямоугольное основание перекрыто на четыре стороны (рис. 1, *2*; рис. 2, *6*). Остальные варианты содержат только один памятник: квадратное основание перекрыто уступами на четыре стороны, прямоугольное основание — на три стороны, прямоугольное основание — на две стороны.

Тип II — склепы с дромосом (известно 14). Склепы этого типа можно подразделить на две основные группы: группу А — склепы с длинным дромосом (10) и группу Б — с коротким дромосом (4). Обе они имеют три основных варианта: квадратное основание перекрыто на четыре стороны (5), прямоугольное основание — на две (4). Особо отметим вариант этого типа, где камера имеет круглое основание и круглое в плане перекрытие (рис. 2, 7).

Тип III — склепы с преддверием (10 памятников). Также делятся на две группы: с шириной преддверия, равной ширине камеры (группа Б), и с шириной его меньше ширины камеры — группа А (рис. 6—8). В этих группах, в свою очередь, будет по два варианта: квадрат, перекрытый на четыре стороны, и прямоугольник, перекрытый на две.

Еще В. Д. Блаватский предположил преемственность форм уступчатых склепов, их развитие от квадратной камеры с четырехсторонним перекрытием к прямоугольной двусторонней через промежуточный этап — прямоугольный четырехсторонний [10, с. 80]. Намеченная эволюция подтверждается и датировками склепов: квадратные — более ранние. Кроме того, одной из основных их черт, как видно из рисунков, яв-

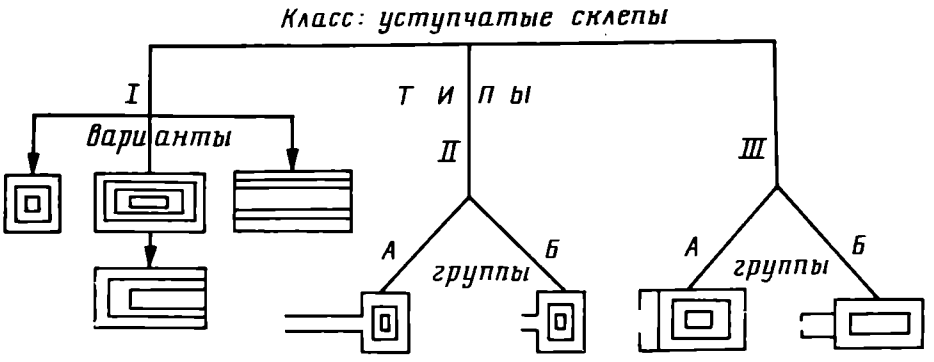


Рис. 9. Типологическая схема уступчатых склепов

ляется дромос, по преимуществу длинный. Это дает основание поставить в начало типологического ряда такой уступчатый склеп, который имеет длинный дромос, в основании его камеры лежит квадрат, т. е. правильная геометрическая фигура, свод этой камеры сходится уступами с четырех сторон над центром ее основания. Как правило, в таких склепах чаще встречается увеличенная (по отношению к модулю) высота.

Особо надо обратить внимание на ориентировку уступчатых склепов (рис. 10). Дело в том, что, в отличие от распространенного мнения об устойчивой ориентации греческих погребений головой на восток, здесь отмечается устойчивость широтной ориентации (и на восток, и на запад). Погребенный в уступчатом склепе расположен чаще всего в центре и таким образом, что лицо его обращено к двери, он как бы смотрит на вход. По ориентации входа, следовательно, можно судить и об ориентации погребенного. Здесь усматривается любопытная особенность: большинство погребений, расположенных на европейской стороне Боспора, ориентированы входом на восток, на азиатской — на запад. Меридиональную ориентировку имеют только скифские уступчатые склепы, расположенные вне территории Боспора (Куль-Оба, Огуз, Нижние Серогозы) [3].

Первоначально областью распространения уступчатых склепов, появившихся на Боспоре на рубеже V—IV вв. до н. э., был район, прилегающий к Пантикапею (рис. 11). Курганы, под которыми были обнаружены склепы, располагались на естественных кряжах, тянущихся на многие километры от Пантикапея [2, с. 228 и сл.; 25, с. 31]. Самый знаменитый из них — кряж Юз-Оба. В самом Пантикапее уступчатые склепы до сих пор не встречались, кроме позднего склепа «Пигмеев» II в до н. э. [11, с. 51; 15, с. 137]. Ритмичное расположение погребальных памятников, замечаемое в пределах одной группы, незначительное варьирование высоты и диаметра основания их курганных насыпей, возможно, говорят о том, что эти курганные могильники сооружались не стихийно, а рассматривались как единый архитектурный ансамбль [26, с. 182, 185], возводимый в рамках одного столетия как некрополь, предназначенный для обозрения со стороны города живых.

Тип II был самым ранним, появившимся на Европейском Боспоре, затем — тип I. На Азиатский Боспор уступчатые склепы распространились позже, в середине — второй половине IV в. до н. э. Здесь с самого начала преобладает тип III уступчатых склепов, известны лишь два примера типа I и один — типа II.

Итак, анализ основных характеристик уступчатых склепов выявил ряд их конструктивных свойств, не объяснимых с точки зрения только утилитарного смысла. Кроме того, на основании периодизации возникает вопрос: с какой точки зрения следует рассматривать развитие архитектурной формы уступчатых склепов — как плавную линию, выражающую

[3] Ориентировка склепа Зеленской горы на Тамани проблематична.

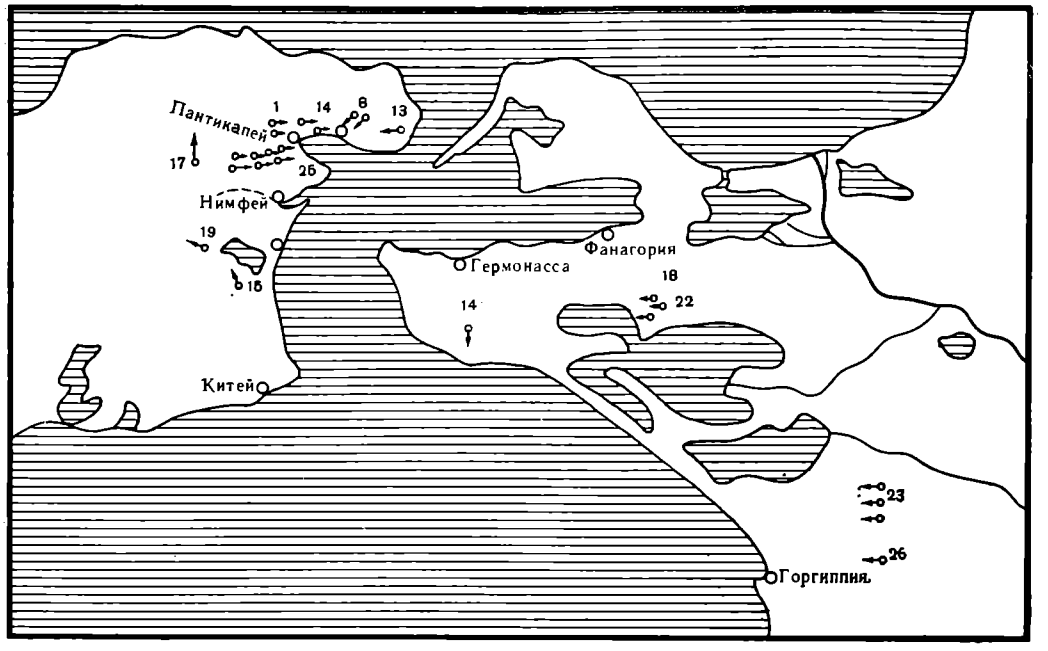


Рис. 10. Карта-схема ориентации уступчатых склепов

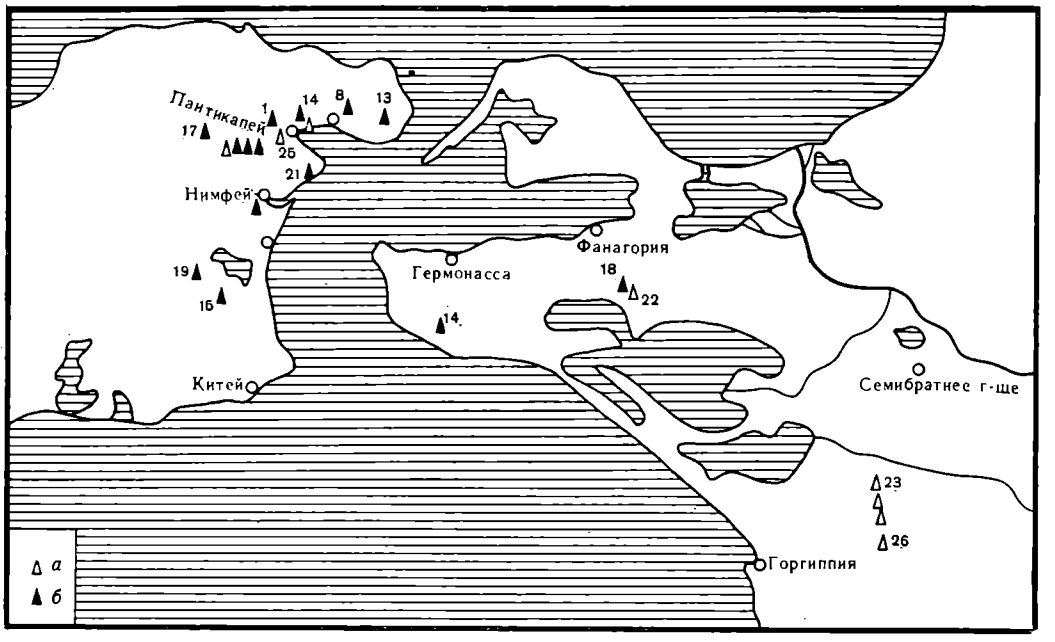


Рис. 11. Карта-схема распространения уступчатых склепов (номера даны по каталогу – см. приложение). *а* – склепы III типа; *б* – склепы II типа

все время одну определенную тенденцию, или как скачок (поскольку с появлением двусторонних прямоугольных камер пропадает центричность — главная архитектурная тема квадратных камер)? Эти и другие проблемы должны быть предметом следующего этапа исследования. На основании анализа памятников важно попытаться реконструировать представления о сущности погребального сооружения и ее отражения формой этого сооружения.

Каталог уступчатых склепов Боспора

Тип I — однокамерные склепы без дромоса[4] (рис. 1)

1. Склеп 2 Золотого кургана, 1832 г. [11, введ., с. LII]. Камера: 3,2×3,2 м, высота 6,3 м, стены высотой 1—1,2 м. Перекрытие на четыре стороны, высота около 5 м, семь рядов кладки. Входа нет. Дата — приблизительно IV в. до н. э.

2. Склеп 3 Золотого кургана, 1832 г. [11, введ., с. L]. Камера: 3,15×2,10 м; высота — ? (сохранилась 2,50 м, по восстановлению могла быть не менее 3 м). Перекрытие уступчатое, на две стороны, больше трех рядов (три сохранились). Пол каменный, зафиксирован фундамент. Входа нет. Прямоугольник плана ориентирован по линии запад — восток. Дата — вторая половина IV в. до н. э.

3. Склеп кургана 50 по Юз-Обе, 1859 г. [14, с. IX; 15, табл. XXXII, *1—3*, с. 102]. Камера: 3,20×2,05 м, высота 3,18 м. Высота стен 1,7 м. Перекрытие уступчатое, на три стороны, три ряда кладки, нижний срезан. Пол земляной, по чертежу, на 0,3 м выше основания стен. Входа нет. Возможно, он был с той стороны, где стена не имеет уступов (т. е. с востока). Был зафиксирован спуск в погребальную камеру, вырубленный в скале (длина 2 м, ширина 3 м, глубина 1,6 м). Саркофаг — в центре на каменном возвышении. Дата — вторая половина IV в. до н. э.

4. Склеп кургана на Юз-Обе, 1889 г. [27, с. 11 и сл.]. Камера: 5×3,5, высота 4 м. Перекрытие уступчатое, «верх сведен куполом»; на основании прямоугольного плана склепа можно думать и о двустороннем перекрытии. Пол — скала. Вход с востока, заделан снаружи особой кладкой. Саркофаг занимал центральное (?) положение. В стенах найдены гвозди. Дата — конец IV в. до н. э.

5. Склеп 3 кургана Большая Близница, 1865 г. [15, с. 13, табл. X, *3*; 28]. Камера: 3,55×3,55 м, высота 3,9 м. Перекрытие уступчатое, на две стороны, четыре ряда камней. Пол земляной. Входа нет. С запада к стене склепа подходят две короткие стенки, из-за которых этот склеп можно считать в какой-то мере переходным. В камере найден саркофаг; место его неизвестно, может быть, по аналогии со склепом 2 он находился в центре. Дата — вторая половина IV в. до н. э.

6. Склеп на Юз-Обе, 1940 г. [7, с. 22, прим. 38]. Чертежи погибли во время Великой Отечественной войны. По описанию, склеп не имел дромоса. Перекрытие уступчатое, на две стороны, четыре ряда камней.

Тип II — склепы, имеющие дромос (рис. 2—5)

Группа А — с длинным дромосом (рис. 2).

7. Круглый склеп 1 Золотого кургана, 1832 г. [7, с. 6—25; 11, с. L и сл., чертеж А*а*]. Камера: диаметр 6,3 м, высота стен ок. 3 м; общая высота ок. 11 м. Перекрытие: купольный уступчатый свод, высота 8 м, 14 рядов кладки. В камере ниша в стене против входа, высота 2,3 м, ширина 1,06 м. Вход из дромоса с юго-востока. Входной проем уступчатый, высота 6,65 м, ширина 1,5 м. Дромос: длина ок. 20 (18) м, ширина 2,22, высота 6,55 м. Уступчатое покрытие. Кладка свода дромоса начиналась на высоте 3,65 м. Шесть уступов. Дата — конец V—IV в. до н. э.

8. Склеп Царского кургана, 1837 г. [5, с. 6, рис. 4; 6. с. 248; 7, с. 25—44; 10, с. 50; 12, с. 27, § 24, рис. 1; 13, с. 138—165]. Камера: 4,39×4,25, высота 8,84 м. Свод — конический уступчатый купол с пандативами. 12 рядов камней. Пол каменный. Вход с юго-запада; входной проем оформлен уступами, ширина ок. 2 м, длина 1,16 м. Дромос: длина 37 м, на отрезке 20 м перекрыт уступчатым сводом на две стороны, по шесть рядов кладки. Имел поперечную закладную стену. Пол земляной. Кладка дромоса состоит из рустованных блоков. Дата — IV в. до н. э.

9. Склеп в Мелек-Чесменском кургане, 1850 г. [14, прил., с. 21]. Камера: 3,70×3,64—3,69 м, высота 4 м, высота стен 2 м. Свод уступчатый, на четыре стороны, семь рядов кладки. Пол каменный. Вход с востока. Оформлен уступами и двумя деревянными столбами по бокам (антами). Дромос: длина 9 м, ширина 1,38 м, высота 2,42 м. Покрыт уступчатым сводом на две стороны, по три ряда кладки. Вход в дромос украшен порталом с антами, увенчанным фронтоном. Дата — IV—III вв. до н. э.

---

[4] Часто эти склепы не имеют выраженного входа, т. е. их камеры как бы «закрытого» типа.

10. Склеп в кургане Огуз, 1894 г.[5] [20, с. 77—81] (рис. 3). Камера: 6,4×6,4 м, высота 4,2 м. Перекрытие на четыре стороны, высота 3,17 м. 17 рядов камней. В конструкции свода применены пандативы. Пол каменный. Вход в камеру с юга. Входной проем обрамлен пилястрами. Дромос: длина более 34 м, ширина 2,13 м. Часть его имела уступчатое перекрытие. Весь склеп помещается в котловане 16,33×16,33 м, глубиной 6,4 м, забитом камнями до уровня верхней точки перекрытия. В трех сторонах этого квадрата устроены захоронения по катакомбному типу. Дата — IV в. до н. э.

11. Склеп в кургане Зеленской (Зеленой) горы, 1912 г. [29, с. 22—34, рис. 10]. Дана схема его расположения в кургане и комментарий Герца, что этот склеп «как Близница». Исходя из квадратной формы плана, указанного на чертеже, можно согласиться с Герцем, но какую из трех гробниц Близницы он ему напоминал, осталось неизвестным, как и характер перекрытия: на две или четыре стороны. С недоверием нужно отнестись и к расположению склепа на плане (его не всегда ориентируют по линии север — юг). В том случае, если означенный контур обозначал границы котлована, в котором был выстроен склеп, его внутренние размеры могли быть около 4,5×4,5 м. Котлован же изображен размерами 6×6 м. Дромос: длина ок. 7 м, ширина, возможно, ок. 2 м. Дата — IV в. до н. э.

12. Склеп в кургане южнее Огуза, 1891 г. Камера: 3,5×3,5 м, высота 3,20 м. Крыта «правильным уступчатым сводом». Вход с юга (?). Дромос: длина 3,5 м, уступчатый. Дата — IV в. до н. э.

13. Склеп кургана в Баксах, 1882 г. [17, с. IV—VIII] (рис. 4). Камера: 4,26×3,50 м, высота 3,15 м. Перекрыт сводом с уступами, согласно рисунку, на три (или четыре) стороны: на рисунке показан вид от входа, так что перекрытие входной стены невидно. Количество уступов: по бокам — по восемь, в торцовой, противолежащей входу части — шесть. Обнаружены остатки саркофага. Видимо, стоял в центре[6]. Дромос: «длинный, как в Мелек-Чесменском и Царском курганах», стены дромоса сложены из рустованных квадров. Дата — IV в. до н. э.

14. Склеп в кургане Городского сада, 1837 г. [2, с. 235; 12, с. 43 и сл., § 36]. Камера: 3,7×1,8 м, высота 3,6 м. Высота стены 1,7 м. Перекрытие: четыре уступа на четыре стороны. Вход с северо-запада. Входной проем полукруглый, оформлен антами с капителями. Посреди камеры — каменное возвышение для саркофага. Дромос: длина 15 м, ширина 1,8 м, высота 1,6 м. Перекрытие неизвестного типа. Дата — середина IV в. до н. э.

15. Склеп в районе Тобечикского озера, 1951 г. [7, с. 45—52]. Камера: 2,48×2,74 м, высота 2,9 м. Перекрытие уступчатое на две стороны, по пять рядов камней. Высота 1,2 м. Вход с северо-запада, входной проем оформлен уступами (1), ширина 1,19 м, высота 1,89 м. Снаружи закрыт каменной плитой. Дромос: длина 3,15×1,24—1,31 (у входа), высота 2,9 м. Дата — третья четверть IV в. до н. э.

16. «Склеп с крестами», Илурат, подкурганный, 1972 [31, с. 95]. Камера: 5,85×2,85 м. Перекрытие уступчатое, на две стороны. Вход с запада. Дромос открытый, длина 3,80 м, ширина 1,16 м. Дата — III—IV вв. н. э.

Группа Б — склепы с коротким дромосом (рис. 5).

17. Склеп в кургане Куль-Оба, 1830 г. [11, чертеж А; 12, с. 29, § 25, рис. II]. Камера: 4,27×4,62 м, высота 5,31 м, высота стен ок. 2,5 м. Свод на четыре стороны, семь рядов камней; плиты скошены, верхняя имеет специальный вырез. Пол каменный, зафиксирован фундамент. Дромос с севера, смещен от центральной оси к востоку. Длина 2 м, ширина 2,1, высота 2,5 м. Перекрыт сводом уступами на две стороны, три ряда. Погребения в камере расположены вдоль южной и западной сторон.— Дата начало IV в. до н. э. Но есть точка зрения, что по аналогии с комплексом кургана «Патиниотти», этот склеп следует относить тоже к третьей четверти IV в. до н. э. [7, с. 48].

18. Склеп 2 кургана Большая Близница, 1865 г. [15, с. 17 сл.; 29]. Камера: 3,56×3,56 м, высота 3,56 м. Пол земляной. Перекрытие уступчатое, на две стороны.

---

[5] Склепы 10, 12, 17 (по каталогу) находятся вне Боспора, но построены в традиции античной архитектуры. Возможно, в их сооружении принимали участие боспорские архитекторы. Поэтому эти памятники в качестве сравнительного материала включены в статью.

[6] Судя по зарисовке Гросса, изобразившего момент, когда производится разборка остатков саркофага, его сохранившиеся части стоят по стенам, а рабочий расчищает именно центр пола камеры. Вероятно, там и стоял саркофаг [30, с. 137, табл. 22, *1*].

Вход с запада. Дромос: открытый (по описанию), длина 2,84, ширина 2,48 м. Дата — конец IV в. до н. э.

19. Склеп 1 Трехбратнего кургана в районе Тобечикского озера, 1965 г. [24, с. 178—188]. Камера: 2,55×1,70 м, высота 1,50 м. Перекрыт уступчатым сводом на две стороны, четыре ряда камней. Вход с запада. Входной проем прямоугольный в сечении, закрыт каменной плитой, имеющей пазы. Дромос: 0,85×1,30 м, высота 1,7 м, имеет плоское покрытие. У северной стены камеры устроена каменная лежанка, с небольшой плитой, имитирующей подушку. Дата — вторая половина IV в. до н. э.

20. Склеп кургана в поселке Аршинцево, 1950 г. [32, с. 219—225]. Камера: 2,93×2,10 (по чертежу), высота по чертежу 2,1 м. Перекрыта на две стороны, по два уступа с каждой. Вход с юго-запада. Дромос: размеры 2,38×1,17 м, высота неизвестна. Перекрытие, согласно рисунку, плоское. Смещен к востоку относительно центральной оси склепа. У северной и восточной стен камеры, видимо, была Г-образная каменная лежанка. Дата — III в. до н. э.

21. Склеп в кургане «Патиниотти», 1820 г.; «был того же типа, что и склеп Куль-Обы» [7, с. 48]. Рисунка нет. По инвентарю В. Ф. Гайдукевич датирует его третьей четвертью IV в. до н. э.

Тип III — склепы с преддверием (рис. 6—8)

Группа А — преддверие уже камеры (рис. 6).

22. Склеп 2 кургана Большая Близница, 1865 г. [15, с. 17 сл.; 28]. Камера: 3,51×3,06 м, высота 3,78 м. Перекрыта на четыре стороны: шесть рядов уступов, один скруглен, один — с карнизом. Преддверие: 2,89×1,95 м, высота 2,84 м. Два ряда уступов на две стороны. Они служат основанием для трех каменных брусьев, уложенных поперек коридора. Поверх них — плоский настил из плит. Входной проем в камеру оформлен пилястрами четырехугольной формы, на них — карниз с рельефным украшением. Высота 2,5 м. Вход в преддверие заложен сырцовой кладкой. К нему на плане подходит еще одна нерегулярная кладка камней — возможно, остатки ограждения открытого дромоса. Плафон и карниз имеют полихромную роспись без штукатурки. Саркофаг, по всей вероятности, находился в центре камеры [7]. Дата — конец IV в. до н. э.

23. Склеп 1 Тарасовских курганов, 1883 г. [15, с. 109, табл. XXX, *2—5*; 17, с. XXIX]. Камера: 2,10×3,45 м, высота 2,95 м. Перекрытие: уступы на четыре стороны, шесть рядов. Нижний ряд прямой, все остальные срезаны. Преддверие: 1×1,45 м, высота 1,70 м. Перекрытие плоское, пол плитовой. Дромос открытый, длина ок. 4,8 м. Вход с запада, дверной проем в камеру оформлен антами с базами и капителями. Вход в гробницу также оформлен антами и дорическим фронтоном. М. И. Ростовцев предполагает на капителях существование росписи. Дата — первая половина III в. до н. э.

24. Склеп 2 Тарасовских курганов, 1883 г. [15, с. 110, табл. XXXV, *1*, XXXVI, *5—8*; 17]. Камера: 3,20×2,15, высота 2,40 м. Перекрыта на две стороны, три ряда кладки. Преддверие: 1,7×1,4 м, высота 1,4 м. Перекрытие плоское. Дромос открытый, ступенчатый, параметрические данные отсутствуют. Вход с запада. Входные проемы и в камеру, и в преддверие прямоугольные в сечении, вход в гробницу перекрыт архитравной плитой. Дата — первая половина III в. до н. э.

25. Склеп «Пигмеев», подкурганный, 1832 г. [11, с. 51, § 43, рис. VIII; 15, с. 137, табл. XLV, *5* и LXXXII, 12, *2*, рис. 2, *7*]. Камера: 3,19×2,67 м, высота 2,95 м, высота стен 1,9 м. Крыта уступчатым сводом на две стороны, по четыре ряда камней, нижний ряд имеет срезанный угол. Преддверие: 1,8×1,8 м, высота и способ перекрытия неизвестны. Пол склепа каменный. Склеп оштукатурен и имеет роспись. Вход, согласно ориентировке плана, с юга (?). Дата — II—I вв. до н. э.

Группа Б — преддверие равно камере по ширине.

26. Склеп в кургане Султан-Гора, 1881—1883 гг., 1981 г. [17, с. XXVII—XXIX, *16*]. Камера: 2,65×1,9 м, высота 2,84 м. Перекрытие уступчатое, на две стороны. Количество рядов неизвестно. Преддверие (ближнее к камере) или вторая камера (?):

---

[7] На рисунке Гросса в центре камеры видны большие камни (на один из них взобрался человек, освещающий свечой плафон). Поскольку эти камни очень напоминают обычные подставки под саркофаги, можно думать, что и здесь саркофаг стоял на них, следовательно, он был размещен в центре камеры [15, табл. VI].

1,55×1,90—2,84 м. Перекрыто на две стороны, пол, как и в камере, каменный. Преддверие 2 (или закрытая часть дромоса — ?): 3,02×2,13—1,95 м, высота 3 м. Пол земляной, как и в дромосе. Дромос: длина открытой части 3,5 м. Вход с запада, с небольшим отклонением к северу, входной проем имеет прямоугольное сечение, перекрыт архитравной плитой. В стенах камеры зафиксированы гвозди. В дромосе — отстатки перегородки плохой кладки и кости лошадей. Дата — IV—III вв. до н. э. (?)

27. Склеп 3 Тарасовских курганов, 1883 г. [15, с. 110, табл. XXXVI, *1—4*; 17, с. XXIX]. Камера: 2,85×1,85 м, высота 2,9 м. Перекрыта на четыре стороны, четыре ряда камней. Края их срезаны наискось. Преддверие: 0,95×1,85 м, высота 2,55 м. Пол каменный. Перекрыто на две стороны, три косо срезанных ряда. Дромос открытый, длина 4 м. Вход с запада. Проем в камеру в антах. Вход в гробницу также в антах, с базами и капителями; верх — часть дорического фронтона, над которым помещен так называемый разгрузочный треугольник — пространство, не заполненное кладкой. В центре фронтона помещен букраний. Дата — первая половина III в. до н. э.

28. Склеп 1 в кургане по дороге к каменоломне, 1830-е годы. [12, с. 47, § 39, рис. IV]. Камера: 2,40×1,25 м, высота 2 м. Перекрыта на две стороны, четыре ряда уступов. Преддверие: 2,40×1,25 м, высота 2 м. Перекрыто на две стороны, три ряда уступов. В камере найден саркофаг, занимающий центральное положение. Вход с востока. Дата — вторая половина IV—III в. до н. э.

29. Склеп в кургане по дороге на Аджимушкай, 1830-е годы [12, § 38, рис. IV]. Камера: 2,60×1,45 м, высота 2,30 м, высота стен 1,20 м. Перекрыта уступами на две стороны, четыре ряда. Преддверие: 2,60×1,45 м, высота 2,5 м, перекрыто уступами на две стороны, по три ряда камней. Пол в камере каменный, толщина ок. 0,2 м. Вход с востока. Длина входного проема 0,4 м, ширина 1 м, оформлен тремя уступами. В центре камеры на возвышении — саркофаг. Его возвышающаяся часть ориентирована на запад. Дата — вторая половина IV—III в. до н. э. (?).

30. Склеп кургана 48 по Юз-Обе, 1860 г. [6, с. 255; 12, с. 103, табл. XXXIV; 33, с. III]. I камера: 4,1×2,9 м, высота 4,1 м. Перекрыта уступами на две стороны, по четыре ряда камней. II камера: 3,30×2,25 м, высота 2,70 м. Перекрыта на три стороны, два ряда уступов, углы их срезаны. Преддверие (или закрытая часть дромоса ?): 4,1×2,2 м, высота 3,7 м. Перекрыто на две стороны. Дромос: открытый, сохранился в длину на 1,9 м, ширина 2,2 м. Вход с востока, входной проем в камеру имеет прямоугольное сечение. Саркофаги — в центре камеры на постаментах. Дата — конец IV в. до н. э.

31. Склеп около Царского кургана, 1955 г. [34, с. 251—256]. За несколько десятилетий до обнаружения склепа на этом месте был курган, называемый «Собачьим». Склеп по материалу комбинированный: основание вырублено в скале, перекрытие каменное. Камера: 7,84×2,07 м, высота 2,9 м. Разделена перегородкой на две части. Каменное перекрытие на две стороны, по четыре ряда уступов. Вход с юга — юго-запада. Входной проем оформлен уступами. Дромос: 2,3×2,0 м, открытый. Вход в дромос заложен плитой. В каждом отсеке камеры каменное возвышение для саркофага. Дата — IV—III вв. до н. э.

Кроме перечисленных известны несколько уступчатых склепов, параметрические данные которых установить невозможно.

32. Склеп в кургане на хребте Юз-Оба, 1839 г. (так называемый Мирзы Кекуватского) [3, с. 190—193; 11, с. XIX]. Этот склеп имел дромос, в камере находился саркофаг на помосте из тесаного камня. По инвентарю дата — начало IV в. до н. э.

33. Склеп, обследованный Карейшей в 1841 г. [3, с. 190, прим. 1]. Находился в кургане, расположенном по Феодосийскому шоссе, между Керчью и Золотым курганом. Уступчатый свод на четыре стороны. По инвентарю — IV в. до н. э.

34. Склеп «в кургане около Арестантской казармы», 1860—1861 гг. [12, с. 399; 33, с. VI, VII].

35—39. Известно о существовании пяти склепов близ Нимфея [35, с. 54—76]. Помимо перечисленных здесь монументальных склепов существуют и небольшие гробницы, крытые по этому типу: например, близ Мирмекия [7, с. 52—56] и Фанагории [36, с. 115 и сл., рис. 47, 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.– МИА, 1951, № 19.
2. *Цветаева Г. А.* Курганный некрополь Пантикапея.– МИА, 1957, № 56.
3. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
4. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889.
5. *Кауфман С. А.* Об уступчатых склепах Боспора.– Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, 1947, № 6.
6. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
7. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием.– В кн.: Боспорские города. Л.: Наука, 1981.
8. *Блаватский В. Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.
9. *Блаватский В. Д.* О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями.– СА, 1955, т. XXIV.
10. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
11. Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Эрмитаже. СПб., 1854.
12. *Ашик В.* Воспорское царство. Т. II. Одесса, 1848.
13. *Шалькевич А. А.* Архитектурное исследование Царского кургана.– Тр. ГЭ, 1976, вып. XVII.
14. ОАК за 1859 год. Приложение. СПб., 1862.
15. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
16. *Блаватский В. Д.* Киммерийский вопрос и Пантикапей.– Вестн. МГУ, 1948, № 8.
17. ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891.
18. *Алексеева Е. М.* Отчет о работе Анапской экспедиции за 1981 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 9484.
19. *Грязнов М. П.* Курган как архитектурный памятник.– В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
20. ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
21. *Шуази О.* История архитектуры. Т. I. М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1935.
22. *Михайлов Б. П.* Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М.: Стройиздат, 1967.
23. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре/Пер. Петровского Ф. А. М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936.
24. *Кириллин Д. С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.– В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
25. *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов.– ВДИ, 1949. № 1.
26. *Чернопицкий М. П.* Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода).– В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство (Материалы I Всесоюзной археологической конференции). Кемерово, 1980.
27. ОАК за 1889 г. СПб., 1892.
28. ОАК за 1865–1866 гг. СПб., 1865–1868.
29. ИАК, 1915, № 40, ч. II.
30. *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья.– САИ, 1969, вып. Г1-17.
31. *Кубланов М. И.* Новые погребальные сооружения Илурата.– КСИА, 1979, вып. 159.
32. *Чуистова Л. И.* Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритаки.– В кн.: Археология и история Боспора. Ч. I. Симферополь: Крымиздат, 1952.
33. ОАК за 1860 г. СПб., 1862.
34. *Цехмистренко В. И., Кунин В. Э.* Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи.– МИА, 1959, № 69.
35. *Силантьева П. Ф.* Некрополь Нимфея.– МИА, 1959, № 69.
36. *Сокольский Н. И.* Фанагорийский склеп.– КСИА, 1972, вып. 130.

E. A. Savostina

TYPOLOGY AND PERIODISATION OF LEDGED BURIAL CHAMBERS

Summary

The author offers a typologisation of Bosporan burial chambers of the 4th-3rd centuries B. C., their sizes and functions of mounds, dromoses and burial chambers. She also sites correlations between burial chambers' sizes and their heights, analyses their orientation. The article is supplemented with a catalogue of ledged burial chambers.

Л. ВАЙТКУНСКЕНЕ

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТА КОНЯ В ЛИТВЕ V—VI ВВ.

На протяжении последних десятилетий исследователи ввели в научный оборот огромное количество археологических, этнографических и фольклорных данных о культе коня в Европе и Азии [1, с. 28; 2, с. 31; 3, с. 119]. Общепризнано, что этот культ имеет глубокие корни. Доказательством зарождения и развития его в древности служат конские захоронения и изображения коня в памятниках искусства.

Роль коня в идеологических представлениях населения Литвы до последнего времени почти не изучалась, хотя интерес ученых к многочисленным погребениям с конями возник более 30 лет назад. Опираясь на археологические данные, Р. Волкайте-Куликаускене установила, что на территории Литвы в погребальном обряде уже с первых веков нашей эры коню отводилось видное место. Исследовательница создала общую картину распространения погребений с конями, обратила внимание на некоторые черты этнического характера и предложила классификацию элементов конского снаряжения [4, с. 211; 5]. Погребения с конями Р. Волкайте-Куликаускене оценила как один из источников для изучения таких важных проблем, как процесс консолидации балтских племен и формирования литовской народности, а также социальной дифференциации в Литве IX—XII вв. [6, с. 260; 7, с. 43].

Картографирование погребений с конями позволили А. Таутавичюсу более четко наметить границы размещения отдельных племенных союзов на территории Литвы в I тыс. н. э. [8, карты 10, 11; 9, с. 80].

Специалисты обратили также внимание на изобразительный аспект конской сбруи. Были выявлены наиболее художественные предметы снаряжения коня, орнаментированные геометрическими, зооморфными, растительными мотивами [10]. Для некоторых из них применялись различные способы отделки с использованием драгоценного металла — серебра, вследствие чего изделия превращались не только в настоящие произведения декоративно-прикладного искусства, но и в предметы роскоши [11, с. 71]. А. Варнас пришел к заключению, что бóльшая часть принадлежностей конской сбруи аналогична украшениям человека [12, с. 5].

Однако до сих пор погребения с конями крайне редко привлекались в качестве источника для познания мировоззрения древнего населения Литвы, для освещения некоторых сторон религиозных представлений человека, ибо на верованиях базировались все культы, в том числе и культ животных. Следует отметить попытку рассмотреть находки частей коня в мужских погребениях VII—XII вв. как своеобразный обряд жертвоприношения. Сделан вывод, что ритуал жертвоприношения коня в Литве отражает не только социальные моменты, но и определенную специфику идеологических воззрений, связанных с магией [13, с. 58].

В 1980—1982 гг. экспедицией Института истории АН Литовской ССР под руководством автора проводились раскопки грунтового могильника Пагрибис Шилальского р-на (бассейн р. Акмяны — Западная Литва). Вскрыто 217 погребений V—VI вв. [14, с. 352; 15, с. 367]. Поскольку в некоторых из них были обнаружены остатки ритуальных частей коня, то стало очевидным, что корни обряда жертвоприношения коня лежат в более раннем историческом пласте, нежели считалось до сих пор. Необычным было и наличие в погребальном инвентаре вещей с изображением конской головы, так как такие изделия до настоящего времени

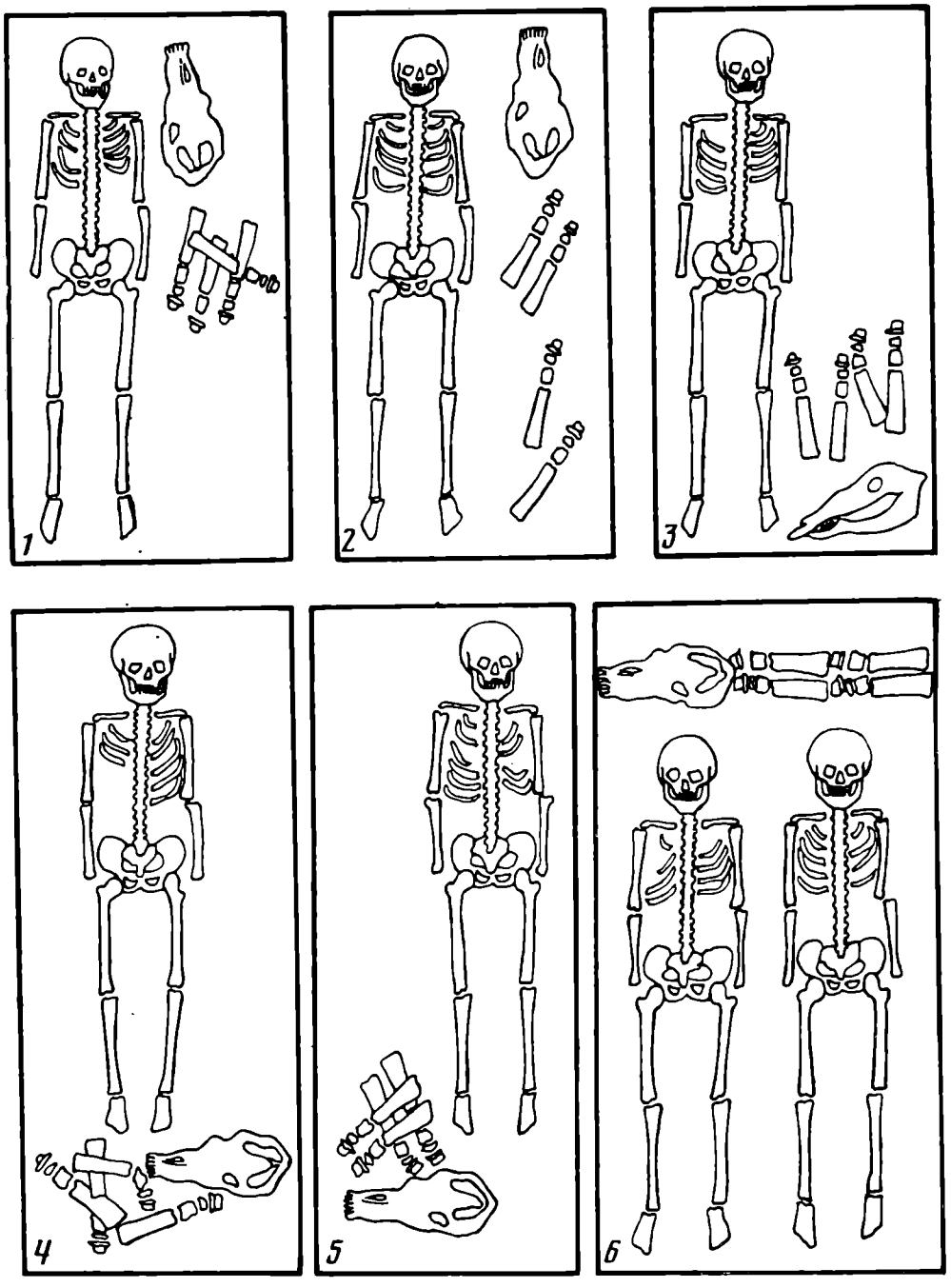


Рис. 1. Схема местоположения конских костей в могильных ямах

были известны лишь в археологических материалах конца I — начала II тыс. н. э. Это новое в археологии Литвы.

Находки, отражающие обряд жертвоприношения коня, представлены комплексами в виде конского черепа и нижних конечностей с копытами. Названные комплексы встретились в 38 погребениях, совершенных в грунтовых ямах по обряду ингумации. С учетом многообразия местоположения набора конских костей в могильных ямах последние подразделены на шесть групп. Классификация построена на основе материалов 23 погребений, так как остальные повреждены распашкой или разрушены любительскими раскопками.

I группа (рис. 1, *1*). Голова и конечности коня сложены компактно, слева от умершего, вровень с его головой и левой рукой (погр. 30, 55, 73, 99, 156, 173, 207, 211, 215). Конский череп лежит на шейном основании или нижними челюстями вверх. Передней частью он обычно

обращен в сторону изголовья погребенного, реже — к его ногам. Конечности животного скрещены парами, но иногда три из них уложены параллельно, а четвертая нога — поперек наверху.

II группа (рис. 1, *2*). Голова и ноги коня сложены вдоль левой стороны умершего (погр. 85, 193). Ориентировка конской головы, лежащей нижними челюстями вверх или на правом боку, соответствует ориентировке погребенного и находится рядом с его головой. Одна пара конечностей лежит у тазовых костей человека, а вторая — рядом с его ногами.

III группа (рис. 1, *3*). Ритуальные части коня находятся у левой ноги умершего (погр. 68, 104, 142, 146, 157, 161). Передняя часть головы чаще всего направлена к изголовью, реже к ногам человека. Были случаи, когда голова коня лежала поперек могильной ямы, мордой обращена к ногам умершего. Положение конской головы разнообразное: на шейном основании, на левом боку, а иногда она помещена нижними челюстями вверх.

IV группа (рис. 1, *4*). Ритуальные части коня находятся в ногах умершего (погр. 92, 145). Голова, лежащая на основании шеи или нижними челюстями вверх, в одном погребении направлена к изголовью и положена так, что мордой давит на левую ступню человека.

В другом случае конская голова лежит поперек могильной ямы и передней частью касается левой ступни умершего. Ступня повернута направо, чтобы освободить место для положения сюда ритуальных частей животного. Конечности сложены без системы и находятся или под головой коня, или поверх нее.

V группа (1, *5*). Конечности коня положены справа от ног умершего вдоль могильной ямы, а конская голова — поперек могильной ямы, в ногах умершего (погр. 23, 28). Лежавшие парами копечности скрещены и копытами обращены к конской голове, которая положена на шейное основание.

VI группа (рис. 1, *6*). Ритуальный комплекс частей коня расположен поперек могильной ямы, у изголовья умершего, придерживаясь схемы анатомического порядка (погр. 76, 169). Конская голова положена нижними челюстями вверх, почти соприкасаясь с копытами конечностей, распределенных парами поперек ямы. Совместное погребение двух индивидов снабжено общим набором ритуальных частей одного животного.

Отметим, что в некоторых погребениях (73, 85, 211) под конскими костями найдено один-два наконечника копья. Последние иногда встречались и между головами человека и коня (погр. 193, 215). Следовательно, комплекс частей животного помещался рядом с оружием или над ним.

До раскопок могильника Пагрибис изделия V—VI вв. с изображением коня в Литве не были известны. Теперь исследователи располагают двумя бронзовыми предметами. Остановимся в первую очередь на находке из погр. 97 — бронзовом профилированном наконечнике ремня, выполненном в технике плоского литья (рис. 2). Его длина 5, ширина 1,1 см. Один конец изделия представляет собой четырехугольный щиток, предназначенный для прикрепления к ремню; верхний край щитка отломан. Другой конец выполнен в виде постепенно расширяющегося язычка. Оборотная сторона предмета гладкая, лицевая посеребрена, причем центральная ее полоса занята геометрическим орнаментом. Центром всей композиции являются две симметрично расположенные головки коня, повернутые в противоположные стороны. Изображение конских головок выполнено в невысоком рельефе, довольно схематично, но с яркими чертами реализма: отмечены ноздри, круглые глаза. Изображены взнузданные лошади, о чем свидетельствуют ремешки узд, переданные рельефом. Очевидно стремление копировать образы коня с натуры.

Наряду с этим обращает на себя внимание солярно-лунарная символика: сверху обе головки коня прикрывает щит в виде полумесяца, в противоположных концах которого нанесен глазковый орнамент (каждая головка якобы увенчана солярным знаком).

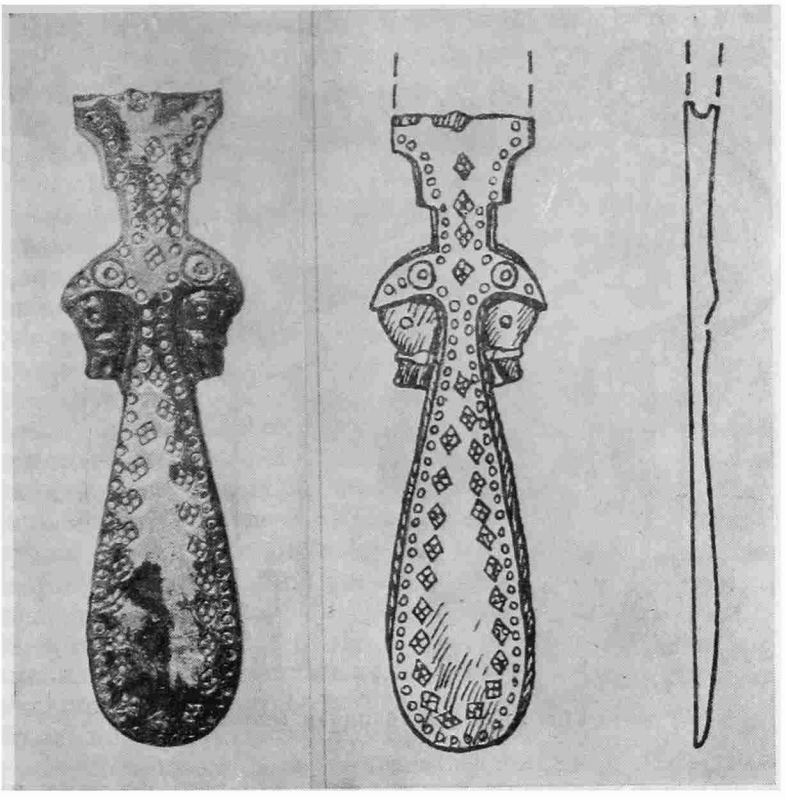


Рис. 2. Наконечник ремня (фото и прорисовка)

Назначение наконечника остается до конца не выясненным. Дело в том, что погр. 97 сильно разрушено. Сохранились лишь отдельные части потревоженных останков умершего и незначительные остатки погребального инвентаря (фрагмент бронзовой арбалетовидной фибулы, бронзовый и железный наконечники ремня, не считая еще одного, интересующего нас). Все предметы найдены не в первоначальном положении. Привлечение аналогий показало, что наконечники подобной формы в середине I тыс. н. э. в Литве оформляли мужские пояса, а также ремешки от шпор или узды.

Принимая во внимание тот факт, что отделочный набор шпор V—VI вв. в Литве отличается особенной изящностью, допустимо полагать, что и рассматриваемый нами наконечник является одним из элементов именно такого набора. В целом ряде погребальных памятников (в том числе и в могильнике Пагрибис) археологами исследованы богатые мужские захоронения V—VI вв., в могильном инвентаре которых присутствуют нарядные шпоры с ремешками, украшенными посеребренными бронзовыми наконечниками с геометрическим орнаментом [16, с. 26]. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что сходные типы наконечников пояса имеют широкий ареал и хорошо известны в археологических материалах балтийских стран [17, табл. 41, *30*; 18, табл. 13, *133*, табл. 47, *474, 476*; 19, табл. 22, *232, 236, 238, 239,* табл. 23, *255, 256*]. На поясных наборах особенно сказывалась общеевропейская мода, в результате чего поясные наконечники имеют широкие аналогии в древностях многих племен и племенных союзов [20, с. 5]. В связи с этим вполне естественно говорить о применении наконечника из могильника Пагрибис для оформления пояса. Что касается самого орнаментального сюжета, то изделия с изображением двух конских головок, смотрящих в противоположные стороны, до сих пор не были известны в древностях балтов середины I тыс. н. э. Двухконьковые украшения были особенно популярны в мире финно-угров [21].

Второй интересующий нас предмет — бронзовая арбалетовидная фибула с удлиненной ножкой (рис. 3). По внешнему виду и размерам

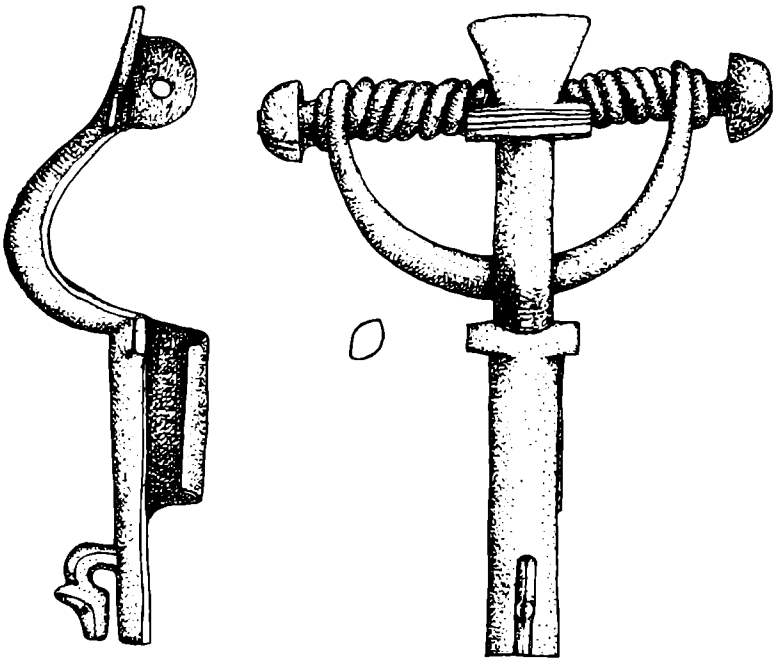


Рис. 3. Арбалетовидная фибула

(высота 10,6 см) она идентична другим фибулам данного типа, имеющим широкое распространение в балтских древностях середины I тыс. н. э. [22, с. 327]. Отличие лишь в том, что на конце ее ножки помещено скульптурное изображение конской головы с изогнутой шеей, с двумя стоящими ушами. Размеры украшающей детали: высота 9, длина 7 мм. Изображение коня передано с заметной долей обобщения. Предмет найден случайно[1]. В научной литературе известен с 1940 г. [23, с. 236; 24, рис. 321].

В археологических материалах Литвы середины I тыс. н. э. имеется целая серия находок, типологически относящихся к определенной группе арбалетовидных фибул с ножкой в виде звериной головы. Однако зооморфное оформление выполнено в манере далеко зашедшей стилизации, в результате чего орнамент приобрел совсем иной стиль [22, с. 336; 25, с. 44; 26, с. 24]; сама трактовка орнаментального сюжета исключает какую-либо возможность определить вид животного, изображаемого на предмете. Как фибула, так и наконечник из могильника Пагрибис наглядно отличаются от этих изделий, ибо на обоих предметах изображено конкретное животное, хотя образ коня на них олицетворен неодинаково. По-видимому, для каждого произведения искусства характерна индивидуальность. Очевидно, важно было не детальное следование натуре, а зооморфное оформление изделия с видовой определенностью. Возможно, поэтому изображения коня отличаются простотой стилистического решения. По нашему мнению, это не просто декоративный мотив, используемый с целью украсить изделие, а скорее всего определенный культовый символ, из-за магического значения не получивший особого развития. В доклассовом обществе, как полагают ученые, происходит нередкое перемещение одних и тех же образов и мифов из сферы религии в сферу искусства [27, с. 13; 28, с. 547]. Вот почему на изделиях вполне возможно присутствие изображения почитаемого образа, в данном случае — коня.

Кому могли принадлежать оба предмета? Раскопки могильника Пагрибис и целого ряда других погребальных памятников, находящихся в бассейне рек Акмяна и Юра (Каштауналяй, Пожере, Бикавенай, Упина,

[1] С 1935 г. фибула хранится в Государственном историческом музее г. Каунаса (инв. № 709/26).

Жасинас, Парагаудис), показали, что среди населения упомянутого региона на протяжении V—XIII вв. соблюдался обычай носить различные нагрудные украшения. Фибулы были элементами мужского костюма, булавки — украшениями женской одежды. В связи с этим вполне естественно полагать, что фибула с изображением коня — атрибут мужской одежды, хотя она и обнаружена случайно, вне комплекса. То же можно сказать и о наконечнике ремня из разрушенного погр. 97. Остатки погребального инвентаря (фрагмент фибулы, наконечники ремня) свидетельствуют, что и в данном случае мы имеет дело с мужским захоронением. Антропологические исследования остеологического материала[2] наряду с археологическими данными показали, что конские кости встречались исключительно в мужских погребениях, притом независимо от возраста умершего. Конь в жертву приносился во время похорон как двухлетнему ребенку (погр. 99), так и мужчине свыше 50 лет (погр. 156 и 215).

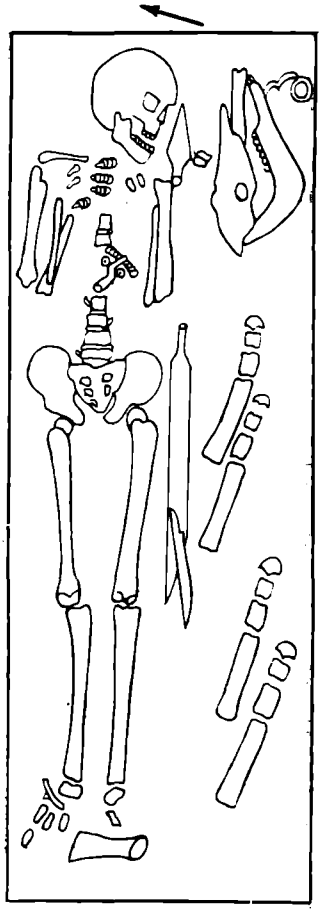


Рис. 4. Мужское погребение 193

Функциональный анализ могильного инвентаря помог выявить, что обряд жертвоприношения коня соблюдался для представителей сугубо определенного социального слоя земледельческой общины. Однолезвийный меч, одно-два копья, втульчатый топор, короткий нож — вот обычный набор оружия из наиболее сохранившихся погребений (рис. 4). Принадлежности костюма и украшения часто отличаются нарядностью. Например, пояса снабжены бронзовыми деталями — накладками различной конфигурации, пряжками, распределителями, наконечниками, поверхность которых не только орнаментирована, но иногда и посеребрена. Так же роскошно оформлялись и ремешки шпор. Комплект бронзовых, реже серебряных украшений обычно составляли арбалетовидная фибула с прикрепленными к ней одним-двумя янтарными бусинками-амулетами, один-два (иногда до пяти) спиральных перстня, шейная гривна с петлей и крючком на концах. Заметим, что последнее украшение в могильнике Пагрибис, как и в других исследованных могильниках в бассейне рек Акмяна и Юра (Каштауналяй, Пожере) середины I тыс., встречается исключительно в мужских погребениях, отличающихся среди прочих богатым инвентарем.

Кони в погребальном обряде участвовали взнузданными. Основанием для такого заключения служит место находки предметов снаряжения коня. Например, удила, пряжки от узд встречаются вместе с остатками конского черепа, иногда даже прямо в зубах (погр. 55, 83, 193; рис. 4). Но были случаи, когда остатки узды (удила) находились в области ног или груди человека (погр. 76, 92, 145, 156, 215). Следовательно, иногда предметы конской сбруи снимали перед закланием животного и клали в гроб хозяина.

Приведенные археологические материалы свидетельствуют, что обряд жертвоприношения коня совершался лишь на похоронах военной знати, конных воинов, составляющих определенную прослойку в земледельческой общине V—VI вв. Этот обряд соблюдался и при погребении мальчиков из знатных семей. В последнем случае иногда в жертву приносился жеребенок.

---

[2] Возраст и пол умерших определил Г. Чеснис, доцент Вильнюсского гос. университета Литовской ССР.

Зафиксированный нами погребальный обряд жертвоприношения коня наряду с предметами с изображением коня — неопровержимые аргументы, заставляющие говорить об идеологических представлениях, связанных с культом этого животного у земледельцев Литвы V—VI вв.

Как отмечают исследователи, почти у всех народов в той или иной степени сохранились пережитки особого отношения человека к животным, поскольку человечество в начале своей истории прошло через охотничий быт [29, с. 202]. У народов, перешедших к земледелию и скотоводству, следы былого почитания животных сохранились лишь в мифологии, искусстве и некоторых религиозных представлениях [27; 29; 30]. Часто то или иное животное почитали за приносимую им пользу. Сам культ животных становится специфическим элементом религиозной практики, основанной на вере в могущественные и сверхъестественные силы.

Анализируя погребальный обряд в древней Литве, М. Алсейкайте-Гимбутене выяснила целый ряд ритуалов, связанных с магией [31]. Между прочим, она обратила внимание на ритуальную трапезу, часть которой совершалась у еще не засыпанной могильной ямы. Во время тризны в жертву приносились животные. Некоторые их части клали в могилу, а остальное съедали участники погребального пиршества. В засыпях ям обнаруживаются черепки битых сосудов, даже рог для питья [31, с. 71; 32, с. 299]. Сказанное в какой-то степени перекликается с сообщением арабского путешественника Ибн-Фадлана, побывавшего в X в. в Восточной Европе. Говоря о погребальном обряде жертвоприношения коня у тюркских племен, Ибн-Фадлан отмечает, что мясо убитых животных съедали, оставались лишь головы, ноги, хвосты, шкуры. Эти остатки потом вывешивали на специальных сооружениях, веря, что тем самым способствуют умершему попасть в загробную жизнь [33, с. 128].

Этнографические наблюдения подтверждают, что жертвоприношение в виде животного почти всегда сопровождалось ритуальным поеданием мяса жертвы [29, с. 187]. Некоторые исследователи считают, что обрядовая трапеза с сохранением определенных частей жертвенного животного — ритуал, характерный для культа воскресающего зверя, а воскресающая сила жертвы должна была вернуть покойного к жизни [34, с. 37]. По мнению З. П. Соколовой, корни развития воззрений на смерть и воскрешение лежат именно в культе животных [29, с. 205].

Погребальный обряд жертвоприношения коня у жителей Литвы, по-видимому, отражает магические действия, обусловленные представлениями о смерти как о воскрешении к новой жизни, о возрождающей роли жертвы, а также действия, имеющие определенные «практические задания», направленные на благоденствие древнего земледельца Литвы. Вероятно, коня приносили в жертву и с целью обеспечить умершего необходимым средством для путешествия в потусторонний мир, а также для дальнейшей его деятельности в загробной жизни. С другой стороны, важную роль, разумеется, играла вера в оберегательную силу почитаемого животного. В этом скорее всего и заключается причина наличия в могильных ямах ритуального комплекса частей коня, принесенного в жертву.

Следует напомнить, что начиная с середины I тыс. н. э. ритуальные захоронения частей коня или целого коня географически охватывают огромные степные и лесостепные пространства от Забайкалья до низовьев Дуная, притом хронологические границы существования этого обряда достигают позднего средневековья [35]. Судя по картам, составленным М. Мюллером-Вилле аналогичные находки известны в древностях Западной, Средней, Северной, Восточной Европы [3, рис. 7, *29, 50*].

Наблюдаемое у многих народов сходство идей и обрядов говорит о большой древности идеологических представлений, связанных с культом коня.

По мнению В. В. Иванова, обряд жертвоприношения коня возник еще в индоевропейской среде, а в погребальных церемониях конской голове на прародине индоевропейцев придавалось большое значение [36]. По-

давляющее большинство ученых считают, что и истоки культа коня лежат в мире индоевропейцев, в хозяйстве и военном деле которых лошадь играла существенную роль. Распространение индоевропейцев и их контакты с другими племенами содействовали распространению культа коня. Вот почему «конь и в особенности его голова играют одинаково важную роль на праздниках солнца, плодородия и при погребении умерших у племен, разделенных тысячами лет в истории и тысячами километров в пространстве» [1, с. 42].

Судя по новейшим открытиям, самые древние находки, свидетельствующие об особом отношении к лошади в культовой практике обитателей Литвы, восходят к неолиту. Так, в мужском погребении, открытом у оз. Крятуонас Швянченского р-на (Восточная Литва), были обнаружены два конских зуба: один в области шеи умершего, другой — у виска [37, с. 12]. Янтарный амулет — головка коня из клада, найденного в Юодкранте, также относится к неолиту [24, рис. 17]. Однако более заметные следы почитания лошади археологически прослеживаются с начала нашей эры в целом ряде могильников (Курмайчяй, Пришманчяй Кретингского р-на, Аукштkиемяй Клайпедского р-на, Паланга и др.), где известны захоронения с конями. О том, что конь использовался в погребальном обряде при каких-то магических действиях, свидетельствует интересная находка в курганном могильнике у д. Павекяй Шяуляйского р-на (Северная Литва). Здесь вскрыта ритуальная яма глубиной 1 м, в которой среди пепла и кусков угля попадались конские зубы [31, с. 61].

Упомянутые захоронения с конем первых веков нашей эры среди других погребений не отличаются более богатым инвентарем [4, с. 221]. Поэтому хочется поддержать мнение Я. Ясканиса, согласно которому конские погребения этого времени у балтов скорее следует связывать с культом коня, чем считать их признаком социальным [38, с. 251; 39, с. 62, 63]. В археологической литературе этот вопрос послужил поводом для обмена мнениями среди исследователей [40, с. 128, 129; 41, с. 77, 78; 42, с. 93].

Однако с середины I тыс. н. э. картина заметно меняется, ибо скелеты коней или их части, как правило, обнаруживаются в погребениях мужчин с богатым инвентарем. Произошедшие изменения весьма закономерны. В результате роста производительности труда и обособления в связи с этим отдельной семьи в сельской общине уже нет имущественного равенства [43, с. 112]. Так как религиозные представления в форме идеологии отражают общественное бытие, то они в своем развитии, естественно, отражают и перемены в общественной жизни. Следовательно, благодаря изменениям социально-экономического характера, представления, связанные с культом коня, у населения Литвы V—VI вв. приобрели социальный оттенок. С этого времени культ коня становится тесно связан с почитанием всадников (вождей-героев, конных воинов), иными словами — с представителями имущей знати. Как явствует из археологических источников VII—XII вв., такая тенденция постепенно усиливается в связи с развитием военной дружины [4, с. 221; 5, с. 23; 13, с. 73].

Об особом отношении к коню в культовой практике балтов упоминается и в письменных источниках, освещающих канун становления Литовского государства и эпоху феодализма. Например, известный путешественник IX в. Вульфстан, описывая общество балтов, рассказал о некоторых погребальных обычаях, связанных с ездой на конях и с обрядовыми празднествами в виде скачек и конных ристалищ [44, с. 22]. Литовские князья Альгирдас (Ольгерд) (1377 г.), Кястутис (Кейстут) (1382 г.) были сожжены вместе со своими конями [45, с. 113, 620, 621].

В заключение заметим, что конь долго оставался в числе объектов почитания у земледельцев Литвы. По данным этнографии, конь был окружен магическими действиями, аграрными обрядами, он также выступал и в важнейших семейных ритуалах [46, с. 83]. В народном творчестве до сих пор применяются орнаментальные сюжеты коньков, особенно развитые в орнаментике крестьянского жилого дома на Балтийском побережье [47, с. 88; 48, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.– В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.
2. *Беленицкий А. М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье.– КСИА, 1978, вып. 154.
3. *Müller-Wille M.* Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter.— Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek, 1970–1971, Amersfoort – Grawenhage, 1972, Jg. 20–21.
4. *Куликаускене Р. К.* Погребения с конями.– СА, 1953, № 17.
5. *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuvio kario zirgas. Vilnius: Mintis, 1971.
6. *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuviai IX–XII amžiais. Vilnius: Mintis, 1970.
7. *Волкайте-Куликаускене Р. К.* Образование литовской народности (по данным археологии).– СЭ, 1979, № 3.
8. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. 3. Vilnius: Mokslas, 1977.
9. *Таутавичюс А. З.* Балтские племена на территории Литвы в I тысячел. н. э.– В кн.: Из древейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне, 1980.
10. Lietuvių liaudies menas Senovės lietuvių popuošalai/Sudaré in parenge Kulikauskienė R. ir Rimantienė R. T. 2. Vilnius: Vaga, 1966.
11. *Vaitkunskienė L.* Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius: Mokslas, 1981.
12. *Варнас А.* Некоторые особенности украшений конской сбруи у балтов в IX–XII вв.– В кн.: Тез. докл. сов. делегации на IV Междунар. конгр. славянской археологии. М.: Наука, 1980.
13. *Vaitkunskienė L.* Žirgų aukos Lietuvoje.— In: Lietuvos archeologija. T. 2. Vilnius: Mokslas, 1981.
14. *Вайткунскене Л.* Раскопки могильника Пагрибис.– АО-1980. М., 1981.
15. *Вайткунскене Л.* Раскопки в д. Пагрибис.– АО-1981. М., 1983.
16. *Tautavičius A.* Taurapilio «kunigaikščio» kapas.— In: Lietuvos archeologija. T. 2. Vilnius: Mokslas, 1981.
17. Latvijas PSR arheologija. Rīga: Zinātne, 1974.
18. *Nerman B.* Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm, 1935.
19. *Nerman B.* Die Vendelzeit Gotlands. T. II. Tafeln. Stockholm, 1969.
20. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки.– САИ, 1979, вып. Е1-2.
21. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров.– САИ, 1959, вып. Е1-59.
22. *Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A.* Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius: Valstybine politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961.
23. *Oxenstierna E. G. C.* Die Prachtfibel aus Grobin.– Mannus, 1940, B. 32, H. 1/2.
24. Lietuviu liaudies menas. Senovės lietuviu papuošalai. T. I. Sudaré in parenge Kulikauskienė R. ir Rimantienė R. Vilnius: Valstybiné grožinės literatūros leidykla, 1958.
25. Lietuvos archeologijos atlasas. T. 4. Vilnius: Mokslas, 1978.
26. *Vaškevičiute I.* Gyvuliniai motyvai VI—VII a. žiemgaliu papuošalu ornamentuose.— In: Jaunuju istoriku darbai. T. 2. Vilnius, 1978.
27. *Угринович Д. М.* Искусство и религия. М.: Политиздат, 1982.
28. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976.
29. *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
30. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.
31. *Alseikaitė-Gimbutienė M.* Pagoniškosios laidojimo apeigos Lietuvoje.— In: Gimtasai kraštas. Siauliai, 1943.
32. *Puzinas J.* Naujausiu proistoriniu tyrinėjimu duomenys.— Senovė (Kaunas), 1938, t. 4.
33. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956.
34. *Петрухин В. Я.* Миф о воскресающем звере и происхождение одного жертвенного ритуала.– В кн.: Проблемы истории СССР. Вып. 4. М.: Изд-во МГУ, 1974.
35. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
36. *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево aśvattha в древней Индии).– В кн: Проблемы истории языков культуры народов Индии. М.: Наука, 1974.
37. *Girininkas A.* Kretuoni I gyvenviete.– In: Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1980 ir 1981 metais. Vilnius, 1982.
38. *Jaskanis J.* Obrządek pogrzebowy zachodnich baltów u schyłku starożytności (I–V w. n. e.). Wroclaw – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1974.
39. *Jaskanis J.* Human burials with horses in Prussia and Sudovia in the first millenium of our era.— Acta Baltico-Slawica (Białystok), 1966, t. 4.
40. *Соловьева Г. Ф.* О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья.– СА. 1971, № 2.
41. *Седов В. В.* Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (О статье Соловьевой Г. Ф. о роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья) – СА, 1973, № 3.

42. *Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах северо-восточной Руси VIII–XI вв.– СА, 1981, № 4.
43. *Моора Х. А.* Возникновение классового общества в Прибалтике.– СА, 1953, № 17.
44. Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. T. 1. Vilnius: Valstybiné politinés ir mokslinés literatūros leidykla, 1955.
45. Scriptores rerum Prussicarum. T. 2. Lpz., 1863.
46. *Dundulienė P.* Arklys lietuvių liaudies pasauléjautoje.– Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. T. 17/1. Vilnius, 1977.
47. *Butkevičius I.* Lietuvių valstiečių gyvenamųjų namų ornamentika.– Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. Ser. A, T. 3(25). Vilnius, 1967.
48. *Gimbutas M.* Ancient symbolism in Lithuanian folk art.– Mem. Amer. Folk. Soc. (Philadelphia), 1958, v. 49.

L. Vaitkunskiene

HORSE CULT IN LITHUANIA IN THE 5TH AND 6TH CENTURIES

Summary

Since the 1st century A. D. horse burials have been a common feature in Lithuania. They attracted archaeologists' attention as far back as 30 years ago. In 1980—1982, investigations of Pagrybis, a barrow in the Silale District, West Lithuania, produced ritual parts of horses (heads and lower parts of legs) found in 38 graves of people of different ages. Besides, metal objects embellished with horse heads were also found. The archaeological finds date from the 5th-6th centuries. They testify to the existence of the horse cult in Lithuania where funerals of noblemen were accompanied by horse sacrifices.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

КРУГЛЫЕ ГОРОДИЩА ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

В лесостепной зоне Левобережья Днепра известно значительное количество древнерусских городищ круглой и полукруглой в плане формы. Тактические преимущества подобных укреплений хорошо известны. Изучены конструктивные особенности оборонительных элементов крепостей этого типа. П. А. Раппопортом в 50—60-е годы создана также схема распространения этих памятников на территории Руси. На основе обследования большого количества подобных городищ сделан обоснованный вывод о том, что древнейшие округлые крепости известны на землях западных славян. В X в. они появились на юге Галицкой земли, во второй половине XI в.— в Среднем Поднепровье, а с середины XII в.— на севере Руси [1, с. 117; 2, с. 46—48; 3, с. 195].

Однако четверть века тому назад Левобережье Днепра было слабо обследованным, и поэтому вся эта территория включалась в схему П. А. Раппопорта в незначительной степени [4]. Сейчас картина существенно изменилась, важно ввести в оборот новые материалы об округлых городищах древней Переяславской земли и сопредельных с ней территорий.

Всего в треугольнике Днепр — Сула — Остер известно 69 древнерусских укреплений, еще два обследовано мной на Среднем Сейме (рис. 1). Округлых в плане городищ (в дальнейшем будем условно именовать их «круглыми») здесь насчитывается 48, что составляет 67,5% общего числа.

Следует учитывать, что не все из них имеют четкие даты. Одни датированы по подъемному или хранящемуся в музеях материалу, другие подвергались раскопкам, третьи хорошо обследованы с обязательной прорезкой вала, четвертые упомянуты летописями и при этом убедительно локализуются (рис. 2).

Особенно отличается изученность памятников по районам. В западной части ареала, прилегающей к Переяславлю и отличающейся равнинностью рельефа, круглые городища составляют 76,9% от общего числа (20 из 26 укреплений). Здесь только 3 памятника имеют летописные даты: Остерский Городок, Городец под Киевом (Выгуровщина) и Льто (Борисполь). Плохо обследованы и другие памятники: отождествление летописного «города» Песочена проблематично, археологические находки на городище исчисляются всего пятью венчиками [5, с. 225]. Мало материала найдено на миниатюрном Процевском укреплении [6]. Датировка прочих городищ основывается почти исключительно на подъемном материале (а зачастую на подъемном материале селищ) [7].

В восточной части ареала, в Посулье, круглые укрепления составляют 62,2% (28 городищ из 45). Их подавляющее большинство обследовано Посульской разведочной группой ИА АН СССР при помощи шурфовки и обязательного вскрытия внутренней части вала детинца траншеей, что позволяет вычленить из общих напластований городищенские слои и датировать насыпку вала[1]. Из 28 укреплений 5 попорчено производством

[1] Определенные трудности представляет привлечение опубликованного материала городищ Кизивер и Миклашевский, раскопанных в 1958—1960 гг. [8, 9]. Фиксация материала разреза вала в то время осуществлялась не индивидуально, а по штыкам, что не позволяло датировать основные прослойки и субструкции и в конечном итоге отделить городищенские слои от более ранних и точно датировать насыпку и ремонты вала. Автор раскопок выделил и датировал в обоих случаях

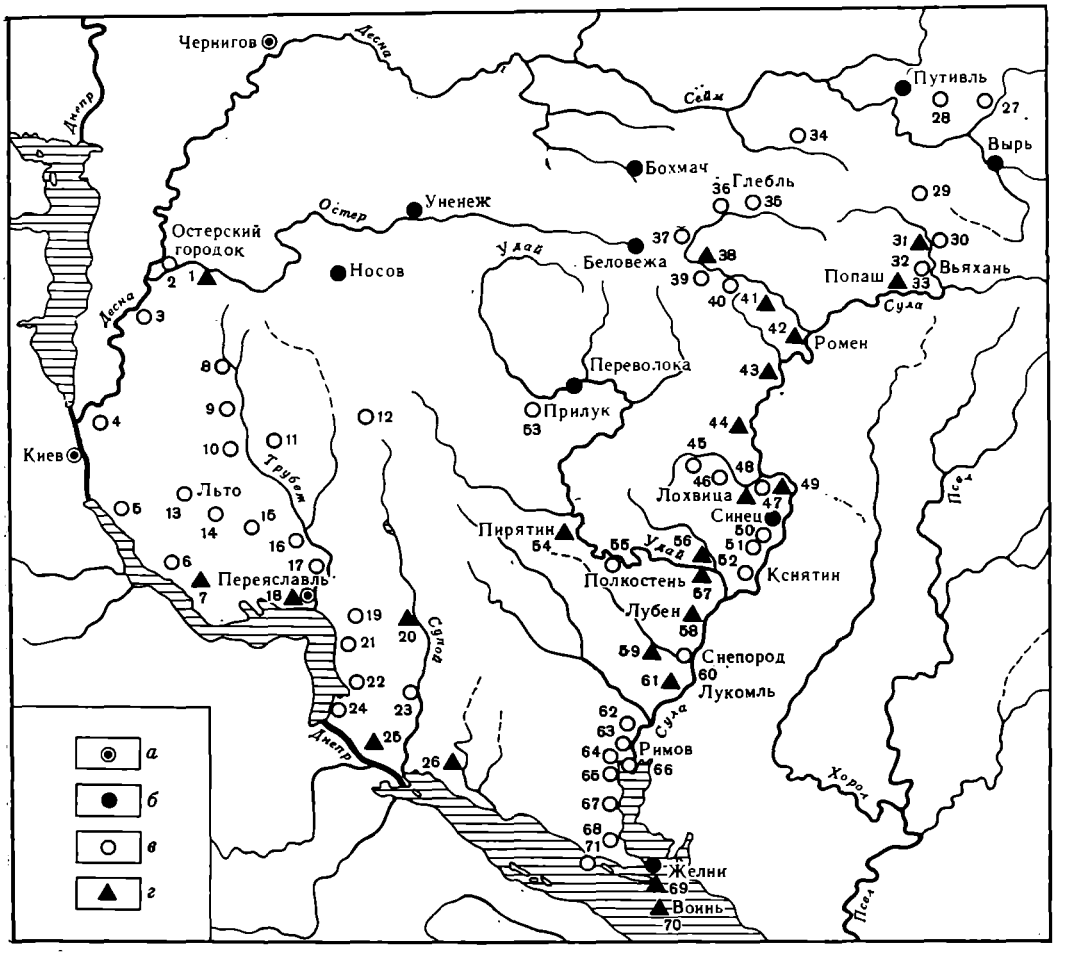


Рис. 1. Древнерусские городища Левобережья Днепра. *а* – столицы княжеств; *б* – летописные города; *в* – круглые городища; *г* – мысовые и останцовые городища. *1* – Кашаны; *2* – Остерский городок; *3* – Крехаев; *4* – Городец под Киевом (Выгуровщина); *5* – Процев; *6* – Головуров; *7* – Старое; *8* – Заворичи; *9* – Светильня; *10* – Русанов; *11* – Перемога; *12* – Петровка; *13* – Льто (Борисполь); *14* – Иванков; *15* – Веселиновка; *16* – Пристромы; *17* – Гайшин; *18* – Переяславль; *19* – Винепцы; *20* – Ташань; *21* – Городище; *22* – Цибли; *23* – Каленики; *24* – Лепляво; *25* – Бубновская слободка; *26–30* – Лотоноша; *27* – Горки; *28* – Новая Слобода; *29* – Николаевка; *30* – Бабаково; *31* – Боярское; *32* – Вьяхань; *33* – Попаш; *34* – Кросна; *35* – Глебль (Шевченко); *36* – В. Самбор; *37* – Гайворон; *38* – Красный Колядин; *39* – Грицевка; *40* – Липовое; *41* – Медвежье; *42* – Ромен; *43* – Глинск; *44* – Свиридовка; *45* – Бербеницы; *46* – Безсалы; *47* – Лохвица; *48* – Лазирка (Лохвица); *49* – Гаевщина; *50* – Никольская Горка (Сенча); *51* – Сампсониев Остров (Сенча); *52* – Кснятин; *53* – Прилук; *54* – Пирятин; *55* – Полкостень; *56* – Городище; *57* – Хитцы; *58* – Лубен; *59* – Александровка; *60* – Снепород (Мацковцы); *61* – Лукомль; *62* – Тарасовка; *63* – Чутовка; *64* – Мисто (В. Буримка); *65* – Городок (В. Буримка); *66* – Римов (В. Буримка); *67* – Лящевка; *68* – Кизивер; *69* – Палянивщина; *70* – Воинь; *71* – Миклашевский

селитры (Николаевка, Кросна, Полкостень, Тарасовка и Лящевка); недостаточно материала получено в Липовом, Безсалах, Никольской Горке, Прилуках.

Таким образом, к анализу можно привлечь 19 памятников, что составляет 39,5% от всех известных в ареале круглых укреплений. Частично эти городища опубликованы [12, 13], статьи и заметки о других находятся в печати, о третьих издана лишь краткая информация [14–16]. Мы не будем останавливаться на подробном описании памятников и

по два строительных периода на основе анализа всей совокупности керамики из вала. Уточнить полученную им картину сопоставлением керамики с отчетными чертежами не удалось [10, 11] (находки хранятся в фондах ИА АН УССР — колл. № 413, 436). Поэтому в обоих случаях представляется верным принять за время возведения вала дату второго строительного периода, придавшего укреплениям округлые в плане очертания.

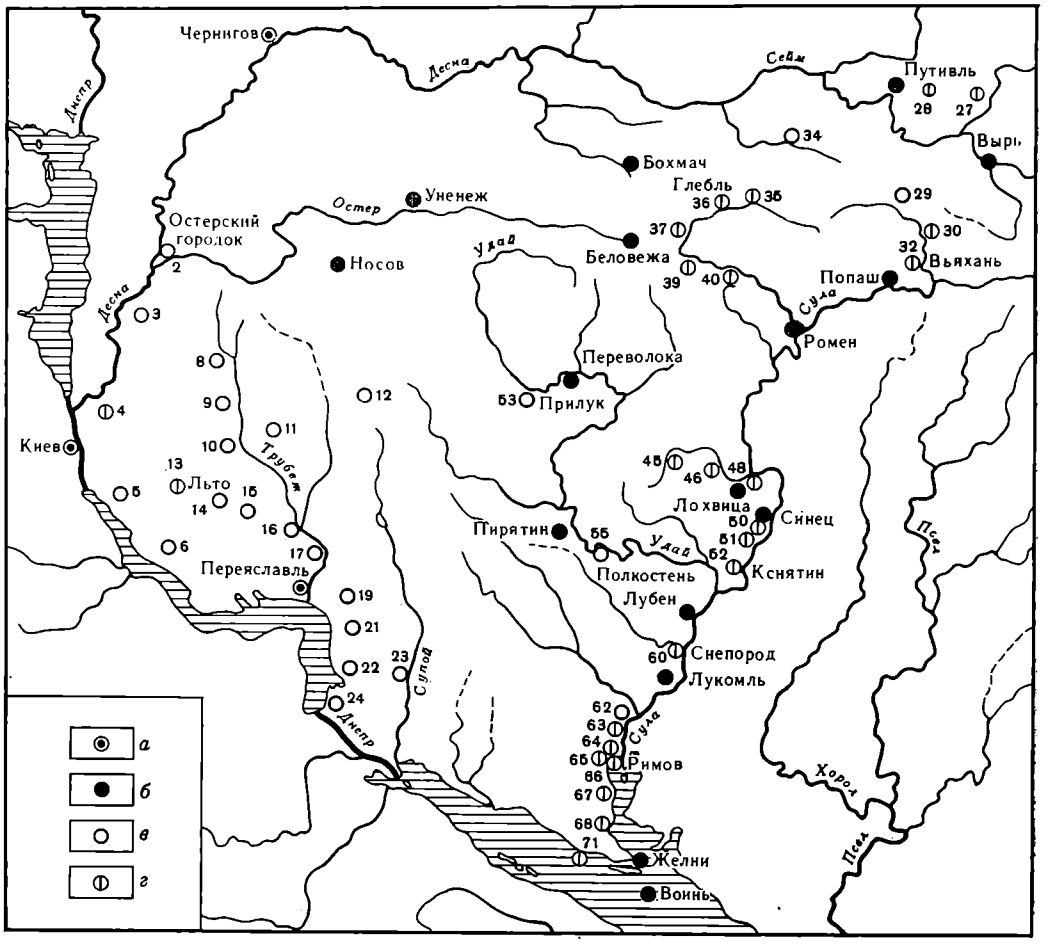


Рис. 2. Круглые городища Левобережья. Степень изученности. *а* – столицы княжеств; *б* – летописные города; *в* – недостаточно исследованные круглые городища; *г* – датированные летописями или хорошо обследованные круглые городища. *2* – Остерский городок; *3* – Крехаев; *4* – Городец под Киевом; *5* – Процев; *6* – Головурсв; *8* – Заворичи; *9* – Светильня; *10* – Русанов; *11* – Перемога; *12* – Петровка; *13* – Льто; *14* – Иванков; *15* – Веселиновка; *16* – Пристромы; *17* – Гайшин; *19* – Виненцы; *21* – Городище; *22* – Цибли; *23* – Каленики; *24* – Лепляво; *27* – Горки; *28* – Н. Слобода; *29* – Николаевка; *30* – Бабаково; *32* – Вьяхань; *34* – Кросна; *35* – Глебль; *36* – В. Самбор; *37* – Гайворон; *39* – Грицевка; *40* – Липовое; *45* – Бербеницы; *46* – Безсалы; *48* – Лазирка; *50* – Никольская Горка; *51* – Сампсониев Остров; *52* – Кснятин; *53* – Прилук; *55* – Полкостень; *60* – Снепород; *62* – Тарасовка; *63* – Чутовка; *64* – Мисто; *65* – Городок; *66* – Римов; *67* – Лящевка; *68* – Кизивер; *71* – Миклашевский

материала, а примем во внимание лишь ключевые признаки и особенности их распространения.

Одной из положительных особенностей крепостей округлой формы является слабая связь с рельефом окружающей местности или полное отсутствие этой связи. Это — прогрессивное явление в средневековой фортификации: подобные оборонительные сооружения можно построить в местах, где нет высоких мысов с крутыми склонами (на ровных плато, пологих склонах берегов рек, всхолмлениях среди болот).

По топографическому расположению круглые городища можно разделить на три типа. Укрепление I типа частично связаны с рельефом местности, что сближает их с мысовыми. В таких случаях или оборонительный вал имеет в плане форму полукруга с опорой незащищенной стороны на крутой склон (Н. Слобода, Бабаково, Кизивер, Городок), или на круглом городище береговой склон выполняет функции рва (Чутовка, Горки) (рис. 3).

Равнинные городища относятся ко II типу. Сюда включены укрепления на высоких плато (Снепород, Бербеницы, Мисто) и низких надпойменных террасах (Гайворон, Грицевка). Их объединяет полное отсутствие связи с окружающим рельефом: в любом случае независимо от вы-

соты над уровнем поймы площадка со всех сторон окружена валом и рвом.

К III типу относятся «болотные» городища, устроенные на останцах или мысах первой надпойменной террасы. Функции рва выполняет заболоченная пойма. В классическом виде городища III типа представлены укреплениями В. Самбор и Шевченково (летописный Глебль): окружен-

Таблица 1

Таблица характеристик укреплений

Характеристика укреплений	Тип								
	I			II			III		
	вид			вид			вид		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Форма в плане:									
круг	27, 63, 68			45, 48	37, 39, 60, 64, 66		36, 51, 71		32, 35, 52
полукруг	28, 30, 65								
Количество валов:									
1	27, 28, 63, 65				37, 39, 60, 64, 66		36, 51, 71		32, 35, 52
2	30, 68			45, 48					
Высота вала:									
до 2 м	28, 30, 63, 65, 68				37, 39		36, 51, 71		
более 2 м	27			45, 48	60, 64, 66				32, 35, 52
Количество въездов:									
1	30, 63, 68			48	37, 39		36, 51, 71		32
2	65			45	60, 64, 66				35, 52
Валы насыпаны:									
на новом месте	27, 28, 30			45	37				32
на селище	63, 65, 68				39, 60, 64, 66		36, 71		35
Колодец на площадке	63, 68			45	60				

Примечание. Порядковый номер городища указан в соответствии с картами (рис. 1 и 2). Тип I — городища, частично связанные с рельефом, тип II — равнинные, тип III — «болотные». К 1-му виду относятся городища площадью 0,16—0,35 га, ко 2-му виду — 0,7—0,8 га, к 3-му виду — 1,8—2,2 га.

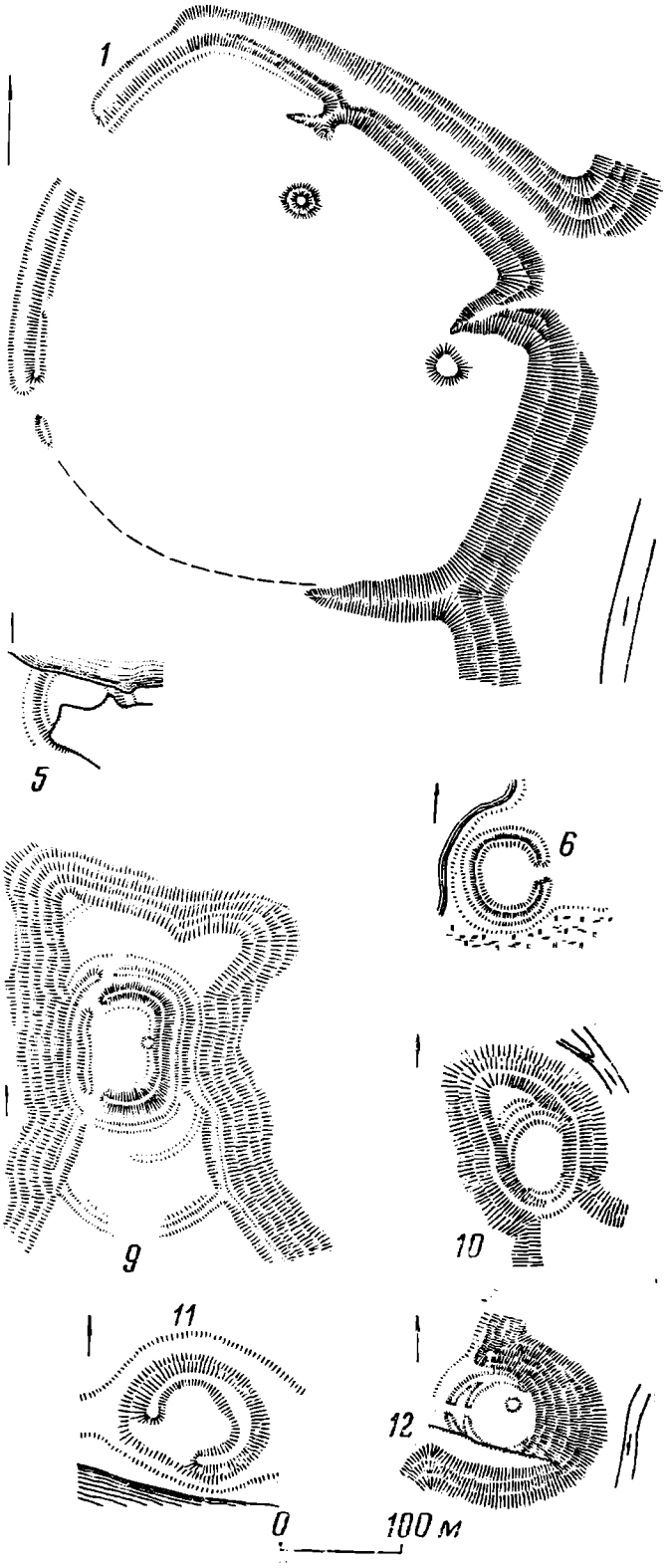
ные болотом, в безморозную пору года они практически неприступны.

Внутри типов укреплений имеются значительные колебания в размерах площадки. Сведения о полезной площади городищ, положенные в основу таблицы на рис. 4, позволили выделить три вида укреплений.

Самые маленькие укрепления, размером площадки от 0,16 до 0,35 га, относятся к 1-му виду. Компактная группа городищ 2-го вида имеет полезную площадь 0,7—0,8 га. В 3-й вид выделились самые крупные оборонительные сооружения: их размеры — от 1,8 до 2,2 га.

Характерно, что среди укреплений 1-го вида нет летописных городов, они встречаются среди городищ 2-го вида, а укрепления 3-го вида представлены только летописными пунктами. Предложенная выборка, составляющая 39,5% всех круглых укреплений ареала, достаточно представительна, чтобы отражать сложившиеся в фортификации закономерности [2]. Распределение круглых городищ по площади в компактные, плотные группы, четко очерченные лакуны между группами и распределение внутри групп летописных пунктов свидетельствуют о высокой степени стандартизации видов древнерусских укреплений, постройке их по заранее намеченному плану с заданным комплексом оборонительных требований и, вероятно, определенной социальной нагрузкой.

[2] Выделение видов укреплений показывает недостаточную достоверность отождествления Городища под Переяславлем-Хмельницким с летописным Песочным: по площади этот памятник укладывается в 1-й вид [5].


1
5
6
9
10
11
12
0
100 м

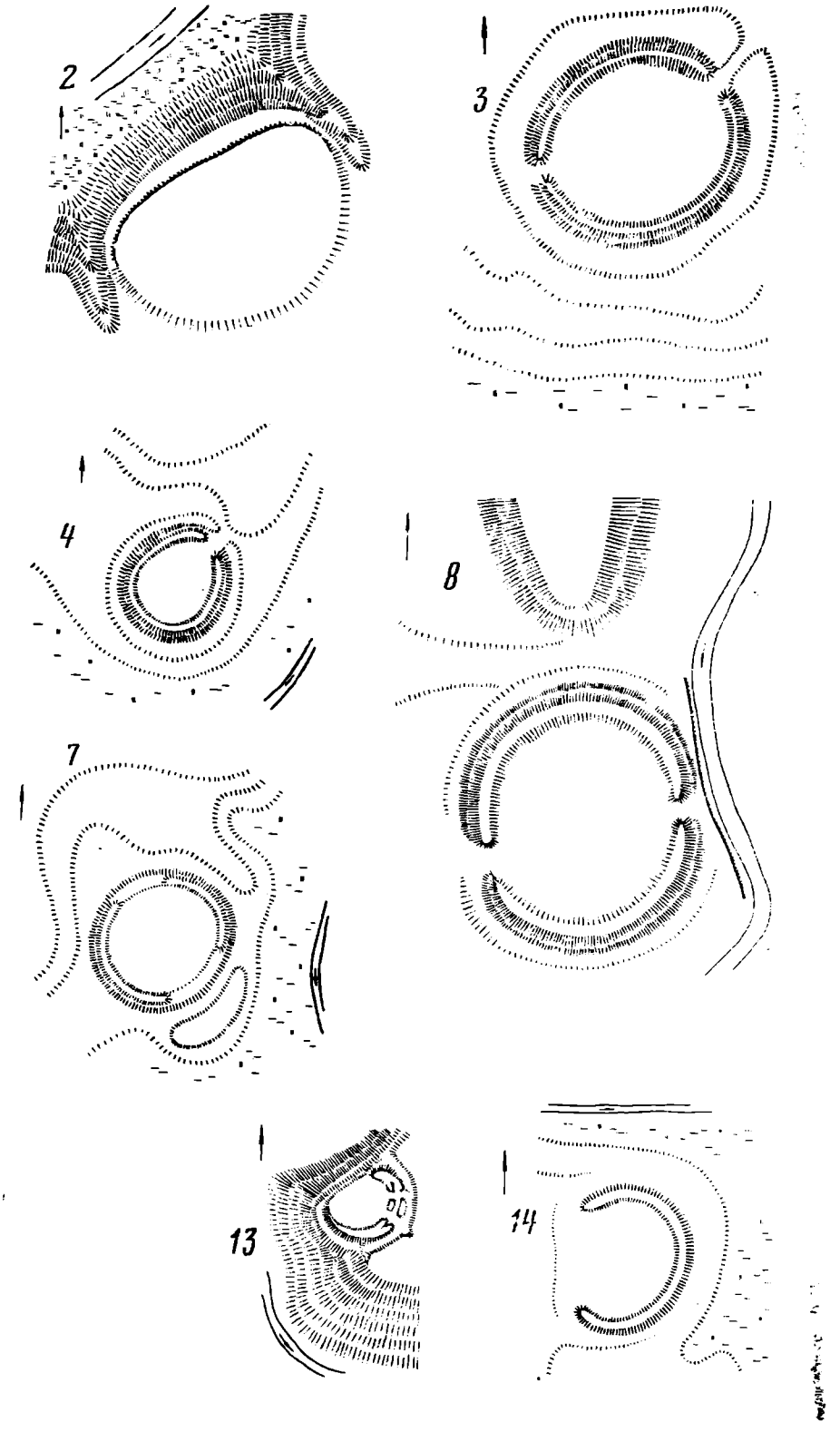


Рис. 3. Планы городищ. *1* – Никольская Горка; *2* – Прилуки; *3* – Вьяхань; *4* – В. Самбор; *5* – Н. Слобода; *6* – Самсониев Остров; *7* – Гайворон; *8* – Кснятин; *9* – Бербеницы; *10* – Горки; *11* – Миклашевский; *12* – Кизивер; *13* – Бабаково; *14* – Липовое

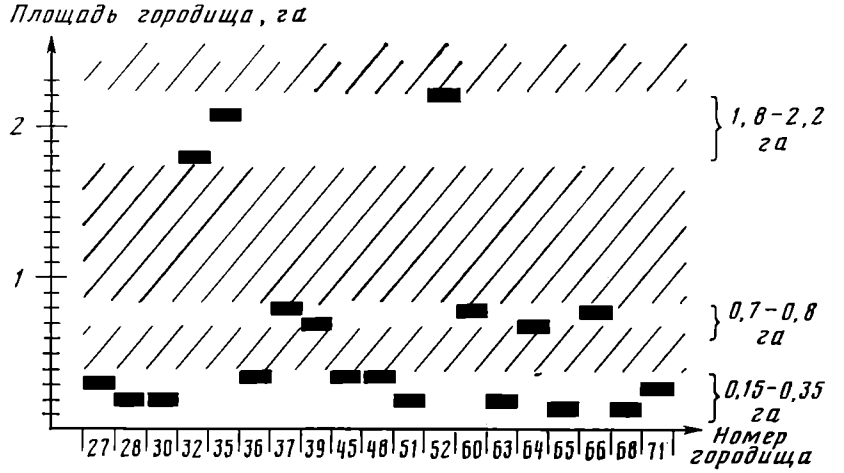


Рис. 4. Выделение видов городищ

В свое время П. А. Раппопорт пробовал выделить несколько групп круглых городищ Западной Руси [3, с. 196]. Мы проведем подробную работу на материалах Левобережья, пользуясь упрощенным вариантом метода граф, не требующим вычисления коэффициента сходства и пригодным для небольшого количества категорий и их характеристик.

На основе выделенных типов и видов составляется таблица суммарной характеристики 19 наиболее исследованных круглых городищ (табл. 1).

Исходя из нее, можно вычертить графы взаимосвязи городищ, отражающие группы наиболее близких по признакам и характеристикам памятников (рис. 5).

В граф I (группа I) вошли три летописных городища — Вьяхань (32), Глебль (35) и Кснятин (52). Эти укрепления относятся к III типу — «болотных» с максимальными размерами площадки, в плане имеют форму круга или овала; высота вала значительно больше 2 м, а в двух случаях (Глебль и Кснятин) сохранилось два въезда. Последний признак связан с расположением крепостей на твердых бродах через заболоченные поймы рек. Характерно, что все три пункта в древности стояли на ключевых пересечениях важных военных и торговых путей; их сопровождают большие по площади и наиболее древние открытые поселения [3]. Несомненно, при постройке в условиях пограничья подобных укреплений, они с самого начала были задуманы как города — центры ремесла, торговли и администрации.

Граф II объединяет конструктивно близкие городища В. Самбор (36), Сампсониев остров (51) и Миклашевский (71) — круглые «болотные» укрепления 1-го вида с одним валом высотой менее 2 м и одним въездом. Эти крепостицы располагались невдалеке от крупных центров, среди обширной сельскохозяйственной округи. Укрепления группы II построены несколько в стороне от больших дорог, переправ и бродов, площадь их невелика, а культурный слой небогат находками (видимо, на них не было постоянной жизни). Все это наталкивает на предположение о том, что указанные крепостицы являлись укрепленными феодальными усадьбами-замками (рис. 1).

Значительным своеобразием отличаются городища графа III — Бербеницы (45) и Лазирка (48). Оба укрепления — круглые в плане, полезной площадью 0,35 га, снабжены двойной линией валов на пологом склоне.

Подобной конструкцией оборонительных сооружений, несвойственной русским крепостям, отличались укрепления печенежско-торческого союза племен в Черноклобуцком Поросье [17, с. 56, 60], к такой параллели склоняет также географическое положение Бербеницы и Лазирки: они устроены не на самой посульской границе, а на степных массивах, которых не могли миновать половцы, переправившиеся через Сулу у Ксня-

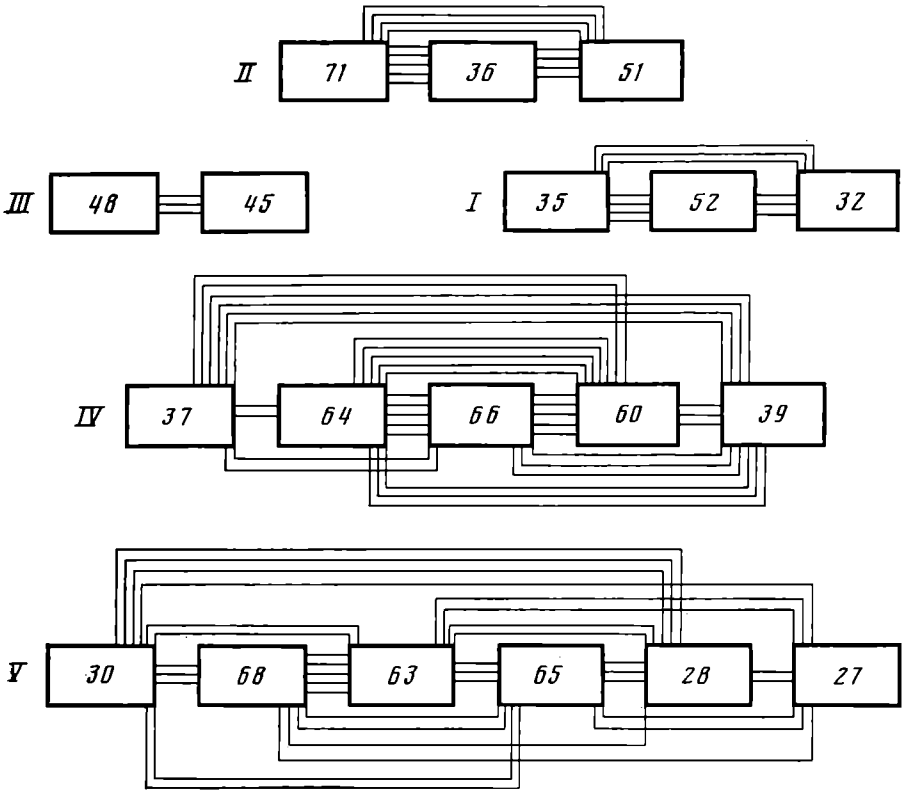


Рис. 5. Графы связей групп городищ. Римские цифры обозначают группы, арабские – номера городищ

тина или Синца и направлявшиеся на Киев или Переяславль. Вероятно, городища группы III — остатки крепостей феодализирующейся верхушки двух родов «переяславских торков», несущих пограничную службу в качестве легкой конницы на одном из узловых участков Посулья. Подтверждением этому может служить медный котел, изготовленный в лучших половецких традициях и найденный в слое ныне разрушенного городища Лазирка.

Памятники, объединенные в граф IV,— круглые равнинные, не связанные с рельефом местности (II тип) укрепления 2-го вида. Наиболее высокая степень сходства наблюдается между южными городищами этой группы — Снепородом (60), Римовым (66) и Мистом (64): они наиболее древние, устроены на старых открытых поселениях, снабжены двумя въездами, валы выше 2 м. Все эти укрепления были построены на наиболее стратегически важных точках: Гайворон (37) закрывает участок «степного коридора» между Глеблем и Белавежей; Грицевка (39) стоит на древней дороге, идущей через Ромен на Киев и Чернигов [18]; Снепород контролирует часть течения пограничной Сулы с твердыми бродами. Не разорвав оборонительную систему Римова и Миста, половцы не смогли бы в 1185 г. вернуться кратчайшей дорогой в степь. Возможно, перед нами остатки княжеских пограничных крепостей, снабженных значительным гарнизоном и расположенных в ключевых пунктах. Часть укреплений группы III летописцы именовали городами.

В графе V объединено шесть маленьких круглых и полукруглых городищ 1-го типа — частично связанных с рельефом, т. е. переходных от мысовых к круглым. В отличие от других групп памятников в этом графе не наблюдается тесной множественности взаимосвязей признаков (видимо, строгие принципы стандартизации еще не выработались): здесь есть укрепления с одним и двумя валами разной высоты и разным количеством въездов, строятся они и на новом месте, и на более древних открытых поселениях. Их объединяют лишь два признака, имеющих принципиальное значение: частичная связь с рельефом и небольшая полезная площадь.

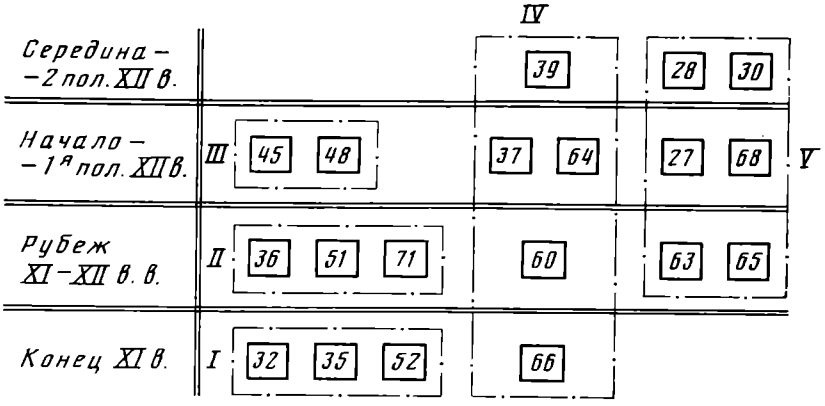


Рис. 6. Хронологическая шкала времени возведения групп укреплений. Римские цифры обозначают группы, арабские – номера городищ

По своим размерам городища группы V не могут быть остатками городов или крупных княжеских крепостей. Без широких станционарных раскопок невозможно определить их функциональную роль, да и не всегда раскопки позволяют ответить на данный вопрос. Среди городищ этой группы одни могли быть укрепленными феодальными усадьбами, другие — замками, третьи — сторожевыми крепостицами-заставами. Например, Бабаковское укрепление с мощными валами и, возможно, угловой башней, доминирующей над плато, построенное на дороге из Посемья и степей к Въяханю и связанное с ним прямой видимостью, явно было сторожевой сигнальной крепостью-пригородом летописного города [13]. С охраной брода связано Чутовское укрепление, входящее в систему «змиевых» валов и нависающее над единственным в этой местности пологим подъемом от Сулы на плато.

Горки и Н. Слобода были скорее укрепленными усадьбами, а Кизиверское укрепление, расположенное на высокой круче среди обширного поселения времен Владимира Святославича, могло одновременно служить административным центром округи и сторожевым пунктом для слежения за левым берегом Сулы. При любой прочей функциональной нагрузке и владельческой принадлежности в условиях постоянной половецкой пограничной опасности укрепления Посулья не могли не нести дополнительной функций защиты границы, слежения, оповещения и сигнализации.

При наложении выделенных с помощью графов групп укреплений на хронологическую шкалу можно выявить закономерности развития и распространения типов и видов городищ в заданном ареале (рис. 6).

Круглые городища появились на Левобережье в конце XI в. в виде крупных «болотных» (группа I) и равнинных средней площади (группа IV). Те и другие с рельефом не связаны, устроены большей частью посреди уже заселенной округи, и все попали на страницы летописей. Укрепления группы I позже не строились.

На рубеже XI—XII вв. продолжают строить крепости II типа, 2-го вида (группа IV). Видимо, подобные сооружения подходили к местным условиям, на нашей шкале эта группа — «сквозная», т. е. эти укрепления строили вплоть до середины — второй половины XII в. В это же время, на рубеже XI—XII вв., проведен опыт возведения маленьких «болотных» укреплений (группа II); вероятно, опыт оказался не совсем удачен, и впоследствии таких сооружений не возводят. Одновременно начала возводиться крупная серия небольших, связанных с рельефом крепостей (группа V), она оказалась более жизнеспособной.

Начало — первая половина XII в.— время стабилизации отношений с половцами, активной завоевательной политики князей, укрепления русских рубежей, в частности путем привлечения на пограничную службу

представителей печенежско-торческого союза племен. На Посулье в это время построены два укрепления, отличающиеся от русских степных градостроительными традициями (группа III), вероятно, для феодализирующейся верхушки «переяславских торков». Продолжают возводиться равнинные крепости группы IV и небольшие укрепления группы V, частично связанные с рельефом.

В середине — второй половине XII в. наблюдается резкий спад в постройке подобных оборонительных сооружений: возведены последние укрепления группы IV и два — группы V.

Рассмотренные 19 укреплений круглой формы построены в основном в промежутке между концом XI и серединой XII в. Этот факт не может быть объяснен только окончанием освоения государственной территории или завершением укрепления пограничья в условиях временной стабилизации отношений с кочевым миром. Вероятно, столь активное насаждение круглых крепостей требует и других объяснений. Источники еще более сужают круг поисков причины появления и распространения подобных сооружений: Городец под Киевом упомянут в статьях 1026 г. [19, стб. 149; 20, стб. 137], Остерский городок заложен в 1098 г. [19, стб. 302; 20, стб. 248], Прилук упомянут сначала под 1092 г. [20, стб. 206], затем в «Поучении» Мономаха [19, стб. 248]. Римов и Кснятин стали известны также из «Поучения» [19, стб. 248, 249]. В 1117 г. заложена церковь в Льте, до этих пор упоминаемом как урочище или поле [20, стб. 285]. Вьяхань упомянут под 1147 г. [20, стб. 355, 356], но предварительным обследованием установлено, что вал возведен в конце XI в. [13]; на городище также найдена актовая печать Мономаха, датированная 1094—1113 гг. [21]. В связи с событиями, последовавшими за смертью Мономаха, упомянут Полкостень [19, стб. 295].

На основании источников и археологических данных нам известна градостроительная деятельность Владимира Святославича и отчасти его сына Ярослава. Появление округлых укреплений на Левобережье можно связать с деятельностью еще одного исторического лица — Владимира Мономаха. На это указывает большинство упоминаний о летописных пунктах, надежно отождествленных с круглыми городищами; в промежуток активной деятельности Мономаха укладывается и постройка большинства круглых безымянных укреплений [22]. В 1073—1076 гг. он начал княжить, вероятно, в Переяславле [19, стб. 247; 23, с. 10], в 1073 г. воевал на Волыни, затем выполнял поручения старших Ярославичей по отношениям с Польшей. В 1076 г. четыре месяца ходил с дружиной «ляхом в помочь на чехы», «за Глоговы до Чешьского леса» [19, стб. 247; 23, с. 10]. В этот период Владимир Всеволодович мог на Волыни и в западнославянских землях на собственном опыте убедиться в преимуществах укреплений круглой формы. Позже он имел возможность способствовать постройке подобных крепостей, так как в 1078—1094 гг. княжил в Чернигове, на период с 1094 по 1113 г. приходится его второе переяславское княжение, а с 1113 по 1125 г. он был великим князем.

Летописи показывают Мономаха сторонником активных методов борьбы с кочевниками: известны его походы далеко в степь. Археологические данные о круглых городищах свидетельствуют об укреплении при нем пограничного Посулья, т. е. он сочетал рейдовые удары по зимовьям половцев с укреплением самой границы, причем привлекал для этого и «переяславских торков».

Наша выборка 19 городищ (38,5% всех круглых укреплений) достаточно представительна, чтобы в общих чертах распространить полученные результаты на западную половину ареала, прилегающую к Переяславлю и Остерскому городку, где расположено 20 подобных сооружений (рис. 2). Видимо, и здесь значительное число круглых крепостей было возведено во времена Мономаха и его последователей. Определенную роль в этом играют равнинный характер региона, отсутствие мысов с крутыми склонами. Тем не менее появление здесь, в центральных областях Переяславской земли с ее торными дорогами на Киев, двух десятков

крепостей при Мономахе — «защитнике смердов» — глубоко симптоматично.

Выявленная нами суммарная датировка круглых городищ хорошо согласуется и уточняет схему П. А. Раппопорта, локализуя недостающее звено в цепи распространения округлых укреплений по Руси на Левобережье. Характерно, что наиболее ранний памятник — Городец под Киевом (1026 г.) расположен на крайнем западе ареала (собственно он относился к Киевской земле), а наиболее поздние укрепления подобной формы были построены на окраинах Переяславской и Черниговской земель.

И, наконец, последнее наблюдение: П. А. Раппопорт связывал появление круглых крепостей на севере Руси с деятельностью Ю. Долгорукого, много воевавшего на юге [24, с. 119]. Единственное мне известное исключение — Суздаль. М. В. Седова считает, что кольцевой вал был насыпан там после пожара 1096 г. на месте мысового укрепления [25, с. 47, 48]. По мнению исследовательницы, это было сделано скорее всего в 1101—1102 гг., во время приезда Мономаха в Ростовскую землю, принадлежавшую Всеволодовичам по разделу Ярослава.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Раппопорт П. А.* Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья.— КСИИМК, 1952, вып. 48.
2. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, № 52.
3. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140.
4. *Раппопорт П. А.* Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в.— КСИИМК, 1954, вып. 54.
5. *Кучера М. П.* Давньоруське городище під Переяславом-Хмельницьким.— Археологія, 1970, т. XXIV.
6. *Кучера М. П.* Процівське городище на Київщині — Археологія, 1972, № 5.
7. *Кучера М. П.* Давньоруські городища в західній частині Переяславщини.— Археологія, 1978, № 25.
8. *Кучера М. П.* Древньоруське городище в х. Миклашевському.— Археологія, 1962, т. XIV.
9. *Кучера М. П.* Давньоруські городища біля хутора Кизивер.— Археологія, 1964, т. XVI.
10. *Кучера М. П.* Отчет о раскопках на древнерусском городище у х. Миклашевского, Еремеевского с/с Градижского района Полтавской обл. в 1958—59 гг.— Архив ИА АН УССР, фонд экспедиций, № 3331—36.
11. *Кучера М. П.* Отчет о раскопках древнерусских городищ у х. Кизивер Клищинского с/с Градижского района Полтавской обл. в 1960 г.— Архив ИА АН УССР, фонд экспедиций, № 3654.
12. *Моргунов Ю. Ю.* Три древнерусских городища Верхнего Посулья.— КСИА, 1977, вып. 150.
13. *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Вьяхань.— СА, 1982, № 2.
14. *Моргунов Ю. Ю.* Разведки в Черниговской области.— АО-1974. М., 1975.
15. *Моргунов Ю. Ю.* Разведка в Посулье.— АО-1978. М., 1979.
16. *Моргунов Ю. Ю.* Разведки на Суле.— АО-1979. М., 1980.
17. *Плетнева С. А., Макарова Т. И.* Южное городище у с. Витачев.— КСИА, 1965, вып. 104.
18. *Рыбаков Б. А.* Путь из Булгара в Киев.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
19. Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
20. Ипатьевская летопись.— ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908.
21. *Моргунов Ю. Ю.* Новый вариант печати Владимира Мономаха.— КСИА, 1975, вып. 144.
22. *Моргунов Ю. Ю.* Древнерусские укрепления округлой формы на Левобережье.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований на Украине. Тез. докл. Респ. конф. молодых ученых. Киев, 1981.
23. *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
24. *Раппопорт П. А.* Круглые и полукруглые городища северовосточной Руси.— СА, 1959, № 1.
25. *Седова М. В.* Археологическое изучение Суздаля.— В кн.: Тез. докл. сов. делегации на IV Междунар. конгр. славянской археологии. М.: Наука, 1980.

Yu. Yu. Morgunov

CIRCULAR FORTIFIED SETTLEMENTS ON THE LEFT BANK OF THE DNIEPER

Summary

Forty-eight circular Old Russian settlements are found in the Dnieper-Sula-Oster interfluve. Typologically they can be divided into those partly tied to the landscape (Type I), those situated on the plain and not depending on the relief (Type II) and «bog» ones (Type III). They fall into three kinds according to their sizes: 1 — covering from 0.16 to 0.35 ha; 2 — from 0.7 to 0.8 ha; and 3 — more than 1.8 ha. Sites of the 2nd kind were sometimes mentioned in chronicles, while those of the 3rd kind are all mentioned in chronicles. The author has come to a conclusion that the fortified settlements of Type III, Kind 3 (Group I) were trading and handicraft centres restricted to the left bank of the Dnieper and dated to the late 11th century. Settlements of Type II, Kind 2 (Group IV) appeared in the late 11th century and survived till the middle or the second half of the 12th century. They were princely border fortifications some of them mentioned in chronicles. A small number of fortifications of Type III, Kind 1 (Group II) were built at the turn of the 12th century. They were, in all probability, feudal fortified estates. Two sites comprising Group III of Type II, Kind 1 were fortifications used by the feudalised upper crust of the Pereyaslavl Torkes. Most numerous were fortifications of Group V, Type I, Kind 1 built between the turn of the 12th century and the middle or the second half of the same century. The author associates the appearence of the circular fortifications on the left bank of the Dnieper with Vladimir Monomakh.

Г. К. ВАГНЕР

О ВОССТАНОВЛЕНИИ В. Д. ЕРМОЛИНЫМ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА В ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ В 1471 г.

Хорошо известно, что Георгиевский собор, возведенный в 1230—1234 гг. в г. Юрьеве-Польском, обрушился в середине XV в. и что в 1471 г. его восстановил, но далеко не в полном виде, московский мастер Василий Дмитриевич Ермолин [1, с. 159; 2, с. 70—81; 3, II, с. 69—75]. Однако никого из исследователей не интересовал вопрос, почему В. Д. Ермолин поступил так, а не иначе. Интерес вызывали формы собора начала XIII в. и его фасадная скульптура. Между тем ответ на вопрос об избранных Ермолиным формах восстанавливаемого здания может пролить некоторый дополнительный свет на московскую архитектурную эстетику того времени, в которой происходили важные сдвиги. Заметим, что Ермолин работал в Юрьеве-Польском всего за каких-нибудь три-четыре года до приезда Аристотеля Фиораванти!

Чтобы понять, в каких условиях оказался В. Д. Ермолин по приезде в 1471 г. в Юрьев-Польской, необходимо представить себе размеры произошедшей с собором начала XIII в. катастрофы.

Существует три графических реконструкции Георгиевского собора 1230—1234 гг.— Д. П. Сухова [3, II, с. 103], Г. К. Вагнера [4, с. 85, 90, 91] и А. И. Столетова [5, с. 111—134]. По расчетам всех трех авторов, это было очень высокое здание ступенчато-пирамидальной композиции, довольно излюбленной в конце XII — начале XIII в. Ступенчатость создавалась постановкой барабана главы на особый постамент, образуемый изнутри ступенчато-повышенными подкупольными арками [6, с. 282 сл.]. Поскольку известно, что собор обрушился более чем наполовину, по диагонали от междуярусного пояса северной стены до основания южной стены (кроме того, обрушились апсиды и Троицкий придел у северо-восточного угла) [2, с. 70—81], то должна была образоваться громадная гора белого камня. Она и предстала перед В. Д. Ермолиным.

Вставшая перед Ермолиным задача была не из легких. Из летописи явствует, что в распоряжении мастера был лишь один строительный сезон [1, с. 159]. За это время требовалось: разобрать гору камней, отобрав из нее годные для кладки белокаменные блоки; среди отобранных блоков произвести сортировку на камни с резьбой и без резьбы; распределить камни по фасадам; разобрать в уцелевших частях стен непрочно лежавшие блоки; произвести расчет оказавшегося в наличии строительного материала; принять решение о формах здания, в которых его можно было реально восстановить.

Несомненно, у Ермолина была артель, которую он как «предстатель» возглавлял[1]. Но решение о формах восстанавливаемого собора должно было принадлежать ему самому. Судя по дошедшему до нас зданию

[1] Неправильное понимание слова «предстатель», с каким В. Д. Ермолин выступает в летописи, долгое время было причиной отношения к нему как к представителю-подрядчику, а не как к мастеру. Между тем слово «предстатель» означает «занимающий первое место», «старший глава» [7, с. 389], «наставник», «предводитель» [8, с. 1640], что в переводе на современный язык означает главу артели, главного мастера. Главный мастер средневековой артели был мастером-творцом, а не администратором. Поэтому характеристика В. Д. Ермолина как архитектора и скульптора, принятая в БСЭ (2-е изд. Т. 9, с. 273, 274), представляется совершенно правильной.

Рис. 1. Юрьев-Польской. Георгиевский собор начала XIII в. в формах 1471 г. и XVII в.

(рис. 1), Ермолин не ставил своей задачей реконструкцию первоначальной композиции Георгиевского собора, так же как и реконструкцию фасадного скульптурного убранства. Последнее просто было невозможно из-за недостачи большого количества резного камня, растащенного местными жителями примерно за двадцатилетний период между обрушением собора и приездом в Юрьев-Польской Ермолина. Да и для восстановления скульптуры одного строительного сезона было, конечно, мало. Кроме того, сам характер фасадного декора Георгиевского собора с большим количеством различных фантастических существ (драконов, грифонов, кентавров, сиринов и пр.) для человека XV в. вряд ли представлял интерес. Символика такого декора была уже непонятна, вместе со старой владимиро-суздальской скульптурной системой она ушла в прошлое [9, гл. II]. Для Ермолина это был материал, способный живописно оживить стены, не более. Можно, конечно, упрекнуть Ермолина за то, что, имея дело с композициями, состоящими из человеческих фигур и достаточно известными по христианской иконографии, он и к ним отнесся без должного внимания, укладывая некоторые камни «вверх ногами» или расчленяя фигуры по разным фасадам. Однако, повторяем, в распоряжении Ермолина был лишь один строительный сезон.

Когда мы смотрим на архитектуру ермолинского собора, на ее приземистые пропорции и мысленно сопоставляем ее с первоначальными

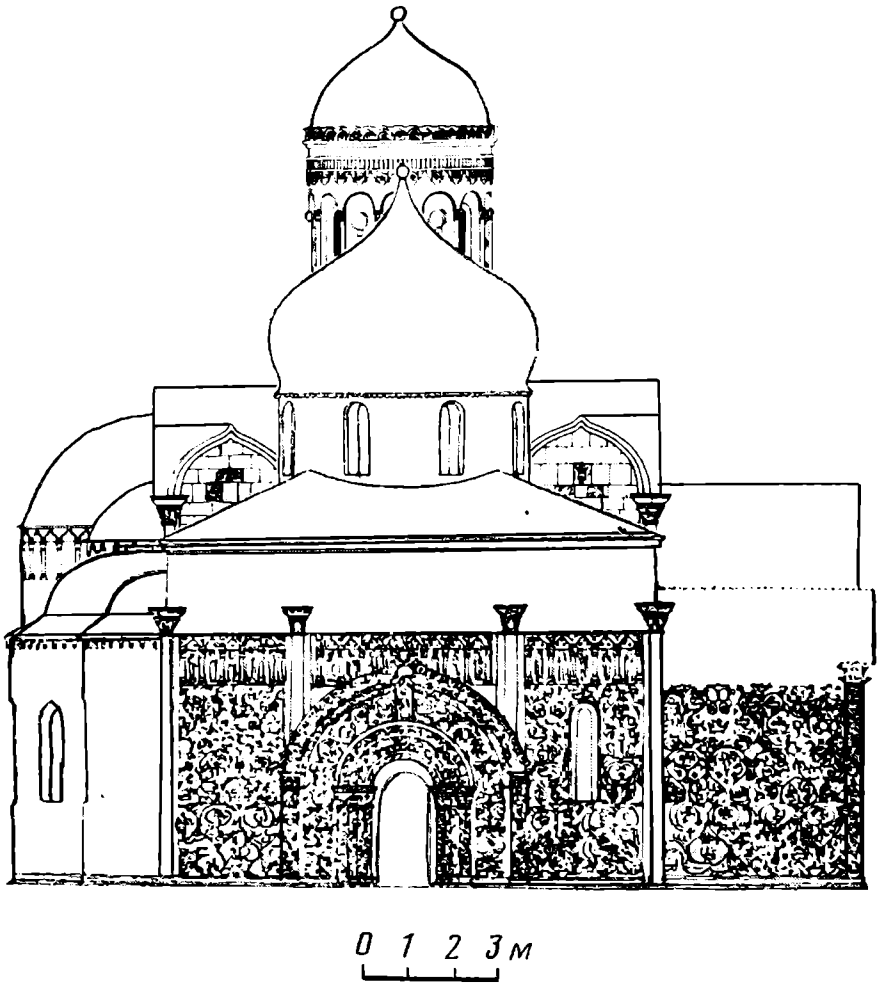


Рис. 2. Сопоставление Георгиевского собора XV—XVII вв. с реконструкцией его первоначальных форм (по Г. К. Вагнеру)

вертикально устремленными формами здания (рис. 2), то кажется, что все сказанное выше о жестких сроках работы, о недостаче белого камня имеет непосредственное отношение и к композиционному выбору Ермолина. Частично, видимо, это так и есть. Но только частично.

Независимо от того, видел ли Ермолин Георгиевский собор до обрушения (в середине XV в. Ермолину могло быть лет 25—30) или нет[2], нельзя не учитывать архитектурных пристрастий мастера, сложившихся на московской почве и в процессе производимых им реставрационных работ. В Москве и Подмосковье в великокняжеском строительстве к середине XV в. заметно явное ослабление интереса к домонгольским ступенчато-пирамидальным «башенным» формам храмов, столь ярко представленным постройками в Смоленске, Овруче, Чернигове, Великом Новгороде, даже в Рязани [10, с. 12 сл.]. Пирамидальные композиции соборов в Звенигороде, Саввино-Сторожевском и Троице-Сергиевом монастырях, составившие особенность так называемого «раннемосковского» зодчества [11, с. 93 сл.], постепенно снижаются, главным компонентом архитектурного образа становится не пирамидальный верх, а кубический четверик, имеющий тенденцию даже к горизонтальной протяженности [12, с. 216 сл.]. Пирамидально-динамическая композиция собора Спасо-Анд-

[2] Владения рода Ермолиных находились близ г. Дмитрова, что почти рядом с Юрьевым-Польским, так что, скорее всего, В. Д. Ермолин в нем бывал.

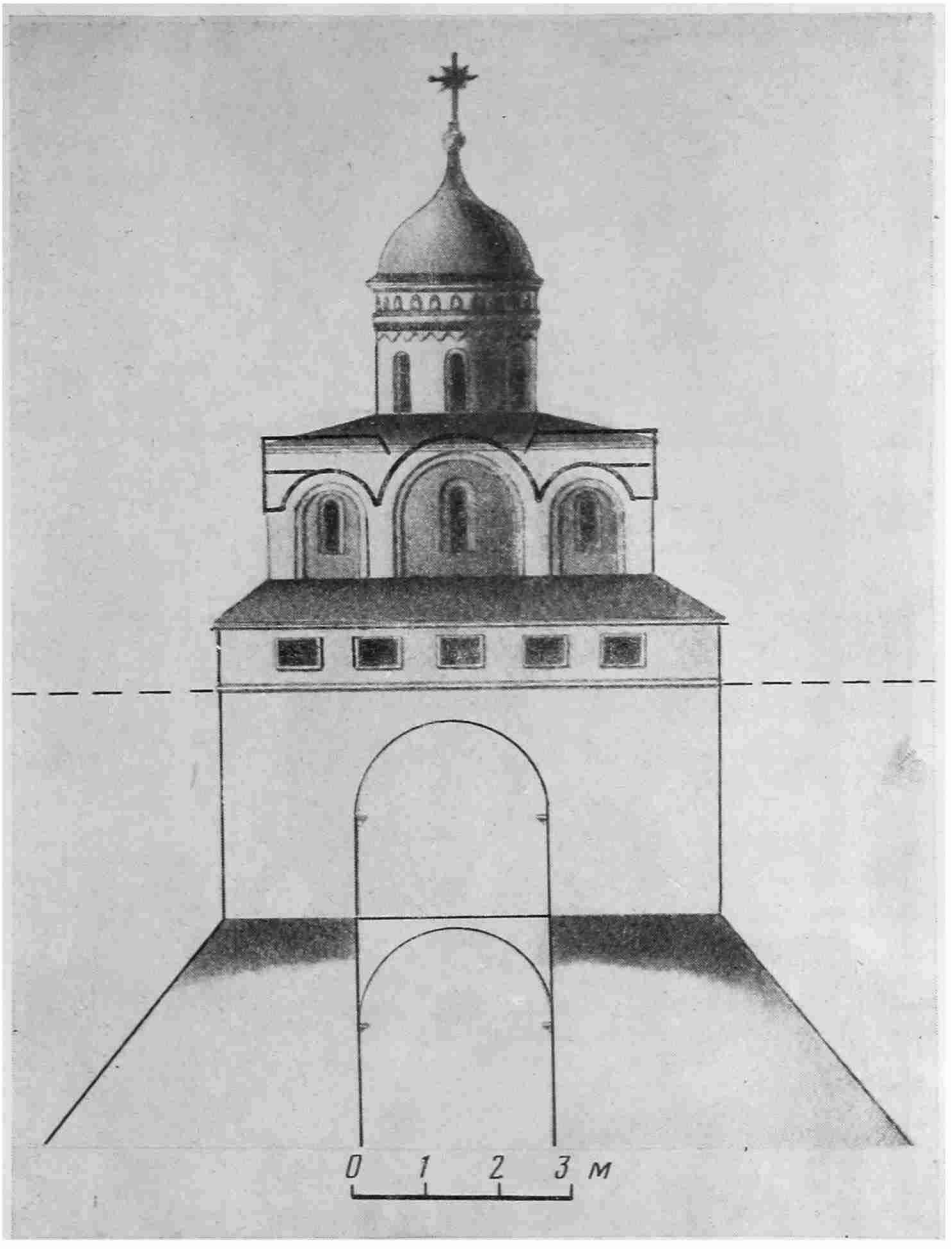


Рис. 3. Владимир. Золотые ворота с церковью Ризположения (по чертежу XVIII в. с нанесением форм XV в.)

роникова монастыря представляется на этом фоне из ряда вон выходящей. Но существует мнение, окончательно не опровергнутое, что перед нами собор не начала XV, а конца XIV в. [13, с. 42]. Впрочем, и в начале XV в., даже во второй его четверти, подобная композиция могла представлять реминисценцию. Это, во-первых. Во-вторых, реставрационный опыт Ермолина сложился на архитектурных памятниках владимирской традиции. Если этого твердо нельзя сказать в отношении церкви Афанасия, поставленной над Фроловскими воротами Московского Кремля (Ермолин «ставил» ее в 1462 г. [1, с. 157]), то для церкви Вознесения в Кремле, «внутри града», которую Ермолин «обновлял» в 1467 г. (она была строением великой княгини Евдокии — жены Дмитрия Донского [1, с. 158]), вполне правомерно предполагать отражение суздальских архитектурных воспоминаний. И уже совершенно определенно с владимирской архитектурой Ермолин вплотную соприкоснулся при реставрации в 1469 г. Ризположенской церкви на Золотых воротах [1, с. 159]. Как установил Н. Н. Воронин, Ермолин не перестраивал, а именно реставрировал церковь, облик которой передает чертеж XVIII в. [3, I, рис. 44] (рис. 3).

Рис. 4. Переславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор

Перед нами небольшой четырехстолпный одноглавый храм очень приземистых пропорций. Поздняя четырехскатная кровля, ликвидировавшая первоначальное позакомарное покрытие, еще более сближает облик надвратного храма с обликом Георгиевского собора, четырехскатная кровля которого появилась только в XVIII в. [3, II. с. 69].

Все сказанное позволяет думать, что, приступая к восстановлению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, В. Д. Ермолин руководствовался не домонгольскими архитектурными формами «башнеобразного»

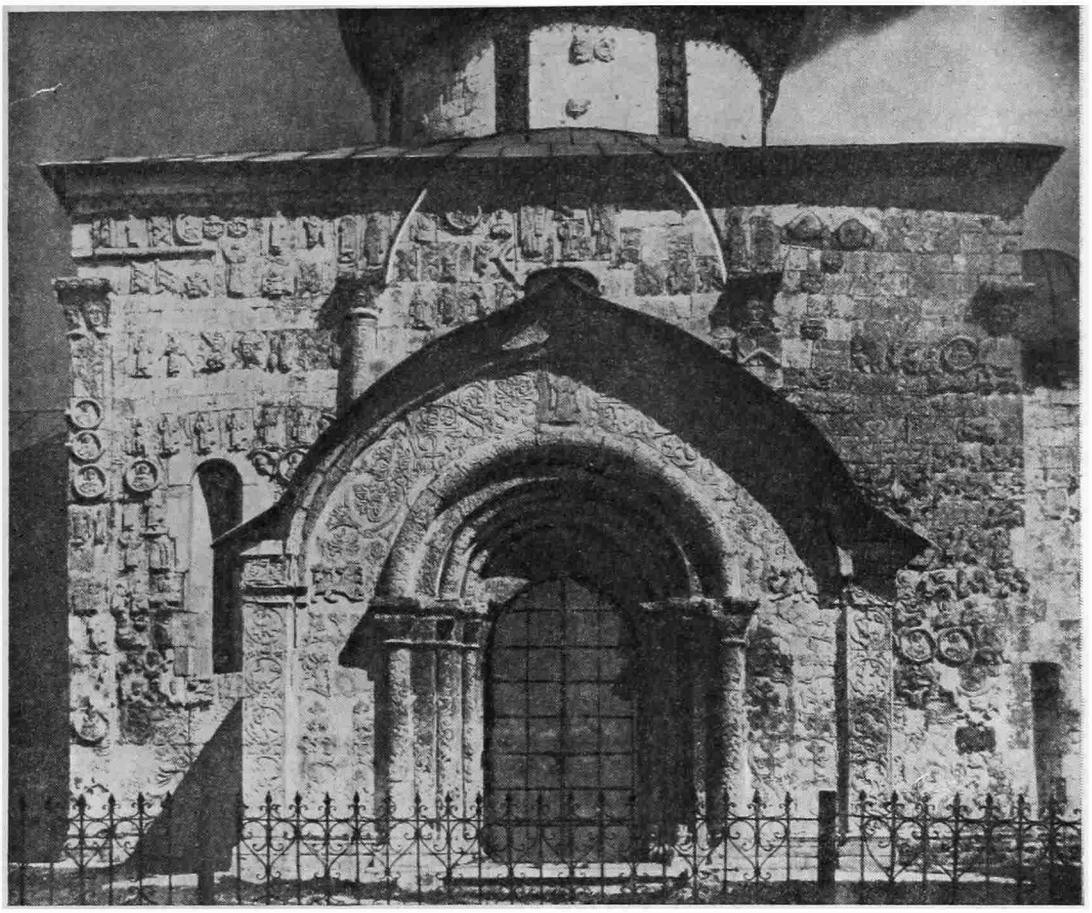


Рис. 5. Юрьев-Польской. Георгиевский собор 1471 г.– XVII в. Южная стена с нанесением формы центральной закомары

типа и не их раннемосковскими репликами (Звенигород, Троице-Сергиев монастырь), а тем, с чем он практически имел дело,— классической владимирской традицией, т. е. кубической композицией с одним рядом закомар. К этим формам все более тяготела и Москва. Хорошо сохранившийся памятник такого типа Ермолин мог видеть недалеко от Юрьева-Польского, в Переславле-Залесском, Спасо-Преображенский собор которого (в то время еще без четырехскатной кровли [3, I, с. 77]) очень родствен центральному объему ермолинского здания [3, I, рис. 17] (рис. 4). Вот как описывает его Н. Н. Воронин: «Массив храма представляет собой почти куб, но его высота несколько меньше горизонтальной стороны. Приземистость здания увеличена сильно выступающими с востока тяжеловесными полуцилиндрами алтарных апсид. Спокойные дуги закомар замыкают плоскости симметрично расчлененных фасадов, лишенных декоративной обработки. Большой цилиндрический барабан главы как бы вдавливает здание в землю и является главнейшим элементом его композиции» [14, с. 18]. Если не принимать во внимание слова о декоре, то кажется, что это сказано про собор, восстановленный Ермолиным. Рассмотрим подробнее это здание.

За высоту четверика Ермолин принял верхнюю границу междуярусного аркатурно-колончатого фриза древнего Георгиевского собора, на $^2/_3$ хорошо сохранившегося на северном фасаде [3, II, рис. 42]. Это почти вдвое снизило четверик, который получил высоту в 8 м, что только на 2 м меньше четверика переславльского собора и на 3 м меньше четверика Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Четверики звенигородских соборов превышают четверик ермолинского здания тоже в этих пределах, на 2—3 м. Апсиды Ермолин вывел по владимирской традиции — на высоту четверика. Под четырехскатной кровлей современного

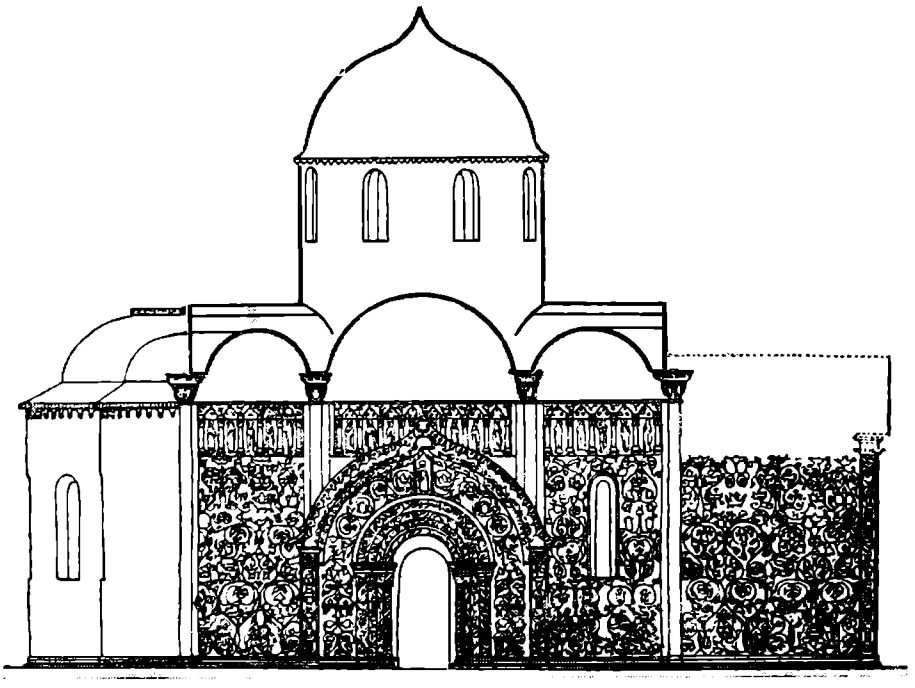


Рис. 6. Юрьев-Польской. Георгиевский собор в формах, приданных ему В. Д. Ермолиным в 1471 г. (реконструкция автора)

Георгиевского собора, возникшей, как уже сказано, в XVIII в., на северном, западном и южном фасадах видны остатки курватур центральных закомар 1471 г. (рис. 5). Боковые закомары при устройстве четырехскатной кровли уничтожены, кладка уравнена по горизонтали, что существенно исказило первоначальный облик здания Ермолина. Но его нетрудно восстановить, очертив все закомары, убрав четырехскатную кровлю, освободив зрительно основание барабана и заменив поздний луковичный купол на шлемовидный, в духе XV в. (рис. 6). В таком виде Георгиевский собор В. Д. Ермолина станет ближе и к переславль-залесскому собору, и к надвратной церкви Золотых ворот Владимира[3]. Его индивидуальной особенностью останутся, конечно, притворы, очень широкий барабан и фасадная резьба. Ни то, ни другое, ни третье уже не зависело от Ермолина, это досталось ему в «наследство» от здания начала XIII в. Правда, барабан Ермолин должен был возводить заново, но пропорции его определялись расстановкой древних столбов, сохраненных Ермолиным, по крайней мере в нижней их части.

Восстановив теоретически постройку В. Д. Ермолина, интересно вернуться к вопросу, что для Ермолина было более определяющим в его работе — материально-технические условия или склонность к определенному архитектурному образу.

Как уже отмечено выше, условия, в которых оказался в 1471 г. Ермолин, не могли не повлиять на характер восстановительных работ. Но в тех же условиях он вполне мог возвести Георгиевский собор если не в ярусно-башенных формах, то в духе, например, подлежащего разбору первого Успенского собора Московского Кремля, у которого А. Н. Некрасов и Н. Н. Воронин допускали существование особого постамента под барабаном главы [3, II, с. 156, 157; 15, с. 102, 103]. Это не очень растянуло бы сроки работ и не на много увеличило бы расходы белого камня. Кстати сказать, широкая расстановка подкупольных столбов старого Георгиевского собора всячески способствовала бы осуществлению именно такого варианта. Ермолин от этого отказался. Не стал он применять и трехлопастного завершения каждой из стен четверика, как это практиковалось уже в XIV в. в Новгороде Великом, а на рубеже XV и

[3] Ее основание помечено нами на чертеже XVIII в. пунктиром.

XVI вв. и в Москве [16, с. 344]. Завершая четверик своей постройки одним рядом закомар[4], В. Д. Ермолин, конечно, проявил верность владимиро-суздальской традиции, но не исключено, что в этом мы можем усматривать и предвосхищение того нового, что станет характерным для архитектуры Москвы последней четверти XV в. В это время интимно-живописные трехлопастные завершения храмов будут применяться только в посадских или вотчинных постройках [16, с. 342 сл.], причем их будут осуществлять даже итальянские зодчие. Но всюду, там где требовалось или нужно было подчеркнуть государственную ориентацию, сохраняло свою силу классическое позакомарное завершение зданий. Неверно было бы видеть в этом архаизм. Тогда следовало бы признать архаизирующими новые Успенский и Архангельский соборы Московского Кремля. Между тем, несмотря на иконографическую их традиционность, они были стилистически новыми, и в отношении Успенского собора это хорошо осознавалось москвичами [16, с. 306]. Равномерное членение фасадов и одноуровневость ряда закомар вносили те черты строгости и рациональности [17, с. 19, 20], которые, несомненно, шли вразрез с иррациональностью покрытий раннемосковских храмов[5]. Если бы Ермолин придал Георгиевскому собору облик, похожий на раннемосковский храм типа, например, звенигородского собора, то тем самым в город Юрьев-Польской вносилась бы идея удельного города, претендующего на самостоятельность, независимость от Москвы. По крайней мере, так думали бы все те, кто разбирался в архитектурной семантике. Иван III, конечно, разбирался в этом лучше многих, но и у Ермолина не было никаких оснований возрождать архитектурную эстетику удельной Руси. Здесь в самый раз коснуться общественных взглядов В. Д. Ермолина. Характер статьи позволяет сделать это только в самой сжатой форме.

В. Д. Ермолин принадлежал к видному купеческому роду [18, с. 99—112]. Его дед — Ермола — участвовал вместе с Андреем Рублевым в постройке собора Спасо-Андроникова монастыря и был даже изображен рядом с великим художником на одной миниатюре XVI в. [19, с. 574, рис. на с. 575]. Отец Василия Дмитриевича вел торговлю с Крымом, причем допускается, что в этих поездках мог участвовать и сын [20, с. 230]. Молодой Ермолин имел все возможности для расширения кругозора. Об этом, в частности, говорит восходящая к ренессансным прообразам каменная статуя св. Георгия на коне, выполненная В. Д. Ермолиным в 1464 г. для Фроловских ворот Кремля [9, с. 199 сл., рис. 132]. При постройке в 1469 г. каменной трапезной Троице-Сергиева монастыря Ермолин украсил и ее стену каменным рельефом Богоматери Одигитрии, которую за ее гармоничный силуэт А. И. Некрасов назвал «Ермолинской мадонной» [21, с. 246, рис. 176]. Этот интерес Ермолина к синтезу архитектуры и скульптуры (причем скульптуры не символически-зооморфной, как во Владимиро-Суздальской Руси, а антропоморфной) тоже показателен для Русского Предвозрождения. Исследователи русской культуры этой эпохи уже отмечали особый интерес В. Д. Ермолина к книгам [22]. Не в пример другим московитам Ермолин мог позволить себе заказать особую летопись (!), что всегда было прерогативой князей или митрополитов. Более того, в летописи, получившей название Ермолинской, автор смело иронизирует над Иваном III и его женой Софьей за их не патриотическое поведение в 1480 г., когда ордынцы подступили к р. Угре. Иронизирует он и над великокняжеским намест-

---

[4] Нами принята полуциркульная форма закомар как наиболее отвечающая владимиро-суздальской традиции и той московской архитектурной эстетике, которая шла на смену раннемосковской. Но не исключено, что Ермолин воспроизвел килевидную форму, которая, несомненно, была у Георгиевского собора начала XIII в. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Возможно, ответ на него даст анализ сводов, скрытых под кровлей XVIII в.

[5] Наиболее показательно эта иррациональность проявилась в завершении Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, где второй ряд «закомар» превращен в своего рода декоративные стенки.

ником в Ярославле за его неблаговидные проделки, называя его ярославским «чудотворцем» [23, с. 89 и сл.], что не могло быть сделано без разрешения В. Д. Ермолина.

Сказанное не надо понимать как некую конфронтацию Ермолина с Иваном III, хотя при подряде на строительство нового Успенского собора Московского Кремля Иван III отдал предпочтение не Ермолину, а его конкуренту — Ивану Голове [1, с. 160]. Некоторые исследователи считают, что именно после этого обидевшийся Ермолин и уехал в Юрьев-Польской восстанавливать Георгиевский собор [20, с. 231]. Такого не могло быть, хотя бы потому, что Ермолин должен был ехать на столь ответственное дело не самовольно, а по распоряжению великого князя. Могло быть другое: как опытный строитель-реставратор Ермолин, вероятно, хорошо отдавал себе отчет, что строить новый грандиозный собор, не разбирая старого, не реально. Но именно такое условие, видимо, выставлялось заказчиком [24, с. 9]. В 1472 г. Ивану III предстояло венчаться с Софьей Палеолог, и для такого всероссийского торжественного акта нужен был старый Успенский собор. Как известно, условие Ивана III приняли мастера Ивана Головы— Мышкин и Кривцов, однако начатый ими в 1472 г. новый Успенский собор в 1474 г. обрушился. Надо полагать, что Ермолин это предвидел. В занятой Ермолиным позиции проявилась его прямолинейная смелость, независимость суждений, а вовсе не какая-либо антикняжеская рефлексия. Активная реставраторская деятельность Ермолина позволяет видеть в нем ревностного хранителя классических владимиро-суздальских архитектурных традиций, что в XV в. имело немаловажное государственное значение. В Юрьев-Польской он приехал вовсе не как восстановитель «удельной» старины (к ней у него не могло быть никакой симпатии), а как проводник московской архитектурной эстетики, в которой, как уже сказано, почти совсем угасло влечение к домонгольским «башенным» композициям. Полагаем, что все это и обусловило выбор Ермолиным (для восстановления Георгиевского собора) такой композиции, в которой старомодной «башенности» были противопоставлены горизонтальная протяженность, однорядность закомар и кубичность объема. Через 4 года именно по этому пути пойдет проектирование Аристотеля Фиораванти и других зодчих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолинская летопись.— ПСРЛ, 1910, т. XXIII.
2. *Романов К. К.* Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском.— ИАК, 1910, вып. 36.
3. *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1961, 1962.
4. *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польской. М.: Наука, 1964.
5. *Столетов А. И.* Георгиевский собор города Юрьева-Польского и его реконструкция.— В кн.: Из истории реставрации памятников культуры. М.: Сов. Россия, 1974.
6. *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества.— Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1952. М., 1952.
7. *Даль В.* Толковый словарь великорусского языка. Т. 3. СПб.— М., 1882.
8. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895.
9. *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. М.: Искусство, 1980.
10. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII—XIII веков.— В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.: Наука, 1977.
11. *Брунов Н. И.* К вопросу о раннемосковском зодчестве.— ТСА РАНИОН, 1929, вып. 4.
12. *Вагнер Г. К.* К характеристике Троицкого собора 1423 г.— В кн.: Андрей Рублев и его эпоха. М.: Искусство, 1971.
13. *Брюсова В. Г.* Спорные вопросы биографии Андрея Рублева.— Вопросы истории, 1969, № 1 .
14. *Воронин Н. Н.* Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
15. *Некрасов А. И.* Возникновение московского искусства. М., 1929.
16. История русского искусства/Под ред. Грабаря И. Э. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

17. *Подъяпольский С. С.* Аристотель Фиоравенти и построенный им Успенский собор.– В кн.: Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тез. науч. конф. М., 1979.
18. *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.: Соцэкгиз, 1938.
19. *Воронин Н. Н.* Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных.– ТОДРЛ, 1958, т. XIV.
20. *Аренкова Ю. И.* О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове.– СА, 1967, № 2.
21. *Некрасов А. И.* Древнерусское изобразительное искусство. М.: Изогиз, 1937.
22. *Седельников А. Д.* Послание от друга к другу и западно-русская книжность.– Изв. Отделения гуманитарных наук АН СССР. 1930, № 4.
23. *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и ростовский владычный свод.– Изв. ОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 4.
24. *Романов К. К.* О формах московского Успенского собора 1326 и 1472 гг.– МИА, 1955, № 44.

G. K. Vagner

CONCERNING VASILY ERMOLIN'S RECONSTRUCTION OF ST. GEORGE CATHEDRAL IN YURIEV-POLSKY IN 1471

Summary

In the 15th century the St. George Cathedral in Yuriev-Polsky, built between 1230 and 1234, collapsed. It was reconstructed in 1471 by Vasily Ermolin in a changed form. The structure suffered further changes in the 17th century when it received a four-sided sloped roof and a bulb-shaped cupola. All those who studied the cathedral up till now were mainly engaged in reconstructing its early-13th century form having inadequate materials at their disposal. There are more information on restoring the cathedral according to Ermolin's architectural forms. Judging by the traces of the central little arches, the cathedral was a low construction of cubic forms with a tier of little arches pointing to the Vladimir-Suzdal architectural tradition with which Ermolin was thoroughly acquainted. The architect preferred to follow the tradition which had become, by the 15th century, the leading one in Moscow, rather than to reconstruct the earlier forms of the building.

Публикации

Я. П. ГЕРШКОВИЧ

ФИГУРНЫЕ ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ КУЛЬТУРЫ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

В составе материального комплекса культуры многоваликовой керамики присутствуют костяные изделия своеобразной фигурной формы [1; 2]. Вопрос об их происхождении и датировке может быть рассмотрен как с учетом данных о включающих их комплексах (погребений), так и с привлечением материалов Карпато-Дунайского бассейна, где широко представлены близкие им изделия. На юге Восточной Европы они составляют пока немногочисленную серию находок, сосредоточенных в основном в Северо-Восточном Приазовье (рис. 1).

1. Камышеваха, Славянского р-на, Донецкой обл. кург. 5, погр. 1 (раскопки В. А. Городцова 1903 г.). Погребение основное в кургане высотой около 3,2 м. В могильной яме, размерами 2,61×1,86 м, находилась деревянная конструкция в виде рамы, перекрытая досками со следами воздействия огня. На дне — «костяк мужчины средних лет, чрезвычайно большого роста» в скорченном положении, на левом боку, головой к западу (рис. 2, 1). «На шее его, у правого плеча, найдены две *костяные запонки* (курсив наш.— *Я. Г.*), представляющие собой подобие человеческого лица, прекрасной работы», невдалеке находился обломок «медного долотца» (рис. 2, *3*), между стенкой могилы и рамой — череп, конечности и хвост коровы, а на перекрытии — кремневое изделие, возможно, скребок (рис. 2, *4*) [3, с. 356, 357].

Рисунок одной «костяной запонки» сохранился в дневнике В. А. Городцова. Она, видимо, небольшого размера (масштаб отсутствует), верхняя часть закруглена. На слегка выпуклой лицевой стороне щитка имеются симметрично расположенные круглые углубления и врезные линии по бокам от них. Основание, подпрямоугольной формы, выделено выемками, в нем выпилен узкий паз, через который просверлены три отверстия. На оборотной стороне — челновидный выступ (рис. 2, *2*).

2. Село Старая Михайловка, Марьинского р-на, Донецкой обл. (раскопки Н. Е. Макаренко 1932 г.) Сведения об обстоятельствах находки не сохранились. Рисунок приведен Б. А. Латыниным [4, с. 27—28]. У основания изделия — небольшие, направленные вверх отростки (рис. 3, *1*). Длина изделия — 4, ширина — 2,6, толщина — 1,1 см. Выступ на оборотной стороне обломан.

3. Село Новоамвросиевка, Амвросиевского р-на, Донецкой обл. кург. 3, погр. 2 (впускное). В могиле подпрямоугольной формы на белой подсыпке — костяк взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой к западу. Руки согнуты в локтях, прижаты к грудной клетке. Под черепом найдена костяная круглая пряжка с одним центральным отверстием (рис. 3, *4*), а на уровне груди — интересующее нас изделие (рис. 3, *3*), длиной 4, шириной 2,8, толщиной 1 см [5, с. 69, рис. 3, *4*].

4. Город Александровск, Ворошиловградской обл., кург. 1, погр. 4[1] (впускное, в центре кургана). В могильной яме — прямоугольная деревянная рама, размерами 1,93×1,33 м, перекрытая обугленными досками.

[1] Выражаем искреннюю признательность С. Н. Братченко, автору раскопок, разрешившему опубликовать эту находку.

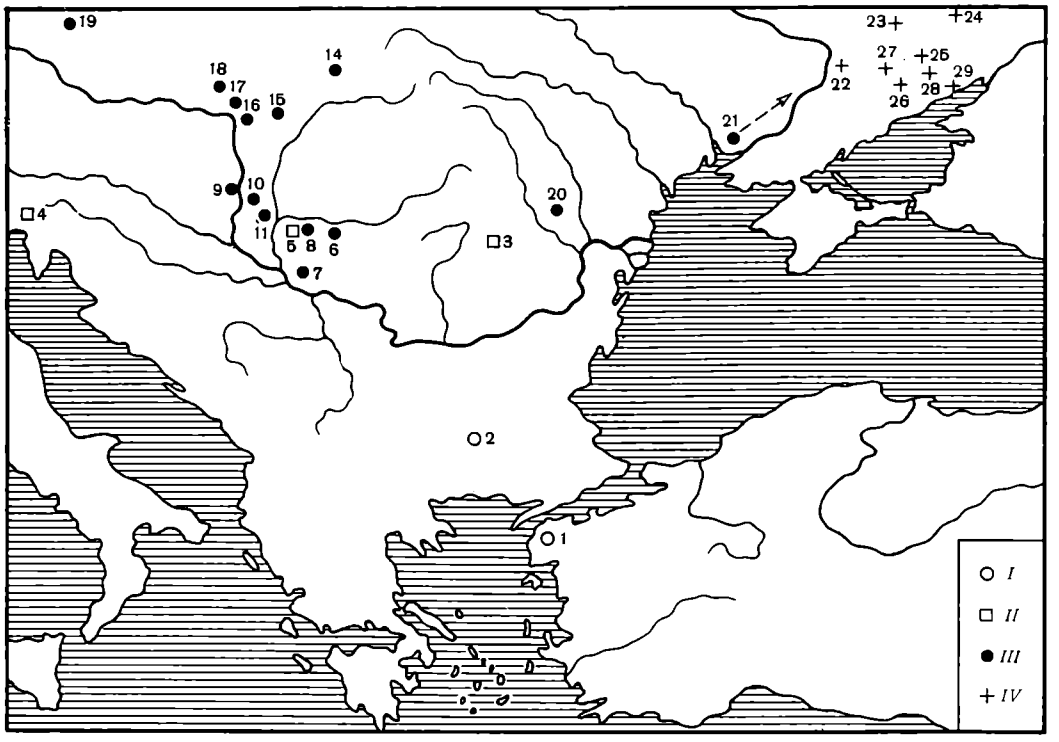


Рис. 1. Карта-схема основных находок фигурных пряжек эпохи ранней – поздней бронзы. *1* – Троя; *2* – Эзеро; *3* – Брашов; *4* – Лайбахский торфяник (Иг); *5* – Серег (фаза 1); *6* – Печица; *7* – Белград-Карабурма; *8* – Серег (фаза 5); *9* – Дунапентеле; *10* – Иванце; *11* – Солтвадкерт; *12* – Отомань; *13* – Тисафюред; *14* – Барце; *15* – Задьявапальфальва; *16* – Гелемба; *17* – Железовце; *18* – Малиновце; *19* – Веселе; *20* – Томешти; *21* – Николаев (Никополь); *22* – Новогупаловка; *23* – Камышеваха; *24* – Александровск; *25* – Донецк; *26* – Новотроицкое; *27* – Старая Михайловка; *28* – Новоамвросиевское; *29* – Новолакедемоновка. I – древнейшие пряжки конца III – начала II тыс. до н. э.; II – пряжки первой четверти II тыс. до н. э.; III – пряжки второй и третьей четверти II тыс. до н. э.; IV – пряжки культуры многоваликовой керамики

За стенкой рамы найдены кости животных и бронзовый черешковый нож с язычком и короткой лезвийной частью (рис. 4, *2*). Внутри рамы, на дне,— костяк мужчины в возрасте 55—65 лет в скорченном положении, на левом боку, головой к северо-западу (рис. 4, *1*) [2]. Правая рука согнута, левая вытянута к бедрам. Перед коленями найдено изделие, аналогичное описанным выше образцам (рис. 4, *3*), длиной 4,1, шириной 3, толщиной 1 см.

5. Город Донецк, курган 4, погр. 19 [3]. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 2,2×1,6 м, устроена между двумя более древними насыпями, причем земляная досыпка (высотой не менее 2,0 м) объединила их. На уровне древнего горизонта, рядом с могилой, лежали два черепа и кости ног овец. Кости животных встречены также в насыпи. Внутри могильной ямы — деревянная конструкция типа рамы. На дне — костяк взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой к западу (рис. 5, *1*). У черепа — кремневый отщеп (рис. 5, *2*) и кости ног быка, посыпанные охрой. Напротив грудной клетки, у края белой подстилки, найдена проколка из грифельной кости лошади (рис. 5, *3*). Костяной предмет фигурной формы находился у скрещенных кистей рук. Лицевая его часть чуть выпукла и заполирована, на ней — пара просверленных насквозь отверстий, вокруг которых круги, прочерченные циркульным инструментом; у основания — загнутые в сторону отростки. На оборотной стороне — челновидный выступ (рис. 5, *4*). Длина изделия — 5,3, ширина — 3,8, толщина — 1,5 см.

[2] Определение Е. А. Шепель.
[3] Раскопки 1975 г. под руководством В. Н. Даниленко.

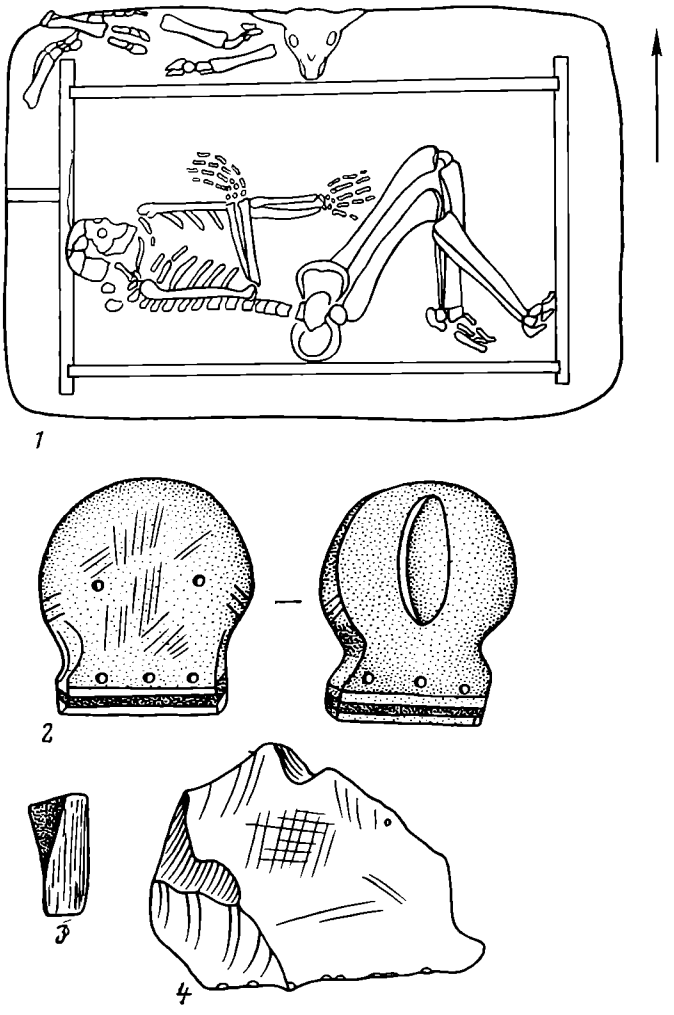


Рис. 2. Погребение 1 кург 5 у с. Камышевахи (по В. А. Городцову)

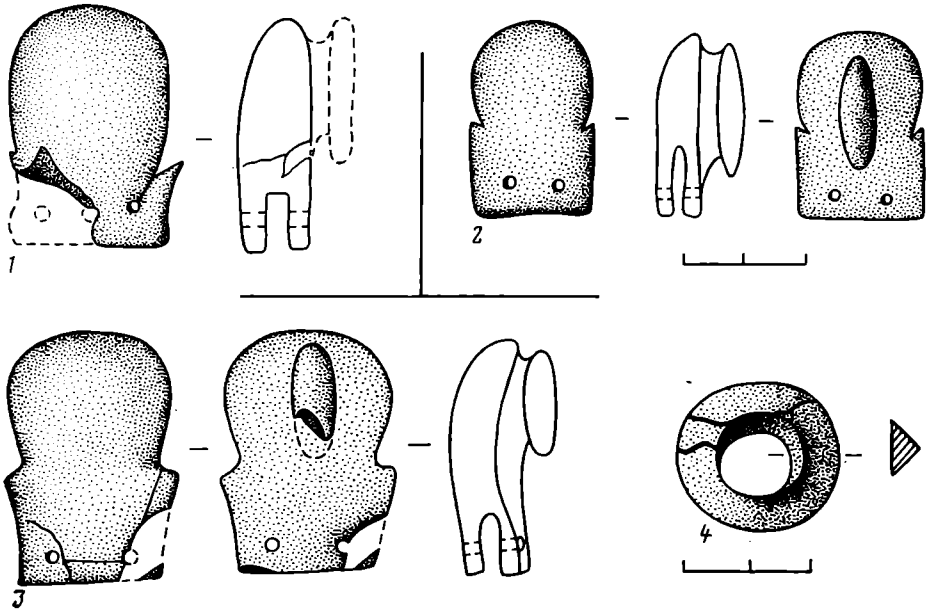


Рис. 3. Фигурные пряжки из разных мест Донецкой и Запорожской области. *1* – Старая Михайловка; *2* – Новогупаловка, кург. 10, погр. 2; *3*, *4* – Новоамвросиевское, кург. 3, погр. 2

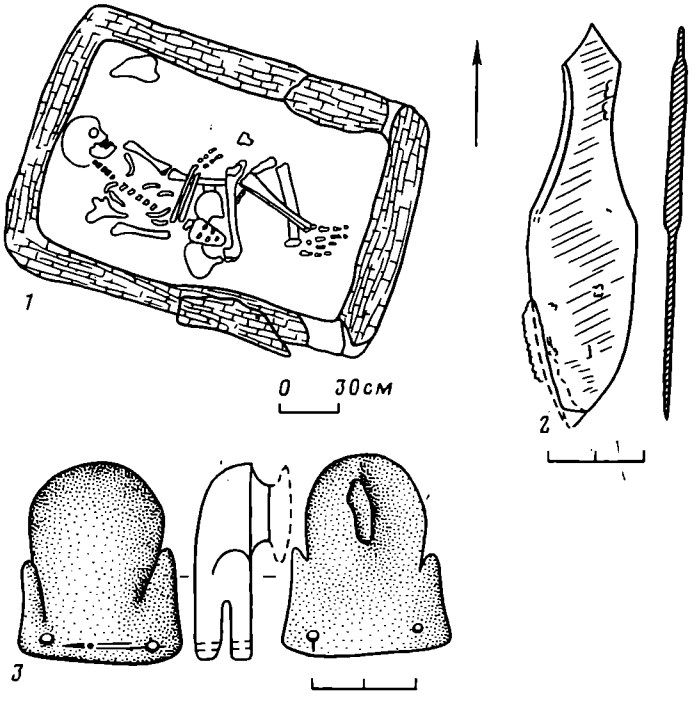


Рис. 4. Погребение 4 кург. 1 у г. Александровска

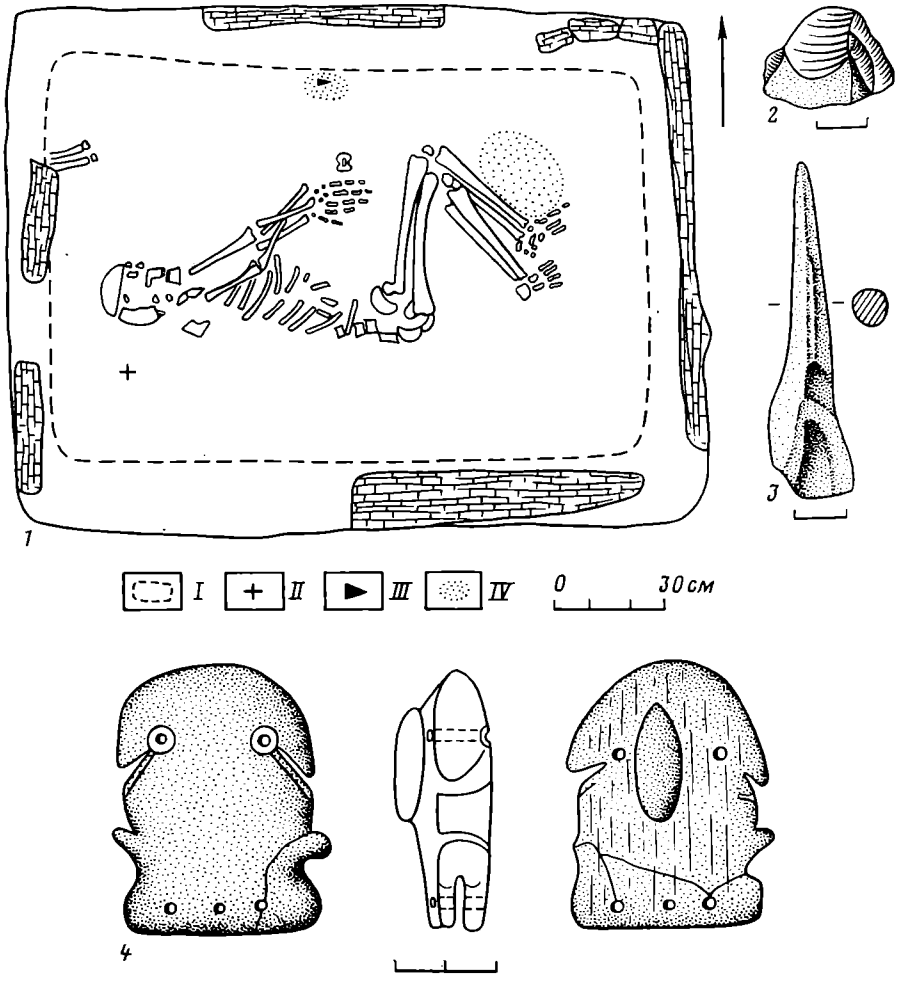


Рис. 5. Погребение 19 кург. 4 из г. Донецка. I – подстилка; II – место находки отщепа; III – место находки проколки; IV – охра (в порошке)

6. Село Новотроицкое, Волновахского р-на, Донецкой обл. Костяное изделие найдено в могиле, перекрытой каменными плитами. На дне находился костяк ребенка в скорченном положении, на левом боку, головой к западу, левая рука вытянута, правая согнута в локте [6, с. 376].

7. Село Новолакедемоновка, Неклиновского р-на, Ростовской обл. Погребения 10 и 13 основные в досыпке к кургану катакомбного времени. Рядом с ними, на уровне древнего горизонта,— остатки погребальной площадки с костями животных и фрагментами керамики. В погр. 10 на подстилке — костяк в скорченном положении, головой на запад. Найдены кремневый отщеп, рыбья кость, каменный оселок и костяное изделие «с рогатыми выступами вдоль боковых сторон щитка и грибовидным выступом со стороны брюшка» [7, с. 35, 39].

8. Село Новогупаловка, Вольнянского р-на, Запорожской обл., кург. 10, погр. 2[4]. Могильная яма прямоугольной формы, с закругленными углами, размерами 1,15×0,9 м. На дне — костяк взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. У колен — костяной предмет длиной 3, шириной 2,2 см, лицевая сторона выпуклая, заполирована. В основании — паз с двумя поперечными сквозными отверстиями. На оборотной стороне — челновидный выступ (рис. 3, *2*).

Из-за малочисленности рассматриваемых изделий их многоступенчатая классификация затруднена. Устанавливаемые отличия между ними не изменяют внутреннюю целостность в рамках одного типа.

В первую очередь рассмотрим те элементы, по которым можно судить о назначении этих предметов. Таковыми являются челновидные выступы на оборотной стороне щитка и пазы в основании, присутствующие на всех экземплярах. Именно эти элементы указывают на то, что перед нами поясные пряжки: выступ челновидной формы служил для крепления в прорези одного из концов пояса, а в паз вставлялся другой конец, крепившийся намертво через маленькие сквозные отверстия (рис. 6). Такому объяснению не противоречат и размеры изделий.

Другие элементы являются, скорее, чисто декоративными. Так, изучение под бинокуляром пряжки из Донецка показало полное отсутствие следов использования отверстий на щитке, а также отростков в основании. Лицевая сторона отличается заполированностью, возникшей либо в результате обработки, либо от постоянного трения о внутреннюю сторону одежды. Расположение же поясных пряжек у черепа, на груди или у рук погребенного может являться следствием обряда связывания умершего: использования поясов в различного рода обрядах хорошо подтверждается другими археологическими и этнографическими данными [8, с. 73; 9, с. 78, 79].

В этом же плане интересна форма рассматриваемых изделий. Возможно, некоторые из них передают схематическое изображение головы быка: косые прорези по бокам в верхней части могут быть поняты как рога, а пара симметрично расположенных отверстий на щитке — глаза этого животного. Но, конечно, это только одно из возможных толкований. В. В. Отрощенко, например, считает, что на пряжках переданы антропозооморфные изображения. Смысловая нагрузка (фантастическая, мифологическая и др.) как поясов, так и их деталей хорошо видна на примере сцен, изображенных на поясах из памятников Центрального Кавказа позднего бронзового века [10, рис. 97, 99, 100], пряжках времени раннего латена в Центральной Европе [6, 22—24; 11, с. 67—73, рис. 15, 16), поясных наборах (в том числе на пряжках) скифо-сарматского времени [12, табл. 31, 32; 13, рис. 1—3].

Как известно, у скифов пояс как деталь мужского костюма являлся показателем родоплеменной принадлежности и атрибутом власти [14, с. 19]. К сожалению, не для всех описанных погребений получены половозрастные определения, но и имеющиеся данные (Александровск, Ка-

[4] Выражаем признательность В. В. Отрощенко, С. Н. Ляшко и Ю. Я. Рассамакину, разрешившим опубликовать эту находку.

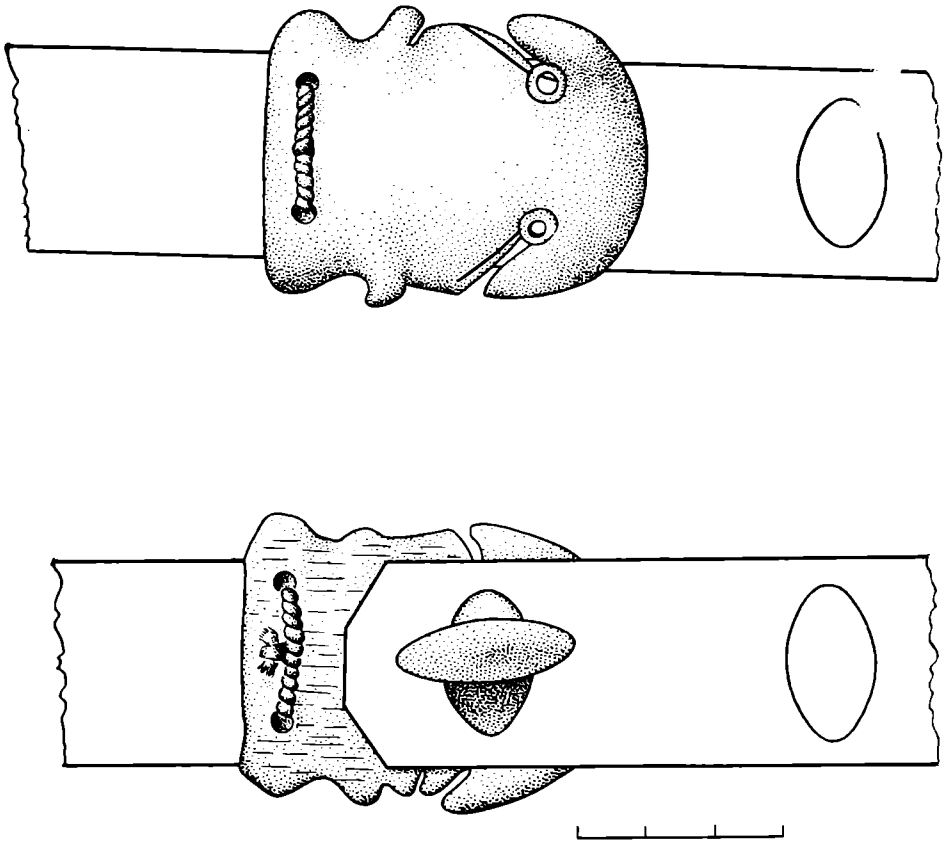


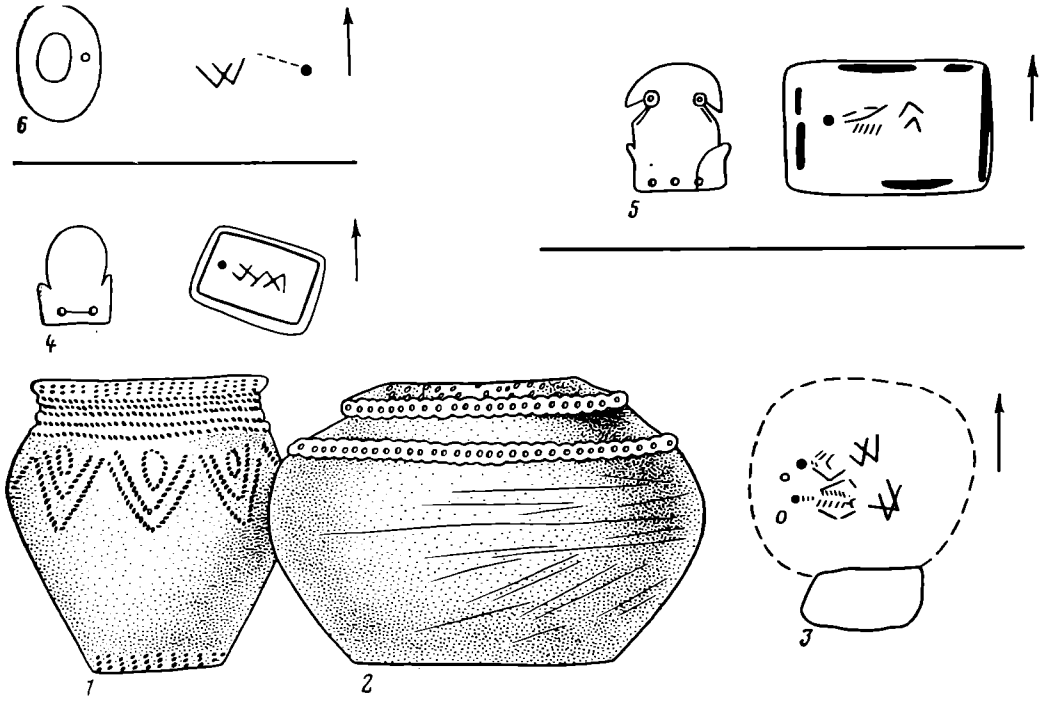
Рис. 6. Реконструкция пояса с фигурной пряжкой

мышеваха) указывают на то, что пояса с фигурными пряжками в культуре многоваликовой керамики являлись принадлежностью мужского костюма. Находка этого изделия при детском погребении (Новотроицкое) свидетельствует, что они предназначались не для строго определенной возрастной группы мужчин. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что для рассмотренных погребений оказались характерными большие размеры могильных ям, деревянные или каменные конструкции, жертвенные площадки, погребальный инвентарь, включающий несколько наименований предметов, в том числе (в двух из восьми случаев) металлических. Над погр. 19 из кург. 4 в Донецком могильнике отмечена мощная (не менее 2,0 м) земляная досыпка, а высота насыпи над погр. 1 кург. 5 у с. Камышевахи составляла 3,2 м. На основании всех этих показателей [15, с. 86] можно говорить о довольно высоком имущественном и социальном статусе умерших, деталью костюма которых были пояса с фигурными пряжками.

Принадлежность описанных погребений к культуре многоваликовой керамики определяется западной или северо-западной ориентировкой погребенного, слабой степенью скорченности, своеобразным погребальным инвентарем. Как установлено И. А. Писларием, именно в таких погребениях изредка встречаются сосуды, имеющие аналогии на поселениях этой культуры [1]. Они занимают промежуточное стратиграфическое положение между катакомбными и срубными, иногда перекрываются позднеабашевскими [16, с. 50—57], но ни в одном случае (по крайней мере, в бассейне р. Северского Донца и в Северо-Восточном Приазовье) не оказываются древнее катакомбных или моложе срубных погребений.

Ни в одном из приведенных случаев установленная стратиграфия не нарушается.

В кург. 1 Александровского могильника и в кург. 4 Донецкого могильника более древними были катакомбные погребения, в том числе бахмутского типа. Показательно погр. 20 кург. 4 Донецкого могильника



Гис. 7. Диапазон существования фигурных пряжек на основании курганной стратиграфии

с прямоугольной шахтой с подбоем в широкой стенке. В просторной овальной камере найдены два костяка взрослых людей в скорченном положении, на правом боку, головой к северо-западу и западу (рис. 7, *3*). У головы одного из них стоял сосуд реповидной формы с налепными валиками, а у другого — горшок с высокой шейкой, орнаментированный отпечатками веревочного штампа (рис. 7, *1*, *2*). На основании целого ряда предметов, имеющих хронологические привязки, такие (бахмутские) погребения Донетчины С. Н. Братченко датирует 1700—1600 гг. до н. э. [17, с. 148]. Погребение 4 из кург. 1 у г. Александровска непосредственно перекрывалось захоронением, в котором была обнаружена овальная костяная пряжка с двумя разновеликими отверстиями (рис. 7, *6*). В настоящее время доказана принадлежность последних на территории Украины к культуре многоваликовой керамики [18], но на Донетчине известны случаи, когда подобные захоронения с западной или северо-западной ориентировкой умерших (именно в составе их погребального инвентаря встречаются круглые однодырчатые пряжки) стратиграфически оказывались более ранними, чем погребения с двудырчатыми пряжками. Эти наблюдения важны для хронологического членения культуры многоваликовой керамики, а в данном случае для установления того факта, что фигурные пряжки, входя в комплексы с круглыми однодырчатыми (Новоамвросиевка), скорее относятся к более раннему этапу этой культуры. Двудырчатые же пряжки известны в доно-волжских абашевских погребениях [19, с. 162, 167], в раннесрубных (или абашевско-срубных) комплексах Поволжья [20]. Следовательно, если допускать принадлежность этих изделий на территории Украины, и в частности на Донетчине, к позднему этапу культуры многоваликовой керамики, то их нужно синхронизировать с раннесрубными и абашевскими памятниками более восточных областей, которые, по нынешним представлениям, датируются не позднее XV—XIV вв. до н. э. [21, с. 121; 22]. Таким образом, диапазон существования фигурных поясных пряжек на основании стратиграфических данных (рис. 7) укладывается в пределах XVI — начале XV в. до н. э.

Эти изделия не имеют местных прототипов, им нет аналогий и в синхронных культурах Восточной Европы. На Центральном Кавказе массо-

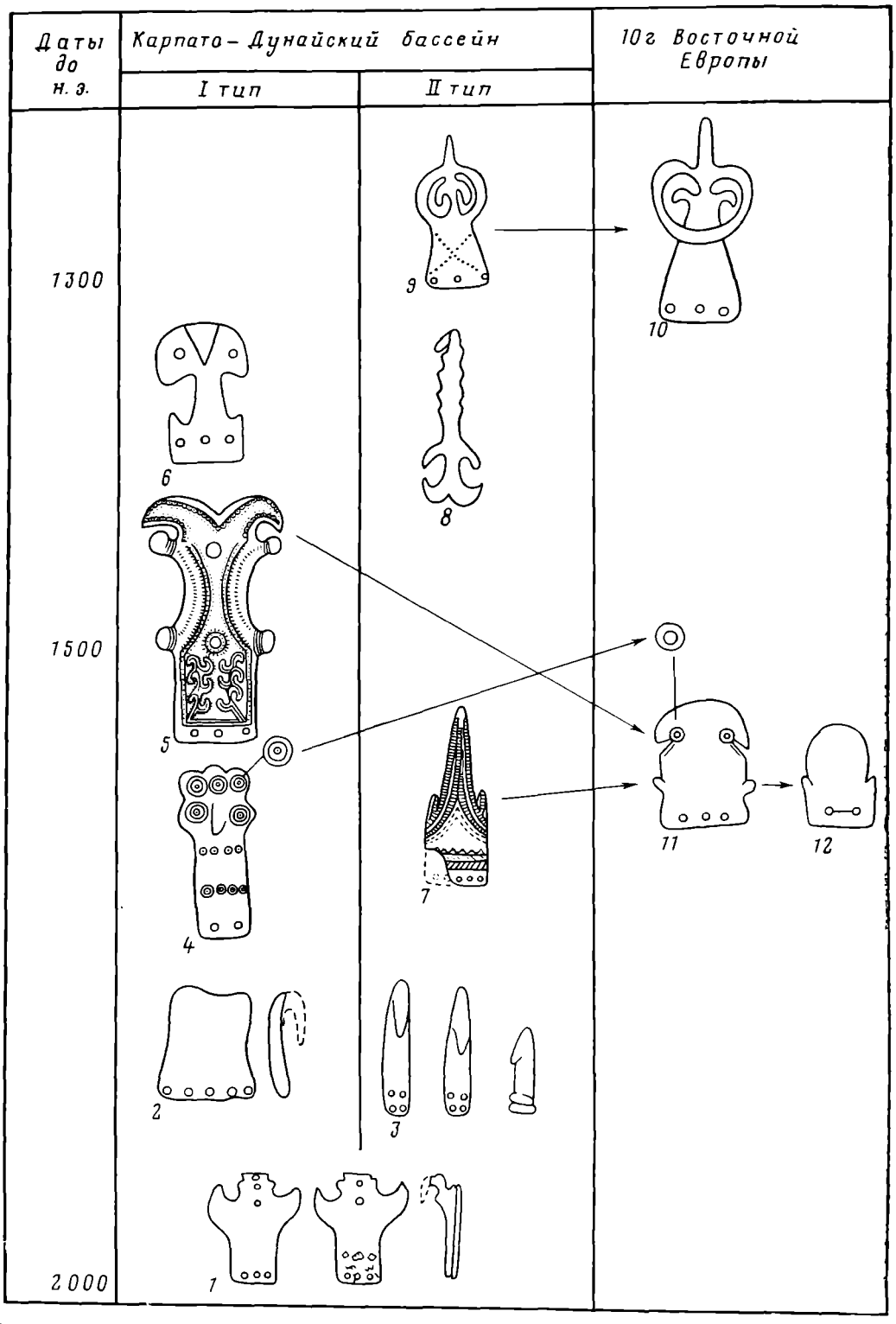


Рис. 8. Пряжки из памятников Карпато-Дунайского бассейна и юга Восточной Европы (стрелкой указаны сходные элементы). *1* – Эзеро; *2* – Брашов; *3* – Лайбахский торфяник (Иг); *4* – Серег; *5* – Семиградье; *6* – Железовце; *7* – Изак; *8* – Задьявапальфальва; *9* – Томешти; *10* – Николаев (Никополь); *11* – Донецк; *12* – Александровск (*5–10* – металл; остальное – кость)

вое распространение поясных пряжек относится к эпохе поздней бронзы [10, с. 140, 141]. Не известны нам находки подобных вещей в материковой и островной Греции. В то же время поясные пряжки широко представлены в культурах Карпато-Дунайского бассейна. Вопросами их происхождения занимались В. Милойчич, И. Бона, Л. Гаек, Б. Хенсель и ряд других исследователей.

Наиболее древние глиняные пряжки найдены во II—III слое Трои [23, с. 295; 24, с. 58, 59]. Самые древние европейские экземпляры найдены во II строительном горизонте Эзеро[5] (рис. 8, *1*). К этому же времени, вероятно, относится пряжка из городища «Старый Замок» у Брно, свишовицкой культуры [27, с. 148—151, рис. 68]. Более поздние пряжки из поселения Брашово культуры Шнекенберг-Глина III (рис. 8, *2*), культуры вучедол Югославии (Лайбахский торфяник; рис. 8, *3*). Близкие аналогии последним имеются в стжижовской культуре Польши (Градок Надбужный) [28, табл. XXIV]. В погр. 53 первой фазы Серега (культура Перьямош-Печка) найдена круглая пряжка, а в погр. 97 (фазы 2—3?) — трапециевидная [29, с. 103].

По способу крепления эти древнейшие экземпляры принципиально не отличаются от пряжек культуры многоваликовой керамики. На некоторых экземплярах, однако, один конец пояса не прошивался, а, видимо, привязывался к основанию, где имеются кольцевые углубления (рис. 8, *3*). На оборотной стороне вместо челновидных выступов помещены крючки. Однако использование их в качестве поясных пряжек не всегда (и не всеми) признается полностью. Существует, например, мнение, что упомянутые изделия из Эзеро являются не пряжками, а антропоморфными статуэтками, близкими родосским [30, с. 403, 404][6]. Аргументы при этом сводятся к следующему: 1) крючки неудобны для крепления пояса, поскольку врезались бы в тело человека, носившего его; 2) отверстия на них очень малы и не могли использоваться для застегивания; 3) полировка лицевой части является следствием длительного употребления, а не обработки; 4) форма этих изделий должна смотреться в вертикальном, а не в горизонтальном положении — «в противном случае она теряет свой изобразительный смысл» [30, с. 402]. При такой интерпретации не учитываются некоторые важные, с нашей точки зрения, моменты. Так, поясные пряжки с крючком носились на одежде, которая, естественно, защищала тело от «врезания»; необходимо также учитывать толщину самого пояса; наконец, нельзя исключить и того, что в некоторых случаях принцип крепления был таким же, как мы описали выше, но крючок направлялся не внутрь, а наружу[7]. Отверстия в основании действительно не могли использоваться для застегивания: на экземплярах из Эзеро их назначение то же, что и на пряжках культуры многоваликовой керамики (рис. 6). Что же касается направления расположения пряжек и их изобразительного смысла, то взаимообусловленность, конечно, отрицать нельзя. Но возможны различные интерпретации их форм, из которых сопоставление с родосскими статуэтками кажется наименее приемлемым, так как пряжки и статуэтки — вещи различного культового и утилитарного назначения.

Возраст перечисленных древнейших пряжек из памятников Передней Азии и Карпато-Дунайского бассейна определяется либо по их обнаружению в слое с четкой стратиграфией, либо на основании совместных находок в закрытом комплексе с другими категориями вещей.

II—IV слой Трои К. Шеффер датирует 2300—1900 гг. до н. э. [31, с. 261]. Н. Я. Мерперт относит II строительный горизонт Эзеро к концу III — началу II тыс. до н. э. [30, с. 15, табл. 295]. Пряжки из

---

[5] Интерпретация некоторых костяных изделий с энеолитического поселения Колена как поясных пряжек сомнительна. Фотографии их в статье Г. И. Георгиева [25, с. 68] не дают оснований для реконструкций, предложенных И. Боной [24, с. 51, табл. VIII, *7*, *8*]. Мы также не учитываем пряжку из Северной Молдавии, найденную на поселении трипольской культуры фазы CII—γII [26, с. 66, рис. 90], поскольку отсутствуют какие-либо сведения об обстоятельствах находки. По форме пряжке из Брынзен аналогична пряжка культуры Шнекенберг — Глина III.

[6] Одна из пряжек отсюда недоделана [30, рис. 199, *б*].

[7] На орнаментированной пряжке [30, рис. 199, *а*] (рис. 8, *1*) крючок обломан вследствие, вероятно, длительного пользования. Под местом расположения крючка просверлено отверстие, по которому можно судить о том, что либо пряжка с обломанным крючком использовалась в качестве амулета, либо изменился способ скрепления ее со свободным концом пояса.

Лайбахского торфяника найдены совместно с костяными (защитными?) пластинками, аналогии которым, как установлено О. Н. Бадером, имеются в Балановском могильнике. Сопоставление этих пластин с аналогичными изделиями могильника Вестербьерс на Готланде позволило ему получить одну из хронологических привязок для раннего этапа балановской культуры в пределах XIX в. до н. э. [32, с. 269]. И. К. Свешников предлагает для стжижовской культуры датировку 1750—1600 гг. до н. э. [33]. Абсолютный возраст первой фазы Серега — 1700—1600 гг. до н. э. — по аналогиям с культурой надьрев, томашов-нитра, позднего периода колоколовидных кубков, культуры Шнекенберг-Глина III и др. [29, с. 27]. Как видим, поясные пряжки в Центральной Европе получают распространение еще в первой четверти II тыс. до н. э., т. е. до появления на юге Восточной Европы культуры многоваликовой керамики.

Наиболее полно типология и датировка поясных пряжек Карпато-Дунайского бассейна рассмотрены Б. Хенселем [34, с. 109—111]. Им выделяются два их типа с учетом формы щитка и места расположения крючка.

Для пряжек первого типа характерна прочерченная, «микенская» орнаментация, выступы-усики в верхней части, волютообразные окончания. Крючки на оборотной стороне не вынесены за пределы щитка [34, с. 110]. К этому типу относится пряжка из погр. 156 Серега (фаза 5; рис. 8, *4*) [23, с. 290; 29, табл. 127, *3*], из слоя 1 поселения Барце культуры Отомань [23, с. 285—286, рис. 1]. В Печице обнаружена литейная форма для пряжки этого типа [29, рис. 15]. Все эти находки Б. Хенсель датирует третьим, заключительным периодом раннего бронзового века Подунавья (РД III), т. е. до XV в. до н. э. [34, с. 109]. Пряжки из Дунапентеле, Белграда-Карабурмы, Гелембы, Иванце, Семиградья (рис. 8. *5*) он датирует более широко — XVI—XIV вв. до н. э. (РД III—СД II) и наконец, пряжки и литейную форму из поселения Отомань, Тисафюреда, культуры курганных погребений в Железовце (рис. 8, *6*) — от XVI до XIII в. до н. э. (РД III — СД III) [34, прил. 5]. Прототипами их, по нашему мнению, могут являться пряжки культуры Шнекенберг-Глина III (рис. 8, *2*) и им подобные, для которых характерен сравнительно широкий щиток с заметными выемками в центральной части. Однако нужно учесть, что известны далеко не все промежуточные формы и, таким образом, предполагаемый типологический ряд намечает лишь общую тенденцию эволюции.

Пряжки второго типа найдены в третьей фазе культуры Ватья (Изак) (рис. 8, *7*) конца раннего бронзового века Подунавья (РД III). Совершенно аналогичное изделие известно в южно-чешской унетицкой культуре (Ярославице), связь которой с Подунавьем подтверждается и другими находками [35, с. 187]. К более позднему времени относятся пряжка культуры Пилинь из Задьявапальфальвы (рис. 8, *8*), литейная форма из Солтвадкерта, бронзовая пряжка из Николаевского (Никопольского) клада (рис. 8, *10*) [36, рис. 80]. Серия пряжек этого типа в настоящее время может быть дополнена бронзовой пряжкой из клада Томешти в Румынской Молдове (рис. 8, *9*), относимого М. Петреску-Дымбовицем к серии кладов Рпджести — Балени культуры Ноа XIII в. до н. э. [37, табл. 87, *9*, с. 77]. Отличительной деталью пряжек этого типа является расположение крючка на удлиненной части щитка, по этому признаку они сопоставимы с пряжками культуры вучедол (рис. 8, *3*).

Анализ приведенных выше данных позволяет заключить, что расцвет производства поясных пряжек в Карпато-Дунайском бассейне относится к середине II тыс. до н. э., когда появляются и металлические образцы, местное производство которых подтверждается находками литейных форм. Не без оснований такие пряжки из других областей считают карпатским импортом [23, с. 292]. Разумеется, нельзя полностью отождествлять пряжки Подунавья с фигурными пряжками культуры многоваликовой керамики, но, образуя самостоятельные типы, эти изделия суть вещи одного назначения, т. е. одной категории. Челновидные выступы, или крючки — элементы, отличающиеся лишь своим конструктивным реше-

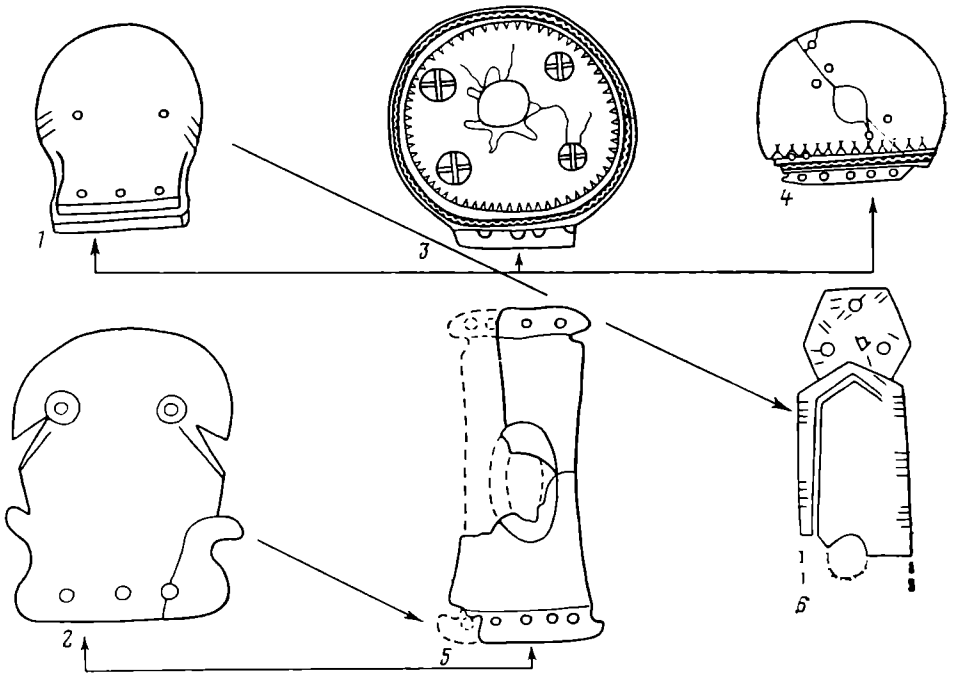


Рис. 9. Фигурные пряжки культуры многоваликовой керамики и дисковидные и желобчатые псалии с планкой (стрелкой показаны сходные элементы)

нием. Сходство же выражается в оформлении верхней части в виде «рогов» (Дунапентеле, Семиградье, Барце), на пряжке из Изака в основании имеются отростки, направленные вверх. Как было установлено выше, все эти элементы не связаны с использованием, так что их можно считать показателем генетического характера устанавливаемых сходств [38, с. 64]. И наконец, нужно еще раз вспомнить орнаментацию на донецкой пряжке: круги, прочерченные циркульным инструментом, являются одним из составных элементов орнаментов на предметах из памятников культур среднего бронзового века Карпато-Дунайского бассейна [39, с. 135—140].

Отмеченные сходства, прежде всего с изделиями периода РД III—СД II (Изак, Барце, Семиградье, рис. 8, *4*, *5*, *7*), подтверждают датировку пряжек культуры многоваликовой керамики в пределах XVI — начала XV в. до н. э., установленную на основании стратиграфических наблюдений. Не противоречит такому определению и присутствие сходных деталей конструкции и декора на других категориях костяных изделий эпохи бронзы.

Аналогичны способы крепления одного из концов пояса на пряжках и нахрапного ремня на дисковидных псалиях с шипами типов II и III (по классификации Е. Е. Кузьминой) [40, с. 8, 9]. В обоих случаях кожаный ремень крепился к планке через сквозные отверстия. Как считает Е. Е. Кузьмина, эти псалии занимают промежуточное хронологическое положение между дисковидными бесшипными и дисковидными «с одним или несколькими малыми отверстиями на периферии щитка» [40, с. 8, рис. 1]. На этом основании верхняя хронологическая граница псалиев I и II типа — не позднее XV—XIV вв. до н. э., а нижняя — XVI в. до н. э. [40, с. 15]. Прослеживается сходство фигурных пряжек с желобчатыми псалиями с планкой, которое помимо указанного способа крепления [41, рис. 3] сводится к общим элементам орнаментации: можно сравнить боковые врезные линии на щитке пряжки из Камышевахи (рис. 9, *1*) и на псалии из поселения культуры многоваликовой керамики Проказино (рис. 9, *6*), выемки в основании пряжек из Донецка, Александровска и др. (рис. 9, *2*) и у планок желобчатого псалия из Краснополья (рис. 9, *5*) [42; 43, рис. 1, *3*]. Заметим, что Н. Н. Черед-

ниченко допускает сосуществование дисковидных с шипами и прямоугольных желобчатых псалиев в пределах XVI—XIV вв. до н. э. [44].

В настоящее время доказано восточно-европейское происхождение дисковидных псалиев. Благодаря находкам их на территории от Казахстана до Подунавья и Греции может быть назван целый ряд синхронных и взаимосвязанных культур. В обратном направлении, в Восточную Европу, попадают элементы «микенской» орнаментации и изделия, близкие западным образцам [45, с. 47—50]. Показателен состав изделий Бородинского клада, относящегося, как считают некоторые исследователи, к культуре многоваликовой керамики [46, 47] и содержащего вещи различного происхождения. Появление фигурных пряжек в культуре многоваликовой керамики также может быть понято как одно из следствий этих взаимосвязей. Отличия в конструкции, впрочем, не дают оснований считать их западным импортом в полном смысле этого слова. Скорее всего, они изготовлялись местными мастерами, которым были известны карпато-дунайские образцы. Обращает на себя внимание сосредоточение находок в Среднедунайской низменности, близкой Банату, который известен своими богатыми запасами меди, а пряжек культуры многоваликовой керамики — в пределах Донецкой горно-металлургической области (рис. 1). Вряд ли такое совпадение случайно, особенно если учесть, что пока неизвестно ни одной находки подобного рода на промежуточной территории: в Северо-Западном Причерноморье, в низовьях Днепра и в Крыму.

Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики благодаря четкой стратиграфии тех погребений, в которых они обнаружены, вполне соответствуют требованиям, предъявляемым к предметам, датирующим культуру. Приведенные им аналогии (в совокупности с другими материалами) позволяют устанавливать синхронность ряда культур Карпато-Дунайского бассейна и культуры многоваликовой керамики Украины не позднее XV в. до н. э. Логическим продолжением процесса взаимных связей населения этих территорий в более позднее (сабатиновское) время является проникновение вещей восточного происхождения в Подунавье, а западных — в сабатиновскую культуру. Показательно, что бронзовая пряжка из Николаевского (Никопольского) клада является, безусловно, импортной, так как поразительно похожа на пряжку из клада Томешти (рис. 8, *9*), к тому же один из предметов клада сделан из меди химически неопределенной группы, возможно балканского происхождения [48, с. 36].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Писларий И. А.* О двух культурно-хронологических группах погребений в срубах бассейна Северского Донца.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. (Тез. докл. конф.) Ч. 1. Киев: Наук. думка, 1975.
2. *Гершкович Я. П.* Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1979.
3. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г.— Тр. XIII АС. Т. I. М., 1905.
4. *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибутация и датировка.— АСГЭ. 1967, вып. 9.
5. *Шаповалов Т. А., Колесник О. В.* Розкопки курганів у Донецькій області.— АДУ — 1972. Київ, 1973.
6. *Моруженко А. А., Привалов А. И.* Исследование на юге Донецкой области.— АО — 1978. М., 1979.
7. *Ильюков Л. С.* Курган у с. Новолакедемоновки.— В кн.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
8. *Пиотровский Б. В.* Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1962.
9. *Лавонен Н. А.* О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора).— В кн.: Фольклор и этнография. М.: Наука, 1977.
10. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
11. *Wilde M. L.* Die Frühlatenezeitlichen Gürtelhaken mit figuraler Vezzierung.— Germania, 1980. H. 1—2.
12. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1-31.

13. *Техов Б. В.* Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии.– СА, 1969, № 4.
14. *Манцевич А. П.* О скифских поясах.– СА, 1941, т. VII.
15. *Отрощенко В. В.* О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья.– В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1979.
16. *Гершкович Я. П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб.– В кн.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
17. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
18. *Отрощенко В. В.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками.– В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976–1978 гг. (Тез. докл. конф.) Ужгород: Изд-во Ужгород. ун-та, 1978.
19. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у с. Введенка на Дону.– СА, 1976, № 1.
20. *Агапов С. А., Иванов А. Ю., Петров Ю. Э.* Раскопки курганов в Приволжском районе Куйбышевской области.– АО–1978. М., 1979.
21. *Прялин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.
22. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причерномор'я.– Археологія, 1977, № 22.
23. *Hajek L.* Kostena industrie otomanske kulture z Barce.– Slovenská archeológie, 1959, R. VII, t. 2.
24. *Bona I.* Bronzkori övkapcsok es diadémak.– Archeologiai Ertesito, 1959, t. 86.
25. *Георгиев Г. Ил.* Энеолитно селище до с. Колена,– Разкопки и проучвания. Кн. I. София, 1948.
26. *Маркевич В. И.* Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981.
27. *Benešova A.* Eneoloticke nálezy na Starých zámcích u Lísne.– Archeologické rozhledy, 1954, t. VII.
28. Wczesna epoka brazu. Wroclaw – Warsawa – Krakow – Gdansk, 1978.
29. *Bona I.* Die mittlere Bronzezeit Ungarn und ihre südotlichen Beziehungen. Budapest. 1975.
30. Эзеро – раннобронзовато селище. София: Изд-во БАН, 1979.
31. *Schaffer C. F. A.* Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (IIIe–IIe millenaireises). L., 1948.
32. *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
33. *Свешников И. К.* Стжижовская культура в свете последних раскопок.– В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. (Тез. докл. конф.) Днепропетровск: Изд-во Днепропетров. ун-та, 1979.
34. *Hänsel B.* Beitrage zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpaten-becken. Bonn, 1968.
35. *Hajek L.* Jizni Čechy ve starši době bronzové.– P mátky Archeologické, 1954, t. XLL, № 1–2.
36. *Tallgren A. M.* La Pontide prescythique aprés l'introduction des metaux.– ESA, 1926, t. II.
37. *Petresku-Dimboviţa M.* Depozitele de bronzuri din Romänia. Bucuresti, 1977.
38. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
39. *Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада.– Проблемы археологии, 1967, вып. 1.
40. *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей.– КСИА, 1980, вып. 161.
41. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.– СА, 1961, № 1.
42. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.– МИА, 1959, № 60.
43. *Малов Н. М.* Конструктивные особенности псалия из Краснополья.– СА, 1983, № 4.
44. *Чередниченко Н. Н.* Основные этапы развития конской узды Евразии в середине III – начале I тыс. до н. э.– В кн.: Новейшие открытия советских археологов. (Тез. докл. конф.) Ч. 1. Киев: Наук. думка, 1975.
45. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших открытий, М.: Наука, 1977.
46. *Березанская С. С.* Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине.– В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья (Тр. КГПИ, т. 221). Куйбышев, 1978.
47. *Черняков И. Т.* Бородинский культурно-хронологический горизонт в памятниках Северо-Западного Причерноморья.– В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. (Тез. докл. конф.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетров. ун-та, 1980.
48. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.

Ya. P. Gershkovich

IRREGULARLY SHAPED BELT-BUCKLES OF THE MULTIROLLER CERAMICS CULTURE

Summary

The author discusses a new type of bone belt-buckles of the multiroller ceramic culture. Todate they comprise a small series of finds mainly from the north-eastern Azov coast. The stratigraphical data relate them to the 16th-early 15th centuries B. C. The date is supported by a number of constructional elements similar to other bone artifacts of the Bronze Age, primarily with the disc-type and grooved snaifle cheekpieces. The objects described have no analogies or prototypes in the synchronous East European cultures. Similar artifacts can be found in the Karpathian and Danube cultures starting with the late third millennium B. C. The fact that the described belt buckles closely resemble those of the FD III – MD II period (according to B. Hensel) supports the proposed dates. The appearance of the irregularly shaped buckles in the south of Eastern Europe is another confirmation of contacts between the population of the Karpathian and Danube region in the mid-second millennium B. C.

А. А. МОРУЖЕНКО, А. Н. УСАЧУК

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ВОРСКЛЫ

В связи с большими проблемами, стоящими перед археологами в изучении древности срубной культуры Восточной Европы [1, с. 7—24], несомненный интерес представляют новые материалы, характеризующие памятники северо-западного варианта лесостепи [2, с. 24]. Получены они Лесостепной скифской экспедицией Донецкого госуниверситета в 1975 г. во время работ в бассейне Ворсклы. Здесь проведены раскопки четырех курганов, которые входили в группу, насчитывающую более сотни насыпей высотой от 0,7 до 3,5 м, расположенную в 4 км к северу от с. Полковая Никитовка Богодуховского р-на Харьковской обл., по обеим сторонам шоссейной дороги Харьков — Сумы. Курганы постоянно распахиваются. В раскопанных курганах обнаружено 24 погребения, в том числе 12 срубного времени и 5 скифского, культурная принадлежность 7 не определена. В данной статье рассматриваются срубные погребения, происходящие из кург. 2—4.

Курган 2. Насыпь земляная, однородная, полусферической формы, высота в центре 1,2, диаметр 20 м. Погребенная почва залегает на глубине 1,20, материк — 1,50 м. Обнаружено девять погребений, совершенных в насыпи или в погребенной почве, шесть из них располагались в южной половине кургана. К эпохе бронзы относятся два погребения (№ 2,6).

Погребение 2 находилось на расстоянии 7 м к юго-востоку от центра, на глубине 1,25 м от репера. Контуры ямы не прослежены, подстилка отсутствовала. Сохранились следы нескольких деревянных плах, положенных вдоль погребения. Скелет плохой сохранности лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток — северо-восток (рис. 1, *I*). Руки согнуты в локтях, кисти рук подогнуты в сторону лучевых костей и находились у лицевой части черепа. Здесь же был лепной горшок (рис. 2, *I*) баночной формы, вытянутых пропорций со слегка расширяющимся кверху корпусом. Край венчика слабо отогнут и уплощен. Дно с закраиной. Поверхность бурого цвета, с темными пятнами из-за неравномерного обжига, покрыта мелкими беспорядочными расчесами с обеих сторон.

Погребение 6 находилось на расстоянии 4,7 м к северу — северо-востоку от центра на глубине 1 м от репера. Контуры ямы проследить не удалось, подстилка отсутствовала. Сохранились фрагменты поперечных деревянных плах. Плохой сохранности скелет лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юг — юго-запад, руки согнуты в локтях (рис. 1, *II*). За головой стоял лепной выпуклобокий сосуд с хорошо заглаженной, местами подлощенной поверхностью бурого цвета с темными пятнами. Венчик отогнут, дно — в виде невысокого сплошного поддона. В верхней части сосуд орнаментирован трапециевидным меандром, выполненным двумя, кое-где тремя линиями оттисков зубчатого штампа. Сверху и снизу орнаментальный пояс ограничен горизонтальными линиями. Внутри меандровых фигур и под нижней линией — косые отпечатки того же штампа. Весь орнамент заполнен белой пастой (рис. 2, *2*). На расстоянии 1 м к юго-западу от головы погребенного на глубине 0,6 м обнаружен лепной сосуд в виде высокой банки бурого цвета со слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *3*). По всему сосуду — беспорядочные мелкие расчесы.

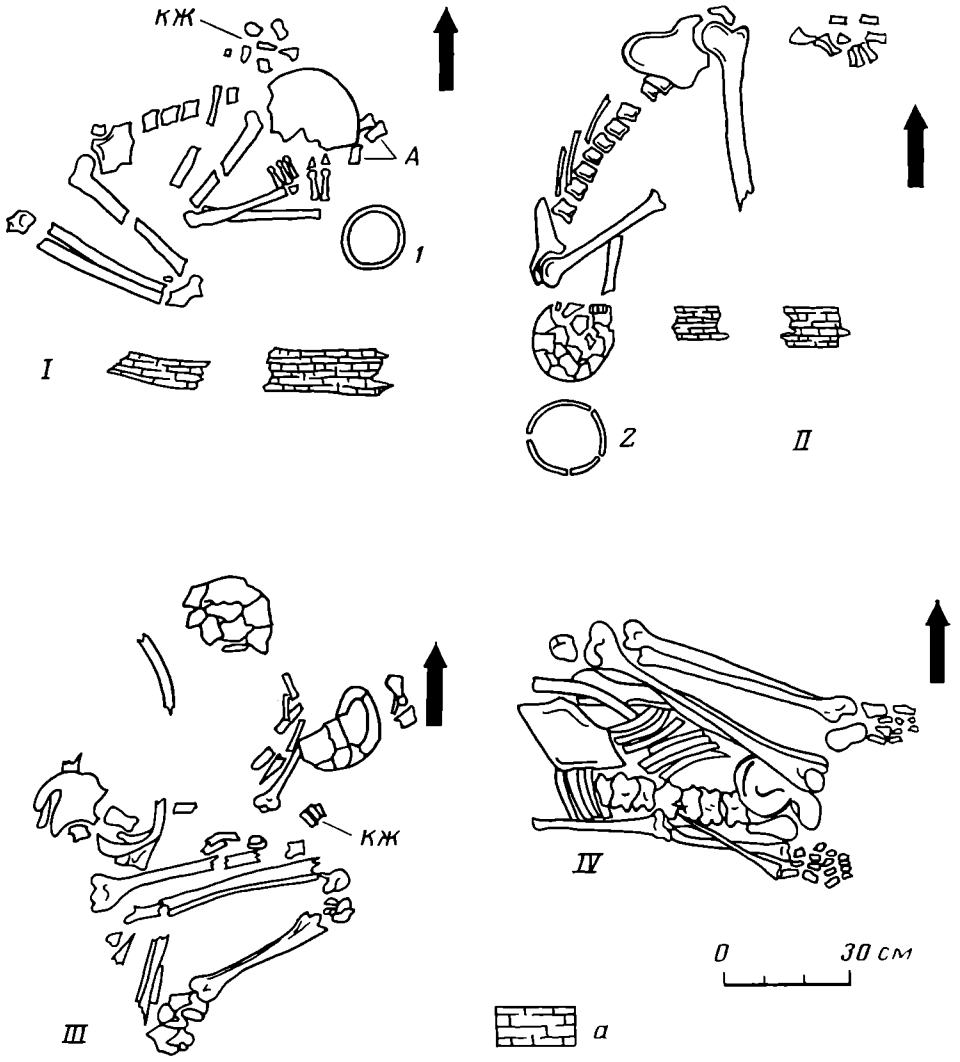


Рис. 1. I – погр. 2, кург. 2; II – погр. 6, кург. 2; III – погр. 4, кург. 4; IV – погр. 7, кург. 4. *1, 2* — сосуды; *КЖ* — кости животных; *а* — остатки дерева

Курган 3. Насыпь полусферической формы располагалась в 60 м к западу от кург. 2. Высота в центре 0,80, диаметр 20 м. Материк залегает на глубине 1,20 м. Стратиграфические наблюдения показывают, что курган сооружался в два приема. Первая насыпь, высотой 0,40 м, имела диаметр 13 м. К ней относятся остатки частично сгоревшей, частично обуглившейся деревянной конструкции. Дерево толщиной до 0,40 м окаймляло, очевидно, эту насыпь. В северо-западном углу прослеживается соединение остатков этой конструкции впритык (рис. 3). В кургане исследовано семь погребений: шесть относящихся к эпохе поздней бронзы, культурная принадлежность одного (7) не определена.

Погребение 1 находилось на расстоянии 4,2 м к востоку от центра кургана, на глубине 0,80 м, совершено в неглубокой (0,20 м) прямоугольной яме, обложенной небольшими деревянными плахами. Края торцевых плашек несколько выступают за прямоугольник обкладки размером 1,60×0,90 м. Ширина плашек 6, толщина — 4—5 см. Яма была перекрыта продольными и поперечными плахами 10—12 см шириной, остатки которых обнаружены на ее краях. Скелет лежал в слабоскорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Положение рук проследить не удалось (рис. 4, *1*). В ногах погребенного находился лепной сосуд со слабо выраженным ребром, край венчика слегка отогнут (рис. 5, *1*). Поверхность желтовато-бурого цвета с темными пятнами, тщательно заглажена, внутри сосуда — следы сглаживания пучком травы.

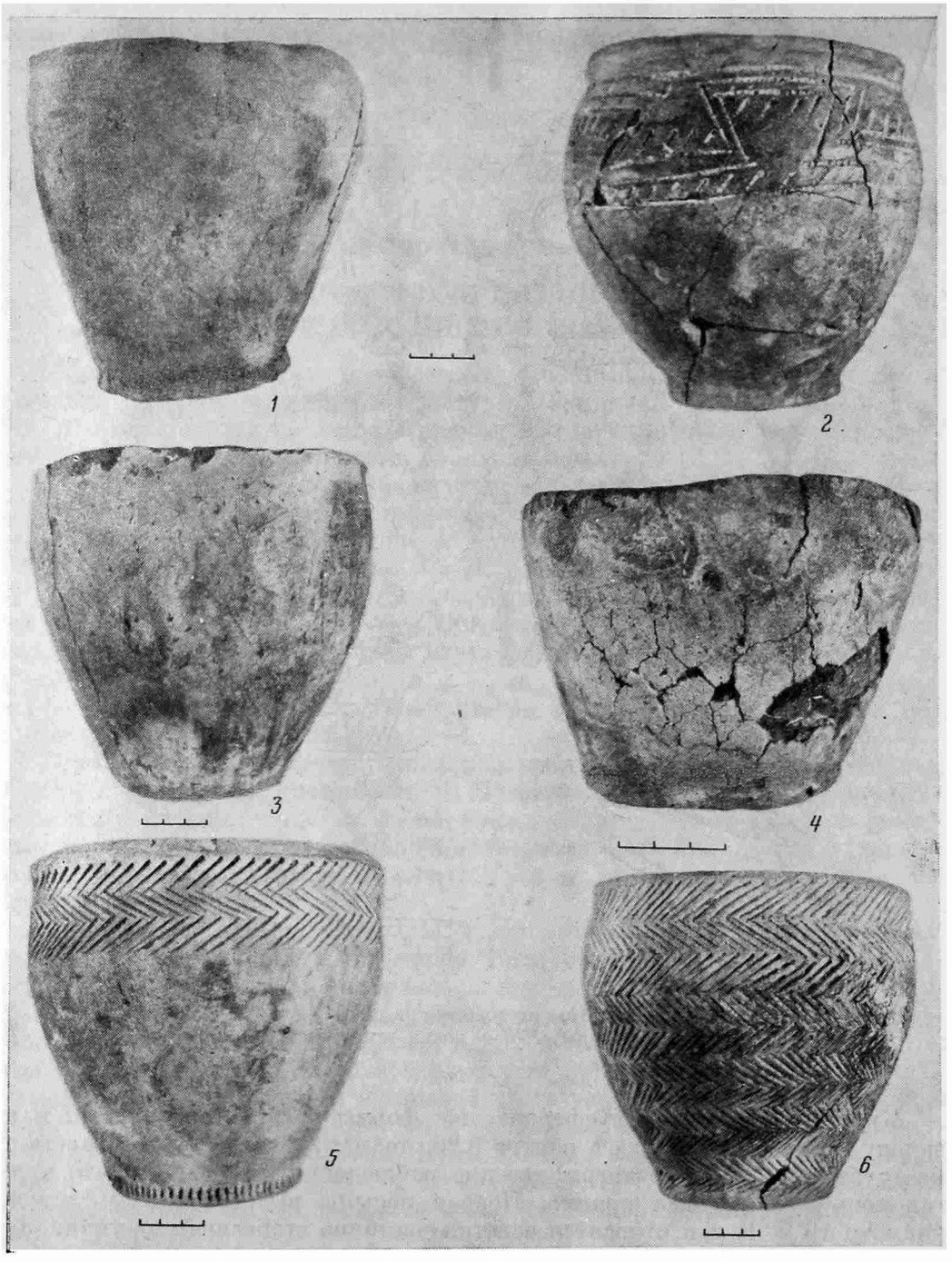


Рис. 2. *1* — погр. 2, кург. 2; *2* — погр. 6, кург. 2; *3* — насыпь кург. 2; *4* — насыпь кург. 3; *5* — погр. 5, кург. 4; *6* — погр. 5, кург. 4

Орнамент выполнен зубчатым штампом и располагается тремя зонами: по краю венчика, по верхней половине сосуда и у дна. По срезу венчика нанесен зигзаг, на низкой шейке и по ребру — двойные линии, опоясывающие сосуд, между ними заключены ромбы, выполненные двойным зигзагом. Под линией ниже ребра сосуд опоясывают треугольники из двойных линий, обращенные вершинами вниз. У дна орнамент в виде треугольников, образующих четкую девятиконечную звезду. Внутри треугольников — вдавления (по шесть-семь в каждом), выполненные концом полой трубочки (рис. 5, *2*).

Погребение 2 находилось на расстоянии 2,5 м к северо-западу от центра, на глубине 0,95 м, сооружено в прямоугольной, слегка сужающейся книзу яме с закругленными углами. Размеры ее 1,44×0,60 м, глубина — 0,20—0,25 м, длинной стороной ориентирована по линии во-

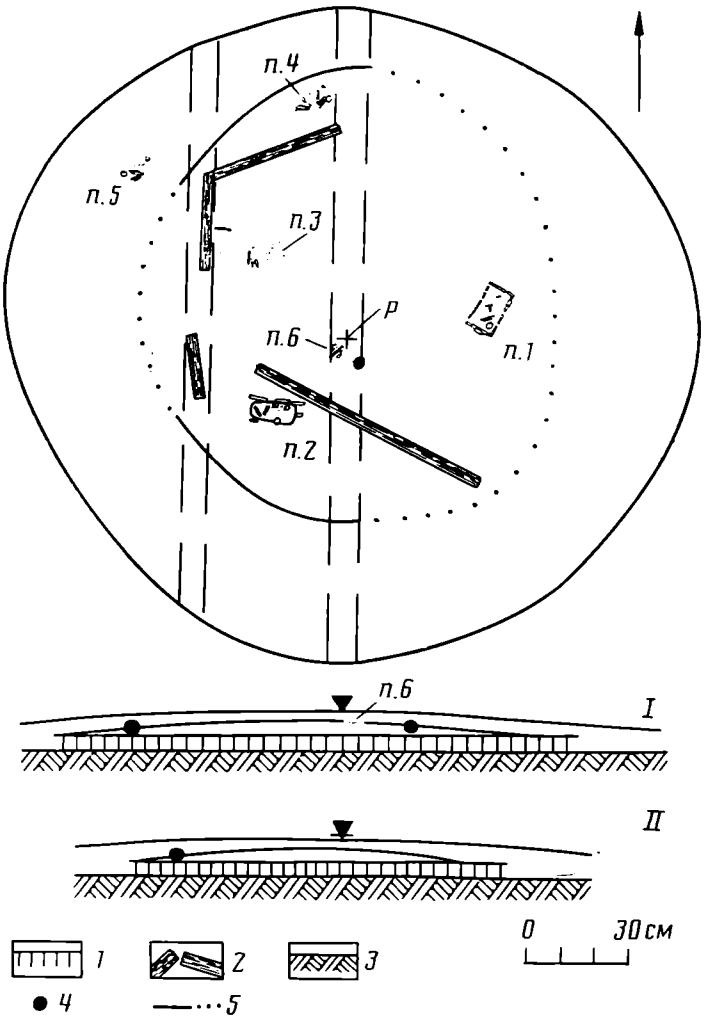


Рис. 3. План и профили кург. 3. *1* – погребенная почва; *2* – остатки деревянной конструкции; *3* – материковый суглинок; *4* – место находки сосуда в насыпи; *5* – граница первой насыпи

сток — запад. Продольные края обложены небольшими плашками, ширина которых 7—10 см, толщина 5 см. Яма была, очевидно, перекрыта продольными плахами, 10—12 см шириной, остатки одной из них сохранились у восточного края. Скелет очень плохой сохранности лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток (рис. 4, *III*). Перед грудью погребенного на краю ямы стоял лепной округлобокий сосуд со слегка отогнутым венчиком. Бурого цвета поверхность заглажена. Орнамент выполнен зубчатым штампом и расположен тремя зонами: по краю венчика, по верхней части корпуса и у дна. Край венчика украшен косыми оттисками. В самой широкой части корпуса сосуд опоясан двумя параллельными линиями, пространство между которыми заштриховано косыми короткими оттисками. Выше идут треугольники вершинами вверх, стороны которых состоят из линий в четыре-пять рядов. В промежутках между этими треугольниками — треугольники вершинами вниз, выполненные двойной линией. У основания каждой фигуры — ряд из шести-семи вдавлений полой трубочкой, вершины имеют по одному такому же вдавлению (рис. 5, *3*). У дна тройные оттиски образуют шестиконечную звезду. В вершине каждого луча — по одному вдавлению полой трубочкой, а основании — по пяти-шести (рис. 5, *4*).

Погребение 3 находилось на расстоянии 1,3 м к северо-западу от центра кургана, на глубине 1,3 м и представляет собой скопление костей человека и животного. Положение скелета, его ориентировку и контуры ямы проследить не удалось. Инвентарь и следы подстилки отсутствуют.

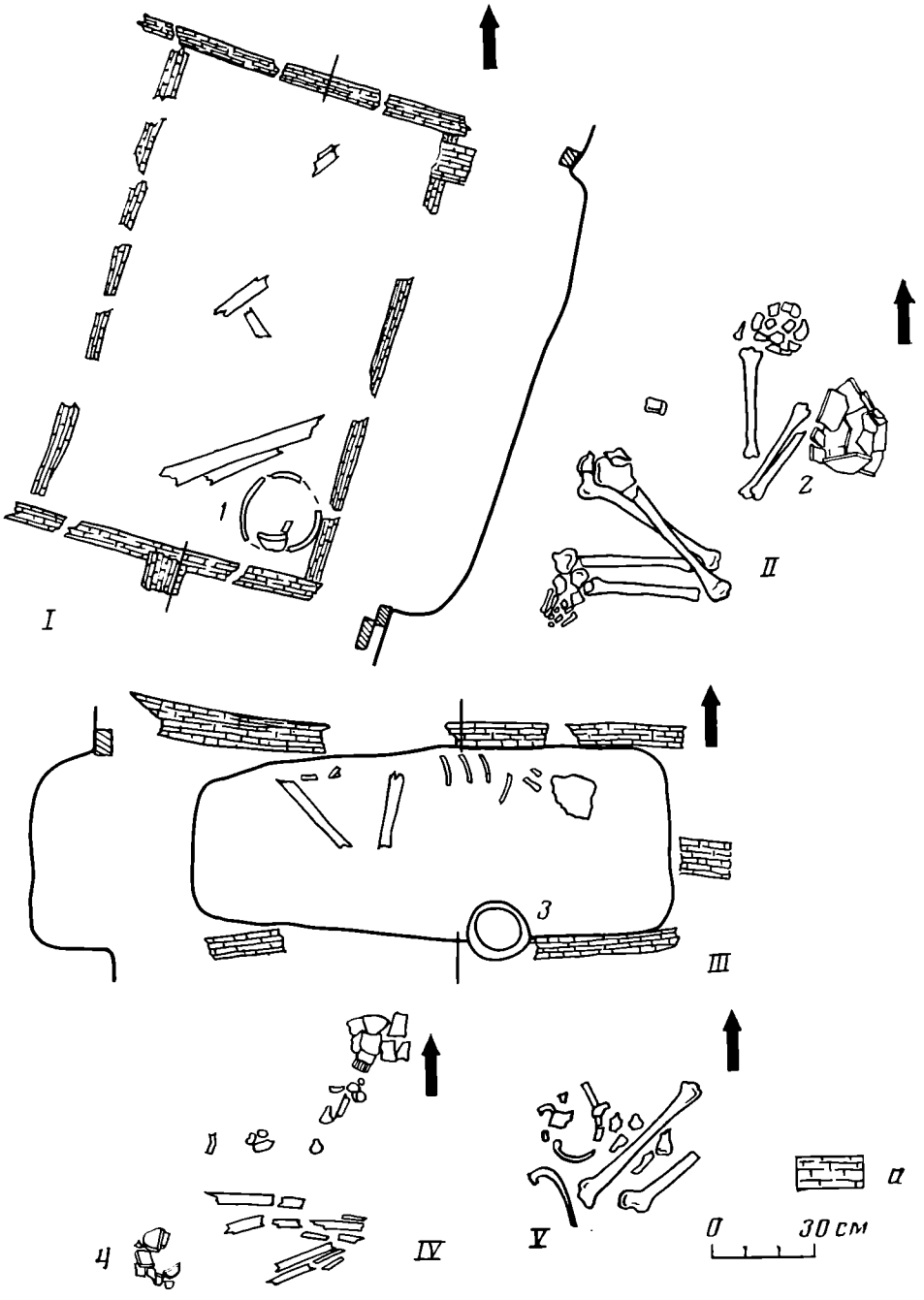


Рис. 4. *I* – погр. 1, кург. 3; *II* – погр. 4, кург. 3; *III* – погр. 2, кург. 3; *IV* – погр. 5, кург. 3; *V* – погр. 6, кург. 3. *1–4* – сосуды; *а* – остатки дерева

Предположительно отнесено к эпохе поздней бронзы на основании положения в материке под первой насыпью.

Погребение 4 находилось на расстоянии 7,6 м к западу от центра, на глубине 1,25 м. От скелета сохранились длинные кости конечностей и отдельные фрагменты черепа. Положение слабоскорченное, на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти — у лица (рис. 4, *II*). Возле них — развал лепного сосуда баночной формы (рис. 6, *2*), без орнамента, дно с закраиной, с внешней и внутренней сторон светло-бурого цвета поверхность покрыта слабыми беспорядочными расчесами. Над погребением — следы деревянных продольных плах.

Погребение 5 находилось на расстоянии 8 м к северо-западу от центра, на глубине 1,35 м. Скелет лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток. Положение рук не прослежено (рис. 4,

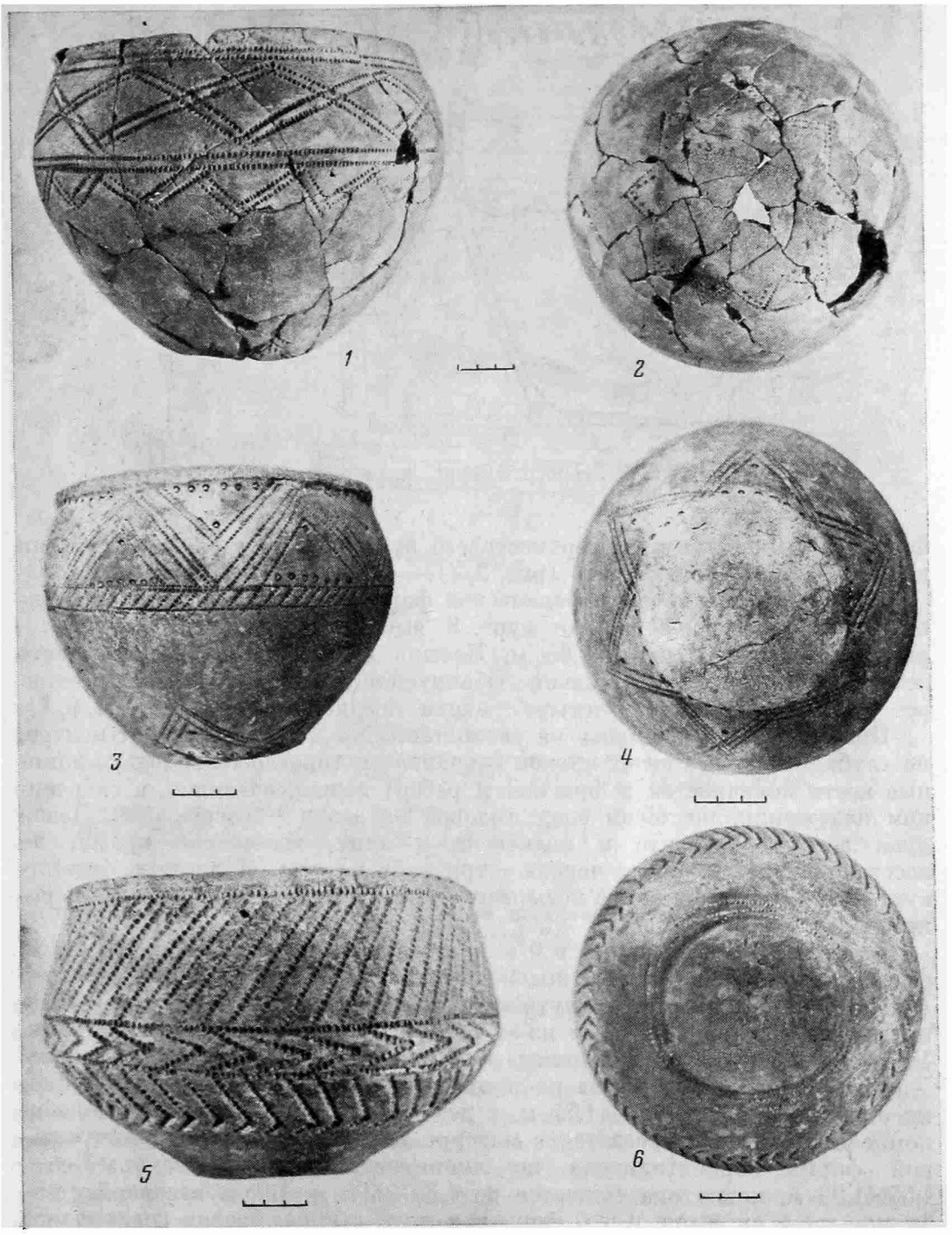


Рис. 5. *1* – погр. 1, кург. 3; *2* – погр. 1, кург. 3; *3* – погр. 2, кург. 3; *4* – погр. 2, кург. 3; *5* – насыпь кург. 4; *6* – насыпь кург. 4

IV). У тазовых костей — развал лепного сосуда баночной формы с едва отогнутым венчиком, под ним — ряд косых насечек (рис. 6, *1*). Темно-бурая с черными пятнами поверхность разглажена, снаружи и внутри — беспорядочные расчесы. Дно с небольшой закраиной. Над погребением прослежены остатки продольных деревянных плах.

Погребение 6 находилось в центре кургана, на глубине 0,4 м и сильно разрушено вспашкой. От скелета сохранились кости ног и несколько ребер (рис. 4, *V*). Очевидно, он лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток. Инвентарь отсутствовал.

В юго-восточном поле кургана на расстоянии 6,85 м к югу — юго-востоку от центра, на глубине 0,85 м обнаружен лепной горшок баночной

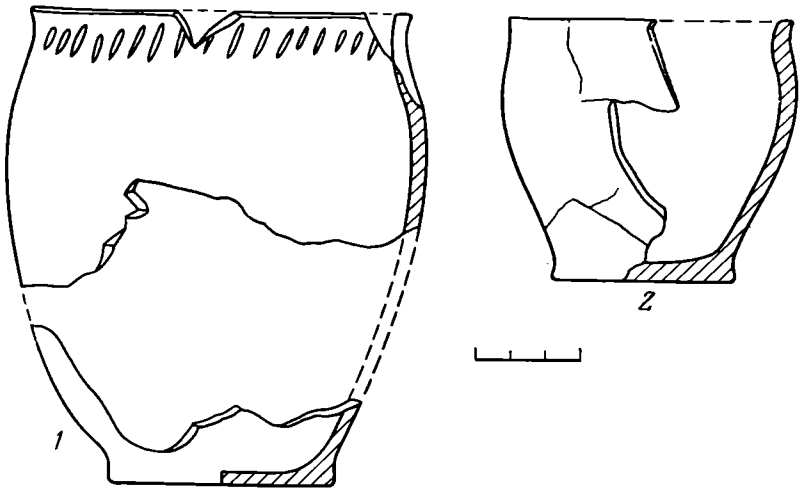


Рис. 6. *1* – погр. 5, кург. 3; *2* – погр. 4, кург. 3

формы, без орнамента, поверхность его бурого цвета с серыми пятнами из-за неравномерного обжига (рис. 2, *4*).

Курган 4. Насыпь полусферической формы располагалась на расстоянии 114 м к северо-западу от кург. 3, высота 1,1, диаметр 24 м. Материк залегает на глубине 1,65 м. Насыпь земляная, однородная, часто встречаются древесные угольки. Обнаружено восемь погребений: четыре — скифского времени, четыре — эпохи поздней бронзы (№ 2, 4, 5, 7).

Погребение 2 находилось на расстоянии 1 м к юго-востоку от центра, на глубине 0,65 м. Скелет плохой сохранности (прослежены только длинные кости конечностей и фрагменты ребер) лежал, очевидно, в скорченном положении, на левом боку, головой на запад — северо-запад. Левая рука согнута в локте и поднесена к лицу, положение правой не восстанавливается. Возле черепа — три зуба коровы. Инвентарь отсутствует. Над погребением — невыразительные следы деревянного перекрытия.

Погребение 4 находилось в 9 м к западу от центра, на глубине 1,6 м. Скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север (рис. 1, *III*). Левая рука согнута в локте и поднесена к лицу. Положение правой не восстанавливается из-за разрушенности скелета кротовинами. У локтевых суставов находился зуб лошади. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 находилось на расстоянии 9,7 м к востоку — юго-востоку от центра, на глубине 1,75 м, в деревянном срубе (рис. 7), опущенном в яму, которая врезается в материк на 0,10 м. Яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии восток-запад, размеры ее — 1,50×1,22 м, книзу она сужается до 1,30×0,95 м. Вдоль северной стенки дно на 4 см выше. Сруб сложен в пять венцов, бревна соединялись впритык, диаметр их — 10—16 см. Вдоль северной стенки внизу лежали остатки еще одного, шестого бревна. Над восточной стенкой сруба сохранились остатки перекрытия из семи продольных деревянных плах шириной 15—16 см каждая, толщина их — 4—5 см. На дне сруба лежал скелет плохой сохранности, в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Правая рука согнута в локте, кисть — у лица, положение левой руки не восстанавливается. Кости скелета обильно окрашены красной охрой. По всему дну погребения — меловая посыпка и следы органической подстилки. Возле руки находились кости животного и два лепных сосуда удлиненной формы, с почти сглаженными ребром, дно с небольшой закраиной, поверхность желтовато-бурого цвета с заглаженными вертикальными расчесами. На одном сосуде орнамент расположен двумя зонами: под венчиком — полоса оттисков мелкого зубчатого штампа, образующих горизонтальную «елочку». у дна — ряд вертикальных коротких вдавлений (рис. 2, *5*). Второй сосуд орнаментирован, оче-

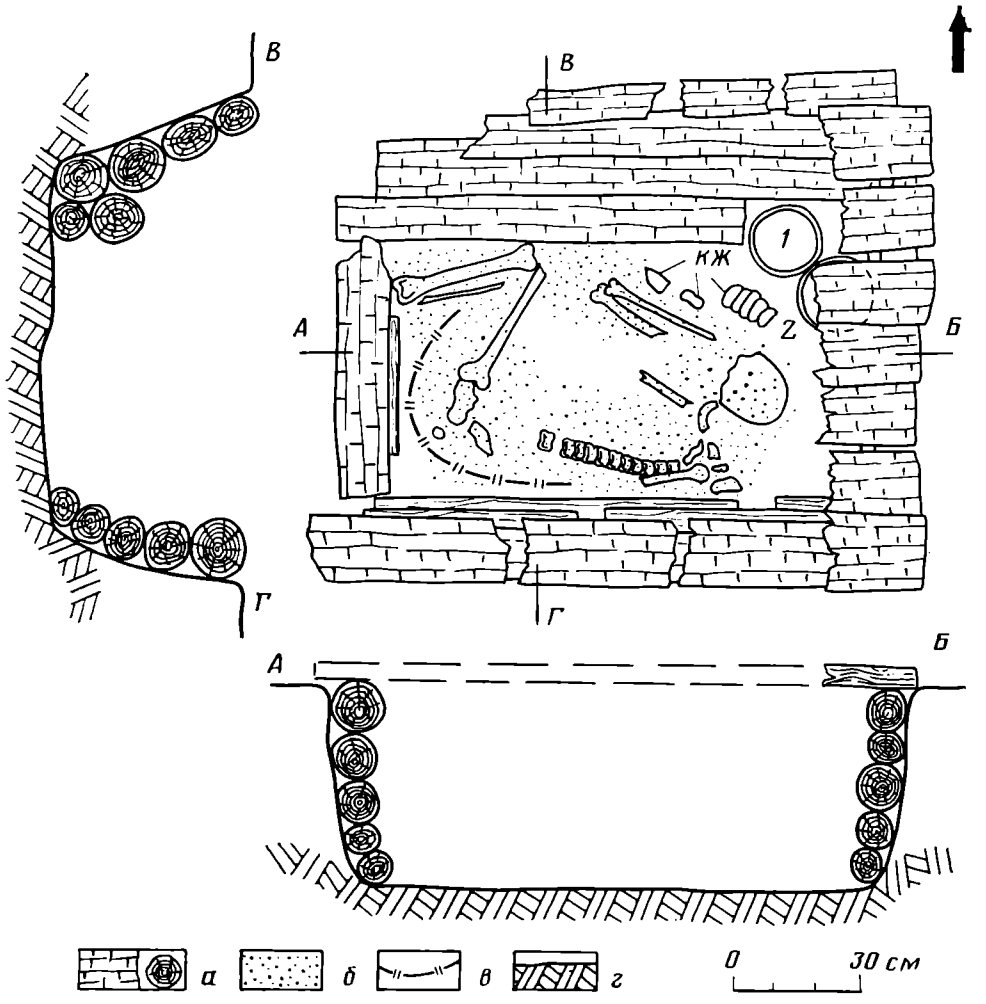


Рис. 7. План и профили погр. 5, кург. 4. *а* – остатки дерева; *б* – меловая подсыпка; *в* – контуры прослеживаемой органической подстилки; *г* – материковый суглинок; *1*, *2* – сосуды; *КЖ* – кости животных

видно, этим же штампом, горизонтальная «елочка» покрывает всю поверхность (рис. 2, *6*).

Погребение 7 находилось на расстоянии 0,6 м к югу от центра, на глубине 0,6 м. Скелет лежал в сильно скорченном положении (колени подогнуты к груди), на левом боку, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, череп отсутствует (рис. 1, *IV*). Контуры ямы не прослежены. Инвентарь и подстилка отсутствуют.

К югу от погр. 7, на расстоянии 1 м от него, в насыпи кургана обнаружен лепной остроребериый низкий сосуд (рис. 5, *5*). Край венчика слегка отогнут. Поверхность светло-бурого цвета, с внешней стороны хорошо заглажена, на внутренней – слабые следы сглаживания. Орнамент покрывает срез венчика и почти весь корпус сосуда. По краю венчика вдавления нанесены круглым концом палочки. Остальный рисунок выполнен оттисками зубчатого штампа. По короткой шейке сосуд опоясан одной линией оттисков, по ребру – двумя. Между последними двумя линиями – горизонтальная «елочка». Ниже ребра также идет пояс горизонтальной «елочки». Пространство между венчиком и ребром заполнено параллельными отпечатками косых оттисков штампа. У дна тройные оттиски штампа образуют восьмиугольник (рис. 5, *6*).

Из 12 погребений, относящихся к эпохе поздней бронзы, обращает на себя внимание в первую очередь погр. 5 из кург. 4, совершенное в мощном бревенчатом срубе. Наиболее близкие аналогии – погребения в курганах Орельско-Самарского междуречья, отнесенные И. Ф. Ковалевой ко II и III стратиграфическим горизонтам и датируемые 1550–1400 гг. до

н. э. [3, с. 19—24, 28—32, рис. 7, 8]. Ранней датировке не противоречат и происходящие из погребения сосуды, в орнаменте которых прослеживаются элементы катакомбной культуры (рис. 2, *5*, *6*). Таким же является и сосуд из насыпи этого кургана (рис. 5, *5*, *6*). Наличие на раннесрубной керамике некоторых элементов, свойственных для керамики катакомбного времени, характерно для этого региона [4, с. 58]. По форме сосуд из насыпи имеет аналогию среди керамики II и III стратиграфических горизонтов, по И. Ф. Ковалевой [3, рис. 9, *1*]. Нельзя точно сказать, судя по стратиграфии кург. 4, является ли основным погр. 5, но оно совершено раньше, чем погр. 2 и 7, которые по совокупности признаков (западная ориентировка, положение рук в погр. 7, отсутствие керамики, наличие зубов коровы в погр. 2) относятся ко времени становления срубного погребального обряда.

Ранней формой срубной керамики являются сосуды из погр. 1 и 2 кург. 3, где орнамент помимо верхней части расположен и у дна (рис. 5, *1—4*). Треугольники у дна отмечаются исследователями как ранний элемент орнаментации [5, с. 61]. Судя по стратиграфии кург 3, первая насыпь была сооружена над погр. 3, а затем в нее были впущены погр. 1 и 2. В связи с сооружением первой насыпи встает вопрос о деревянной конструкции, занимавшей практически всю ее площадь. Территориально близкие аналогии неизвестны. Подобная конструкция исследована П. Д. Степановым у с. Кочкурово (кур. 1) в Мордовской АССР [6, с. 157]. Она была сложена из плах длиной до 3 м и толщиной 0,2—0,3 м. Конструкция находилась на глубине 0,65—0,80 м от центра кургана на плотно утрамбованной насыпи. В северной стороне был разрыв и скопление пепла. Под насыпью находилось срубное погребение [7]. Вторая насыпь связана с засыпкой деревянной конструкции. В кург. 3 у с. Полковая Никитовка также четко фиксируются две насыпи. Сосуд из насыпи относится, вероятно, ко времени сооружения, частичного сожжения и засыпки конструкции.

К числу раннесрубных относится и погр. 6 из кург. 2, из которого происходит сосуд на небольшом поддоне (рис. 2, *2*). Орнамент типа меандра, что само по себе говорит о ранней дате, заполненный белой пастой, рассматривается рядом исследователей как признак раннесрубной керамики [5, с. 39, 40; 8, с. 10; 9, с. 43; 3, с. 28]. К раннему времени относится и обряд погребения.

По всей видимости, раннесрубные погребения, открытые у с. Полковая Никитовка, фиксируют продвижение группы срубных племен вверх на север в конце XVI — начале XV в. до н. э., отмеченное С. С. Березанской [5, с. 40, 41, 206]. Они, видимо, расселились не только по Северскому Донцу, но и в восточных районах бассейна Ворсклы. Именно к этому времени относится погр. 5 из кург. 4. Остальные раннесрубные погребения совершены, вероятно, позднее — во второй половине XV в. до н. э. Пять погребений (№ 2 из кург. 2, № 4—6 из кург. 3, № 4, из кург. 4) можно отнести к сабатиновскому времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я., Прахин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и Лесостепь.— В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.
2. *Качалова Н. К.* О локальных различиях в лесостепной срубной культуре.— АСГЭ, 1977, вып. 18.
3. *Ковалева И. Ф.* Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1981.
4. *Берестнев С. И.* Некоторые особенности развития срубной культуры в Лесостепном междуречье Днепра и Дона.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конференции 3—6 декабря 1979 г. Донецк, 1979.
5. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Степанов П. Д., Ледяйкин В. И.* Памятники срубной культуры в Мордовии.— АО — 1969. М., 1970.
7. *Степанов П. Д.* Отчет о работе археологической экспедиции Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики летом 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4330, 4330 а.

8. *Чередниченко М. М.,* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.– Археологія, 1977, № 22.
9. *Косарева А. А.* Керамический комплекс наиболее ранних памятников срубной культуры на Украине.– В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. республиканской конференции молодых ученых. (Киев, апрель, 1981). Киев, 1981.

A. A. Moruzhenko, A. N. Usachuk

LATE BRONZE BURIALS IN THE VORSKLA BASIN

Summary

The authors analyse new materials obtained from burials of the north-western variant of the timber-grave tribes. In 1975, while working in the Vorskla basin, the Forest-Steppe Scythian Expedition of Donetsk State University stripped four burial mounds at the Polkovaya Nikitovka village, Bogodukhov District, Kharkov Region, which are part of a larger group of more than one hundred barrows varying from 0.7 to 3.5 m in height. The four studied barrows were repeatedly ploughed, today they are 0.80 to 1.20 m high. between 20 and 24 m in diametre. Mound No. 3 exhibited two construction stages of their earthen parts and remnants of the wooden structure contemporary with the earlier earthen part. The mounds contained 24 burials, 12 of them dating to the timber-grave culture period. Eight of them preserved some wooden fragments of the ceiling or walls, burial 5 of mound No. 4 contained what remained of its initial timber structure (Fig. 7). The dead were placed in the crouched position, mainly on the left side (in two cases – on the right), oriented to the north-east in four cases, to the east – in three cases, to the west – in two cases, to the north – in one case and to the south – in one case. Grave goods are represented by modelled vessels, including four unornamented neckless vessels (Figs. 2, *1*, *3*, *4*; 6, *2*) and six with undifferentiated shoulders bearing geometrical stampted designs (Figs. 2, *2*, *5*, *6*; 5, *1*, *3*, *5*, *6*), one vessel is ornamented with notches (Fig. 6, *1*). Burial 5 in mound No. 4, burials 1 and 2 in mound No. 3, burial 6 in mound No. 2 can be dated to the late 16th-early 15th centuries B. C. Burial 2 in mound No. 2, burials 4-6 in mound No. 3 and burial 4 in mound No. 4 can be related to the Sabatinovka time, the others (burials 2 and 3 in mound No. 4) can be tentatively dated to the latter half of the 15th century B. C.

Б. А. ШРАМКО, Л. А. СОЛНЦЕВ, Л. Д. ФОМИН

К ВОПРОСУ О ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕМ РЕМЕСЛЕ В СТЕПНОЙ СКИФИИ

Вопрос об уровне развития железообрабатывающего ремесла у племен степной Скифии имеет принципиально важное значение для правильной общей оценки развития производительных сил в их обществе. Поэтому данный вопрос затрагивается не только в статьях по истории техники и хозяйства раннего железного века, но и в работах, посвященных характеристике общественного строя скифов. К сожалению, полного единства взглядов при этом пока достичь не удалось.

Б. Н. Граков был первым, кто на основе конкретных археологических находок доказал, что в самом конце V — начале IV в. до н. э. у степных скифов возникает единственный крупный центр бронзолитейного и кузнечного ремесла на Каменском городище. Он правильно отметил слабую дифференциацию местного ремесла, при которой «одни и те же мастера выплавляли металл из руд, лили бронзовые предметы и ковали железо» [1, с. 45; 2, с. 122]. Эти выводы остаются незыблемыми и в настоящее время.

Ряд последующих исследований, также основанных на изучении археологических материалов, позволил расширить эти наблюдения и уточнить некоторые моменты. Б. Б. Пиотровский, рассматривая культурно-экономические связи скифов, пришел к выводу, что «в архаический скифский период, в VII в. и в начале VI в. до н. э. местная сырьевая база скифской металлургии была еще слаба, не могла полностью обеспечить потребности в железе и бронзе» [3, с. 144]. И. В. Яценко, специально изучая памятники раннего периода, убедительно показала, что в VII—V вв. до н. э. в степной Скифии наблюдается еще слабое развитие металлургического производства [4, с. 115]. М. И. Артамонов также считал, что у степных кочевников не было условий для возникновения собственных ремесленных производств и в снабжении их ремесленной продукцией большую роль играли лесостепные племена и греческие колонии. Он также подчеркивает, что свой ремесленный центр возник у скифов-царских на Каменском городище не раньше конца V — начала IV в. до н. э. [5, с. 99]. А. И. Мелюкова и Е. В. Черненко обратили внимание на большую роль войн в жизни скифов и на связанную с этим необходимость иметь хорошее вооружение [6, с. 30—41; 7, с. 156, 157]. Это способствовало развитию прежде всего тех отраслей обработки металлов, которые были связаны с изготовлением различных видов оружия и предметов конской сбруи. В целом это заключение не вызывает возражений, но вопрос о наличии у скифов оружейников узкой специализации остается пока открытым. На основании находки на Каменском городище железного орудия, которое рассматривалось как пуансон для штамповки панцирных бляшек [2, с. 126, табл. XVII, 7], делались попытки говорить о наличии специализированных мастеров-панцирников [2, с. 124; 7, с. 159]. Но дальнейшие исследования показали, что на самом деле это орудие является типичным кузнечным зубилом для рубки горячего металла [8, с. 60, рис. 6]. Авторы, проводившие специальные металлографические исследования скифских изделий из черных металлов, отмечали наличие у скифов высококачественного вооружения и не высказывали сомнения в том, что в степной Скифии имелись специалисты, занимавшиеся добычей и обработкой металлов. Со времени возникновения Ка-

менского городища можно уверенно говорить о том, что эта отрасль производства у скифов уже не являлась побочным занятием в домашнем хозяйстве, а выделилась в самостоятельное ремесло. В ряде работ рассмотрены конкретные доказательства деятельности степных металлургов [9, с. 72—77], кузнецов [10, с. 36—57; 11, с. 40—59; 12, с. 140—153], литейщиков и ювелиров [13, с. 217—221; 14, с. 469—485]. Сравнивая данные о степных ремесленниках с материалами о ремесленниках различных лесостепных племен, мы отмечали более слабое развитие металлообрабатывающего и металлургического ремесла у собственно скифских скотоводческих племен в архаическую эпоху [15, с. 100]. В частности, уровень специализации у ремесленников Гелона (Бельское городище) был, несомненно, выше, так как в этом городе мастерские бронзолитейщиков и кузнецов расположены отдельно, более разнообразен здесь и набор специализированных орудий, а некоторые из них вообще известны пока только по находкам на Бельском городище [16, с. 89, рис. 4, *30*, с. 102—103, рис. 9, *22*]. При этом остатки, связанные с деятельностью ремесленников, прослеживаются здесь уже в отложениях VII—VI вв. до н. э.

А. И. Тереножкин долгое время также считал, что «у скифов сравнительно слабо развивались ремесла и торговля, задерживалось сложение городов. Во всех этих отношениях скифы ничем принципиально не отличались от большинства других кочевых народов, в том числе и современных» [17, с. 43]. Ремесло развивалось в рамках домашнего хозяйства, и лишь в IV—III вв. до н. э. кузнечное ремесло начинает обособляться от сельского хозяйства. Большое значение имела также торговля с античными городами Причерноморья, поставлявшими разнородную и отличную по качеству ремесленную продукцию [17, с. 35]. В более поздних статьях А. И. Тереножкин резко изменил свой взгляд на характер социального развития скифского общества и его экономику. В частности, высказал предположение, что «кочевой, специфически военизированный образ жизни скифов способствовал возникновению и развитию разных отраслей производства — металлургического, кузнечного, бронзолитейного, деревообрабатывающего и других» [18, с. 8; 19, с. 14]. Согласно новой его точке зрения, в эпоху архаики скифское ремесло достигло высокого уровня, несмотря на существование торговых связей с лесостепными племенами и античными городами, скотоводческие племена скифов не могли «существовать без большого, а может быть и очень большого количества ремесленников самых различных специальностей» [19, с. 15—16]. К сожалению, это изменение взглядов не было подкреплено какими-либо новыми источниками, непосредственно относящимися к ремесленникам степной Скифии, или пересмотром уже имеющихся материалов по данному вопросу. Автор старался подкрепить свои взгляды некоторыми очень отдаленными этнографическими примерами, относящимися к XIII—XVIII вв. Эти примеры, на наш взгляд, не могут служить убедительными доказательствами существования у степных скифов различных ремесел, а тем более не могут служить основанием для определения уровня развития у них того или иного ремесла. Этнографические параллели позволяют иногда лучше понять свидетельства археологических, письменных или других источников, непосредственно относящихся к данному народу, но заменить эти источники они не могут. Даже у современных скифам кочевников не наблюдалось единства в уровне развития ремесел и, в частности, железообрабатывающего. Так, у сакских племен Средней Азии в VII—IV вв. до н. э. железные изделия вообще встречаются еще редко [20, с. 82, 102]. Не было полного единства и в уровне развития металлургии и металлообработки железа и у различных племен Скифии.

Для решения этого вопроса лучше всего рассмотреть конкретные источники, относящиеся к этой области деятельности ремесленников. Письменные источники не балуют нас сведениями о скифском ремесле, но все же здесь можно найти указание, свидетельствующее о том, что условия для деятельности скифских ремесленников были не очень благоприятными. Геродот пишет (Нег., II, с. 167), что у скифов «меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан» [21, с. 132].

Фактически для обстоятельного изучения железообрабатывающего ремесла в степной Скифии мы располагаем в основном двумя группами археологических источников: находками в погребениях и материалами поселений. Эти источники объединяет не только общая территория степей Северного Причерноморья, но и наличие одних и тех же типов железных изделий, хотя количество и разнообразие их среди находок в курганах значительно превышает, то, что нам известно из материалов поселений. Но для разработки данной темы именно находки на поселениях являются более важными. Это объясняется тем, что при довольно развитых торговых связях степные кочевники-скифы располагали не только изделиями собственных ремесленников, но и разнообразными предметами, получаемыми из античных городов и лесостепных производственных центров, подобных Бельскому городищу. Металлографические исследования показали, что в курганах имеются как простые изделия, выкованные из кричного железа, так и высококачественные, сделанные из хорошей стали [10, 11]. Однако при широкой распространенности однотипных вещей судить о месте их изготовления очень трудно. По существу находки в курганах позволяют судить лишь о том, какими вещами располагали скифы, но не могут рассматриваться как показатель уровня развития железообрабатывающего ремесла у степных скифов. Для изучения особенностей местной металлургии и металлообработки железа гораздо большее значение имеют исследования различных находок, в том числе орудий и заготовок, обнаруженных на тех поселениях, где зафиксированы явные следы деятельности ремесленников.

Среди них в степной Скифии первое место занимают материалы, собранные за время многолетних раскопок на Каменском городище. Здесь впервые удалось собрать значительную коллекцию орудий производства ремесленников, занимавшихся обработкой черных металлов, а также заготовки, полуфабрикаты, отходы производства и готовые изделия. Типологическая и историко-археологическая характеристика большинства этих находок дана в известной работе Б. Н. Гракова [2]. Это интересное и обстоятельное исследование все же не исчерпывает всех возможностей материала. Сам Б. Н. Граков прекрасно понимал, что для более полного представления о деятельности ремесленников Каменского городища необходимо также изучить качество металла и технологию изготовления различных вещей. В свое время именно он оказал нам всяческое содействие в получении всех необходимых материалов для этой работы.

В данной статье авторы делают первую попытку в известной мере заполнить существующий пробел на основе металлографических анализов ряда изделий IV — начала III в. до н. э. После предварительного изучения всех железных находок на Каменском городище из коллекций Гос. исторического музея в Москве (ГИМ) и Этнографо-археологического музея Московского государственного университета (ЭАМ) было отобрано 20 образцов[1]. Из ГИМа получены: целый нож с остатками костяной рукоятки (рис. 1, *1*), обломок лезвия ножа (рис. 1, *6*), обломок рукояточной части ножа с частью лезвия (рис. 1, *5*), половинка серпа (рис. 1, *8*), обломок передней части серпа (рис. 1, *7*), зубило (рис. 1, *9*), пробойник (рис. 1, *13*), долото (рис. 2, *1*), обломок псалия (рис. 2, *2*), кольцо от удил (рис. 2, *3*), гвоздь (рис. 2, *4*) и шило (рис. 1, *12*). Из коллекции ЭАМ взяты для анализа: нож с тремя отверстиями для заклепок (рис. 1, *3*), нож с двумя отверстиями для заклепок (рис. 1, *4*), нож с одним сохранившимся отверстием для заклепки (рис. 1, *2*), шило (рис. 1, *11*), стамеска (рис. 1, *10*), два крючка (рис. 2, *5—6*) и заготовка (рис. 2, *7*). Таким образом, ассортимент изделий оказался достаточно разнообразным и включал ряд орудий, к качеству режущих частей которых должны были предъявляться повышенные требования.

---

[1] Авторы выражают свою благодарность администрации и научным сотрудникам указанных музеев за предоставление образцов для анализа.

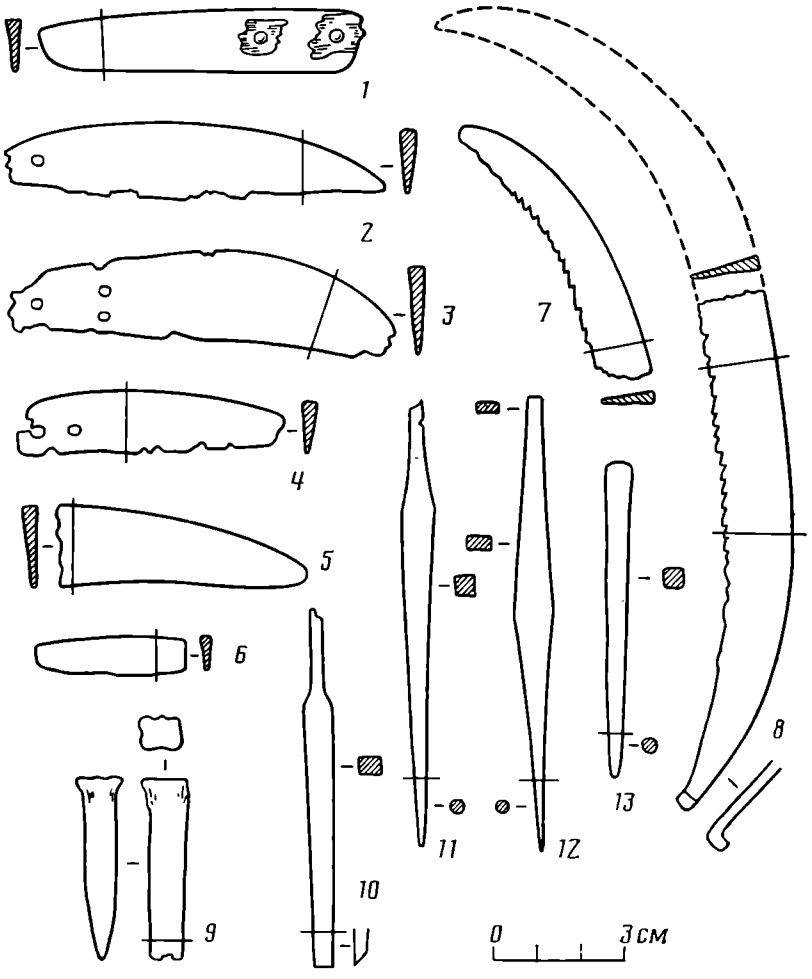


Рис. 1. Железные изделия из Каменского городища. *1* – нож с остатками костяной рукоятки; *2* – нож с одним отверстием для заклепки; *3* – нож с тремя отверстиями для заклепок; *4* – нож с двумя отверстиями для заклепок; *5* – обломок рукояточной части ножа; *6* – обломок лезвия ножа; *7* – обломок лезвия серпа; *8* – обломок серпа с рукояточной частью; *9* – зубило; *10* – стамеска; *11*, *12* – шилья; *13* – пробойник

Металлографические исследования производились на кафедре технологии металлов и материаловедения Харьковского автодорожного института с использованием металломикроскопов МИМ-7 и МИМ-8, прибора для измерения микротвердости ПМТ-3, твердомера Роквелла. Содержание углерода определялось металлографически. Для выявления металлических участков в сильно коррозированных вещах применялось просвечивание рентгеновскими лучами на установке РУП-120-5-1.

Из шести ножей три оказались цельностальными разного качества, а один был изготовлен при помощи сварки. Два обломка ножей (рис. 1, *5—6*) были настолько прокоррозированными, что получить шлиф для металлографического анализа этих образцов не удалось.

Наиболее простым с технологической точки зрения оказался нож из коллекции ГИМа с остатками костяной ручки, закрепленной двумя железными заклепками (рис. 1, *1*). Шлиф был сделан на поперечном разрезе в передней части лезвия. Он показал, что нож был выкован из первично неравномерно науглероженной кричной стали, имеющей в отдельных местах характерную полосчатость (рис. 3, *1*). Микроструктура лезвия неоднородная, феррито-перлитная, зерно мелкое, балл 8 (рис. 4, *1*). Содержание углерода колеблется от 0,2 до 0,5%. Полосчатость менее выражена на участках, где углерода больше, микротвердость [2] здесь равна

[2] Здесь и далее обозначения H_{50} показывают, что микротвердость измерена при нагрузке в 50 г.

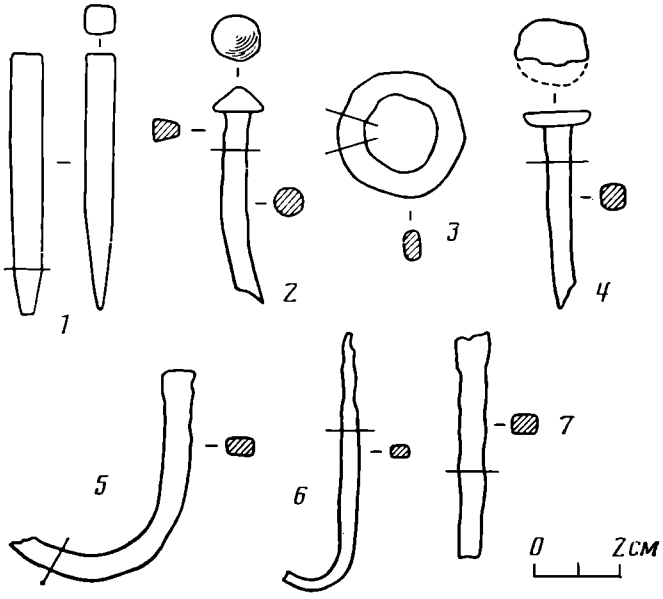


Рис. 2. Железные изделия и заготовка из Каменского городища. *1* – долото; *2* – обломок псалия от удил; *3* – кольцо от удил; *4* – обломок гвоздя; *5* – большой крючок; *6* – малый крючок; *7* – заготовка

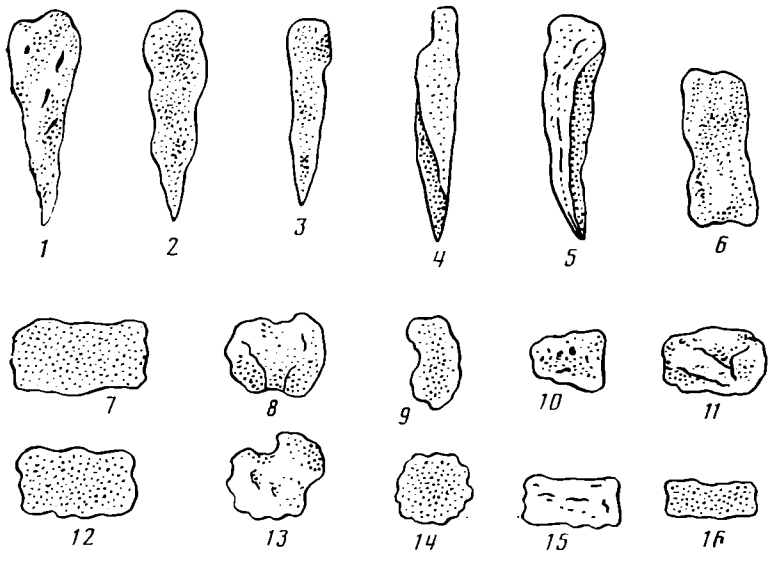


Рис. 3. Схемы поперечных сечений изделий Каменского городища. *1* – нож (рис. 1,*1*); *2* – нож (рис. 1, *3*); *3* – нож (рис. 1, *2*); *4* – нож (рис. 1, *4*); *5* – обломок серпа (рис. 1, *8*); *6* – стамеска (рис. 1, *10*); *7* – долото (рис. 2, *1*); *8* – пробойник (1, *13*); *9* – шило (рис. 1, *11*); *10* – обломок псалия (рис. 2, *2*); *11* – кольцо от удил (рис. 2, *3*); *12* – зубило (рис. 1, *9*); *13* – шило; *14* – обломок гвоздя (рис. 2, *4*); *15* – большой крючок (рис. 2, *5*); *16* – малый крючок (рис. 2, *6*)

H_{50} 200. Имеется много крупных шлаковых включений, свидетельствующих о недостаточно хорошей проковке изделия. Ранее было уже отмечено [22, с. 152], что внешне нарядные ножи с костяными ручками часто имеют лезвия, изготовленные из металла не очень высокого качества. Возможно, это объясняется тем, что к ножам с костяными ручками предъявлялись не очень высокие требования, так как их использовали обычно в качестве простых столовых или кухонных ножей.

Два других ножа сделаны из более высококачественного металла. Нож с одним отверстием для приклепывания рукоятки (рис. 1, *2*) выкован из неоднородной сырцевой стали (рис. 3, *3*). Шлиф был сделан на поперечном разрезе в передней части клинка. Исследование показало, что в перлито-ферритной структуре наблюдается существенное различие

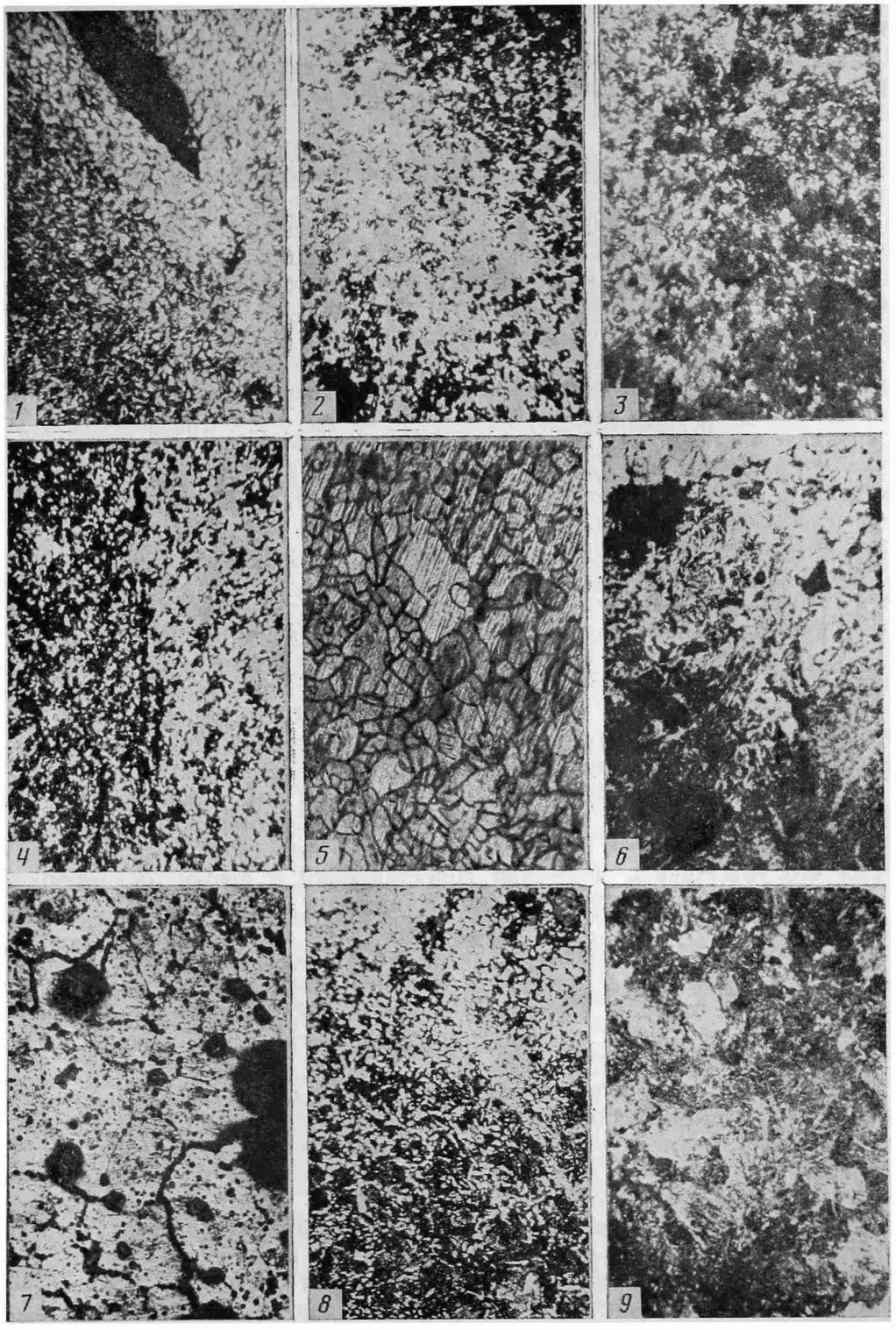


Рис. 4. Микрошлифы изделий, найденных на Каменском городище. *1* – нож (рис. 1, *1*) ув. 90; *2* – нож (рис. 1, *2*), ув. 120; *3* – нож (рис. 1, *3*), ув. 200; *4* – нож (рис. 1, *4*), ув. 90; *5* – обломок серпа (рис. 1, *8*), ув. 200; *6* – шило (рис. 1, *12*), ув. 170; *7* – зубило (рис. 1, *9*), ув. 200; *8* – стамеска (рис. 1, *10*), ув. 170; *9* – долото (рис. 2, *1*), ув. 200

в количестве перлита (рис. 4, *2*), связанное с первичной неравномерной науглероженностью заготовки. Поэтому количество углерода в разных местах колеблется от 0,2 до 0,6%. Микротвердость перлитоферритных участков с большим содержанием углерода равна H_{50} 280. Изделие хорошо проковано. Шлаки мелкие и количество их невелико.

У ножа с тремя отверстиями для приклепывания ручки (рис. 1, *3*) шлиф также сделан на поперечном разрезе в передней части клинка. По всему сечению шлифа наблюдается перлито-ферритная структура (рис. 4, *3*). Микротвердость равна H_{50} 215. Перлит частично сфероидизирован и располагается не в виде сетки, а в виде отдельных изолированных включений, что может свидетельствовать о повторных нагревах металла при ковке и о непредумышленной нормализации. Ближе к лезвию и на самом лезвии наблюдается частичное обезуглероживание. В сердцевине клинка содержится 07,—0,8% углерода, а на поверхности до 0,5—0,6%. Излишняя хрупкость металла, видимо, и привела к тому, что кончик ножа обломился. Шлаковых включений очень мало, и они мелкие. Все это свидетельствует о том, что данный нож сделан из хорошо прокованной высокоуглеродистой стали (рис. 3, *2*).

С точки зрения технологии изготовления наиболее интересен нож из коллекции МГУ, у которого на черенковой части имеются два отверстия для приклепывания рукоятки (рис. 1, *4*). Шлиф сделан по разрезу почти в средней части ножа. В микроструктуре поперечного сечения лезвия ножа четко видны две разных области (рис. 4, *4*). Одна имеет феррито-перлитную структуру со следами видманштета, свидетельствующего о перегреве. Содержание углерода здесь 0,3—0,4%, микротвердость H_{50} 160. Другая область почти чисто перлитная с содержанием углерода 0,7—0,8%, микротвердость — H_{50} 220. Шлаки мелкие, и их мало. Исключением являются места сварки, где прослеживаются тонкие вытянутые шлаковые включения небольшого размера. Таким образом, видно, что данный нож сделан из двух полос стали с различным содержанием углерода (рис. 3, *4*). Полоса более мягкой стали, из которой сделана основная часть ножа, при помощи кузнечной сварки соединена с образующей лезвие небольшой полосой твердой высокоуглеродистой стали. Наварка произведена достаточно высококачественно.

Более сложная структура кузнечной сварки была обнаружена при исследовании одного из серпов, найденных на Каменском городище в 1949 г. (рис. 1, *8*). Хотя передняя часть этого серпа обломана, но общая форма его совершенно ясна при сопоставлении с целым экземпляром, который был найден на том же Каменском городище [2, с. 141, рис. 14, *1*].

Известны эти столбиковые серпы и по целому ряду других находок в степной и лесостепной Скифии. У данного экземпляра на лезвии имеются небольшие насечки, сделанные зубилом. Небольшой черенок заканчивается загибом в виде столбика, который обеспечивал прочное соединение серпа с деревянной рукояткой.

В ходе исследования рассматриваемого нами серпа было сделано два поперечных разреза лезвия. На обоих микрошлифах были видны продольные трещины, идущие от обуха к режущей части серпа (рис. 3, *5*). Изучение микрошлифов показало, что они одинаковы и указывают на сложную технологию изготовления серпа. Везде видны три слоя металла: два однородных слоя феррита, имеющего микротвердость H_{50} 105, и один слой с феррито-перлитной структурой с микротвердостью H_{50} 180—190. Зерна феррита довольно крупные (балл 4—5), что говорит об окончании ковки при высоких температурах (рис. 4, *5*). На это же указывает и видманштеттовый характер структуры.

Таким образом, серп сделан следующим образом. Основа серпа была выкована из железной, согнутой предварительно пополам полосы. Затем сбоку к этой основе была кузнечным способом приварена выходящая на лезвие пластинка малоуглеродистой стали (около 0,3% углерода). Клинок серпа несколько раз проковывался, но не особенно тщательно. В местах сварки хорошо видны швы, вытянутые крупные шлаковые включения, а на отдельных участках даже расслоение по месту сварки. Хотя наварка стального лезвия целесообразна для серпа и практиковалась ремесленниками Скифии [10, с. 43], в данном случае как качество сварки, так и выбор материала для наварки на лезвие свидетельствуют о недостаточной квалификации мастера. В свое время и Б. Н. Граков от-

метил находку отслоившегося от серпа наварного лезвия [2, с. 141, рис. 14, *2*].

Второй обломок серпа, полученный нами для исследования (рис. 1, *7*), оказался, к сожалению, очень сильно прокоррозированным и не был пригоден для изготовления шлифа.

Среди металлических изделий на скифских поселениях весьма часто встречаются шилья. Каменское городище в этом отношении не составляет исключения. Для металлографического исследования были отобраны два массивных прямых шила сравнительно хорошей сохранности. Одно из них, полученное из коллекции МГУ (рис. 1, *11*), имеет вид утолщенного у основания квадратного в сечении стержня длиной 104 мм. Заостренный рабочий конец имеет в сечении круглую форму. Исследование шлифа, сделанного на рабочем конце шила, показало, что структура у поверхности и в сердцевине стержня шила различна (рис. 3, *9*): в сердцевине она перлито-ферритная (0,6—0,7% С, микротвердость H_{50} 220), а на поверхности — ферритная, микротвердость — H_{50} 160. Шлаковых включений мало. Таким образом, шило сделано из сравнительно хорошей стали, поверхность которой обезуглеродилась при ковке, особенно при оттяжке лезвия.

Второе шило, полученное из коллекции ГИМа, имеет вид стержня переменного сечения с наибольшим расширением в средней части орудия (рис. 1, *12*). Поперечное сечение в верхней и средней части шила прямоугольное, а у заостренного рабочего конца — круглое. Шлиф был сделан также на поперечном разрезе рабочего конца орудия. Микроструктура по сечению неоднородна (рис. 4, *6*): большей частью чисто ферритная (микротвердость H_{50} 180), переходящая на одном боковом участке в структуру изреженного перлита со следами видманштетта. В отдельных местах по ферриту имеются включения коагулированного цементита. В металле много шлаковых включений, и некоторые из них довольно крупные. Таким образом, это шило изготовлено из неоднородного кричного железа. Заготовка несколько раз нагревалась до чрезмерно высокой температуры, проковка была проведена недостаточно хорошо. В целом по своему качеству это шило хуже первого.

Очень интересны для характеристики состояния металлообработки у степных скифов такие орудия, как зубило и пробойник. Верхний конец небольшого, но массивного зубильца (рис. 1, *9*) расплющен от сильных ударов молотком, а кончик лезвия слегка выкрошен в средней части. Шлиф сделан на поперечном разрезе рабочей части орудия. Он показал, что зубило выковано из высокоуглеродистой стали (рис. 3, *12*). Структура металла в поперечном сечении (рис. 4, *7*) изменяется. В центре наблюдается структура заэвтектоидной стали, содержащей 1,0—1,1% углерода (сорбитизированный перлит с сеткой вторичного цементита), а у поверхности — структура перлита с сеткой феррита (0,5—0,6% углерода). Шлаковые включения невелики и располагаются равномерно по всему сечению. Микротвердость перлита — H_{50} 275. Верхняя часть зубила в месте, которое расщеплено ударами молотка, имеет повышенную твердость в результате наклепа. Если на лезвии твердость [3] равна HRB 96, то на хвостовой части зубила она достигает HRB 102. Таким образом, видно, что для изготовления зубила была использована сталь, имеющая достаточно большую твердость, но вместе с тем вязкость ее была невелика. Хрупкость рабочей части орудия из-за наличия сетки цементита и вызвала выкрашивание металла на лезвии.

Пробойник сделан из стержня прямоугольного сечения, который закруглен у рабочего конца (рис. 1, *13*). Шлиф расположен на поперечном разрезе рабочей части орудия. Структура по сечению оказалась различной. С одной стороны, наблюдается зона обезуглероживания, где имеется феррит с небольшим количеством перлита, переходящий с другой стороны в перлит. Количество углерода изменяется по сечению от 0,1%,

[3] Обозначение HRB указывает, что твердость измерена на приборе Роквелла по шкале В (при вдавливании стального шарика с нагрузкой в 100 кг).

с одной стороны, до 0,7% — с другой. Микротвердость перлита H_{50} 215—220. Заготовкой служила сравнительно тонкая стальная заготовка, которая для увеличения поперечного сечения сгибалась и сваривалась. Об этом свидетельствуют следы сварного шва и расположение шлаковых включений, то вытянутых, то изогнутых (рис. 3, *8*).

К числу редких в степной Скифии орудий относятся найденные на Каменском городище долото и стамеска. В лесостепи орудия этого типа найдены на таких памятниках скифского времени, как Люботинское [23, с. 74, рис. 2, *3*, *9*] и Бельское [16, с. 103, рис. 9, *16*; 24, с. 70, рис. 4, *8*, *17*] городища, селище у ст. Шелковая [25, с. 182, рис. 1, *15*]. Эти два орудия для обработки дерева отличаются друг от друга главным образом тем, что долото — это ударно-режущий инструмент, по которому ударяют специальным молотком-киянкой (деревянным или костяным), а на рукоятку стамески, предназначенной для более тонких работ, нажимают просто рукой.

Стамеска из Каменского городища представляет собой стержень прямоугольного сечения с более тонким черенком для насаживания деревянной рукоятки (рис. 1, *10*). Рабочий конец имеет одностороннюю заточку под углом около 43°. Шлиф сделан на поперечном разрезе рабочей части орудия. Исследование шлифа свидетельствует о неоднородной структуре металла (переход феррита в перлит и феррита в перлит с ферритной сеткой, рис. 4, *8*). Шлаковых включений мало, но местами встречаются крупные. Количество углерода колеблется от 0,1 до 0,7—0,8%. Микротвердость феррита H_{50} 160, а феррита с перлитом — до H_{50} 225. Неоднородность структуры объясняется тем, что стамеска сделана из типичной кричной неравномерно науглероженной стали (рис. 3, *6*), которая подверглась не очень тщательной проковке.

Долото имеет более массивный стержень квадратного сечения (рис. 2, *1*). Рабочий конец его заточен под углом 17°. Шлиф был сделан на поперечном сечении рабочего конца орудия. Исследование показало, что долото изготовлено очень тщательно. Структура сечения однородная (рис. 3, *7*). Структурные составляющие — перлит с разорванной сеткой цементита (рис. 4, *9*). Зерно мелкое. Встречаются отдельные небольшие шлаковые включения. Количество углерода более 0,8%, микротвердость H_{50} 230. Такая структура обладает довольно высокими механическими свойствами и твердостью достаточной для работы по такому материалу, как дерево.

Обломок псалия с конической шишечкой на конце (рис. 2, *2*) исследовался по поперечному разрезу стержня. Эта деталь конской уздечки сделана из металла не очень высокого качества (рис. 5, *1*). Структура, наблюдаемая на шлифе поперечного сечения, различна: бóльшая часть занята ферритом, а в отдельных местах имеется феррито-перлитная со следами перегрева (видманштеттовая структура). Видны раковины и крупные шлаковые включения. Важно отметить, что головка псалия формовалась осаживанием в каком-то приспособлении. Это заметно по трапециевидному сечению псалия у головки при круглом сечении остального стержня, а также по продольным бороздкам на трапециевидном участке стержня. Псалий выкован из низкокачественного и недостаточно хорошо прокованного кричного железа (рис. 3, *10*).

Кольцо от конских удил (рис. 2, *3*), служившее для закрепления ремня и соединения его с удилами [26, с. 84, рис. 32], сохранилось довольно хорошо. Шлифы были изготовлены на поперечном сечении, в двух местах. Исследование показало, что кольцо сделано из неоднородной заготовки, которая была согнута на цилиндрической оправке, а концы сварены кузнечным способом. На шлифах прослеживаются сварочные швы (рис. 3, *11*). Структура неоднородная (феррит, феррит и перлит, перлит и сетка феррита; рис. 5, *2*). Все структурные составляющие имеют видманштеттовый характер. Микротвердость в разных местах колеблется от H_{50} 150 до H_{50} 170. Зерна вытянутые. Имеется большое количество крупных шлаковых включений. Кольцо изготовлено из вторичного металла, ковка велась при высокой температуре.

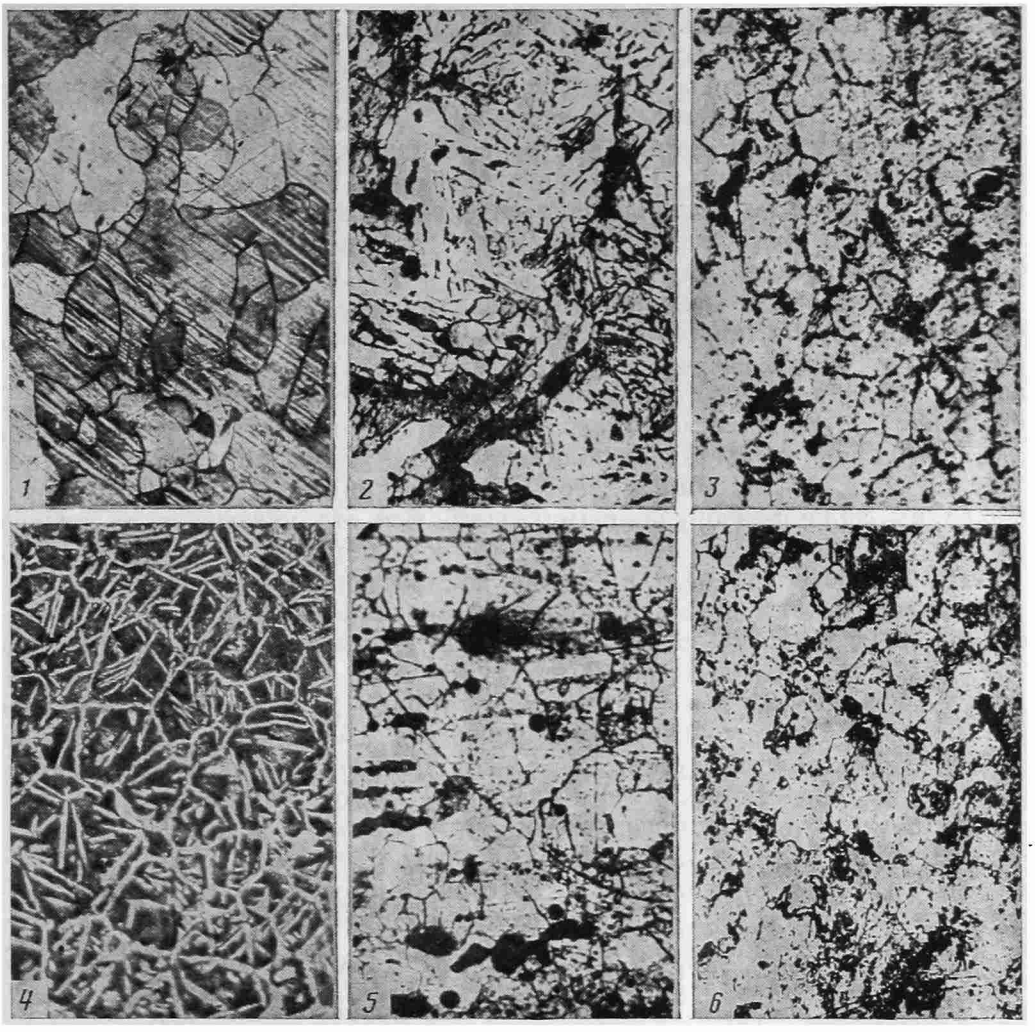


Рис. 5. Микрошлифы изделий, найденных на Каменском городище (*1–4*) и на Ягорлыцком поселении (*5–6*). *1* – обломок псалия (рис. 2, 2), ув. 200; *2* – кольцо от удил (рис. 2, 3), ув. 200; *3* – крючок большой (рис. 2, 5), ув. 200; *4* – гвоздь (рис. 2, 4), ув. 200; *5* – нож, ув. 200; *6* – обломок удил, ув. 200

Исследование обломков крючков типа рыболовных показало, что один из них, более массивный (рис. 2, *5*), выкован из куска простого кричного железа (рис. 3, *15*; 5, *3*). Микротвердость феррита H_{50} 160. В сечении наблюдается большое количество рассеянных шлаковых включений. Крючок меньшего размера (рис. 2, *6*) сделан из хорошей и тщательно прокованной высокоуглеродистой, но хрупкой стали (рис. 3, *16*). Структура по сечению однородная, феррито-перлитная с содержанием углерода 0,7%, микротвердость H_{50} 300. Зерно сравнительно мелкое, балл 7. Однако для такого орудия, как крючок, применение данной стали нецелесообразно. Хрупкость металла оказалась слишком большой, и кончик крючка обломался.

Интересные данные удалось получить при исследовании гвоздя из находок 1950 г. на Каменском городище (рис. 2, *4*). Гвоздь с плоской шляпкой имеет почти квадратный в сечении стержень, конец которого обломан. Длина сохранившейся части 46 мм. Шлиф для исследования сделан на поперечном разрезе стержня. Структура по всему сечению одинакова (рис. 3, *14*) – перлит с сеткой цементита. Внутри всех зерен видны игольчатые включения цементита (рис. 5, *4*). Таким образом, гвоздь оказался изготовленным из высокоуглеродистой стали (углерода содержится значительно больше, чем 0,8%), у которой цементит выделился не только по границам зерен, но и внутри их. Такой выбор металла для изготовления гвоздя нельзя считать удачным, так как он очень хрупкий. И действительно, при попытках его использовать гвоздь еще в древности

сломался и даже шляпка его частично выкрошилась. Структура показывает, что гвоздь ковался при высокой температуре свыше 900—1000°.

Макрорельеф поверхности изделия свидетельствует о том, что после отковки квадратного в сечении стержня заготовка зажималась в гвоздильной доске или в специальном вырезе наковальни для получения головки путем осаживания. Такое приспособление на Каменском городище пока не найдено, но наличие двух изделий (псалий и гвоздь), изготовленных по этой технологии, показывает, что скифские кузнецы в IV в. до н. э. уже использовали его.

Наконец, среди исследованных изделий была заготовка в виде продолговатого бруска прямоугольного сечения (рис. 2, 7). Шлиф был сделан на поперечном разрезе в средней части заготовки. Структура оказалась неоднородной (участки феррита, перлита и феррита, перлита с сеткой феррита). Количество углерода соответственно колеблется от 0,1 до 0,7%. Структурные составляющие местами отделены друг от друга многочисленными вытянутыми шлаковыми включениями и трещинами, которые видны даже невооруженным глазом. Все это указывает на низкое качество заготовки, откованной из вторичного металла.

А. С. Островерхов недавно вновь поднял вопрос о возможности использования металлургами Каменского городища железных руд Криворожского бассейна [27, с. 30]. Мы в свое время высказывали сомнение [9, с. 72] в том, что скифские металлурги этого городища могли применять для добычи железа в сыродутных горнах гематито-мартито-магнетитовые руды Криворожского месторождения и отмечали, что основным сырьем скифских металлургов были легкодоступные и легковосстанавливаемые бурые железняки, которые часто встречаются в районе Каменского городища прямо на поверхности. Этот взгляд поддержал и геолог В. Ф. Петрунь [28, с. 6]. К сказанному ранее можно добавить, что данные спектрального анализа [15, с. 96] также не подтверждают использования криворожских руд. Железо изделий Каменского городища не содержит основных микропримесей, характерных для руд Криворожского бассейна (Ti, Ni, Cu, Cr и др.) и вместе с тем в нем постоянно присутствует ванадий, который не характерен для криворожских руд [29, с. 20 и сл].

Трудно согласиться с предположением А. С. Островерхова о том, что кускам руды, из которой добывали железо, для удобства при транспортировке специально придавалась форма прямоугольных брусков размеров 15×5×3 см [27, с. 30]. Такая дополнительная обработка была бы напрасной тратой сил и времени, значительно удорожала бы сырье, которое должно быть максимально дешевым. Скорее всего отмеченные им бруски использовались для каких-то других целей.

Предполагается также, что в степном Причерноморье на Ягорлыцком поселении близ устья Днепра зафиксированы следы добычи и обработки железа, относящиеся к архаической эпохе VI—V вв. до н. э. [27, с. 27—29]. К сожалению, материалы, обнаруженные здесь на развеянных песчаных дюнах после глубокой плантажной вспашки, трудно датировать, так как кроме остатков античного поселения здесь имеются и средневековые. Отмечаются находки шлаков и округлой нижней части домницы (сыродутного горна) для добычи железа. Однако остатки домницы были обнаружены в 1973 г. [30, с. 323], а фрагменты киликов, привлекаемых для датировки, найдены лишь во время повторного осмотра участка в 1977 г. [27, с. 27]. При этом трудно сказать, насколько фрагменты могут быть связаны с данным комплексом. Для подтверждения датировки в качестве аналогии привлекается сыродутный горн шахтного типа с двусторонним дутьем, найденный в Новой Покровке на Харьковщине, но после исследования аналогичных горнов у Волчанского городища салтовской культуры не остается никаких сомнений в том, что горны такого типа относятся к средневековью [31, с. 74—81]. Что представляют собой остатки прямоугольной площадки с частью прямой глиняной стенки с одной стороны [27, с. 28, рис. 3] и к какому времени относится это сооружение, пока, к сожалению, не совсем ясно. А. С. Островерхов называет

эту площадку остатками «железоплавильной печки». На чем основывается такой вывод, остается непонятным.

Если вопрос о наличии на Ягорлыцком поселении местной добычи железа в VI—V вв. до н. э., таким образом, пока открыт, то еще меньше оснований для того, чтобы говорить о местной обработке железа в эту эпоху. Никаких орудий для обработки железа здесь не обнаружено. Найдены железные предметы, преимущественно очень фрагментарные [27, с. 33], из которых, по крайней мере некоторые (нож, трехлопастные наконечники стрел и пр.), действительно могут быть отнесены к скифской эпохе. На рукоятке ножа обнаружены слабые следы изображения в скифском зверином стиле. Отсюда делается вывод, что жители этого античного поселения «возможно принимали участие в формировании „ольвийской" школы звериного стиля и в изготовлении предметов, оформленных в этом стиле» [27, с. 33—34]. Но прежде всего следовало доказать, что нож сделан на этом поселении, а не где-либо в другом месте Скифии. Таких доказательств пока нет. Ножи, у которых головка рукоятки украшена изображением в зверином стиле, хорошо известны в лесостепной Скифии [22, с 145, рис. 6, *1, 2*]. Нож с головкой грифона найден и на Бельском городище[4], где уже в VI—V вв. до н. э. была развита собственная обработка железа [16, с. 100, 101] и найдены остатки кузницы с горном и каменной наковальней, различные кузнечные орудия и полуфабрикаты. Поэтому с бóльшим основанием можно полагать, что нож такого типа попал на Ягорлыцкое поселение из какого-либо железообрабатывающего центра Скифии. Дополнительный штрих дают металлографические анализы двух изделий, найденных на Ягорлыцком поселении. Нож имеет в основном ферритную структуру (рис. 5, *5*), балл зерна 7 и 6, много шлаковых включений, небольшой участок у торца изделия имеет структуру перлита с сеткой феррита (содержание углерода здесь до 0,8%); следовательно, нож выкован из случайно науглероженного и не очень хорошо прокованного кричного железа. Удила имеют структуру феррита и цементита (рис. 5, *6*), величина зерен колеблется от очень мелких до очень крупных (балл 1 и 2), шлаковых включений много. Удила выкованы из малоуглеродистой кричной стали, практически из железа (углерода около 0,1%). Таким образом, известные сейчас железные изделия Ягорлыцкого поселения ничем не выделяются и по своему качеству не лучше многих изделий Каменского городища. Поэтому даже если можно будет доказать существование местного производства изделий из железа, то вряд ли оно могло оказать какое-то серьезное влияние на формирование этого ремесла в Ольвии или у степных скифов.

Анализ материалов, относящихся главных образом к кузнечной продукции Каменского городища, позволяет с учетом ранее исследованных скифских вещей [10—12] сделать в настоящее время следующие предварительные выводы об уровне развития железообрабатывающего ремесла у степных скифов в IV—III вв. до н. э.

Скифские ремесленники располагали различным по качеству материалом, от простого кричного железа до сталей с различной степенью науглероженности: малоуглеродистых, мягких, содержащих менее 0,3% углерода; средней твердости, имеющих 0,3—0,5% углерода; твердых, содержащих 0,5—0,8% углерода. Очень твердые заэвтектоидные стали, содержащие более 0,8% углерода, встречаются чрезвычайно редко. Получение сырцовой кричной стали было, видимо, хорошо освоено и не представляло особых трудностей, так как среди исследованных изделий стальные преобладают над железными. Большое разнообразие структур изделий из черного металла вызвано тем, что кузнецы Каменского городища использовали первично неравномерно науглероженный в сыродутном горне металл. Среди исследованных изделий не встречены такие, которые подвергались бы преднамеренной цементации, в то время как на предметах из лесостепной Скифии цементация была ранее неоднократно

[4] Хранится в Археологическом музее Харьковского гос. ун-та, № 167/IV-65.

зафиксирована, а на Люботинском городище найдена и специально предназначенная для этой операции печь [23, с. 77, рис. 5].

Размеры заготовок, которые использовали местные кузнецы, часто бывали недостаточно велики, и это вынуждало кузнецов в процессе изготовления орудий прибегать к сгибанию и сварке однородного металла, чтобы увеличить толщину заготовок. Видимо, не все скифские кузнецы умели достаточно хорошо определять качество металла заготовки, так как исследования показали, что в некоторых случаях металл для данного вида изделий был подобран не совсем удачно. Для изготовления ряда орудий скифы старались использовать твердую сталь, но при этом не всегда учитывали хрупкость сильно науглероженной стали, что приводило к выкрашиванию лезвия или к поломке изделия. Черные металлы были ценным материалом, и скифские кузнецы стремились утилизировать все отходы производства, выковывая из них второстепенные изделия, для которых качество металла не имело особого значения. Кузнецы Каменского городища располагали хорошими кузнечными горнами и различными инструментами. Найдены кузнечные и слесарные зубила, пробойники. Имелись, конечно, и различные молотки. Изделия указывают и на применение гвоздильни для высаживания головок.

При обработке черных металлов местные скифские ремесленники использовали довольно ограниченное количество технологических операций кузнечной ковки. Такими операциями были: рубка, вытяжка, осаживание, гибка и пробивка отверстий. Изредка применялось скручивание (среди исследованных экземпляров такого изделия нет, но в находках на Каменском городище имеется булавка с витым стержнем [2, с. 105, табл. XII, *9*). Кузнецы Каменского городища выполняли только простую, однослойную кузнечную сварку. Наваривалась сталь на железо или сталь с большим содержанием углерода на менее науглероженную сталь. Сварка не всегда была высококачественной.

Преднамеренная термическая обработка (закалка, отпуск) не зафиксирована ни на одном из исследованных изделий Каменского городища. Возможно, местные кузнецы не умели применять термическую обработку. В пользу такого заключения свидетельствует полное отсутствие такой обработки в структурах исследованных изделий даже в тех случаях, когда термическая обработка была бы весьма целесообразна (например, при изготовлении зубил, долот, стамесок и т. п.).

Все это подтверждает вывод Б. Н. Гракова о том, что кузнечное производство на Каменском городище еще не было достаточно дифференцированным и мастера-универсалы, которые занимались и литьем бронз, и ковкой железа, в некоторых случаях не обладали еще достаточным знанием специально в области металлообработки железа. Это обстоятельство не мешало местным ремесленникам изготавливать хотя и технологически простые, но разнообразные изделия из железа и стали, обеспечивая основные потребности степных кочевников. Потребность в высококачественных изделиях из черных металлов удовлетворялась, видимо, за счет продукции ремесленников античных городов Северного Причерноморья и ремесленников лесостепной Скифии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граков Б. Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— КСИИМК, 1948, вып. 22.
2. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.– МИА, 1964, № 36.
3. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Древний Восток.– СА, 1954, т. XIX.
4. *Яценко И. В.* Скифия VII–V вв. до н. э. М.: Изд-во МГУ, 1959.
5. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
6. *Мелюкова А. И.* Войско и военное искусство скифов.– КСИИМК, 1950, вып. 34.
7. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
8. *Шрамко Б. А.* Орудия скифской эпохи для обработки железа.– СА, 1969, № 3.
9. *Шрамко Б. А.* Новые данные о добыче железа в Скифии,– КСИА, 1962, вып. 91.
10. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.– СА, 1963, № 4.
11. *Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. О.* Техніка виготовления скіфської наступальної зброї із заліза і сталі.– Археологія, 1970, т. 23.
12. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Новые исследования техники обработки железа в Скифии.– СА, 1971, № 4.

13. *Шрамко Б. А.* Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии.– СА, 1970, № 2.
14. *Sramko B. A.* Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit.– In: Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974.
15. *Шрамко Б. А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии.– В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
16. *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища.– В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
17. *Тереножкин А. И.* Об общественном строе скифов.– СА, 1966, № 2.
18. *Тереножкін О. І.* Класи і классові відносини у Скіфії.— Археологія, 1975, № 15.
19. *Тереножкин А. И.* Общественный строй скифов.– Скифы и сарматы. Киев, Наук. думка, 1977.
20. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
21. *Геродот.* История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
22. *Шрамко Б. А.* Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії.– Питання історії народів СРСР, вип. 1. Харків: Изд-во Харьк. ун-та, 1965.
23. *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство скіфської епохи. Вісник ХДУ, 1966, № 17, іст. серія, вип. 1.
24. *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема.– СА, 1975, № 1.
25. *Шрамко Б. А.* Поселення скіфського часу біля станції Шовкова.– Археологія, 1964. т. XVI.
26. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб, 1901.
27. *Островерхов А. С.* Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні.– Археологія, 1978, № 28.
28. *Петрунь В. Ф.* О достоверности петрографо-минералогических исследований в археологической практике.– ЗОАО, 1967, т. 2(35).
29. *Белевцев Я. Н., Бура Г. Г., Дубинкина Р. П., Епатко Ю. М.* Генезис железных руд Криворожского бассейна. Киев, 1959.
30. *Островерхов А. Г.* Ягорлыцкое поселение.— АО — 1973. М., 1974.
31. *Шрамко Б. А., Михеев В. К.* До питання про виробництво заліза у болгаро-аланських племен салтівської культури.– Вісн. ХДУ, 1969, № 35, іст. сер. вип. 3.

B. A. Shramko, L. A. Solntsev, L. D. Fomin

ON IRONWORKING IN SCYTHIAN STEPPES

Summary

It is the first ever publication of metallographic analysis of 20 iron objects dating to the 4th century B. C. All of them were found in the Kamenskoe fortified settlement in Scythian steppes. The data obtained through analysis contribute to the debatable problem of the level of ironworking among the Scythians. Scythian handicraftsmen used ball iron and all kinds of steel, including high carbon varieties obtained in the heaths. The authors failed to discover carburised objects. Scythian handicraftsmen sometimes erroneously choose brittle high carbon steel. They used nail headers. Their cutting tools with sharp edges were made by single-layer forge welding. Temper hardening was absent. In the Kamenskoe fortified settlement forging was still not completely differentiated from bronzeworking. The craftsmen produced a great variety of objects mainly meeting the requirements of the local nomad population. Due to the absence of relyable evidence the problem of existence, in the 6th-5th centuries B.C., of a mining and ironworking centre in the Yagorlyk settlement, remains open.

Т. В. МИРОШИНА

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ, ИССЛЕДОВАННЫЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ

С 1974 по 1982 г. Ставропольской экспедицией Института археологии АН СССР было исследовано 56 погребений конца IV—I в. до н. э.[1] Условно к ним можно отнести еще семь погребений, дата которых точно не устанавливается, но можно предположить, что они были совершены до рубежа нашей эры.

Три погребения (5%) относятся, видимо, к грунтовым бескурганным — два погребения из могильника Херсонка [1] и одно у птицефабрики Кумской [2]. Остальные были раскопаны в восьми курганных могильниках. Погребения сарматского времени происходят из шести районов Ставропольского края — Александровский, Арзгирский, Буденновский, Георгиевский, Новоселицкий и Туркменский (рис. 1).

Задачей работы является корреляция погребального обряда и инвентаря с полом и возрастом погребенных, а также определение их этнической принадлежности.

Большинство исследуемых погребений — 44 (70%) — относится к III—I вв. до н. э. К IV—III вв. до н. э. можно отнести 10 погребений — Веселая Роща II, кург. 1, погр. 2; Веселая Роща III, кург. 14, погр. 7 [3]; Жуковская группа II, кург. 5, погр. 1 [4]; Новоселицкое, кург. 2, погр. 1 [5]; Чограй II, кург. 7, погр. 6; кург. 19, погр. 1 и 3 [6]; Чограй III, кург. 1, погр. 1; Чограй IV, кург. 5, погр. 2 [7]; Грушевское I, кург. 10, погр. 1 [8]. Преобладают захоронения этого времени на северо-востоке Ставропольского края (в Арзгирском р-не), на границе с Калмыкией, а также в центре, в Александровском р-не.

Основных погребений в рассматриваемой серии всего три, т. е. впускные составляют 95%. Два из них относятся к IV—III вв. до н. э. (Жуковская группа II, кург. 5, погр. 1 [4] и Грушевское I, кург. 10, погр. 1 [8], а одно — к III—I вв. до н. э. (Веселая Роща II, кург. 15, погр. 2 [3]). Все они мужские (одно парное — мужчина и женщина) с рядовым инвентарем. Только одно погребение можно отнести к богатым (Грушевское I, кург. 10, погр. 1).

Конструкцию погребальных сооружений в грунтовых могильниках проследить не удалось; вероятно, это прямоугольные ямы. Бóльшая часть рассматриваемых погребений в курганах — 40 (67%) — совершена в узких прямоугольных ямах, конструкция которых из-за особенностей почвы и преобладания впускных захоронений прослеживалась редко.

Катакомбы (сюда же включаются и подбои) составляют 20% погребений в курганах (их 12). Подбои известны с IV—III вв. до н. э.— Жуковская группа II, кург. 5, погр. 1 [4]. Большее распространение они получают в III—1 вв. до н. э., когда появляются катакомбы (вместе их 11, т. е. 92%)[2]. Особенно часто камерные могилы встречаются в мо-

---

[1] Погребения, относящиеся к нашей эре, не рассматривались. Возможно, к сарматским можно отнести и несколько погребений без инвентаря, но они не учитывались при подсчетах. Материал в основном не опубликован, поэтому сделаны только предварительные выводы. Датировка дается автором статьи на основании отчетов и находок из погребений. Благодарим за консультации М. Г. Мошкову и М. П. Абрамову.

[2] Камерные могилы III—I вв. до н. э. найдены в следующих погребениях: Веселая Роща I, кург. 2, погр. 4 [9]; Веселая Роща III, кург. 21, погр. 11; кург. 22, погр. 6; кург. 25, погр. 3 [10]; Жуковская группа II, кург. 1, погр. 5; кург. 6,

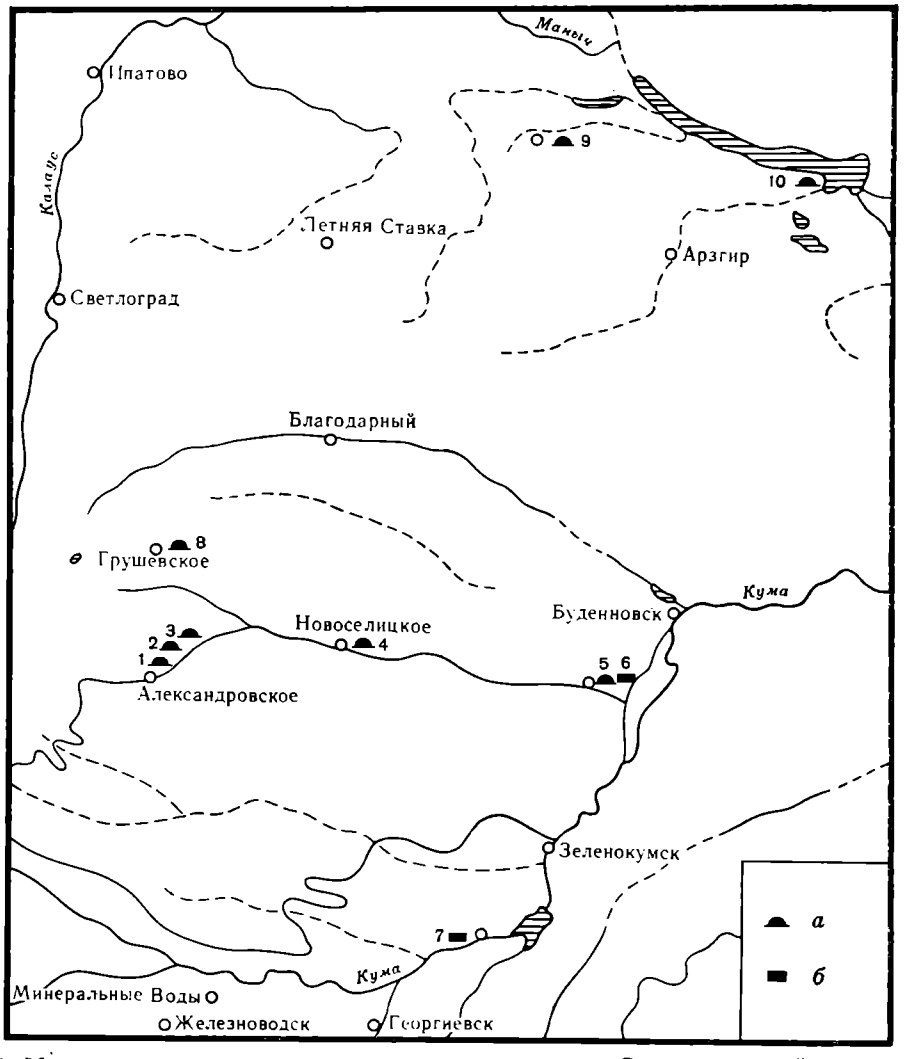


Рис. 1. Могильники сарматского времени, раскопанные Ставропольской экспедицией. *1* – Жуковская группа I и II; *2* – колхоз им. Войтика; *3* – Веселая Роща I–III; *4* – Новоселицкое; *5* – Преображенское; *6* – Херсонка; *7* – птицефабрика Кумская; *8* – Грушевское I и II; *9* – совхоз Красноманычский; *10* – Чограй I–V, VIII. *а* – курганы, *б* – грунтовые могильники

гильнике Веселая Роща (33%) и у хут. Жуковского (25%). Устройство их не всегда удавалось проследить подробно, в двух случаях – Чограй VIII, кург. 17, погр. 4 и Преображенское, кург. 3, погр. 5 – подбои только предполагаются. Все камерные могилы ориентированы широтно, 33% – с отклонением по линии север – юг.

В шести погребениях (50%) камера сделана в продольной, обычно северной стене ямы, т. е. это подбои[3]. Катакомбы (их тоже 50%) все II типа, по К. Ф. Смирнову [12, с. 74], – камера продолжает входную яму по продольной оси, скелет лежит ногами ко входу.

Катакомбы встречаются на Кавказе от Прикубанья до бассейна Терека [13, с. 38]. В Краснодарском крае среди сарматских катакомб III–I вв. до н. э. также абсолютно преобладают широтно ориентированные катакомбы II типа[4]. Появляются катакомбы в Прикубанье в III в. до н. э. [14, с. 14, 15] в связи с сарматизацией [15, с. 160].

Ориентировка рассматриваемых погребений[5] представлена в табл. 1.

погр. 2 [4]; Чограй VIII, кург. 17, погр. 4 [11]; Грушевское I, кург. 12, погр. 1Б и кург. 13, погр. 6 [8]; Новоселицкое, кург. 1, погр. 6 [5]; Преображенское, кург. 3, погр. 5 [1].

[3] Они найдены в группе Веселая Роща III, кург. 25, погр. 3; Жуковская группа II, кург. 5, погр. 1; Чограй VIII, кург. 17, погр. 4; Грушевское I, кург. 12, погр. 1Б и кург. 13, погр. 6; Преображенское, кург. 3, погр. 5.

[4] Благодарим за эти данные О. А. Гей и В. Н. Игнатова.

[5] Ориентировка известна в 89% погребений.

С IV по I в. до н. э. во всех типах погребальных сооружений преобладает широтная ориентировка, особенно западная, которая составляет 53% от погребений с известной ориентировкой. В целом широтная ориентировка с отклонениями (северо-запад, юго-запад, юго-восток) доходит до 90%.

Западная ориентировка очень редко встречается в сарматских погребениях IV—II вв. до н. э. [16, с. 22; 17, с. 205 и сл.]. Однако в

Таблица 1

Ориентировка погребений, исследованных в Ставрополье

Страны света	IV—III вв. до н. э.		III—I вв. до н. э.			?	Всего
	ямы	камерные могилы	бескурганные грунтовые ямы	ямы	камерные могилы	ямы	
Север				1			1
Юг				3		1	4
Восток	1			2			3
Запад	7	1	1	13	7	3	32
Северо-запад				5		1	6
Юго-восток	1			1	1	1	4
Юго-запад	1		2	1	2	2	8
Кол-во погребений (скелетов)	10	1	3	26	11	8	58

курганах у ст. Новотитаровской (Краснодарский край) [18, с. 72—90] и на Северо-Восточном Кавказе (Моздокский могильник, курганы у ст. Мекенской и сел. Ачикулак, погребения у хут. Новый Аршти) [19, с. 41—48, 61—64] ориентировка на запад в III—I вв. до н. э. преобладает. Видимо, это является особенностью кавказской группы погребений сарматского времени.

Корреляции ориентировки с полом и возрастом погребенных нет. Поза погребенных в основном вытянутая, на спине, руки положены вдоль тела или в область таза (11 погр.— 16%).

Обнаружено четыре скорченных погребения (6%). Это Веселая Роща II, кург. 1, погр. 2 (IV—III вв. до н. э.) [3]; Чограй III, кург. 9, погр. 12 [7], Грушевское II, кург. 1, погр. 5 и кург. 2, погр. 5 (III—I вв. до н. э.) [8]. 50% скорченных погребений происходит из могильника у с. Грушевское, где они составляют 22% раскопанных сарматских погребений. Оба эти погребения лежали на спине, ноги— на правом или левом боку. Из двух других скорченных захоронений одно было на левом, другое — на правом боку. Все они происходят из грунтовых ям в курганах.

Ориентировка скорченных погребений — юг, восток, юго-восток, в отличие от вытянутых погребений, где преобладает западная ориентировка (табл. 1). Определить пол можно в двух погребениях, оба они женские.

В предгорных и горных районах Северного Кавказа небольшой процент скорченных костяков сохраняется до рубежа нашей эры и даже в течение всего I тыс. н. э. [20, с. 5, 6; 21, с. 19—26]. Объяснить это можно влиянием местных кавказских культур [22, с. 29, 32].

В табл. 2 показано распределение погребений сарматского времени, раскопанных Ставропольской экспедицией по полу и возрасту.

36 погребений (т. е. 53%) определены антропологически[6], остальные — по инвентарю, что можно считать достоверным, так как 84% погребений были неграбленными.

В IV—III вв. до н. э. мужских погребений больше — 60%, а женских — 40%. Преобладание женских погребений в III—I вв. до н. э. (46% от общего числа погребений этого времени по сравнению с 32% мужских) необычно.

[6] Все антропологические определения сделаны Г. П. Романовой.

В катакомбах III—I вв. до н. э. количество женщин еще больше — их 80% от погребений с определимым полом по сравнению с 20% мужчин. Возможно, это объясняется небольшим количеством исследованных погребений и широкой датой.

Детских погребений очень мало, всего четыре (6%) — один младенец и три подростка, судя по инвентарю, мальчик (со стрелами) и две девочки (с украшениями). Однако из девочек[7], возможно, была в брачном возрасте (невеста?) и похоронена с полным набором женского инвентаря (бусы разных типов, зеркало, пряслице, железный нож), который, особенно в комплексе, не часто встречается в женских погребениях. Возраст определен в 26 погребениях (38%) (табл. 3).

Таблица 2

Распределение погребений по полу и возрасту

Пол и возраст *	IV—III вв. до н. э.		III—I вв. до н. э.			?	Всего
	ямы	камерные могилы	бескурганные грунтовые ямы	ямы	камерные могилы	ямы	
М	5	1	1	13	2	1	23
Ж	4		2	14	8	2	30
Н				7	1	4	12
Р				3		1	4
Кол-во погребений (скелетов)	9	1	3	37	11	8	69

* М — мужские, Ж — женские, Н — неопределенные, Р — детские.

В группе Чограй VIII, кург. 16, погр. 1 был похоронен подросток 14—17 лет.

Средний возраст умерших мужчин — 38 лет, женщин — 32 года[8] (табл. 3). Одно из мужских погребений — старческое, 50—70 лет (Чограй VIII, кург. 13, погр. 5) [11]. Самой старшей женщине было 60—70 лет (Чограй V, кург. 3, погр. 4) [7]. Женщины умирали в более молодом возрасте, в основном до 30 лет (69% против 42% мужчин). Мужчины чаще доживали до старческого возраста (25% против 8% у женщин).

Парных погребений известно четыре (6%). Женщина и мужчина захоронены в кург. 10, погр. 1, Грушевское (IV—III вв. до н. э.) [8]. К III—I вв. до н. э. относятся погребения женщины и скелета неопределимого пола у с. Херсонка (погр. 2) [1], мужчины (?) и младенца в кург. 8, погр. 1, Грушевское I [8], а также коллективное захоронение трех взрослых и подростка в кург. 18, погр. 2, Чограй II [6].

В кург. 10, погр. 1 у с. Грушевское, видимо, похоронены супруги — женщина 20—35 лет, мужчина 35—45 лет. В кург. 8, погр. 1 той же группы, может быть, погребены дедушка (или бабушка, так как по инвентарю погребение женское) в возрасте 45—55 лет и внук — младенец.

Кости мелкого рогатого скота примерно поровну встречаются в мужских и женских погребениях (35 и 32%), так же как и кости лошади (14 и 13%).

В некоторых захоронениях обнаружены уголь (пять погребений — 8%), мел (шесть погребений — 10%) и красная краска (шесть погребений — 10%). Уголь преобладает в мужских погребениях (75%), мел и красная краска — в женских (соответственно 83 и 80%). Мел встречается в виде меловой подсыпки на дне погребения и в виде кусков, красная краска — в виде пятен на дне и маленьких комков.

[7] Погр. 5, кург. 1 у с. Новоселицкое [5].

[8] Выборка маленькая, поэтому средние цифры приблизительны, даются для ориентировки.

Таблица 3

Определение возраста погребенных

Погребения	Мужчины	Погребения	Женщины
Кург. на земле колхоза им. Войтика, погр. 4	50–60	Веселая Роща II, кург. 1, погр. 4	35–45
Веселая Роща III, кург. 22, погр. 6	20–30	Веселая Роща II, кург. 25, погр. 1	20–30
Чограй I, кург. 13, погр. 2	35–40	Веселая Роща III, кург. 21, погр. 11	45–55
Чограй III, кург. 8, погр. 1	50–60	Чограй II, кург. 7, погр. 10	18–20
Чограй II, кург. 16, погр. 3	18–20	Чограй II, кург. 7, погр. 6	20–30
Чограй III, кург. 9, погр. 4	18–20	Чограй II, кург. 16, погр. 6	20–30
Чограй IV, кург. 5, погр. 2	25–35	Чограй II, кург. 19, погр. 1	20–30
Чограй VIII, кург. 6, погр. 1	35–45	Чограй III, кург. 3, погр. 6	20–25
Чограй VIII, кург. 13, погр. 5	50–70	Чограй III, кург. 3, погр. 10	25–35
Чограй VIII, кург. 24, погр. 1	20–35	Чограй IV, кург. 5, погр. 1	45–55
Грушевское I, кург. 6, погр. 1	45–55	Чограй V, кург. 3, погр. 4	60–70
Грушевское I, кург. 10, погр. 1	35–45	Чограй VIII, кург. 17, погр. 4	20–25
		Грушевское I, кург. 10, погр. 1	20–35

Инвентарь рассматриваемых погребений типичен для сарматского времени (табл. 4, 5).

Керамика чаще бывает в женских погребениях. Бóльшая часть гончарной керамики происходит из женских захоронений (ее содержит 35% погребений по сравнению с 14% в мужских). Железные ножи встречаются поровну. Заупокойную пищу несколько чаще клали женщинам. У детей она вообще не встречается.

Известно шесть погребений (21%) женщин (по антропологическому определению) со стрелами. К IV—III вв. до н. э. относится в группе Чограй IV кург. 5, погр. 1 [7], к III—I вв. до н. э.— погр. 2 и 4 в кург. 1 группы Веселая Роща II [3], в группе Чограй II — кург. 7, погр. 6 [9], в бескурганном могильнике Херсонка — погр. 1 и Преображенское, кург. 3, погр. 5 [1]. Последнее представляло собой предположительно подбой. Остальные погребения — в грунтовых ямах.

В мужских погребениях найдены бусы (птицефабрика Кумская) [2], а также одна серьга (Жуковская II, кур. 5, погр. 1) [4].

В погр. 5, кург. 13 группы Чограй VIII, мужском по антропологическому определению, обнаружен женский инвентарь — бусы на запястьях и груди, бронзовое зеркало, железный нож и два лепных сосуда [11]. Может быть, здесь ошибка в антропологическом определении, так как скелет плохой сохранности.

Количество погребений (в процентах) со стрелами, мечами, в целом с оружием, с ножами, зеркалами, пряслицами из Ставрополья (табл. 6) соответствует сарматским погребениям, например, Южного Приуралья [23, табл. 13, 19, 60]. Керамики в ставропольских погребениях больше (84% против 49% в Приуралье), что, может быть, объясняется близостью к Кавказу и античным центрам.

Золотые вещи найдены только в четырех погребениях — бляшки в погр. 11, кург. 21, Веселая Роща III [40]; в погр. 1, кург. 25, Веселая Роща II [24] и в погр. 4, кург. 3, Чограй V [7], а также бусы в

Таблица 4

Инвентарь мужских погребений

Показатели	Керамика	Заупокойная пища	Мечи	Стрелы	Ножи	Копья	Оселки
Количество	14	11	8	6	4	2	2
Процент *	61	48	35	26	18	9	9

* Проценты показаны по отношению к числу мужских погребений.

Таблица 5

Инвентарь женских погребений

Показатели	Керамика	Бусы	Заупокойная пища	Пряслица	Зеркала	Ножи	Височные кольца
Количество	24	17	15	9	6	5	2
Процент *	83	59	52	31	21	17	6

* Проценты показаны по отношению к числу женских погребений.

Таблица 6

Инвентарь погребений сарматского времени Ставропольского края

Показатели	Керамика	Заупокойная пища	Оружие	Стрелы	Пряслица	Мечи	Ножи	Зеркала
Количество	53	32	23	13	9	8	8	6
Процент *	84	51	37	21	14	13	13	10

* Процент дан по отношению ко всем погребениям.

погр. 1, кург. 10, Грушевское I [8]. Три из них — женские (5%), а одно — мужское (2%), это, вероятно, объясняется тем, что украшения вообще чаще встречаются в женских погребениях. Самое богатое погребение рассматриваемой серии — погр. 11, кург. 21, Веселая Роща III — женское, совершено в катакомбе II типа. Остальные захоронения с золотыми вещами происходят из грунтовых могил в курганах. Из импортных античных вещей известна бронзовая жаровня IV—III вв. до н. э. (погр. 7, кург. 14, Веселая Роща III) [3]. Эти погребения можно отнести к средним слоям сарматского общества.

Большее количество женских погребений, чем мужских, необычно для кочевников. В катакомбах чаще хоронили женщин, в их же погребениях больше керамики и золотых вещей, а также ритуальных символов огня — мела и красной краски. Другие общие признаки встречаются поровну у женщин и мужчин.

Основные признаки погребального обряда рассматриваемых захоронений — курганный обряд, подбои и катакомбы, вытянутая поза, наличие заупокойной пищи в 51% погребений, а также сарматский инвентарь — зеркала и мечи прохоровского типа, многие типы сосудов — близки погребениям Нижнего Поволжья и Приуралья раннесарматского времени. Поэтому погребения Ставрополья можно считать сарматскими. Вероятно, массовое проникновение сарматов в Ставрополье начинается с конца IV в. до н. э. и происходило оно с северо-востока.

Абсолютное преобладание впускных погребений, возможно, говорит о том, что до рубежа нашей эры освоение этой территории еще не закончилось и миграции продолжались.

Погребения в подбоях, вероятно, можно связать с аорсами, которые проникают на Северо-Западный Кавказ с III в. до н. э. [9, с 131]. Погребения в катакомбах, аналогичные по устройству и ориентировке катакомбам Золотого кладбища, может быть, можно связать с протоаланами или аланорсами [19, с. 152].

Список сарматских погребений, раскопанных Ставропольской экспедицией

№ п. п.	Дата	Название	Погреб. сооруж.	Ориентировка	Пол	Поза	Положение в кургане	Кол-во скелетов
1	IV–III вв. до н. э.	Веселая Роща II, кург. 1, погр. 2	Яма	Юго-восток	Ж * антр.	Скорч. на прав. боку	Вп.	1
2		Веселая Роща II, кург. 14, погр. 7	»	Запад (?)	Н	Вытянут.	»	1
3		Грушевское I, кург. 10, погр. 1		»	Ж М	»	Осн.	2
4		Жуковская группа II, кург. 5, погр. 1	Подбой	»	М	»	»	1
5		Новоселицкое, кург. 2, погр. 1	Яма	»	М	»	Вп.	1
6		Чограй II, кург. 7, погр. 6	»	»	Ж антр.	»	»	1
7		Чограй II, кург. 19, погр. 1	»	Юго-запад	Ж антр.	»	»	1
8		Чограй II, кург. 19, погр. 3		Запад – юго-запад	М	»	»	1
9		Чограй III, кург. 1, погр. 1	Яма	–	М	–	»	1
10		Чограй IV, кург. 5, погр. 2		Запад – юго-запад	М антр.	Вытянут.	»	1
11	III–I вв. до н. э.	Веселая Роща I, кург. 2, погр. 4	Катакомба	–	М?	–	»	1
12		Веселая Роща I, кург. 26, погр. 3	Яма	–	Ж	–	»	1
13		Веселая Роща I, кург. 29, погр. 5	»	Запад	М	Вытянут.	»	1
14		Веселая Роща II, кург. 1, погр. 4	»	»	Ж антр.	»	»	1
15		Веселая Роща II, кург. 15, погр. 2		Юго-запад – северо-восток	М антр.	–	Осн.	1
16		Веселая Роща II, кург. 25, погр. 1	Яма	Запад – восток	Ж антр.	–	Вп.	1
17		Веселая Роща III, кург. 21, погр. 11	Катакомба	Запад	Ж антр.	Вытянут.	»	1
18		Веселая Роща III, кург. 22, погр. 6		Запад – северо-запад	М антр.	»	»	1
19		Веселая Роща III, кург. 24, погр. 2	Яма	Запад – юго-запад	Ж антр.	Вытянут.	Вп.	1
20		Веселая Роща III, кург. 25, погр. 3	Подбой	Запад	Ж антр.	»	»	1
21		Курган на земле колхоза им. Войтика, погр. 4	Яма	Северо-запад	М антр.	»	»	1
22		Курган на земле колхоза им. Войтика	»	»	Ж антр.	»	»	1
23		Грушевское I, кург. 8, погр. 1	»	Запад	М Р антр.	»	»	2
24		Грушевское I, кург. 12, погр. 1Б	Подбой	Запад – северо-запад	М? антр.	»	»	1
25		Грушевское I, кург. 13, погр. 6	»	Запад	Ж	»	»	1
26		Грушевское II, кург. 1, погр. 3	Яма	Запад – юго-запад	Ж	»	»	1
27		Грушевское II, кург. 1, погр. 5	»	Восток	Н	Полускорч. на левом боку	»	1

№ п. п.	Дата	Название	Погреб. сооруж.	Ориентировка	Пол	Поза	Положение в кургане	Кол-во скелетов
28	III—I вв. до н. э.	Грушевское II, кург. 2, погр. 5	Яма	Юг	Н	Полускорч. на правом боку	Вп.	1
29		Грушевское V, кург. 1, погр. 7	»	Запад	Н	Вытянут.	»	1
30		Жуковская группа I, кург. 6, погр. 2	»	»	Н	»	»	1
31		Жуковская группа II, кург. 1, погр. 4	»	Северо-запад	Ж	»	»	1
32		Жуковская группа II, кург. 1, погр. 5	»	Юго-запад	Н	»	»	1
33		Жуковская группа II, кург. 1, погр. 10	»	Запад – северо-запад	М	»	»	1
34		Жуковская группа II, кург. 6, погр. 2	Катакомба	»	Ж	»	»	1
35		Новоселицкое, кург. 1, погр. 5	Яма	Запад	Р	»	»	1
36		Новоселицкое, кург. 1, погр. 6	Катакомба	»	Ж	»	»	1
37		Преображенское, кург. Д. погр. 5	Подбой (?)	Юго-восток	Ж	Вытянут.	Вп.	1
38		Преображенское, кург. 3, погр. 6	Яма	Северо-запад	Н	»	»	1
39		Птицефабрика Кумская	Бескурганная грунтовая яма	Запад	М?	»	»	1
40		Херсонка, погр. 1	То же	Юго-запад	Ж	»	»	1
41		Херсонка, погр. 2	Бескурганная яма	»	Ж	»	»	2
				»	Н			
42		Чограй I, кург. 3, погр. 1	Яма	Запад – северо-запад	Ж	»	»	1
43		Чограй I, кург. 3, погр. 2	»	Восток	М?	»	»	1
44		Чограй I, кург. 13, погр. 2	»	Юг	М антр.	»	»	1
45		Чограй II, кург. 7, погр. 10	»	Запад – юго-запад	Ж антр.	»	»	1
46		Чограй II, кург. 18, погр. 2	»	Запад	Р(1) Н(3)	»	»	4 или больше
47		Чограй II, кург. 19, погр. 5	Яма	Северо-запад	Ж антр.	Вытянут.	Вп.	1
48		Чограй II, кург. 19, погр. 7	»	–	Ж	–	»	1
49		Чограй III, кург. 3, погр. 6	»	Юг	Ж антр.	Вытянут.	»	1
50		Чограй III, кург. 9, погр. 12		–	Ж	Скорч. на левом боку	»	1
51		Чограй IV, кург. 5, погр. 1	Яма	–	Ж антр.	–	»	1
52		Чограй V, кург. 3, погр. 4	»	Восток – юго-восток	Ж антр.	Вытянут	»	1
53		Чограй VIII, кург. 6, погр. 1	»	Запад	М антр.	»	»	1
54		Чограй VIII, кург. 13, погр. 5	»	»	М антр.	»	»	1
55		Чограй VIII, кург. 17, погр. 4	Подбой (?)	Юго-запад	Ж	»	»	1

№ п. п.	Дата	Название	Погреб. сооруж.	Ориентировка	Пол	Поза	Положение в кургане	Кол-во скелетов
56		Чограй VIII, кург. 18, погр. 3	Яма	Северо-запад – запад	М антр.	»	»	1
57	Предположит. III–I вв. до н. э.	Курган на земле колхоза им. Войтика, погр. 1	Яма	Юго-запад	Р антр.	Вытянут.	Вп.	1
58		Арзгирский район, отдельный курган, погр. 4	»	Запад	Н	»	»	1
59		Грушевское I, кург. 1, погр. 2	»	Юго-восток	Н	»	»	1
60		Жуковская группа I, кург. 1, погр. 4	»	Юго-запад	Н	»	»	1
61		Чограй II, кург. 16, погр. 6	»	Юг – юго-восток	Ж? антр.	»	»	1
62		Чограй IV, кург. 5, погр. 3	«	Северо-запад	Ж?	»	»	1
63		Чограй VIII, кург. 24, погр. 1	»	Запад	М антр.	»	»	1

* Условные сокращения см. табл. 2. Антр. — антропологическое определение.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Кореневский С. Н.* Отчет Буденновского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР за 1976 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 7468.
2. *Кореняко В. А.* Отчет о работах на территории Ставропольского края в 1975 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 6892.
3. *Романовская М. А.* Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в сезон 1978 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 8488.
4. *Тихонов Б. Г., Державин В. Л.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 8398.
5. *Кореняко В. А.* Отчет о работе Новоселицкого отряда Ставропольской экспедиции в 1974 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 5412.
6. *Кореняко В. А.* Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 7223.
7. *Кореняко В. А.* Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 7468.
8. *Державин В. Л.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1981 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 10117.
9. *Тихонов Б. Г.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции за 1976 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 7512.
10. *Державин В. Л.* Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР за 1980 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 8713, а, б.
11. *Андреева М. В.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1979 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 8039.
12. *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.– СА, 1972, № 1.
13. *Березин Я. Б., Савенко С. Н.* К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Кавказе.– В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1977.
14. *Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы.– В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Внешторгиздат, 1982.
15. *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск. Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние. 1976.
16. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.– САИ, 1963, вып. Д1-10.
17. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.– МИА, 1951, № 23.
18. *Козенкова В. И.* Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край).– В кн.: Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука, 1980.
19. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.– Тр. ЧИНИИ, 1963, вып. VI.
20. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус. 1972.
21. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.– МИА, 1962, № 106.

22. *Петренко В. А.* Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н. э.– IV в. н. э. как этнический показатель.– В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979.
23. *Железчиков Б. Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья: Канд. дис. М., 1980.– Архив ИА АН СССР, р-2, № 2263.

T. V. Miroshina

SARMATIAN BURIALS STUDIED BY THE STAVROPOL EXPEDITION

Summary

Between 1974 and 1982 the Stavropol expedition investigated 63 Sarmatian burials of the 4th-1st centuries B. C. The archaeologists studied the burial rite and its correlation with the age-and-sex composition of the buried. The burial rite has its analogies among the Sarmatians who lived along the Volga, though the Stavropol burials are west-oriented. The Caucasian influence is responsible for the crouched burials. The medain age of those buried has been calculated. The Stavropol area became a scene of a mass-scale settlement in the end of the 4th century B. C. People came there from the north-east. Chamber burials can be associated with the Aorses or proto-Alans.

С. М. ВАСЮТКИН

САЛИХОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОНЦА IV—V В. В БАШКИРИИ

Курганный могильник в д. Салихово Ишимбайского р-на Башкирии открыт К. В. Сальниковым [1]. Четыре исследованных тогда кургана он датировал II—IV вв. н. э. и связал с поздними сарматами, отмечая и элементы культуры местного оседлого населения, близкого, по его мнению, к городецким племенам Правобережья Волги. С выводами К. В. Сальникова в свое время не согласился В. Ф. Генинг. Категорически отрицая существование в I тыс. в Башкирии сарматских племен, он высказал мнение о западносибирском происхождении и тюркской принадлежности населения, оставившего Салиховские курганы [2, с. 40—44]. На основании материалов раскопанных в 1967 г. 10 курганов автор данной статьи уточнил дату памятника, что привело к значительному его омоложению — вторая половина III—VI в. [3, с. 130]. Нам представлялось, что курганы оставлены смешанным населением, состоящим из потомков поздних сарматов и местных оседлых угро-финских племен [4, с. 66, 67]. С предложенной датой согласился К. Ф. Смирнов, отнеся курганы к тюркизированным сарматам [5, с. 76].

Благодаря возросшему научному интересу к Салиховскому могильнику возник вопрос о необходимости продолжения раскопок с целью более полного его исследования. Эта задача выполнена нами в 1972 г., когда было вскрыто еще 17 курганов. Наша прежняя датировка курганов была сужена до пределов второй половины III—V в. [6, с. 170]. Однако в некоторых работах эта датировка оспаривается. Так, в коллективном труде «Археологическая карта Башкирии» Салиховские курганы определены как сарматский памятник IV—V вв. н. э. [7, с. 153]. Н. А. Мажитов время их насыпки отнес к VI—VII вв. н. э. и включил в круг памятников турбаслинской культуры, связываемой им с древними башкирскими племенами [8, с. 20, 21]. Г. И. Матвеева, наоборот, датирует могильник ранним временем и связывает часть плоскодонной керамики, происходящей из него, с продвинувшейся из Полесья через Среднее Поволжье вплоть до Башкирии небольшой группой зарубинецкого населения [9].

Целью нашей статьи является возможно полная публикация материалов раскопок 1967 и 1972 гг., определение даты могильника и рассмотрение вопроса об этнической принадлежности оставившего его населения.

Курганы расположены компактной группой, близко друг к другу. Все насыпи округлой формы и небольших размеров; диаметры их колеблются от 5 до 12 м, высота — от 0,1 до 0,6 м (табл. 1). Преобладают курганы диаметром 6—9 и высотой 0,2—0,4 м. Курганы по устройству насыпей делятся на два типа: первый — насыпи из чернозема; второй — курганы с камнями в насыпи. Курганов первого типа — 15 (№ 2, 6, 7, 13, 15, 20, 28, 29, 32, 33, 34, 35, 41, 43, 44), второго — 12 (№ 1, 3, 5, 10, 11, 16, 17, 19, 21, 22, 24, 42).

В кург. 3, 19, 22, 33 в слое чернозема, на разной глубине найдены в куче обломки глиняных сосудов. Большинство курганов содержало по одному индивидуальному захоронению. Лишь в кург. 35 обнаружены два погребения (рис.1, *8*). Одно из них является, видимо, впускным. Вначале под слоем чернозема, на фоне красной материковой глины почти в центре кургана было выявлено большое пятно подпрямоугольной формы, размерами 4×3 м. Во время расчистки пятно в юго-западном углу его на

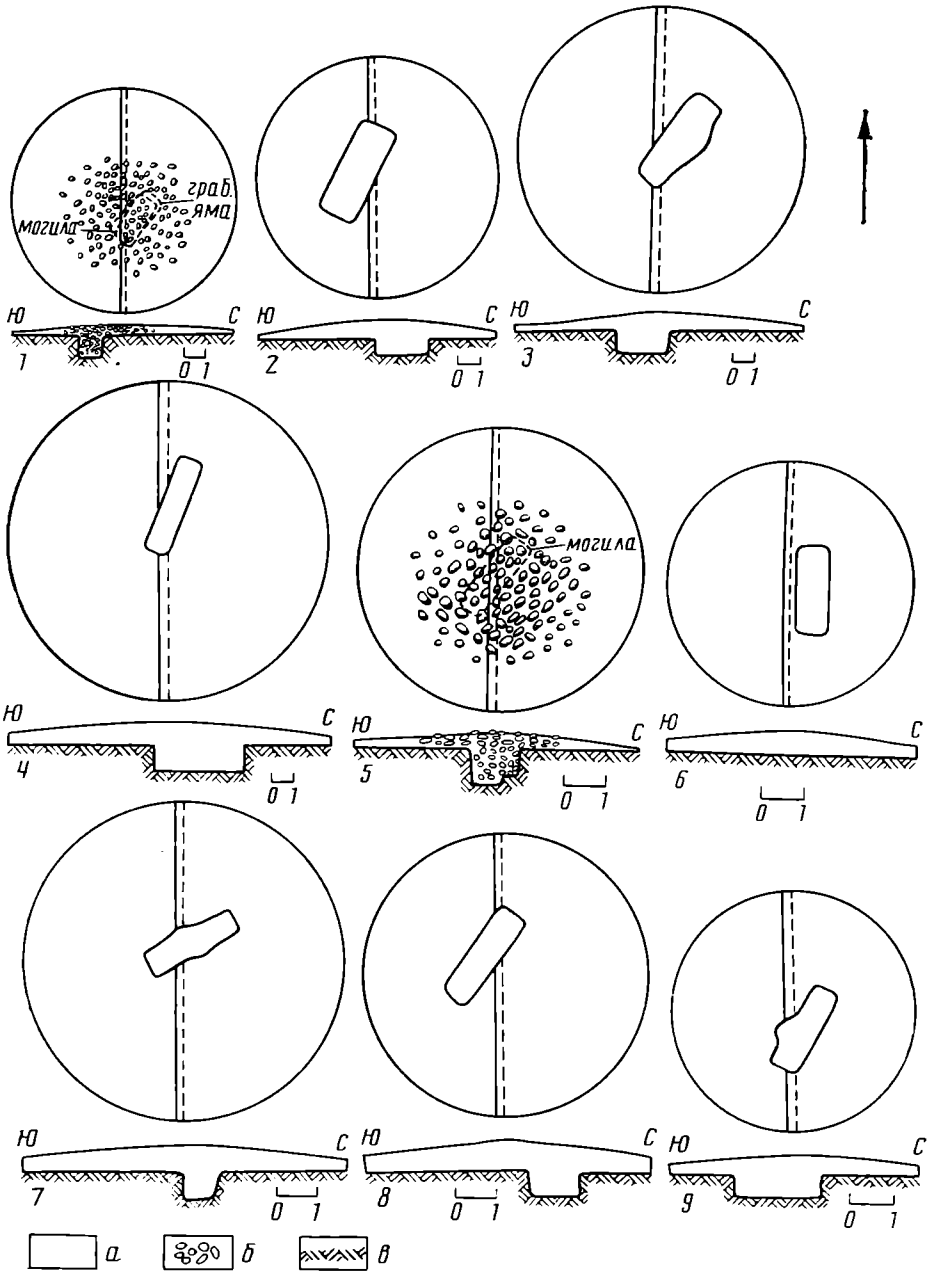


Рис. 1. Салиховский курганский могильник. Планы и профили курганов. *1* – кург. 1; *2* – кург. 5; *3* – кург. 6; *4* – кург. 7; *5* – кург. 10; *6* – кург. 11; *7* – кург. 13; *8* – кург. 33; *9* – кург. 34. *а* – чернозем; *б* – кампи; *в* – материк

глубине 0, 2 м от уровня материка обнаружен человеческий костяк хорошей сохранности, лежавший в вытянутом положении. На этом же уровне пятно в юго-восточном углу уменьшилось до 3 и 1,4 м, где было обнаружено второе погребение. В кург. 42 (рис. 2, *4*) в северо-восточном секторе, в слое чернозема, на глубине 0,2 м в куче лежали отдельные кости (рис. 3, *1*), а в могильной яме, расположенной в центре, никаких человеческих костей и других находок не было. В кург. 2 (рис. 4, *1*) в юго-западном секторе, на расстоянии 1,6 м от центра и 0,5 м от середины бровки, над слоем материка в куче лежали отдельные человеческие кости (ребра, позвонок, часть берцовой кости, фаланга пальцев). К западу же от центра кургана, на расстоянии 1,2–2,2 м под бровкой, также на глубине 0,7 м лежали в куче тазовые, берцовые, бедренные кости, ребра, позвонки, кости рук (рис. 3, *2*). На расстоянии 0,7 м к востоку от этой кучи найдена нижняя челюсть, а верхняя челюсть и несколько других костей встречены в могильной яме в центре кургана. Из сказанного вид-

Таблица 1

Характеристика погребального обряда Салиховского курганного могильника

№ кургана	Размеры кургана, см		Форма могил	Размеры могил, м			Внутримогильные сооружения
	диаметр	высота		длина	ширина	глубина	
1	11	0,3	Узкая прямоугольная	2,5	0.5	1,4	–
2	12	0,3–0,5	Широкая прямоугольная	2,6	0,8	1.42	–
3	10	0,2–0,6	То же	3	1,1	1,4	Могила обложена камнями
5	6	0.3	»	2,4	1	0,5	–
6	7	0,35	»	2,4	0.7–0,9	0,7	–
7	8	0,3	Узкая прямоугольная	2,5	0,65	1	–
10	7	0,2	То же со ступенькой вдоль северо-западной стенки	2,2	0,7	1,35	Подстилка из досок (гроб?)
11	6	0,3	Широкая прямоугольная	2,2	0,8	0,8	–
13	8	0,3	Узкая прямоугольная	2,3	0,65	1	–
15	6	0,3	То же со ступенькой в северо-вост. конце	2,35	0,5	0,75	–
16	6	0,2	Широкая прямоугольная с пологими стенками	2,9	0,9	1,2	–
17	6	0,15–0,2	Широкая прямоугольная	2,1	0.7–0,9	0,97	–
19	8	0,2	Узкая прямоугольная	1,9	0,6	0,9	Древесная подстилка (гроб?)
20	6	0,2	То же со ступенькой в северо-вост. конце	3	0,8	0,8	
21	8	0,2–0,4	Узкая прямоугольная	2	0,7	1,2	–
22	8	0,2–0,3	Широкая »	2,9	0,92	0,8	Древесная подстилка (гроб?)
24	9	0,1–0,3	Узкая »	2,1	0,7	0,6	–
28	5	0,1–0,2	Широкая »	3,1	1	1,05	–
29	9	0,3	Узкая »	2,8	0,65–0,75	0,9	–
32	6	0,2	Широкая прямоугольная со ступеньками вдоль длинных стенок	2,8	1,2	1.7	–
33	8	0,35	Узкая прямоугольная	2,7	0,7	1,05	–
34	6	0,25	То же	2,2	0,7	0,75	–
35	9	0,2–0,5	Впускная	–	–	–	
Погр. 1			Узкая прямоугольная	3	0,6–0,7	1,55	–
Погр. 2			Широкая прямоугольная	2	0,8	0,93	–
41	6	0,15–0,2	То же	2,6	1,1	0,75	–
42	7	0,2–0,3	Узкая прямоугольная, со ступеньками в узких стенках	3,5	0,75	0,83 0,55	–
43	6	0,15–0,2					
44	5	0,1–0,2	Широкая прямоугольная	2,2	0,8		–

№ кургана	Поза погребенных	Ориентировка погребенных	Положение в могилах		Прочие особенности ритуала
			сосудов	костей животных	
1	Вытянуто на спине	Северо-восток	–	–	Камни в насыпи и могиле
2	Кости в беспорядке	Север	–	–	–
3	То же	–	–	–	Камни в насыпи и могиле, керамика в насыпи
5	»	Северо-восток	–	–	Камни в насыпи
6	Вытянуто на спине	»	–	–	–
7	Кости в беспорядке	–	–	–	–
10	Вытянуто на спине	Северо-восток	–	Кости барана в ногах	Камни в насыпи и могиле, комки извести под костяком

Окончание таблицы 1

№ кургана	Поза погребенных	Ориентировка погребенных	Положение в могилах		Прочие особенности ритуала
			сосудов	костей животных	
11	Кости в беспорядке	Череп в северо-вост. конце могилы	–	–	Камни в насыпи
13	Вытянуто на спине	Северо-восток	Около правой ступни	–	–
15	То же	»	Справа от черепа	–	–
16	»	Север – северо-восток	–	–	Камни в насыпи и могиле
17	Кости в беспорядке	»	–	–	То же
19	Вытянуто на спине	Северо-восток	–	–	Камни и керамика в насыпи
20	Кости в беспорядке	Череп в северо-вост. конце могилы	–	–	–
21	Вытянуто на спине	Северо-восток	Около правой ступни	–	Камни в насыпи
22	То же	»	–	–	Камни и керамика в насыпи
24	Кости в беспорядке	–	–	–	Редкие камни в насыпи
28	Могила ограблена, костяк отсутствовал	–	–	–	–
29	Вытянуто на спине	Северо-восток		Кости барана в ногах	
32	То же	»	Один – около черепа, второй – на кисти левой руки	Кость барана в изголовье	Камни в могиле
33	»	»	Два обломка около черепа	–	Керамика в насыпи
34	Кости в беспорядке	Череп в северо-вост. конце могилы	Целый сосуд около черепа, обломки второго в середине могилы	–	–
35(1)	Вытянуто на спине	Север	–	–	
35(2)	Кости в беспорядке	Северо-восток	–	–	Камни в могиле
41	Вытянуто на спине	Север	–	–	
42	Кости в насыпи		–	–	Камни в насыпи и могиле
43	Вытянуто на спине	Север – северо-восток	–	–	–
44	То же	Север	–	–	–

но, что в кург. 2, 42 мы имеем дело не с двумя, а с одним разграбленным погребением.

Из 28 погребений 12 полностью ограблены в древности, и поэтому в настоящее время трудно было определить точно первоначальные формы и размеры всех могил. Можно уверенно говорить лишь о трех неграбленных (кург. 10, 32, 44) [1], 12 частично (кург. 1, 6, 13, 15, 16, 19, 21, 22, 29, 33, 41, 43) и одной (кург. 20) полностью ограбленных могилах.

Среди них выделяются могилы шести типов.

1-й — узкие, прямоугольные, с отвесными или пологими стенками и ровным дном — пять могил (кург. 1, 13, 19, 29, 33; рис. 5, *5—8*).

2-й — узкая, прямоугольная, со ступенькой вдоль одной из длинных стенок (кург. 10; рис. 5, *4*);

3-й — узкие, прямоугольные, со ступенькой вдоль одной из коротких стенок (кург. 15, 20; рис. 3, *4*, *5*);

4-й — узкая, прямоугольная, со ступеньками вдоль обеих коротких стенок (кург. 43; рис. 3, *3*);

[1] Здесь не учитывается впускное погр. 1 в кург. 35, где очертания могилы не прослеживались.

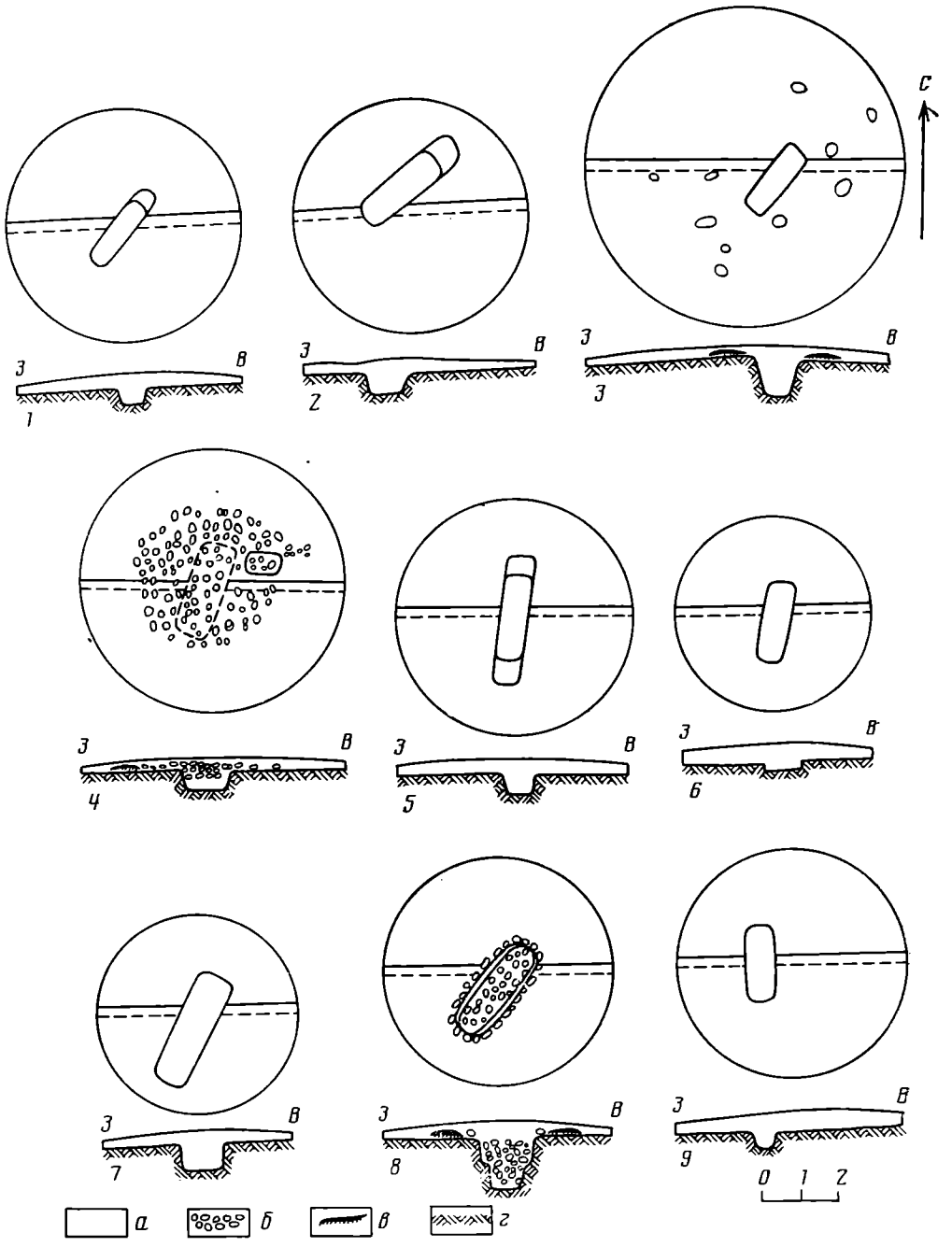


Рис. 2. Салиховский курганный могильник. Планы и профили курганов. *1* – кург. 15; *2* – кург. 20; *3* – кург. 21; *4* – кург. 42; *5* – кург. 43; *6* – кург. 44; *7* – кург. 28; *8* – кург. 32; *9* – кург. 41. *а* – чернозем; *б* – камни; *в* – могильный выкид; *г* – материк

5-й – широкие, прямоугольные, с отвесными или пологими стенками и ровным дном – шесть могил (кург. 6, 16, 21, 22, 41, 44; рис. 5, *2, 3*);

6-й – широкая, прямоугольная, со ступеньками вдоль длинных стенок (кург. 32; рис. 5, *1*).

Могилы имели разные размеры. Так, непотревоженная могила кург. 44 имела в длину 2,2 м, в ширину 0,8 в глубину 0,55 м от уровня современной поверхности. Могила кург. 32, также не тронутая грабителями, имела в длину 2,8 м, в ширину 1,2 и в глубину 1,7 м. Узкая могила под кург. 10 имела в длину 2,1 м в ширину 0,7 и в глубину 1,35 м. Если взять частично ограбленные узкие могилы простой конструкции, то они имели следующие размеры: длину в пределах 1,9–2,8 м, ширину 0,5–0,75, глубину 0,6–1,4 м. Выделяется своей длиной могила кург. 43,

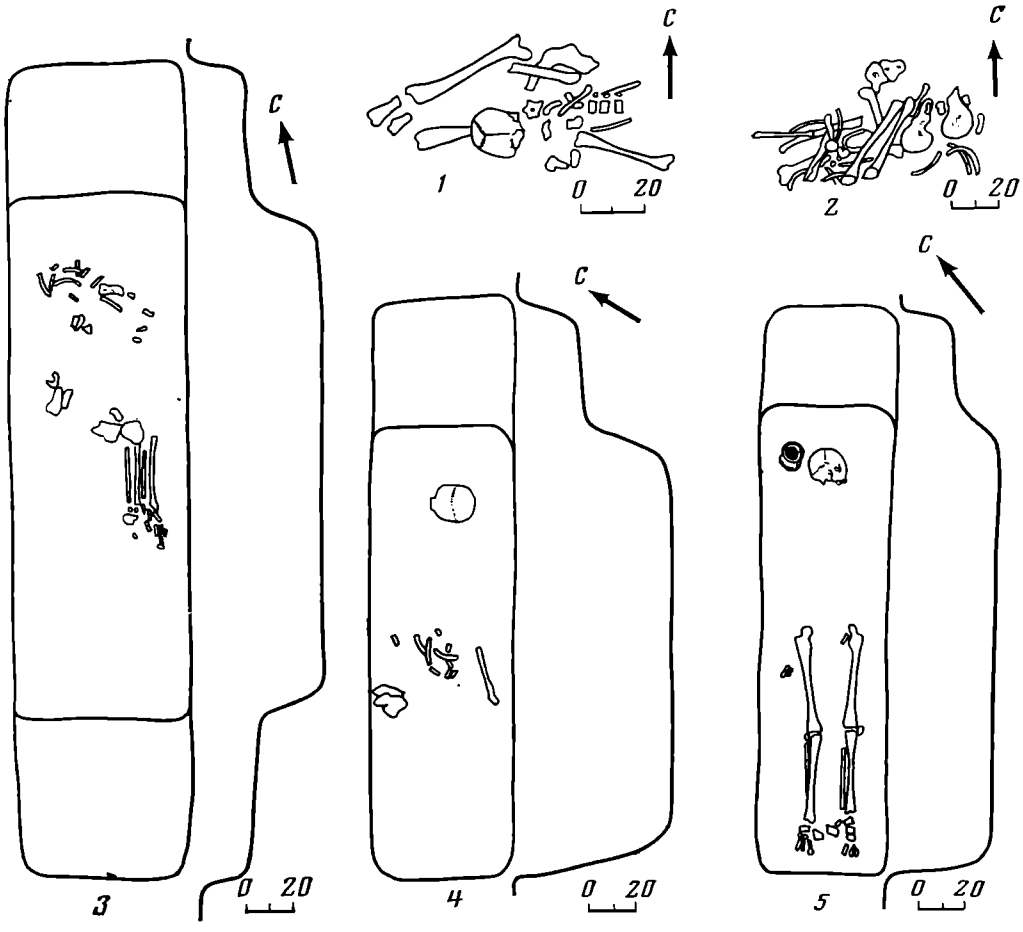


Рис. 3. Салиховский курганный могильник. Планы погребений. *1* – кург. 42; *2* – кург. 2; *3* – кург. 43; *4* – кург. 20; *5* – кург. 15.

которая имела ступеньки вдоль узких стенок шириной 0,6—0,7 м, общая длина ее 3,5 м. По глубине все ограбленные могилы не отличались от неограбленных и частично ограбленных. Глубина большинства их колеблется в пределах 0,8—1,4 м; лишь могила кург. 35 имела глубину 1,55 м, что не превышает максимальную глубину неограбленных могил — 1,7 м (кург. 32). Могилы каких конструкций были среди ограбленной группы погребений, сказать сейчас трудно. Возможно, преобладали простые могилы — узкие и широкие, прямоугольной формы, с отвесными или пологими стенками. Так, в кург. 35 вторая могила ко дну сузилась до 0,6—0,7 м.

В подавляющем большинстве курганов каких-либо внутримогильных сооружений не было. Лишь в кург. 3 все стенки могилы были полностью обложены вертикально поставленными большими каменными плитами (рис. 4,*2*). В кург 10 вдоль северо-восточной стенки могилы лежала доска толщиной 1 см. шириной 9—10 см и длиной 0,5 м, которая является, видимо, остатком гроба или просто подстилки (рис. 5, *4*). Тлен древесной подстилки или гроба был прослежен почти по всему дну могилы в кург. 19, частично в кург. 22. В кург. 10 под костяком были обнаружены мелкие комки извести. Могильные ямы в большинстве случаев засыпались только землей, состоящей из чернозема и глины. В заполнении восьми могил (кург. 1, 3, 10, 16, 17, 32, погр. 2 в кург. 35, 42) встречались камни с землей. Возможно, в большинстве из них камни попали из насыпей во время ограбления; во всяком случае лишь кург. 10, 32 не тронуты грабителями.

Положение и ориентировка погребенных определены с достоверностью лишь в неограбленных и частично ограбленных могилах. В четырех неограбленных погребениях костяки лежали в вытянутом положении,

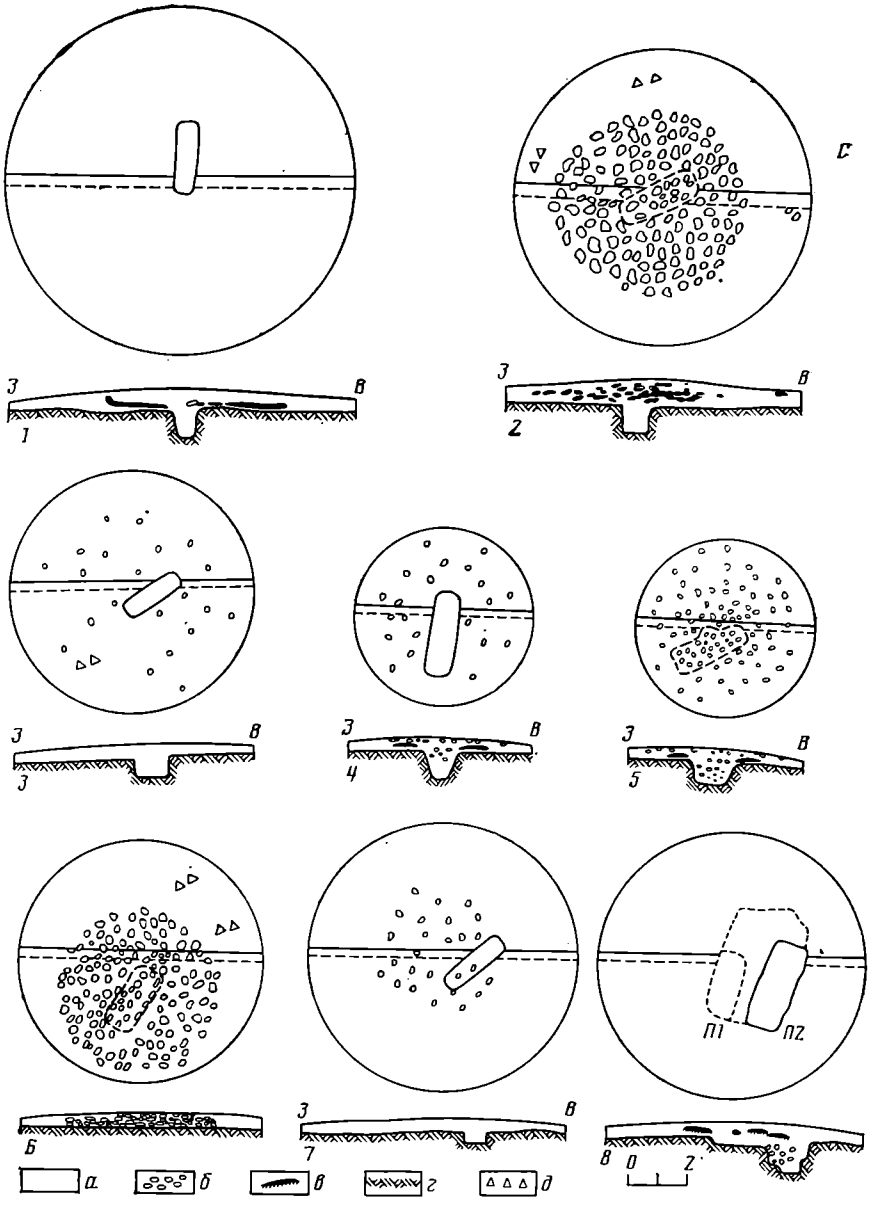


Рис. 4. Салиховский курганный могильник. Планы и профили курганов. *1* – кург. 2; *2* – кург. 3; *3* – кург. 19; *4* – кург. 16; *5* – кург. 17; *6* – кург. 22; *7* – кург. 24; *8* — кург. 35. *а* — чернозем; *б* — камни; *в* — могильный выкид; *г* — материк; *д* — керамика

на спине, головой на северо-восток (кург. 10, 32) и север (кург. 44, погр. 1 в кург. 35). В погребениях 12 частично ограбленных курганов, судя по первоначальному положению отдельных костей, умершие были похоронены также в вытянутом положении, на спине, головой на север (один случай), север — северо-восток (два случая) и на северо-восток (девять случаев). Таким образом, преобладающей является северо-восточная ориентировка (11 из 16). В 12 полностью ограбленных погребениях кости лежали в беспорядке или почти совсем отсутствовали (кург. 3, 5, 7, 8, 11, 17, 20, 24, 28, 34, погр. 2 в кург. 35, 42). Могилы же были ориентированы длинными сторонами по линии юг — запад (три случая), юг — юго-запад — север — северо-восток (один случай), юго-запад — северо-восток (восемь случаев). Поскольку в неограбленных и частично ограбленных погребениях костяки были ориентированы только на север, север — северо-восток и северо-восток, то можно предположить и в ограбленных погребениях аналогичную ориентировку. Характерно, что в погр. 2 кург. 35 фаланги пальцев правой ноги лежали в непотревоженном положении в юго-западном конце.

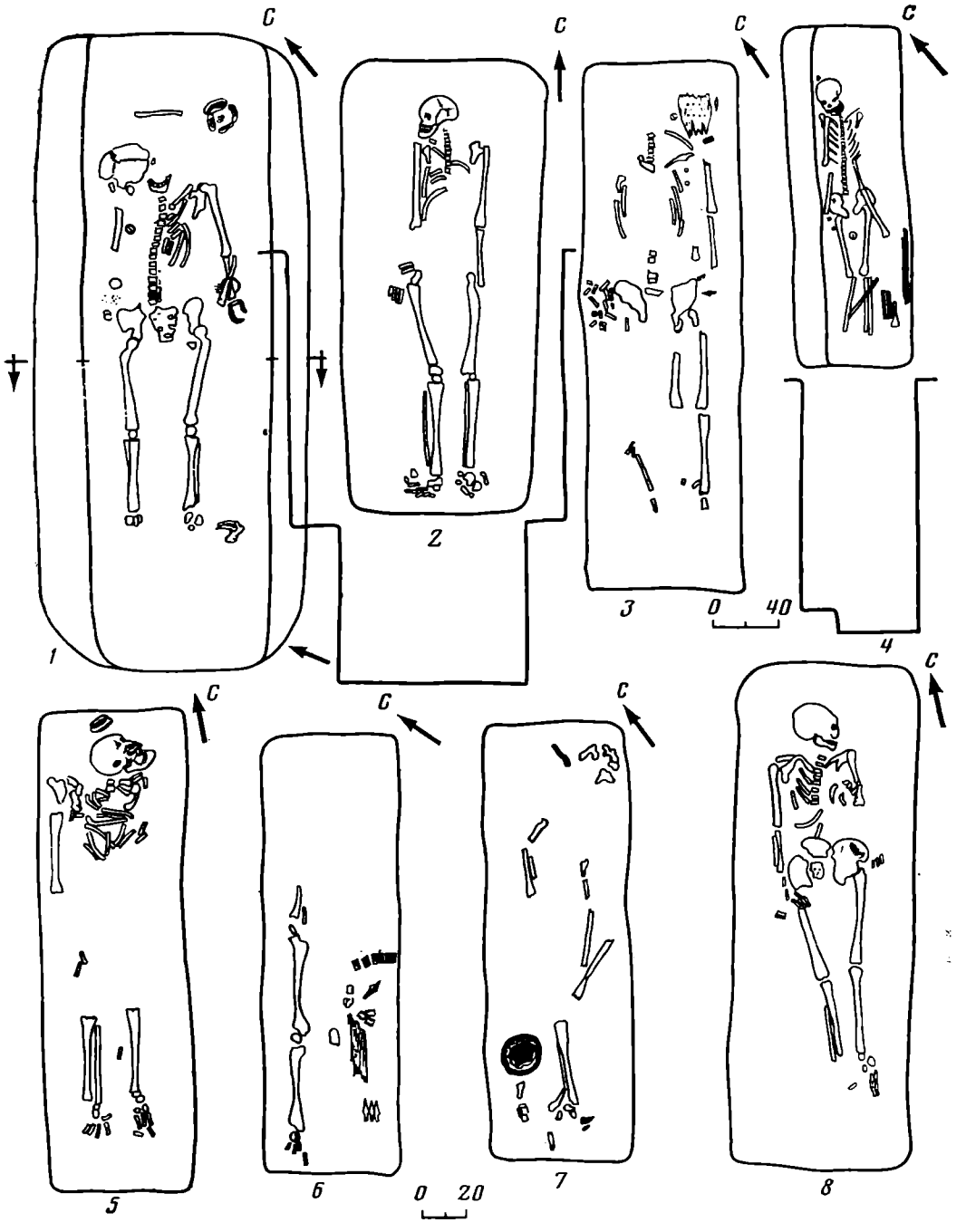


Рис. 5. Салиховский курганный могильник. Планы погребений. 1 — кург. 32; 2 — кург. 41; 3 – кург. 22; 4 – кург. 10; 5 – кург. 16; 6 – кург. 19; 7 – кург. 21; 8 – кург. 44

В могилы иногда клали жертвенную пищу, остатки которой в виде костей баранов обнаружены в кург. 10, 29, 32. В первых двух случаях кости лежали в ногах погребенных, в последнем — в изголовье.

Судя по отсутствию в некоторых могилах каких-либо вещей, умерших не всегда снабжали соответствующим погребальным инвентарем. Так, во впускном погр. 1 кург. 35 и неограбленном погребении кург. 44 кроме костяков ничего не было. В 12 полностью или частично потревоженных погребениях (кур. 2, 3, 5, 6, 16, 17, 20, 24, 28, 41, 42, 44) также ничего не найдено.

Вещи найдены в следующих 14 курганах.

Курган 1. В потревоженной могиле в беспорядке лежали: серебряный наконечник пояса (рис. 6, *13*), обломок бронзовой пластины с железной заклепкой в середине (рис. 6, *1*), две соединенные между собой двумя

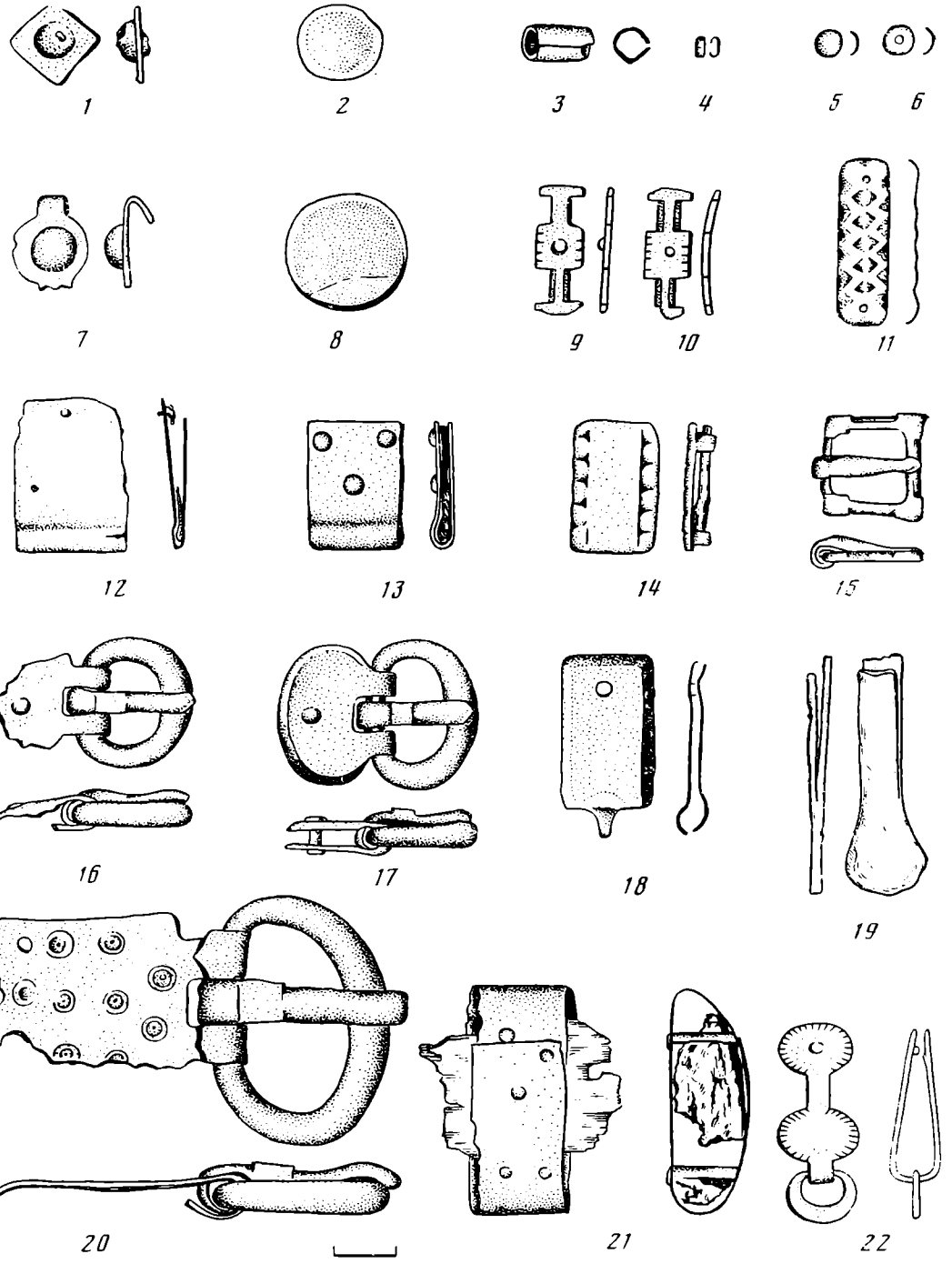


Рис. 6. Салиховский курганный могильник. Инвентарь погребений. *1, 2, 7, 13* – кург. 1; *3, 4, 11, 15* – кург. 7; *19* – кург. 35; *5, 6, 8, 12, 22* – кург. 22; *9, 10, 16* – кург. 19; *17, 18* – кург. 10; *20* – кург. 33; *21* – кург. 13

шпеньками серебряные пластинки длиной 1, 2 см, шириной 0,6 см и толщиной 0,5 мм, плоский серебряный кружочек толщиной 0,2 мм (рис. 6, *2*), обломок бронзового изделия (рис. 6, *7*), золотая бляшка с сердоликом (рис. 7, *9*). Бляшка представляет собой гнездо из двух золотых пластин, на месте соединения которых расположены мелкие золотые зерна. Обратная сторона гнезда связана двумя бронзовыми шпеньками с овальной бронзовой пластиной.

Курган 7. Могила ограблена. В могильной засыпке найдены: 33 штампованные серебряные накладки (рис. 6, *11*), 1 двойная стеклянная бусина с позолотой, 10 мелких круглых и цилиндрических бусин из стекла синего и голубого цвета (рис. 7, *1*), 1 14-гранная пастовая бусина фиоле-

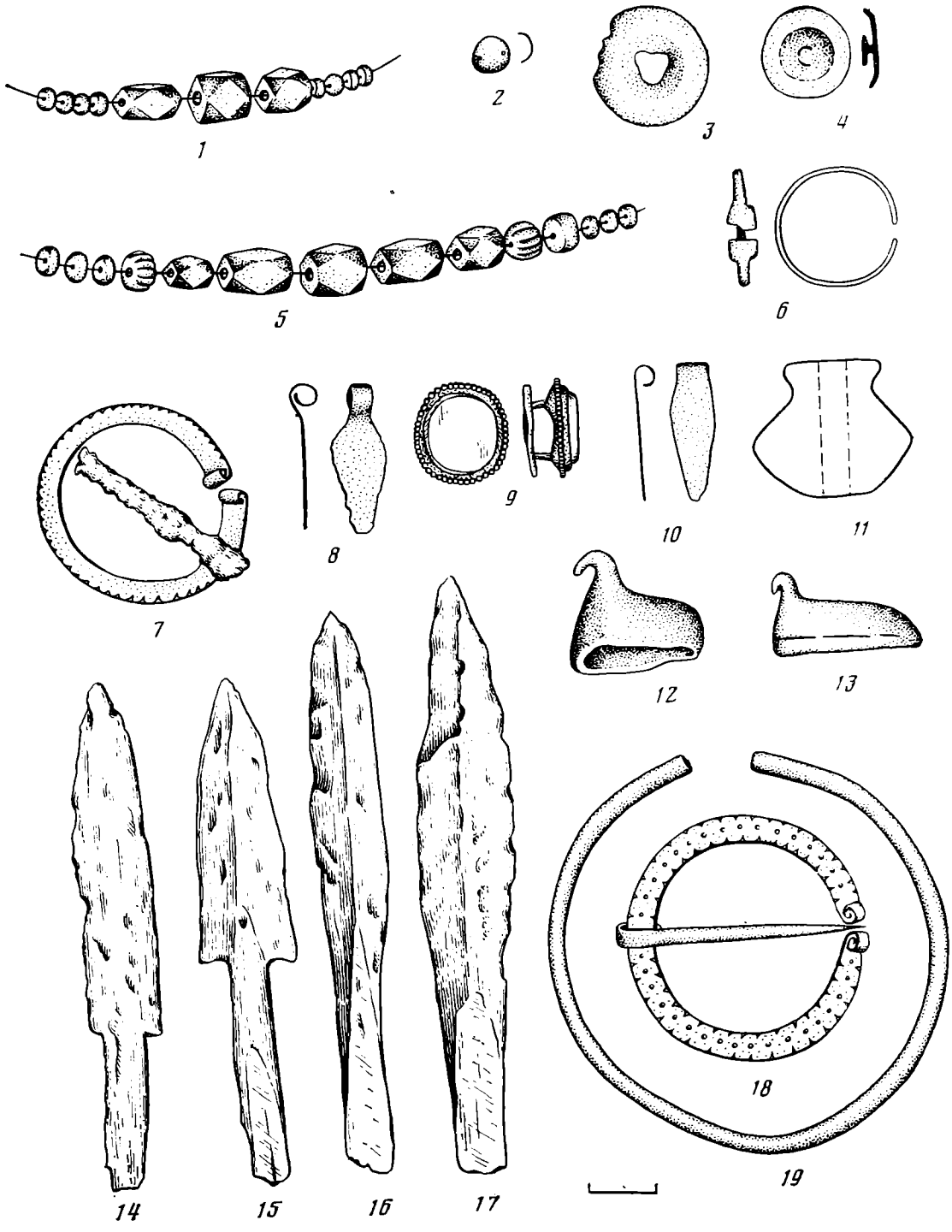


Рис. 7. Салиховский курганный могильник. Инвентарь погребений. 1, 2, 8, 10, 12, 13 – кург. 7; 3, 4, 22 – кург. 22; 5, 7, 11, 9 – кург. 32; 6 – кург. 29; 9 – кург. 1; 14 – 17 – кург. 19

тового цвета (рис. 7, *1*), 16 бронзовых бляшек (рис. 7, *2*), бронзовая фигурка уточки (рис. 7, *12*), 3 бронзовые подвески (рис. 7, *8*, *10*), 15 мелких бронзовых обоймочек (рис. 6, *4*), 1 большая бронзовая обойма (рис. 6, *3*), 2 короткие спиральки диаметром 0,3 см из бронзовых пластин шириной 0,2 см и толщиной 0,3 мм. На дне могилы в северо-восточном конце рядом с черепом найдены: одна 14-гранная пастовая бусина фиолетового цвета (рис. 7, *1*), шесть аналогичных предыдущим мелких бусин. В разных местах могилы собраны еще две аналогичные предыдущим 14-гранные бусины, бронзовая пряжка (рис. 6, *15*), литая бронзовая накладка (рис. 6, *14*), литая полая фигурка уточки толщиной 0,1 см (рис. 7, *13*).

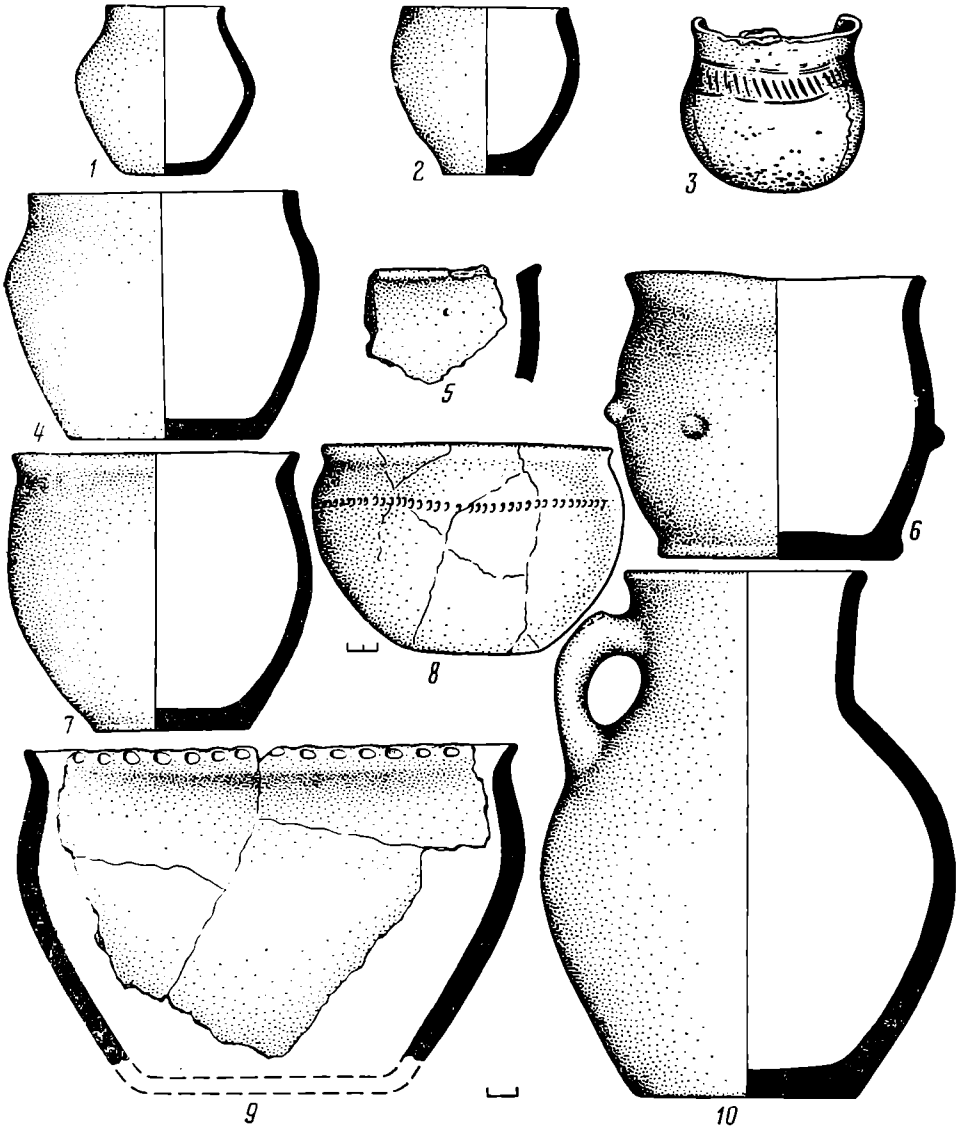


Рис. 8 Салиховский курганный могильник. Керамика. *1* – кург. 29; *2* – кург. 32; *3* – разрушенный курган; *4* – кург. 34; *5* – кург. 33; *6* – кург. 15; *7* – кург. 32; *8* – кург. 13; *9* – кург. 3; *10* – кург. 21

Курган 10. Справа от черепа лежала бронзовая пряжка (рис. 6, *17*), около правого бедра с внешней стороны — предмет неизвестного назначения из белой бронзы (рис. 6, *18*).

Курган 11. В ограбленной могиле в разных местах найдены 17 маленьких бронзовых обоймочек, нанизанных на кожаную веревку (типа рис. 6, *4*).

Курган 13. В потревоженной могиле справа от черепа лежал железный предмет неизвестного назначения, на одном конце которого находился деревянный брусочек, обернутый медной пластиной толщиной 0,5 мм с пятью заклепками (рис. 6, *21*). Около правой ступни стоял глиняный сосудик (рис. 8, *8*).

Курган 15. Могила ограблена. На дне ее, в северо-восточном конце, справа от черепа стоял сосудик (рис. 8, *6*).

Курган 19. Под ступней правой ноги — бронзовая пряжка (рис. 6, *16*), с левой стороны, ниже уровня тазовых костей, на месте бедренной кости почти поперек ее — кусок кожаного пояса с шестью бронзовыми накладками, орнаментированными насечками (рис. 6, *9*, *10*). В области колена и чуть выше в беспорядке лежали еще девять аналогичных накладок, рядом с ними — костяной наконечник стрелы (рис. 7, *15*), в области левой ступни — еще три костяных наконечника (рис. 7, *14*, *16*, *17*).

Курган 21 (рис. 5, *7*). В области правых берцовых костей, чуть ниже уровня колена — глиняный кувшин (рис. 8, *10*), в области обеих ступней — обломки деревянных рукояти ножа и ножен, обложенных тонкой медной пластиной, в северо-восточном конце могилы — сломанный на две части железный нож, с прямой спинкой шириной 2 см.

Курган 22 (рис. 5, *3*). Могила ограблена. В засыпке на глубине 1,1 м найдены две маленькие бронзовые бляшки (рис. 7, *2*), кусочек спирали из бронзовой пластины толщиной 0,1 мм и шириной 2 мм и обломок бронзовой накладки с орнаментом в виде насечек (типа рис. 6, *22*). На дне могилы слева от черепа лежал кусок доски с 10 забитыми в нее в два ряда бронзовыми гвоздями (рис. 6, *5*, *6*). Рядом с ним — бронзовые накладка (рис. 6, *22*) и сюльгама толщиной 1,5 мм (рис. 8, *18*), орнаментированные насечкой, наконечник пояса (рис. 6, *12*), Слева от грудной клетки — две бронзовые бляшки (рис. 7, *3, 4*), около левой тазовой кости — кусочек кожаного пояса и обломок черешка железного наконечника стрелы (?), около правой тазовой кости — кусочек кожаного пояса, железный нож в обломках и плоский серебряный кружочек толщиной 0,2 мм (рис. 6, *8*), около левой ступни — два кусочка толстой кожи, скрепленные между собой двумя бронзовыми заклепками.

Курган 29. На дне ограбленной могилы, в юго-западном углу стоял глиняный сосудик (рис. 8, *1*), а в середине лежал плоский бронзовый перстень (рис. 7, *6*).

Курган 32 (рис. 5, *1*). В северо-восточном углу могилы — глиняный сосудик (рис. 8, *2*), рядом с ним — кость барана и глиняное пряслице (рис. 7, *11*), около левой височной кости — бронзовая подвеска харинского типа, около правого плеча, с внутренней стороны — сюльгема с бронзовым кольцом толщиной 0,1 см с насечками по краю и железной иглой (рис. 7, *7*), на левой руке — круглый в сечении бронзовый браслет (рис. 7, *19*), на правой — железный браслет толщиной 0,9 см, рядом с браслетами — бусы (рис. 7, *5*). Среди последних имеются 40 мелких круглых пастовых бус (иногда с позолотой), 11 14-гранных пастовых, две круглые агатовые с рифленными поверхностями, одна двойная стеклянная с позолотой. На кисти левой руки на боку лежал глиняный сосудик (рис. 8, *7*).

Курган 33. Около правого локтя, с внешней стороны — бронзовая пряжка (рис. 6, *20*), слева от черепа — два маленьких обломка глиняного сосуда, аналогичных, тем, которые встречались в насыпи (рис. 8, *5*).

Курган 34. Слева от черепа лежал на боку глиняный горшочек (рис. 8, *4*), в середине могилы — несколько черепков второго сосуда.

Курган 35, погр. 2. На дне ограбленной могилы в середине рядом с фалангой пальца ноги найден железный наконечник обувного ремня (рис. 6, *19*).

Устанавливается определенная закономерность в расположении вещей по отношению к погребенному. Так, в кург. 13, 21 по одному сосуду стояло в ногах погребенных с правой стороны, в кург. 15 — в изголовье с правой стороны. В кург. 33 сосуд, видимо, также был поставлен около черепа погребенного, о чем могут свидетельствовать два его обломка, лежавшие в изголовье. В кург. 32, 34 найдено по два сосуда, один из которых стоял в изголовье погребенного. В кург. 32 второй сосуд лежал на кисти левой руки, в кург. 34 — в середине могилы. Он, видимо, также был поставлен на кисть руки. Судя по расположению в кург. 22, ножи клали в области пояса погребенного. В кург. 19 три наконечника стрел лежали в ногах погребенного, один — около бедренной кости. Судя по материалам непотревоженной могилы кург. 32, украшения и принадлежности костюма располагались при погребенных в том порядке, как они в свое время располагались на теле или костюме.

Но, видимо, были и отклонения от общего правила. Так, в непотревоженном кург. 10 поясная пряжка лежала справа за черепом, а в кург. 19 — под правой ступней. Их расположение указывает на то, что пояса были уложены вдоль тела погребенных.

И наконец, следует отметить неоднородность погребального инвента-

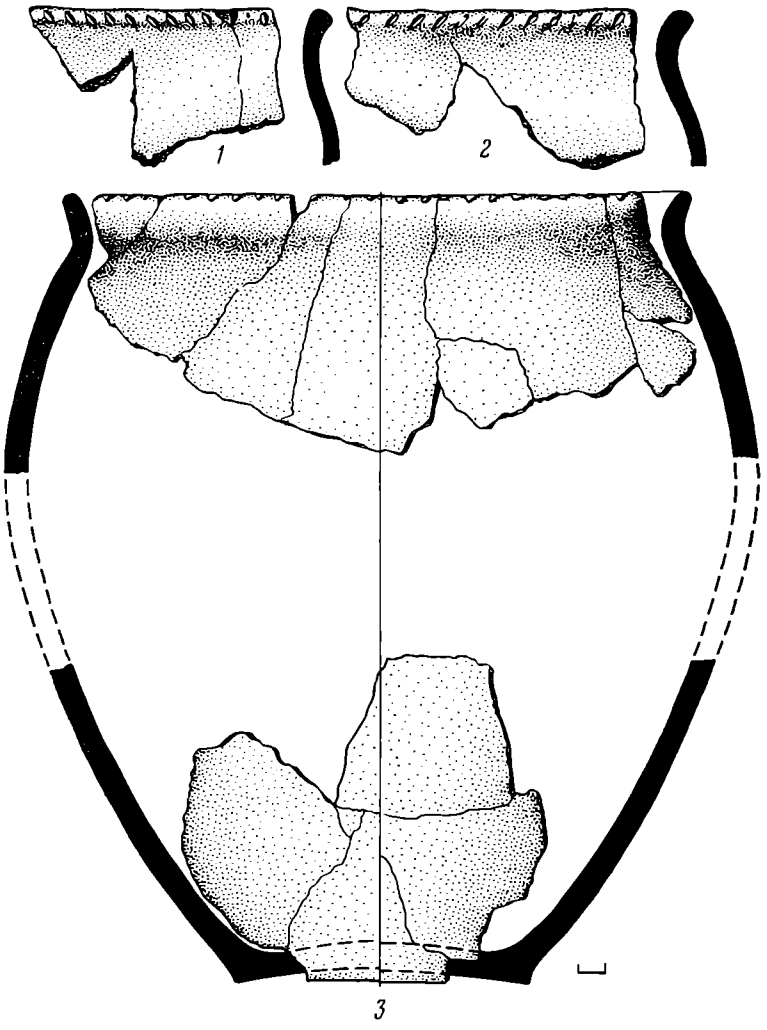


Рис. 9. Салиховский курганный могильник. Керамика. *1* — кург. 3; *2* – кург. 22; *3* – кург. 19

ря и в могилах. Нет ни одной могилы с полным набором погребального инвентаря, который включал бы в себя сосуды, орудия труда, оружие, украшения и принадлежности костюма. Лишь в кург. 22 найден почти полный набор этих вещей.

Керамические сосуды по размерам, формам, технике изготовления, орнаментации можно объединить в четыре группы.

К первой группе (рис. 8, *5*, *8*, *9*) относятся целый сосуд из кург. 3 и обломки двух сосудов из кург. 13, 33. Это небольшие плоскодонные чаши с хорошо заглаженной, иногда залощенной, внешней поверхностью темно-серого цвета. Примесь к глине — песок. Обжиг хороший, черепки плотные. В верхней части тулова одного сосуда имеется орнамент в виде ряда вертикальных продолговатых насечек, по внешнему краю венчика второго сосуда — крупные защипы.

Вторая группа (рис. 8, *1*, *2*) — это сосуды из кург. 29, 32. Они сделаны с примесью песка. Шероховатая поверхность одного из них (рис. 8, *2*) имеет оранжевый, буро-красный цвет, хорошо заглаженная поверхность второго — темно-серая.

В третью группу (рис. 8, *4*, *7*) можно объединить сосуды средних размеров из кург. 32, 34. Сделаны они с примесью песка, мелких камешков и хорошо обожжены. Внешняя поверхность одного (рис. 8, *4*) хорошо заглажена и имеет светло-коричневый цвет, второго — шероховатая, темно-серая.

Четвертая группа (рис. 9, *1–3*) — это сосуды из насыпей кург. 3, 19, 22. Судя по обломкам днищ и шеек, они имели большие размеры и

плоские днища. Сосуд из кург. 3 сделан с примесью песка, остальные — песка и шамота. Черепки сосудов с примесью шамота рыхлые и расслаиваются, внешние поверхности их темно-серого и темно-желтого цвета, ровные, а у сосуда из кург. 3 — темно-серого цвета и тщательно заглажены. Диаметры сосудов по краю равны 20, 18 и 23 см.

В коллекции имеются еще три сосуда, которые, отличаясь между собой, не относятся ни к одной из описанных групп. Сосуд из кург. 21 (рис. 8, *10*) сделан с примесью песка, черепок плотный, поверхность темно-серого цвета, хорошо заглажена. У сосуда из кург. 15 (рис. 8, *6*) поверхность ровная, темно-желтого цвета. В средней части сосуда на разных уровнях, примерно через равные расстояния (6—7,5 см) расположены небольшие выступы — «сосочки». И наконец, сосудик из разрушенных курганов (рис. 8, *3*) сделан с примесью песка. На плечиках расположен орнамент в виде двух резных горизонтальных полос и коротких наклонных полос между ними, иногда прерывающихся.

Орудия труда представлены одним железным ножом и пряслицам. Нож обнаружен в кург. 21. Там же найдены части деревянных рукояти и ножен. Глиняное пряслице найдено в кург. 32 (рис. 7, *11*). Из оружия найдены в кург. 19 четыре костяных наконечника стрел (рис. 7, *14—17*).

К украшениям относятся браслеты, подвески, сюльгамы, перстень, бляшки, накладки, бусы, к принадлежностям пояса и обуви — пряжки, наконечники и накладки.

Дата памятника требует уточнения. Он не может быть датирован в пределах II—IV вв., как это сделал К. В. Сальников, уже хотя бы потому, что среди материалов из раскопок К. В. Сальникова нет вещей, хорошо датированных II—IV вв. [1]. Главное же — среди погребений, исследованных автором, имеются такие, которые можно уверенно датировать в пределах конца IV—V в. Это прежде всего погребение кург. 1, где найдены серебряный наконечник пояса и украшение, выполненное в технике полихромного стиля (рис. 6, *13*, *17*). Украшения этого стиля имели широкое распространение в Восточной Европе в конце IV—V в. [10, с. 5—10]. В это же время бытуют наконечники поясов из драгоценных металлов, аналогичные салиховскому. В кург. 10 найдена пряжка с овальным щитком (рис. 6, *17*), которую также можно датировать рубежом IV—V вв. До недавнего времени аналогичные пряжки датировались со второй половины III по V в.

Однако резкое утолщение передней части кольца, как у салиховской пряжки, дается лишь с IV в. [11, с. 102]. Прогиб язычка на салиховской пряжке не должен смущать, подобные пряжки бытовали в конце IV — первой половине V в. [12, с. 117], отдельные экземпляры есть и в памятниках VI—VII вв. [11, с. 100]. На основании всего сказанного пряжку из кург. 10 можно датировать концом IV—V в. Близкая к ней по форме пряжка найдена в кург. 19 (рис. 6, *16*). Вместе с ней находились многочисленные фигурные поясные накладки (рис. 6, *9*, *10*), являющиеся почти точной копией накладок из поздних погребений (III в. н. э.) Шиповского могильника в Башкирии [13, рис. 22, *22*]. Это является свидетельством того, что шиповские и салиховское погребения находятся хронологически близко друг к другу, с разрывом не более одного века.

В кург. 33 (рис. 6, *20*) найдена большая пряжка, аналогии которой среди материалов памятников Прикамья I тыс. н. э. трудно найти, но кружковый орнамент на лицевой стороне широкой и длинной обоймицы имеется на пряжках V в. [11, рис. 2, *16*]. Часть пряжек А. К. Амброзом датирована V — первой половиной VI в. н. э. Этим же временем можно датировать и салиховскую пряжку. Данная дата подтверждается находками аналогичных по форме, но без орнамента пряжек из Армиевского могильника в Поволжье [14, рис. 51, 54, 63, 64, 129].

V веком датирует А. К. Амброз узкие наконечники обувных ремней, расширяющиеся в конце лопаточной и близкие к наконечнику из кург. 35 в Салихово (рис. 6, *19*).

Хорошо датируется комплекс вещей из кург. 7 (рис. 6, *3*, *4*, *11*, *14*, *15*; рис. 7, *1*, *8*, *10*, *12*, *13*). Бронзовые фигурки уточек в Прикамье в

III—IV вв. н. э. не были известны. В Старокабановском могильнике бахмутинской культуры, исследованном автором в Башкирии, в нескольких погребениях фигурки уточек найдены с фибулами с плоскими изогнутыми широкими спинками и большими бабочковидными фибулами, которые датируются V в. н. э. Неизвестны в памятниках III—IV вв. н. э. также серебряные накладки (рис. 6, *11*). Не ранее V в. н. э. может быть датирована также пряжка, единственную аналогию которой мы нашли среди материалов старшего Кужендеевского могильника VI—VII вв. в Мордовии [15, рис. 3, *11*].

Подвески так называемого харинского типа, также неизвестны из памятников III—IV вв. н. э. Харинские могильники в настоящее время отдельными исследователями датируются V — первой половиной VI в. н. э. [16, с. 87], А. К. Амброзом — VI—VII вв. н. э. [17, с. 32]. В этом вопросе мы придерживаемся ранней датировки. Дело в том, что в упомянутом уже Старокабановском могильнике харинские подвески встречаются в одних комплексах с фигурками уточек и фибулами V в. н. э. Следовательно, в Башкирии они появляются уже в V в. и салиховскую подвеску можно датировать этим временем. Вместе с ней кроме других вещей найдены бронзовая сюльгама (рис. 7, *7*), аналогичные которым в курганных погребениях позднесарматского времени в Башкирии не встречаются [18, 19], а в финно-угорских памятниках республики они появляются с V в. [20].

Не раньше V в. датируется кург. 22, в котором найдены сюльгама, наконечник пояса и фигурные поясные накладки (рис. 7, *18*; рис. 6, *12*, *22*). Широкие и короткие наконечники поясных ремней, как и сюльгамы, получают распространение в Верхнем Прикамье [16, табл. 7, *24*, *25*] и Башкирии [20, табл. 12] с V в. Фигурные поясные накладки близки по форме к накладкам из Азелинского могильника в Нижнем Прикамье [21, табл. XXII, *3—6*], который А. К. Амброзом датируется не III—V вв., как это делал В. Ф. Генинг, а более поздним временем [11, с. 98]. Не вдаваясь в детали, отметим, что могильники азелинского типа в настоящее время можно датировать уверенно лишь с конца IV в. Во всяком случае в памятниках мазунинского типа III—V вв. фигурные поясные накладки близки по форме к накладкам из Азелинского могильника в Нижнем Прикамье [21, табл. XXII, *3—6*], который А. К. Амброзом датируется не III—V вв., как это делал В. Ф. Генинг, а более поздним временем [11, с. 98]. Не вдаваясь в детали, отметим, что могильники азелинского типа в настоящее время можно датировать уверенно лишь с конца IV в. Во всяком случае в памятниках мазунинского типа III—V вв. фигурные поясные накладки, аналогичные азелинским и салиховским, не встречаются, там накладки иных форм [22, табл. 1, *23—26*].

Таким образом, дата большинства перечисленных находок из Салихово укладывается в пределах конца IV — первой половины VI в. н. э. Лишь фигурные поясные накладки, аналогичные накладкам из кург. 19, бытовали раньше IV в. Но они не меняют общей даты курганной группы, так как найдены вместе с пряжкой, характерной для конца IV — первой половины V в. Видимо, кург. 19 является в группе самым ранним, а самым поздним — кург. 7, где найдена пряжка, единственную аналогию которой мы указали среди материалов Старшего Кужендеевского могильника VI—VII вв. в Мордовии. Хронологический разрыв между курганами не может быть более 100—125 лет, если учесть, что могильник состоял всего лишь из 42 курганов. Следовательно, общая дата Салиховского могильника может быть определена как конец IV—V в. н. э.

Вопрос об этнической принадлежности могильника исследователями решался по-разному. Не имея здесь возможности для подробного рассмотрения существующих точек зрения, коротко изложим свое мнение.

В материале Салиховского могильника четко выявляются три компонента. Первый — это позднесарматский. В погребальном обряде позднесарматские традиции проявляются в подкурганных одиночных захоронениях в простых могилах, иногда в могилах с подбоями, северной ориен-

тировке костяков, наличии в насыпях керамики и костей овцы в могилах, расположении сосудов около головы или в ногах погребенных, бус — около кистей рук, положении комков извести на дне могилы. По погребальному обряду Салиховский могильник ближе всего к расположенному недалеко от него II Ахмеровскому могильнику [4]. Близки Салиховские курганы также к другим позднесарматским курганам Башкирии [23].

В погребальном инвентаре также немало вещей, свидетельствующих о преемственности в материальной культуре поздних сармат и «салиховцев». Это прежде всего кувшин из кург. 21, аналогии которому можно указать среди материалов II Ахмеровского и Темясовского могильников в Башкирии [18]. Кувшины являются частой находкой и в курганах Поволжья. Сосуд с «сосочками» из кург. 15 напоминает небольшой сосуд с четырьмя выпуклинами из кург. Красногор в Оренбургской обл.[2] Один плоскодонный сосуд с выпуклинами найден в кург. 6 группы IV у пос. Комсомольский в Башкирии [23]. Из Калининского могильника в Поволжье происходит сосуд с четырьмя продолговатыми налепами [24, рис. 64, *4*]. Кстати, на нем имеется орнамент из двух резных круговых бороздок, соединенных зигзагообразной линией [1, рис. 4, *1*], аналогичный орнаменту на сосуде из Салиховского кург. 23, Этот орнамент был характерен для части сарматских сосудов Южного Приуралья еще в более раннее время [25]. Иногда на сарматских сосудах встречается лишь одна ломаная линия на тулове.

Второй компонент — финно-угорский. Он также хорошо прослеживается как в погребальном обряде, так и инвентаре. Традиции местного финно-угорского населения в погребальном обряде впервые заметил В. Ф. Генинг. Он усматривал их в восточной ориентировке погребенных и положении сосудов над костяком [26, с. 256]. Наблюдения В. Ф. Генинга подтверждаются новыми данными наших раскопок в 1972 г. Так, в кург. 10 поясная пряжка лежала справа от черепа, а в кург. 19 — под правой ступней. В последнем кургане с левой стороны костяка, ниже тазовых костей, в направлении к правой ноге лежали поясные накладки. В кург. 22 наконечник пояса найден в области левого плеча, а чуть выше левой и ниже правой тазовых костей был прослежен тлен кожанного пояса. Все эти факты свидетельствуют о том, что пояса были положены в развернутом виде, рядом или поперек погребенных. Это обычай возник среди местного оседлого населения Прикамья еще в пьяноборскую эпоху [27, рис. 8, *2, 4, 5*] и бытовал в III—V вв. [22, с. 14].

Связь Салиховского могильника с местным оседлым населением хорошо прослеживается в погребальном инвентаре. Еще К. В. Сальников обратил внимание на находки в курганах чашевидных сосудов, аналогичных керамике поселений правобережья среднего течения р. Белой, названных впоследствии имендяшевскими. Нами также найдены чашевидные сосуды. Почти весь металлический инвентарь, в основном украшения и принадлежности костюма, характерны для финно-угорского населения. Это подвеска харинского типа, фигурки уточек, фигурные поясные накладки, наконечник обувного ремня, сюльгамы.

Третий компонент — восточного происхождения. К. Ф. Смирнов сближал Салиховские курганы по каменной наброске и северо-восточной ориентировке костяков с гуннскими памятниками Забайкалья [5, с. 76]. Хотя это и далекие аналогии, но ими, видимо, не следует пренебрегать, учитывая общеисторическую обстановку в евроазийских степях в середине I тыс. н. э. Тем более, что в настоящее время имеется больше данных для сравнения Салиховских курганов с гуннскими. Можно указать на ряд следующих общих для них признаков погребального обряда: ступени в глубоких могилах, заполнение и обкладка могил камнями, миниатюрные ритуальные сосудики в могилах [28, с. 150—170].

Салиховский могильник не единственный в Южном Приуралье, который можно сопоставить с гуннскими. Еще с конца XIX в. известны курганы у с. Мертвые соли близ г. Соль-Илецка в Оренбургской обл., дати-

[2] Находится в Оренбургском областном краеведческом музее.

руемые концом IV — первой половиной V в. [29, с. 28]. Они так же, как и Салиховские, содержали в себе камни. В Татарской АССР, на правом берегу Камы, В. Ф. Генингом исследованы Тураевские курганы V в., отдельные могилы которых были заложены камнями [30]. Глубокие могилы имели ступеньки вдоль длинных стенок. Могилы со ступеньками известны в Дежневских курганах конца IV—V в. в г. Уфе [31] и Кушнаренковском могильнике VI—VII вв., недалеко от Уфы [32].

Аналогичные могилы появляются в Южном Приуралье еще в позднесарматское время, когда здесь, как считают некоторые исследователи, концентрировались гунны перед своим движением на запад. Так что есть все основания связывать новые черты погребального обряда населения Южного Приуралья середины I тыс. н. э. с гуннами или другими пришлыми вместе с ними племенами восточного происхождения. В подтверждение этому можно сослаться, например, на то, что и позже у тюркоязычных волжских болгар и поздних кочевников Южного Урала были могилы со ступеньками [8, 33].

Все эти данные свидетельствуют, что в формировании «салиховского» населения приняли участие кроме потомков поздних сарматов и угрофиннов-имендяшевцев еще и тюркоязычные элементы. Но участие их в этом сложном процессе было, как нам представляется, не непосредственным, а через поздних сарматов.

Первые тюркские элементы, проникшие на Южный Урал, вряд ли заходили далеко в лесные районы правобережья р. Белой. В этих районах даже сарматы появляются лишь во второй половине III в. н. э., видимо, под давлением более южных своих сородичей, с которыми имели непосредственные контакты первые тюрки на Южном Урале. Нам представляется, что какая-то небольшая группа позднесарматского населения Южного Урала, испытавшая сильное тюркское влияние в конце IV в. н. э., не желая идти вместе с гуннами на запад, продвинулась на север, в лесные районы правобережья р. Белой, где до их прихода жили немногочисленные группы позднесарматского и имендяшевского населения. Пришлая и местные группы населения смешались между собой, что и получило яркое отражение в материалах Салиховского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сальников К. В.* К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н. э.— СА, 1958, № 4.
2. *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала.— ВАУ, 1961, вып. 1.
3. *Васюткин С. М.* Новые материалы по археологии раннего средневековья Башкирии.— АО — 1967. М., 1968.
4. *Васюткин С. М.* К изучению археологических памятников в Башкирии.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1969, № 5.
5. *Смирнов К. Ф.* Ранние кочевники Южного Урала.— АЭБ, 1971, т. 4.
6. *Васюткин С. М., Горбунов В. С.* Экспедиция Башкирского государственного университета.— АО — 1972. М., 1973.
7. Археологическая карта Башкирии. Уфа, 1976.
8. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
9. *Матвеева Г. И.* О происхождении именьковской культуры.— В кн.: Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
10. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Наука, 1975.
11. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
12. *Бетрозов Р. К.* Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
13. *Пшеничнюк А. Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э.— III в. н. э.).— В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
14. *Рыков П. С.* Культура древних финнов в районе р. Узы.— В кн.: Изв. Нижневолжского института краеведения им. А. М. Горького. Саратов, 1931.
15. *Жиганов М. Ф.* Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша.— СА, 1959, № 1.
16. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— ВАУ, 1973, вып. 12.
17. *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.—В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
18. *Пшеничнюк А. Х., Рязапов М. Ш.* Темясовские курганы позднесарматского

времени на юго-востоке Башкирии.– В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
19. *Васюткин С. М.* II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени.– В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
20. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
21. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III–V вв.– ВАУ, 1963, вып. 5.
22. *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье.– ВАУ, 1967, вып. 7.
23. *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников южного Приуралья. М.: Наука, 1983.
24. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.– МИА. 1959, № 60.
25. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.– САИ, 1963, вып. Д1-10.
26. *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н. э.– Б кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
27. *Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура.– АЭБ, 1975, т. V.
28. *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятское книгоиздат, 1976.
29. *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 г.– МАВГР, 1899, вып. 3.
30. *Генинг В. Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье.– ВАУ, 1962, вып. 2.
31. *Пшеничнюк А. Х.* Уфимский курганный могильник.— АЭБ, 1968, т. III.
32. *Генинг В. Ф.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.).– В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1971.
33. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.

S. M. Vasyutkin

THE SALIKHOVO BURIAL MOUND OF THE LATE 4TH-5TH CENTURIES IN BASHKIRIA

Summary

The author publishes the results of the 1967 and 1972 investigations of a burial mound at the village of Salikhovo, Ishimbai District, Bashkir ASSR, which was discovered and partly studied by K. Salnikov in the early 1950s. The article describes the burial rite, classifies grave goods from the 27 burial mounds investigated by the author, deals with the debatable problems of the burial ground's dating and ethnic affiliation. All burial mounds, including the four of them discovered and studied by Salnikov, are dated to the late 4th-5th centuries A. D. The burial ground belonged to a mixed population comprising the Sarmatae of the South Urals which became Turkicised in the course of the Hun invasion and the local settled Ugro-Finnic population.

Р. Г. ДЗАТТИАТЫ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК В СЕЛЕНИИ ЕДЫС
(Южная Осетия)

Верховья р. Большой Лиахвы в Юго-Осетинской автономной области изобилуют разнообразными археологическими памятниками средневекового периода. Здесь имеются башни, замки, склепы, могильники с каменными ящиками, святилища и пр. Однако особый интерес вызывает «царциаты калак» — «город царциатов» у с. Едыс — поселение легендарного, по преданиям внезапно погибшего народа — царциатов [1, с. 34—42]. Поселение было расположено на холме. Руины каменных домов покрывают склоны холма и шлейф. Впервые Едысское «городище царциатов» с археологической целью посетил замечательный энтузиаст-кавказовед В. И. Долбежев в 1886 г. [2, с. 125—127].

Собранные им вещи свидетельствовали об имеющихся на данной территории памятниках раннего средневековья. В 20-х годах нынешнего столетия небольшие раскопки в Едысе провела Е. Г. Пчелина, отметившая погребения нескольких хронологических периодов [3, с. 246]. Еще через 40 лет, в 1965 г., экспедиция под руководством Б. В. Техова предприняла раскопки на городище, в результате которых было исследовано четыре жилых помещения и несколько погребений, датированных автором раскопок зрелым средневековьем [4, с. 12; 5, с. 20, 21].

Найденные нами в 1978 г. в развороченной эскаватором яме на территории городища стеклянные, янтарные и сердоликовые бусы (рис. 1, *21*) побудили к проведению (или продолжению) раскопочных работ. И с 1979 г. отдельный отряд археологической экспедиции Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Груз. ССР под нашим руководством проводит исследование «города царциатов». В верхней части холма раскопан могильник, на котором обнаружено 110 погребений в грунте и каменных ящиках, относящихся к XIV—XV вв., выявлено и расчищено оборонительное сооружение с массивными стенами на вершине холма. На восточном склоне холма среди остатков жилых помещений обнаружена и раскопана полуцилиндрическая башня и пр.

Наиболее интересный и качественно новый материал дали раскопки полевого сезона 1982 г. Всего в 1982 г. открыто пять погребений, но счет мы ведем с обнаруженного в 1978 г.

Погребение 1. На дне ямы на глубине около 0,5 м при дочистке были обнаружены обломки человеческого костяка. В западной части погребения лежала нижняя челюсть, что, видимо, связано с западной ориентировкой погребенного (рис. 1, *1*). Около челюсти были обнаружены кроме найденных ранее бус стеклянные (рис. 1, *10*, *15*, *18а*, *20*), сердоликовые (рис. 1, *17*, *18в*), хрустальные (рис. 1, *17а*), халцедоновые (рис. 1, *17б*), янтарные (рис. 1, *16*, *17б*) и гранатовые (рис. 1, *19*) бусы, обломок дуги фибулы (рис. 1, *8*), бронзовая пластинка (рис. 1, *9*), булавка в виде железного стержня с надетой на нее сердоликовой буспной (рис. 1, *11*), две серебряные проволочные сережки (рис. 1, *13*, *14*), сердоликовый перстень со сточенным щитком (рис. 1, *12*) и шесть гемм — три на сердолике и три на янтарных бусинах. На янтарных бусинах вырезаны значки — «нишан»-ы, а на сердоликовых печатках — олень, утка и жертвенник — «аташдан» с изображением пламени (рис. 1, *2—7*).

Сасанидские геммы с изображением утки характерны для V—VI вв. [6, с. 148, 149], а олень фигурирует на геммах VI—VII вв. [6, с. 174].

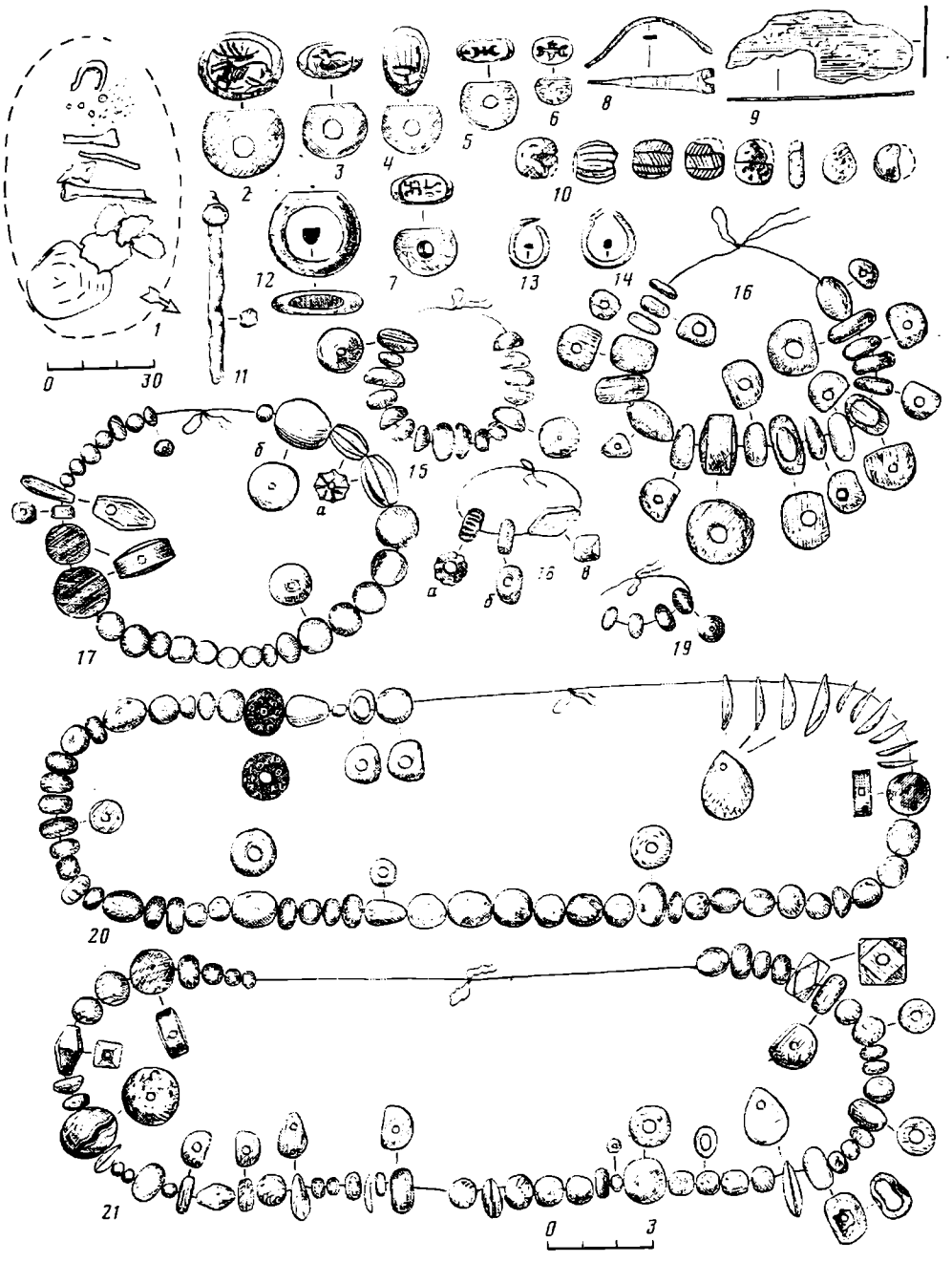


Рис. 1. План и инвентарь погр. 1

О характере погребального обряда можно сказать, что это было трупоположение (в грунте попадались угольки).

Погребение 2. В грунтовой могиле на глубине 0,5—0,6 м были совершены последовательно пять захоронений (рис. 2, *1*). Костяк последнего погребенного был более или менее в анатомическом порядке, тогда как предыдущие смещены в сторону. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на запад с некоторым отклонением к северу. В грунте, покрывавшем костяки, попадались древесные угольки. Под тазовыми костями находились обломки шиферной плиты.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Золотая калачиковидная серьга с зернью и вставкой из сердолика в круглой обойме (рис. 2, *5*). 2. Бокал-каркезиум из тонкого прозрачного стекла желтоватого цвета с напаянными на поверхности волнистыми и обвивающими стеклянными нитями. Основание бокала — круглая «шишечка». Высота

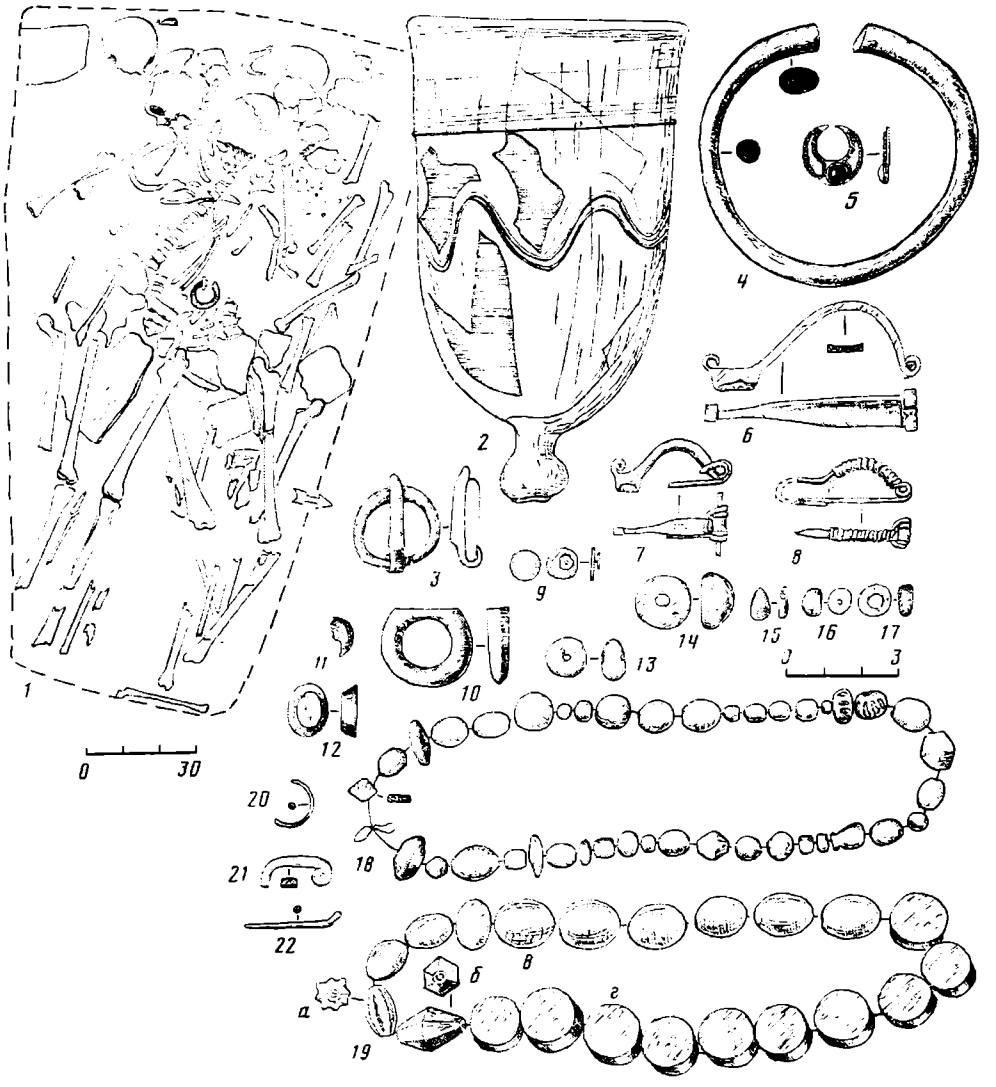


Рис. 2. План и инвентарь погр. 2

сосуда — 13,2, диаметр — 7,8 см (рис. 2, *2*). Подобные изделия были широко распространены в раннем средневековье от Кавказа [7, с. 58, рис. I, 4, II, *13*, *42*, *45*, *58*, *59*] до Центральной Европы [8, с. 89]. Орнаментация сосуда также распространена от позднеантичного времени до X—XII вв. [9, с. 47, табл. X, *1—3*]. 3. Бронзовые фибулы (рис. 2, *6—8*) имеют аналогии как в памятниках Северного Кавказа (Балта), так и Закавказья (Самтавро) [10, табл. XIX, *10—20*]. Датируются аналогичные фибулы VI—VII вв. 4. Бронзовая овально-рамчатая пряжка, по классификации В. Б. Ковалевской, также датируется VI—VII вв. [11, табл. 2, тип 1]. 5. Массивный бронзовый браслет с незамкнутыми, несколько расширяющимися концами. Диаметр — 7,6 м (рис. 2, *4*). Аналогии имеются среди материалов из Чми, Архона, Чир-Юрта, Борисовского могильника, Агач-Калы, Салтовского могильника [12, с. 130]. Датируются VI—IX вв. 6. Маленькая круглая бляшка — деталь поясного набора (рис. 2, *9*) — имела широкое распространение в степях Евразии [13, с. 102, рис. 45; 14, рис. 1, *24*; 15, с. 49, рис. 1, *III*, *117*]. Встречаются такие бляшки и в могильниках Закавказья. Например, в Самтавро [10, табл. XXVIII, *31*]. Н. И. Апхазава датирует их концом VI — первой половины VII в. [10, с. 127]. 7. Сердоликовый перстень со сточенным щитком (рис. 2, *10*) аналогичен перстням, имевшим широкое распространение на Северном Кавказе и Закавказье. В Минге-

чаурских катакомбах V—VII вв. [16, с. 70, рис. 29, *11*], а в Самтаврском могильнике — в комплексе VII в. [10, табл. XVIII, *5*]. 8. Сердоликовые монетообразные бусы (10 экз.) — диаметром 1,4—1,7, высотой 0,6—1,1 см, полученные в результате высверливания сердоликовых перстней (рис. 2, *19*). Датируются В. Б. Ковалевской VI—IX вв. [12, с. 139, 140]. 9. Халцедоновые бусы (рис. 2, *19*) эллипсоидной формы (6 экз. голубоватого и 3 экз. желтоватого тонов). Также датируются VI—IX вв. [12, с. 140]. 10. Хрустальные бусы (2 экз.). Одна эллипсоидная с восьмью продольными желобками — каннелюрами, другая бипирамидальная с шестью гранями (рис. 2, *19*). Аналогичные бусы имеются в материалах из чмийских катакомб. Датируются VI—IX вв. [12, с. 143, 144]. 11. Янтарные бусы (4 экз.). Одна пряслицеобразная, другая каплевидная, две другие в виде шайбочек (рис. 2, *14—17*). 12. Стеклянные бусы (рис. 2, *18*) в основном одноцветные — синие, желтоватые, светло-фиолетовые; по форме — шарообразные, эллипсоидные, дисковидные. Две бусины инкрустированы глухим стеклом белого цвета. Одна бусина ромбической формы с двумя параллельными отверстиями («разделитель»). Кроме того, в погребении были обнаружены: сердоликовая вставка перстня овальной формы (рис. 2, *12*), бронзовый язычок пряжки (рис. 2, *21*), фрагмент проволочной сережки из серебра (рис. 2, *20*), бронзовая игла фибулы (рис. 2, *22*), скорлупка лесного ореха (рис. 2, *11*). Лесные орехи, видимо, служили амулетами [13, с. 109, 111].

Погребение 3 находилось в 20 м к югу от погр. 2. Представляло собой грунтовую яму, в которой на глубине 0,9 м было совершено шесть захоронений. Кости первых пяти погребенных были сдвинуты к северу, востоку и западу. Костяк последнего погребенного лежал в анатомическом порядке, вытянуто, на спине, правая рука согнута под прямым углом, левая — на бедре, согнутая в локте под тупым углом. Череп со следами искусственной кольцевой деформации. Ориентировка северо-запад — запад. В грунте попадались древесные угольки. В изголовье и у правого бедра костяка были найдены кости крупного рогатого скота — остатки заупокойной пищи (рис. 3, *1*). У изголовья справа от костяков находились крупные камни.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Раздавленная приземистая глиняная кружка с петлевидной ручкой и отогнутым венчиком[1], высотой 7,5 см и с диаметром тулова 10,8 см (рис. 3, *22*). Близкие по форме сосуды были обнаружены в катакомбах Песчанки [17, рис. 3, *1, 5*] и в Кумбулта [17, рис. 27, *А-3*]. Но на едысском экземпляре, в отличие от кумбултского, нет сосцеобразных налепов. Правда, наша кружечка фрагментирована, отсутствует как раз та часть тулова, на которой должны были быть эти налепы. Но на одном из фрагментов (рис. 3, *22а*) заметны штрихи, подобные тем, которыми опоясывали сосок-налеп, как, например, на экземпляре из Задалиска [17, рис. 27, *А-6*]. 2. Бронзовая круглорамчатая пряжка с длинным язычком (рис. 3, *4*) аналогична пряжкам из Большого Буйнакского кургана и катакомб Чми и датируется VI—VII вв. [11, табл. 1]. 3. Бронзовая прямоугольно-рамчатая пряжка с «геральдическим» щитком (рис. 3, *18*) аналогична пряжкам, найденным в Самтавро, Урбниси, Нижнем Джулате и др. Подобные пряжки датируются VI—VII вв. [10, с. 47]. 4. Бронзовая фибула. Приемник утерян (рис. 3, *9*). Подобна фибулам из Самтавро и датируется концом VI в. [10, табл. XIX, *34*]. 5. Сердоликовые бусы — круглые, монетообразные, одна бипирамидальная. Одна бусина халцедоновая. Всего 29 экз. (рис. 3, *20*). Датируются VI—IX вв. [12, с. 139, 140]. 6. Янтарные бусы — 5 экз. Одна крупная, в виде пряслица, три в виде печатей-гемм, т. е. со сточенным краем (рис. 3, *17*). Видимо, прототипами для этой формы бус послужили широко распространившиеся с III—V вв. сасанидские разные камни-геммы. 7. Сердоликовая гемма с

[1] Глиняная кружка, а также стеклянный сосуд из погр. 2 были искусно восстановлены зав. реставрационной лабораторией ИА АН СССР И. Н. Мартыновой, за что приносим ей благодарность.

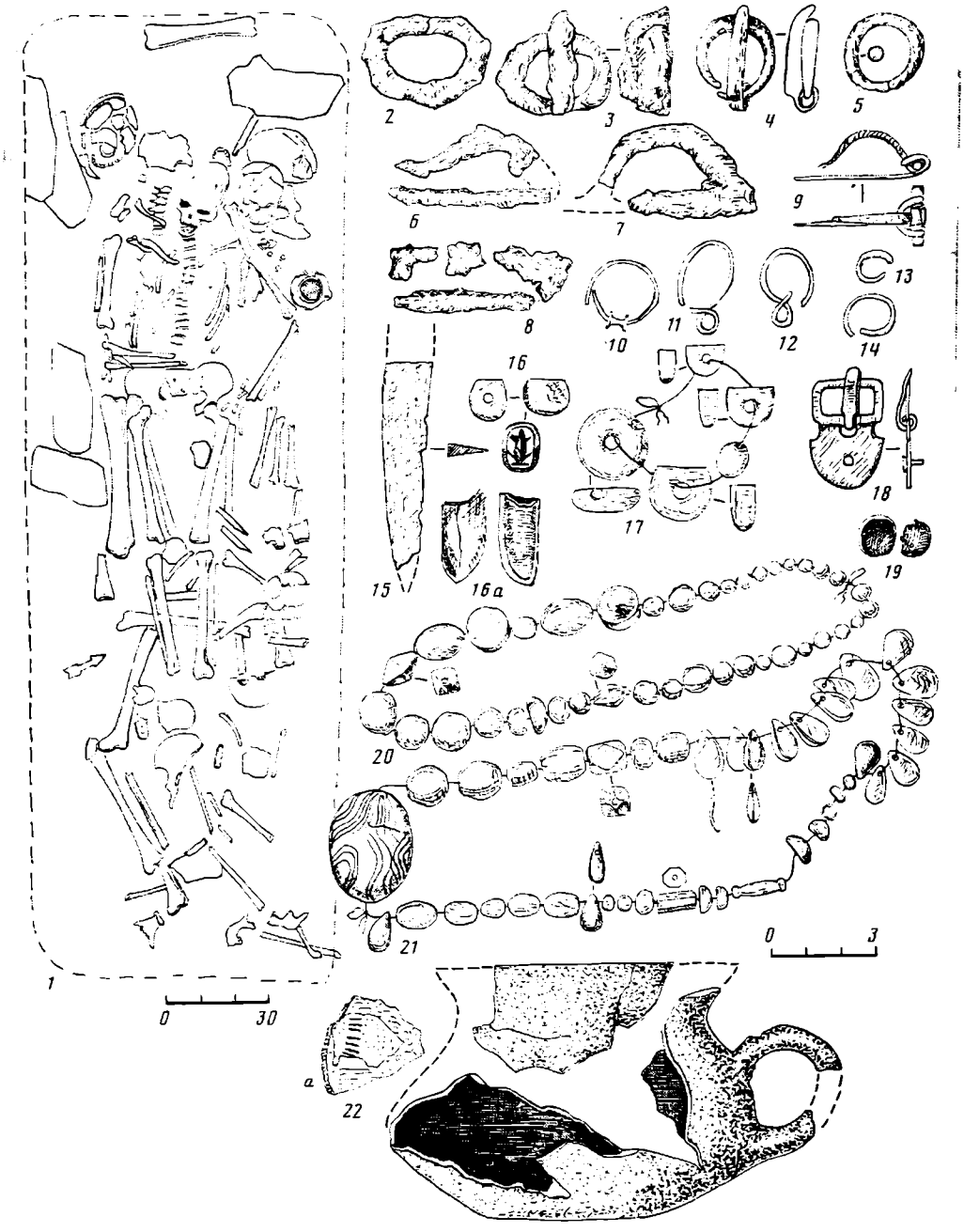


Рис. 3. План и инвентарь погр. 3

изображением, напоминающим силуэт распластанного животного (рис. 3, *16*). 8. Стеклянные бусы (рис. 3, *21*), среди которых одна четырнадцатигранная. Аналогичные бусы имеются в материалах из Архона и Чми и относящихся к VI—IX вв. [18, с. 218, рис. 4, *14*], а также в Самтавро и Гавази, датированных VI—VII вв. [10, табл. XXVIII, *27, 43,* XXIX, *14*], призматическая бусина из непрозрачного стекла светло-зеленого цвета. Встречается в памятниках VI—IX вв. [18, с. 219, рис. 4, *18*], стеклянная бусина с внутренней позолотой в виде трубочки с валиками на концах, также VI—IX вв. [18, с. 221, рис. 4, *29*], каплевидные бусы из стекла нередки в раннесредневековых памятниках Грузии. Причем наиболее распространенными являются бусы, которые носили попарно, они как бы двусоставные: плоские сторонами друг к другу, выпуклыми — наружу. Встречены в погребениях VII—VIII вв. [10, табл. XI, *38*; XIII, *50*; XXVIII, *2*; XXXVII, *49*]. Выделяется среди стеклянных бус одна

крупная, с мозаикой в виде полос и завитков. 9. Кроме того, в погребении найдены: две железные пряжки (рис. 3, *3*), бронзовое колечко; возможно, что это круглорамчатая пряжка, но нет следов от язычка (рис. 3, *5*), фрагменты трех железных фибул (рис. 3, *6—8*), обломок железного ножика (рис. 3, *15*), сережки из серебряной проволоки с петлеобразно загнутыми концами (рис. 3, *11—12*), с напаянной «катушкой» (рис. 3, *10*), обломки колечек (рис. 3, *13*), клюв или коготь хищной птицы (рис. 3, *16а*), скорлупа лесного ореха (рис. 3, *19*).

Погребение 4 располагалось в 0,85 м к северу от погр. 3. В грунтовой яме, длиной около 3 м и шириной до 0,8 м, на глубине 0,9 м было совершено не менее пяти захоронений. Кости погребенных сдвинуты и перемешаны, но крупные кости лежали вдоль могильной ямы. Черепа раздавлены, а фрагменты перемешаны. В целости сохранился только один череп с искусственной деформацией. Ниже был обнаружен еще один деформированный череп, но плохой сохранности. На дне могильной ямы — глинистый слой, четко выделяющийся на черноземном фоне. Кроме того, погребение сверху было засыпано слоем минерального песка бурого цвета (измельченный травертин железистого источника, находящегося вблизи). Могильная яма по краям обрамлена в некоторых местах камнями. Это не обкладка, а оставшиеся в грунте при рытье могилы камни. Погребенные, видимо, лежали вытянуто, на спине, а ориентировка костяка, судя по расположению могильной ямы, была на северо-запад — запад (рис. 4, *1*). В грунте попадались древесные угольки.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Часть донышка (диаметр основания 7 см) и стенки чернолощеного кувшина (рис. 4, *25*). Чернолощеные кувшины малых размеров характерны для Центрального Предкавказья IV—IX вв. [17, с. 108—110]. 2. Серебряная круглорамчатая пряжка с круглым двустворчатым щитком (рис. 4, *7*) может быть датирована VI—XII вв. [11, табл. II, *5*]. 3. Бронзовая сегменторамчатая пряжка (рис. 4, *8*) напоминает пряжку из Баклы, но без щитка. Датируется VI—VII вв. [11, приложение, табл. II, *5*]. 4. Круглорамчатая железная пряжка с длинным язычком и загнутым хоботком (рис. 4, *12*). 5. Крупная круглорамчатая железная пряжка с круглым железным щитком (рис. 4, *6*). 6. Две бронзовые плоские сегменторамчатые пряжки с плоскими язычками, повторяющие контуры литых (рис. 4, *7*, *8*). 7. Две биметаллические фибулы с бронзовой, круглого сечения дужкой, сплошным приемником с завитком на конце и железной иглой (игла одной из них утеряна; рис. 4, *2*, *4*). Подобные фибулы происходят из Кубани и Крыма и относятся к I в., затем распространяются на Нижнюю Волгу и Северный Кавказ. В V—VII вв. ареал включает и горный Кавказ [19, с. 45]. В Закавказье проникают с Северного Кавказа и встречаются с VI в. [10, с. 21, табл. XIX, *1—4*]. 8. Дужка фибулы (игла и приемник утеряны), аналогичная предыдущим (рис. 4, *5*). 9. Железная фибула с узким вытянутым приемником и железной иглой на шарнире (рис. 4, *3*). Близкие аналогии найдены в Самтавро VI—VIII вв., Гавази VI—VII вв. [10, табл. XXIII, *16—19*, *44*, *45*]. 10. Серебряные сережки в виде незамкнутого колечка с заостренными концами (рис. 4, *15*, *16*) имеют аналогии в Самтаврских могилах и датируются в пределах V—VII вв. [10, табл. X, *6*; XXXV, *23*; XXXVIII, *16*, *17*, *19*]. 11. Серебряная сережка из проволоки круглого сечения. Один конец расплющен, другой — заострен (рис. 4, *17*). 12. Серебряная сережка в виде плоского калачика — низ широкий, концы заострены (рис. 4, *14*) — аналогична золотой серьге из погр. 2, но без зерни и вставки. 13. Круглая обойма со стеклянной вставкой (рис. 4, *21*); возможно, служила украшением фибулы. 14. Среди 27 сердоликовых бус, большинство из которых круглые, есть бипирамидальная, эллипсоидная и монетообразные (рис. 4, *23*). Датируются VI—IX вв. 15. Янтарные бусы — 16 экз. — в основном в виде ложных печатей (рис. 4, *19*). 16. Стеклянные бусы — 21 экз. Среди них мозаичные, биконические, в виде трубочек, двучастная с металлической прокладкой, крупная мозаичная бусина в виде пряслица

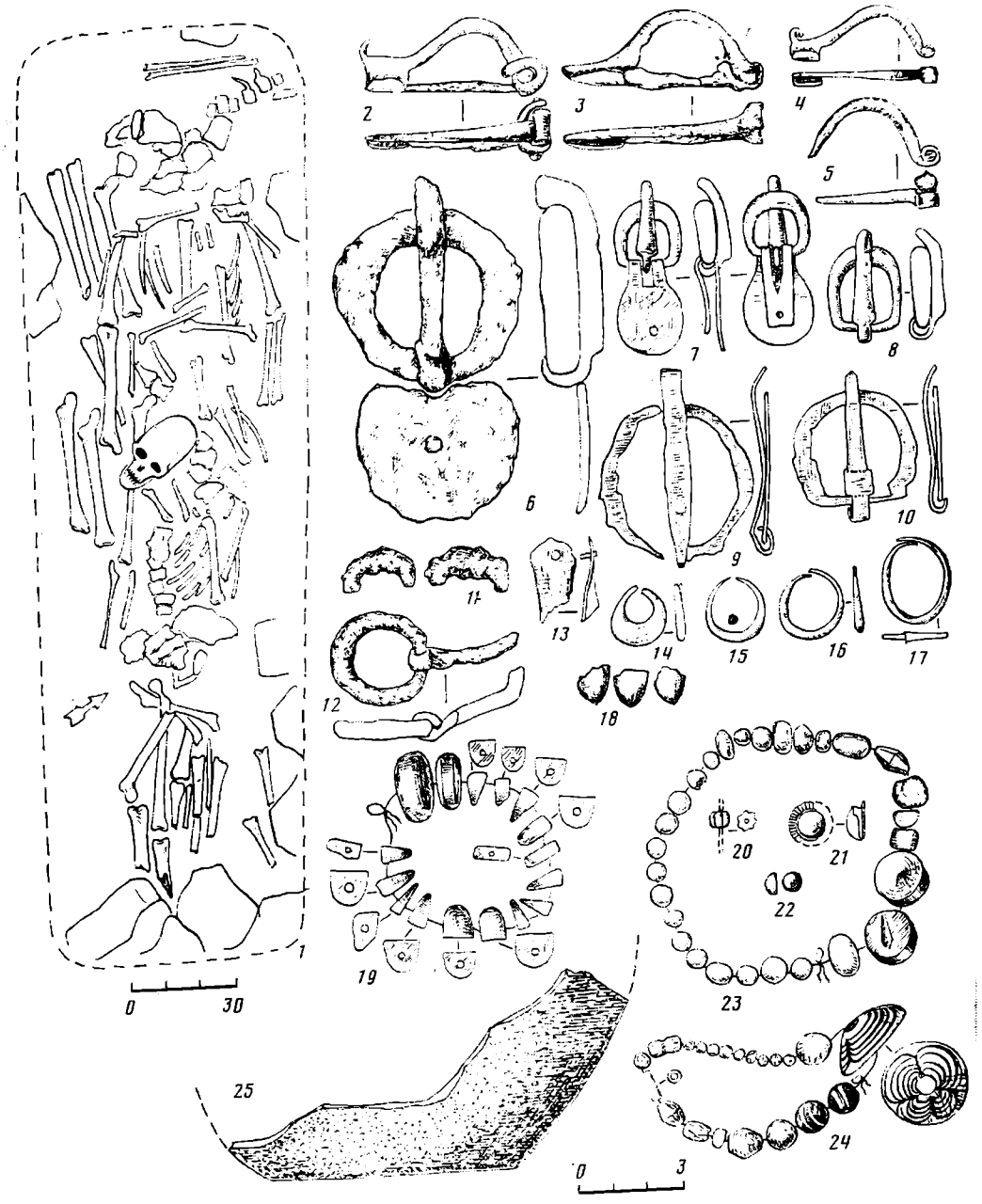


Рис. 4. План и инвентарь погр. 4

(рис. 4, *24*) подобна бусинам из Цебельды [20, с. 83, рис. 25, *23*] и Самтавро [10, табл. XXXVIII, *13*]. Стеклянные бусы датируются также VI—IX вв. 17. Кроме того, в погребении были обнаружены обломки железной пряжки или фибулы (рис. 4, *12*), прогнутая бронзовая пластинка с гвоздиком-штифтом (рис. 4, *13*), рифленая бусина с остатком металлического стерженька (рис. 4, *20*), деталь какого-то украшения из серебра (рис. 4, *22*), скорлупа лесного ореха (рис. 4, *18*).

Погребение 5 находилось в 3,25 м к югу от погр. 3. В грунтовой яме, длиной около 1,6 м и шириной 0,5—0,6 м, на глубине 1,1 м было совершено три захоронения. Костяки первых двух погребенных были сдвинуты, а часть костей вообще была выкинута при подготовке могильной ямы для захоронения очередного покойника. Костяк последнего погребенного с искусственно деформированным черепом лежал на спине; левая рука — вдоль тела, кисть правой руки — на бедренной кости. Кости ног в необычном для остальных погребенных на этом могильнике положении:

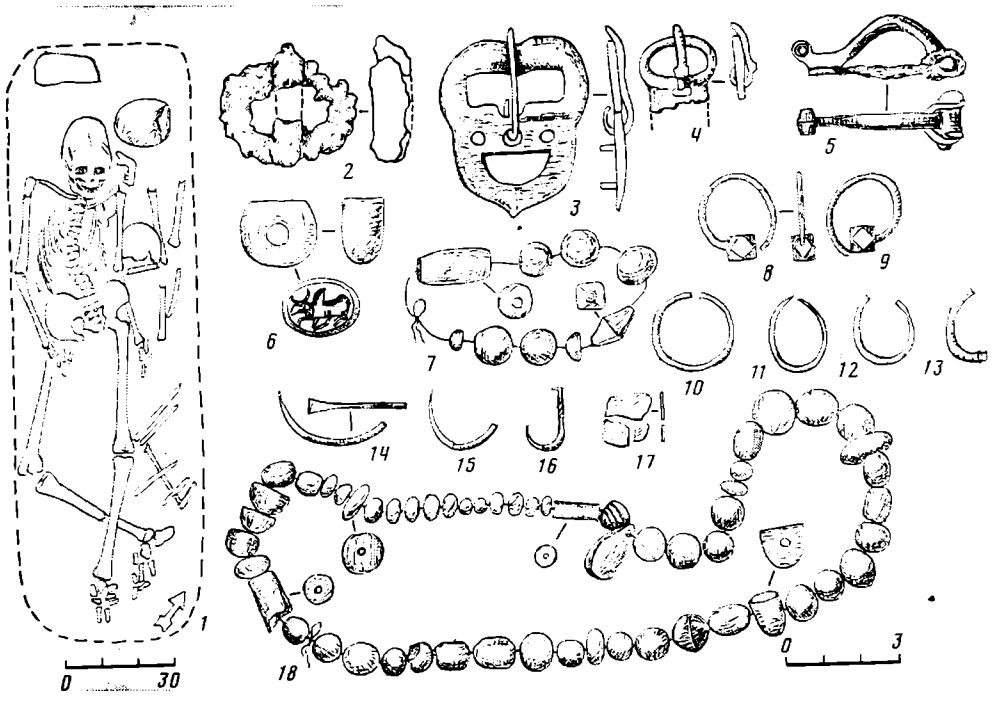


Рис. 5. План и инвентарь погр. 5

левая нога вытянута, а правая согнута в колене так, что голень правой ноги заходила под голень левой. Ориентировка костяка северо-западная (рис. 5, *1*). В изголовье находился крупный камень.

При расчистке костяков в грунте встречались древесные угольки. Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Бронзовая пряжка с прорезным щитком — схематическим изображением человеческого лица (рис. 5, *3*). Идентичные пряжки найдены в Гавази и Нижнем Джулате [10, табл. XXVIII, *42*]. Гавазский экземпляр датируется концом VI — первой половиной VII в. [10, с. 127]. 2. Овально-рамчатая пряжка с цельнолитым щитком. Щиток обломан (рис. 5, *4*). Подобная пряжка найдена в Самтавро и датируется концом VI — началом VII в. [10, табл. XXXII, *22*]. 3. Биметаллическая фибула с бронзовой дужкой и сплошным приемником с усеченным биконическим завитком. Возможно, на концах завитка были и декоративные шарики. Игла железная, пружинная (рис. 5, *5*). Аналогии имеет в могильниках Самтавро и Стырфаз [10, с. 24, табл. XIX, *34—37*] и датируется VII в. 4. Серебряные серьги из тонкой проволоки, с заостренными концами (рис. 5, *11, 12*). Аналогичны серьгам из погр. 4. 5. Две серебряные серьги с четырнадцатигранником на конце (рис. 5, *8, 9*). Ареал распространения — от Дагестана до Венгрии [21, с. 231—235], в Закавказье единичны. В Чми обнаружены в катакомбах VIII—IX вв. [12, с. 131]. 6. Сердоликовая гемма с изображением бегущего зебу (рис. 5, *6*). Аналогична изображению на сердоликовой пластинке из собрания Государственного Эрмитажа [6, приложение, рис. 452]. Геммы с изображением зебу датируются VI—VII вв. 7. Сердоликовые бусы — 9 экз., круглые, цилиндрические, полусферические, бипирамидальные (рис. 5, *7*), датируются VI—IX вв. 8. Стеклянные бусы — 56 экз. Среди них цилиндрическая из непрозрачного голубого стекла, круглые из синего стекла, каплевидные, с внутренней позолотой. Одна бусина имитирует форму геммы (рис. 5, *18*), 9. Кроме того, в погребении были обнаружены: железная круглорамчатая пряжка (рис. 5, *2*), обломки сережек (рис. 5, *13*), бронзовые пластинки (рис. 5, *15, 17*), фрагменты каких-то украшений (рис. 5, *14—16*).

Погребение 6 находилось в 1,5 м к югу от погр. 5. В грунтовой яме последовательно совершено шесть захоронений. Кости сдвинуты в сторону, черепа — к изголовью. Последнее захоронение, кажется, детское, но,

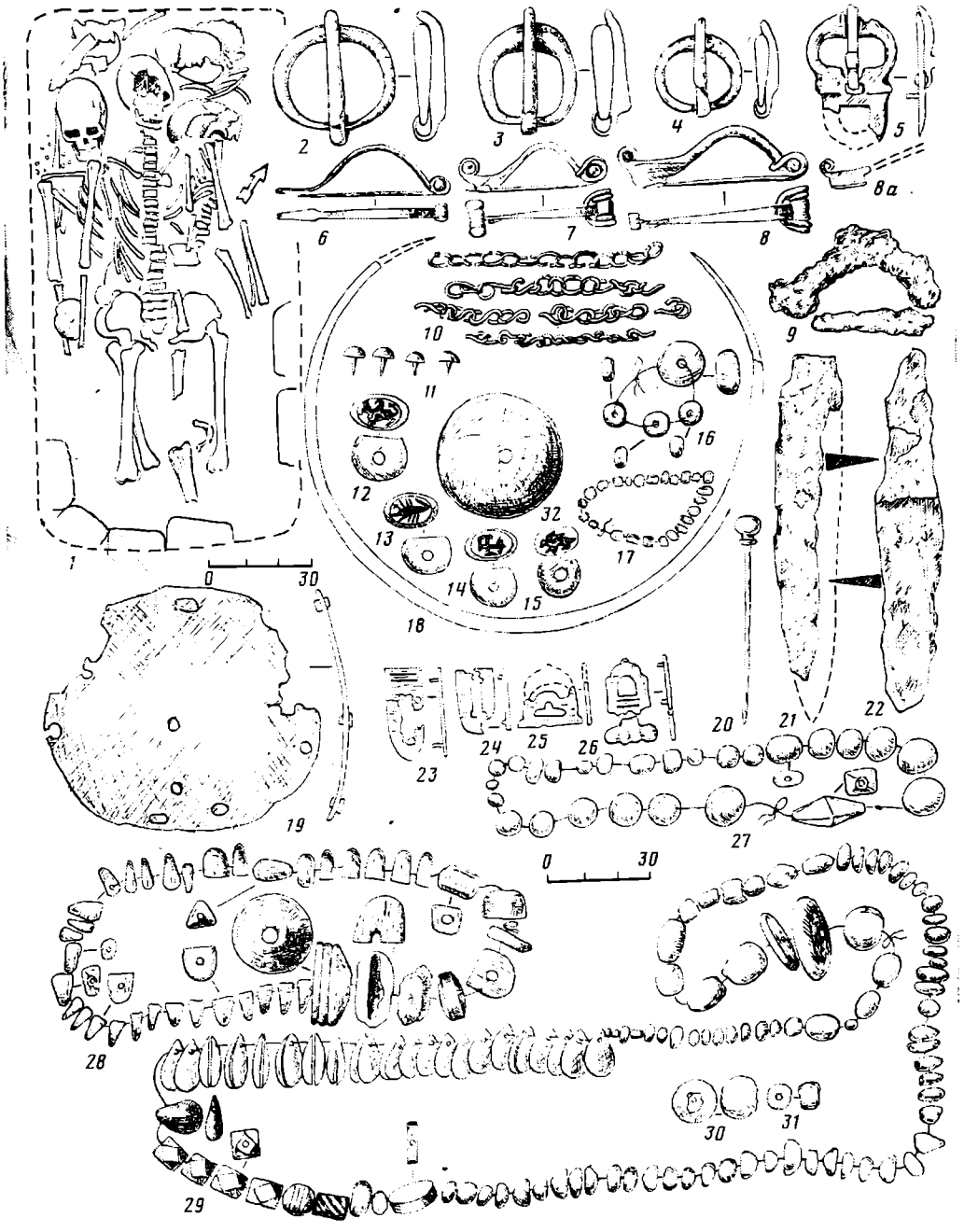


Рис. 6. План и инвентарь погр. 6

возможно, и совместное с погребенным в центральной части могильной ямы. Черепа, кроме одного, который несет следы искусственной деформации, плохой сохранности — раздавлены. Кости ног не сохранились, видимо, были выброшены при укладке стены какого-то сооружения, находившегося рядом. Ориентировка северо-западная (рис. 6, *1*). В засыпи могилы встречались древесные угольки.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Две бронзовые круглорамчатые пряжки (рис. 6, *2*, *4*), аналогичные пряжкам, найденным в погр. 2, 8 и 4, датируются также и VI—VII вв. 2. Бронзовая сегменторамчатая пряжка (рис. 6, *3*) аналогична пряжке из погр. 4 этого же могильника (рис. 4, *8*). Датировка ее — VI—VII вв. [11, табл. II, *5*]. 3. Овально-рамчатая пряжка с геральдическим щитком, а в щитке геральдический же вырез; язычок плоский, с прямоугольным выступом у основания. Конец щитка обломан (рис. 6, *5*). Оформление рамки — же-

лобок с выступающими ограничителями — характерно для пряжек VI—VII вв. из Бежта и Никольского [11, табл. XVIII, *25, 26*]. Такие же пряжки из Рустави и Ананури датируются первой половиной VII в. [10, табл. XXXII, *6*]. Так же датируются и аналогичные пряжки из Скалистинского могильника в Крыму [22, с. 37, рис. 1, *27*]. 4. Бронзовая подвязная фибула с несохранившимся приемником (рис. 6, *6*) аналогична фибуле из Урбниси, датируемой V в. [10, табл. VIII, *13*]. 5. Две бронзовые фибулы (рис. 6, *7, 8*) аналогичны фибулам из погр. 5 и также датируются VII в. 6. Бронзовая булавка — заколка или шпилька для волос — с круглой, несколько приплюснутой головкой и кольцевым валиком на шейке (рис. 6, *20*). Точно такие же булавки найдены в Семтавро и Гурджаани и датируются VII в. [10, табл. XXXVIII, *9, 10, 14, 35*]. 7. Серебряная шейная гривна из прута круглого сечения с заостренными концами (рис. 6, *18*). Такая же гривна была найдена в Кобани [23, табл. XIV, *1*]. 8. Детали поясного набора (рис. 6, *23—26*) распространены широко [12, с. 132] и имеют многочисленные аналогии. Найденные в Самтавро и Бербуки поясные бляшки датируются концом VI — началом VII в. [10, табл. XXVII, *21, 23*; XXVIII, *6, 10*; XXIX, *1, 2*; XXX, *2*; XXXI, *35*]. В памятниках Прикамья эти же бляшки обнаруживаются в комплексах конца VI — первой половины VII в. [13, с. 101]. В датированных по монетам комплексам из Северного Кавказа аналогичные детали поясного набора характерны для второй половины VI в.— первой четверти VII в. [15]. 9. Бронзовые гвоздики-заклепки с полусферическими шляпками — 4 экз. (рис. 6, *11*). Точно такие же найдены в каменных ящиках Самтавро, датируются концом VI — началом VII в. [10, табл. XXVII, *36, 44*; XXXI, *38*]. 10. Пластинчатая круглая бляха из бронзы (рис. 6, *19*). 11. Два железных ножа клиновидного сечения (рис. 6, *21, 22*). 12. Фрагменты железной фибулы (рис. 6, *9*). 13. Фрагмент бронзовой фибулы — приемник (рис. 6, *8а*). 14. Сердоликовая гемма с изображением грифона — туловище льва, птичья голова с загнутым вниз клювом, длинными ушами, хвостом со звездчатой кисточкой на конце, крыльями (рис. 6, *12*). Такой же грифон имеется на гемме из собрания Государственного Эрмитажа. Геммы с грифонами характерны для IV—VI вв. [6, рис. 229]. 15. Сердоликовая гемма с изображением скорпиона (рис. 6, *13*). Скорпионы фигурируют на Сасанидских геммах V—VII вв. [6, рис. 686]. 16. Сердоликовая гемма со знаком, напоминающим жертвенник «аташдан» (рис. 6, *14*). Аналогичный знак изображен на поддоне серебряного блюдца из гробницы № 3 Армазис-хеви [24, с. 62, рис. 26]. 17. Гемма на янтарной бусине со сточенным щитком. Изображение разрушилось (рис. 6, *15*). 18. Крупная (диаметр 3,45 см) сердоликовая бусина (рис. 6, *32*), возможно, вторичного использования. 19. Сердоликовые бусы — 26 экз. Круглые, сплюснутые, разновеликие. Одна из них бипирамидальной формы (рис. 6, *27*), которая характерна для VI—IX вв. 20. Гранатовые (альмандин) бусы — 4 экз. По форме приплюснуто-круглые (рис. 6, *16*). 21. Янтарные бусы — 40 экз. По форме — в виде ложных печатей, в виде пряслица, цилиндрическая и др. (рис. 6, *28*). 22. Стеклянные бусы — 119 экз. (рис. 6, *29*). Из них 30 — каплевидные, плоско-выпуклые зеленоватого цвета, датируются VII в. [10, с. 103], 47 экз. — полусферические, фиолетового цвета, 4 экз.— четырнадцатигранные зеленого стекла, одна бусина монетообразная, имитирующая форму и цвет монетообразных сердоликовых бус, остальные — мозаичные, одноцветные, дисковидные, эллипсоидные. 23. Обрывки бронзовой цепочки (рис. 6, *10*).

Обнаруженные погребения — могильные ямы, вырытые в каменистом грунте, без каменных обкладок и покрытий. Во всех погребениях отмечено наличие древесных угольков в грунте, покрывавшем костяки, а в одном случае отмечена бурая травертиновая засыпка (погр. 4).

Могильные ямы ориентированы по оси восток — запад с отклонениями, которые принято объяснять видимостью сезонных точек захода солнца в горной местности. Обряд — трупоположение. Погребальные ямы неоднократного использования. При подготовке погребальной камеры для очередного захоронения кости предыдущих погребенных сгребались в

сторону. Правда, не совсем тщательно. Погребения, надо полагать, были семейными. Перемешанность костяков не дает возможности выделить комплексы, принадлежавшие отдельным индивидуумам, поэтому датировка погребений несколько суммарна. Все шесть погребений по инвентарю датируются второй половиной VI — началом VII в.

Погребальные ямы вырыты в материке, перекрытом культурным слоем городища, на территории которого и были обнаружены погребения. Культурный слой, толщиной от 0,3 до 0,7—0,8 м, содержал кости крупного и мелкого рогатого скота, фрагменты глиняной столовой и тарной посуды, шлаки, чешую осетровой рыбы, глиняную курительную трубочку и пр. Датируется по находкам XIV—XVII вв.

Анализ инвентаря могильника показывает, что вещи характерны для закавказских, и особенно для северокавказских, памятников раннего средневековья. В 1981 г. М. П. Абрамова раскопала у с. Чми по Военно-Грузинской дороге могильник, материал из которого идентичен нашему. Такие же грунтовые могилы, ориентировка, наличие деформированных черепов, угольная подсыпка, а также вещи погребального инвентаря — пряжки, серьги с четырнадцатигранником, бусы, сасанидские геммы и пр.[2]

Говоря об этнической принадлежности погребенных, следует сказать, что деформированные черепа считаются характерным признаком сарматских племен [25, с. 45], и в особенности алан [26, с. 157]. По всей вероятности, сармато-аланам принадлежали и деформированные черепа, обнаруженные в Самтаврском могильнике и также относящиеся к раннему средневековью [27, с. 87].

Видимо, раскопанный нами могильник, как и Чмийский, раскопанный М. П. Абрамовой, оставлен аланами, проникшими в Закавказье с севера. Проникновение (или «инфильтрация») алан в Закавказье, в частности в район Жинвали и Мцхета (Агаиани), зафиксировано и в последнее время археологическими раскопками. В Жинвали, например, обнаружено более 30 катакомб, предварительно датированных VI—VIII вв. [28, с. 37—38]. Причем, по мнению Р. М. Рамишвили, переселенцы обосновывались в ключевых, лежащих на важных торговых магистралях пунктах Картлийского царства [28, с. 38] (имеется в виду Жинвали—Жинваани, находившийся на древнем торговом пути, связывавшим Закавказье с Северным Кавказом и проходившем через Крестовый перевал). Следует отметить, что и с. Едыс находится вблизи (8—10 км) Кадласанского перевала, через который проходит путь из верховьев р. Терека (Трусовское ущелье) в верховья р. Лиахвы. Кроме того, с. Едыс именовалось еще и «Калак», что по-грузински означает город, а регион даже в позднейших документах значился как «Калакский приход». Следовательно, и с. Едыс находился на важном экономическом пути, связывавшем Закавказье с Северным Кавказом. Как пишет В. А. Кузнецов, VI—IX вв.— это «период наиболее интенсивного проникновения алан в предгорья и горы Центрального Кавказа» [17, с. 118]. К этому положению следует добавить, что аланы не только проникали в горы, но и, перейдя перевалы, обосновывались за перевалом. Путь продвижения шел сперва вверх по Тереку, затем одна группа, перейдя Крестовый перевал, осела в Жинвали и далее в Мцхета (Агаиани), а другая, пройдя к истокам Терека по Трусовскому ущелью, преодолев Калдасанский перевал, осела в Едысе.

То, что в Жинвали имеются катакомбы, а в Едыс и Чми грунтовые могилы, видимо, объясняется тем, что катакомба может быть вырыта только в соответствующем грунте, тогда как в Едысе и Чми почва каменистая. Да и в Жинвали катакомбы «были устроены лишь в той части могильника, где имелись мощные отложения глины» [28, с. 37].

Таким образом, проникновение алан-осетин («овсы» грузинских источников) в Закавказье (не военные походы, а оседание) происходит не в XVI—XVII вв. [29], и даже не в XIII—XIV вв. [30, с. 163, 164], а намного раньше — в VI—VII вв.

[2] Приносим свою искреннюю благодарность М. П. Абрамовой за возможность ознакомиться с неопубликованным еще материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дзаттиаты Р. Г.* К вопросу о царциатах.– Изв. ЮОНИИ, 1980, вып. XXV.
2. ОАК за 1886 г. СПб., 1891.
3. Тр. ЗНА, Юго-Осетия. Тифлис, 1925, вып. 1.
4. *Техов Б. В.* К вопросу изучения средневекового «городища царциатов» в с. Едис Джавского района.– В кн.: План работы и тезисы докладов научной сессии ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвали, 1967.
5. *Техов Б. В.* Археологическое изучение Южной Осетии за 50 лет Советской власти.– Изв. ЮОНИИ, 1968, вып. XV.
6. *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963.
7. *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников.– КСИА, 1979, вып. 158.
8. Археология Франции. От палеолита до эпохи Меровингов. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1982.
9. *Кузнецов В. А.* Исследования Змейского могильника.– МИА, 1963, № 114.
10. *Апхазава Н. И.* Материальная культура раннесредневековой Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мецниереба, 1979 (на груз. яз).
11. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки.– САИ, 1979, вып. Е1-2.
12. *Деопик В. Б.* Классификация и хронология аланских украшений.– МИА, 1963, № 114.
13. *Иерусалимская А. А.* Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мощевая балка).– СЭ, 1983, № 1.
14. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья).– КСИА, 1979, вып. 158.
15. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо.– КСИА, 1979, вып. 158.
16. *Афанасьев Г. Е.* Хронология могильника Мокрая Балка.– КСИА, 1979, вып. 158.
17. *Асланов Г. М.* К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура.– КСИИМК, 1955, вып. 60.
18. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.– МИА, 1962, № 106.
19. *Ковалевская В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв.– СА, 1961, № 3.
20. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.– САИ, 1966, вып. Д1-30.
21. *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.
22. *Атаев Д. М.* Височные привески с четырнадцатигранником.– СА, 1963, № 3.
23. *Веймарн Е. В.* Скалистинский склеп 420.– КСИА, 1979, вып. 158.
24. МАК, 1900, т. VIII.
25. *Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А.* Мцхета I, Армазис-хеви. Тбилиси, 1958.
26. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
27. *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана.– КСИИМК, 1951, вып. 37.
28. *Жиров Е. В.* Об искусственной деформации головы.– КСИИМК, 1940, вып. 8.
29. *Рамишвили Р. М.* Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976–1979 гг.– В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
30. *Гамрекели В. Н.* Двалы и Двалетия в I–XV вв. до н. э. Тбилиси, 1961.

R. G. Dzattiaty

AN EARLY MEDIAEVAL BURIAL GROUND AT THE EDYS VILLAGE

Summary

Diggings of the Tsartsiaty Kalak fortified settlement in the upper reaches of the Bolshaya Liakhva River (Southern Ossetia) have been in progress in recent years. The burials discovered in 1982 can be attributed to the Alans on the strength of the grave goods evidence and the presence of artificially deformed skulls. Numerous analogies relate the burials ground to late 6th-early 7th centuries.

О. В. ОВСЯННИКОВ, Е. А. РЯБИНИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО «ЧУДСКОГО» НАСЕЛЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ЛАЧА

В августе 1981 г. при карьерных разработках на окраине д. Тихманьга (Каргопольский р-н Архангельской обл.) был найден комплекс средневековых вещей, связанных с грунтовыми захоронениями[1] (рис. 1). Бульдозерист Г. В. Курганов после снятия верхнего слоя почвы на коренном берегу сухой старицы р. Тихманьги обнаружил череп и другие человеческие кости вместе с бронзовыми украшениями, о чем сообщил в районный музей. Однако интерес местных жителей к находке побудил его сыновей выбрать все имеющиеся при костях вещи для передачи их в музей. Погребальный инвентарь был собран довольно тщательно, и хотя к моменту археологического обследования местонахождения остатков захоронений уже не сохранилось, все предметы, исходя из указаний их первооткрывателей, могут быть распределены по отдельным комплексам. Всего на этом участке обнаружены три погребения, два из них (1 и 2) сопровождались погребальным инвентарем.

Выявленный при случайных обстоятельствах и разрушенный памятник представляет тем не менее значительный интерес. Достаточно указать, что в данном районе известен лишь один грунтовый могильник эпохи средневековья, исследованный в последние годы на оз. Лача (Попово) [1, с. 80—86].

Стратиграфия на вскрытом участке прослеживается, естественно, лишь фрагментарно и представлена гумусным слоем незначительной мощности (10—15 см), ниже которого залегает материковый гравий. Стратиграфический разрез на самом краю коренного берега выглядит следующим образом: дерн толщиной 8 см, гумусный слой мощностью 35—50 см и материковая порода. К востоку от обнаруженных погребений до недавнего времени находились совхозные хозяйственные постройки, а еще ранее стояли жилые дома. Вследствие этого гумусный слой с включениями поздних культурных остатков на исследованной площади достигал значительной мощности, составляя 1—1,2 м.

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что погр. 1 и 2 были совершены в неглубоких могильных ямах и имели южную ориентировку. Безынвентарное грунтовое захоронение 3 было обращено головой на восток. Могилы выкопаны в гумусном слое, что может свидетельствовать о давней обжитости рассматриваемой территории и функционировании средневекового кладбища на месте ранее существовавшего поселения.

Вещевой материал распределяется по погребальным комплексам следующим образом (рис. 2, 3).

Погребение 1 — два фрагментированных височных кольца среднего размера из бронзовой проволоки (рис. 2, *9*, *13*); серповидная гривна в виде широкой бронзовой пластины, суживающейся к концам и завершенной крючками (рис. 3, *14*); серебряная англосаксонская монета XI в. с отверстием для подвешивания, находившаяся у головы захоронения (рис. 2, *21*)[2]; ожерелье из 10 бус, включающее прозрачные зонные бусы

[1] Место находок было осмотрено О. В. Овсянниковым по просьбе директора Каргопольского краеведческого музея В. Д. Шевелева.

[2] Этельред II (976—1016 гг.), так называемый Helmet type (1003—1009 гг.), Винчестер. Приносим благодарность А. Н. Мавлыгину за нумизматическое определение находки.

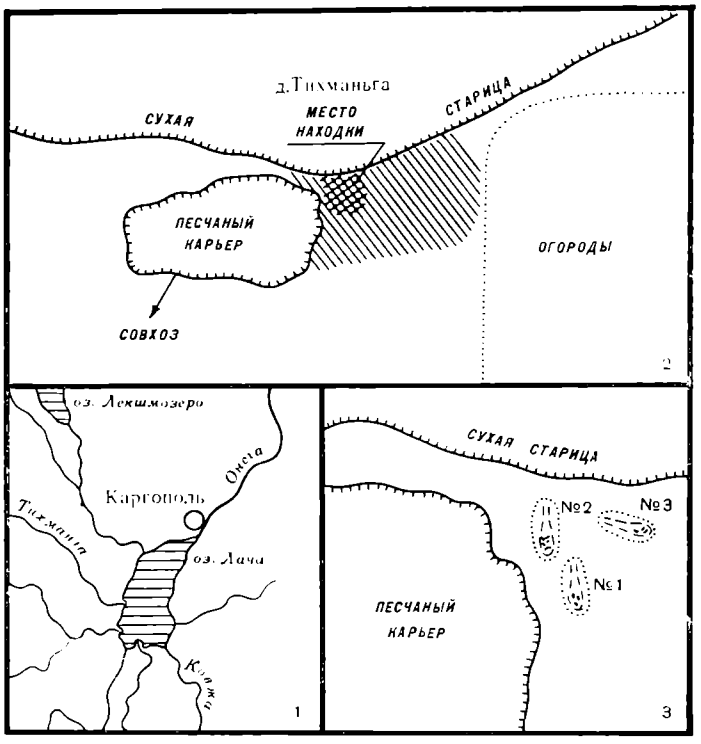


Рис. 1. Могильник у д. Тихманьга. *1* – географическое положение могильника; *2* – ситуационный план могильника; *3* – участок могильника с разрушенными грунтовыми захоронениями

зеленого (4 экз.) и желтого (3 экз.) стекла, а также желтые зонные бусы заглушенного стекла; бронзовая подковообразная фибула сегментного сечения с плоскими четырехугольными головками, обмотанными бронзовой проволокой (рис. 3, *2*); бронзовая подковообразная фибула такого же сечения с головками в виде длинных спиральных трубочек; на застежке сохранилось бронзовое проволочное колечко, с помощью которого, по-видимому, как и в предыдущем случае, соединялись головки фибулы (рис. 3, *1*); горизонтальный бронзовый игольник с косорешетчатым арочным щитком (рис. 3, *13*).

Погребение 2 — серебряная калачевидная серьга, с орнаментированной пластинчатой частью дуги (рис. 2, *3*); два щитковоконечных бронзовых височных кольца с овальными щитками, украшенными крестовидным узором (рис. 2, *1*, *2*); два браслетообразных ложновитых височных кольца из бронзовой проволоки с несомкнутыми или загнутыми в крючок концами (рис. 2, *6*, *10*), перстнеобразные и средних размеров височные кольца с завитком на одном конце или с простыми заходящими концами (рис. 2, *4*, *5*, *7*, *8*); бронзовое височное колечко с уплощенной и расширенной средней частью (рис. 2, *11*); бронзовая трубочка с овальными расширениями (рис. 3, *7*); «Ф-образные» пронизки (2 экз., рис. 3, *3*, *4*); пластинчатая ажурная и полая птицевидные подвески (рис. 3, *5*, *6*); колоколовидные привески и бубенчики (рис. 3, *8—12*); неорнаментированные бронзовые перстни, несомкнутые, с расширенной средней частью (рис. 2, *16*, *17*); колечко, свернутое из серебряной тонкой пластинки (рис. 2, *14*); бронзовое поясное кольцо с углубленным орнаментом (рис. 2, *18*); кольцевидная бронзовая застежка (рис. 2, *20*); рамка от бронзовой поясной пряжки четырехугольной формы (рис. 2, *19*); фрагменты бронзовых спиралек и обломок ножа.

Богатый инвентарь обоих женских захоронений включает древности самого различного происхождения. Прежде всего обращает на себя внимание обилие чудских типов изделий, свидетельствующих наряду с грунтовым обрядом захоронения и нетипичной для славян меридиональной и

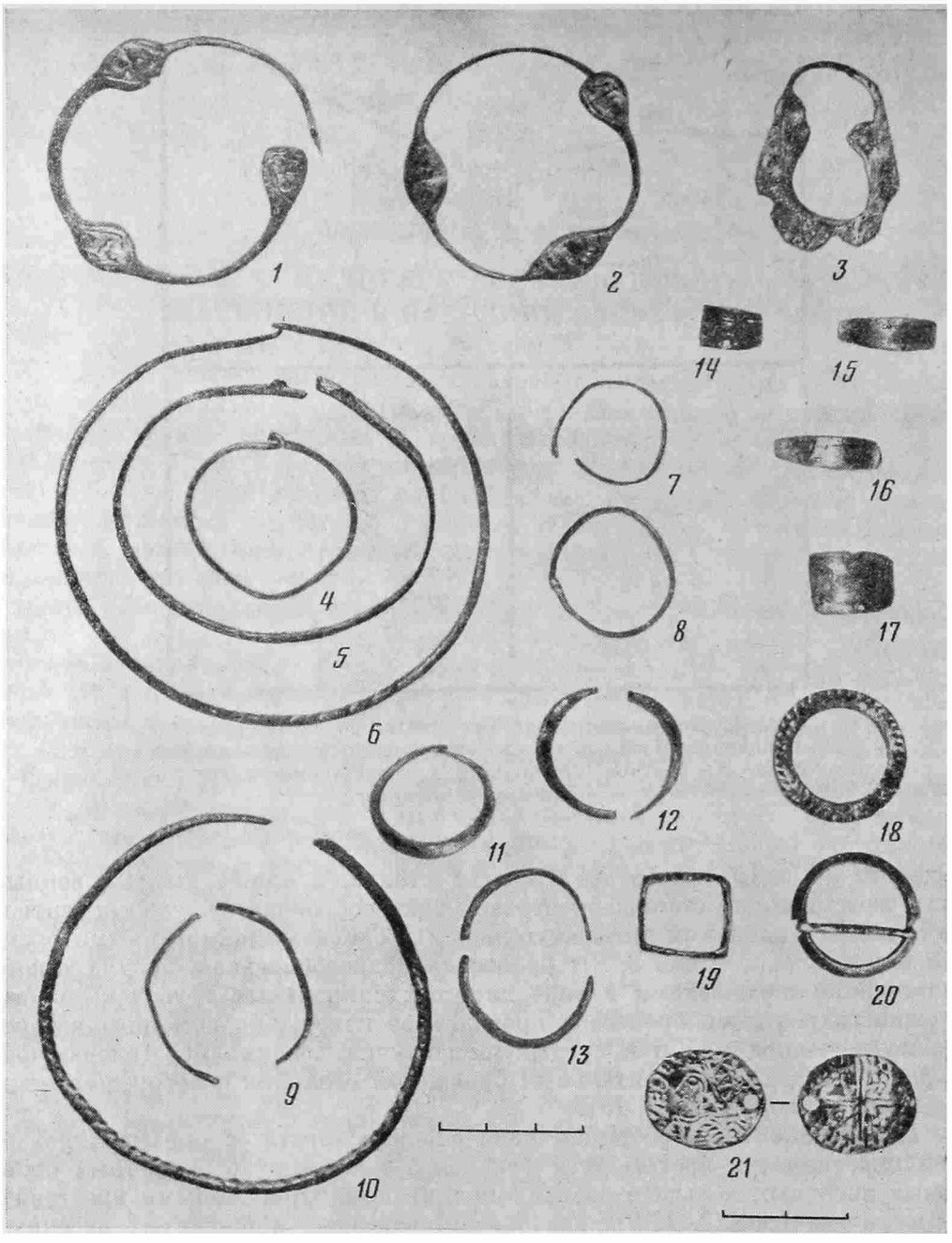


Рис. 2. Находки из могильника у д. Тихманьга. *1—13* — височные кольца и серьги; *14—17* – пластинчатые трубочки и перстни; *18* – поясное кольцо; *19. 20* – поясные пряжки; *21* – монета-подвеска (*1–8*, *10–12*, *14–20* – погр. 2; *9*, *13*, *21* –погр. 1).

восточной ориентировкой умерших в пользу финно-угорской принадлежности рассматриваемого памятника. В погр. 2 к числу характерных финно-угорских элементов культуры относятся калачевидная серьга, трубочка с овальными расширениями. «Ф-образные», зооморфные и колоколовидные подвески, грушевидные бубенчики.

Калачевидные серьги в X—XI вв. были широко распространены в чудских районах Восточной Европы, на территории от Приладожья до Прикамья [1, с. 61—63; 2, с. 46; 3, с. 20, 131, рис. 14—18]. Подобные украшения встречены и на оз. Лача (грунтовый могильник Попово, раскопанный Н. А. Макаровым). Многочисленные находки трубчатых пронизок с овальными или круглыми расширениями, служившие, по мнению Л. А. Голубевой, в качестве вертикальных игольников, известны в финно-угорской среде от Приладожья до области коми, встречаются также в

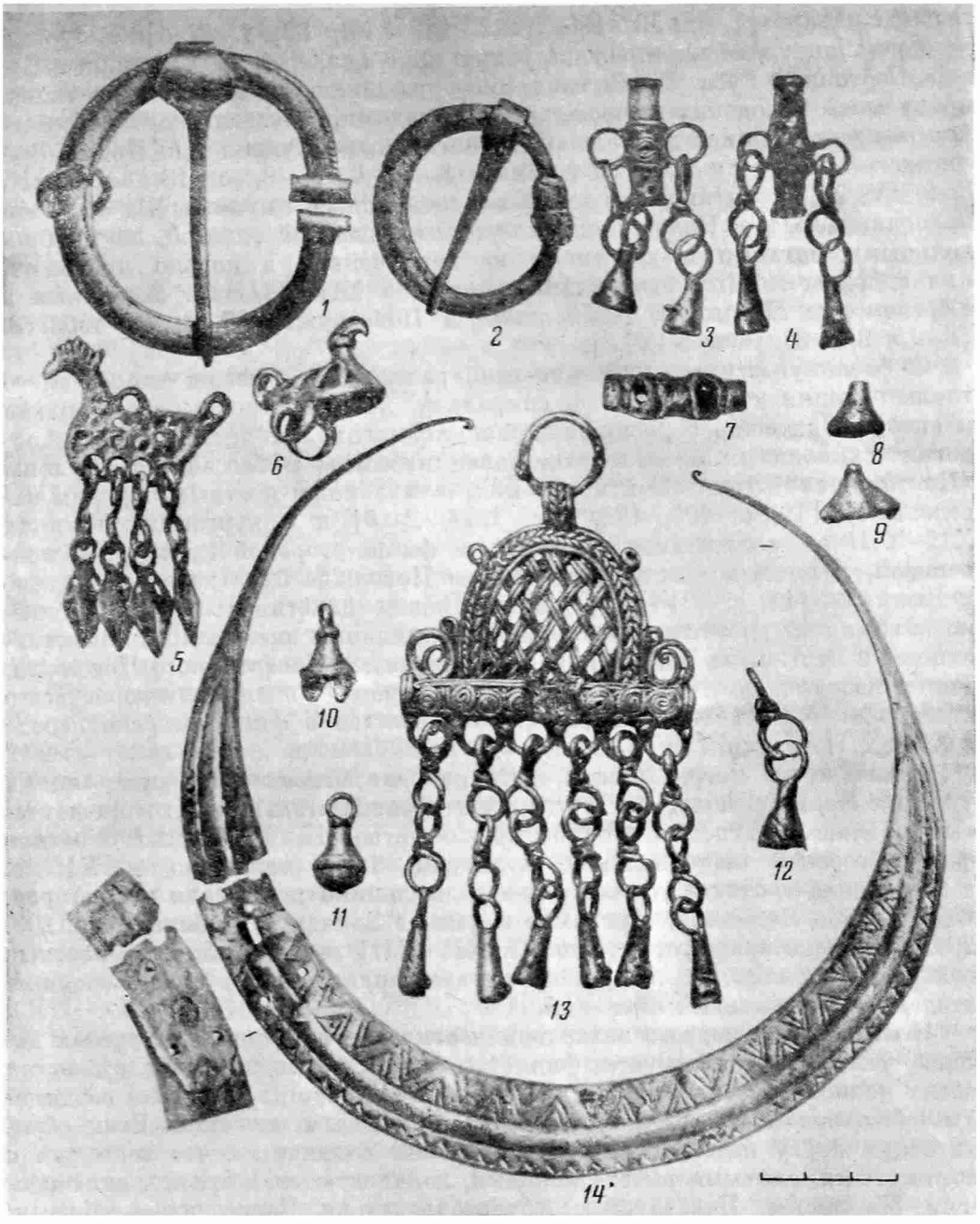


Рис. 3. Находки из могильника у д. Тихманьга. *1*, *2* – подковообразные фибулы; *3*, *4* – Ф-образные пронизки; *5*, *6* – зооморфные подвески; *7* – трубчатый игольник; *8–12* – конические подвески и игольники; *13* – горизонтальный арочный игольник; *14* – шейная пластинчатая гривна (*1*, *2*, *13*, *14* – погр. 1; *3–13* – погр. 2)

курганах Костромского Поволжья; датируются X—XII вв [4, с. 199]. К территориально распространенному кругу чудских изделий относятся также Ф-образные пронизки и колоколовидные подвески. Ареал привесок-колокольчиков, наиболее характерных для X—XI вв., охватывает Приладожье и более восточные районы Белозерья; аналогичные находки известны также и в памятниках поволжских финнов [2, с. 33, 43, рис. 4, *10*, *21*]. В последние годы такие украшения обнаружены при исследовании грунтового могильника конца XI – первой половины XII в. «чуди заволочской» у д. Корбала в бассейне р. Ваги [5, табл. II, *14*, *15*; 6].

Грушевидные бубенчики с линейной прорезью, орнаментированные под ушком и над прорезью полосками меди, широко бытовали, в частности, у перми вычегодской на протяжении всего периода существования вымской культуры (X—XIV вв.); несомненно их местное, финно-угорское

происхождение [7, с. 53, 106, табл. 14, *5*, *6*; 32, *5*, *8*, *9*]. Ажурная птицевидная подвеска имеет широкий круг аналогий в памятниках Северо-Восточной Руси. По Волге такие украшения, являвшиеся, очевидно, продукцией городских ремесленников Владимиро-Суздальского княжества, распространялись до Волжской Болгарии, по Сухоне — до Перми Вычегодской [8, с. 23, табл. 6, *1*, *3*, *4*, *8*, *9*; 9, с. 18, табл. III, *8*, *9*, IV, *7—9*]; датируются ажурные зооморфные амулеты XII — первой половиной XIII в. Полая подвеска-уточка с гладкой головой, двумя продольными петлями и хвостиком из закрученной в кольцо проволоки принадлежит к типу птицевидных подвесок XII—XIII вв., известных в Костромском Поволжье, Приладожье и Поветлужье [8, с. 19, табл. 3, *13—15*; 9, с. 37, табл. XIX, *2*].

С финно-угорскими культурными традициями связаны скорее всего такие находки из погр. 2, как спиральки, ложновитые височные кольца и височное колечко с расширенной и уплощенной нижней частью. Аналогии ложновитых проволочных колец известны в бассейне р. Сухоны (Пустошинский грунтовый могильник, оставленный местным чудским населением) [10, с. 197, 198, рис. 1, *4*; 2, *9*] и в курганных группах XII—XIII вв. с отчетливо выраженной финно-угорской культурной подосновой, исследованных в Костромском Поволжье близ деревень Исаево и Залогино [11, с. 421—425] [3]. Миниатюрное пластинчатое кольцо близко напоминает височные украшения, в единичных экземплярах представленные в курганных погребениях Приладожья и Костромского Поволжья. Такие изделия, по заключению В. П. Левашевой, являются скорее всего подражанием калачевидных серег, появившихся в финно-угорской среде в XII—XIII вв. (ср. [12, с. 36]).

В инвентаре погр. 2 лишь одна находка относится к числу ярких чудских форм древностей. Это горизонтальный игольник с косорешетчатым арочным щитком. Серийное производство таких изящных образцов финно-угорской материальной культуры было налажено в XII в. в Приладожье: оттуда горизонтальные игольники проникали в Новгород, Костромское Поволжье, Прикамье и даже в Западную Сибирь [4, с. 203, 204]. На некоторых территориях в XII—XIII вв. появились и местные отливки изделий, но в данном случае приладожское происхождение игольника не вызывает сомнений.

В материалах первого захоронения отмечена еще одна интересная деталь, указывающая на его финно-угорскую принадлежность. Головки обеих подковообразных фибул из погребального комплекса были соединены проволочной обмоткой или стянуты бронзовым колечком. Если обратиться к кругу известных аналогий, станет очевидным, что застежки с сомкнутыми, слитыми вместе концами, локализуются в ареале, включающем Марийское Поветлужье, Архангельскую и Вологодскую области, Костромское и Ярославское Поволжье, т. е. в зоне финно-угорского или смешанного славяно-финского расселения. Большинство таких украшений, известных в памятниках XII—XIII вв., использовались в качестве поясных застежек [6]. Хотя для перечисленных находок характерно соединение головок фибул посредством литой перемычки, несомненна их близость с изделиями из бассейна оз. Лача: во всех случаях функциональное назначение завершений застежек при традиционном сохранении их формы остается забытым, своеобразная же переработка подковообразных фибул, связанных по своему происхождению с Прибалтикой, отразила проявление сходных традиций местного финно-угорского населения.

Вторую многочисленную группу изделий образуют находки древнерусского происхождения или вещи, не имеющие четко выраженной этнокультурной «нагрузки» (например, бусы). Из славяно-русских типов украшений наибольший интерес представляют встреченные в погр. 2 щитковоконечные височные кольца, являющиеся характерным элементом культуры новгородских словен [12, с. 24, 25]. Судя по форме щитков и

---

[3] Костромской областной краеведческий музей, кол. 15 466, 15 468. хр. XCV, XCVII.

их орнаментации, такие кольца вряд ли могут датироваться ранее XII в.

Перстнеобразные и средних размеров проволочные височные украшения были в X—XIII вв. широко распространены на всей территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси и вследствие этого не являются локальным или хронологическим признаком. Следует, правда, отметить, что представленные в погребальном инвентаре рассматриваемого памятника кольца с завитком на одном конце в XII—XIII вв. были наиболее популярны у средневекового населения Костромского Поволжья [12, с. 15, 16].

Широкосрединные несомкнутые перстни из могилы 2 относятся к распространенному типу украшений, бытовавшему на протяжении многих столетий [13, с. 129]. Встреченное в том же комплексе поясное кольцо также не может быть отнесено к числу узколокальных или хронологически ограниченных форм средневековых изделий. Сходные находки известны в слоях X—XV вв. Великого Новгорода [13, с. 146, 150, 152, рис. 57, *6*, *8*, 59, *7—9*], бытовали они и на позднем этапе вымской культуры (XII—XIV вв.) [7, с. 74, 107, табл. 37, *17*, *18*]. Кольцевидная бронзовая застежка треугольного сечения может быть сопоставлена с пластинчатыми и круглопроволочными кольцевидными фибулами, первые из которых датируются по новгородской хронологии серединой XII—XIV в., вторые — концом XII — серединой XIV в. [13, с. 89—92]; исходя из несколько необычного сечения дуги рассматриваемого изделия, можно допустить и его более раннюю дату.

Примечательна находка в погр. 1 серповидной пластинчатой гривны. На территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси известно лишь девять таких гривн, происходящих из комплексов XI в. [14, с. 67, 69, 79, рис. 12, *3*]. Основная их часть встречена в курганах Юго-Восточного Приладожья, еще один, десятый экземпляр обнаружен на р. Кокшеньге в бассейне Северной Двины [15, с. 66, 67, рис. 1, *1*]. Находка близ д. Тихманьга является, таким образом, промежуточным звеном на пути проникновения приладожских изделий в земли «чуди заволочской».

Определенный интерес для хронологии рассматриваемого памятника представляют бусы, обнаруженные в погр. 1. Прозрачные зонные бусы зеленого и желтого стекла бытовали, судя по новгородским материалам, в XII—XIII вв. [16, с. 166—179; 17, с. 102—105, рис. 7].

В двух инвентарных грунтовых захоронениях, расположенных в непосредственной близости друг от друга, встречены древности, характерные как для X—XI вв., так и для XII—XIII вв. Исходя из того, что некоторые категории находок не могут быть отнесены к XI в., следует предположить, что исследованный участок был занят погребениями в первой половине XII в.

Не вызывает сомнения финно-угорская принадлежность погребенных этого некрополя. Однако культура населения, оставившего рассматриваемый памятник, имеет уже значительно смешанный и неоднородный характер. В инвентаре захоронений преобладают древности, встречающиеся на обширных пространствах восточноевропейского Севера и в основном не образующие замкнутых ареалов. Подобная же картина наблюдается и при обращении к материалам других археологических памятников XII—XIII вв. в зоне славяно-чудского пограничья: под все более усиливающимся воздействием древнерусской культуры этнокультурные различия финно-угорских объединений постепенно ослабевают и затушевываются благодаря распространению наряду с изделиями славяно-русского происхождения финно-угорских материальных элементов, уже лишенных племенной «окраски» [18, с. 100, 101].

Применительно к рассматриваемому памятнику устанавливается преобладание чудских форм древностей, бытовавших на территории от Приладожья до Прикамья и фиксирующих, очевидно, наличие устойчивых и традиционных для XII в. связей между Пермью и Ладожским озером [19, с. 154; 20, с. 80]. Находки височных украшений новгородского типа указывают на пути освоения этого региона со стороны Новгородской земли, а появление в погребениях отдельных изделий, изготовлявшихся

и пользовавшихся популярностью у населения Владимиро-Суздальского княжества,— на культурное влияние, шедшее с «низовских» территорий.

Таким образом, в памятнике у д. Тихманьга нашел свое отражение сложный процесс славяно-чудского взаимодействия, протекавший в средневековую эпоху в бассейне оз. Лача и характеризующийся постепенной утратой местным финноязычным населением племенных этнокультурных признаков при сохранении в XII в. традиционных чудских особенностей погребального обряда и общего набора вещевого материала [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, 1962, № 2.
2. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
3. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973.
4. *Голубева Л. А.* Игольники восточноевропейского Севера X—XIV вв.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
5. *Ovsyannikov O. V.* First-Discovered Burialfield of «Zavolochye Tshud».— Fenno-Ugri et Slavi, 1978, Helsinki, 1980.
6. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники Чуди Заволочской.— СА, 1984, № 4.
7. *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука, 1971.
8. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров.— САИ, 1959, вып. Е1-59.
9. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.— САИ, 1981, вып. Е1-60.
10. *Черницын Н. А.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области.— СА, 1966, № 4.
11. *Бекаревич Н. М.* Дневники раскопок курганов в 1895—1899 гг.— Костромская старина, вып. V, Кострома, 1901.
12. *Левашева В. П.* Височные кольца.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
13. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
14. *Фехнер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
15. *Рябинин Е. А.* О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги).— СА, 1981, № 3.
16. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
17. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2.
18. *Рябинин Е. А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
19. *Спицын А. А.* Дополнительные примечания.— МАР, 1895, т. 18.
20. *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.

O. V. Ovsyannikov, E. A. Ryabinin

NEW DATA ON THE CULTURE OF THE MEDIAEVAL «CHUD» POPULATION AT LAKE LACHA

Summary

The authors discuss materials discovered during chance earth moving at the Tikhmanga village at Lake Lacha. The three burials are dated to the first half of the 12th century. They contained a great number of grave goods including objects of the «Chud» (Finno-Ugric) types, such as zoomorphic pendants, rattling pendants, an open-work case for needles, etc. On the other hand, the burials revealed a number of Old Russian artifacts. This points to a complicated process of the Slavic-Chud mutual influence which took place in Lake Lacha basin.

---

[4] Череп, частично разрушенный, из погр. 1 был передан для палеоантропологического определения сотруднику ИЭ АН СССР А. В. Шевченко. Краниологический анализ показал, что череп принадлежит женщине, о чем свидетельствуют строение лобной кости и ее наружный рельеф. Краниологическая характеристика: очень длинная, среднеширокая, долихокранная по указателю черепная коробка с очень высоким сводом, со среднешироким выпуклым лбом, с широким, средневысоким, плосковатым на обоих уровнях лицом, с узкими, но довольно высокими, умеренно выступающими носовыми костями.

По заключению А. В. Шевченко, подобный комплекс признаков не характерен для восточных славян, но в I тыс. н. э. был достаточно широко распространен среди финноязычных народов Восточной Европы.

В. А. БУРОВ

ЗАМЕТКИ О НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ XIV—XV ВВ.

(по материалам Неревского раскопа)

Нет необходимости подробно останавливаться на историческом значении открытия новгородских берестяных грамот. Для археологов и историков грамоты на бересте уже давно стали одним из важнейших источников по изучению древнего Новгорода и Руси. Вместе с тем следует признать, что ряд берестяных свитков из раскопок прежних лет еще нуждается в правильном прочтении как отдельных терминов, так и текста в целом. Это относится к некоторым берестяным грамотам, найденным на Неревском раскопе в 1951—1962 гг.

1. ГРАМОТА № 49

Текст бересты № 49 звучит: «Поклонъ от Ностасьи къ господину, къ моеи къ бъратьи. У мене Бориса в животе нетъ. Какъ се, господо, мною попецалуете и моими детми» [1, с. 50—52]. Нас интересуют слова Настасьи: «Какъ се, господо, мною попецалуете и моими детми». Л. В. Черепнин, первый обративший на них внимание, отметил, что это не просто уведомление о смерти мужа. Привлекая нормы Русской Правды (раздел о наследстве по завещанию и по закону, о материальном обеспечении вдовы умершего и о том, причитается ли вдове что-либо из имущества первого мужа, если она выйдет замуж вторично, и т. д.), исследователь предположил, что слово «печалование» в грамоте имело значение не просто родственной заботы и внимания, а юридического участия в устройстве дел покойного. Такое «печалование» было сопряжено с определенными правами и обязанностями для лица, которому приходилось брать на себя попечение о вдове и детях скончавшегося брата или другого близкого человека. Л. В. Черепнин сопоставляет бересту № 49 с духовной грамотой Василия I, где князь дает предсмертное распоряжение: «А о своем сыне и о своеи княгине покладаю на бозе, и на своем дяде... и на своеи братьи... как ся имут печалова[ти]». Привлекает исследователь и духовную Ивана Калиты, в которой тот «приказал» своему старшему сыну Семену «братью молодшую и княгиню свою с меншими детми». Иван говорит Семену: «По бозе ты им будешь печалник». Может быть, делает вывод Л. В. Черепнин, и Борис оставил духовную, в которой указал, кто должен «печаловаться» о Настасье с детьми, когда он умрет; поэтому Настасья обращается к «братье» как душеприказчикам, названным ее мужем. Если же Борис скончался без завещания, то тем более его вдове надо было позаботиться о «печальнике» [2, с. 376, 377].

В приведенную Л. В. Черепниным трактовку бересты № 49 нам бы хотелось внести некоторое уточнение. Дело в том, что слово «печаловати» (переводится: быть печальным, заботиться, хлопотать, просить [3, стб. 922]) встречается не только в тексте духовных грамот, но и в посланиях на березовой коре. Не менее интересен случай его применения и в Новгородской Первой летописи под 1367 г.: «... пришедши рать немечкая, велневичкая, воеваша около Изборьска волость всю пськовьскую и до Великои реки, и перебродивъ за Великую реку и пришед къ городу ко Пьскову, и посадъ пожгоша около города, и много пакости

подеявше, и отъидоша прочь... И потом прислаша в Новъгород пьсковици послы *с поклономъ и с жалобою*: *„господо братье, како печалуетесь нами, своею братьею“*» [4, с. 369, 370]. Слова «поклонъ» и «жалоба» полностью раскрыты летописцем. «Поклонъ» — это обращение к новгородцам, «господо, братье». «Жалоба» — «како *печалуетесь* нами, своею братьею». Суть жалобы понятна из текста летописи: «А тогда беше гость новгородчкыи приимале въ Юрьеве и по инымъ городом немечкымъ, а в Новегороде приимале гость немечкыи, но толко бяше не розверженo крестное целование Новугороду с Немци, и за то не вседоша на борзе по пьсковицах на Немечьскую землю новгородци» [4, с. 370]. Таким образом, слово «печаловати» встречено в тексте жалобы.

Теперь обратимся к берестяным свиткам. Оказывается, что и здесь все известные к настоящему времени письма на бересте с этим словом также представляют жалобы и послания, связанные с конфликтными ситуациями, требующими вмешательства судебных органов или феодалов (если феодал был правомочен решить конфликт). Так, береста № 135 сообщает об убийстве с целью грабежа. Иев обращается к Василию Игнатьевичу с просьбой защитить (возможно, возбудив иск в суде) интересы его детей, лишившихся имущества. Именно в значении просьбы о правовой защите Л. В. Черепнин переводит строку: «... А нонеце, осподин, пецалесь детьме моими» [2, с. 192, 193]. В челобитии № 167 мельник просит боярина Юрия Онцифоровича прислать для разбора жалобы «своего человека» («Чоби, господине, попецелилеся горюнами. А и нь посли свои чоловекъ»). «Печалование», как отмечает Л. В. Черепнин,— защита, патронат. Очевидно, челобитчик находится от Юрия в зависимости и просит о защите [2, с. 147, 148]. Послание № 289, адресованное «Осипу съ братиею», извещает о каком-то судебном разбирательстве: «Поклонъ от Дорофея к Осипу съ братиею. Попецалуися мною. Позвале дворянине Федоре Внездове внуке. А что даси дворянину я пзъвъ...» [5, с. 118, 119]. Снова речь идет о защите, покровительстве. Письмо № 310 доносит до нас конфликт между крестьянами и феодалами относительно возврата зерна: «Цълобитие осподину посаднику новгороцкому Онедрию Ивановицю от твъегъ клюцника от Вавулы и от твоихъ хрестияно, которые хрестияни съ лова пришли за тебя, Захарка да Нестерка, жили за Олексее за Щукою. Ноне, осподине, Олексии не хоце намъ ржы дати. Како ся, осподине, нами, своими хрестияны, попецялишсе. Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподна» [5, с. 142—144]. Автор обрывка грамоты № 373, как пишет Л. В. Черепнин, подает жалобу органам власти, просит попечалиться, т. е. рассмотреть жалобу [2, с. 181, 182]. Послание № 531, адресованное «господину брату» Климяте от некоей Анны, снова касается судебного разбирательства. На этот раз — разбирательства по поводу оскорбления Анны и ее дочери. А. В. Арциховский и В. Л. Янин переводят слово «попечаловати» как позаботиться: «От Анны поклон к Климяте. Господин брат, позаботься о моем деле перед Коснятином...» [6, с. 130—134]. Наконец, в грамоте № 302 челобитчик просит представителя власти, обладающего полномочиями в области судопроизводства, «Како, осподи, попечалуешь о м[оеи] голови, чоби ся на меня не родила грамота бесудная...». Челобитчик боится, что на него будет составлена бессудная грамота [5, с. 133, 134].

Приведенная подборка грамот со словом «печаловати» говорит о широком использовании его в переписке, связанной со сферой судопроизводства и рассмотрением конфликтных ситуаций. Поэтому нам представляется, что в трактовке письма № 49 Л. В. Черепнин прав. Прав он прежде всего в том, что смерть человека, особенно принадлежащего к феодальному сословию (а Борис был феодалом), ставила перед его семьей целый ряд правовых вопросов, которые иногда приходилось решать судебным порядком [2, с. 376].

2. ГРАМОТА № 124

Береста № 124 содержит просьбу: «Пришлите ми паробоко, борана или уду. Мне ся не можется. А лодку даи Павлу Соболецеву изонама» [7, с. 58, 59]. По А. В. Арциховскому, «изонама» означает «оттуда» Л. В. Черепнин читает «изо на[й]ма» [2, с. 253], полагая, что речь идет о наеме лодки за деньги. А. В. Куза и А. А. Медынцева выражают несогласие с данной трактовкой: «В письме достаточно недвусмысленно говорится о том, чтобы отдать лодку в найм» [8, с. 225].

Спустя несколько лет после выхода работ данных авторов В. Л. Яниным был установлен перевод слова «намо» для грамот № 215—218, 410, 509, 526. Оно оказалось синонимом слова «накладъ», «резъ», т. е. процент [6, с. 124—127; 9, с. 162, 163]. Думается, что слово «намо» в том же значении использовано и в бересте № 124. По-видимому, автор письма когда-то взял у некоего Павла Соболецева деньги, за которые ему он должен был уплатить «намо» — вероятно, назначенную сумму [9, с. 163]. Но по обоюдному согласию в счет части денег он дает лодку. То, что здесь говорится именно не о всей сумме, подтверждает перевод предлога «изъ», который употреблялся при обозначении чего-либо целого, какой-либо совокупности предметов, лиц, откуда выделяется часть: «И за труды его... сверхъ кормовыхъ денегъ ... изо всякой десяти пудъ дать по два пуда» [10, с. 91].

3. ГРАМОТА № 131

Береста № 131 читается: «Цто было в Пудоги празда, ту празку Сергие взяле изо Ояте. Закрою спроста, а я быле о русалеяхо в Пудоге. А цто про Сямозерци хедыле есемо не платяце, а плаатяце в томо цто промежи ряду нету. А ныне Сямезерци в городе. Говоре с неми саме. А я с ти, осподине, буду. А я борзо буду. А нине есеме к тобе рибоко послаля. А во Шуе ни лидие, ни ловоу» [7, с. 68—71]. Л. В. Черепнин предполагает, что это переписка сборщиков дани, представителей администрации в Обонежье, подручного своему начальнику. Слово «празга» переводится исследователем «дань» [2, с. 212—215]. Между тем имеется и иной перевод этого слова: оброк, аренда, выплачиваемая феодалу за пользование землей или какими-либо угодьями. По заключению Л. В. Даниловой, привлекшей ряд актовых документов, «празга» являлась основной формой феодальной эксплуатации карел и саамов. В основе ее лежала феодальная собственность на землю и промысловые угодья. Это была первоначальная форма эксплуатации населения Обонежья. Л. В. Данилова выделяет три характерные особенности этой эксплуатации: 1) право феодала получать «празгу»; 2) право феодала посылать в эти края ватаги охотников и рыболовов; 3) монопольное право на торговлю с местными племенами [11, с. 254].

Мы полагаем, что о первых указанных двух особенностях эксплуатации владений в Обонежье и говорит береста № 131, тем более что все географические названия, упоминаемые в письме, группируются вокруг Онежского озера [12, с. 89—91]. Адресату грамоты № 131 принадлежали земли в районе Пудоги, расположенной на реке Водле, впадающей в Онежское озеро. Именно с них он получал «празгу» — оброк, посылал сюда ватаги охотников и рыболовов. Но посетивший Пудогу приказчик[1] уведомил своего господина о том, что «празгу» уже взял Сергий.

А. В. Арциховский читает: «Сергие ... изо Ояте». Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин предлагают иную разбивку грамоты на предложения, из чего вовсе не следует, будто Сергий был сам из Ояти: «Цто было в Пудоги празда, ту празку Сергие взяле. Изо Ояте — закрою спроста а.

[1] Трактовка автора письма № 131 как приказчика была предложена еще Б. А. Рыбаковым в комментариях редактора академического издания грамот, найденных в 1953—1954 гг. [7, с. 68]. Н. А. Мещерский также отмечает, что грамоту № 131 мог написать какой-либо приказчик, объезжавший для сбора оброка по воле феодала владения, расположенные в тогдашней Обонежской пятине [13, с. 203].

Я быле ...» (Б. А. Рыбаков); «Цто было в Пудоги празда, ту празку Сергие взяле. Изо Ояте закрою спроста. А я быле...» (Л. В. Черепнин). Соглашаясь с чтением Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина, предлагаем следующий комментарий грамоты. Приказчик успокаивает далее своего господина: «Изо Ояте закрою спроста». А. В. Арциховский переводит фразу «закрою спроста» как «спишу недоимки», Л. В. Черепнин — «взимание дани скоро завершу». «Спроста», как замечает Л. В. Черепнин со ссылкой на Н. А. Мещерского, переводится «скоро» [2, с. 155, 158, 213], что вполне доказано. Однако слово «закрою» нуждается в уточнении. Для этого необходимо установить перевод глагола «закрыти». В одном из значений он переводится как «защитить», «спасти» [14, с. 226, 227]. То есть приказчик обещает господину «защитить», «спасти» быстро — по смыслу отстоять быстро — празгу, взятую Сергием. Примечательно, что после этого сообщения он оправдывается в своей невиновности: в Пудоге он был во время русалий (языческого праздника поминовения умерших предков). Иными словами, приказчик указывает время прибытия в Пудогу. Хозяин, зная, сколько времени необходимо на дорогу из Новгорода до Пудоги, должен сам убедиться, что приказчик прибыл вовремя. «Закрыть» празгу приказчик сможет только на обратном пути, когда он будет возвращаться с Ояти («Изо Ояте закрою спроста»).

Из Пудоги приказчик ходил к Сямозеричам, поскольку те не платили, вероятно, ту же празгу. Л. В. Черепнин вполне убедительно высказал предположение, что Сямозерцы отказались платить выше нормы и их представители пошли в город. Автор письма № 131 предлагает господину самому вести с ними переговоры, обещая вскоре прибыть туда же. Затем он пишет о посылке рыбы, полученной, видимо, от одной из ватаг, и сообщает, что люди, посланные на р. Шую (другая ватага), куда-то делись. Получить с них положенный улов не удалось («а во Шуе ни лидие, ни ловоу»).

4. ГРАМОТА № 368

Письмо № 368 найдено на усадьбе клирика, жившего в конце XIII — первой половине XIV в. на Козмодемьянской улице: «Се благослови, попе Максиме... село, а земля тому селоу по зарубъ Синофо... ему» [15, с. 66].

Исследователи полагают, что речь в нем идет о разграничении земельных владений [2, с. 125, 126; 8, с. 220, 221]. Но при чем тогда здесь слово «благословить»? На это до сих пор внимание не обращалось. Считаем, что прояснить это неясное место в тексте бересты могут некоторые частные акты, точнее их формуляры. Работа В. Ф. Андреева [16] облегчает стоящую перед нами задачу. Слово «благословление» содержат рядные грамоты. Их формуляр включает несколько клаузул: 1) указание на то, что ряд (договор) заключен по *благословлению* архиепископа; 2) наименование действия; 3) обозначение юридических сторон, заключавших договор; 4) изложение обстоятельств, предшествовавших составлению рядной; 5) договор по существу спорного вопроса; 6) отказ сторон от дальнейших взаимных претензий; 7) удостоверительная часть, в которой имеются имена свидетелей, писца, участника ряда, стоявшего у печати, печать должностного лица (владычного наместника) [16, с. 176, 177].

Первая клаузула рядной совпадает с началом послания № 368. Вероятно, перед нами письмо, направленное попу с просьбой составить текст рядной, поэтому и приводятся сведения о селе с указанием границ и прочие необходимые данные.

Примечательно также, что на усадьбе попа, где найдена береста № 368, обнаружен черновик духовного завещания (грамота № 369). Поп действительно занимался составлением документов разного рода: рядных, духовных.

5. ГРАМОТА № 42

Обрывок бересты № 42 представляет текст завещания: «Въ имя оца и сына и свя[того дух]а се азъ, [ра]бъ б[о]жи Михаль, отхождя живота сего, пишю рукописание при своемь животе. Что ми Кобилькеи 2 рубля ведати... ии мое, на дет[е]мъ м[о]име...» [2, с. 366]. Мы уже отмечали, что в этом завещании упоминается имя Кобылка [17, с. 207, 208]. В качестве доказательства приводили текст бересты № 500. Кобылка не географическое название, как полагал Л. В. Черепнин, которого смутила необычность звучания имени для новгородца. Сейчас мы можем привести и другие примеры. Н. И. Костомаров упоминает Михея Кобылку (называет его боярином), который в конце XIV в. «одарил» братию монастыря на Коневе острове «богатою милостынею» [18, с. 355]. Описи Новгорода конца XVI в. называют горшечника Юрия Кобылку [19, с. 178]. Имя Кобылка известно и по Новгородским писцовым книгам [20, стб. 503]. Заодно отметим, что слово «кобылка», от которого произошло прозвище, имеет несколько значений, не обязательно имеющих отношение к лошади: крюковой знак, деталь струнного инструмента, дощечка с вырезкою на ножке для сымания сапог, петля в ниченках (деталь ткацкого станка) и т. д. [21, стб. 1240; 22, с. 127].

6. ГРАМОТА № 65

Грамота № 65 часто приводится исследователями как древнейшее свидетельство упоминания рубля [23, с. 156; 24, с. 153]. 12-й ярус, к которому она отнесена, датируется 1281—1299 гг. Эта дата была пересмотрена нами в связи с атрибуцией комплекса «мужа доброго» Есифа Давыдовича (комплекс вскрыт к югу от перекрестка Великой и Холопьей улиц на Неревском раскопе) [25, с. 269, 270]. Тогда мы исходили из состава переписки, найденной на усадьбе в 12-м ярусе, среди которой береста № 65 выглядела инородной. Наша датировка — 11-й ярус (1299—1313 гг.).

Все эти сомнения заставили нас проверить дату грамоты по полевым чертежам с привлечением нивелировочных отметок. Письмо найдено в кв. 199 (раскоп Н-II, пласт 17, участок Л, № 39). Так как береста залегала в 1—1,5 м от края мостовой Холопьей улицы, мы сочли вправе соотнести глубину находки (3,21 м от репера) с отметками поверхности плах улицы. Отметки плах Холопьей следующие: 12-й ярус — 3,34, 3,37 м (кв. 198); 11-й ярус — 3,11, 3,16 м (кв. 198), 3,16, 3,07 м (кв. 189); 10-й ярус — 2,81, 2,90 м (кв. 198), 2,85, 2,87 м (кв. 189).

Поскольку строительный ярус выражен определенной прослойкой культурного слоя, образовавшегося за период существования одной какой-либо деревянной мостовой или жилого комплекса, то к 11-му ярусу (1299—1313 гг.) в кв. 199 необходимо отнести находки с отметками глубины залегания ниже 3,07—3,16 м, но выше 3,34 м. Так как нивелировочная отметка места находки письма № 65 составляет 3,21 м, то и датировать его стратиграфически следует исключительно 11-м ярусом. Напомним, что отметка грамоты № 67 из того же 11-го яруса (а она найдена рядом с грамотой № 65) — 3,17 м. Разница всего на 4 см. Таким образом, древнейшее упоминание рубля относится к 1299—1313 гг.

7. БЕЗАДРЕСНЫЕ ОБРЫВКИ ГРАМОТ С БОЯРСКОЙ УСАДЬБЫ «Д»

С усадьбы «Д», принадлежавшей боярам Мишиничам—Онцифоровичам, происходят письма Варфоломея, Луки, Онцифора, Юрия (№ 97—101, 339, 358, 385, 389, 391) [24, с. 76—120]. Однако здесь найдены и безадресные обрывки грамот. Значение их, на наш взгляд, состоит в том, что они позволяют решить важный методический вопрос. Правомерно ли их привлечение для социальной характеристики дворовладельца? Действительно, отложим в сторону все послания, адресованные Мишиничам, и посмотрим, можно ли определить социальный статус дворовладельца по этим фрагментам писем.

Таких писем на усадьбе Д из слоев XIV—XV вв. извлечено 14. Две грамоты (№ 340 и 387) не поддаются какому-либо толкованию вообще [15, с. 28, 29, 87, 88]. Береста № 343 содержит имена каких-то людей [15, с. 30—32]. Из нее тоже практически невозможно почерпнуть сведения о хозяине двора. Остальные грамоты дают ему яркую характеристику.

На березовой коре № 342 записаны цифры. Это буквенная цифирь: указаны цифры от 1 до 10, затем — все десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч (до 40 000) [15, с. 29, 30]. Р. А. Симонов отмечает, что буквенная цифирь № 342 служила своего рода учебным пособием при обучении нумерации или была своеобразным справочно-цифровым документом [26, с. 40; 27, с. 21; 28, с. 138]. Л. В. Черепнин предполагает, что она служила для справок при ведении расчетов в хозяйстве какого-то купца или феодала [2, с. 397]. Добавим — крупного купца или феодала, коль скоро счет идет на десятки тысяч. Но другие документы указывают, что здесь жил не купец, а феодал-землевладелец.

Так, грамота № 320 содержит список крестьянских повинностей хлебом и деньгами: «... са полоуторе деже оу Тьр... овса 7 ... ово. Оу Радеха 9 деже, овса десятая, а коун ... гривне. Оу Милъслава со Милонего 9 деже, овса десятая и безь 10 коуно 2 гривне оу Милого ... полопять деже, овса полодеже, а коуно 40 ... а коуно 40 резазанъ, овса... оу Ратше оу Рикиница полоп...» [15, с. 9—11]. Береста № 325 — справка или памятная записка, подтверждающая, что за крестьянином Артемом недоимок не числится: «Ортимие не недоборнои» [15, с. 14]. Обрывок свитка № 337 называет «улку» — меру ячменя или овса [15, с. 26]. Фрагменты грамот № 104 и 386 упоминают землю [7, с. 32—34; 15, с. 87]. Береста № 96 представляет собой отрывок о земледельческих орудиях — сошниках [7, с. 23, 24]. Письмо № 102 содержит донесение приказчика феодалу о крестьянах. Адресат назван «господином», он крупный феодал: «Поклоно от Ф ... еси велиле, велиле верше имати, творяце и виновати. Одину три коробеи оув Ыванка оузяле. Староста Олескандрова погоста бъеть целомъ, стобы еси, господине, окупиле и... лово положиле со мною, аже ти... окупити ихъ, тиы отошлии» [7, с. 31]. Автор следующего письма, № 345 — феодал, проживающий в Новгороде. Его адресаты — крестьяне: «...а звало есмь васо в городо, и вы моего слова нь послушали. А како приедуто по васо дворянь, тако будитъ» [15, с. 33]. Грамота № 392 подтверждает зажиточность хозяина двора. Очевидно, не располагая в нужный момент наличными денежными средствами, он берет в заем 20 гривен и оформляет договор денежного займа: «...оу Тешена возяле 20 гривено... и гривна из ногато» [15, с. 95, 96]. Сумма в 20 гривен солидная. Дворовладелец должен вернуть ее с уплатой процентов.

Итак, на усадьбе «Д» в XIV — XV столетиях жили крупные феодалы-землевладельцы. Эта «суммарная» характеристика, сделанная на основании прочтения только безадресных обрывков без раскладки их по ярусам, полностью отвечает характеристике Мишиничей—Онцифоровичей. Единственно, что мы не определили, так это то, что перед нами именно посадничья семья. Но общая характеристика Онцифоровичей как крупнейших землевладельцев подтверждена, что лишний раз доказывает правомерность привлечения всех берестяных грамот с усадьбы для социальной характеристики комплексов.

Изучение грамот на бересте из раскопок прежних лет продолжается. Это длительный процесс. Прав Д. С. Лихачев, который в статье «Новая наука — берестология» писал: «... грамоту читают много лет, читают в разных странах мира, читают, обложившись словарями, справочниками, грамматиками, картами. Это сложнейшее дело, в котором тоже есть свои сюжетные линии и свои интригующие моменты. До истинного смысла очень многих грамот доходили далеко не сразу. Здесь возникали и продолжаются споры» [29, с. 273].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. *Черепнин Л. В.* Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М.: Наука, 1969.
3. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. т. II. СПб., 1895.
4. Новгородская Первая летопись. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
5. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978.
7. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
8. *Куза А. В., Медынцева А. А.* Заметки о берестяных грамотах.– НЭ, 1974. т. XI.
9. *Янин В. Л.* Заметки о берестяных грамотах.– История СССР, 1976, № 4.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М.: Наука, 1979.
11. *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
12. *Коновалов А. А.* Географические названия в берестяных грамотах.– СА, 1967, № 1.
13. *Мещерский Н. А.* Новгородские грамоты на бересте как источник исторического изучения прибалтийско-финских языков.– В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.– Л.: Наука, 1964.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978.
15. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
16. *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII–XV вв.: Канд. дис. Л.: ЛОИИ СССР АН СССР, 1980.– ГБЛ, ДК 81–7/99.
17. *Буров В. А.* Соседи бояр Мишиничей – Онцифоровичей по Холопьей и Козмодемьянской улицам (XIV–XV вв.).– СА, 1979, № 3.
18. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). Т. II. СПб., 1863.
19. *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
20. Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1886.
21. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893.
22. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Гос. изд-во иностран. и национальн. словарей, 1955.
23. *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.– ВИД, 1970, т. III.
24. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 1975.
25. *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович».– СА, 1975, № 4.
26. *Симонов Р. А.* Математическая мысль в Древней Руси. М.: Наука, 1977.
27. *Симонов Р. А.* О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице.– В кн.: Источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1964.
28. *Симонов Р. А.* «Цифровые алфавиты» в Древней Руси.– Рус. речь, 1973, № 1.
29. *Лихачев Д. С.* Новая наука – берестология.– Новый мир, 1966, № 2.

V. A. Burov

ON 14TH-15TH-CENTURY NOVGORODIAN BIRCH-BARK SCROLLS
(on the materials from the Nerev digging)

Summary

The author offers his variant of reading and interpretation of some birch-bark scrolls found between 1951 and 1962. Scroll No. 49 is supplemented by a whole series of scrolls containing the word «*pechaloviti*» which frequently appeared in letters dealing with courts and settling conflict situations by feudal lords and court officials. In scroll No. 124 the words «*izo nama*» can be translated as «on account of the sum specified». The word «*prazga*» meaning a primary form of exploitation of the people living at Lake Onega, is the key to translating scroll No. 131. Stratigraphic considerations permit to date scroll No. 65, the earliest mention of the rouble, between 1299 and 1313 (11th tier). These fragments covering the period from the 14th to the 15th centuries which do not indicate the adressees but were found in the estate D of the boyar family Mishinichis-Ontsiforovichis support the earlier conception of them as big feudal lords.

Заметки

И. И. ДРЕМОВ, Л. В. КУЗНЕЦОВА

СОЛЕНЫЙ ОВРАГ — ПЕРВОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Поволжье — огромный регион, расположенный на стыке Восточной Европы, Урала, Казахстана и Средней Азии. Географическое положение региона вызывает повышенный интерес к археологическим памятникам Поволжья, и к памятникам палеолита в первую очередь. Каждая новая находка палеолитического времени является событием большого научного значения.

В настоящей заметке публикуются материалы нового палеолитического местонахождения в урочище Соленый овраг — первого памятника этого времени, открытого в Саратовском Поволжье. Оно было открыто в 1982 г. Овраг длиною около 10 км прорезает древнюю террасу р. Чардым (правый приток р. Волги), сложенную суглинками и супесями, и впадает в Чардым в 1 км северо-восточнее с. Аряш (Новобурасский р-н, Саратовская обл.). В 0,5 км от устья оврага и примерно на протяжении 1,5—2 км были собраны расщепленные и обработанные кремневые предметы и кости животных. Находки залегали на поверхности высохшего русла весеннего потока, размывающего мощные голоценовые отложения, заполняющие овраг, и в отдельных местах подмывающего его древние борта.

Собранная коллекция насчитывает 315 предметов: нуклеусы (5 экз.), отщепы и пластины (310 экз., в том числе 20 имеют следы вторичной обработки). Сырьем служил кремень и кварцитовый песчаник.

Среди нуклеусов имеются два односторонних одноплощадочных, в одном случае с гладкой, в другой — с фасетированной ударной площадкой. Нижняя часть последнего намеренно приострена сколами. Третий нуклеус является, вероятно, неудачным экземпляром. Тыльная сторона его обработана радиальными сколами, придающими овальное очертание фронтальной стороне. Однако на фронтальной стороне остался негатив снятия с заломами и нуклеус в дальнейшем не использовался. Четвертый нуклеус является заготовкой торцового удлиненного ядрища. Тело его и нижняя часть оформлены встречными сколами, ударная площадка гладкая, полученная продольным сколом, но снятие заготовок с торца еще не начато. Пятый экземпляр является осколком нуклеуса с гладкой ударной площадкой.

Заготовки представлены в основном отщепами (207 целых, 83 обломка). Среди целых отщепов удлиненные, т. е. пластины, представлены 16 экземплярами (7,6%). Как среди отщепов, так и среди пластин почти половину составляют первичные и полупервичные. При этом среди целых отщепов корка на спинке встречается в 3 раза чаще, чем среди фрагментов (61% и 20%). В огранении спинок отщепов и пластин преобладает правильная продольная или параллельная огранка спинок, за ней следует бессистемная. Поперечная огранка составляет незначительный процент.

Ударные площадки целых отщепов различны: естественные — 40 экз., гладкие — 111, фасетированные — 34, точечные — 22 экз. Преобладают неподправленные.

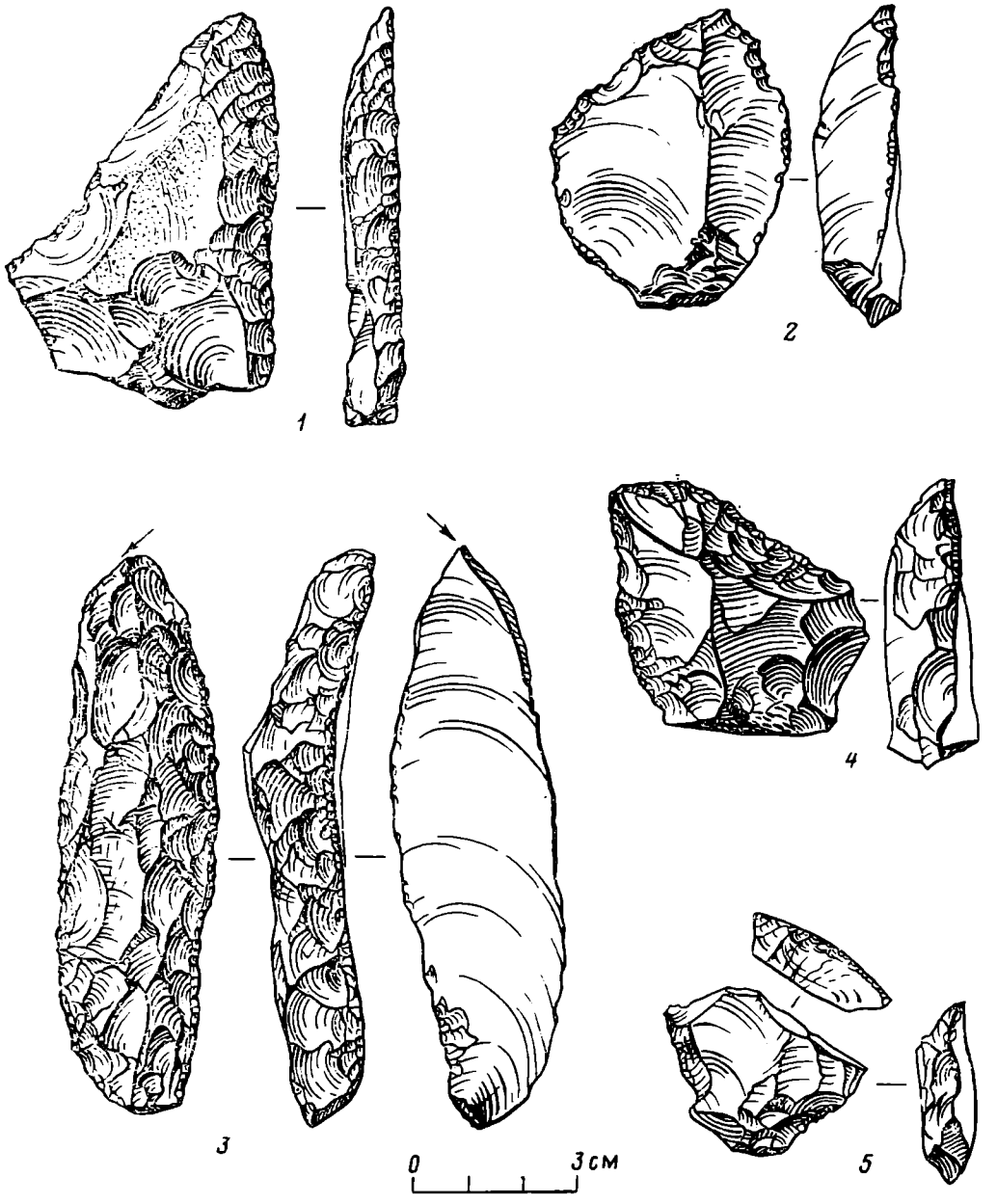


Рис. 1. Местонахождение Соленый овраг (Поволжье). Подъемный материал

Отщепы различаются по углу между плоскостью раскалывания и ударной площадкой. В 122 случаях этот угол прямой, в 85—тупой. Пропорции целых отщепов следующие (z — длина, l — ширина): от $z<l$ до $z=l$ — 48 экз., от $z=l$ до $z=2l$ — 143 экз., $z\geqslant 2l$ — 16 экз. Преобладают отщепы средних пропорций. Отщепов с вторичной обработкой — 20 экз. (целых — 7, фрагментов — 13). Качественное отличие фрагментированных отщепов и преобладание среди орудий фрагментированных форм позволяет предполагать, что этот прием применялся в качестве намеренной обработки.

Найденные орудия разделяются на две группы: мустьерскую и верхнепалеолитическую. К мустьерской группе относятся скребла: боковое с приостренным у вершины лезвием (рис. 1, *1*), конвергентное (рис. 1, *2*), угловатое (рис. 1, *4*), боковое с выпуклым лезвием, простое двойное скребло. Кроме того, имеются два отщепа с зубчатой ретушью. У одного она распространяется по одному, а у другого — по обоим краям. Сюда же можно отнести обломок остроконечника и, возможно, два фрагментированных скребла (рис. 1, *5*).

К верхнепалеолитической группе можно причислить массивный пластинчатый отщеп с крутой ретушью краев, по форме приближающийся к лимасам, с резцовым сколом у вершины (рис. 1, *3*); обломок концевого скребка высокой формы с обработанным крутой ретушью боковым краем. Орудие типа «вес», где клюв получен двумя выемками с брюшка, а боковые края обработаны притупливающей ретушью.

Поскольку мы располагаем только подъемным материалом, то, с одной стороны, можно предположить смешение двух разновременных комплексов — мустьерского и верхнепалеолитического. Этому не противоречит и фауна, выявленные представители которой (шерстистый носорог и широкопалая лошадь — определение И. Е. Кузьминой) обитают как в эпоху мустье, так и в верхнем палеолите. С другой стороны, на Русской равнине известны верхнепалеолитические памятники, сочетающие с верхнепалеолитическим набором инвентаря архаичные мустьерские формы — памятники городцовского типа. Нельзя исключать также, что публикуемый памятник относится ко времени перехода от мустье к верхнему палеолиту, когда в недрах мустьерской индустрии зарождаются верхнепалеолитические формы орудий.

Л. С. ИЛЬЮКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ЛИТЕЙЩИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

В 1977 и 1978 гг. в Северо-Восточном Приазовье были впервые обнаружены погребения, в состав инвентаря которых входили литейные чаши. Два погребения открыты в курганном могильнике, расположенном на левом берегу Миусского лимана, при впадении его в Таганрогский залив, в окрестностях с. Лакедемоновка (Неклиновский р-н, Ростовская обл.) [1, с. 120, 121]. Третье погребение происходит из курганного могильника, расположенного на правом берегу р. Самбек, тоже впадающей

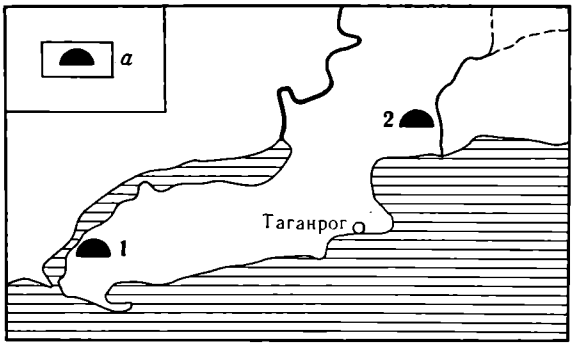


Рис. 1. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы в Северо-Восточном Приазовье. *а* — могильник. *1* — Лакедемоновка; *2* — Вареновка

в Таганрогский залив, близ с. Вареновка (Неклиновский р-н) [1] (рис. 1). Ниже приводится краткое описание трех погребений [2].

1. Лакедемоновка, кург. I/1 погр. 12. Погребение впущено в юго-западный сектор кургана (в 6 м от Ц0). Могила катакомбного типа. Глубина погребения — 2,6 м от Ц0. Колодец в плане подпрямоугольный, продольными стенками ориентирован по линии север — юг. Он парал-

[1] Благодарим П. А. Ларенка, представившего нам материал для публикации.

[2] За «0» точку (Ц0) приняты геометрические центры насыпей, которые одновременно являются и наиболее высокими точками курганов.

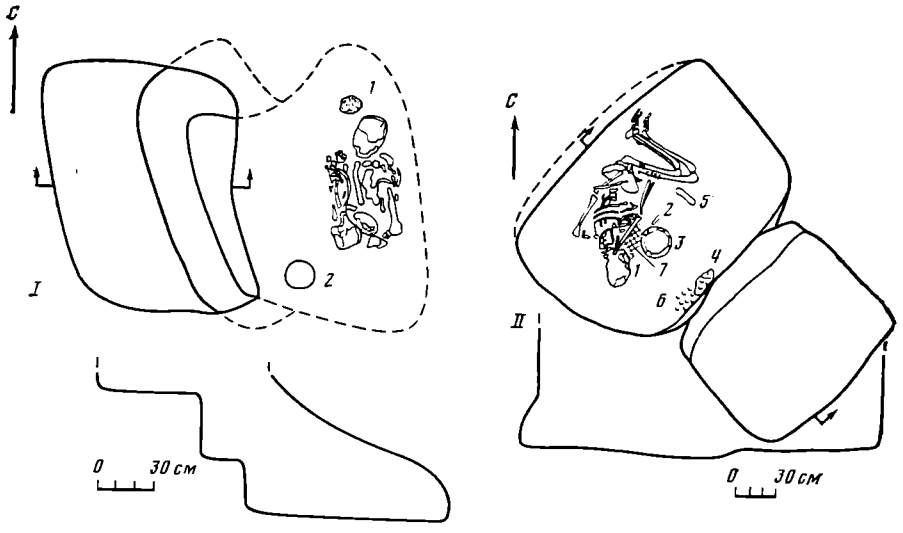


Рис. 2. Планы погребений. *I* – Лакедемоновка, кург. I/1, погр. 12 (*1* – деревянная чаша; *2* – льячка); *II* – Вареновка, кург. 4, погр. 5 (*1* – навершие булавы; *2* – рукоять булавы; *3* – сосуд; *4* – жаровня; *5* – комок охры; *6* – древесные угли; *7* – коричневый тлен)

лельно сопряжен с камерой, дно которой на две ступеньки ниже дна колодца. Высота ступенек 0,35 и 0,25 м. Размер колодца 1,4×1,0 м, камеры – 1,6×1,0 м. В камере открыт расчлененный скелет взрослого человека. Кости туловища, ног и рук сложены компактно, к северу от них находился череп, положенный лицевыми костями вниз (рис. 2, *I*).

Около черепа зафиксирован тлен от деревянной миски (диаметр около 10 см). В юго-восточном углу камеры лежала опрокинутая вверх дном плавильная круглодонная чаша. Круглый венчик ее слегка поврежден. Внутри и вдоль края снаружи поверхность чаши сильно деформирована расплавленным металлом. Керамическое тесто без видимой примеси. Диаметр устья 14,2, глубина чаши 1,8, толщина стенок 1 см (рис. 3, *1*).

2. Лакедемоновка, кург. III/1 погр. 4. Погребение впущено в юго-западный сектор в 4,5 м от Ц0. Форма могильной ямы не прослеживалась. Глубина погребения 1 м от Ц0. Дно могилы покрывал коричневый тлен, поверх которого найдены две невыразительные полуистлевшие кости человека и обломок керамической чаши с ошлакованной поверхностью. По технологическим признакам он ничем не отличается от вышеописанной литейной чаши. Диаметр ее около 14 см, глубина 2,5, толщина 1 см (рис. 3, *2*).

3. Вареновка, кург. 4, погр. 5. Погребение впущено в северо-восточный сектор (в 6,5 от Ц0). Могила катакомбного типа. Глубина погребения 2,67 м от Ц0. Прямоугольный в плане колодец ориентирован продольными стенками по линии северо-восток – юго-запад. Он параллельно сопряжен с камерой. Размер колодца 1,35×1,05 м, камеры – 2,0× ×1,5 м. В центральной части камеры открыт скелет взрослого человека. Покойник был положен на правый бок, в скорченном виде, ориентирован головой на юг. Руки опущены к ногам. Под скелетом прослеживался коричневый тлен. Ноги были слабо посыпаны охрой (рис. 2, *II*).

В камере у входа был найден обломок литейной чаши. Ее серая поверхность ошлакована, так же как у лакедемоновских льячек. Диаметр чаши около 22 см, глубина около 2 см, толщина стенок до 2,5 см (рис. 4, *1*). В древности она была разбита и ее обломок использовался в качестве жаровни, о чем свидетельствовали древесные угольки, обнаруженные на поверхности черепка и около него. Остальной инвентарь находился вдоль правой руки. Каменное полированное навершие булавы сохранило остатки деревянной рукоятки (?). Оно имеет грушевидную форму (рис. 4, *2*) изготовлено из зеленого камня с белыми прожилками. Перед грудью погребенного был поставлен черно-серый горшок, украшен-

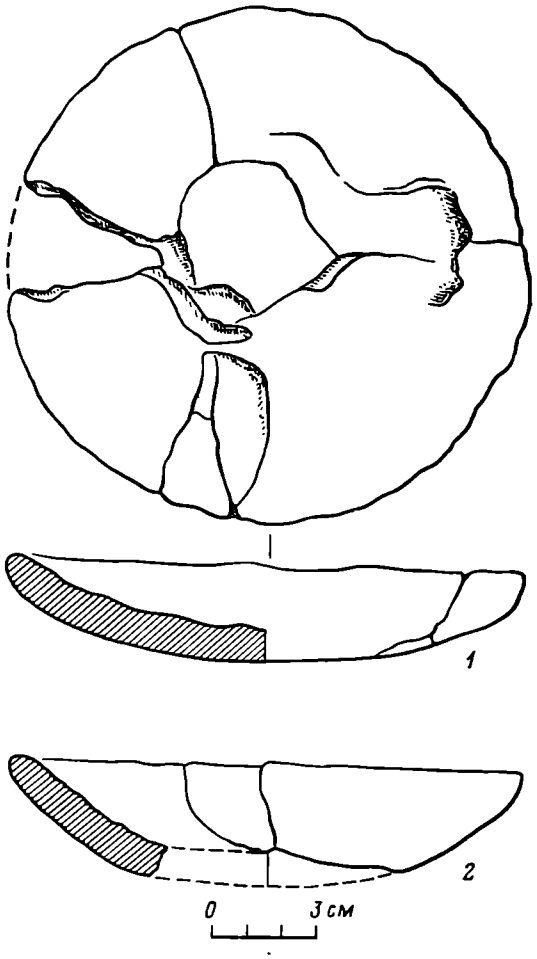


Рис. 3. Льячки из погребений. *1* – Лакедемоновка, кург. I/1, погр. 12; *2* – Лакедемоновка, кург. III/1, погр. 4

ный оттисками зубчатого штампа и пальцевыми защипами. На стенках сохранились следы расчесов гребенкой. Тесто комковатое, видимо, с примесью шамота (рис. 4, *3*). Ближе к коленям лежал продолговатый комок охры.

Форма могильной конструкции (катакомба, колодец которой параллельно сопряжен с камерой, в которую ведут одна или две ступеньки), положение погребенного, ориентированного головой на юг, сосуд, украшенный щипковым и зубчатым орнаментом — эти признаки позволяют включать вареновское погребение в группу приазовских подкурганных захоронений. В Северо-Восточном Приазовье курганы с основными погребениями приазовского типа не содержат впускных захоронений с посудой донецкого типа, украшенной тесемчатым орнаментом. По-видимому, приазовский тип катакомб моложе донецкого [2; 3, с. 83]. Сосуд из Вареновки сопоставляется с горшком из погребения-кенотафа ворошиловградского литейщика : общие приемы орнаментации перекликаются с одинаковыми орнаментальными элементами [4, с. 249, рис. 3, *7*]. Таким образом, можно присоединиться к заключению С. С. Березанской о том, что к финалу бытования катакомбной культуры среди захоронений появляются погребения литейщиков [4, с. 248].

Приазовские тигли относятся к группе неглубоких круглодонных литейных чаш, устье которых имеет овальную или округлую форму, часто с намеченным сливом. Такие чаши распространены в погребениях катакомбной культуры Украины (Краматорск, Ворошиловград, Верхняя Криница) [3], [4, с. 248, 249, рис. 3, *8*; 5, с. 23, 24, рис. 2]. Форма подобных керамических изделий была известна литейщикам срубной культуры [6, с. 184, рис. 8, *1*]. Полтавкинские льячки имеют специальный выступ-ручку [7, с. 19, рис. 6, *2*, *3*], а абашевские литейные чаши «приподняты» на ножках [8, табл. X, *1–3*].

Очень близкой аналогией лакедемоновской литейной чаше является льячка из курганного могильника у с. Верхняя Маевка. Верхнемаевская чаша найдена в погребении, которое входит в группу вытянутых погребений Орельско-Самарского междуречья [9, с. 21, табл. 16, *1*; 10, с. 68].

В ставропольском погребении литейщика предкавказской катакомбной культуры найден невыразительный обломок льячки, положенный вместе с набором каменных кузнечных инструментов и фрагментированной курильницей [11, с. 254].

Богатый погребальный комплекс литейщика с тремя льячками, открытый в курганном могильнике у хут. Лебеди на берегу р. Понуры в 1979 г., остается неопубликованным [4].

[3] Васильевский район Запорожской обл., раскопки С. Н. Ляшко в 1980 г.

[4] Устное сообщение А. Н. Гея (ИА АН СССР).

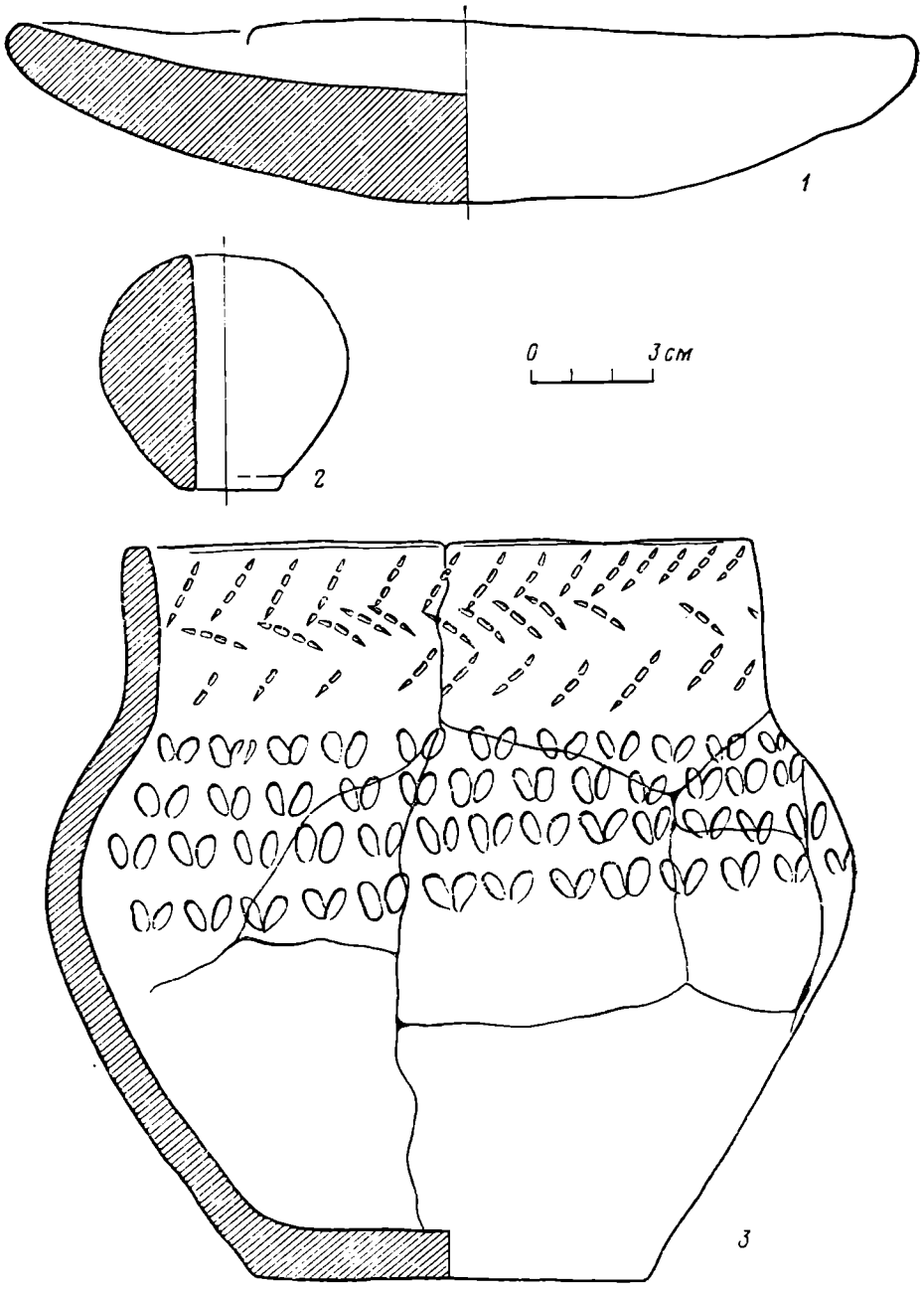


Рис. 4. Вареновка, кург. 4, погр. 5. Инвентарь. *1* — льячка; *2* — навершие булавы; *3* — сосуд

В. С. Бочкарев называет еще одно подкурганное захоронение с литейной формой и тиглем, происходящее из Полтавской губернии [12, с. 50].

В настоящее время можно пересмотреть вывод В. С. Бочкарева об устойчивой связи литейных форм с тиглями в погребальных комплексах Восточной Европы [13, с. 51]. В четырех украинских катакомбных погребениях льячки не сопровождались литейными формами, и лишь в одном из них, у с. Верхняя Криница, тигель найден в комплексе с каменными кузнечными инструментами. Два из этих погребений являются вторичными захоронениями человеческих костей, третье — кенотаф. В вареновском погребении умерший был вооружен булавой, а обломок тигля использован как жаровня. Интересно, что две приазовские литейные чаши фрагментированы, как и вещи в ворошиловградском погребении-кенотафе [4, с. 249]. В лакедемоновском кургане найдена целая чаша, край которой поврежден раскопщиками, опрокинутая вверх дном. Таким

образом, фиксируется специфическая форма погребального обряда для племен катакомбной культуры.

Почему литейные чаши являются иногда единственным специфическим инвентарем в «домике мертвого»? За исключением двух погребений (Веселая Роща, о-в Самарский [10, рис. 6; 13, с. 50]), в которых литейная форма не сопровождается тиглем, в остальных случаях вместе с глиняными створками формочки для топора в могилу опускали тигель. Как правило, литейная форма находилась около лячки. Но бывало и не так. Например, в ставропольском погребении вместе с набором каменных кузнечных изделий лежали обломок лячки и фрагментированная курильница на крестовидной ножке. У противоположной стенки ямы находилась пара литейных форм для отливки топоров. Интересно, что в ставропольском погребении «две малые створки, несмотря на то, что они лежали в паре, использовались для отливки разных топоров» [11, с. 255]. В вареновском погребении фрагмент литейной чаши использовался в качестве жаровни. Эти наблюдения позволяют предположить, что чаша-курильница с огнем «домашнего очага» и литейная чаша ассоциировались в стране мертвых с переносным очагом и горном. Каждая кузница имела очаг-горн и очаг и горн. Разжечь огонь в своем очаге мог любой смертный. Даже расплавить металл, как свидетельствует нартский кабардинский эпос, было под силу нарту Хамиду. Но выковать молот из расплавленного железа дело не простое, ведь молот — достояние бога-кузнеца [12, с. 340].

«Тлепш, семижды размахнувшись,
Бросил молот в подпебесье.
Молот молнией могучей
Мчится, тучи рассекая.
Пролетел единым мигом
. . . . . .
И у самых ног Хамида
Рухнул, громом загремев» [13, с. 341].

На территории Ворошиловградской обл. и в Северо-Восточном Приазовье в курганах с каменными надмогильными сооружениями эпохи поздней бронзы обнаружены два интересных погребения. Кроме керамики срубного типа и кремневого отщепа в этих могилах найдены «корольки» бронзы. По заключению Н. В. Рындиной, «королек» бронзы, происходящий из приазовского кургана у хут. Гаевка-Каймакчи (кург. XV/6, погр. 2) [14], представляет собой тиглевый выплеск, полученный случайно при расплавлении или разливке бронзы по формам» [5].

Находки «корольков» металла в погребениях эпохи поздней бронзы и одних только литейных чаш в могилах среднего бронзового века, по-видимому, свидетельствуют о преемственности традиций литейщиков на этой территории [13, с. 53; 15, с. 167, 168]. Религиозная оболочка такой преемственности, специфически отраженная в погребальных памятниках бронзового века, акцентировала внимание не на основной функции кузнеца, деятельность которого «в мифологии связывается с сотворением основных частей человека и самого человека» [16, с. 88]. Главной задачей у этих литейщиков, видимо, было добывание «небесного огня» — расплавленного красно-коричневого металла, слитков металла. В мифах того времени, очевидно, сохранялись яркие рассказы о приключениях, которые претерпевал герой, добывая «огонь». Такие представления могли иметь под собой реальную почву: например, в Северо-Восточном Приазовье, где найдены могилы литейщиков, нет рудных месторождений.

[5] Заключение (№ 639) лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильюков Л. С., Казакова Л. М., Киящко В. Я.* Лакедемоновский курганный могильник.– АО – 1977. М., 1978.
2. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Миусской оросительной системы в 1977 году.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 6883.
3. *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Древнее население Миусского полуострова (по итогам исследования курганных могильников в 1974–1977 гг.) – Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки., 1979, № 3.
4. *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины.– В кн.: Первобытная археология – поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
5. *Шапошникова О. Г.* До питання про металообробку у племен донецької катакомбної культури.– Археологія, 1971, № 1.
6. *Прялин А. Д., Сагайдак В. И.* Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры.– СА, 1975, № 2.
7. *Шилов В. П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье.– МИА, 1959, № 60.
8. *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966.
9. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары.– В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1977.
10. *Ковалева И. Ф.* Вытянутые погребения днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита.– В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1979.
11. *Державин В. Л., Тихонов Б. Г.* Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье.– СА, 1981, № 3.
12. Нарты. Кабардинский эпос. М.: Гослитиздат, 1957.
13. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр).– В кн.: Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
14. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганов на территории строительства Миусской оросительной системы в 1976 году.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 6979.
15. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
16. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур.– В кн.: Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1974.

М. В. АНДРЕЕВА

ОБ ОДНОЙ ЗООАНТРОПОМОРФНОЙ ФИГУРКЕ ИЗ СТАВРОПОЛЬЯ

В 1979 г. при исследовании курганной группы Чограй VIII (Чоградское водохранилище, северо-восток Ставропольского края) был раскопан небольшой курган (№ 34) диаметром около 20, высотой 0,4 м, содержавший одно (основное) погребение в катакомбе (рис. 1) [1]. Входная шахта прямоугольная в плане, вытянута по оси СВ–ЮЗ, размеры ее 1,7×1,4 м. Дно шахты понижалось (сначала полого, от середины более резко) к северо-западной стенке, где сделан вход в камеру. Камера также имела в плане прямоугольную форму и располагалась параллельно шахте. Размеры камеры 1,5×1 м. У северо-западной, противоположной входу стенки лежал скелет мужчины возмужалого возраста [2], на левом боку, сильно скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты, кисти прижаты к лобной части черепа. Следов краски, подстилки или подсыпок не выявлено.

Сопровождающие вещи положены перед лицом покойного. В их число входили два небольших фрагмента глиняных лепных сосудов, керамический конусовидный предмет (рис. 2) и костяная фигурка. На одном

[1] Из-за почвенных условий стратиграфия курганной насыпи не читалась, контуры погребения зафиксированы в материке.

[2] Определение Г. П. Романовой (ИА АН СССР).

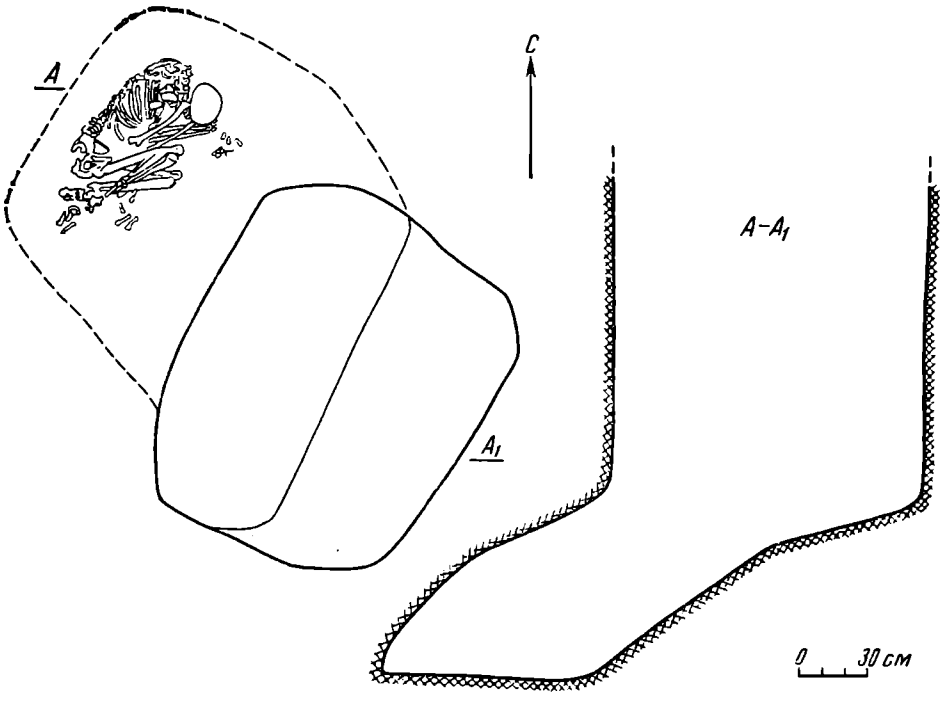


Рис. 1. План и разрез погребения в кург. 38 могильника Чограй VIII

(красноглиняном) черепке было налепное ушко с горизонтальным отверстием. Второй фрагмент (черного цвета) украшен по внешней поверхности орнаментом из прочерченных пересекающихся линий. Конус из обожженной глины, высотой 6,5 см был от широкого конца до середины полым.

Наиболее интересна зооантропоморфная фаллическая фигурка, сделанная с большим мастерством из разрезанной вдоль трубчатой кости (рис. 3, 4). Длина фигурки 6,7, ширина 2,4 см. Голову фигурки венчают полукруглые рога, грудь подчеркнута окружностями, под которыми смо-

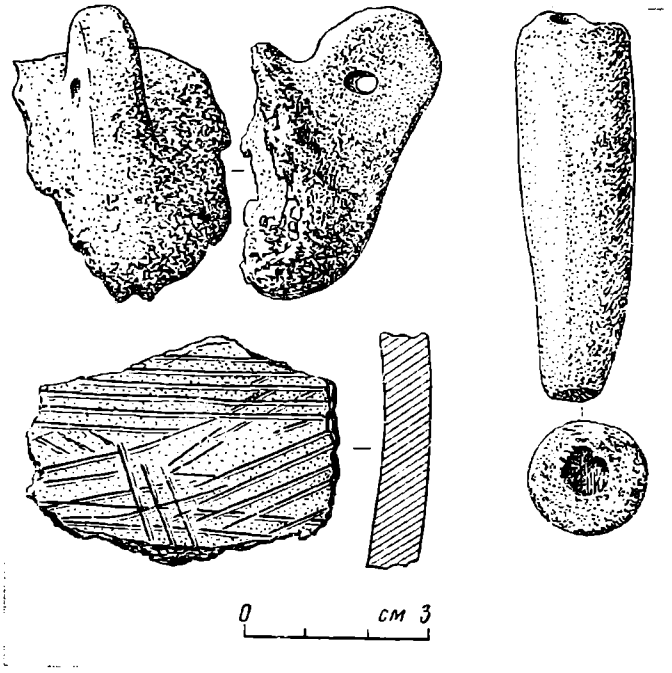


Рис. 2. Вещи из погребения в кург. 38

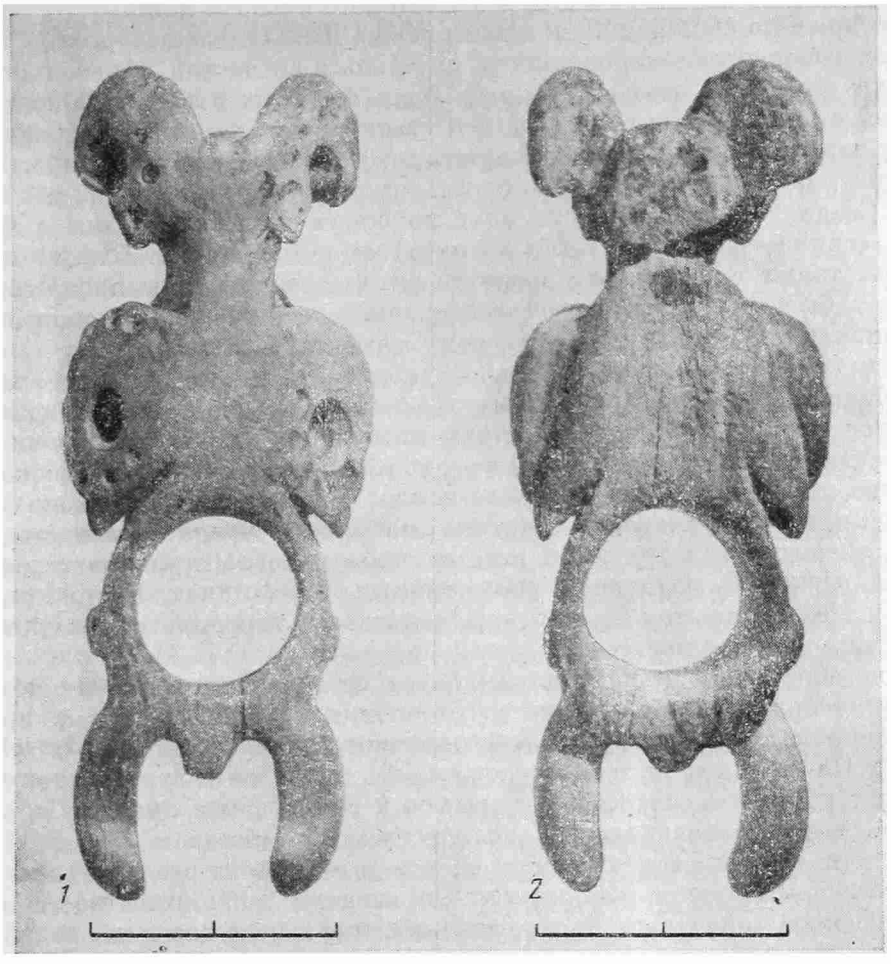


Рис. 3. Костяная фигурка (фото). *1* – вид спереди; *2* – вид сзади

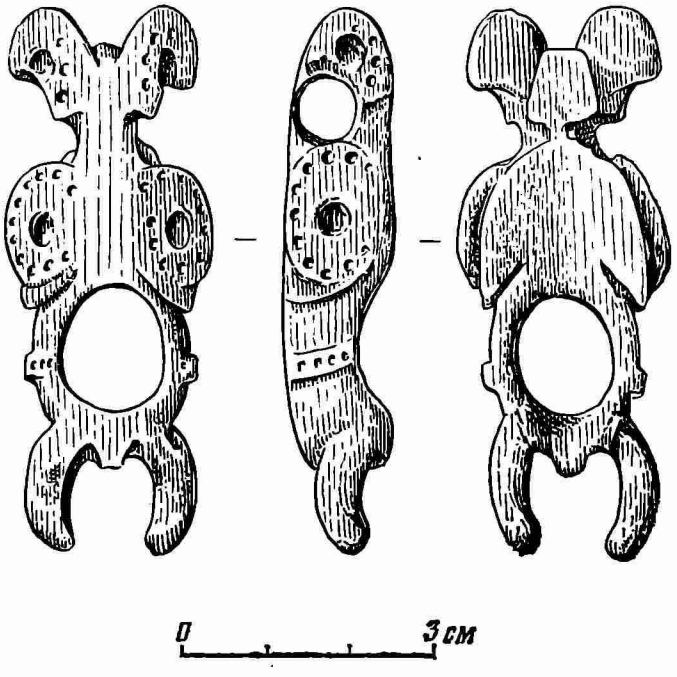


Рис. 4. Костяная фигурка (прорисовка)

делированы небольшие выступы (руки?, крылья?), в животе сделано округлое отверстие, по обеим сторонам которого показан пояс.

Фигурка до попадания в могилу явно использовалась долгое время: об этом говорят заполированность отдельных ее частей и небольшие дефекты — поломки. Заполированность шеи фигурки спереди, бокового отверстия сзади, «протертость» задней стенки бокового отверстия, обломанный и заполированный снизу кончик левого рога свидетельствуют о том, что фигурка крепилась к чему-то на шнуре, продевавшемся в это отверстие. Сзади заполированность идет по бокам (в соответствии с формой кости «спина» фигурки слегка вогнута) от рогов до ног. Слегка заполированы, также спереди, отверстие чрева, фаллос и концы ног. Очевидно, предмет был рассчитан на рассматривание его спереди и сбоку, сзади же прикреплялся к какому-то мягкому материалу.

Исходя из данных погребального обряда в целом, можно связывать погребение с позднекатакомбным (конец средней бронзы) временем. Сложнее обстоит дело с выяснением назначения положенных в погребение вещей — в виде комплекса и каждой в отдельности[3]. Высокое мастерство обработки кости, художественное совершенство и законченность образа, присущие костяной фигурке, позволяют предполагать существование значительной традиции изготовления подобных предметов, определенной «школы». Однако в катакомбных памятниках Восточного Маныча и Калмыкии, так же как и Предкавказья в целом, аналогичные находки мне не известны.

При обращении к материалам более северных и западных областей внимание привлекает традиция изготовления костяных поясных пряжек, характерная для культуры многоваликовой керамики [1, с. 167; 2, с. 34]. По наблюдениям исследователей, параллельно с изготовлением круглых пряжек с отверстием делались и зооморфные пряжки, представленные пока незначительным количеством экземпляров [3, с. 59, 60]. В них при общей схематичности образа угадывается изображение быка.

Приведенные выше наблюдения над следами заполированности на фигурке делают вероятным предположение, что перед нами также поясная пряжка (это «утилитарное» назначение не исключает, разумеется, ритуального использования предмета).

Для датировки находки существенным может оказаться то, что сделана она из разрезанной вдоль кости. Как установил И. А. Писларий, на памятниках культуры многоваликовой керамики Восточной Украины такая техника обработки кости появляется позже, чем поперечное членение; она представлена в материалах финального этапа культуры [4, с. 11, 12].

Детальное сопоставление чограйской находки с зооморфными и круглыми усложненных форм пряжками в настоящее время затруднено отсутствием научных публикаций последних[4]. Назначение других предметов из публикуемого комплекса остается неясным, хотя ритуально-магический характер его очевиден.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у с. Введенка на Дону.— СА. 1976, № 1.
2. *Отрощенко В. В.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тез. докл. Киев, 1978.
3. *Гершкович Я. П.* Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.
4. *Писларий И. А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1984.

[3] Благодарю В. И. Козенкову, В. В. Отрощенко, А. М. Смирнова, В. А. Трифонова и В. П. Шилова, указавших мне на круг возможных аналогий для костяной фигурки.

[4] Серия комплексов с костяными зооморфными пряжками опубликована в статье Я. П. Гершковича в этом же номере журнала.

И. И. ВДОВИЧЕНКО, С. Г. КОЛТУХОВ

КУРГАН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ КРЫМУ

Осенью 1979 г были проведены спасательные раскопки могильника у с. Гришино (Первомайский р-н, Крымская обл.) [1]. Курганная группа из двух насыпей находилась в 4 км к юго-востоку от села, располагалась на гребне невысокого степного водораздела, идущего в широтном направлении.

Размеры исследованного кургана: диаметр 19, высота 0,5 м (рис. 1). Он был сильно поврежден плантажной вспашкой. Насыпь кургана состояла из чернозема с включениями щебня и гальки. Под ней открыты несколько разрушенных каменных сооружений. Крупные известняковые плиты концентрировались в центре насыпи и представляли собой, по-видимому, остатки перекрытия могил и каменной вымостки над ними. Ближе к полам в большом количестве встречались камни меньшего размера; возможно, это остатки оградки, сооруженной вокруг могил на уровне древнего горизонта [2].

В кургане открыты два основных погребения. Они располагались в центре, в грунтовых ямах, впущенных с уровня поверхности погребенной почвы (рис. 2) [3]. Между могилами на поверхности погребенной почвы открыты следы тризны — вкрапления золы, обломки фасосской амфоры (рис. 3, *13*, *14*) со следами пребывания в огне. Подобные сосуды появляются не ранее второй половины V в. до н. э. [1, с. 18, 19; 2, с. 117].

Погребение 1 совершено в узкой, овальной в плане могиле, ориентированной с востока на запад и несколько расширяющейся к западному концу. Размеры (в м): длина 2,1; ширина в западной части 0,55; глубина от уровня залегания выброса 1,3; прослеженная глубина 0,9 [4]. Боковые стенки имели слабо выраженный подбой (рис. 2, *1*). Могила ограблена в древности. В анатомическом порядке сохранились только кости ног. Судя по ним, захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. На голени правой ноги лежали ребра небольшого животного (остатки жертвенной пищи?); в нарушенном заполнении встречены две кости лошади. Инвентарь в могиле не обнаружен.

Погребение 2 расположено в 1,5 м к северу от погр. 1. Могила, удлиненно-овальная в плане, ориентирована с востока на запад, расширяется к западному концу (рис. 2, *2*). Вдоль всех стенок сохранился неглубокий, но хорошо выраженный подбой. Размеры (в м): длина по дну 1,95; ширина в западной части 0,85; глубина от уровня залегания выброса 1,15; прослеженная глубина 0,7. Захоронение взрослого человека, судя по инвентарю — женщины, совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Правая рука была согнута в локте, а ноги слегка подогнуты в коленях. Справа от черепа найдены кусочки бронзы и серебра (остатки разрушенного окислением небольшого биметаллического предмета). В области шеи и верхней части грудной клетки обнаружены 30 бусин рассыпавшегося ожерелья. У правого бедра — фрагментированный предмет из железной проволоки, возможно пряжка (рис. 3, *12*). Рядом с кистью левой руки — раковина каури (рис. 3, *11*) и стеклянная бочонковидная бусина с разрушенной поверхностью. У правого плеча было положено бронзовое зеркало (рис. 3, *1*). Слева у колен стоял лепной лощеный орнаментированный кувшин (рис. 3, *21*). Рядом с ним выявлены остатки деревянного предмета (чаши?), невдалеке лежал кремневый отщеп (рис. 3, *9*). В подбое, у левой руки, помещена часть туши

---

[1] Работы проведены силами сотрудников Крымского краеведческого музея.

[2] Насыпь кургана, очевидно, перекрывала собой все каменные сооружения.

[3] Выбросы грунта (по одному из каждой ямы) обнаружены под насыпью на уровне поверхности погребенной почвы.

[4] Контуры могильных ям прослеживались с уровня поверхности материкового суглинка.

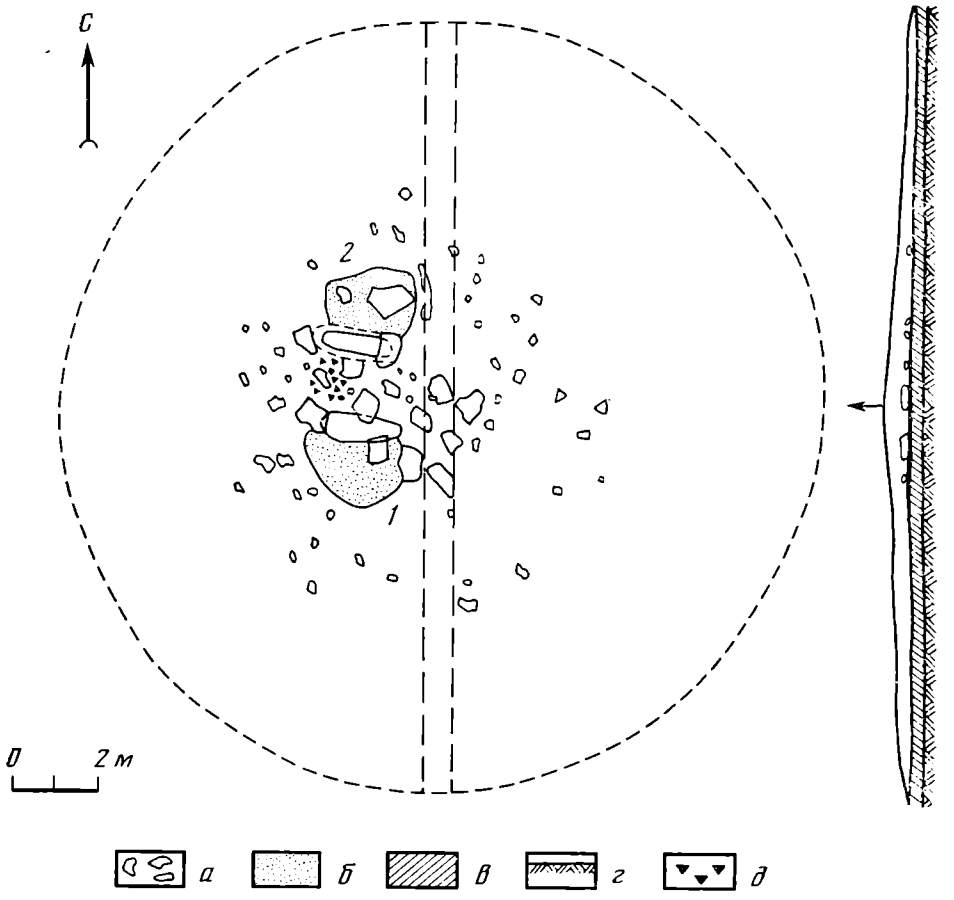


Рис. 1. Курган в могильнике у с. Гришино, *а* – камни; *б* – выбросы суглинка из могильных ям; *в* – погребенная почва; *г* – материк; *д* – остатки тризны. *1*, *2* – погребения

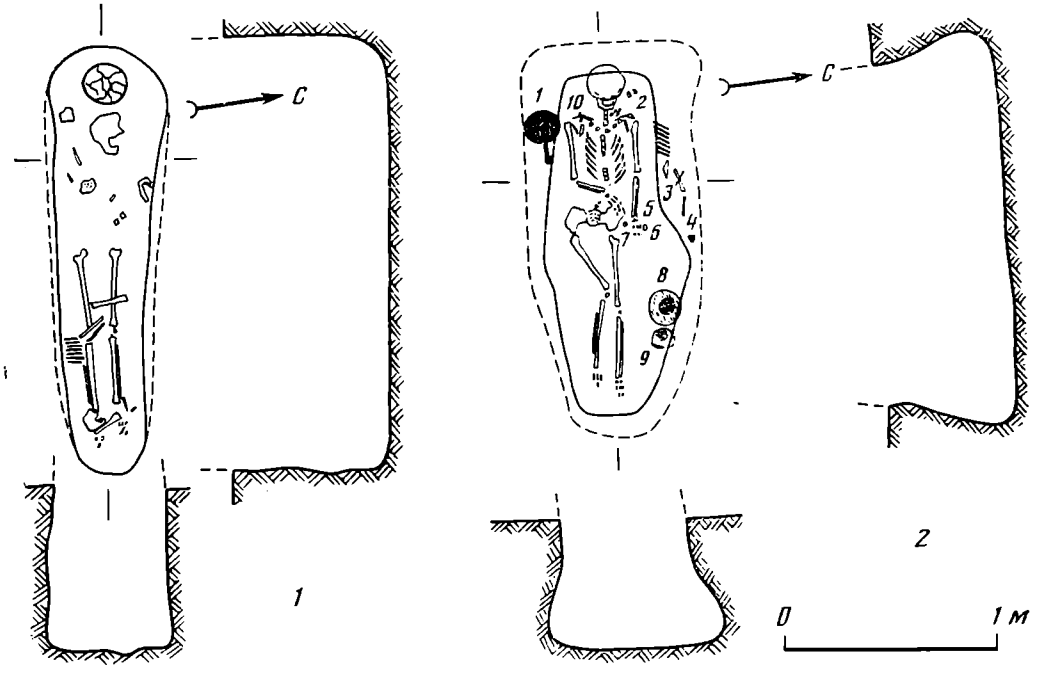


Рис. 2. Погребения 1 и 2 в кургане у с. Гришино. *1* – зеркало; *2* – биметаллический предмет; *3* – нож; *4* – кремень; *5* – раковина каури; *6* – бусина; *7* – пряжка; *8* – кувшин; *9* – древесный тлен (следы деревянного предмета); *10* – ожерелье

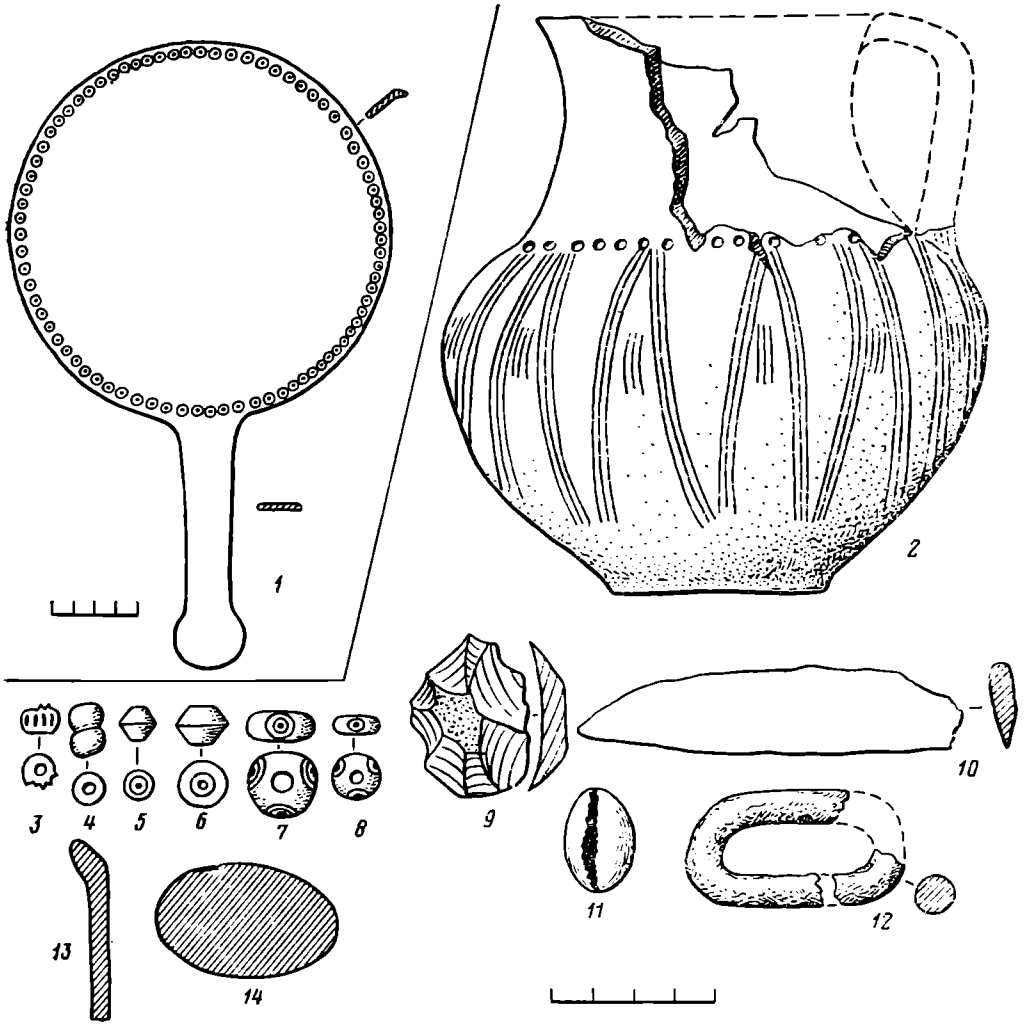


Рис. 3. Инвентарь погр. 2 (*1–12*) и керамика из тризны (*13*, *14*)

небольшого животного (овца или коза), рядом с остатками жертвенной пищи найден железный нож с горбатой спинкой (рис. 3, *10*).

Для датировки захоронения важны прежде всего зеркало, бусы и керамика. Зеркало относится к группе бронз пелопонесского типа, изготовлявшихся в конце VI—V в. до н. э. [3, с. 41, 42] и широко распространенных на территории Северного Причерноморья. Диаметр диска 18 см. Он отлит вместе с ручкой, оканчивающейся круглым медальоном. Край диска с одной стороны слегка загнут и имеет вид бортика, с противоположной окаймлен орнаментом из маленьких, последовательно расположенных врезных кружков с точкой в центре (рис. 3, *1*). По мнению Ю. И. Козуб, такая орнаментация характерна для зеркал первой половины V в. до н. э. [4, с. 83].

Ожерелье сохранилось не полностью, лишь единичные бусины поддаются определению и датировке. Они относятся к четырем типам. 1. Округлые, поперечно-сжатые, из глухого бирюзового стекла с тремя слоисто-щитковыми глазками (рис. 3, *7*, *8*). 2. Усеченно-биконические, из красного глухого стекла (рис. 3, *5*, *6*). 3. Двойные, из синего глухого стекла (рис. 3, *4*). Реберчатые неправильно-округлой формы, из глухого синего стекла (рис. 3, *3*). Бусы первого типа найдены в Ольвии в комплексе V в. до н. э. [5, с. 61, табл. 16, *30*]. Бусы второго типа с некоторыми изменениями встречаются с конца VI по III в. до н. э. [6, с. 59, 68, 69, табл. 33, *27*, *28*]. Бусы, найденные в погребении, по форме занимают промежуточное место между экземплярами VI—V — IV—III вв. до н. э. Аналогии двойным бусам третьего типа нам не-

известны, но неправильно-округлая форма, неровные с мягкими закраинами края, поперечная структура ядра, отверстие со следами керамической основы — все перечисленные признаки позволяют отнести бусы к VI—IV вв. до н. э. [6, с. 63]. Реберчатые бусы, близкие четвертому типу, известны в комплексах VI—I вв. до н. э. [6, с. 71, табл. 33, *53*], при этом наиболее сходные с нашими экземплярами встречаются с IV в. до н. э. [5, с. 59].

Среди предметов, не относящихся к греческому импорту, интересен орнаментированный лепной кувшин (рис. 3, *2*). Фрагмент его с большей частью ручки был утрачен еще в древности. Высота кувшина 14 см. Горло его усеченно-коническое, венчик отогнут наружу, тулово широкое, с высокими покатыми плечиками и маленьким плоским дном. Черепок в изломе коричневатый, рыхлый. Поверхность покрыта черно-коричневым лощением. На плечиках расположен поясок из круглых наколов, от которого отходят треугольники, обращенные вершинами вниз, прочерченные мелкозубчатым штампом. Подобная техника нанесения орнамента характерна для керамики V—III вв. до н. э. [7, с. 209]. По форме горла и тулова кувшин можно сравнить с горшками из поселений в Предгорном Крыму. В раннескифское время на таких сосудах появляется врезной орнамент [8, с. 26].

Таким образом, погребение и сам курган можно отнести к V—IV вв. до н. э. Однако находка в тризне обломков фасосской амфоры отодвигает нижнюю границу ко времени не ранее второй половины V в. до н. э. Можно предположить, что более узко погребение датируется концом V — началом IV в. до н. э.

Характерные черты обряда — форма погребальных сооружений, наброс или кладка из камня над могилами, вытянутое или слегка скорченное положение и западная ориентировка погребенных, керамика с врезным орнаментом — дают основание отнести публикуемые захоронения к одной из групп подкурганных погребений скифского времени, наиболее широко распространенных в Предгорном Крыму [9, с. 5—8; 10, с. 255, 266]. Самыми ранними среди них являются основные и впускные могилы, относящиеся, по Х. И. Крис, ко второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. [11, с. 245] и исследованные в районе Симферопольского водохранилища [12, с. 53—64]. В степном Крыму им аналогичны многие погребения грунтового могильника Фронтовое-1 [13, с. 42, 43] [5].

Впервые подобные захоронения были выделены Т. Н. Троицкой и отнесены к кызыл-кобинской культуре, восходящей своими корнями к памятникам периода поздней бронзы [9, с. 6—8; 16, с. 222]. Одновременно была отмечена их близость (а с V в. до н. э. фактически тождественность) скифским погребениям. Этой же точки зрения придерживался П. Н. Шульц [17, с. 244, 245]. Позднее А. М. Лесков определил интересующие нас памятники как собственно скифские. Найденную в них керамику с врезным орнаментом он считал заимствованием из таврской среды [18, с. 174, 175] [6].

По мнению Х. И. Крис, с середины VII в. до н. э. на территорию предгорий проникают лесостепные скифы, принесшие керамику с врезным орнаментом, широко распространившуюся затем у местных племен [8, с. 52]. Им принадлежат погребения рассматриваемой группы [7]. Иной точки зрения придерживается А. А. Щепинский, выделяющий самостоятельную археологическую культуру, традиционно вызванную кызыл-кобинской. Она характеризуется погребениями рассматриваемого в данной

---

[5] До недавнего времени могильник датировали V—IV вв. до н. э. [12, с. 42; 14, с. 35]. Однако в одной из последних работ А. А. Маслепников отнес могильник к VI—IV вв. до н. э. [15, с. 30, 43].

[6] Заметим, что Э. В. Яковенко интерпретирует могильник Фронтовое-1 как скифский [14, с. 35, 36], тогда как А. А. Маслепников считает погребенных в этом могильнике таврами, находившимися под скифским влиянием [15, с. 22].

[7] Предположение интересное, но недостаточно обоснованное. Например, погребальный обряд населения Среднего Поднестровья в раннескифское время во многом близок кызыл-кобинскому [19, с. 77]. Однако это еще не свидетельство миграции.

заметке типа или близкими им и поселениями с керамикой, покрытой врезным орнаментом [20, с. 37]. Однако, как показал на новом материале В. А. Колотухин, тезис о существенном различии таврской и кызыл-кобинской керамики, на котором основана дифференциация поселений, недостаточно обоснован [21, с. 118].

Вслед за П. Н. Шульцем и Т. Н. Троицкой А. А. Щепинский высказывает мнение о происхождении кызыл-кобинских памятников от более ранних, причерноморских. Между кызыл-кобинскими захоронениями и позднекиммерийским погребением конца VIII—VII в. до н. э. из Зольного исследователь видит сходство, свидетельствующее о генетической преемственности [20, с. 37; 22, с. 65]. Потомками местного населения, покоренного и ассимилированного скифами считает кызыл-кобинцев и В. С. Ольховский [23, с. 63; 24, с. 63]. Можно заметить, что характерной чертой кызыл-кобинского обряда является сохранение незначительной скорченности. Отклонение от типичного для скифов вытянутого положения на спине может объясняться пережиточными доскифскими традициями [25, с. 62].

От более поздних степных погребений, признаваемых исследователями собственно скифскими, кызыл-кобинские долгое время отличаются большим количеством узких грунтовых ям, высоким процентом захоронений с западной ориентацией, керамикой. Два первых признака сами по себе недостаточно выразительны. Сейчас хорошо известны районы, где у скифов часты узкие грунтовые могилы [26, с. 52] или же западная ориентировка. Более устойчивый показатель орнаментированная керамика. Хотя сосуды с подобным сочетанием форм и декора известны в раннескифское время на значительной территории юга Северного Причерноморья [8, с. 11; 20, с. 32; 27, с. 159; 28, с. 255, 256], основная масса находок сделана в Крыму. Нередки они на юге Херсонщины [29, с. 94]. Группа поселений с керамикой такого облика существовала в раннескифское время в Нижнем Побужье, впрочем, процент такой посуды там крайне низок [30, с. 84].

Несмотря на различие в керамике, черты, сближающие кызыл-кобинские и скифские погребения, более существенны. Оружие, а зачастую и традиционные украшения представлены одними и теми же типами вещей[8]. Типы грунтовых могил, надмогильные сооружения из камня, позы погребенных, нередко и ориентировка у кызыл-кобинцев и части степных скифов идентичны[9]. Единообразие описанных элементов обряда свидетельствует о значительной близости традиций населения, оставившего кызыл-кобинские и некоторые степные скифские погребения. Последнее делает достаточно вероятной этническую близость кызыл-кобинцев и ряда скифских племен степной полосы Северного Причерноморья, очевидно, восходящую к позднейшему предскифскому времени.

Относятся ли кызыл-кобинские погребения к локальному варианту скифской культуры или принадлежат, как считает А. А. Щепинский, самостоятельной археологической культуре, скифоидной по своему облику — это вопрос, ответ на который можно будет получить лишь в результате новых полевых исследований.

---

[8] В свое время Т. Н. Троицкая обратила внимание на отсутствие в ранних кызыл-кобинских могилах изделий в зверином стиле и деталей конской упряжки [9, с. 8]. Однако следует помнить, что объектами сравнения послужили богатые, в основном воинские захоронения скифов.

[9] Например, захоронениям из публикуемого кургана на территории Степного Поднепровья очень близки ограбленные погребения в кур. 1—4 у с. Волошское [31, с. 79—85], датируемые второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. [32, с. 23, 24]; в Побужье — серия основных подкурганных захоронений V в. до н. э. у с. Ковалевка [33, с. 135, 137]. Многие погребения могильника Фронтовое-1 находят близкие аналогии в грунтовом могильнике V — начала IV в. до н. э. у с. Михайловка Херсонской обл. [14, с. 36, 37; 34, с. 235—240]. Подобные могилы известны в скифских степях и позднее — в IV—III вв. до н. э. [35, с. 69, 92, 133; 36, с. 81, 89].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
2. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
3. *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания.– Тр. ГЭ, 1976, вып. XVII.
4. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. э. Київ: Наук. думка, 1974.
5. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.– САИ, 1975, вып. Г1-12.
6. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.– САИ, 1978, Г1-12.
7. *Дашевская О. Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом.– СА, 1963, № 4.
8. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры.– САИ, 1981, вып. Д1-7.
9. *Троицкая Т. Н.* Скифские погребения в курганах Крыма. Автореф. канд. дис. Симферополь, 1954.
10. *Шепинский А. А.* Марьинские курганы эпохи бронзы.– ЗОАО, 1960, т. 1(34).
11. *Крис Х. И.* О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира.– СА, 1976, № 2.
12. *Шульц П. Н., Столяр А. Д.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира.– КСИИМК, 1958, вып. 71.
13. *Корпусова В. М.* Про населення хори античної Феодосії.– Археологія, 1972, № 6.
14. *Яковенко Э. В.* Скифи Східного Криму в V–III ст. до н. э. Київ: Наук. думка, 1974.
15. *Масленников А. А.* Население боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981.
16. *Троицкая Т. Н.* Погребение у с. Белоглинка.– СА, 1957, т. XXVII.
17. *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.– В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
18. *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наук. думка, 1965.
19. *Гуцал А. Ф.* Некоторые черты погребального обряда племен Среднего Поднестровья VIII–V вв. до н. э.– В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
20. *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя.– КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
21. *Колотухин В. А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму.– СА, 1981, № 1.
22. *Щепинский А. А.* Населення Південного берега Криму в епоху раннього заліза.– Археологія, 1977, № 21.
23. *Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов.– СА, 1983, № 3.
24. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным.– СА, 1978, № 4.
25. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII–V вв. до н. э.– В кн.: Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
26. *Мелюкова А. И.* Население Нижнего Поднестровья в IV–III вв. до н. э.– В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
27. *Капошина С. А.* О скифских элементах в культуре Ольвии.– МИА, 1956, № 50.
28. *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.– СА, 1961, № 1.
29. *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика раннескифских погребений.– В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
30. *Гаврилюк Н. А., Отрешко В. М.* Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II.— В кн.: Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
31. *Макаренко Н. А.* Археологические исследования 1907–1909 гг.– ИАК, 1910, вып. 43.
32. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов,– САИ, 1964, вып. Д1-4.
33. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П.* Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области.– В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
34. *Лагодовская Е. Ф., Сымanович Э. А.* Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре.– В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
35. *Бунятян Е. П.* Погребальный обряд рядовых скифов южной Херсонщины.– В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
36. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.– МИА, 1962, № 115.

Е. Е. ФИАЛКО, Ю. В. БОЛТРИК

ЛАРЕЦ ИЗ КУРГАНА ОГУЗ

При доследовании скифского царского кургана Огуз[1] была открыта неизвестная ранее впускная «Северная могила» [1, с. 3; 2, с. 233]. Могила оказалась ограбленной, однако в заполнении ее уцелело значительное количество остатков погребального инвентаря. Среди них выделяется комплекс костяных пластин, которые следует рассматривать как накладки деревянных ларцов. Всего в «Северной могиле» было найдено 24 пластины (рис. 1, *а*). Толщина их от 0,15 до 0,25 см, верхняя гладкая сторона заполирована, обратная сторона испещрена мелкими и частыми царапинами и бороздками, которые обеспечивали большую прочность склеивания.

Кроме пластин к деталям ларца можно отнести костяные шарниры и маленькие гвоздики. Шарниры представляют собой цилиндры с продольным сквозным отверстием и поперечным отверстием, доходящим до середины цилиндра. В погребении их было 22 с половиной: 15 с половиной малых и 7 больших размеров (рис. 1, *б*). «Гвоздиков» с полусферическими грибовидными шляпками и короткими стерженьками найдено восемь (рис. 1, *в*).

Реставрировать ларец практически невозможно из-за отсутствия истлевшей деревянной основы. Однако на основании вазовых рисунков и целых (деревянных, металлических и глиняных) экземпляров можно попытаться дать его графическую реконструкцию (рис. 1, *г*). Размеры ларца, видимо, были следующие[2] (в см): длина 11, ширина 8,5, высота 5,5.

Крышка ларчика по контуру была обложена четырьмя орнаментированными пластинами трапециевидной формы. Могло быть несколько вариантов конструктивного решения: либо это были две широкие прямоугольные пластины, одна из которых сохранилась, либо это была одна пластина, украшенная врезным орнаментом, как, например, на шкатулке из шестого Семибратнего кургана [3, с. 127, рис. 27], а возможно, центральная часть была украшена мелкой инкрустацией аналогично ларцам-урнам из царской гробницы у деревни Виргина (Северная Греция) [4, с. 35, рис. 21, с. 51, рис. 30] (рис. 2, *б*). Крышка крепилась посредством шарниров, которые нанизывались на длинный штырь, скорее всего деревянный, так как металл дал бы окрашенность кости, затем через один маленькими шипами крепились к деревянной основе крышки и задней стенки. Нередко шарниры у ларцов изображены на вазовых рисунках, как, например, на чернолаковой пиксиде V в. до н. э. из Пантикапея (рис. 2, *а*). Очень хорошо видна шарнирная система крепления на бронзовой шкатулке из Берлинского музея (рис. 3, *3*).

Передняя стенка состояла из двух пластин с подрезами, выполнявшими роль ножек, рядом наклеивалось по одной вертикально стоящей пластине с дырочкой в верхней части, а между ними размещались пластинки в горизонтальном положении. Об оформлении боковых стенок можно сказать следующее: вверху была помещена пластина со скругленным срезом, обращенным в сторону задней стенки; в образованный таким образом желобок ложились крайние шарниры, крепившие крышку к задней стенке; на задней стенке пластины располагались, вероятно, аналогично передней стенке.

Примечателен факт совпадения двух пар отверстий на крышке и передней стенке ларца. Объяснение можно найти на двух золотых ларцах-урнах из гробницы у д. Виргина в Северной Греции, открытой в 1977 г. [5, с. 160—162], на двух бронзовых шкатулках из Курджипского кургa-

[1] Курган исследовался в 1891—1894 гг. Н. И. Веселовским, в 1902 г.— В. Н. Ротом, в 1972 г.— Херсонской экспедицией ИА АН УССР под руководством А. М. Лескова. Окончательные исследования провела в 1979—1981 гг. Таврическая экспедиция ИА АН УССР под руководством Ю. В. Болтрика.

[2] Учитывая места стыков костяных пластин, при реконструкции прибавляется по 0,1 см на каждую сторону.

2
3
4
1
2
а
б
в

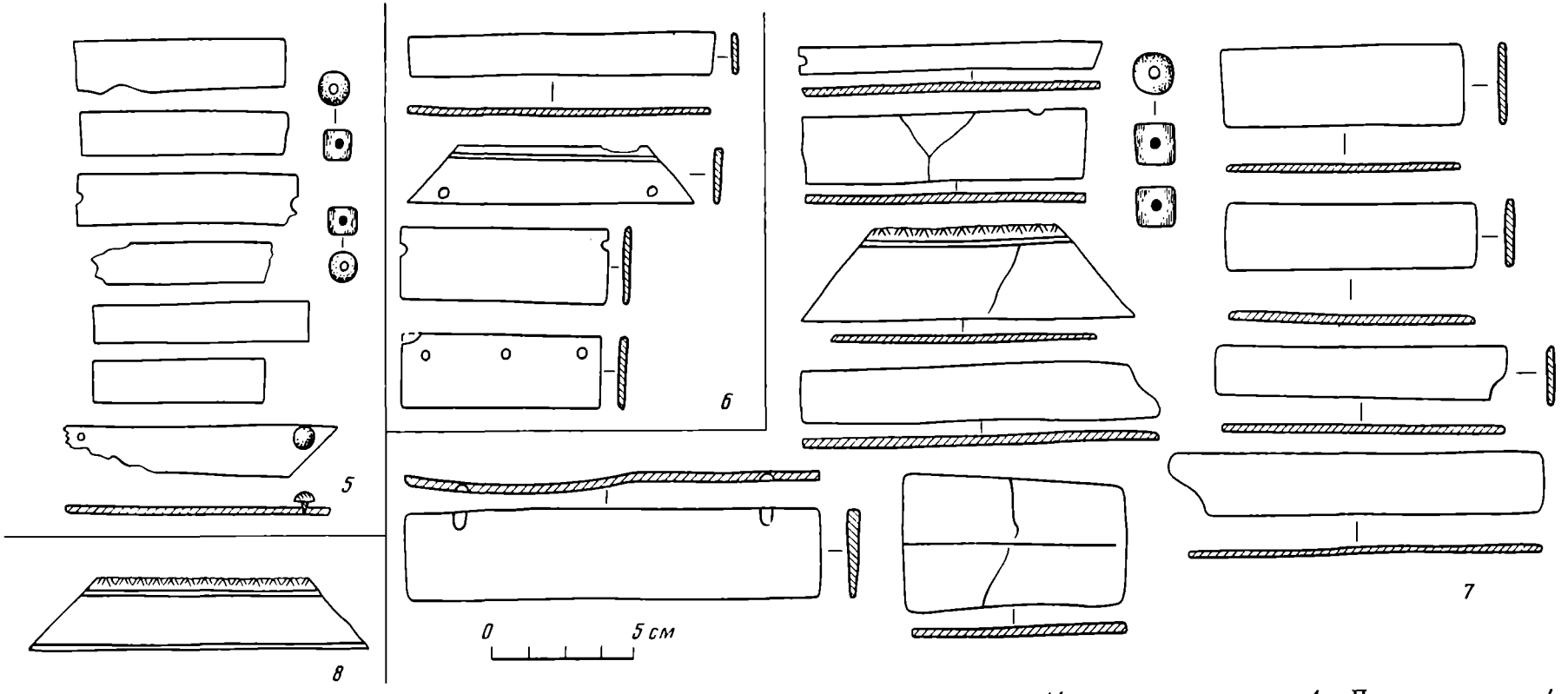


Рис. 1. Костяные обкладки ларцов. *1* – Огуз; *2* – Ольговка, кург. 3, погр. 3; *3* — Гюновка, кург. 14, центральное погр.; *4* — Петровка, кург. 4, погр. 2; *5* – Львово, кург. 11, погр. 2; *6* – Владимировка, кург. 4, погр. 1; *7* – Гюновка, кург. 11, погр. 2; *8* – Сошников курган, погр. 1

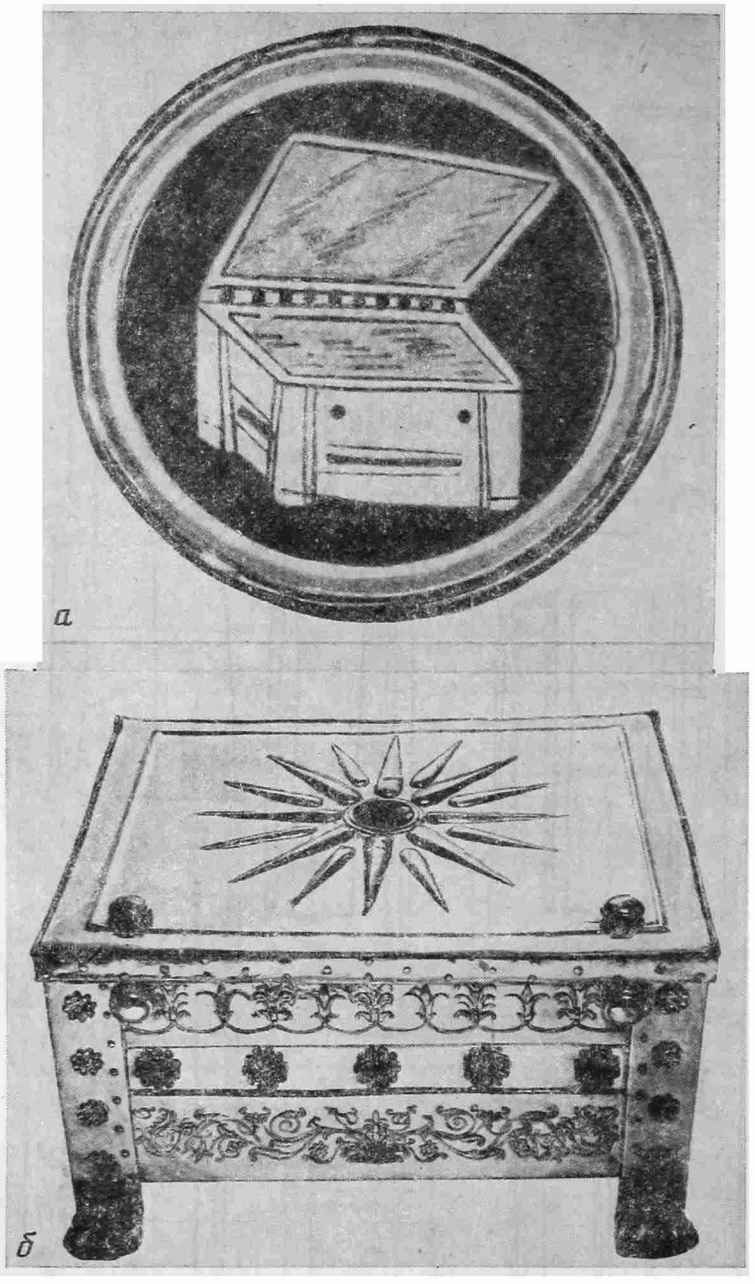


Рис. 2. Ларцы. *а* – изображение на чернолаковой пиксиде; *б* – из гробницы у д. Виргина (золото)

на [6, с. 94, 95, рис. 55, 56] (рис. 3, *1*), а также на изображениях подобных шкатулок на краснофигурных вазах. Во всех случаях на крышке и передней стенке ларцов видно по два (на вазовых рисунках) или чаще по четыре слегка выступающих над поверхностью шпенька со шляпкой — типа гвоздиков. Находка костяной трапециевидной пластины (рис. 1, *5*) с сохранившимся в одном из двух отверстий костяным шпеньком (кург. 11, погр. 2 у с. Львово Херсонской обл.) свидетельствует о том, что металлические и костяные ларцы не имели особых конструктивных различий. Таким образом, становится понятным место и функциональное значение костяных «гвоздиков», найденных вместе с огузскими пластинами. Видимо, они служили для более жесткой фиксации крышки ларца. Г. Рихтер считает, что шкатулки запирались посредством обвязанного вокруг шпеньков шнурка [7, с. 94].

Судя по количеству и разнообразию форм пластин, шарниров и «гвоздиков», можно предполагать, что в северной могиле Огуза было два ларца.

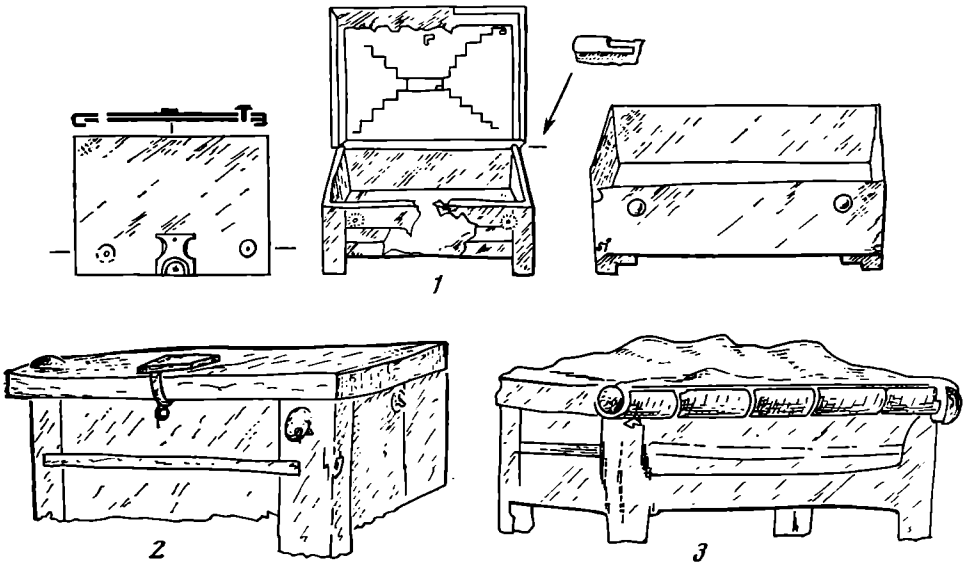


Рис. 3. Ларцы. *1* – Курджипский курган; *2* – курган близ Тиритаки; *3* – Берлинский музей

Костяные пластины, подобные найденным в кургане Огуз, встречались и ранее в курганах как степной, так и лесостепной Скифии, но количество их незначительно. Аналогичные трапециевидные и прямоугольные пластины были встречены: в погр. 2 кург. 11 у с. Львово Херсонской обл. [8, с. 58] (рис. 1, *5*); в погр. 2 кург. 4 у с. Петровка Кировоградской обл. [9, с. 206, рис. 2, *12–15*] (рис. 1, *4*); в центральном погребении кург. 14 у с. Гюновка Запорожской обл. [10, с. 19, 25] (рис. 1, *3*); в погр. 3 кург. 3 у с. Ольговка Херсонской обл. [11, с. 29] (рис. 1, *2*); в погр. 1 кург. 4 у с. Владимировка Запорожской обл. [12, с. 157] (рис. 1, *6*); в погр. 1 Сошникова кургана (Старинская птицефабрика, кург. 6) [13, с. 25] (рис. 1, *8*); в погр. 1 кург. 1 курганной группы IV у с. Первомаевка Херсонской обл. [14, с. 79, рис. 83, *3*]; в Северной катакомбе Мелитопольского кургана (развал деревянной шкатулки с костяными накладками) [15, с. 27]. Шкатулки были найдены также в камере IV кургана Чертомлык [16, с. 101], в Семибратнем кургане VI [17, с. 38], в Павловском кургане [17, с. 67], в детском погребении кургана близ Тиритаки [18, с. 126, 127, рис. 7] (рис. 3, *2*). Подобные пластины встречались, как правило, в женских погребениях, иногда в парных, где одной из погребенных была женщина (с. Владимировка, кург. 4; Сошников курган; с. Петровка, кург. 4).

Шкатулка и ларцы являлись традиционным и необходимым предметом быта гречанок, а вслед за ними и скифских женщин. Такие ларцы применялись для хранения мелких вещей – туалетных принадлежностей, украшений, инструментов, драгоценностей. Возможно, что использовали их, как и более поздние глиняные шкатулки, пришедшие на смену дорогим деревянным и костяным, для хранения предметов женского рукоделия [19, с. 130].

На греческих краснофигурных вазах с изображением бытовых сцен изображены ларцы для хранения драгоценных украшений. Таковы две краснофигурные вазы, найденные Г. Ашиком в 1837 г. в кургане Кекувацкого [20, с. 18–20, табл. XLIX] и в кургане близ Карантинного шоссе [20, с. 28, табл. LII] (рис. 4, *б*) и ваза, найденная Г. Ашиком в 1839 г. в том же поместье [20, с. 42–44, табл. LVII]. Подобный же ларец изображен на гидрии из Ольвии (1902 г.; рис. 4, *а*).

В Мелитопольском кургане в обоих ларцах лежали стеклянные бусы и украшения [15, с. 27]. В деревянном ларце из могилы 25, раскопанной в 1907 г. на горе Митридат, тоже хранились различные женские украшения [21, с. 17, 18]. В двух случаях в подобных ларцах храни-

Рис. 4. Ларцы. *а* – изображение на краснофигурной гидрии (Ольвия); *б* – изображение на краснофигурной вазе (Карантинное)

лись румяна (могила 45 на Эспланадной улице [22, с. 100] и могила 11 на южном склоне горы Митридат [22, с. 77], раскопанные В. В. Шкорпилом). В пяти случаях из восьми находкам костяных пластин от деревянных ларцов сопутствовали веретена.

Деревянные ларцы, подобные найденному в кургане Огуз, происходят преимущественно из погребений второй половины — конца IV в. до н. э., принадлежащих представительницам скифской аристократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болтрик Ю. В.* Огуз – крупнейший курган Степной Скифии.– В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. Республиканской конференции молодых ученых. 1981, апрель. Киев, 1981.
2. *Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз.– АО–1980. М., 1981.

3. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.
4. *Andronikos M.* Die Königsgröber von Vergina. Ahten, 1980.
5. *Манцевич А. П.* Открытие царской гробницы у деревни Виргина в Северной Греции.– ВДИ, 1980, № 3.
6. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
7. *Richter G. M. A.* Ancient Furniture. Oxf., 1926.
8. *Тереножкин А. И., Кубышев А. И., Ильинская В. А. и др.* Отчет о работе ХАЭ в 1973 г.– Архив ИА АН УССР, № 1973/10.
9. *Бокий Н. М.* Скифские курганы в бассейне р. Б. Высь на Кировоградщине.– В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
10. *Болтрик Ю. В., Савовский И. П., Болдин Я. И. и др.* Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1977 г.– Архив ИА АН УССР, № 1977/14.
11. *Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Евдокимов Г. Л. и др.* Отчет о работе ХАЭ в 1976 г.– Архив ИА АН УССР, № 1976/11.
12. *Кубышев А. И.* Отчет о работе ХАЭ в 1980 г.– Архив ИА АН УССР. № 1980/15.
13. *Тереножкин А. И.* Отчет о работе скифской Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР.– Архив ИА АН УССР, № 1962/8.
14. *Евдокимов Г. Л., Поруцкий А. Г., Гершкович Я. П.* Отчет о раскопках курганов и поселения Краснознаменской новостроечной экспедицией в Херсонской обл. в 1981 г.– Архив ИА АН УССР, № 1981/21.
15. *Тереножкин А. И.* Скифский курган в г. Мелитополе — КСИА, 1955, вып. 5.
16. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866, вып. II.
17. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в Собрании Государственного Эрмитажа. Прага – Ленинград: Артия – Сов. художник, 1966.
18. *Марти А. Ю.* Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки.– СА, 1940, № 6.
19. *Сокольский Н. И.* Боспорские глиняные шкатулки.– ЗОАО, 1960, т. I (34).
20. Древности Боспора Киммерийского. Т. II. СПб., 1854.
21. ИАК, 1910, вып. 35.
22. ИАК, 1904, вып. 9.

Т. Н. БУЛЫГИНА

НОВЫЕ НАХОДКИ ЕГИПЕТСКИХ ИЗДЕЛИЙ В ФЕРГАНЕ

Предметы египетского импорта не принадлежат к числу массовых находок на территории Средней Азии. В основном они происходят с территории Северной Бактрии [1, с. 59, 61]; в других районах Средней Азии находки единичны или отсутствуют совсем.

В Фергане предметы египетского происхождения представлены несколькими дольчатыми бусинами и амфоровидными подвесками, обнаруженными в курумах северо-западной Ферганы [2, с. 138, 139], а также находкой подвески в виде виноградной грозди в могильнике Гур-Мирон в западной Фергане [2, с. 139]. Особый интерес вызывают находки в курганах юго-западной Ферганы двух предметов из египетского фаянса — подвески в виде гениталий и кулачка-«кукиша» [1] — это первые находки таких предметов в Фергане.

Могильник Ташрават VIII, в котором были обнаружены обе подвески, насчитывает свыше 60 курганов. Основная часть погребений могильника совершена в катакомбах, два погребения находились в подбоях и три — на уровне древнего горизонта. В целом могильник датируется первой половиной I тыс. н. э. Выделяются две хронологические группы курганов: первых веков нашей эры и середины I тыс. н. э.

Подвеска фертообразной формы в виде гениталий происходит из кург. 31. Она оттиснута в односторонней форме: обратная сторона ее совершенно плоская и покрыта голубой глазурью, более светлой на выступах. В верхней части сделана петелька для подвешивания. Размеры (в мм): высота 20, ширина 11, толщина 8 (рис. 1, *1*).

Курган 31, где была найдена подвеска, относится к ранней хронологической группе и датируется первыми веками нашей эры. Под насыпью, на уровне древнего горизонта, обнаружено несколько выкладок из круп-

[1] Н. Г. Горбунова упоминает о находке подвески в виде кулачка-«кукиша» в могильнике Хапгиз-1 [3, с. 33]. Благодаря любезности Н. Г. Горбуновой мы осмотрели эту подвеску в фондах Гос. Эрмитажа и полагаем, что она изготовлена из стекла.

ных камней: в центре — прямоугольная выкладка (размеры 2,2×1,2 м); в юго-западном секторе — выкладка в виде кольца (диам. 1,2 м) с неглубокой ямкой в центре; у западного края — скопление камней, лежащих на материке; в северо-западном секторе — выкладка полукольцевидной формы, сложенная из крупных камней, также положенных на материк [4, с. 24].

В катакомбе была погребена женщина[2]. Она лежала на спине, головой на северо-восток, лицом вверх, руки вытянуты и слегка раскинуты в стороны, ноги в позе всадника. Справа от черепа лежали кости барана (нога, лопатка). Слева стоял большой гончарный красноангобированный сосуд с шаровидным туловом, широким дном и низким широким горлом.

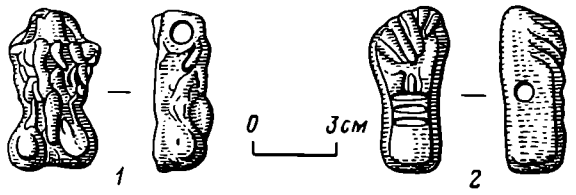


Рис. 1. Подвески из могильника Ташрават VIII (Фергана). *1* — кург. 31; *2* — кург. 28

Подвеска обнаружена на ребрах погребенной. Вероятно, она входила в состав ожерелья вместе с одиннадцатью бочонковидными бусинами из голубого прозрачного стекла, тремя шаровидно-сегментовидными бусинами из синего прозрачного стекла, двумя шаровидными бусинами из коричневого непрозрачного стекла с тремя двуслойными глазками (белый слой перекрыт коричневым), двумя шаровидно-сегментовидными бусинами из темного непрозрачного стекла, одной цилиндрической бусиной из черного полупрозрачного стекла с желтыми и зелеными пятнами, одной четырехугольной сжатой бипирамидальной бусиной без срединного ребра из светло-коричневого прозрачного стекла, четырьмя шаровидно-сегментовидными бусинами из коричневого непрозрачного стекла, одной биконической бусиной из белого непрозрачного стекла, одной дольчатой бусиной из бежевого непрозрачного стекла, одной трехчастной бусиной из коричневого непрозрачного стекла, одной двухчастной бусиной из темного непрозрачного стекла, одной длинной и тонкой цилиндрической бусиной из зеленоватого прозрачного стекла, покрытого красной облицовкой и двумя шаровидными бусинами из черного непрозрачного стекла. Около черепа обнаружены пять цилиндрических бусин из голубого прозрачного стекла, одна шаровидная бусина из белого непрозрачного стекла, одна двухчастная бусина из коричневого непрозрачного стекла, одна дольчатая бусина из бежевого непрозрачного стекла, одна шаровидная бусина из темного непрозрачного стекла. Кроме того, при погребенной находились: арбалетовидная бронзовая фибула, лежащая между плечевой костью правой руки и грудной клеткой; обломок бронзовой фибулы (трудноопределимой) около правой голени; крупная железная округлорамчатая пряжка, лежащая между бедренных костей.

Подвеска в виде кулачка-«кукиша» происходит из кург. 28, отнесенного ко второй хронологической группе (середина I тыс. н. э.). Подвеска изготовлена в односторонней форме и покрыта светло-голубой глазурью[2]. Она довольно массивная, с толстым подпрямоугольным в сечении стержнем. Сам кулачок выполнен очень реалистично, хорошо выделены пальцы, подчеркнуты все рельефные выступы ладони. Ногти обозначены более светлой, почти белой глазурью. На запястье намечены два валика, видимо, имитирующие браслеты или складки кожи на запястье, как предполагает Е. М. Алексеева (рис. 1, *2*) [5, с. 47].

В катакомбе кург. 28 обнаружены три разновременных погребения. Первоначальное погребение (1) было помещено около задней (юго-вос-

---

[2] Определение Г. П. Романовой (ИА АН СССР).

[3] Ю. Л. Щапова считает, что данная подвеска изготовлена скорее всего из стекла в той же форме, в которой изготовлялись аналогичные подвески из фаянса. Подвеска в виде гениталий безусловно фаянсовая.

точной) стены катакомбы. Рядом с ним находилось второе погребение (2*а*). Третье погребение (2*б*) было положено на ноги второго. Все погребенные лежали на спине головой на северо-восток, возможно, в гробовищах. При погр. 1 рядом с голенью левой ноги лежали обломки железного ножа. На костях правой кисти у погр. 2*а* обнаружено пластинчатое бронзовое кольцо, на костях левой — бронзовый перстень с овальным щитком. Подвеска-«кукиш» найдена в области грудной клетки и, видимо, входила в состав ожерелья вместе с 9 округло-сегментовидными бусинами из прозрачного зеленого стекла, 3 цилиндрическими и 4 шаровидными бусинами из такого же стекла, 10 цилиндрическими рубленными бусинами из красно-коричневого непрозрачного стекла, 14 цилиндрическими рубленными бусинами из черного непрозрачного стекла и 5 округло-сегментовидными бусинами из темно-синего непрозрачного стекла. При погр. 2*б* на тазовых костях найдена крупная сердоликовая бусина цилиндрической формы, рядом — перламутровая бусина дисковидной формы и бронзовая втулка из тонкой пластины.

Около северо-восточной стенки катакомбы за головами погребенных стоял гончарный красноангобированный кувшин с грушевидным туловом. В ногах лежал на боку гончарный красноангобированный кувшин с шаровидым туловом, здесь же стоял сероглиняный лепной горшок с грушевидным туловом и невысоким горлом.

Курган 28 в целом не выделяется из всей массы курганов могильника. Наличие же каменных выкладок на уровне древнего горизонта в кург. 31 и находка сразу двух фибул в одном погребении (находки фибул в Средней Азии очень редки) делают этот курган не совсем обычным.

Изделия из египетского фаянса, найденные на территории Советского Союза, исследовались уже неоднократно [6, с. 23—49]. Перечень таких изделий — бус и подвесок, происходящих с территории Средней Азии, приводит Б. А. Литвинский [2, с. 140].

Подвеска из египетского фаянса в виде кулачка-«кукиша» была обнаружена в кург. 3 Кую-Мазарского могильника [7, с. 110—111, 127]. Она напоминает ташраватскую подвеску (пальцы смоделированы довольно четко и рельефно, хотя и не очень глубоко, по запястью идут два валика), но имеет более толстый стержень и выглядит несколько массивнее. В катакомбе, где была найдена подвеска, находилось шесть захоронений, кости сильно перемешаны, и определить принадлежность и первоначальное положение подвески невозможно. О. В. Обельченко указывает, что подвеска была найдена вместе с бронзовым перстнем, бронзовыми обоймами, бусами и двумя амфоровидными подвесками. Он датирует захоронения концом II в. до н. э.— I в. н. э. [7, с. 114].

Три фаянсовые подвески в виде кулачков-«кукишей» обнаружены в могильнике Туп-Хона в Южном Таджикистане [1, с. 59]. Две из них происходят из погр. 183. Одна подвеска зеленого цвета, выполнена очень реалистично, пальцы смоделированы рельефно и глубоко. Обратная сторона подвески плоская. Другая, покрытая голубой глазурью, более схематична, пальцы четкие, но менее рельефные, на запястье два слабообозначенных валика. Обратная сторона подвески округло-выпуклая. Третья подвеска происходит из погр. 262. Она зеленовато-голубого цвета, пальцы выполнены довольно схематично, на запястье два слабовыделенных валика. В этом же погребении найдены две фаллические подвески — голубая и зеленая [1, с. 61]. Вверху обе имеют по ушку для подвешивания. Первая воспроизводит участок бедер, вторая напоминает фертообразную фигурку с плоским основанием и сильно вогнутыми боковинами. Обе подвески из погр. 183 входили в состав нагрудного ожерелья вместе с пятью амфоровидными подвесками из египетского фаянса. В погр. 262 амулет-«кукиш» и фаллические подвески входили в состав ожерелья [1, с. 33—34, 61]. Оба погребения датируются концом I в. до н. э.— II в. н. э. [1, с. 63].

Подвеска из египетского фаянса в виде кулачка-«кукиша» с городища Кей-Кобад-Шах (слой II в до н. э.— первой половины I в. до н. э.)

[8, с. 302] аналогична подвеске из могильника Туп-Хона погр. 183. Так же реалистично выполнены пальцы, в том числе «кукиш», показаны все рельефные выступы ладони, запястье и часть предплечья [8, с. 302].

О находках еще нескольких древнеегипетских предметов, происходящих также с территории Северной Бактрии, сообщает Э. В. Ртвеладзе [9, с. 235—238]. В разрушенном погребении некрополя кушанского времени (вторая половина I в.— III в. н. э.) [9, с. 236] была обнаружена фаллическая подвеска голубого цвета фертообразной формы, сходная с ташраватской подвеской. Вместе с подвеской в этом погребении были найдены раковины каури, бусы, обломки бронзовых браслетов [9, с. 236]. Три подвески в виде кулачков, покрытые голубой глазурью, найдены на городищах Шуроб-курган, Талашкан-тепе II и Баба-тепе [9, с. 237]. Одна из подвесок, судя по рисунку, отличается от всех уже упомянутых: пальцы ее выполнены очень четко, но «кукиш» отсутствует, большой палец просто прижат к указательному, запястье охватывает четко выделенный валик [9, с. 237, рис. 23]. Описание и рисунки двух других подвесок не представлены. Все подвески собраны на поверхности городищ, датируемых очень широко —от первых веков до нашей эры до позднего средневековья [10, с. 235—238].

Несколько подвесок из египетского фаянса происходят с памятников Хорезма. В верхних слоях Кой-Крылган-калы найдена подвеска-«кукиш», покрытая голубой глазурью [11, с. 149, табл. XVII, *17*]. По форме и характеру исполнения она напоминает подвески из Туп-хоны, но несколько уступает им по размеру: пальцы выполнены рельефно, в том числе и большой палец-«кукиш», черточками подчеркнуты даже ногти, на запястье намечены два валика, обратная сторона плоская.

Фаллическая подвеска из зеленовато-голубого фаянса обнаружена в среднем горизонте Кой-Крылган-калы [11, с. 149]. Подвеска фертообразной формы, с внешней стороны рельефная, с обратной — плоская. Аналогичная подвеска найдена на такыре в окрестностях Кой-Крылган-калы [11, с. 149].

На территории Средней Азии имеется несколько находок амулетов в виде конечностей, изготовленных из различных материалов явно в подражание изделиям из египетского фаянса. В Пенджикенте была найдена коралловая подвеска, которой была придана форма ноги. Подвеска сделана очень схематично: на коралловой ветке естественной формы резцом обозначены пять пальцев ноги. Обработка была произведена на месте — здесь же были найдены необработанные коралловые ветки [12, с. 138]. Больше всего таких подвесок обнаружено в Хорезме.

На Беркут-кале и на такыре близ Аяз-калы 3 найдены две совершенно одинаковые каменные подвески [13, табл. 27, *3*, 83, *14*]. Они выполнены очень реалистично, глубоко вырезаны все пальцы, в том числе и «кукиш», натурально переданы выступы ладони и запястье.

На такыре близ Беркут-калы найдено несколько каменных подвесок, представляющих собой очень схематичное изображение ладони: на треугольном кусочке камня (как правило, белого халцедона) намечены пять согнутых пальцев, расположенных в ряд, все остальные части ладони рельефно не выделяются совсем, а лишь намечены штрихами и линиями [13, табл. 27, *4*, *5*]. Аналогичные подвески найдены на Аяз-кале [14, с. 109, табл. 2, *8*].

Отмечается бытование таких подвесок и в более поздние периоды — в средние века и даже в хорезмшахское время. «Подвески, схематично передающие сжатую в кулак руку, из белого кварца, часто со следами голубой краски на поверхности встречены в Кават-кале, на Шах-Сенеме и на ряде поселений хорезмшахского времени в левобережном Хорезме. Имеются такие подвески и из других пород камня» [11, с. 88].

Несколько подобных находок происходит с территории Ферганы. В кург. 116 могильника Карабулак обнаружена бронзовая подвеска в форме кулачка, но «кукиш» отсутствует, большой палец прижат к указательному. Вокруг запястья идет округлый валик. Подвеска в целом выполнена очень реалистично, пропорции ладони правильные, пальцы

смоделированы четко. Размеры подвески (в мм): высота 25, ширина ладони в верхней части 7, ширина запястья 4 [15, с. 22, рис. 5, *2*].

В кург. 14 Тураташского могильника, расположенного неподалеку от Карабулака, обнаружена бронзовая подвеска в виде круглого стержня с отверстием посередине, оба конца которого оформлены в виде конечностей, причем довольно схематично. Трудно даже определить, какую конечность хотел изобразить древний мастер, но, видимо, это все-таки ступни ног, сделанные довольно грубо, с едва намеченными пальцами. Два валика, ограничивающих каждую ступню, и отверстие для подвешивания совершенно аналогичны валику и отверстию подвески из Карабулака [15, с. 22, рис. 5, *1*]. Интересно, что в подбое кургана, где была найдена подвеска, костей человека не обнаружено. Почти в центре подбоя стоял глиняный горшок с ручками в виде голов горного козла, рядом с ним лежало бронзовое зеркало и подвеска, в юго-восточной части подбоя стоял еще один горшок и рядом два железных ножа. По всему подбою разбросано множество костей барана [15, с. 21].

Бронзовая подвеска, напоминающая карабулакскую, обнаружена в могильнике Лангари Ходжиен в Северном Таджикистане, но она гораздо более схематична: кулачок почти треугольной формы, очень широкий сверху и резко сужающийся к запястью, пальцы едва обозначены, на запястье, представляющем собой тонкий стержень, два массивных валика[4].

Почти все описываемые амулеты являются скорее всего принадлежностью женских захоронений в отличие от Северного Причерноморья, где большая часть комплексов с изделиями из египетского фаянса приходится на долю детских погребений [5, с. 30]. Подвески из египетского фаянса и подвески, изготовленные им в подражание из другого материала, входили чаще всего в состав ожерелий[5].

Еще в 1972 г. А. К. Коровина отметила, что в Северном Причерноморье могилы с египетскими амулетами не выделяются среди общей массы одновременных им погребений богатством инвентаря и что подвески встречаются лишь в небольшом количестве могил, как правило, по нескольку штук в каждой [16, с. 111]. Ту же самую особенность можно отметить и в Средней Азии.

Известно, что в Египте амулеты, изображающие различные части тела, принадлежали чаще всего к так называемым «амулетам смерти» [17, с. 9]. Модели различных частей тела располагали на мумии для того, чтобы продолжились различные жизненные функции. Ф. Петри называет их еще «амулетами сходства» и считает, что идея двойника, alter ego, была целью ношения таких амулетов. Модель органа, подвергающаяся нападению злых духов, спасает от нападения реального человека [17, с. 2, 3]. Каждый из этих амулетов имел свое название и выполнял определенные функции. Модель глаза, например, символизировала силу зрения и призвана была поддерживать эту силу в загробной жизни. Изображение бородатой головы означало главенство, власть человека при жизни и сохранение ее после смерти. Аналогичные функции выполняли и другие «амулеты сходства» [2, с. 144; 17, с. 9]. Амулеты-«кукиши» и фаллические амулеты появляются в Египте только в римское время и несут на себе значение половой силы. Оба амулета изготовлялись в основном из фаянса, покрытого голубой или зеленой глазурью, в то время как другие «амулеты сходства» часто изготовлялись из камня или кости [17, с. 9].

Естественно, что значение амулетов в Древнем Египте нельзя механически переносить на аналогичные амулеты, найденные в других районах. В новом обществе древний смысл символов и культов должен был бы утратиться [5, с. 130].

А. К. Коровина в связи с находками египетских амулетов на территории Северного Причерноморья высказывает предположение о том, что «египетские амулеты клали в могилы лишь тех детей, родственники ко-

[4] Сообщение А. К. Мирбабаева.

[5] Очень интересным является погребение кург. 14 Тураташского могильника, где подвеска являлась, видимо, «заместителем» покойника.

торых поклонялись египетским божествам» [16, с. 111]. Вполне возможно, что в отдельных районах могли сохраняться отголоски египетских верований, но в большинстве своем египетские амулеты, найденные на территории Советского Союза, совершенно не связаны с египетскими религиозными представлениями.

Большинство исследователей рассматривают фаллические амулеты и амулеты-«кукиши» как апотропеические символы [6, с. 24; 16, с. 30] и как символы плодородия, причем фаллический амулет является мужским символом, а кулачок-«кукиш» — женским [18, с. 19]. Возможно, что помимо этих всеобщих значений у различных племен египетские амулеты несли еще свою собственную смысловую нагрузку, отражая верования этих племен.

В основном все вышеупомянутые амулеты из египетского фаянса на территории Средней Азии укладываются в хронологический период с I в. до н. э. по III в. н. э. Можно предположить и более раннее появление здесь таких подвесок. На это указывает подвеска-«кукиш» на городище Кей-Кобад-Шах в слое II в. до н. э. Верхнюю границу бытования таких подвесок определить трудно, так как подвески могли использоваться и передаваться по наследству в течение нескольких поколений. На территории Ирана, например, такие подвески были обнаружены в погребениях сасанидского времени [19, с. 158].

Б. Б. Пиотровский разделил все египетские амулеты на три хронологические группы — архаическую, эллинистическую и римскую. Последняя группа включает амулеты в виде фигурок богов, изображений животных, подвески в форме сердца, глаза, сжатой руки, фалла, виноградной грозди. Если в эллинистическую эпоху египетские предметы встречаются только на побережье Черного моря, то в римский период они распространяются по всей стране, в том числе попадают и на территорию Средней Азии [6, с. 25]. Большинство исследователей совершенно справедливо полагают, что подобные амулеты могли попасть сюда через Иран и Индию [6, с. 27], что подтверждается находками в Дура-Европосе [20], Таксиле [21], Бегараме [22], Тал-и-Бахраме [19, с. 158], Дейламане [18, с. 8].

Б. Я. Ставиский указывает, что в кушанский период Среднюю Азию со средиземноморским миром соединяли три регулярных пути. Первый — водный, к портам Западной Индии; второй — Великий шелковый путь; третий — через степи западного Казахстана, Поволжья и Южной России [23, с. 304]. Египетские предметы могли попадать в Среднюю Азию посредством всех трех путей, но наиболее вероятным Б. Я. Ставиский считает путь через южнорусские и казахстанские степи [23, с. 304]. Вполне возможно, что в Фергану египетские предметы могли попасть и по Великому шелковому пути, так как часть этого пути проходила по Фергане.

Б. Б. Пиотровский учел около 700 предметов из египетского фаянса, найденных на территории Советского Союза, и считает, что все они распространяются из одного центра, так как обнаруживают между собой полное сходство [6, с. 27]. Небольшая группа таких предметов, происходящих с территории Средней Азии, не позволяет говорить об их полном сходстве. Из восьми вышеупомянутых подвесок-«кукишей» лишь две подвески (могильник Туп-хона, погр. 183; городище Кей-Кобад-Шах) обнаруживают между собой полное сходство. Остальные подвески отличаются друг от друга по форме, размерам, характеру проработки отдельных деталей, наличию или отсутствию валиков, имитирующих браслеты, характеру расположения этих валиков и т. д. Значительно большее сходство обнаруживают между собой фаллические амулеты. По крайней мере пять из семи вышеупомянутых фаллических амулетов могли быть изготовлены в одинаковых формах. И лишь амулеты из могильников Ташрават VIII и Туп-хона (погр. 183) совершенно отличаются от остальных амулетов, а также слегка различаются между собой. Достаточное разнообразие амулетов и сравнительная легкость их изготовления не позволяют полностью исключить возможность их изготовления в нескольких центрах.

А. К. Коровина выдвинула предположение о местном производстве предметов из египетского фаянса в Северном Причерноморье [16, с. 108, 111]. Однако большинство исследователей считают, что местом их производства мог быть только Египет, основываясь на существовании в Египте тысячелетней традиции по производству таких предметов. Кроме того, только Египет обладал монополией на соду, необходимую для производства такого фаянса [5, с. 27; 6, с. 27—28].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984.
2. *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
3. *Горбунова Н. Г.* Кугайско-карабулакская культура Ферганы.— СА, 1983, № 3.
4. *Брыкина Г. А.* Отчет о работе Ляйлякской экспедиции в 1982 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 9066.
5. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, вып. Г1-12.
6. *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.— СА, 1958, № 1.
7. *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника.— Тр. СамГУ, кн. XXV. Ташкент, 1957.
8. *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА, 1958, № 66.
9. *Ртвеладзе Э. В.* Несколько древнеегипетских предметов из северной Бактрии.— СА, 1977, № 2.
10. *Ртвеладзе Э. В.* К обследованию древних городищ в Северной Бактрии.— АО — 1976. М., 1977.
11. Кой-Крылган-кала. М.: Наука, 1967.
12. *Беленицкий А. М.* Археологические работы в Пенджикенте.— КСИА, 1954, вып. 55.
13. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
14. *Пташникова И. В.* Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.— ТХАЭЭ, 1952, т. I.
15. *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.
16. *Коровина А. К.* Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории.— ВДИ, 1972, № 1.
17. *Petrie F.* Amulets. L., 1914.
18. *Sono and Fukai.* Dailamanz. The Excavation at Hassani Mahale and Ghalekuti, 1964.— The Tokio University Irak — Iran Archaeological Expedition. Report 8. Tokyo, 1968.
19. *Stein A.* An Archaeological Tour in the Ancient Persis.— Iraq, 1936, v. 3, № 2.
20. The Excavation at Dura-Europos. Preliminary Report of the Ninth Season. New Haven, 1964.
21. *Beck H. C.* The Beads from Taxila.— MASI, 1941, № 6.
22. *Hackin G.* Nouvelle recherches archeologiques a Begram. P., 1954.
23. *Ставиский Б. Я.* О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом.— В кн.: Древний Восток. М.: Наука, 1979.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

КОСТЯНЫЕ ДЕТАЛИ СНАРЯЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВСАДНИКА И ЛУЧНИКА ИЗ БОЛГАРА

За последние годы на Болгарском городище было найдено несколько костяных предметов, относящихся к вооружению богатого конного воина и лучника. Эти предметы относятся к числу редких находок в средневековых древностях Восточной Европы. Они исполнены на высоком художественном уровне и прекрасно сохранились. Все находки были сделаны неподалеку друг от друга — на юго-западной окраине домонгольского Болгара, ставшей в золотоордынский период центральным районом города. Вещи хранятся в собрании Болгарского гос. историко-архитектурного заповедника.

1. В 1980 г. на раскопе LXXIII, в яме, относящейся к золотоордынскому периоду (вторая половина XIII—XIV в.), была найдена костяная изогнутая накладка овальной формы (рис. 1). Подобные накладки служили для предохранения левого запястья лучника от удара тетивы [1, с. 182, 183; 2, с. 47—48; 3, с. 148]. Размеры (в мм): длина 122, ширина 55, толщина 2,5. В средней части предмета имеются две пары отверстий, в которые продевались ремешки; ими накладка крепилась на руке. Края отверстий и расстояния между парными отверстиями имеют следы потертости от кожаных завязок. Внутренняя, прилегающая к руке поверхность, как и края, тщательно заполирована. Наружная, выпуклая поверхность накладки орнаментирована. Орнамент состоит из двухъярусной каймы по краю и пояска в средней части, между двумя парами отверстий диаметром 4 мм. Наружный ярус каймы шириной 1 см отстоит от края накладки на 4 мм. Он заполнен повторяющимися фигурами в виде буквы S с отходящими от волют короткими прямыми отростками. Фигуры частично гравированы тонкой линией, а частично линией, состоящей из ряда маленьких углубленных треугольников. Внутренний ярус каймы шириной 5 мм и два ряда поперечной полосы заполнены геометрическим узором, близким к меандру.

Описанные приемы орнаментации — гравировка и техника выемчатых треугольников, как отмечает Н. В. Малиновская, часто употреблялись на костяных обкладках колчанов второй половины XIII—XIV в. Там они употреблялись исключительно в геометрических композициях [4, с. 133, 136]. При этом углубления заполнялись цветной пастой; на болгарской накладке следов краски не заметно. Сам мотив — отдельные повторяющиеся S-овидные завитки — также встречается на колчанах [4, с. 137, табл. 2, *40*, 65, 78, табл. VIII, *22*, табл. X, *34*, *37*]. Н. В. Малиновская отмечает, что этот мотив находит аналогии в орнаментах алтайских и среднеазиатских тюрков, у енисейских кыргызов.

Другой элемент орнаментации болгарской накладки — полоса, заполненная многократно повторенной зигзагообразной фигурой типа меандра, также встречен на памятниках более раннего времени восточного происхождения (например, на одной из ордосских блях [5, с. 74, рис. 55, *г*]). Д. К. Валеева считает подобный орнамент одним из наиболее характерных для волжских болгар [6, с. 24].

Подобные приспособления для стрельбы из лука встречаются очень редко. Две такие костяные накладки — целая и в обломках — были найдены в Новгороде, в слоях последней четверти XII — первой половины XIII в. и 60—70-х годов XIII [3, с. 148, табл. 5, № *9*, 10, рис. 10, *2*, *3*; 11, *1*, *2*]. Первая — лишена орнамента, отверстия для ремешков помещаются на выступах-ушках. Вторая — по форме и технике нанесения орнамента близка болгарской: по ее краю идет полоска, нанесенная гравированной линией, прерываемой выемчатыми треугольниками. А. Ф. Медведев отмечает редкость подобных находок и приводит им три аналогии — из Биляра, с Кыласова городища и из Саркела.

Билярская накладка, происходящая из старых сборов и хранящаяся в Гос. музее ТАССР, была опубликована еще А. Ф. Лихачевым [1,

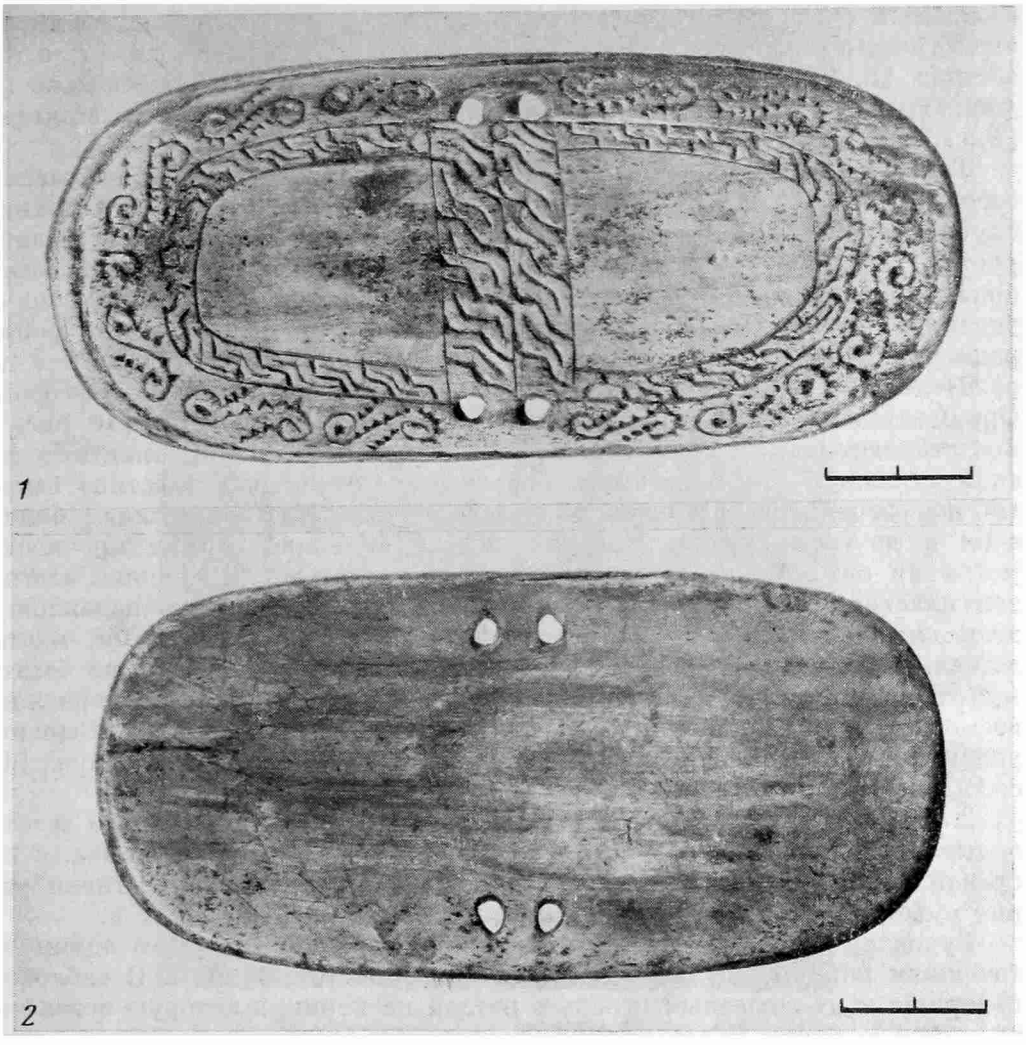


Рис. 1. Костяная защитная накладка лучника. Болгар. Вторая половина XIII—XIV в.

с. 182, 183, табл. 39]. По форме и размерам она близка болгарской. По краю идет орнаментальная полоса, заполненная растительным побегом. Д. К. Валеева видит в этом орнаменте изображение волны и плывущей по ней утки и считает этот орнамент собственно болгарским [6, с. 47]. Последнее соображение представляется неосновательным.

Основное изображение помещено посередине: две противостоящие друг другу сцепившиеся когтями симметричные птицы и фигура филина над ними. Углубления заполнены черной краской. В целом вся композиция носит «камский» характер. Две симметричных фигуры животных или птиц и возвышающееся над ними еще одно существо встречаются в древностях народов Прикамья [7, табл. 41*а*]. Это композиция выражает, быть может, взаимоотношения между родами, обозначенными через их тотемов. Время билярской находки точно неопределимо, по всей вероятности, домонгольское (XI — начало XIII в.), как большинства находок с Билярского городища.

С Кыласовского городища (Анюшкар), расположенного на Каме, происходит еще одна подобная накладка [8, рис. 45, *3*]. Она относится к верхнему слою городища, датированному суммарно XII—XIV вв. Эта накладка также овальной формы, но несколько меньшего размера (ее длина 5 см). Накладка украшена циркулярным орнаментом — в середине крестообразная фигура из пяти кружков и полоса в три ряда кружков по внешнему краю.

Подобные приспособления лучников имеют древнюю традицию в родановской культуре. М. В. Талицкий опубликовал костяные защитные

пластинки с Родановского городища, похожие, по его наблюдениям, на аналогичные приспособления, бытовавшие у хантов и манси [2, с. 47, 48, рис. 15, *2*]. Щитки эти непохожи на вышеописанные. Несколько подобных защитных накладок из бивня мамонта найдено в Мангазее [9, с. 74, табл. 64, *1, 4*].

Такое же назначение имели четыре серебряных накладки из клада с городища Лорвож на р. Обь [10, с. 182, сл., рис. 7—10]. И. А. Сыркина, опубликовавшая эти предметы, относит их к болгарскому ремеслу и датирует XII в. Серебряные накладки украшены позолотой и чернью, богато орнаментированы. Автор называет их «нашивными пластинами», но не уточняет возможные способы их применения. Между тем по форме, размерам и способу крепления (дырочки на длинных сторонах) они поразительно похожи на костяные накладки Болгара, Биляра, Новгорода. Орнаментальная полоса по краю одной из серебряных пластин [10, рис. 7] представляет собой лишь несколько усложненную схему орнамента билярской накладки. Три из четырех лорвожских «нашивных пластин» имеют то же зональное расположение орнамента, что болгарская, билярская и другие находки. Конечно, возникает вопрос об их прочности: могли ли они служить защитой для руки лучника? Серебряная изогнутая пластинка, толщиной в 1 мм, представляется довольно надежной в этом смысле. Возможно, стремясь сделать их более прочными, мастер вставил в желобок по краю медную проволоку. Конечно, судя по богатому оформлению лорвожских накладок, это были вещи особо парадного, возможно, церемониального облачения знатного воина. И. А. Сыркина указывает еще на две подобные находки из Западной Сибири [10, с. 192, 196].

2. В 1982 г. на раскопе LXXXIII, при исследовании богатого золотоордынского дома, построенного из сырца и обожженного кирпича, с системой канов и круглой кирпичной печью, была найдена костяная резная рукоятка (рис. 2). Дата комплекса — вторая половина XIV в.

Рукоятка представляет собой цилиндрический стержень с одним заточенным концом и с шарообразным навершием на другом. В «яблоко»-навершие вбит железный штырь с петлей на конце, в которую вставлено железное колечко. В это колечко продевалась, вероятно, кожаная петля, одевавшаяся на руку, или же за него рукоятка могла подвешиваться к поясу. Размеры (в см): длина рукоятки 12, диаметр цилиндрической части 2,2, диаметр навершия 3,3.

Круглое навершие орнаментировано в виде узла рельефной плетенки, как бы связанного из четырех двойных жгутов; оно слегка сплюснуто по вертикальной оси. Другой конец рукоятки затесан с двух сторон, образуя клин. Затесы эти окаймлены двумя симметричными выпуклыми арочками. В углубленных внутри арочек площадках имеются три сквозных круглых отверстия диаметром 0,3 см; одно в верхней части и два в нижней.

Цилиндрическая средняя часть рукояти также орнаментирована. Двумя вертикальными выпуклыми полосами поверхность разделена на две части, каждую из которых заполняет рельефная коса — плетенка из четырех узких жгутов. Концы жгутов отделяют зигзагообразной линией цилиндрическую часть рукояти от сужающейся.

Вероятнее всего, рукоятка принадлежала плетке. В отверстия в тонком конце рукояти могли быть пропущены три кожаных шнура, из шести концов которых и сплеталась плеть. Не исключено, что в эти дырочки вставлялись металлические заклепки — в этом случае металлические пластинки по форме арочек должны были прижимать концы кожаных ремней.

Единственная известная нам аналогия болгарской рукоятке была найдена на Алтае в 1935 г. [11, с. 525, 538, табл. L, *2*; 12, с. 50—55, рис. 8, *9*]. Она происходит из могилы знатного воина (чье имя — Ак-Кюн — сохранилось) и относится к значительно более раннему времени, чем наша находка,— к VIII в. Алтайская костяная рукоять плетки — изогнутая, что обусловлено формой кости или же следованием еще более

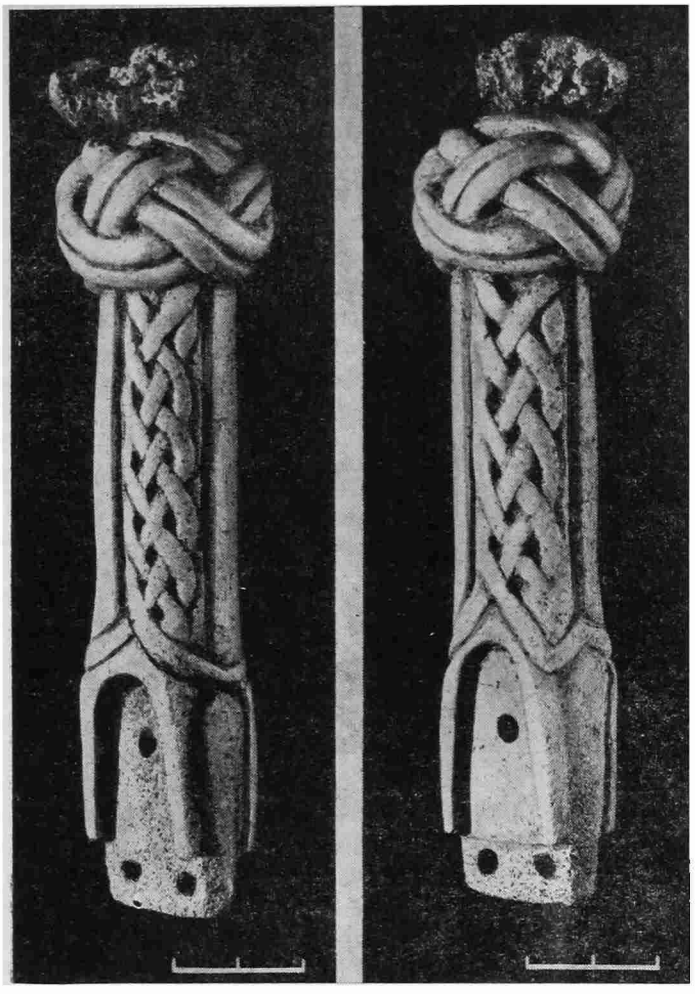


Рис. 2. Костяная рукоятка плетп. Болгар. XIV в.

древней традиции. Она выполнена в зверином стиле — толстый конец оформлен в виде соединения двух симметричных голов хищника с двумя парами глаз и ушей, но без нижних челюстей. Таким образом, обе эти головы имеют общую пасть. Соединение челюстей, т. е. угол пасти и губы зверя, оформлены в виде рельефных валиков — арок, внутри которых, как бы в пасти зверя, просверлено пять отверстий.

Средняя часть рукояти покрыта плетенкой в виде четырех полос, сплетенных каждая из четырехчастных жгутов. Сверху и снизу рукояти от плетенки отходят сужающиеся полосы, заполненные «елочным» орнаментом, а с боковых сторон даны мелкие гравированные изображения задней части зверя и фигурки лебедя. Тонкий конец рукояти — полый.

Л. Р. Кызласов обращает внимание на сходство алтайской рукояти с орнаментированными кабаньими клыками-подвесками из Блюменфельдских курганов, относящимися к савроматам [12, с. 54, 55]. Совпадает изогнутая форма предмета, оформление толстого конца как оскаленной головы хищника и, что особенно интересно для нас, оформление углов пасти и губ в виде рельефных валиков-арочек [13, рис. 19, *20*; 370, *5—8*; 14, с. 227, 230, 233]. Бронзовые подражания кабаньим клыкам встречены и в памятниках Алтая V—IV вв. до н. э. [11, с. 296, табл. XXVIII, 11]. Таким образом, то, что на болгарской рукоятке представляется орнаментальным мотивом — валикообразные арочки, обрамляющие заточенный конец, на более древних прототипах получает объяснение как контур пасти животного. Мастер, вырезавший рукоять Болгарского городища, следовал древней традиции, уже не понимая смысла изображения.

Генетическая связь всех трех видов рукоятей не вызывает никаких сомнений. Алтайская рукоять VIII в. н. э. формой и оформлением кон-

ца в виде головы зверя-хищника, полосами «елочного» орнамента близка к подобным савроматским предметам (V в. до н. э.). Появление на ней орнаментальной плетенки, сочетавшейся с зооморфными сюжетами, что отличает искусство Алтая середины I тыс. н. э. [15, с. 37, 62, 74] знаменует переход к прикладному искусству средневековья. Болгарская рукоятка XIV в., продолжающая традицию декоративно-прикладного искусства евразийских степей, уже утратила черты звериного стиля, сохранив лишь некоторые формальные детали, зато орнаментальный мотив «плетенки» получил в ней пышное развитие.

Сравнение болгарской и алтайской рукоятей позволяет уточнить назначение концов последней. Плеть крепилась, видимо, к толстому кон-

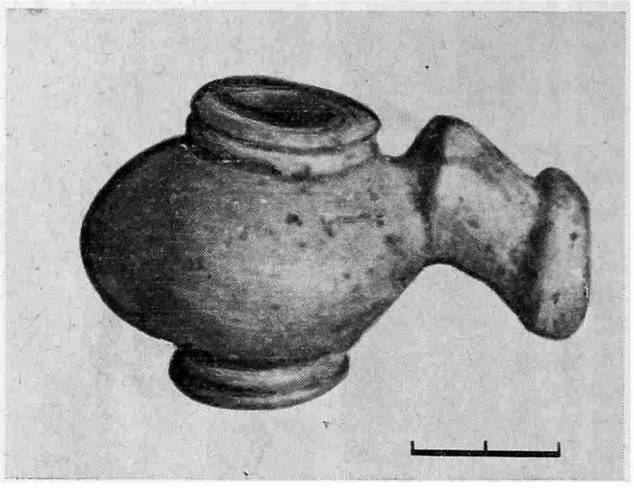


Рис. 3. Костяное навершие рукояти плетки. Болгар. XI–XII вв.

цу рукояти, в отверстия, обрамленные «аркой» губ зверя, как и у болгарской, где назначение концов четко определяется наличием шарообразного навершия с железным колечком.

Приводимый Л. Р. Кызласовым в качестве аналогии для орнаментации рукояти плетки из могилы Ак-Кюна костяной наконечник рукояти плетки из древнехакасского погребения на р. Енисее [12, с. 54, рис. 10] позволяет установить происхождение шарообразного навершия у болгарской рукояти. Небольшие костяные наконечники, состоящие из полой цилиндрической части, куда вставлялась, вероятно, деревянная рукоять плетки, и шарообразного навершия, встречается в средневековых древностях степных народов и в Древней Руси [1]. Резное навершие енисейского наконечника оформлено в виде узла из переплетенных жгутов, что сближает его с болгарской находкой. В верхней части енисейского навершия просверлено отверстие, в которое, как и у болгарской рукояти, могла вставляться кожаная петля. Цилиндрическая часть енисейского костяного наконечника покрыта резным орнаментом в виде плетенки, гравированных растительных побегов и выемчатых треугольников.

Болгарская рукоять как бы соединяет в себе формы цельной костяной алтайской рукояти плетки и навершия от деревянной рукояти с Енисея и аналогичных ему.

3. В 1983 г. на раскопе XXXV была найдена еще одна костяная деталь от рукояти плетки — это костяное навершие шарообразной формы с клювовидным отростом (рис. 3). Эта находка происходит из материковой ямы с домонгольским материалом — сердоликовой призматической бусиной, топором с полукруглой выемкой, болгарской домонгольской ке-

[1] Суздаль, раскопки 1983 г. (любезное сообщение М. В. Седовой).

рамикой [2]. Навершие представляет собой слегка сплющенный по вертикали шар с цилиндрическим сквозным отверстием и резко изогнутым клювовидным выступом. Размеры (в см): высота навершия 4, диаметр шара 5, диаметр отверстия 1.

Подобные костяные и бронзовые навершия рукоятей плетей датируются обычно XI—XIII вв. Они в небольшом числе встречены в степных кочевнических курганах и на территории Древней Руси [16, с. 73, 74], а также далее на восток. Такие навершия А. Н. Кирпичников называет «затыльниками». Он считает, что выступы на этих затыльниках служили для предотвращения выскальзывания плети из руки [16, с. 711]. По мнению А. Н. Кирпичникова, подобное костяное навершие должно было находиться в месте соединения рукояти с самой плетью [16, с. 73]. Представляется, однако, более вероятным, что навершие надевалось на ее противоположный конец, точно так же, как надевались цилиндрические навершия с шаровидным окончанием, но без выступа, подобные найденному в древнехакасском погребении на р. Енисее [11, рис. 10]. К этому навершию должна была крепиться кожаная петля, в которую продевалась рука всадника. Это предположение подтверждается тем, что в некоторых навершиях сохранился железный стержень, скреплявший их с деревянной рукоятью, иногда даже с кольцом [17, с. 22].

Болгарское навершие, по классификации А. Н. Кирпичникова, относится к типу III. Исследователь относит к нему более 20 находок IX—XIII вв., (костяных и бронзовых). Наиболее близко навершие из кургана XII—XIII вв. в Киевской земле [16, с. 74, 109, табл. XXIV, *10*]. Находка заготовки навершия этого типа в костерезной мастерской Звенигорода [18, с. 235, рис. 6, *6*] позволила А. Н. Кирпичникову относить такие предметы к южнорусским изделиям. В качестве аналогий указаны находки из Прикамья, Казанского Поволжья, Румынии [16, с. 74]. Самые ранние из них найдены в хазарском слое Саркела, что говорит о появлении на Руси подобных предметов с юга из степи [16, с. 73]. Само употребление плетей с навершиями говорит, по мнению А. Н. Кирпичникова, об определенном способе верховой езды — «по-восточному», без шпор, управляя конем главным образом при помощи плети [16, с. 71].

И целая костяная рукоятка плети, и костяное навершие от деревянной, вероятно рукоятки, найденные в Болгаре, входили в парадное убранство богатого воина-всадника. Л. Р. Кызласов приводит свидетельство византийского источника о том, что конские плети служили символом власти, у тюрок-тутю [12, с. 53]. Вместе с формой, не понятой, но повторенной в более позднее время, к наследникам восточных традиций перешел, вероятно, и обычай использования парадных плетей как знака высокого достоинства. Безусловно богатому и знатному воину принадлежала также и костяная накладка на запястье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев А. Ф.* Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии.— Тр. IV АС (1884 г.). Т. 1. Одесса, 1886.
2. *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— МИА, 1951, № 22.
3. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
4. *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными накладками на территории евразийских степей.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
5. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
6. *Валеева Д. К.* Искусство волжских булгар.— Казань: Татар. кн. изд-во, 1983.
7. *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
8. *Оборин В. А.* Камская археологическая экспедиция 1955 г.— КСИА, 1959, вып. 74.

[2] Из этого же раскопа из нижних горизонтов золотоордынского слоя происходит половинка еще одного подобного навершия, но удлиненных пропорций и с более мягкой профилировкой выступа.

9. *Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М.: Наука, 1981.
10. *Сыркина И. А.* Клад с городища Лорвож (XII в.).— СА, 1983, № 4.
11. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.
12. *Кызласов Л. Р.* Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай).— КСИИМК, 1951, вып. XXXVI.
13. *Grakov B.* Mónuments de la culture scythique entre le Volga et le monts Oural.— ESA, 1928, t. III.
14. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
15. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
16. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, вып. Е1-36.
17. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
18. *Власова М. Г.* Мастерские костерезов в Звенигороде.— ЗОАО, 1967, т. II (35).

Критика и библиография

Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte des O tseevölker. Berlin: Akademie Verlag, 1982, 376 S., mit dem Karten, Abb. und Tab.

На протяжении многих десятилетей традиционная проблема «викинги и славяне» ставилась преимущественно в одном плане — исследовалось влияние викингов на славян. Разница между норманистами и антинорманистами заключалась в основном в том, что первые считали это влияние определяющим для развития славян, а вторые вовсе отрицали какое-либо его значение. С началом интенсивного изучения истории ранних славянских государств стало очевидным, что такая постановка вопроса неверна. Уже Х. Ловмяньский показал, что деятельность скандинавов, в том числе варягов, в эпоху викингов (IX—XI вв.) проходила не на «пустом месте»; викинги должны были приспосабливаться к сложившимся социально-экономическим и культурным условиям тех стран, где они оседали [1]. На Руси, по выражению В. Т. Пашуто, происходил «славяно-варяжский синтез». Более того, назрела необходимость исследования взаимосвязей славянской, скандинавской и других культур раннесредневекового мира, обусловленных в общем едиными темпами социально-экономического развития, едиными культурными импульсами, в частности влиянием славянских культур на Скандинавию [2, с. 50—64].

Этой теме развития и взаимосвязей восточноевропейской, западнославянской, финской и скандинавской культур в эпоху раннего средневековья и посвящена рецензируемая книга. Главной дисциплиной, вводящей в научный оборот новые массовые источники по раннесредневековой истории, стала, при общей ограниченности фонда письменных источников, археология. Снабженная большим количеством иллюстраций, картин и таблиц, книга «Викинги и славяне» является практически обобщающим справочником по археологии перечисленных регионов. Разделы книги — обобщающий и обзорные по регионам — написаны ведущими специалистами по археологии западных славян, балтов и восточных славян, Дании, Швеции, Финляндии, Древней Руси.

Первый, самый крупный и обобщающий раздел — «Славяне и викинги в ранней истории народов балтийского региона» — написан Й. Херрманом, ответственным редактором книги. Во введении к разделу дан очерк истории этих народов в эпоху перехода от поздней античности к средним векам. Раннее средневековье на Балтике — бурное время походов не только викингов, но и славян (с Рюгена на датские острова), куршей (на Готланд). Это также время регулярных торговых связей между возникающими городами и портами, что давало богатства в руки формирующихся господствующих классов, а для развития городского ремесла — необходимые изделия и сырье (с. 10). Специальными картами (рис. 1, 3) проиллюстрированы плотность заселения территорий и этнический состав населения (германцы, славяне, балты, финны) в I тыс. н. э. В рамках этих этнолингвистических общностей в эпоху средневековья сложились народы балтийского региона. Консолидация раннесредневековых народностей происходила на основе новых социально-экономических процессов, в условиях формирования классового общества и государства. Со второй половины I тыс. н. э. укрепляется аграрная база обществ балтийского региона (основная культура — рожь), значительно возрастает железоделательное производство (с. 17—19). Увеличение его прослежено, в частности, О. Хюенстрандом в районе оз. Мелларн (Швеция) — регионе, связанном с наиболее активной деятельностью викингов и ростом торгово-ремесленных центров (Хельге, Бирка) [3]. Становится очевидной экономическая база походов викингов и роста их торговой активности. Третье достижение эпохи — введение тягловых животных (Й. Херрман допускает, что хомутовая упряжь могла быть заимствована скандн-

навами у восточных славян — с. 19) [4, с. 79]. Развитие экономики вело к концентрации производства в резиденциях представителей племенных верхов.

В специальном разделе Й. Херрман справедливо отмечает, что культура и искусство исследуемой эпохи взаимосвязаны с мифологическим мировоззрением, соответственно изображения не только богов, но и животных (конь, змея и т. п.), украшения костюма и другие «бытовые» реалии имели «религиозно-мифологическое» содержание (с. 24). Можно добавить, что для язычества поздней поры (эпохи раннего средневековья) характерна была иерархизация сверхъестественных сил, выдвижение на первое место аристократических «дружинных» культов (Одина в Скандинавии, Перуна на Руси). До сих пор остается дискуссионным, насколько феодализированными можно считать раннесредневековые общества балтийского региона (см. с. 27—30), но, очевидно, наиболее яркие образцы произведения искусства и предметов культа этой эпохи (в том числе воспроизведенные в книге) обставляли быт дружинной знати. На ее интересы было во многом ориентировано и ремесло возникающих к концу I тыс. н. э. предгородских центров. Их продукция выходила уже далеко за рамки собственно племенных объединений (см. о продукции Хельге в Средней Швеции, которая поступала также на Готланд и в Финляндию — с. 33, карта — рис. 36); в те же центры стекался импорт из далеких стран.

Сосредоточение политической и экономической власти в руках «малых» конунгов, князей и аристократии происходило еще в рамках преобладания патриархальных общин свободных крестьян, часть которых уже попадала в зависимость. Стремление гармонизировать возникающие социальные противоречия Й. Херрман видит в исландской «Песни о Риге» (в тексте опечатка — песнь названа Ригведой): сословия — рабы, крестьяне, знать, конунги — порождены богом Ригом, разделение их социальных функций имеет божественное происхождение. Неясно, насколько такое прямолинейное оправдание разделения сословий способствовало становлению классового общества — собственно феодальная теория взаимной дополнительности сословий (трудящихся крестьян, молящихся клириков и сражающихся рыцарей) была более гибкой. Скорее, культура конца I тыс. н. э. (а у балтов и финнов — и начала II тыс.) отражала завершающий период эпохи варварства (или военной демократии — ср. с. 37, 38).

Славянские культуры (с. 40 и сл.) развивались под римским провинциальным влиянием и во второй половине I тыс. н. э. сохраняли широкие международные связи. Можно предположить на основе материалов книги наличие межплеменного разделения труда в балтийском регионе: западнославянская керамика пользовалась спросом в Северной Руси и Скандинавии (особенно в ее крупнейшем торговом центре — Бирке), туда же поступали западнославянские височные кольца с зернью и зерненые лунницы, распространенные и в Восточной Европе, капторги (отметим находку капторги в Гнёздове, где пересекались западнославянские и скандинавские культурные влияния), фибулы и др. (с. 287). Ювелирные изделия, производившиеся в западнославянских мастерских, несут следы византийского и восточного влияния, донося, таким образом, культурные импульсы средиземноморских цивилизаций до Северной Европы. В книге продемонстрировано существенное влияние славянских культур на Скандинавию. Русь также влияла на развитие скандинавской и, видимо, западнославянской «моды». Наборные пояса, льняные и другие ткани распространились в Скандинавию из Восточной Европы (с. 47). Особенно значительны восточноевропейские заимствования в области вооружения и снаряжения скандинавского всадника [5, с. 173]. Скандинавия, в свою очередь, оказывала влияние на развитие вооружения в балтийском регионе: франкские мечи украшались рукоятями в Скандинавии, оттуда происходят ланцетовидные стрелы и копья и т. п.— предметы скандинавского вооружения встречаются и в Средней Европе. Очевидно, что все эти заимствования происходили в среде имущественной и социальной верхушки, прежде всего — дружинной. Именно она, как уже отмечалось, нуждалась не только в парадном оружии и роскоши, но и в более существенных знаках отличия от массы общинников, чтобы подчеркнуть свое особое, иногда даже иноэтническое происхождение (ср. легенду о призвании варягов и предание, донесенное Снорри Стурлусоном в «Круге земном» об Одине, пришедшем в Скандинавию из «Великой Швеции» — Скифии и т. п.). Отсюда отмечаемая Й. Херрманом (с. 48) восприимчивость скандинавского искусства вендельского периода и эпохи викингов к франкским, англосаксонским и ирландским мотивам, древнерусского искусства — к тюркским, скандинавским, иранским и другим мотивам. Вместе с тем

в эпоху разложения родоплеменного строя и в раннеклассовом обществе еще долго сохранялись племенные особенности быта, особенно в женском костюме (с. 50—53). Поэтому находки иноземных вещей — отнюдь не всегда свидетельство импорта, они могут говорить о присутствии иноэтнических элементов в среде местного населения. Й. Херрман справедливо считает, что синтез разнородных культурных влияний играет существенную роль в развитии культур балтийского региона.

Раздел «Славяне и викинги как купцы и воины» написан тем же автором. Военная деятельность и миграции скандинавов и славян продолжалась после эпохи Великого переселения народов в VI—VIII вв. К VIII в. скандинавы появились в землях пруссов и столкнулись с балтийскими славянами, оказались в Финляндии и Ладоге (с. 58—61). Такова была картина расселения скандинавов на Балтике перед началом походов викингов. С конца VIII в. небольшие отряды, а затем целые флотилии, предводительствуемые морскими конунгами, атаковали с моря побережье континента и Британских островов, а по речным магистралям группы купцов и воинов двинулись сначала Волжским, а затем Днепровским путем «из варяг в греки» к восточным провинциям халифата и Византии. Как характерный пример похода викингов Й. Херрман приводит факт захвата итальянского города Луны (860 г.), куда викинги проникли обманом, якобы желая по-христиански похоронить умершего предводителя.

Повсюду против викингов воздвигались укрепления (с. 67, 68); предпринимались и ответные походы балтийских славян (с. 71, 72). А. Н. Кирпичников считает, что ту же цель преследовала и первая ладожская каменная крепость конца IX в.; видимо, Олег, сам будучи варягом по происхождению, поспешил отгородиться от викингов [6]. Этот факт примечателен и в отношении роли норманнов в становлении славянских государств: они, как справедливо отмечает и Й. Херрман, включались в местные процессы государственной консолидации, подчиняясь им, и только в этих случаях могли проявлять активность.

Раннесредневековые государства в Дании, Швеции, Руси и Польше развивались в общем синхростадиально: от разрозненных племенных княжений к относительно единым обширным государственным объединениям (с. 76—80). Показательна при этом особая роль дружин, на которые опирались правители раннефеодальных государств. Роль их отлична от функций племенных воинств, свидетельством чему являются специализированные дружинные лагеря типа Треллеборга и Фюрката в Дании (с. 76, 77) и разноплеменный состав войска Олега. Очевидно, ту же роль лагерей для великокняжеских дружин играли Шестовица под Черниговым и Гнёздово под Смоленском.

Важнейшую функцию в процессе становления классового общества и государства выполняли ранние города и торговля, которым посвящен особый отдел. Их исследование стало особенно интенсивным в странах балтийского региона в 60-х годах XX в. Исследователи стали выделять различные типы ранних городских образований и на этом основании различные типы городов: племенные центры, резиденции князей или правителей ранних государств, центры, связанные с источниками сырья, центры международной торговли и т. п. Как показывают исследования по экономической географии, города определенного региона и периода следует рассматривать как систему (сеть), характеризуемую взаимосвязанным набором функций, исторически изменяющихся, исчезающих и переходящих от одного центра к другому. Материалы книги — важный шаг на пути исследования такой системы в балтийском регионе. Й. Херрман подчеркивает специализацию и взаимосвязь функций раннегородских центров. Их сеть была тесно связана в раннем средневековье системой обращения восточного серебра, поступавшего на Балтику через Восточную Европу (прежде всего по Волжскому пути), а затем (с. XI в.) — и западноевропейских монет (см. графики на с. 88—89). Основываясь на данных восточных источников, Й. Херрман считает, что торговля была не только транзитной. Купцы арабского Востока достигали страны «Гога и Магога» (библейских народов Севера), скандинавы — Хорезма (по Ибн-Хаукалю). Косвенно это предположение подтверждают рунические надписи на каменных стелах, упоминающие скандинавов, побывавших в дальних странах, в том числе, возможно, в Хорезме [7, с. 205]. Систему международных путей обслуживали «опорные пункты» и «сезонные лагеря». В качестве примера такого пункта приводится Хедебю (по описанию Ибн-Якуба); в Восточной Европе одной из функций Гнёздовского поселения, как считает Д. А. Авдусин, было обслуживание торгового пути в сезон высокой воды, когда

были наиболее проходимы волоки. Население этих центров, естественно, было разноэтничным (с. 95—96).

Й. Херрман выделяет три стадии развития ранних городов: 1) эпоха возникновения в VII — первой половине IX в.; 2) расцвет ремесленной и рыночной деятельности в IX—XI вв.; 3) превращение в феодальные города (Burgstädte) с X в. (сравнительная топография раннесредневековых городов представлена на таблице, с. 98—101). При этом развитие городов не было непрерывным: ранние мелкие торгово-ремесленные центры типа предшественника города Рибе в Дании уступали место более крупным, как Хельге — Бирке, последняя, в свою очередь, средневековой Сигтуне, Хедебю — Шлезвигу и т. п. (с. 96—97). Процесс этот связан с изменением исторических функций городов: скандинавские вики и древнерусские погосты типа Гнёздова не развились в феодальные города. Ими стали центры, прочно связанные с местной округой. Для раннегородских центров характерны были противоречивые черты общественной жизни: права народного собрания все более ограничивались властью конунгов, князей и их администрацией; оформлялись отношения администрации с купцами и ремесленниками — городское право (с. 108—112).

Специальный раздел книги посвящен торговому транспорту и ассортименту товаров в балтийской торговле. Самое известное транспортное средство Севера Европы — корабли викингов — открыты преимущественно старыми раскопками. Й. Херрман приводит новые сведения, в том числе о славянских грузовых судах (недавно открыты на о. Рюген в Ральсвике, с. 116). Сведения о размерах и тоннаже балтийских судов сведены в таблицу, причем данные о боевых и грузовых судах приводятся отдельно (с. 117). Не менее показательна и сравнительная таблица дальности маршрутов по письменным источникам (с. 123). Логичным является и предположение о наличии специализированных купеческих объединений типа скандинавских товариществ (felagi), тем более что группы купцов (скандинавских, фризких и др.), видимо, постоянно присутствовали в составе населения различных балтийских портов. Впрочем, письменные источники свидетельствуют о формировании таких объединений на Балтике относительно поздно — в XI в., а торговая деятельность, особенно у скандинавов, была неотделима от военной. Й. Херрман выделяет различные экономические зоны на Балтике, имеющие свой ассортимент товаров (как показано на специальной карте-схеме — с. 127). При этом отметим, что помимо товаров, традиционно упоминаемых исследователями с прошлого века для характеристики восточноевропейской торговли (меха, воск, рабы), приводятся и продукты земледелия (рожь), льняные ткани и др. (с. 128—133). Материалы книги в целом дают широкое представление об ассортименте товаров, обращавшихся на Балтике — от западнославянской керамики, балтских фибул, украшений пермского типа и т. п. до относительно редких, вроде фризских кувшинов, русских писанок, норвежских стеатитовых сосудов (с. 131 — обломок такого сосуда найден и в Гнёздове). Постоянные торговые и этнические контакты способствовали формированию культуры особого облика, своего рода «надплеменной» (с. 138): скандинавские женщины, например, наряду с племенным убором из парных фибул носили бусы различного происхождения, византийские ожерелья и т. п. (с. 135, 210 и др.) [8, с. 93, 94]. Повсюду распространились украшения одних и тех же типов, гребни, оружие, а вместе с их носителями — производственные традиции, от орнаментальных до домостроительных (с. 138—142).

Заключающий общую часть раздел посвящен проблеме общего и своеобычного в культурах балтийского круга и стадиям их развития. Учитывая сохраняющиеся этнические различия, Й. Херрман обнаруживает общие тенденции в развитии обществ балтийского региона, прежде всего касающиеся становления классового общества и государства, культуры правящего класса, архитектуры дворцов и храмов, письменности и т. д. Первую ступень развития этих культур он связывает с упрочением социального положения свободных общинников и вместе с тем с усилением племенной знати в VII—VIII вв. В IX в. и на протяжении большей части X в. расцветает торговля, возникают ранние города, развиваются ремесла, происходит интенсивное и плодотворное взаимовлияние славянского и скандинавского миров. Третий период связан с упрочением государств в Скандинавии, на Руси и в Польше, христианизацией и переходом к феодализму.

Дальнейшие разделы книги посвящены отдельным регионам. Глава о Дании начинается статьями О. Клиндт-Йенсена (автор раскопок крупнейшего датского могильника эпохи викингов в Линдхольме) о рунических камнях как «зеркале» со-

циальных отношений, а также о ранних городах и оборонительных сооружениях. Эпитафии на рунических камнях — специфический род источников, которому посвящено специальное исследование в советской историографии [7]: социальные отношения отражаются в эпитафиях сквозь призму культа предков, представлений о посмертной славе и т. п. Собственно социальная терминология, приводимая О. Клиндт-Йенсеном, встречается на камнях относительно редко. Статья о ранних городах кратко знакомит читателя с важными раскопками в старейшем датском городе — Рибе, памятнике, который, видимо, должен стать в один ряд с классическими виками Скандинавии — Хедебю и Биркой, а также в Орхусе. Знаменитые оборонительные сооружения — «датский вал» и «лагеря» в Треллеборге, Аггесброге и Фюркате — построены в римских традициях, и первоначально их приписывали викингам. Ныне исследователи склоняются к тому, что в лагерях сосредоточивались войска датских конунгов перед походами в Англию. Тем же автором написана статья об искусстве и стилях эпохи викингов.

Э. Рёсдаль описывает в своей статье разнообразные погребальные обычаи Дании. Ярким примером смешения обрядности язычества и христианства является комплекс памятников в Йеллинге, включающий курган, меморативную насыпь, рунический камень с изображениями распятия и «большого зверя», культовую каменную выкладку, остатки церкви (конца XI в.). Этот синкретический комплекс второй половины X—XI в. призван был демонстрировать величие власти конунгов и для христиан, и для язычников. Раскопками некрополя возле Фюрката помимо необычного обряда (погребение в кузове повозки) открыты свидетельства дальних связей — шумящая привеска, приписываемая автором финно-уграм, восточнобалтийская цепочка, зерно (из Руси ?). На приведенной в этой статье карте отмечены находки кладов с восточноевропейскими и западноевропейскими импортами.

Статья Н.-К. Лиебготта посвящена керамике как свидетельству контактов с западными славянами. Влияние славянского керамического производства хорошо изучено Д. Селлинг на материалах Бирки. Не менее ощутимым и более длительным (вплоть до XIII в.) было оно и на восточных датских островах, особенно на «интернациональных» поселениях эпохи викингов.

Глава о Швеции открывается статьей В. Холмквиста о вендельской эпохе, предшествующей «веку викингов». Это эпоха расцвета культуры племенной аристократии, о чем свидетельствуют материалы могильников Вендель, Вальсъерде, Туна (Альсике), комплекс из трех больших королевских курганов в важнейшем культовом центре языческой Швеции — Старой Упсале. Эпоха эта подготовила походы викингов. Уже вендельская знать обращается к внешним связям как к источнику обогащения. В. Холмквистом исследован важнейший памятник, отразивший эти связи — Хельге (с. 181—183). Вместе с тем погребения вендельского типа появляются вне Швеции — в Финляндии, Юго-Восточной Прибалтике (Гробини на территории Латвии, см. с. 184); к вендельским ладьям близко и знаменитое погребение в корабле из Саттон-Ху в Англии.

Эпохе викингов посвящена глава, написанная Э. Нюленом. Автор считает, что к двум традиционным показателям, которые характеризуют эпоху викингов,— оружию и кораблям — можно добавить третий — весы (с. 191). Шведская экспансия, торговая и военная, была направлена на Восток; важной ее базой был Готланд с виками, один из которых (Павикен) исследуется в настоящее время, а возле другого известен рунический камень XI в. с упоминанием днепровского порога, сходное «росское» название которого приводится Константином Багрянородным в середине X в. (с. 155). На Готланде обнаружено 700 кладов, среди которых автор отмечает клад вещей XI—XII вв., содержащий серебряную гривну с надписью кириллицей. Восточноевропейские находки сделаны и в Экеторпе — укрепленном поселении на Эланде, и в других местах. Важнейший памятник Швеции эпохи викингов — Бирка, важным предметом экспорта которой Э. Нюлен считает железо. Давно отмечено, что большая часть скандинавских комплексов, обнаруженных в Восточной Европе, происходит именно из Средней Швеции, где расположена Бирка. Соответственно Средняя Швеция, и прежде всего Бирка, были наиболее тесно связаны с культурой Руси и через ее посредство Востока вообще. Э. Нюлен с большой осторожностью подходит к вопросу о роли свеев в политической истории Руси, предпочитая говорить о торговом характере их деятельности. Исследователь, несомненно, прав, отмечая быструю ассимиляцию выходцев из Скандинавии на Руси (с. 212).

Глава о племенах Финляндии написана А. Эре-Эско. Автор подчеркивает давнюю связь западных финнов с финно-угорскими племенами бассейна Оки и Камы (с. 214), с Восточной и Центральной Европой. Естественны и связи со Скандинавией, причем не только отдельные финские вещи встречаются на островах Балтики, от Готланда до Рюгена, и в Бирке (с. 215), но известна и специфическая смешанная финно-скандинавская культура на Аландских островах, близкая культуре ярославских курганов IX—XI вв. в Верхнем Поволжье [9, с. 37].

Глава о восточных славянах, балтах и эстах написана В. В. Седовым. Автор в сжатой форме, последовательно и содержательно описывает материальную культуру племен Восточной Европы, начиная с сельского хозяйства, поселений и кончая племенным убором и погребальными обрядами,— форма изложения оптимальная для справочника. Отмечена метисная природа памятников восточнославянских племен: в сопках словен новгородских ощущается влияние прибалтийско-финской обрядности, для которой характерны каменные конструкции (в нескольких волховских сопках под Ладогой были погребены и скандинавы); племенной убор погребенных в длинных курганах кривичей — балтского происхождения (с. 299). Несомненно, славянская колонизация Восточной Европы приводила к такой метисации и ассимиляции местного населения, но вместе с тем, в процессе формирования государства, и к консолидации единой народности. Центрами, где интенсивно развивался процесс этнической консолидации, становились возникающие в разноэтничной среде ранние городские поселения (связанные и с балтийским регионом) — Ладога, Новгород, Изборск, Псков, южнее — Гнёздово и др. Там сосредоточивались в основном и выходцы из Скандинавии, ассимилируемые местным населением, оттуда заимствовались различные культурные достижения. Подобные центры (см. с. 234) выполняли те же функции и у летто-литовских племен: для истории славяно-балто-скандинавских контактов важны, в частности, материалы городища Даугмале и других памятников на Западной Двине. Продукция балтских ювелиров (подковообразные фибулы) распространена была по всей Балтике (с. 236). Интенсивные связи со Скандинавией существовали и у прибалтийско-финских племен, ливов и предков эстонцев (с. 238). Они особенно явственны на о. Сааремаа и на этнической территории ливов: ливские женщины восприняли даже элементы скандинавского племенного убора — парные скорлупообразные фибулы.

Новгород, которому посвящена глава, написанная Б. А. Рыбаковым, на протяжении столетий теснейшим образом был связан с балтийским регионом (с. 244). Его средневековая история — яркий образец социально-экономической стабильности и устойчивости культурных традиций, возможных в тех условиях, когда город имеет не только широкие внешние контакты, но и прочно связан с местной округой: он пережил расцвет и гибель раннесредневековых виков, подъем и упадок ганзейской торговли. Охарактеризовав топографию города, новгородские усадьбы и их материальную культуру, Б. А. Рыбаков обращается к наиболее интересующей его теме: уникальным свидетельствам о быте новгородцев, в том числе об их верованиях и обрядах. Новгородские ритуальные жезлы, ковши, предметы культа, найденные при раскопках усадеб, позволяют заглянуть в традиционный «языческий» мир горожан, которому в церковных «словах» и поучениях посвящены лишь скупые строки осуждения. Материалы всех глав, посвященные средневековой культуре, свидетельствуют о сосуществовании памятников языческого культа с христианскими, причем первые относятся преимущественно к бытовому, «массовому» пласту культуры, вторые — к официальному, государственному. Но и последние, как курганы в Йеллинге, могут сочетать христианские и языческие символы: даже в декоре раннесредневековых норвежских церквей, как на колонне из церкви в Хюлестаде, изображались сцены языческого эпоса.

Глава о раннесредневековой культуре и искусстве польского Поморья написана В. Хензелем. Как и у всех славян, экономическим базисом расцвета Поморья в раннем средневековье было земледелие (с. 264—265). Разделение труда, выделение гончарного и кузнечного ремесел, торговля солью способствовали развитию ранних городов: сначала небольших «бургов», затем таких крупных городов, как Волин, Щецин, Колобжег, Гданьск (с. 266, 267). Показательно, что города возникали на местной основе — среди гнезд деревень (тот же процесс прослежен и Б. А. Рыбаковым на Руси). Вместе с тем, как и повсюду на Балтике, города становились центрами международной торговли и имели смешанное население. Интересно, что, как и в Новгороде, в Волине обнаружены образцы мелкой пластики, связанной с язы-

ческим культом (Свентовит с четырьмя ликами — с. 284). Общность культурных импульсов ощущается и в орнаментике, таковы орнамент на рукояти ножа из Волина (с. 288, рис. 308), деревянная резьба из новгородских раскопок [10, табл. I, рис. 3 и др.] и многочисленные скандинавские параллели.

Глава о западнобалтийских славянах — ободритах, вильцах, ругинниях, написанная Й. Херрманом, завершает книгу. Эти славянские племена испытали «натиск на Восток» со стороны немецких феодалов. На примере балтийских славян очевидными становятся различия в характере раннефеодальных отношений на Балтике в эпоху викингов, когда возможным было сосуществование различных этнических групп (см., например, о материалах могильника у Менцлина — с. 300 и сл.), и феодальной экспансии, сопровождающейся насильственной христианизацией и ассимиляцией. С консолидацией раннефеодальных государственных образований в балтийском регионе обычными стали матримониальные связи между правящими славянскими и скандинавскими домами: дочь ободритского князя Мстивоя стала женой датского конунга Харальда Синезубого (с. 296), норвежка Ингигерд — женой Ярослава Мудрого. Важная и общая для балтийского региона тенденция, отмечаемая Й. Херрманом,— дифференциация функций раннесредневековых поселений, возникновение «парных» центров типа культового и торгового центра в Арконе и вика Ральсвик на Рюгене: в качестве скандинавской параллели приводится Бирка и Упсала (добавим, что параллель здесь двойная — Старая Упсала была языческим культовым центром в период расцвета Бирки); в отечественной литературе предполагалось подобное соотношение Смоленска и Гнёздова. Среди многочисленных аналогий и параллелей в материальной и духовной культуре народов балтийского региона и Руси отметим аналогию замечательному кладу золотых вещей из Хиддензее (рис. 337): сходные привески — молоточки Тора известны в Польше и в одном из киевских кладов [11, с. 67; 12, с. 215]. Замечательны описываемые Херрманом памятники славянского языческого культа, особенно недавно открытый храм из Грос Радена (с. 322).

Книга завершается подробным списком литературы, указателями и синхронистической таблицей основных событий истории стран балтийского региона.

Рецензируемая книга демонстрирует определенное единство и взаимосвязь культуры народов и стран Балтики в раннем средневековье: выделяются общие закономерности в экономической, социально-политической и культурной их жизни, формирование единых рынков, сети городских поселений, восприятие одних и тех же культурных импульсов, значение которых далеко выходит за пределы собственно средневековой археологии и истории. Книга делает очевидной также актуальность совместной и планомерной работы специалистов сопредельных регионов, не только циркумбалтийского, но и более широких [13]. Очевидны глубокие культурно-исторические взаимосвязи народов Балтики и Восточной Европы в целом, включая тюркские народы Поволжья и степей, Средней Европы, особенно Великой Моравии, Чехии и Венгрии: наконец, особое значение для всех перечисленных народов имели цивилизации Востока и Византии. Изучение культурно-исторических взаимосвязей этих народов и стран будет способствовать более углубленному пониманию их истории и культуры.

В. Я. Петрухин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985.
2. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья. К постановке проблемы.— История СССР, 1984, № 3.
3. Excavations in Helgo. V. Stockholm, 1981.
4. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Археологии Новгорода 50 лет.— В кн.: Новгородский сборник. М.: Наука, 1982.
5. *Кирпичников А. Н.* Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов.— Скандинавский сборник, вып. XXII. Таллин, 1977.
6. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. М.: Наука, 1984.
7. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М.: Наука, 1977.
8. *Vierck H.* Imitatio imperii und Interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit.— In: Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.
9. *Мейнандер К. Ф.* Бпармы.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
10. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, 1971, вып. Е1-55.
11. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. *Zak J.* «Improty» skandinawskie na ziemiach zachodnioslowianskich od IX do XI wieku. Czesc. analytizna. Poznan, 1967.
13. Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.

Археологическое исследование Новгородской земли. Межвузовский сборник / Ред. Лебедев Г. С. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 204 с., ил.

Рецензируемый сборник посвящен 60-летию известного исследователя древностей Северо-Запада СССР, д-ра исторических наук, лауреата Государственных премий СССР Валентина Васильевича Седова. Сборник открывается статьей Д. А. Мачинского «О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности», в которой рассматривается роль Северной Руси в процессе становления древнерусской государственности. Статья открывается географическим определением Северной Руси, относимой к западной части Евразии. Далее описываются известные по античным данным пути «торгово-военно-сакрально-дипломатических контактов» между Прибалтикой и Причерноморьем, реконструируемые автором. Хотя с рядом положений трудно согласиться (галинды и судины — «эстии» Тацита и Иордана, ставаны — славяне, «Русь» — от «Руотси»), заслуживает внимания тезис о неиспользовании в I—V вв. н. э. пути через Ладогу с выходом на Верхний Днепр. Начало заселения славянами Восточной Европы автор относит к V в. Носители культуры длинных курганов, проникшие в VIII в. на водораздел рек Двины, Днепра и Волги, по мнению Д. А. Мачинского, положили конец «торговой непроницаемости» данного региона. «Этим воспользовались скандинавы», сразу же проложив здесь путь своих грабительских набегов и «называя себя именем „Рос"», поработили местное балто-славянское население. С «середины X в. процесс славянизации Руси возобладал» и первичное этническое содержание термина «русь» быстро сменилось социальным. Центром созданной таким образом полиэтнической Северной Руси Д. А. Мачинский считает Новгород или Рюриково Городище, сопоставляя их с «островом русов» арабских источников. Прошедшие в конце IX — начале XI в. три завоевания вождями «протогосударственной» Северной Руси Среднего Поднепровья, по мнению автора, способствовали окончательной славянизации Древней Руси, становлению здесь государственности как таковой и переориентации на юг политико-экономических контактов восточного славянства. Несмотря на гипотетичность построений автора и отсутствие в статье библиографии, в целом концепция Д. А. Мачинского представляется более или менее логичной. К сожалению, анализ письменных и археологических данных, который мог бы подтвердить основополагающую роль скандинаво-балто-славянской «Северной Руси» в становлении древнерусского государства в статье отсутствует.

В статье А. М. Микляева «О топо- и гидронимах с элементом — гост/ — гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения)» автор тщательно анализирует распространение этих элементов на Северо-Западе. Используя обильный фактический материал, А. М. Микляев убедительно показывает, что данные реалии являются свидетельством расселения в Северо-Западном регионе балтийских, западных и южных славян чересполосно с местным населением на землях, не использовавшихся последним. К сожалению, автор никак не объясняет наличие топонимов — гощ/ — гож в других регионах (на территории Калужской, Курской, Тульской и Брянской областей) и не рассматривает их происхождение.

Статья Г. С. Лебедева посвящена рассмотрению культурной стратиграфии Северо-Западного региона европейской части СССР в плане изучения проблемы формирования Новгородской земли. Автор приводит общую характеристику археологических памятников и культур Северо-Запада от эпохи каменного века до середины II тыс. н. э. и справедливо концентрирует внимание на довольно отчетливо прослеживающихся археологических различиях между западной и восточной частями региона. Сбой в довольно стройном композиционном построении происходит тогда, когда Г. С. Лебедев подходит к «критической точке» в археологии не только Северо-Запада, но и многих других областей на европейской части территории СССР — к периоду конца второй четверти — середины I тыс. н. э. Говоря о различиях между двумя частями региона в этот период, автор ссылается на не очень ясного облика «каменные могильники» или «каменные круги» с сожжениями для западной и на немногочисленные грунтовые могильники с сожжениями в ямках или урнах — для восточной части региона. И те и другие памятники пока единичны и изучены слабо. Поэтому вряд ли целесообразно опираться на эти недостаточно надежные данные.

Еще большие возражения вызывает анализ памятников второй половины I тыс. н. э.— псковско-новгородских длинных курганов (тяготеют преимущественно к западной части региона) и сопок (тяготеют к восточной его части). Тот факт,

что ареалы этих групп памятников в значительной степени перекрывают друг друга, а сами памятники (особенно на востоке Новгородской земли) встречаются чересполосно, нарушают предлагаемую схему, и это заставляет Г. С. Лебедева вновь вернуться к краеугольному камню его построений практически во всех публикациях последних лет — гипотетической «предкурганной культуре», существование которой признается пока только самим автором.

Не удается вместить в «прокрустово ложе» предлагаемой Г. С. Лебедевым схемы и памятники древнерусского времени — так называемую «курганную культуру» Северо-Запада и жальники. Хотя при картографировании эти группы памятников распадаются на два ареала плотной концентрации (курганы — на западе, жальники — преимущественно на востоке), сейчас уже можно считать установленным, что они возникают практически одновременно (курганная культура Северо-Запада — с XI в., жальники — вероятно, с конца XI — рубежа XI—XII вв.), а территориальное распространение жальников шло скорее всего в общем направлении с запада (из ареала «курганной культуры») на восток. За исключением сравнительно короткого промежутка времени (XII—XIII вв.), когда в материалах и курганов и жальников практически по всему их ареалу прослеживается наличие (для отдельных микрорегионов — преобладание) «славянского этноопределяющего» набора инвентаря, в памятниках той и другой группы отчетливо превалирует вещевой комплекс прибалтийско-финского (в широком смысле) круга древностей. Эти факторы делают преждевременной попытку объяснить типологические и территориальные различия двух групп погребальных памятников древнерусского времени — курганов и жальников связью с различной (но родственной) «этнической подосновой древнерусского населения».

Вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на следующем «постулате» Г. С. Лебедева: распространение в так называемой «буферной» зоне между западной и восточной частями региона (т. е. на территории собственно Приильменья) «древнерусских» городищ с лепной керамикой VIII—X вв. и выявление в этой же зоне пока единичных грунтовых могильников с трупоположениями XI — середины XII в. указывают на то, что незаселенный «коридор» «между древними этнокультурными массивами превращается в структурообразующую, центральную часть Новгородской земли IX—XV вв.». Городища с лепной керамикой в нижних слоях, а тем более грунтовые могильники с трупоположениями, изучены крайне слабо и, на наш взгляд, не могут пока использоваться даже в качестве косвенных аргументов для широких исторических построений.

Несомненный интерес представляет заключительный раздел статьи Г. С. Лебедева. Автор подчеркивает, что одним из основных факторов этнокультурной интеграции (коренного финского населения) на Северо-Западе явилось славянское расселение и при помощи топонимических данных определяет не только «ядро племенного княжения» словен новгородских, но и направления последующего роста раннегосударственной территории.

Предудущей работе созвучна статья В. А. Булкина, где скрупулезно, с привлечением исчерпывающего археологического материала, показывается основанная на древних этнокультурных различиях пространственно-административная градация Днепро-Двинского междуречья в эпоху раннего средневековья.

Статья В. С. Суворова посвящена вопросам классификации городищ Калининградской области, что не совсем соответствует названию статьи — «К проблеме классификации городищ Восточной Прибалтики» — и общей тематике сборника. Автор приводит признаки укрепленных поселений и данные их классификации, выделенные Ф. Балодисом, Х. Моора, А. Стубавсом. Вслед за Э. Холлаком, Г. Кроме и Ф. Д. Гуревич В. С. Суворов анализирует городища пруссов и принимает принцип технологической (на основе анализа оборонительных сооружений) классификации А. Стубавса, совмещая ее со схемой Ф. Д. Гуревич. Сам принцип классификации А. Стубавса (выделение типов городищ по коэффициенту соотношения главной оборонительной линии и периметра верхней оборонительной системы) на данном этапе исследования к городищам Калининградской области не применим. Такие вполне конкретные параметры, как длина вала, не выяснимы на поврежденных в ходе войны и в основном заросших подлеском городищах пруссов, и без раскопок использование этого принципа классификации невозможно. Так, в тип 1 класса I, по В. С. Суворову (с[illegible]), вошли как городище железного века «Пионерский», укрепленное одним слабо читающимся валом, так и городище XI—XV вв.,

укрепленное двумя валами, мощным рвом и имеющее ограниченный валом форбург. Подобная классификация городищ пруссов усложняет и искажает реальное положение вещей, не внося в решение этой проблемы после работ Ф. Д. Гуревич ничего нового. Кроме того, отсутствие каталога городищ в исследовании подобного рода сводит на нет попытки автора придать своей классификации объективный вид.

В статье С. Н. Орлова «Памятники раннего железного века на территории Новгородской области» приводится суммарная характеристика ряда памятников — городищ и открытых поселений эпохи раннего железного века, на которых встречены фрагменты штрихованной или сетчатой керамики. Пространные описания культурных отложений отдельных памятников не дают оснований для заключительного вывода автора: «Анализ археологических находок из... поселений эпохи раннего железного века... позволяет разделить их на две группы — западную и восточную».

Е. Н. Носов в статье «Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв.», при помощи тщательного источниковедческого анализа, используя обширный археологический материал, довольно успешно решает проблему соотношения поселенческого ядра славян Приильменья и полиэтничного торгово-ремесленного поселения в Ладоге. Приводя различные точки зрения предыдущих исследователей на характер этого поселения, Е. Н. Носов показывает, что Ладогу «можно считать скандинавским форпостом на северной окраине славянского мира». Автор раскрывает динамику развития поселенческого ядра славян в истоках Волхова, рост его значения как «политического, социально-экономического и культурного центра»; убедительно показана преемственность цитадели Новгорода относительно Рюрикова городища, первого укрепленного пункта в истоках Волхова. Анализ археологического материала приводит автора к ряду существенных выводов: 1) материальная культура поселений Волхова и Поозерья конца I тыс. н. э. едина, в ней прослеживается преемственность развития в IX—X вв., что в свою очередь свидетельствует о стабильности населения региона; 2) это население было славянским, а рассматриваемый район являлся центром их расселения на территории складывающейся Новгородской земли; 3) несколько обособленное место занимает район Старой Ладоги — низовьев Волхова, оторванный от основного славянского ядра населения [1]; 4) сходство лепной керамики нижних горизонтов Старой Ладоги, грунтовых могильников в низовьях Волхова, сопок, круглых низких полусферических курганов с сожжениями и поселений Поволховья и Поозерья свидетельствует, по мнению Е. Н. Носова, о том, что все эти памятники «были оставлены двумя отличными группировками славянского населения с различными историческими судьбами» [2].

Приводимые автором аргументы не дают, однако, ответа на многие существенные вопросы. 1. Если принимать утверждение о единстве материальной культуры поселений верховьев Волхова и Поозерья и стабильности населения в конце I тыс. н. э., то чем объяснить столь значительный типологический разброс погребальных памятников: сопки, круглые полусферические курганы с сожжениями, грунтовые могильники? 2. Почему сходство (кстати, еще далеко не подкрепленное достаточным количеством археологического материала) лепной керамики из различных типологически разнородных памятников позволяет интерпретировать эту керамику (и соответственно население, оставившее эти памятники) как славянскую? 3. Чем объяснить полное отсутствие как в Приильменье, так и в окрестностях Старой Ладоги финно-угорского этнического компонента, т. е. именно того компонента, который, как это можно считать установленным, являлся автохтонным в Северо-Западном регионе? 4. Как и чем объясняется наличие ярко выраженных прибалтийско-финских черт в инвентаре погребальных памятников более позднего времени (XI—XIV вв.)?

А. А. Александров в статье «О дьяковских грузиках» привел новые аргументы в пользу гипотезы П. Н. Третьякова об использовании этих предметов вместе с миниатюрными сосудиками в качестве светильников.

Статья И. В. Дубова и В. Н. Седых посвящена вопросам хронологии и атрибуции глиняных дисков, ареал которых захватывает и Новгородчину. Авторы рассмат-

[1] Рассмотрев весь круг дискуссионных вопросов, связанных с археологией Старой Ладоги и ее окрестностей, Е. Н. Носов исключает наличие значительного прибалтийско-финского компонента в составе ее полиэтнического населения.

[2] Ср. вывод Г. С. Лебедева в статье этого же сборника: также две группы, но не славяне, а финны.

ривают диски как грузила к вертикальному ткацкому станку, использовавшемуся смешанным населением Северо-Западной Руси в IX—X вв. Несомненной заслугой авторов является уточнение датировки этих предметов и хронологических рамок их бытования.

Ю. М. Лесман в статье «Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации)» рассматривает материалы раскопок могильников Северо-Восточного Причудья и констатирует самостоятельный, независимый от Новгорода путь развития материальной культуры сельского населения Новгородчины. Хронологическая таблица новгородских находок по категориям и типам отличается от предлагавшихся ранее более четкой корректировкой и дробностью датировок.

Статья В. Я. Конецкого «Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли» представляет собой как бы резюме изысканий автора в этом направлении. Кратким историографическим экскурсом автор вводит читателя в круг проблем и гипотез, связанных с этим типом памятников, затем дает сжатую характеристику всех известных на сегодняшний день грунтовых могильников (девять). Вполне логична попытка автора объяснить малое количество памятников воздействием различных, преимущественно антропогенных факторов. Важным в построениях В. Я. Конецкого является установление непосредственной связи между сопками и грунтовыми могильниками. Это еще одна попытка построить единую линию этнокультурного развития в регионе и закрыть лакуну между памятниками второй половины I тыс. н. э. и древнерусского времени. Однако наряду с тезисом Спицина—Рериха (о прямом переходе от сопок к жальникам) и гипотезой Лебедева — Рябинина (о том, что переходным звеном служат так называемые «каменные круги») эта попытка также не получила достаточного обоснования. Сам факт нахождения всех (или почти всех) грунтовых могильников вблизи сопок говорит лишь о том, что и те и другие располагались в местах, топографически удобных для захоронений. Если они и связаны между собой, то, вероятно, только на уровне легенд и преданий. Абсурдно утверждение автора об «отсутствии хронологического разрыва между этими типами памятников», базирующееся фактически лишь на единичных спорных примерах из повторных раскопок сопок вблизи Старой Ладоги (с. 165, 166). В связи с этим неубедителен и один из основных выводов автора: «...грунтовые могильники... представляют собой единый пласт древностей, вырастающий из памятников предшествующей эпохи на данной территории» (с. 168).

Несомненный интерес представляют наблюдения автора о взаимоотношении между грунтовыми могильниками и жальниками, распространенными в пределах практически одной территории и на раннем этапе абсолютно синхронных. Подчеркивая, что населению, оставившему грунтовые могильники, не чужда традиция использования камня в погребальных сооружениях, В. Я. Конецкий приходит к выводу, что различия между ними «определяются прежде всего внешними условиями», и присоединяется, таким образом, к сторонникам гипотезы о наличии прямой преемственности между сопками и жальниками. Шаткость подобной аргументации тем более очевидна, что далеко идущие выводы автора строятся на крайне малопредставительном материале и позволяют с таким же успехом рассматривать грунтовые могильники с трупоположениями как жальники с разрушенными каменными конструкциями.

Кроме того, нельзя забывать, что наиболее полно изученные на сегодняшний день грунтовые могильники расположены в непосредственной близости от крупных городских центров Северо-Запада — Новгорода и Старой Ладоги, влияние которых неизбежно должно было сказываться на памятниках округи.

Статья Н. И. Платоновой посвящена погостам и волостям, составляющим административную структуру северо-западных земель Великого Новгорода. Работа носит скорее историко-географический, чем археологический характер. Автор скрупулезно, тщательно и с глубоким знанием материала решает поставленные задачи. Пожалуй, преждевременны лишь попытки увязать территориально-административное деление Новгородской земли с «гнездами» археологических памятников второй половины — конца I тыс. н. э. Искусственное наложение карты административного деления — погостов и волостей — на археологические карты может привести к тому, что истоки позднесредневекового районирования мы будем искать в древностях каменного века. Нечто подобное, правда, на более широких территориях присутствует в работе Г. С. Лебедева в этом же сборнике.

Сборник завершает статья С. В. Белецкого, посвященная новгородско-псковским отношениям во второй половине XIII в., прежде всего в связи с личностью князя Довмонта-Тимофея. Автор широко использует летописные источники, свидетельства хроник и привлекает известные нам к настоящему времени немногочисленные реалии, связанные с этим князем.

Большая работа, проделанная автором по анализу сведений письменных источников, представляет Довмонта как яркую, сильную личность, игравшую активную роль в политических событиях своего времени. И в связи с этим обращает на себя внимание следующий факт: деятельность Довмонта, отраженная в летописях, распадается на два этапа. Первый продолжается с середины 60-х до середины 80-х годов. Князь постоянно ведет в эти годы крупную внешнеполитическую игру, участвуя и в литовских междоусобицах, и в борьбе за великокняжеский престол Литвы, и во всех событиях, связанных с соперничеством Дмитрия Переяславского и Андрея Городецкого. Второй этап — после Олешанской битвы 1285 г., когда имя Довмонта практически перестает фигурировать в письменных источниках, хотя он и продолжает оставаться на псковском княжеском престоле. Создается впечатление, что после 1285 г. Довмонт практически сходит с арены как политический деятель. В подобном контексте особое значение приобретает сообщение о том, что Довмонт погиб в битве под Олешней (с. 198). Это, как известно, не соответствует истине: князь скончался 20 мая 1299 г. в Пскове. Но иначе эти события (поход литвы на Полоцк и Олешанская битва) освещаются в других источниках. Так, в Московском летописном своде конца XV в. сообщается не о гибели, а о пленении Довмонта в битве под Олешней. Эта версия результатов битвы, к сожалению, осталась непрокомментированной. На наш взгляд, она заслуживает самого пристального внимания. Дело в том, что после событий 1285 г. Довмонт выступает уже в роли вассала Великого Новгорода. С. В. Белецкий пытается объяснить изменения тем, что после двух крупных военных поражений Довмонт—Тимофей посвятил себя в основном административной и созидательной деятельности в Пскове (с. 199). Подобная трактовка представляется несколько надуманной. Вряд ли столь честолюбивый и энергичный человек, как Довмонт, мог отказаться из-за двух военных поражений (даже учитывая, что они привели к потере его Полоцких владений) от внешнеполитических интриг. Если же версия пленения Довмонта в 1285 г. соответствует истине, то логичнее было бы предположить, что его освобождение из плена (неважно, каким путем) было обусловлено какими-то договорными обязательствами, поставившими князя в зависимость от Новгорода.

В целом все статьи рецензируемого сборника дают читателю возможность полнее ознакомиться с современным состоянием изучения памятников археологии и раннесредневековой истории Новгородской земли.

В. И. Кулаков, Г. Н. Пронин

Хроника

Н. Д. АРХИПОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Б. Э. ПЕТРИ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Бернгард Эдуардович Петри — один из выдающихся исследователей далекого прошлого Сибири [1]. Первую свою научную поездку в Прибайкалье он совершил совместно с В. А. Михайловым в 1912 г. Задачей поездки, организованной на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии [10], являлось антропологическое и этнографическое обследование бурятского народа. Но во время поездки производился поиск памятников археологии. Так были открыты и обследованы стоянки в местностях Уту-Елга, Обог и Тахарек. На двух первых памятниках проводились небольшие раскопки. Тогда же Б. Э. Петри обследовал оборонительные сооружения на р. Куде [11], произвел раскопки неолитического погребения на р. Ольхоне, в бухте Улан-Хада открыл и обследовал неолитическую стоянку. Эти работы стали первыми научными археологическими исследованиями в Прибайкалье.

В 1913 г. Б. Э. Петри проводит раскопки на поселении Улан-Хада. О результатах этих работ был сделан доклад на заседании Археологической комиссии [12], а в печати появилось несколько сообщений [10, 11, 13].

Уже во время камеральной обработки материалов раскопок Б. Э. Петри пришел к выводу, что памятник будет иметь большое значение «для классификации неолита Ангарского бассейна» [11, с. 95]. Основанием для такой уверенности исследователя являлось то, что Улан-Хаду он считал памятником с четкой стратиграфией, где все находки располагались «в строго хронологическом порядке» [14]. Верхний слой был признан близким к бронзовому веку, нижний слой из-за отсутствия в нем керамики был отнесен к «эпохе, переходной к неолиту» [15, с. 18].

В том же 1913 г. Б. Э. Петри продолжил раскопки на поселении Уту-Елга. Наиболее интересные материалы были получены при исследовании одной из землянок. Б. Э. Петри, удивленный высоким искусством выделки железных изделий обитателями стоянки, назвал их «курумчинскими кузнецами». На этом поселении он также собрал небольшую коллекцию «неолитических предметов» [11, с. 104].

Из других средневековых памятников, открытых в 1913 г., наибольшее внимание привлекают две пещерные стоянки между падями Баг-Орсо и Нугды на Ольхоне. Обе стоянки Б. Э. Петри отнес к «курумчинским кузнецам» [11, с. 98]. Тогда же были обследованы петроглифы в бухте Ая и на горе Орсо [11, с. 99].

В 1916 г. Российская Академия наук снарядила экспедицию для всестороннего исследования оз. Байкал. В программу работ экспедиции были включены и археологические исследования, проведение которых возлагалось на Б. Э. Петри. Вместе с М. П. Овчинниковым и И. И. Серебренниковым исследователь проводит раскопки на стоянках Межовка, Кузьмиха и Царь-Девица [16, с. 139]. Две первые стоянки дали неолитические и средневековые находки.

В бухте Песчаная, на северном побережье Байкала, Б. Э. Петри открыл три стоянки, одна из которых (№ 2) была подвергнута небольшим раскопкам. Вскрытие хозяйственных ям дало «много черепков, кремневых и нефритовых поделок» [16, с. 141]. В бухте «Бабушка» также была открыта неолитическая стоянка. Б. Э. Петри эстампировал петроглифы бухты Ая и открыл новые на горе Сахюртэ, на которых им замечены «рисунки — лоси, олени-изюбри, лошади, стрелки из лука и символические знаки» [16, с. 141].

В долине р. Кутул проводились раскопки двух пещер, открытых в 1913 г., и шатровой могилы (Эмель-Кутул). Как пещеры, так и могила дали остатки, типичные для культуры «курумчинских кузнецов». Тогда же был снят эстампаж с писаниц на горе Орсо.

Таким образом, уже в дореволюционное время полевые исследования Б. Э. Петри (наряду с открытиями И. Д. Черского, М. П. Овчинникова, Н. И. Витковского) заложили основу крупных успехов прибайкальской археологии, достигнутых в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции.

Бурные революционные события 1917 г. застали Б. Э. Петри в Иркутске. Связанный с этим городом семейными узами, он навсегда поселяется здесь. Когда Б. Э. Петри предложили занять вакансию профессора в открытом в 1918 г. Иркутском университете, он дал свое согласие.

[1] Краткие сведения о деятельности Б. Э. Петри имеются в ряде работ [1—9].

Прежде всего Б. Э. Петри создает при историко-филологическом факультете кафедру истории первобытной культуры с кабинетом археологии и этнографии. Однако исследователь справедливо считал, что для изучения исторического прошлого Восточной Сибири этого недостаточно. В 1919 г. он организует студенческий научный кружок «народоведения», объединивший энтузиастов археологии [2].

Занятия членов кружка носили не только теоретический, но в первую очередь практический характер. Вместе с Б. Э. Петри кружковцы совершали разведочные поездки, во время которых они приобретали навыки ведения раскопок, знакомились с этнографией края [17, с. 4]. Для привлечения молодежи к активным научным изысканиям Б. Э. Петри выпустил в эти годы краткие справочные пособия, в которых сформулировал принципы и задачи музейного дела и краеведения [18—21]. Аналогичные работы издали и участники краеведческого кружка [22—24]. На протяжении нескольких лет Б. Э. Петри и его ученики приводили в порядок большие археологические коллекции в музее университета; для этой работы была организована специальная музейная группа внутри студенческого научного кружка.

Тогда же Б. Э. Петри возглавил археологическую комиссию и этнологическую секцию Научного комитета университета. В это время он был здесь единственным археологом-профессионалом, имевшим серьезную теоретическую подготовку и обладавшим талантом организатора. Фактически Б. Э. Петри встал во главе всех научно-исследовательских работ по археологии Прибайкалья [25, 26].

На период с 1918 по 1936 г. приходятся основные полевые археологические исследования Б. Э. Петри. В 1919 г. на раскопки стоянки в бухте Песчаная отпустило средства среднесибирское отделение Института исследования Сибири [27]. Среди неолитического инвентаря с сетчатой керамикой в верхнем слое стоянки был найден бронзовый нож. Стоянки со смешанным культурным слоем исследованы в бухтах Колокольня, Сенная и Бабушка [28]. В последнем пункте зафиксировано наличие «курумчинского» культурного слоя [28, с. 60]. В результате обследования стоянок Межовка и Кузьмиха был установлен их неолитический возраст [29, с. 36].

Подводя итоги результатам работ 1919 г. на Байкале, Б. Э. Петри вновь подчеркнул исключительное место Улан-Хады в периодизации каменного века Прибайкалья [28, с. 63]. Признаками, сближающими отдельные этапы каменного века Сибири и Западной Европы, Б. Э. Петри признавал шлифованные орудия, наконечники стрел и керамику.

Особое место в работах Б. Э. Петри занимают раскопки на Верхоленской горе. Первые разведочные работы на памятнике Б. Э. Петри (совместно с М. П. Овчинниковым) производил еще в 1918 г. Необходимость продолжить изыскания была совершенно очевидной.

По настоянию Б. Э. Петри, Иркутский университет выделил средства на исследования памятника. В 1920 г. раскопки на Верхоленской горе доставили наиболее выразительный и многочисленный материал. Это дало возможность Б. Э. Петри предварительно отнести стоянку к эпохе мадлена [28, с. 59—61; 30, с. 13] [3]. К палеолиту были отнесены также материалы сборов М. П. Овчинникова в предместьях Иркутска (рабочий дом, Глазково).

В 1921 г. Б. Э. Петри возглавил работы этнологической экспедиции Иркутского университета, участники которой, Г. П. Сосновский и П. П. Хороших, обследовали балаганские пески в нижнем течении р. Унги [32].

В 1924 г. Б. Э. Петри вел раскопки стоянки в урочище «Царь-Девица» на Ангаре [33—35]. Здесь были открыты два горизонта культурных отложений, верхний из которых содержал находки, относящиеся к эпохе позднего неолита. Характеризуя нижний слой стоянки, Б. Э. Петри писал: «Здесь содержится весьма богатая культура типичного неолита, но без керамики и шлифованных орудий. Эта культура для меня тем интересна, что она точно совпадает с культурой XI слоя Улан-Хада и блестяще подтверждает существование докерамической неолитической стадии, аналогичной стадии маглемозе» [33, с. 12, 13]. К отличительным чертам ранненеолитического комплекса «Царь-Девицы» и XI слоя Улан-Хады Б. Э. Петри добавил отсутствие наконечников стрел. Лук, следовательно, констатировал Б. Э. Петри, появляется только в среднем неолите.

Спустя год Б. Э. Петри и Г. П. Сосновский заложили три разведочных раскопа на стоянке Кайская гора (Переселенческий пункт) [36]. Среди фауны, определенной В. И. Громовым (мамонт, лошадь, лось, северный олень и др.), была найдена кость, украшенная гравированным орнаментом. Решающим для того, чтобы датировать эту стоянку более ранним временем, чем Верхоленская гора, по мнению Б. Э. Петри, явились находки мамонтовой фауны совместно с орудиями труда архаического облика [31, с. 4].

---

[2] И кафедра, и кружок сыграли большую роль в археологическом исследовании Сибири. В кружке в свое время занимались такие в будущем крупные ученые, как М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, А. П. Окладников, Г. П. Сосновский. Наиболее активными помощниками Б. Э. Петри в это время были Я. Н. Ходукин и Г. В. Ксенофонтов.

[3] В результате регулярных раскопок Б. Э. Петри на Верхоленской горе к 1927 г. было вскрыто 153 м² площади и получено 4029 предметов и выразительная фауна, представленная шерстистым носорогом, гигантским оленем, джигетаем, лошадью, зубром, лосем, благородным оленем, алтайским диким бараном, волком и северным оленем [31, с. 1—5].

К 1926 г. относятся исследования неолитической стоянки в окрестностях с. Большие Коты [37, 38]. Полученный материал состоял из разнообразного кремневого инвентаря, сетчатой, шнуровой и штампованной керамики. В 1927 г. Б. Э. Петри открыл стоянки в местности Долон-Туру и Жам-Булук в долине р. Оки [39]. Новые неолитические стоянки были открыты им в местности Коты и на о. Кочерга. Кроме того, было раскопано разрушенное захоронение на мысе Нуган около улуса Хабаркуты. В 1928 г. проводились раскопки на Верхоленской горе [40].

Полевые изыскания 1934 г. Б. Э. Петри совершил в составе Ангарской экспедиции. Экспедицию возглавлял Г. П. Сосновский. Б. Э. Петри являлся начальником верхнеангарского отряда. В течение 20 дней он обследовал северный берег Байкала от с. Лиственничного и долину р. Иркута, до ее устья [41]. Большинство открытых в это время стоянок относится к эпохе неолита.

Последние полевые изыскания Б. Э. Петри состоялись в 1936 г. В этом году была раскопана стоянка Коты на Байкале [42]. Обследование стоянок у мыса Сибирякова, в пади Большая Сенная, на западном берегу Соснового острова, на западном берегу Нижнего Лесного острова, на островах Варакин, Кочерга, Коновалово и Леденчиха показало, что в культурном слое перечисленных памятников содержится неолитический инвентарь [42, с. 5—15]. На островах Сосновом, Коновалово и Осиновом, кроме того, были обнаружены комплексы находок «курумчинского» облика.

Большой интерес Б. Э. Петри вызвали материалы двух культурных горизонтов стоянки Рогатка. В верхнем горизонте вместе с шахматно-шашечной и гусенично-гребенчатой керамикой были найдены кусок бронзы или меди и зуб домашнего быка. Находка бронзового изделия, по мнению Б. Э. Петри, служила доказательством существования импорта таких предметов в Прибайкалье в позднем неолите [42, с. 10]. В нижнем докерамическом слое стоянки найдены каменные орудия архаического облика. Б. Э. Петри считал их комплексом докерамического неолита Прибайкалья, синхронного маглемозе Западной Европы. Раньше к этой стадии он отнес XI слой Улан-Хады и нижний горизонт «Царь-Девицы». «Рогатка является,— писал Б. Э. Петри,— первой пока для Прибайкалья стоянкой, где устанавливает in situ эта переходная от палеолита к неолиту стадия» [42, с. 10]. Таким образом, Б. Э. Петри впервые привел доказательства существования в каменном веке Прибайкалья особой мезолитической стадии. Он также собрал подъемный материал на стоянке Бозой в долине р. Куды. На основании этого материала он считал стоянку «старше Верхоленской горы», но «моложе Мальты» [43, 44].

В то время, когда археология Сибири делала только свои первые шаги, было оправдано типологическое сравнение археологических материалов Сибири с инвентарем синхронных памятников Западной Европы. Дело коренным образом изменилось к началу 30-х годов, когда на Енисее были открыты и раскопаны верхнепалеолитические стоянки с четкой стратиграфией. Назрела необходимость выработать собственную хронологию. В 1923 г. эту задачу отчетливо сформулировали Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский: «Более подробное изучение уже известных сибирских палеолитических стоянок,— писали они,— выяснение условий геологического залегания находок и сравнительный анализ орудий позволит в ближайшее время создать собственную сибирскую классификацию и этим освободиться от французской, для Сибири малопригодной» [45, с. 214]. В условиях нового веяния в изучении палеолита Сибири вышла в свет сводная работа Б. Э. Петри по этой культурно-исторической эпохе [46]. В этой работе приведены все данные, накопленные в области изучения палеолита Западной и Восточной Сибири. Основное внимание автора было обращено на определение места Верхоленской горы среди других памятников верхнего палеолита Сибири.

В 1926 г. появилась обобщающая работа Б. Э. Петри по неолиту Сибири [27]. Исследователь территориально подразделил сибирский неолит на пять провинций: Байкальскую (Селенга, Ангара и Верхняя Лена), Енисейскую (Енисей), Амурскую (Амур и Камчатская обл.), Северо-Западную (Обь и Иртыш) и Юго-Западную (бывш. Семипалатинская, Акмолинская и Тургайская области). В таблице «Опыт классификации века камня в Сибири» было сделано сопоставление культурных комплексов разных этапов каменного века Сибири с европейскими.

В работах Б. Э. Петри нашла отражение слабая изученность бронзового века Прибайкалья [17, 27, 30, 47, 48]. В распоряжении археологов этой области тогда имелась серия случайных находок бронзовых орудий, типологически близких к минусинским. Исходя из этого, Б. Э. Петри не допускал возможности того, что в Прибайкалье мог существовать самостоятельный центр бронзовой металлургии. Он считал северной границей распространения культур бронзового века Сибири и вообще Центральной Азии северные лесные районы.

После революции Б. Э. Петри проделал большую работу по осмыслению культурно-хронологического и исторического места выделенной им еще до революции «курумчинской культуры» [17, 47, 48]. Он очертил ареал ее распространения, охватывающий верховья Лены и Ангары, долины рек Куды и Мурина, низовье Селенги, Верхнеудинский уезд и почти все побережье Байкала. Потомками «курумчинских кузнецов», по мнению Б. Э. Петри, являются якуты[4]. В качестве

[4] Концепция Б. Э. Петри о происхождении якутов от «курумчинских кузнецов» вызвала резкую критику Е. Д. Стрелова [49]. Он, в частности, подчеркнул, что при этнической интерпретации археологического комплекса нельзя ограничиваться

доказательства тюркоязычности носителей «курумчинской» культуры Б. Э. Петри использовал древние эпиграфические памятники — пряслица с тюркоязычными надписями на руноподобном орхоно-енисейском алфавите, случайно обнаруженные в Эхирит — Булагатском аймаке и у дер. Кунта [47, с. 28]. Эстампажи этих надписей исследователь послал финскому тюркологу К. Доннеру, который в 1931 г. в соавторстве с М. Рэзэненом опубликовал результаты их расшифровки [50]. Г. В. Ксенофонтов даже предполагал, что на пряслицах были нанесены якутские слова [51].

В 1926 г. в Иркутском университете закрылось историческое отделение и в связи с этим прекратилась деятельность кафедры истории первобытной культуры. Начиная с этого времени, все археологические работы велись по линии палеоэтнологической секции ВСОРГО и Иркутского музея [5]. Основанная Б. Э. Петри «иркутская археологическая школа» прекратила свое существование. Только в конце 1950-х годов она была возрождена учениками М. М. Герасимова и А. П. Окладникова — Г. И. Медведевым, М. П. Аксеновым и В. В. Свининым.

Некоторые выводы Б. Э. Петри были опровергнуты еще при жизни исследователя. Но в целом исторические взгляды исследователя послужили импульсом для продолжения начатых работ. И именно в этом основная заслуга Б. Э. Петри перед исторической наукой. Открыв перед исследователями неисчерпаемые возможности изучения археологических памятников Прибайкалья, он заложил основы их научного изучения, продолженное новыми поколениями специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хороших П. П.* Труды Б. Э. Петри по археологии Прибайкалья.— Красные зори, 1923, № 3.
2. Материалы для био-библиографического словаря восточно-сибирских этнографов. Иркутск, 1926.
3. *Матющенко В. И., Плетнева Л. М.* Сибирская археология за 50 лет Советской власти.— Тр. Том. ГУ. Сер. истор., 1969, т. 214, вып. 4.
4. *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. I. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1969.
5. *Асеев И. В.* К истории исследования археологических памятников Прибайкалья.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979.
6. *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974.
7. *Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980.
8. *Конопацкий А. К.* Древние культуры Байкала. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982.
9. *Архипов Н. Д.* История становления и развития археологической науки в Прибайкалье (XVIII в.— 1940 г.). Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1973.
10. *Михайлов В. А., Петри Б. Э.* Среди кудинских бурят.— Изв. Рус. комит. для изучения Средней и Восточной Азии, 1913, сер. II, № 2.
11. *Михайлов В. А., Петри Б. Э.* Вторая поездка в Предбайкалье.— Изв. Рус. комит. для изучения Средней и Восточной Азии в истор. лингв., археол. этногр. отношениях. Пг., 1914, сер. II, № 3.
12. ИАК, 1913, вып. 50.
13. ИАК, 1914, вып. 52.
14. *Петри Б. Э.* Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада.— СМАЭ, 1916, т. III.
15. *Петри Б. Э.* Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. императора Петра Великого. Пг., 1916.
16. *Петри Б. Э.* Отчет о командировке на Байкал для археологических разведок.— В кн.: Отчет о деятельности АН по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 г. Пг., 1916.
17. *Петри Б. Э.* Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. Изд. 2-е. Иркутск, 1928.

указанием типологического сходства отдельных групп предметов: для решения проблемы нужны погребальные и другие памятники, «отражающие верования, обычаи, обряды и т. п.» [49, с. 13].

[5] Б. Э. Петри продолжал археологические изыскания на свои личные средства. Уникальные археологические коллекции, собранные в годы хозяйственной разрухи в результате мужественных усилий многих исследователей, оказались без присмотра. Об их судьбе мы узнаем из письма Б. Э. Петри на имя и. о. председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова: «Когда я начал свозить коллекции к себе на квартиру, то нашел ящики, хранящиеся в Пушном институте, под открытым небом. Частью разбитыми. Многие вещи пропали... Не только оплата рабочих, но даже наем регистраторов шли на мои личные деньги» [52]. Очевидно, именно этим обстоятельством объясняется исчезновение почти целиком коллекции «курумчинских кузнецов», от которых сохранились жалкие остатки. В настоящее время они хранятся в Иркутском музее и в МАЭ.

18. *Петри Б. Э.* Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921.
19. *Петри Б. Э.* Задачи Этнологической секции Восточно-Сибирского отдела Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1923.
20. *Петри Б. Э.* Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск, 1923.
21. *Петри Б. Э.* Ближайшие задачи этнологии в Прибайкалье и Иркутский государственный университет.– Университетское слово, 1923, № 12–14..
22. *Сосновский Г. П., Ауэрбах Н. К.* Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск, 1925.
23. *Кунгуров Г. Ф.* Цели и задачи студенческого кружка краеведения.– Краеведение в Иркутской губернии. 1926, № 3.
24. *Хороших П. П.* Материалы к археологии Прибайкалья (Археологические экскурсии в окрестностях Иркутска). Иркутск, 1926.
25. Исследования в Сибири.– Наука и ее работники, 1922, № 324.
26. Этнологические исследования при Иркутском государственном университете за трехлетие 1919–1922 гг.– Наука и ее работники, 1922, № 5.
27. *Петри Б. Э.* Сибирский неолит.– ИБГНИИ при ГИУ, 1926, т. III, вып. 1.
28. *Петри Б. Э.* Неолитическая колония в бухте Песчаная на Байкале.— Сб. тр. проф. и преп. ГИУ. Вып. II. Отдел 1. Науки гуманитарные. Иркутск, 1921.
29. *Петри Б. Э.* Заметки об Ордынском озере.– Красные зори, 1930, № 1.
30. *Петри Б. Э.* Первые следы доисторического человека в Сибири.– Вестн. просвещения Министерства народного просвещения ДВР, 1922, вып. 2.
31. *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. Атлас. Вып. I. Ангарский палеолит. Иркутск, 1927.
32. *Сосновский Г. П.* К археологии Ангарского края (из предварительного отчета о поездке в Балаганский у. Иркутской губ.).– СЖС, 1923, вып. 1.
33. Письмо Б. Э. Петри к В. А. Городцову от 25 декабря 1924 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1924, ф. 2. оп. 1, № 114.
34. *Петри Б. Э.* Отчет о раскопке неолитической стоянки Царь-Девица на Ангаре в Иркутской губернии.– Архив ЛОИА АН СССР, 1925, ф. 2, оп. 1, № 136.
35. Новые находки профессора Б. Э. Петри.– Наука и техника, 1925, № 48.
36. *Герасимов М. М.* Палеолитические находки у Переселенческого пункта в Иркутске.– Краеведение в Иркутской губернии, 1926, № 3.
37. Деятельность БГИ в 1925–1926 гг.– ИБГНИИ при ГИУ, 1927, т. III, вып. 2.
38. *Петри Б. Э.* Опись предметов из раскопок неолитической стоянки Коты осенью 1926 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1926. ф. 2, № 138, л. 4, № 246, л. 7.
39. *Петри Б. Э.* Отчет о раскопках в Прибайкалье.– Архив ЛОИА АН СССР, 1927, ф. 2, оп. 2, № 141.
40. *Петри Б. Э.* Раскопки на Верхоленской горе. Переписка, протоколы заседаний палеоэтнологической секции ВСОРГО 1928 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1928, ф. 2, оп. 1, № 129, л. 36.
41. *Петри Б. Э.* Отчет Верхнеангарского отряда Ангарской экспедиции ГАИМК 1934 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1934, ф. 2, оп. 1, № 225.
42. *Петри Б. Э., Окладников А. П.* Отчеты по Ангарской экспедиции 1936 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1936, ф. 42, № 160.
43. *Петри Б. Э.* Краткий предварительный отчет о разведках палеолитической стоянки в вершине реки Куды (Лено-Ангарский водораздел) в улусе Бозой Эхирит-Булагатского аймака БМ АССР.– Архив ЛОИА АН СССР, 1936, ф. 2, оп. 1, № 263.
44. Amer. J. Archeol., 1938, v. XLII, № 1.
45. *Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П.* Древнейшие следы человека в Сибири.– Сибирские огни, 1923, № 5–6.
46. *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит.– Сб. тр. проф. и преп. ГИУ, 1923. вып. V.
47. *Петри Б. Э.* Далекое прошлое Бурятского края. 1-е изд. Иркутск, 1922.
48. *Петри Б. Э.* Доисторические кузнецы в Прибайкалье (К вопросу о доисторическом прошлом якутов). Чита, 1923.
49. *Стрелов Е. Д.* К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье»).– Сб. TOSK, 1926, вып. 3.
50. *Donner K., Räsänen M.* Zwei neue turkische Runeninschriften.– J. de la societe' Finno-ougrienne. Helsing-fors, 1931, LXV, 2.
51. *Ксенофонтов Г. В.* Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья М. Рэзэненом.— Язык и мышление, 1933, вып. 1.
52. Письмо Б. Э. Петри директору ГАИМК Ф. В. Кипарисову от 19 сентября 1934 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1934, ф. 2, оп. 1, № 225, л. 72.

ВТОРОЙ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ

(Ашхабад, 1984)

С 17 по 19 сентября 1984 г. в Ашхабаде проходил второй советско-индийский симпозиум по проблемам археологии[1]. Тема симпозиума — «Раннежелезный век Средней Азии и Индии» определялась в первую очередь значением раннего железного века как эпохи крупного технико-технологического переворота в средствах производства и как периода становления древней государственности. Полевые и теоретические исследования в этом направлении интенсивно развиваются и в советской, и в индийской археологической науке[2].

Советскую делегацию на симпозиуме возглавлял зам. директора Института археологии АН СССР проф. Р. М. Мунчаев. В состав делегации вошли представители Института археологии АН СССР, Института востоковедения АН СССР (Москва — Ленинград), Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (Москва), Института археологии АН УзССР (Самарканд), Института искусствознания АН УзССР и Среднеазиатского гос. университета (Ташкент), Института истории АН ТаджССР (Душанбе), Туркменского гос. университета, Туркменского гос. медицинского института, Министерства культуры ТССР, Института истории АН ТССР (Ашхабад), Кемеровского гос. университета (Кемерово).

В составе индийской делегации были семь специалистов, представлявших ведущие археологические учреждения Индии. Делегацию возглавлял проф. Н. Р. Банерджи (Бенаресский индуистский университет). На симпозиум прибыли также зам. генерального директора археологической службы Индии проф. К. Н. Дикшит (Дели), директор Деккан колледжа проф. С. Б. Део (Пуна), проф. У. Н. Рой и д-р Р. К. Верма (Департамент археологии, древней истории и культуры Аллахабадского университета), проф. К. Т. Хегде (университет Бароды) и д-р Д. К. Чакраварти (Делийский университет).

Симпозиум открыл академик-секретарь Отделения общественных наук АН ТССР М. А. Аннанепесов. От имени народа Индии участников симпозиума приветствовал посол Республики Индия в Советском Союзе проф. Р. С. Хасан. Руководители делегаций профессора Р. М. Мунчаев и Н. Р. Банерджи в своих выступлениях остановились на предыстории советско-индийских научных связей и дальнейших перспективах сотрудничества исследователей двух стран в области археологии.

Индийская сторона представила на симпозиум тематически компактную группу докладов, характеризовавшихся высокой степенью обобщения и учетом новейших археологических данных в масштабах всего субконтинента. Археология в Индии стремительно развивается, и каждый год приносит новые открытия. Так, еще недавно господствовало мнение, что железо в Индии впервые появилось около 700 г. до н. э. Новейшие открытия, подытоженные в докладах Н. Р. Банерджи «Начало металлургии железа в Индии и ее воздействие на материальную культуру» и К. Н. Дикшита «Древность металлургии железа в Индии», опровергают традиционные представления. Следы металлургии железа обнаружены в последние годы в материалах различных культур. Наиболее ранние из находок относятся к 1300—1000 гг. до н. э.

Совершенствование и развитие металлургии железа было, однако, достаточно медленным процессом. Индийские коллеги выделяют ряд последовательных фаз, и лишь для последней из них (соотносимой с культурой северной чернолощеной керамики и раннеисторическим периодом) констатируется преимущественное использование железа при изготовлении оружия и орудий труда. На территории субконтинента выявлен ряд центров или зон, где металлургия железа зарождалась (по-видимому, независимо) и откуда она распространялась в соседние области.

К. Т. Хегде в докладе «Технология производства железа в древней Индии» детально проанализировал технологические аспекты раннего производства железа, рассматривая этот круг проблем на материалах недавних раскопок железоделательного центра в Дхатве (Гуджарат).

Основной вывод в докладе С. Б. Део «Железо и формирование государства» заключался в том, что развитие металлургии железа вызвало к 600 г. до н. э. коренные сдвиги в экономической базе древнеиндийского общества, повлекшие за собой соответствующие изменения и в социальной структуре (процессы классообразования и становления государственности). В противовес этой точке зрения Д. К. Чакраварти в докладе «Железо и урбанизация» утверждал, что массовое «промышленное» производство железа началось в Индии уже после сложения городских центров и государственных образований и, следовательно, развитие металлургии железа не играло в процессе урбанизации и формирования государства решающей роли. У. Н. Рой в докладе «Исторический фон железного века в Индии» дал полезную сводку упоминаний о железе и различных железных орудиях в санскритских письменных источниках. Р. К. Верма в докладе «Железо и военное дело в Индии» сопоставил археологически засвидетельствованные формы железно-

[1] Первый советско-индийский симпозиум по теме «Древние культуры Средней Азии и Индии» состоялся в Аллахабаде в 1982 г. [1]. Материалы этого симпозиума опубликованы [2].

[2] К началу симпозиума был выпущен сборник тезисов докладов советской делегации [3].

го оружия с описанием оружия в древнейших литературных памятниках Индии.

Доклады советских исследователей носили обобщающий характер. В. М. Массон в докладе «Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика» проследил основные этапы культурогенеза и зоны распространения культурных комплексов раннежелезного века Средней Азии (Гиркании, Маргианы, Парфии, Бактрии, Хорезма, самаркандского и бухарского Согда). На основании данных письменных источников он предложил этногенетическое объяснение трех этапов культурогенеза племен западно-иранской и восточно-иранской языковых групп. Археологические материалы убедительно показывают, что в первой трети I тыс. до н. э. на юге Средней Азии наблюдается система расселения оазисами, центрами которых являются крупные пункты с цитаделями — прообразы городов-государств. В VIII — первой половине VI в. до н. э. в оседлых оазисах уже шел процесс становления крупных социально-политических систем на базе оазисных городов-государств.

А. С. Сагдуллаев в докладе «Историко-культурное районирование Средней Азии эпохи раннего железа» проанализировал распространение и качественный состав археологических комплексов и показал, что в культурном районировании Средней Азии раннежелезного века нашли отражение как процессы формирования локальных керамических и строительно-архитектурных провинций, так и тесные культурные связи и контакты и повсеместное развитие поселений городского типа.

Т. К. Ходжайов в докладе «Антропология древнего населения Средней Азии (эпоха раннего железа и сакское время)» проследил распространение и взаимодействие трех основных антропологических типов Средней Азии эпохи раннего железа. Ареал распространения первого, долихо-мезокранного, европеоидного, средиземноморского типа охватывает южные области Средней Азии. Второй тип — мезокранный, европеоидный («андроновский») — локализуется в Южном Приаралье, Восточном Прикаспии, на Тянь-Шане и Алае. Третий тип — мезо-брахикранный, монголоидный — встречается в виде примеси на северо-западе, в центре и на востоке Средней Азии.

Н. Н. Негматов в докладе «Архаический Ходжент — Александрия Эсхата (К проблеме урбанизации Сырдарьинского бассейна)» проследил историю и возникновение Ходжента, основанного местным согдийско-уструшанским и фергано-сакским населением в VI—V вв. до н. э. Докладчик отождествил его с античной Александрией Эсхатой.

А. А. Аскаров в докладе «Культура и общество древней Бактрии в первой трети I тыс. до н. э.» подчеркнул местные истоки культуры Северной Бактрии эпохи раннего железа и проанализировал элементы дифференциации и урбанизации общества. Ю. А. Заднепровский в докладе «Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства» на основе выделения и анализа этапов развития культуры Ферганы предположил, что возникновение Даваньского государства относится к середине I тыс. до н. э. Оно просуществовало по крайней мере до III в. э. Начальный этап истории Даваньского государства совпадает с шурабашатской культурой, а само городище Шурабашат может быть отождествлено с городом Ю на востоке Давани.

Проблемам урбанизации отдельных крупных регионов были посвящены также доклады Р. Х. Сулейманова «Сложение и развитие городов Южного Согда», Ю. Ф. Бурякова и М. И. Филанович «Становление оседлой культуры и развитие процессов урбанизации в бассейне средней Сырдарьи».

В ряде докладов были представлены новые археологические материалы, полученные в результате раскопок поселений и городов железного века в Туркмении: В. Н. Пилипко — «Ранний железный век Северной Парфии», Х. Ю. Юсупов — «Ранний железный век Северной Туркмении», Э. А. Мурадова — «Юго-Западная Туркмения в эпоху раннего железа», О. Бабаков и Д. Худайбердыев — «Население эпохи раннего железа Южной Туркмении (по данным антропологии)». В докладе Н. М. Ермоловой «Палеозоологические данные о скотоводстве и охоте у древнего населения Туркмении в эпоху железа» было показано, что в эпоху железа местное население практически полностью перешло к занятию скотоводством. Доклад вызвал большой интерес методикой исследования, наглядностью и значимостью результатов.

Культуры, обрядовая практика и мифологические представления племен степной зоны («скифского мира») рассматривались в докладах О. В. Обельченко «Культура кочевников Средней Азии эпохи раннего железа» и А. И. Мартынова «Новые материалы ранних кочевников из Южной Сибири».

В ряде докладов советских исследователей рассматривались проблемы археологии и этнографии Индии. Г. Ф. Коробкова в докладе «Трассологическое изучение орудий труда древних культур Индии» суммировала результаты исследования коллекции кремневых орудий, предоставленных для изучения проф. Г. Р. Шармой. Орудия происходят из разных памятников эпохи верхнего палеолита и раннего мезолита. Проведенный анализ позволил проследить постепенную трансформацию древностей с присваивающей экономикой в новый тип хозяйства (охотничье-собирательское с земледельческим укладом). С. А. Маретина посвятила доклад «Особенности социальной стратификации и становление государства в изолированных районах» данным этнографии современных племен Индии. Удалось очертить типологическую модель процессов классообразования и становления государственности у групп населения, находящихся в условиях географической изоляции. Предложенная модель заинтересовала участников симпозиума своей практической

применимостью к процессам, протекавшим в эпоху раннего железа на территории Средней Азии.

Я. В. Васильков в докладе «К проблеме соотнесения сведений „Махабхараты" с данными археологии» утверждал, что с данными археологии необходимо сопоставлять не конкретные события, описанные в эпосе, а общую ситуацию культурного и политического противостояния, отраженную эпическим произведением.

Взаимодействие древнеиндийской и среднеазиатской культурных традиций проиллюстрировал материалами новейших раскопок Б. А. Тургунов в докладе «Новый буддийский храм на Дальверзин-тепе». Конкретному аспекту торговых связей между Средней Азией и Индией был посвящен доклад А. Абдуразакова «Элементы связей древней Индии и Средней Азии по данным химического анализа археологических стекол».

По прочитанным докладам развернулась дискуссия. Участвовавшие в обмене мнениями Ю. А. Заднепровский, О. Лоллекова, Л. А. Лелеков и Н. Н. Негматов пришли к общему заключению, что представленные на симпозиум доклады дают полное представление о современном состоянии разработки проблем археологии и истории раннежелезного века Средней Азии и Индии. Н. Р. Банерджи подчеркнул, что симпозиум прошел на самом высоком научном уровне. Он позволил индийским исследователям подробно познакомиться и с археологическими исследованиями Средней Азии, и с гостеприимной землей Туркменистана. От имени индийской делегации Н. Р. Банерджи еще раз подтвердил необходимость расширять непосредственные контакты между учеными двух стран.

По окончании симпозиума индийская делегация посетила Ташкент, Ленинград и Москву. В Ленинграде индийские гости подробно ознакомились с деятельностью ЛОИА АН СССР и ЛОИВ АН СССР, а на специальном научном заседании Н. Р. Банерджи ознакомил ученых Ленинграда с организацией музейного дела в Индии, а К. Н. Дикшит — со структурой и системой работы Археологической службы в Индии. В Москве индийская делегация была принята директором Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаковым. Состоялось обсуждение перспектив дальнейшего советско-индийского сотрудничества в области археологии.

Я. В. Васильков, Л. Б. Кирчо

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мунчаев Р. М., Массон В. М.* Первый советско-индийский семинар по археологии Средней Азии и Индии.— СА. 1984, № 1.
2. Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984.
3. Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад: Ылым, 1984.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УССР (Киев, 1984)

С 11 по 13 апреля 1984 г. в Киеве была проведена XIX республиканская археологическая конференция, посвященная 50-летию образования Института археологии АН УССР. В работе конференции приняли участие делегации Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Сибирского отделения АН СССР, Казанского филиала АН СССР, а также представители археологических учреждений Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Киргизии, Латвии, Молдавии и Узбекистана. На заседаниях присутствовали представители государственных университетов Ленинграда, Киева, Воронежа, Челябинска, Харькова, Днепропетровска, Донецка, Львова, Запорожья, а также Уральского и Чечено-Ингушского университетов, специалисты из Государственного Исторического музея СССР, Государственного исторического музея УССР, Одесского археологического музея АН УССР, Ялтинского краеведческого музея, Херсонского историко-археологического заповедника, архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей», Музея истории г. Киева, Музея исторических драгоценностей УССР, Археологического музея АН УССР, Министерства культуры УССР, Украинского республиканского общества охраны памятников истории и культуры, Института истории АН УССР, Института философии АН УССР, Института общественных наук АН УССР (Львов).

Конференцию открыл акад. АН УССР И. И. Луконов. От имени Президиума Верховного Совета УССР он вручил Институту археологии АН УССР Почетную грамоту, поздравил коллектив института с полувековым юбилеем и пожелал дальнейших успехов в изучении древнейшего прошлого нашей Родины.

На конференции состоялись четыре пленарных заседания, на которых было прочитано 14 докладов.

В докладе директора института И. И. Артеменко «Институт археологии АН УССР за 50 лет» подведены итоги полувекового развития археологии на Украи-

не. По численности и объему научно-исследовательских работ Институт археологии АН УССР ныне является вторым в стране (после Института археологии АН СССР). В настоящее время в составе института насчитывается 12 научных отделов и 4 сектора, в которых работают 135 научных сотрудников. Среди них 15 докторов и 65 кандидатов наук, 2 члена-корреспондента АН УССР. Институт выполняет большой объем охранных археологических исследований на новостройках республики. В результате этих исследований получены массовые материалы по древней истории Украины, позволяющие перейти на качественно новый уровень источниковедческого анализа и социально-исторических реконструкций. Найдены уникальные шедевры древнего искусства, прежде всего скифо-античного, вошедшие в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

На основе анализа и обобщения археологических источников выполнены фундаментальные историко-археологические разработки. За 50 лет существования институтом изданы: «Археологія» (46 томов), «Археологічні пам''ятки УРСР» (13 томов), «Краткие сообщения Института археологии АН УССР» (12 томов), «Нумизматика и сфрагистика» (5 выпусков), «Археологічні дослідження на Україні» (4 вышуска). Кроме того, опубликовано 163 монографии и 152 сборника статей по важнейшим проблемам археологической науки.

Широкое признание научной общественности в нашей стране и за рубежом получили обобщающие коллективные монографические исследования: «Нариси стародавньої історії Української РСР», первая в советской историографии фундаментальная коллективная трехтомная работа «Археологія Української РСР», удостоенная в 1977 г. Государственной премии Украинской ССР в области науки и техники, первая книга первого тома восьмитомной «Історії Української РСР», удостоенная в 1980 г. Государственной премии Украинской ССР в области науки и техники, первый том десятитомной «Истории Украинской ССР», первый том трехтомной «Истории Киева».

Высокую научную оценку получило исследование С. А. Высоцкого «Средневековые надписи Софии Киевской», отмеченное в 1983 г. премией АН УССР им. Д. З. Мануильского.

За цикл работ по археологии и истории древнего Киева и археологические исследования на его территории, раскрывающие на новом уровне вопросы исторического развития города, большая группа ученых удостоена Государственной премии Украинской ССР в области науки и техники за 1983 г.

Особое внимание в докладе И. И. Артеменко было уделено конкретным задачам, намеченным институтом, по повышению идейно-теоретического уровня научных исследований, широкому развертыванию теоретико-методологических исследований, изучению социально-исторических закономерностей истории древних обществ, созданию «Древней истории УССР».

В докладе В. Ф. Генинга «Актуальные проблемы современного этапа развития археологического знания» на основе марксистско-ленинской теории познания и положений, разработанных в науковедении, рассмотрена история развития археологического знания. Дана периодизация этого развития, охарактеризован каждый из этапов, намечены перспективы дальнейшего развития советской археологии. Особенностью современного уровня развития археологического знания В. Ф. Генинг считает сосуществование в науке двух подходов: культурологического, сформировавшегося в буржуазной археологии, и социологического, начало которому было положено в оживленных дискуссиях советской археологии 30-х годов. В настоящее время археология переживает новый этап, когда актуальной задачей развития науки стало не только широкое внедрение социологической проблематики, но и разработка ее теоретико-методологических оснований.

Доклад Д. Я. Телегина и Ю. Г. Колосова «Некоторые итоги и задачи изучения каменного века на Украине» посвящен достижениям в изучении каменного века Украины. Обнаружены и подвергнуты раскопкам сотни новых памятников эпохи палеолита, мезолита и неолита. Достигнуты важные результаты в разработке культурно-территориального членения древностей каменного века, в области усовершенствования методики археологических исследований, ставились и решались вопросы социального устройства и духовной культуры общества каменного века.

В докладе В. М. Массона «Раннеземледельческая эпоха и исторический прогресс» значительное место уделено выявлению роли Древнего Востока в экономическом, социальном и культурном развитии древних народов Старого Света. На большом сравнительном материале показано значение «неолитической революции» и тех прогрессивных изменений, которые повлек за собой переход к производящему хозяйству. Подробно рассмотрены культурные изменения, явившиеся следствием этого процесса.

В докладе С. С. Березанской «Основные результаты изучения эпохи энеолита — бронзы на Украине за 50 лет» подведены итоги систематического изучения эпохи бронзы на Украине, начавшегося с создания Института археологии АН УССР. За прошедшие десятилетия важные результаты получены по основным направлениям в изучении древностей эпохи энеолита и бронзы: хронология, этническая принадлежность населения, материальная и духовная культура племен. Основной вклад археологов института в изучение этногенетических проблем состоит в установлении единой и непрерывной цепи развития культур, что дает основание предполагать и этническую непрерывность. Комплексное использование данных археологии и лингвистики позволило С. С. Березанской утверждать, что в эпоху энео-

лита — бронзы территория УССР была занята тремя крупными этническими массивами: праславянским, праугрофиннским и индоевропейским.

В докладе Е. В. Черненко «Скифо-сарматская археология на Украине» основное внимание было уделено исследованиям памятников предскифской поры, локальных вариантов культур скифского времени, а также итогам работ в зонах строительства оросительных систем и других новостроек. Докладчик затронул вопросы общественного строя скифов, религии, военного дела, производства, истории и этнографии скифских племен. В докладе подведены также некоторые итоги исследования памятников сарматского времени.

Б. А. Шрамко в докладе «Итоги исследования Бельского городища» познакомил участников конференции с результатами изучения крупнейшего в Восточной Европе центра VII—III вв. до н. э., расположенного на перекрестке сухопутных и водных торговых путей. Поселение возникло как центр союза двух племен. Сосредоточение большого населения и выгодное местоположение способствовали быстрому развитию ремесел и торговли, разрушению родоплеменной замкнутости и усилению дифференциации общества. Бельское городище было крупным политическим, экономическим и религиозным центром. Оно отождествляется с известным по письменным источникам городом Гелоном в стране будинов. Население вело оживленную торговлю не только внутреннюю, но и внешнюю, получая товары из различных центров Средиземноморья и Малой Азии. Хозяйство было разносторонним, но особенно важную роль играли ремесла. Мощные деревоземляные укрепления обеспечивали поселению надежную защиту.

Доклад В. Д. Барана «Основные проблемы и результаты изучения раннеславянских культур» посвящен результатам археологических исследований в последние десятилетия раннеславянских памятников. Археологами получены новые материалы, позволившие решить проблему сложения раннеславянских культур. Установлено, что они возникают во второй половине V в. на территории между верховьем Десны, Сейма и Верхнего Днестра на основании интеграции элементов киевской и, частично, черняховской культур. Славянское общество в период V—VII вв. находилось на этапе перехода от общинно-соседской к соседской общине. Появляются укрепленные городища — общинные и племенные центры славян. Эти важные выводы вошли в коллективную монографию «Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э.».

В докладе А. П. Моции и Р. В. Терпиловского «Социально-экономическое развитие славянских культур I тыс. н. э. юга Восточной Европы. К постановке проблемы» сделана попытка выделения основных этапов развития славянского общества на материалах археологических культур I тыс. н. э. в южной части Восточной Европы. Анализировались материалы поселений, генетически связанных между собой зарубинецкой, киевской и раннесредневековых славянских культур. В качестве основного критерия использованы изменения в планировке и размерах поселений данных культур. Анализ плановой структуры раскопанных широкой площадью памятников позволил выделить в славянском обществе I тыс. н. э. ранний и поздний этапы первобытной соседской общины и соседской общины эпохи классового общества. Анализ планировки черняховских поселений показал неравномерность социально-экономического развития черняховских племен. Судя по всему, славянский компонент черняховской историко-культурной общности был мало втянут в провинциально-римскую орбиту, что и облегчило его консолидацию с соседней киевской культурой в середине I тыс. н. э., сохранившей свою самобытность на протяжении второй четверти I тыс. н. э.

В докладе П. П. Толочко «Основные достижения и перспективы древнерусской археологии Украины» рассмотрены проблемы социально-исторического и культурного развития Киевской Руси, в решении которых активно участвует археология. К числу важнейших задач относятся: изучение древнерусского города, причем не только как средоточия высших духовных и материальных ценностей общества, но и как главной его социально-экономической структуры, определившей характер и темпы государственного развития, а также исследование истории и культуры соседних с Русью народов (протоболгар, печенегов, тюрков, половцев). П. П. Толочко особо остановился на проблеме соотношения конкретно-исторических и общеисторических исследований. Он подчеркивал настоятельную необходимость расширения целенаправленных и систематических раскопок всех категорий археологических памятников, широкого внедрения методов точных и естественных наук при сохранении ведущей роли собственно археологической методики.

Доклад И. К. Свешникова «Раскопки в Звенигороде в 1982—1983 гг.» был посвящен археологическим исследованиям в Звенигороде. Залегание культурного слоя в торфе обусловило хорошую сохранность изделий из органических материалов, что позволило реконструировать многие элементы материальной культуры обитателей. Удалось установить наличие двух горизонтов застройки города, датированных с помощью радиоуглеродного метода 1110 и 1137 гг.

В докладе С. Н. Бибикова «Археология Крыма на современном этапе» подведены итоги деятельности Отдела археологии Крыма, проводимой по трем основным направлениям: изучение памятников античного времени, средневековья, а также памятников в зоне новостроек. Ведущее место в работе античников занимают исследования в Херсонесе Таврическом. Крымские мидиевисты достигли больших успехов в изучении салтово-маяцкой проблематики, истории и культуры древних болгар в Крыму, процесса оседания кочевников. Большие успехи достигнуты в изучении средневековых городов (Судак, Мангуп, Эски Кермен, Кафа). Ра-

бота отдела характеристика совершенствованием типологостатистических методов обработки материалов, палеоэкономическими разработками, решаются вопросы экологии и демографии древнего населения.

Доклад Н. Л. Грач «Открытие нового исторического источника в Нимфее» посвящен находкам фрагментированной полихромной штукатурки, обнаруженной при раскопках в 1982 г. в постройке эллинистического слоя боспорского города Нимфея. На ней открыты многочисленные изображения парусных кораблей, среди которых главное место занимает военное судно — триера. Ближайшие соответствия ей имеются в Египте. Это обстоятельство придает находке особое звучание в решении давно дискутируемой в науке проблемы боспоро-египетских отношений и тесно связанного с ней вопроса об экономическом состоянии Боспорского государства в первой половине III в. до н. э.

В докладе В. В. Отрощенко и О. Г. Шапошниковой «Исследования Института археологии АН УССР на новостройках Украины» освещена история раскопок археологов республики на новостройках — от стройплощадки Днепрогэса до трассы газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Особое внимание докладчики обратили на организацию охранных исследований в пределах республики, требующую дальнейшего совершенствования. Были затронуты также вопросы совершенствования методики раскопок памятников археологии в зонах новостроек и отмечено, что растущий объем исследований способствует развитию полевой методики и археологии Украины. Основное место в докладе отведено результатам раскопок на новостройках и значению полученных в результате работ материалов для изучения древнейшей истории Украинской ССР.

XIX республиканская археологическая конференция, посвященная 50-летию образования Института археологии АН УССР, явилась смотром достижений института. Работа конференции убедительно продемонстрировала успехи украинских археологов в решении важных проблем древнейшего прошлого юго-запада Восточной Европы.

На конференции были не только подведены итоги развития археологической науки в УССР, но также сформулированы новые задачи, которые необходимо решить в будущем. Особое значение приобретает разработка теоретико-методологических вопросов археологии, повышение роли социально-исторических исследований, широкое внедрение методов точных и естественных наук в археологию, координация охранных археологических исследований в зонах новостроек УССР.

Л. Л. Зализняк, М. А. Шульженко

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА АМБРОЗА

Советская археологическая наука понесла тяжелую утрату. 12 августа 1985 г. после продолжительной болезни скончался Анатолий Константинович Амброз, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук, крупнейший специалист по раннесредневековой археологии Евразии.

Трудно поверить в эту безвременную смерть, трудно представить себе заседание сектора славяно-русской археологии без этого вдумчивого и благожелательно настроенного слушателя. Редкостной была доброта и отзывчивость Анатолия Константиновича в оказании помощи товарищам по работе, которые постоянно пользовались его консультациями.

А. К. Амброз родился 25 июня 1929 г. в г. Томске. Отец его был преподавателем Томского университета, мать — врачом. В 1947 г. Анатолий Константинович окончил школу в г. Брянске и поступил на заочное отделение истфака МГУ, работая одновременно (до 1951 г.) учителем в средней школе. В 1951 г. А. К. Амброз был переведен на дневное отделение исторического факультета, а в 1954 г. с отличием окончил университет по кафедре археологии. Уже в те годы А. К. Амброз проявил себя как один из наиболее ярких студентов, способных к большой самостоятельной научной работе. Он сразу же был рекомендован в аспирантуру Института археологии АН СССР, а после ее завершения в 1957 г. принят в институт на должность младшего научного сотрудника.

В течение нескольких полевых сезонов А. К. Амброз проводил значительные полевые работы на археологических памятниках Верхнего Подесенья IV в. до н. э.— II в. н. э. Раскопки и разведки на нескольких синхронных памятниках этого региона дали ему возможность убедительно выделить новую культуру I—II вв., получившую название «почепской», а блестящий стратиграфический анализ культурного слоя Полужского городища позволил сделать признанные всеми археологами выводы об истоках этой культуры.

Исследование древностей конца I тыс. до н. э.— начала нашей эры привели А. К. Амброза к необходимости заняться самой неразработанной (весьма произвольно датируемой) категорией предметов — фибулами.

Открытие новой культуры, ее интерпретация, трудоемкость и массовость материала (фибул), который необходимо было превратить в основной датирующий источник изучаемой эпохи, на несколько лет задержали защиту диссертации. Труд о фибулах был закончен и защищен в качестве кандидатской диссертации только в 1964 г., а в 1966 г. опубликован в серии САИ: «Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э.». В нем обобщены обширнейшие музейные материалы. Пользуясь строгой современной методикой, автор создал детально обоснованную типологию, проследил эволюцию фибул и затем убедительно датировал их. Несмотря на отдельные уточнения, внесенные в предложенную Анатолием Кон-

стантиновичем хронологию, в целом работа не устарела за прошедшие после ее выхода в свет 20 лет и, очевидно, еще долго будет служить настольной книгой специалистам, занимающимся периодом, охваченным исследованием А. К. Амброза.

Работая над хронологией «досредневековых» древностей, он постоянно сталкивался с фактом практически полной хронологической неурядицы следующего — раннесредневекового периода. Это обстоятельство явилось, очевидно, основным стимулом для рождения идеи создания «сквозной» хронологии раннесредневековых древностей Восточной Европы, к которой он приступил сразу же после защиты кандидатской диссертации.

Только при необычайной трудоспособности Анатолия Константиновича, при его энциклопедических знаниях, тщательности и фундаментальности в обработке источников и литературы возможно было выполнить эту, казалось бы, непосильную для одного исследователя задачу. Тем не менее уже через 7 лет — в 1971 г. в журнале «Советская археология» вышла в свет его монографическая статья «Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы». Эта поистине новаторская работа, отличающаяся четкостью и новизной методических построений и выводов, вызвала самый живой отклик среди археологов разных направлений и специальностей. С автором соглашались и дискутировали, отрицали правильность новых дат и предложенной методики или наоборот — восторженно принимали их, находя многочисленные подтверждения в своем материале. Обсуждение работы А. К. Амброза проходило и на страницах печати, и на конференциях, и просто в стихийно возникавших диспутах. Спорить с А. К. Амброзом было трудно, поскольку его аргументы опирались на проверенные десятками и сотнями аналогий факты.

Статья А. К. Амброза подняла исследование древностей I тыс. н. э. на новую высоту. Широкое обсуждение статьи, высокая требовательность заставили ее автора еще раз пересмотреть и усовершенствовать свою аргументацию. Только через 3 года А. К. Амброз позволил рекомендовать написанную им монографию «Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.» для защиты в качестве докторской диссертации, которую и защитил в 1974 г. Но даже после обсуждения работы на самом высшем профессиональном уровне, он продолжал совершенствовать монографию, не желая преждевременно (по его мнению) издавать ее (сейчас книга готовится к публикации).

Те же повышенные требования Анатолий Константинович предъявлял и к другим исследованиям. Каждую статью он многократно переписывал, добавляя в нее все новые соображения, доказательства и факты. Рисунки к своим работам он всегда делал сам, компануя и филигранно отделывая великолепные насыщенные материалом таблицы. Этой повышенной тщательностью исполнения объясняется сравнительно небольшое количество опубликованных им статей. Однако каждая из них являлась определенной вехой, событием в процессе познания исторической наукой эпохи раннего средневековья Евразии, привлекающей к себе самое пристальное внимание как советских, так и зарубежных специалстов. Его самоконтроль и ответственность были настолько значительны, что даже свои письма-консультации коллегам и ученикам он писал как небольшие статейки-исследования по частным вопросам (с полным научным аппаратом и аргументацией).

Столь же непримиримо к небрежности и невежеству, столь же требовательно Анатолий Константинович относился и к чужим трудам. Он вел огромную самоотверженную работу по рецензированию и редактированию статей, сборников, монографий, кандидатских и докторских диссертаций. Как правило, несмотря на бескомпромиссность в науке, А. К. Амброз был крайне доброжелательным рецензентом. Свои замечания он предпочитал передавать авторам на отдельных листах и убеждал их в ошибках и неправоте, в необходимости внести в работы исправления. Поэтому отзывы его обычно бывали положительными, причем с непременным пожеланием скорейшей публикации.

Много времени уделял А. К. Амброз и своим ученикам, работая с ними над их темами скорее как товарищ, а не наставник, требующий от аспиранта только скорейшего окончания диссертации. Для него всегда были важны поиски истины и приближение к ней, и этого же он ждал от учеников и младших коллег.

Следует сказать, что, несмотря на непрерывную собственную исследовательскую работу, у него хватало времени и на увлечения, которые, как правило, также становились у него предметом пристального научного интереса. Результатом такого «увлечения» явилась, например, прекрасная статья о геометрической символике первобытных земледельцев и истоках русского народного орнамента. В последнее десятилетие он постоянно в редкие свободные часы занимался историей архитектуры Средней Азии и Закавказья, древними культурами Китая и Японии. Для А. К. Амброза было характерно пристальное внимание к, казалось бы, несущественным деталям, редкостное «умение видеть», и это способствовало обоснованности его наблюдений и выводов. Именно поэтому с его меткими замечаниями считались специалисты.

Всю свою жизнь А. К. Амброз посвятил высокому служению науке, и она одарила его редким счастьем познания связи и взаимосвязи вещей, явлений, исторических событий и путей развития. Он был, несомненно, счастливым человеком и поэтому так легко, свободно и щедро делился своими знаниями с окружающими его людьми.

А. К. Амброза отличали высокая требовательность к себе, вечная неудовлетворенность достигнутым, повышенное чувство ответственности за порученное дело,

большая личная скромность. В памяти его современников он останется образцом исследователя, работавшего с полной самоотдачей, нередко во вред своему здоровью. Светлая память об этом благородном, обаятельном и отзывчивом человеке навсегда останется со всеми, кто его знал.

В. П. Даркевич, С. А. Плетнева

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. К. АМБРОЗА

1. Алишер Навои (к 500-летию со дня рождения).– Брянский рабочий, 1948, 15 мая.
2. Ценная книга по истории нашей Родины.– Брянский рабочий, 1949, 14 июня.
3. На Крутой горе у Полужья. Заметки археолога.– Брянский рабочий, 1958, 31 августа.
4. 1800 лет назад у Синькова.– Брянский рабочий, 1959, 21 января.
5. Фибулы зарубинецкой культуры.– МИА, 1959, № 70, с. 184–190.
6. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра.– САИ, 1962, вып. Д1-12 (совместно с коллективом авторов).
7. Обсуждение доклада В. В. Седова.– КСИА, 1962, вып. 90, с. 23–24.
8. Сектор славяно-русской археологии в 1960 г.– Там же, с. 5–9.
9. Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1961 г.— КСИА, 1963, вып. 96, с. 120–123.
10. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.– СА, 1964, № 1, с. 56–71.
11. Сектор славяно-русской археологии в 1962 г.– КСИА, 1964, вып. 99, с. 111–116.
12. Экономические связи и передвижения народов на юге Европейской части СССР в I до н. э.– IV в. н. э. (По археологическим данным). Автореф. канд. дис. М., 1964. 20 с.
13. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»).– СА, 1965, № 3, с. 14–27.
14. Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1963 г.– КСИА, 1965, вып. 104, с. 150–152.
15. Fibula.– Glossazium archeologiczny. W-wa, 1965, fasc. 24–26.
16. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н. э.– IV в. н. э.– САИ, 1966, вып. Д1-30. 112 с.
17. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа.– СА, 1966, № 1, с. 61–76.
18. Рец.: *Werner J.* Katalog der Sammlung Diergardt. (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). B. 1. Die Fibeln. B., 1961.– СА, 1966, № 4, с. 211–214.
19. Работа сектора славяно-русской археологии в 1964 и 1965 гг.– КСИА, 1967, вып. 110, с. 136–140.
20. Деталь восточнобалтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР.– В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968, с. 13–16.
21. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.).– КСИА, 1968, вып. 113, с. 10–23.
22. Фибулы из раскопок Танаиса.– В кн.: Античные древности Подонья – Приазовья (МИА № 154). М.: Наука, 1969, с. 248–272.
23. Fibeln aus dem Süden des europäischen Teils der UdSSR vom 2. Jahrhundert v. u. Z. bis zum 4. Jahrhundert u. Z.– Bibliotheca Classica Orientalis, B., 1969, Jg. 14, H. 4.
24. Рец.: *Hachmann R., Kossack G., Kuhn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster, 1962. 144 S.– СА, 1969, № 4, с. 266–272.
25. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в.— В кн.: Древние славяне и их соседи. (МИА № 176). М.: Наука, 1970, с. 70–74.
26. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.– СА, 1971, № 2, с. 96–123.
27. Проблемы раннесредневековой (археологической) хронологии Восточной Европы. II.– СА, 1971, № 3, с. 106–134.
28. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.).– СА, 1973, № 4, с. 81–98.
29. Рец.: *Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W.* Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.– СА, 1973, № 2, с. 288–298 (совместно с Ковалевской В. Б., Красновым Ю. А.).
30. Рец.: *Salamon A., Erdélyi I.* Das volkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest, 1971.– СА, 1973, № 4, с. 289–294.
31. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв. Автореф. докт. дис. М., 1974. 50 с.
32. Рец.: *Hachmann R.* Die Goten und Skandinavien. B., 1970. 584 S.— СА, 1974, № 3, с. 274–278.

33. О дате могильника в Верхнем Чирюрте (по материалам раскопок 1956–1957 гг.).– В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1975, с. 94–96.
34. Предисловие к книге: *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975, с. 3–6.
35. Рец.: *Faider-Feytmans G.* Les nécropoles mérovingiennes, 1. Texte, 2. Planches. Kortrijk, 1970.– СА, 1975, № 2, с. 296–300.
36. Длинные дома Полужского городища IV–III вв. до н. э.– В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978, с. 30–40.
37. К статье А. В. Дмитриева.– СА, 1979, № 4, с. 229–231.
38. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв.– В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980, с. 3—56.
39. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288).– СА, 1980, № 3, с. 247–262 (совместно с Веймарн Е. В.).
40. Рец.: *Bierbrauer V.* Die Ostgotieschen Grab- und Schatzfunde in Italien.– Biblioteca degli «Studi medievali». VII. Centro Italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1975.– СА, 1980, № 1, с. 321–326.
41. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981, с. 10–23.
42. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации.– В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. М.: Наука, 1982, с. 204–222.
43. О двупластинчатых фибулах с накладками – аналогии к статье А. В. Дмитриева «Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо».– В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков.– Там же, с. 107–121.
44. Введение.– Там же, с. 3–5 (совместно с Эрдели И.).
45. О месте Преградненской и Галайтинской находок среди раннесредневековых древностей.– В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1982, с. 56–58.
46. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.).– СА, 1985, № 3, с. 293–303.
47. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах.– СА, 1986, № 3 (в печати).
48. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах.– СА, 1986, № 4 (в печати).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АИУ – Археологические исследования на Украине
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВГПИ – Воронежский гос. педагогический институт
ВДИ – Вестник древней истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК – Гос. академия истории материальной культуры. Москва – Ленинград
ГБЛ – Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Москва
ГИМ – Гос. Исторический музей. Москва
ГЭ – Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЗНА – Закавказская научная ассоциация
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК – Известия Гос. Российской Археологической комиссии. СПб.
ИБГНИИ при ГИУ – Известия биолого-географического научно-исследовательского института при Гос. Иркутском университете.
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КГПИ – Куйбышевский гос. педагогический институт
КИЧП – Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИ СССР – Ленинградское отделение Института истории СССР
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. Москва
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. Ленинград
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва – Ленинград
МИС – Материалы по изучению Сибири. Новосибирск
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МЭ – Материалы по этнографии (Географическое общество СССР). Ленинград
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК – Отчет археологической комиссии
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности АН СССР
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология
САГУ – Среднеазиатский гос. университет им. В. И. Ленина. Ташкент
САИ – Свод археологических источников. Москва – Ленинград
СамГУ – Самаркандский гос. университет им. Алишера Навои
Сб. TOSK — Сборник трудов исследовательского общества «Saqa Keskile». Якутск
СЖС – Сибирская живая старина. Иркутск
СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Москва – Ленинград
СЭ – Советская этнография. Москва
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Москва – Ленинград
ТОКМ – Томский обл. краеведческий музей
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ХАЭ – Херсонесская археологическая экспедиция
ХДУ – Харківський держ. університет
ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. Грозный
ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт АН ГрузССР. Цхинвали
AM – Arheologia Moldovei. Bucureşti
ESA – Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
INQUA – Internationale Quaternaire Association
MASI – Memoirs of the Archaeological Survey of India
MMAI – Mission archéologique en Iran. Mémoires... Paris
NAR – Norwegian Archaeological Review. Oslo
SM – Suomen Museo. Vammala
SMYA – Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki